

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

РУССКОГО БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ГРАНАТ.

СЕДЬМОЕ ИЗДАНИЕ
до 33-го тома под редакцией

проф. Ю. С. Гамбарова, проф. В. Я. Железнова, проф. М. М. Ковалевского, проф. С. А. Муромцева и проф. К. А. Тимирязева.

Том тридцать шестой—часть V.

Россия
(продолжение).

Lexicographis secundus post Herculem labor.
(Скалигер).

2007044796

36-37568

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА

Столб.

Россия—история (продолжение)	1
IX. Иностранная политика Р. в XIX в. и в начале XX в.— проф. Е. В. Тарле	1
X. Войны Р. в XIX в.—Е. И. Мартынова	36
XI. Финансовая политика Р.—проф. В. Н. Твердохле- бова	118
XII. Революционное движение в Р. до возникновения со- циал-демократии (1820—1883)—Б. И. Горева	185
XIII. Кризис пореформенной империи. Правительственная политика (1881—1901)—проф. Б. И. Сыромятни- кова	230
XIV. Русско-японская война (1904—1905 гг.)—Е. И. Мар- тынова	312
XV. Революционное движение в Р. от зарождения социал- демократии до первой революции включительно (1883—1907)—Б. И. Горева	362
XVI. Господствующие классы и правительственная поли- тика в годы революции (1902—1907) проф. Б. И. Сыромятникова	419
XVII. Главнейшие моменты развития уголовного права и суда в дореволюционной Р.—проф. П. И. Люб- линского	530
1. Уголовное право	530
2. Судоустройство и судопроизводство	573
3. Преступность и уголовная статистика	628
XVIII. Гражданское и торговое законодательство в Р. в XIX в. и в начале XX в.—проф. В. Н. Шретера	659

О П Е Ч А Т К И

Сто . б.	Строка	Напечатано	Следует
240	17 св.	XXXV, 504	XXV, 564
308	2 сн.	тулон-кронштадтские	кронштадт-тулонские
308	1 сн.	1891	1891 и 1898

ТОМ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ—ЧАСТЬ V

Россия

(продолжение)

РОССИЯ

(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

IX. Иностранная политика Р. в XIX в. и нач. XX в. При вступлении Александра I (см.) на престол иностранная политика Р. находилась в крайне сложном и запутанном положении. Уже больше года, как Павел из друга и союзника Англии и Австрии сделался их противником, из ярого врага Франции превратился в ее доброжелателя. Носились слухи о предстоящем тесном союзе между Павлом и первым консулом французской республики Бонапартом, о близкой войне Р. и Франции против Англии. Известно было, что Павел уже послал Платова с казачьим отрядом на разведки по направлению к Средней Азии. Бонапарт носился с планом вторжения в Индию русско-французских войск. А с другой стороны, Павел вовсе не покидал мысли о разделе Турции и присоединении обширных частей Оттоманской империи к Р. Растропчин писал ему в докладной записке, что греки сами захотят «подойти» под российский скипетр, — Павел же делал примечание на полях: «а можно и подвести». Английский посол в Петербурге Витворт, через своего друга, Ольгу Жеребцову (сестру опальных Зубовых), поддерживавший тайные связи с заговорщиками, ликовал, когда Павел был задушен. Смерть Павла вызвала в дворянстве бурное ликование не в малой степени именно потому, что

на предстоявший разрыв с Англией все, наживавшиеся от экспорта русского сырья, т.-е. прежде всего землевладельцы, смотрели как на бедствие и разорение. Все эти обстоятельства воцарения Александра уже сами по себе диктовали новому царю главную линию его внешней политики. От похода на Индию он сейчас же, конечно, отказался, и разведочному отряду велено было без всякого промедления вернуться; Англия получила успокоительные заверения, и 5 июня 1801 г. была подписана мирная конвенция с нею; дружеские отношения русского правительства к Бонапарту сменились официальной суховатою вежливостью; наметилось сближение с Пруссией и Австрией; французским эмигрантам, врагам первого консула Бонапарта, снова стало жить в Р. спокойнее, чем при Павле.

Но в эпоху Наполеона оставаться в стороне от разыгрывавшихся европейских событий было трудно (ср. XXXVI, ч. 4, 451/54). Требовалось волею или неволею занять определенную позицию. Еще в первые два года александровского царствования, совпавшие с временем краткого замирения Европы, с эпохой Люневильского мира Франция с Австрией (1801) и Амьенского мира Франция с Англией (1802), можно было лавировать, но с момента разрыва Амьенского мира (весною 1803 г.) и начала

новой упорнейшей борьбы Англии против Бонапарта — сохранять долго нейтралитет было затруднительно. Англия всеми мерами побуждала Александра к вступлению в новую коалицию против Франции. Австрия деятельно готовилась к борьбе, оправившись от поражения при Маренго и надеясь новою войною вернуть утраченное по Люневильскому миру. Дворянские круги вполне сочувствовали всякой помощи, оказываемой Англии против Франции. С другой стороны, и Наполеон все более и более бесцеремонно распоряжался в Европе и становился опасен в близком будущем. Обстоятельства, казалось, складывались для врагов Франции так благоприятно, как еще ни разу с самого начала революции. Александр уже с конца 1803 г. перестал бояться столкновения с Наполеоном. Дипломатические инциденты и мелкие обоюдные уколы все учащались. Наполеона раздражало гостеприимство, оказываемое в Р. французским эмигрантам. Александр поручил представительство в Париже старому графу Моркову (см. XXIII, 646), ненавидевшему Францию за революцию и очень преуменьшавшему французские силы. Морков делал все от него зависящее, чтобы ускорить разрыв. В марте 1804 г. Наполеон приказал схватить на чужой (баденской) территории герцога Энгийенского (см.), привести его в Венсенский замок и расстрелять меньше, чем в двадцать четыре часа. Александр протестовал очень решительно против этого нарушения в мирное время чужой территории. Наполеон приказал своему министру иностранных дел Талейрану ответить Александру в том смысле, что, мол, если бы, напр., Александр I проведя, что убийцы его отца Павла находятся где-нибудь на чужой территории и приказал бы там их схватить, то он, Наполеон, не стал бы проте-

ствовать против такого поступка. Этого издевательского намека на участие Александра в убийстве отца русский император никогда не забыл и не простил Наполеону. Отношения испортились вконец. Когда вскоре после расстрела герцога Энгийенского Наполеон короновался императорскою короною, то Александр не признал этого титула за французским монархом. Приготовления Наполеона к высадке в Англии, для чего им была собрана в городе Булони и окрестностях громадная армия, заставили Англию поспешить с окончательным оборудованием коалиции: Австрии и Р. были даны денежные субсидии, и сделаны были сначала из Лондона, потом из Петербурга шаги, чтобы привлечь к готовящемуся нападению на Наполеона также и Пруссию. Но Пруссия колебалась. Война началась осенью 1805 г., а Пруссия все еще не сказала ни да, ни нет и все еще металась между двух лагерей, то угрожая Наполеону, то лстя ему. Проездом в действующую армию, в октябре 1805 г. Александр разыграл сентиментальную сцену клятвы (над гробом короля Фридриха Великого) в вечной дружбе с королем Фридрихом-Вильгельмом III. Не весьма ясна была обстановка часть этого инцидента, если вспомнить, что Фридрих Великий долгие годы воевал с Р., наносил русским и сам испытывал от них жесточайшие поражения и именно русскими войсками был приведен в Семилетнюю войну на край гибели, от которой его избавила лишь смерть Елизаветы и внезапный выход Р. из коалиции. Одновременно с этим свиданием была, наконец, заключена конвенция, по которой Пруссия обязывалась выступить с ультиматумом против Наполеона. Но события разыгрались быстрее, чем можно было ждать. Наполеон взял в плен передовую австрийскую армию при Ульме (20 окт.

1805 г.), взял город Вену, бросился навстречу главным силам Австрии и Р., стоявшим в Моравии, и здесь 2 дек. 1805 г. при Аустерлице нанес австро-русской армии страшное поражение. Александр едва спасся от плена (см. XLV, ч. 1, 222/24). Немедленно после Аустерлица австрийский император явился к Наполеону, лично прося о мире. Одним из условий перемирия Наполеон поставил срочный уход (по назначенному им маршруту) из Австрии русских войск, уцелевших после Аустерлица. В Пресбургском мире, окончившем эту войну, Р. участия не принимала. Спустя несколько месяцев в Париже начались было неофициальные переговоры между Наполеоном и русским министерством иностранных дел, но обе стороны не имели искреннего желания мириться. Переговоры были прерваны, и когда в сентябре 1806 г. вспыхнула война между Наполеоном и Пруссией, то Александр решил снова попытать счастья. Русские войска вступили в пределы Пруссии в конце 1806 г., когда уже пруссаки были совершенно разгромлены, почти все королевство с крепостями занято Наполеоном и когда французы уже вошли в Варшавскую область (принадлежавшую тогда Пруссии). Битва между французами и русскими при Пултуске в дек. 1806 г. и страшное по кровопролитию побоище при Прейсиш-Эйлау (8 февр. 1807 г.) не получили решающего значения (ср. V, 351). Участь войны была решена лишь 14 июня 1807 г. разгромом русских войск под Фридрихсхандом. Сейчас же после Фридрихсханда начались мирные переговоры. Александр и не мог, и не желал продолжать войну. Наполеон тоже стремился покончить дальний, трудный и чреватый опасностями поход. При русском дворе вел. кн. Константин и много других лиц очень боялись продолжения несчастной войны, когда Наполеон стоял уже на Немане.

Через несколько же дней после битвы при Фридрихсханде состоялось в плоту посреди реки Немана, близ Тильзита, знаменитое личное свидание обоих императоров, при котором речь пошла уже не только о мире, но и о союзе. Так можно судить на основании последовавших немедленно дипломатических действий (при свидании кроме двух собеседников никого не было, и они никогда никому систематического изложения беседы не делали). Основы *Тильзитского мира* (ср. XLI, ч. 8, 71) заключались в том, что Александр признавал все перемены, произведенные Наполеоном в Европе, и все государства, которые он создал и до и во время тильзитских переговоров. Александр вступал в союз с Наполеоном, при чем обязывался немедленно порвать все сношения с Англией и принять континентальную блокаду, провозглашенную Наполеоном 21 ноября 1806 г. и воспрещавшую всякую торговлю с англичанами (см. XLV, ч. 1, 209/13). Наполеон с своей стороны не препятствовал Р. распространяться за счет Турции, хотя и не соглашался отдать Александру Константинополь. Белостокский округ, принадлежавший Пруссии, отходил к Р. Вообще, Наполеон манил Р. планами экспансии в Молдавию, Валахию, с одной стороны, и в Финляндии — с другой, себе же обеспечивал полное владычество на западе, в центре и на юге Европы. Казалось, франко-русский союз делается на долгие годы руководящею силою мировой политики. Но, в действительности, уже очень скоро стала обнаруживаться искусственность и непрочность всей этой тильзитской комбинации. В Р. и дворянство и прикосновенные к экспортной торговле купеческие круги смотрели на разрыв с Англией, как на истинное несчастье и гибель для вывозной торговли и для сбыта русского сырья

вообще (ср. XXXVI, ч. 4, 453/54). Рубль быстро пал в цене. Судостроение в Балтийском море стало невозможным. Война с турками, затеянная еще в 1806 г. (см. XXXVI, ч. 4, 54/56) и, казалось, долженствовавшая после Тильзитского договора продолжаться в самых выгодных для Р. условиях, затягивалась. Наполеон тайно благоприятствовал не Р., а Турции, и турки, чувствуя это, оказывались упорными и неуступчивыми. Правда, на другом конце Европы, в Финляндии, в 1808 г., казалось, французский союз дал Р. значительные территориальные приобретения: Наполеон, желая наказать Швецию за неисполнение условий континентальной блокады, побудил Александра объявить Швеции войну, результатом которой явилось присоединение Финляндии до р. Торнео к русским владениям (см. XXXVI, ч. 4, 56/58). Но и эта война не сделала франко-русский союз популярным в дворянских кругах. Когда в конце сентября 1808 г. Александр поехал по приглашению Наполеона на свидание с ним в Эрфурт, то многие, в том числе мать Александра императрица Мария Федоровна, протестовали против поездки и высказывали опасения, что Наполеон насильственно задержит Александра в Эрфурте, как он поступил в том же 1808 г. с испанской королевской семьей, приглашенной им в Байонну. Наполеону нужно было свидание в Эрфурте для демонстрации прочности франко-русского союза вследствие грандиозных австрийских военных приготовлений. Дело в том, что Австрия решила воспользоваться затруднительным положением, в которое попал Наполеон вследствие народной войны против французов в Испании. Готовилась новая война Австрии против Наполеона, на этот раз по инициативе Австрии. Но Наполеону не удалось, несмотря ни на какие уси-

лия, побудить Александра к деятельному участию в предстоящей войне. Во время эрфуртского свидания Талейран (см.), бывший министр Наполеона, вошел в тайные сношения с Александром, всячески отговаривая его от оказания помощи Наполеону. Александр, еще не разрывая союза, стал держаться выжидательной тактики. Он еще в Тильзите утешал прусского короля Фридриха-Вильгельма III и королеву Луизу, говоря о Наполеоне: «Подождите, он сломает себе шею». Измена Талейрана была симптомом, что могущество Наполеона покоится не на очень прочных основаниях. Когда в 1809 г. вспыхнула, наконец, война Австрии с Наполеоном (см. XLV, ч. 1, 225/26), Наполеон ничего не мог добиться от Александра, кроме посылки observationalного корпуса на австрийскую границу. Война оказалась тяжелой для обеих сторон. Конечная победа снова осталась за Наполеоном, но он уже не верил больше Александру и, когда заключал с Австрией мир, отторг в пользу Польши значительную австрийскую территорию, что очень раздражило и обеспокоило русскую дипломатию. Вообще, с этой поры Наполеон, несмотря на все свои прежние обещания, явно стремился использовать «польскую карту в игре» против Р. и создать сильную, вассальную по отношению к Франции, польскую державу на границе Р.

Тотчас после Шенбруннского мира 1809 г. с Австрией Наполеон начал бракоразводную процедуру с Жозефиной и дал знать Александру, что желает жениться на одной из его сестер. Брак этот не вышел из-за сопротивления Марии Федоровны. Наполеон женился на дочери австрийского императора, и охлаждение между двумя дворами крайне усилилось. Но, конечно, не в этом было дело. Континентальная блокада стала нарушаться в Р. все чаще и чаще.

Англичане под американским флагом и при содействии русских таможенных чиновников вели в Р. обширные торговые операции, и Наполеон все чаще и чаще жаловался на это Александру. В 1810 г. в Р. был издан новый торговый тариф, налагавший высокие торговые пошлины на товары, ввозимые из Франции. Тогда Наполеон начал готовиться к войне. Крайне усиливалась общая напряженность положения еще и тем, что Наполеон в 1810—1811 гг. принялся (под предлогом необходимости следить за осуществлением блокады) присоединять к Франции одно за другим приморские государства Германии. За присоединением ганзейских городов последовал ряд других аннексий. По поводу одной из них (касавшейся герцогства Ольденбургского) Александр даже формально протестовал. Дело явно шло к войне. Осенью 1811 г. Наполеон очень резко и угрожающе говорил публично с русским послом Куракиным. После этой беседы вся Европа ждала войны со дня на день. Война вспыхнула летом 1812 г. (см. II, 128/29, и ниже — *войны Р. в XIX в.*, стб. 36/76).

После того как войска Наполеона очистили русскую территорию, возник вопрос—продолжать ли войну. Кутузов, как известно, полагал, что делать это незачем. Александр был за продолжение войны. В 1813—1814 гг. вся активность русской дипломатии направлена была на достижение основной цели: низвержение Наполеона с французского престола. В этом русская дипломатия расходилась с австрийскою, которая в некоторые моменты войны склонна была мириться с императорскою Франциею. Но, с другой стороны, Александр довольно холодно относился и к реставрации Бурбонов. Повидимому, некоторое время он склонен был благоприятствовать возведению на престол сына Наполеона, маленького римского ко-

роля (см. *Наполеон II*). С воцарившимся королем Людовиком XVIII отношения у Александра были крайне холодные, особенно после *Венского конгресса* (см. XII, 148/52). На Венском конгрессе у Александра были две основные цели: 1) приобретение возможно большей части Польши (с Варшавою) и 2) усиление Пруссии путем включения в ее состав владений саксонского короля. Первая цель ему удалась, вторая не удалась. Французскому уполномоченному, князю Талейрану, удалось заключить (в январе 1815 г.) тайный договор между Францией, Англией и Австрией против Пруссии и Р. и воспрепятствовать проектированному Александром усилению Пруссии. Вообще, Александру, наиболее в тот момент могущественному монарху в Европе, пришлось испытать уже довольно подозрительное и настороженное отношение со стороны других держав, боявшихся русской гегемонии. После Венского конгресса начинается тот период деятельности русской дипломатии, который отмечен постоянным *вмешательством в европейские дела* с целью поддержки дворянско-феодальной, клерикальной и абсолютистской реакции против всяких конституционных поползновений со стороны либеральной буржуазии. Александр постоянно ездит на конгрессы и на свидания с иностранными монархами и министрами («кочующий деспот», как называл его в те годы молодой Пушкин), — и всегда его вмешательство, поддержанное всем престижем политической силы необъятной империи и ее громадной армии, идет на пользу реакционной силы правительств против «либералистов», как тогда называли идеологов буржуазного конституционализма. Австрийский канцлер Меттерних (см.), носившийся с планами круговой поруки всех монархов против мировой революции, очень искусно использовал

в этих целях тот самый «Священный союз» (см.), который в 1815 г. был заключен между Александром I, Францем I австрийским и Фридрихом-Вильгельмом III, королем прусским. «Истинно-христианская помощь», которую богобоязненные монархи обязывались оказывать друг другу, оказалась в реальности именно обещанием взаимной поддержки против революции, взаимною страховкою в точном смысле слова. Меттерних не любил и не уважал Александра, считал его фантазером, договор о Священном союзе называл «пустым и звучным» документом, но Александра I, в конце концов, использовал вполне и держал в руках очень крепко. И на Аахенском конгрессе 1818 г. (см. IV, 340), и на Тропшау-Лайбахском 1820—21 гг. (см. XII, ч. 9, 323/24, и XXVI, 383/84), и на Веронском 1822 г. (см. IX, 553/54) — Александр определенно поддерживал все реакционные мероприятия германских крупных и мелких державцев, направленные против прессы, против свободы университетского преподавания, против принципа научного исследования и философского анализа, разрушающего церковную религию. Всегда на этих конгрессах Александр отстаивал идею общеевропейской интервенции в помощь тому или иному монарху, которому приходится бороться против революции. Так, в 1821 г. поддержка (австрийскими войсками) была оказана неаполитанскому королю, а в 1823 г. (французскими войсками) — испанскому королю Фердинанду VII. Когда в 1820—21 гг. обострилось греческое движение против Турции, то Александр, окончательно напуганный искусственно раздутыми (Меттернихом) слухами о солдатском «бунте» против варварского поведения командира Семеновского полка Шварца (см. ниже, 186/87), всецело стал на точку зрения Меттерниха о сохранении всего существующего в Европе распорядка без малейших изменений. В помощи

греческим повстанцам, которые твердо рассчитывали на поддержку со стороны Александра I (см. *Испиланти*), было отказано, хотя при русском дворе не было по этому вопросу единодушия. Часть военных и штатских носителей идеи экспансии на Восток указывала на благоприятные для русских завоевательных перспектив условия, создаваемые греческим восстанием. Но греки были «бунтовщиками против законной власти турецкого султана» и как таковые были взяты под подозрение в качестве одного из отрядов мировой революционной гидры, борьбу с которой поставил своею целью Александр. Убийство студентом Зандом (см.) корреспондента и, как говорили, шпиона русского царя, писателя Коцебу, очень раздражило Александра и обострило и без того владевшие им реакционные настроения.

Когда в самые первые дни декабря 1825 г. в Вену пришла весть о смерти Александра в Таганроге, Меттерних с удовлетворением заметил: «В русской политике окончился роман, и начинается история». Он полагал, что с Николаем будет легче иметь дело, чем с его предшественником. Но на первых же порах обнаружилось, что именно в *восточном вопросе* русская дипломатия не пойдет за австрийскую. Дело в том, что с 1823 г. на всю мировую дипломатическую обстановку стал оказывать самое решительное влияние английский статс-секретарь по иностранным делам знаменитый Джордж Каннинг (см.), сменивший зарезавшегося лорда Кэстльри. Круто повернув руль британской политики, Каннинг стал систематически поддерживать как восставшие против Испании южно-американские колонии, так и восставшую против Турции Грецию, с прямою и нескрываемою целью включить эти освобождающиеся страны в орбиту английского торгового и промышленного капитала. Политически и идео-

логически это учитывалось главарями «Священного союза» как прямая поддержка революционеров всех стран против законных государей со стороны Великобритании. Особенно упорную оппозицию встретил Каннинг в деле поддержки греческих инсургентов. Меттерних решительно не желал раздробления Турции, Александр тоже был против поддержки греков. Но Каннинг шел напролом. Он вошел в официальные отношения с греческим инсurreкционным комитетом, организовал финансовую помощь востанию, благоприятствовал доставке оружия и, наконец, обратился к державам (прежде всего к Р.) с предложением помочь освобождению греков. Подразумевалась при этом и угроза: давалось понять, что и без помощи прочих держав Англия поможет грекам, но что уж тогда она возьмет себе обильную компенсацию за счет Турции; и Александр, чтобы оттянуть дело, решился на созыв в Петербурге (с начала 1825 г.) особой конференции по греческому вопросу. Конференция заседала без всяких результатов, когда Николай I сменил на русском престоле скончавшегося старшего брата. Первое движение Николая было, конечно, — решительное противодействие «революционным» тенденциям политики Каннинга, и он уже в конце декабря 1825 г. успел высказаться в этом смысле. Но та же угроза с английской стороны заставила его быть сговорчивее: если Англия все равно решила вмешаться в греческое дело, то выгоднее и безопаснее для Р., чтобы вмешалась не одна Англия, а и другие державы. Это было ясно тем более, что Франция с самого начала обнаруживала благоприятное отношение к домогательству Каннинга. Николай после нескольких месяцев колебания согласился. Наваринская битва (1827), где турецкая эскадра была истреблена соединенным англо-

франко-русским флотом, явилась прологом к русско-турецкой войне (см. ниже — *войны Р.*, 76/85) и к полному освобождению Греции.

Но началу русско-турецкой войны 1828—29 гг. предшествовали обстоятельства, которые выводили это событие далеко за круг тех интересов, какие связывались с освобождением Греции. С этой войною стоит в тесной связи предшествовавшее ей столкновение Р. с Персией, где впервые после наполеоновских войн произошла враждебная коллизия между русским торговым капиталом, устремлявшимся через Кавказ на Восток, и капиталом английским, решившим ни за что не уступать своих персидских позиций. Война с Персией, которая при Александре I продолжалась с 1804 по 1813 г. (см. XXIII, 37/38), т.-е. больше, чем война с турками (1806—1812), хоть персы и вели ее в тесном союзе с турками, не решила ни пограничных споров, ни основного вопроса о том, быть ли Персии самостоятельной страной или русским протекторатом. В новой войне, вспыхнувшей в 1826 г., персам тайно, но очень активно, помогала Англия, твердо решившаяся бороться и за персидский рынок, и за Персию, как оплот против дальнейшей русской экспансии по направлению к Персидскому заливу. Война была упорная и очень трудная. Персы сначала даже отняли у русских Елисаветполь. Только в окт. 1827 г., когда взята была Эривань и спустя несколько дней после этого занят был Тавриз, Персия запросила мира, который формально и был заключен в *Туркманчале* (10 февр. 1828 г.; см. XXIII, 38/39). Р. получила два ханства — эриванское и нахичеванское, и персы обязались уплатить 20 миллионов зол. рублей. Кроме того, был очень значительно облегчен импорт русских товаров в пределы Персии. Конечно, прочными эти «мирные» отношения

назвать было нельзя, и уже в 1828 и 1829 гг. англичанам удавалось неоднократно поддерживать и усиливать в персидском правительстве и народе дух сопротивления и помогать им (секретно) в стремлении уклониться от выполнения Туркманчайского договора. (Во время одной из таких вспышек анти-русского движения и был убит русский посланник, знаменитый поэт А. С. Грибоедов).

Но как только взятие Эривани решило исход войны, Николай стал готовиться к войне против Турции. При этом русская дипломатия стремилась избавиться от союзников (Франции и Англии), вместе с которыми она выступала до сих пор, вплоть до Наваринской битвы. Дело шло уже не об «освобождении» Греции, а о том, чтобы выкроить возможно больше из турецкой территории в пользу Р. При этих условиях дальнейшее участие Франции и Англии в войне могло только стеснить свободу дипломатических действий Р. после победы над Турцией. А что дело окончится победой и даже очень легкой, — в этом ни Николай, ни его генералы и его двор ничуть не сомневались. Даже высчитывали в точности, что война будет длиться 97 дней или немногим больше. 26 апреля 1828 г. был издан манифест об общеимперском рекрутском наборе, и началась война, тяжкая, разорительная, с многочисленными неудачами для русского оружия (см. ниже). Именно тогда в Западной Европе и удостоверились впервые, до какой степени Р. «колосс на глиняных ногах». Военные наблюдатели из Европы иной раз просто глазам своим не верили, наблюдая беспорядок, хаос, воровство в русской армии, полное отсутствие сколько-нибудь толковой военной подготовки, невозможного низкий уровень генералов, которые больше походили на фельдфебелей. Правда, после страшных потерь и долгих усилий, после полу-

тора лет военных действий победа была все же одержана, и 14 сент. 1829 г. турки подписали в Адрианопле мир с Р., но все-таки эти впечатления от войны 1828—29 гг. уже не забывались на Западе и сыграли свою роль, когда впоследствии, через двадцать пять лет, решался вопрос (после Синопа) о военном выступлении Англии и Франции против Николая I.

По *Адрианопольскому миру* Р. получила земли у устья Дуная, по левую сторону реки; в Азии — весь берег Черного моря от устья Кубани до поста св. Николая, а также проводилась новая граница между русским Кавказом и азиатскими владениями Турции, при чем Карс и Трапезунд оставались во власти турок. Русская торговля получала большие права и привилегии на всем протяжении Турецкой империи, свободное плавание через Босфор и Дарданеллы. Молдавия и Валахия должны были управляться господарем, назначаемым пожизненно властью турецкого султана, при чем ни одно лицо магометанской религии не имело права селиться ни в Молдавии, ни в Валахии. Война окончилась гораздо благополучнее, чем Николай мог рассчитывать. Еще в авг. 1829 г. положение армии Дибича было страшно опасным («если бы турки не были неслыханными быками и не имели бы совсем ложного представления о нашей силе»), представляет один непосредственный наблюдатель событий, русский офицер Панцер). Но как только мир был, наконец, заключен, царская дипломатия поставила пред собою новую цель или, вернее, принялась за новую тактику. Как раз перед подписанием мира Николай собрал чрезвычайный совет (в сент. 1829 г.), на котором присутствовали Кочубей, Голицын, Нессельроде, Петр Толстой, Чернышев и Дашков. На этом совете было принципиально и единогласно реше-

то, что отныне сохранение Турции для Р. выгоднее, чем ее раздел. Другими словами: решено было, сохраняя видимость самостоятельности Турецкой империи и ее султана, фактически прибрать к рукам Турцию, а султана превратить в вассала петербургского правительства. Этот метод был признан более целесообразным, чем новые войны с их всегда возможными дипломатическими осложнениями. Для русского торгового капитала представлялись отныне обширные перспективы; в Европе положение русской дипломатии укрепилось и благодаря Адрианопольскому миру, и благодаря быстро прогрессирувавшему франко-русскому сближению. Карл X и его министры, готовясь к завоеванию Алжира и к решительному сопротивлению со стороны Англии, искали себе союзника в лице Николая. С другой стороны, отношения с Пруссией не оставляли желать ничего лучшего. При этих условиях можно было не обращать внимания на холодность Австрии и глухую враждебность Англии.

Таково было положение, когда вдруг грянула июльская парижская революция 1830 г. — и Карл X, проиграв престол в трехдневной битве, навеки удалился в изгнание со всеми членами своей династии. Следует заметить, что Николай знал о безумных планах Поляняка и Карла X задолго до издания ими роковых для династии Бурбонов ординасов 25 июля 1830 г., — и он не одобрял затеваемой авантюры. Он даже предупреждал об этом графа Мортемара, французского посла в Петербурге. Но когда событие совершилось, когда почти одновременно в Петербург пришли вести об этой попытке Карла уничтожить конституционную хартию и о вызванной этим поступком июльской революции, о бегстве Карла X и внезапном воцарении Луи-Филиппа, «короля баррикад», — возмущение и

тревога царя не имели границ. Первым его движением было идти на Францию, вызвать против нее коалицию держав Священного союза, войти в Париж, низвергнуть «узурпатора» Луи-Филиппа и восстановить Бурбонов на французском престоле. Сгоряча он даже послал в Берлин ген. Дибича сговариваться с царским тестем, королем Фридрихом-Вильгельмом III, об общем походе на Париж. Но тотчас же обнаружилось, что об этом и речи быть не может. И Меттерних в Австрии, и Фридрих-Вильгельм III в Пруссии, и Англия, и все державы вообще, одна за другой и без промедлений признали нового французского короля. Нехотя должен был сделать это и Николай. Но он отныне всячески старался показать, что не приравнивает «узурпатора» Луи-Филиппа, принявшего корону из рук революции, к «настоящим» монархам «божиею милостью». Ему казалось, что, допустив Луи-Филиппа в свою среду, монархи унизили представляемый ими принцип и как бы пошли на компромисс с революцией. В течение всех 18 лет царствования Луи-Филиппа отношения между Францией и Р. оставались весьма натянутыми. Намечавшееся накануне июльской революции франко-русское сближение растаяло бесследно, как дым. Луи-Филипп боялся внешних войн, чувствовал себя (особенно первые 10 лет) непрочно на престоле, уступал, переносил молча многие дерзости и провокационные действия Николая. И это внушило Николаю илюзорное (и оказавшееся впоследствии столь для него губельным) убеждение в военной слабости французов и в возможности не принимать их в расчет при осуществлении намеченного плана: «мирного» захвата Турецкой империи в свои руки. Правда, поход в Париж стал окончательно несбыточной мечтой, когда в ноябре 1830 г. вспыхнуло в Варшаве восстание (см.

XXXVI, ч. 1, 645 сл.) и Николай до сент. 1831 г. никак не мог его усмирить; о войне с Францией нельзя было и думать, хотя во французской палате раздавались горячие речи в защиту Польши и сам король, при всей своей осторожности, ей сочувствовал. Но уже во всяком случае Николай, Нессельроде (см. XXIII, 646), Чернышев и другие русские дипломаты и руководящие военные люди отказывались верить, чтобы французы могли послать в Турцию армию и флот для противодействия русской политике. Что касается Австрии, то Николай слишком полагался на меттерниховское желание всегда сохранять мир с русским царем, главным оплотом против грозящих отовсюду происков мировой революции. Следовательно, остается одна Англия. Но с Англией можно будет сговориться.

Таковы были обстоятельства, когда Николай предпринял и осуществил заключение с Турцией нового договора — в 1833 г. в городке *Ункиар-Искелесси*. Это был наивысший успех восточной политики русского царизма за всю его историю. Восстание египетского паши Мехмет-Али против султана (см. XIX, 593), нашествие египетской армии под начальством Ибрагима-паши на Сирию, занятие Аданы и вторжение египетских войск в Малую Азию принудили султана Махмуда прибегнуть к помощи и защите Николая, вернее сказать, принудили его согласиться, наконец, на настойчиво (и даже с угрозами) предлагаемую «помощь» царя, тем более, что положение в самом деле было отчаянное: Ибрагим-паша с пятьюдесятью тысячами уже шел на Бруссу. «Утопающий человек хватается даже за змею», такими словами сераскир-паша убедил султана принять, наконец, помощь Николая Павловича. 20 февр. 1833 г. русская эскадра появилась в Босфоре, 5 апр. новая

русская эскадра высадилась на азиатском берегу Босфора шесть тысяч солдат, а генерал Розен готовился из Грузии войти в пределы Турции для борьбы в союзе с турецкими войсками против египтян. Новые подкрепления продолжали усиливать первоначальный русский десант на берегах Босфора. Это заставило Ибрагима согласиться на мирные переговоры с султаном. Война с египетским пашею кончилась. Но русские оставались еще у Константинополя, в качестве защитников и «спасителей» султана. Лорд Понсонби, английский посол в Константинополе, категорически заявил своему правительству, что отныне Турция — русский вассал. 8 июня 1833 г. между Р. и Турцией был подписан договор в Ункиар-Искелесси, который и оформил этот «вассалитет». Р. обязывалась помогать Турции в случае нужды. Это условие было опубликовано. Но в неопубликованных секретных статьях Ункиар-Искелессийского договора Р. обещала свою помощь Турции именно в случае, если Турция закроет проливы для судов всех наций «в случае нужды» (au besoin, т.-е., другими словами, по первому требованию Р.). Эти «тайные условия», конечно, сейчас же стали известны Англии и Франции. Уничтожение Ункиар-Искелессийского трактата сделалось отныне целью английской политики, и в этом отношении Англия всегда могла рассчитывать на французскую помощь. Но слишком много (к счастью для Николая) было тогда неоконченных счетов между обеими западными державами, — и до севастопольской развязки было еще далеко.

Одновременно с подписанием Ункиар-Искелессийского трактата Николай поспешил в сент. 1833 г. устроить торжественное свое свидание в Мюнхенгретце с императором австрийским и наследным принцем прусским, а 15 окт. 1833 г. три

монарха подписали в Берлине конвенцию, как бы воскрешавшую Священный союз и обязывавшую их сохранять «неприкосновенность» Турции. Но, несмотря на все это, Николай I в 1840 г. пошел на известный компромисс с Англией, отказавшись от тайных статей Ункиар-Искелессийского трактата. Зато Англия пошла на серьезный дипломатический разрыв с Францией (в 1840 г.) и вместе с Р., Австрией и Пруссией стала на сторону султана против египетского паши, которого поддерживала Франция.

Это было началом серьезнейшего ухудшения англо-французских отношений, под знаком которого прошли, за редкими перерывами, все последние годы царствования Луи-Филиппа. Большая и выгоднейшая для англичан торговля с Р., отсутствие новых наступательных действий Р. против Турции и Персии также способствовали улучшению англо-русских отношений. Это было время громадного влияния Николая в средней Европе, где и друзья его (реакционеры всех мастей и оттенков) и враги его (либеральная буржуазия и социалисты всех направлений) смотрели на него как на главный и несокрушимый оплот мировой реакции. Для окончательного разрешения «восточного вопроса» нужно было, однако, подождать более благоприятных условий. Николай неодобрительно относился к мечтаньям даже таких друзей и идеологов самодержавия и православия, как, напр., Погодин, Шеныврев, графиня Блудова (не говоря уже о крамольных, в его глазах, славянофилах), которые большие надежды возлагали на восстания славян, подданных Турции. Он отнюдь не хотел этой «революционной» помощи. Он ждал, что русской армии и флота будет достаточно, когда придет удобный момент, т.-е. когда Европа будет занята и отвлечена от

Востока. И вот «махальный» тогдашний телеграф принес в феврале 1848 г. почти одновременно два известия: что в Париже вспыхнуло восстание и что Луи-Филипп бежал, а во Франции провозглашена республика.

«Меня называют сумасшедшим за то, что я 18 лет ждал этого. Комедия сыграна и окончена, и мошенник пал», — так отозвался Николай о событии 24 февр. 1848 г. «На коней, господа, во Франции — республика», крикнул он на разводе гвардейцам. Но и на этот раз «еuropeйскому жандарму» нечего было и думать об интервенции. В марте уже вся средняя Европа была в революционном огне.

Николай вмешался в революционные события Зап. Европы не в 1848 г., а лишь в 1849 г., когда послал армию на помощь Австрии против восставшей Венгрии. Поход этот привел к подавлению венгерского восстания и вызвал во всех сколько-нибудь оппозиционно настроенных кругах европейского общества яркую ненависть к русскому абсолютизму. Революционеры всех оттенков выражали убеждение, что европейская реакция несокрушима, пока не разгромлено петербургское самодержавие. С восторгом было встречено этими кругами известие, что Турция отказала Австрии, подержанной русскою дипломатиею, в выдаче бежавших в турецкие пределы венгерских и польских революционеров. В 1850 г. Николаю удалось нанести тяжелый удар стремлениям германской буржуазии к политическому объединению: 28 ноября 1850 г. в Ольмюце Пруссия должна была подписать унижающее соглашение с Австрией о прекращении всех военных и дипломатических действий (в Гольштейне против Дании, в Касселе и пр.), клонившихся фактически к объединению Германии.

Торжество Николая было полное. Еще в середине 1849 г. в письмах к своему другу Паскевичу царь рас-

терянно уповал, что господь пошлет новый «бич божий» в роде Наполеона, чтобы усмирить европейское бушующее революционное море. Теперь, в 1850 г., один Наполеон имелся уже в наличности: племянник императора Наполеона I — принц Луи-Бонапарт уже с 10 дек. 1848 г. был президентом французской республики. Когда Луи-Бонапарт произвел свой государственный переворот 2 дек. 1851 г., то в Петербурге при дворе не скрывали своей радости по поводу гибели ненавистной республики. Но когда Бонапарт в 1852 г. надел на себя императорскую корону и принял имя Наполеона III, то Николай счел это за оскорбление всех держав, потребовавших в 1814 г. от Франции условия, что династия Бонапартов никогда не будет восстановлена. Между петербургским и парижским дворами произошли некоторые трения. Николай обращался в официальных письмах к Наполеону III не как к «брату», а как к «доброму другу» и т. д. Вообще, Николай убежден был, что у Наполеона III будет еще надолго столько дел и хлопот внутри Франции, что во внешней политике он еще долго не сможет мешать ему. А с другой стороны, он еще более был уверен, что Австрия, обязанная ему благодарностью за спасение от венгров в 1849 г., да и ослабленная революцией, и не сможет и не захочет ему мешать в том деле, которое он выдвинул в 1852 г. Дело шло не более и не менее, как о *разделе Турции*. Николай решил, что момент, наконец, настал. Нужно лишь согласиться с Англией, и участь Турции решена. В 1852 г., на одном вечере у вел. кн. Елены Павловны царь откровенно предложил английскому послу Сеймуру разделить Турцию. Сеймур предупредил Николая об опасности и несбыточности плана. Но царь стоял на своем. В 1853 г. Турция, уже давно извещенная Лон-

доном об опасности, стала вооружаться. Николай ухватился за ничтожнейший предлог, чтобы начать войну против Турции: он решил обойтись и без Англии, раз Англия отвечает отказом на предложение поделиться. Спор о преимуществах православного духовенства перед католическим в Иерусалиме («ключи от гроба господня») послужил предлогом. В Константинополь был послан кн. Меншиков (см. XXVIII, 482), который потребовал в ультимативной форме, чтобы вся православная церковь в Турции была объявлена под покровительством царя, что равнялось праву ежедневно вмешиваться во внутренние дела и порядки Турецкой империи. Султан отказал, и Меншиков выехал со всем посольством из Константинополя. Русские войска вошли в Молдавию и Валахию, а 18 ноября 1853 г. адм. Нахимов напал на турецкий флот в Синопе и уничтожил его. Синопский бой окончательно ставил вопрос о дальнейшем существовании Турецкой империи. Ни Англия, ни Франция ни в коем случае не желали допустить поглощения Турция Р. Глава английского кабинета лорд Эбердин еще пытался отсрочить войну; но Пальмерстон (см.), управлявший иностранными делами, категорически стоял за войну. Что касается Наполеона III, то помимо даже всех соображений внешнеполитических он рад был войне, которая могла сделать его популярным и укрепить его новый трон. В феврале 1854 г. между западными державами и Р. были прерваны все сношения, и началась Восточная война (см. *Крымская кампания*).

На *Парижском конгрессе*, закончившем Восточную войну и собравшемся в февр. 1856 г., обнаружилось, что Наполеон III вовсе не хочет чрезмерного ослабления Р. и усиления своей союзницы Англии. Русский уполномоченный князь А. Ф. Орлов

неожиданно почувствовал с первых же дней конгресса эту могущественную поддержку. Р. отделилась гораздо легче, чем ждали тогда в Европе. Р. потеряла право держать военный флот на Черном море. Плавание по Дунаю было объявлено свободным для всех наций. Молдавия и Валахия должны были сохранить «полную независимость» при номинальном «сюзеренитете» султана, и часть русской Бессарабии присоединена была к территории этих княжеств. Все договаривающиеся державы торжественно обязывались охранять независимость и неприкосновенность Османской империи. Карс, взятый штурмом русскими войсками, был возвращен Турции.

После Крымской войны начинается период сравнительной пассивности русской дипломатии. «Р. собирает с силами», занимал новый министр иностранных дел Горчаков (см.), сменивший старого Нессельроде. Некоторое время Александр II склонен был к сближению с Наполеоном III и очень сочувствовал победам французов над австрийцами в 1859 г. Но восстание в Литве и Польше в 1863 г., когда Франция и Англия сделали (весною 1863 г.) попытку дипломатическим путем вмешаться в пользу поляков (см. XXXVI, ч. 1, 672/73), разрушило всякие перспективы франко-русского сближения и отбросило Р. в сторону традиционной «дружбы» с Пруссией. Русская дипломатия совершенно безучастно следила за быстрыми успехами бисмарковской политики, не только совсем отказавшись от всякой попытки противодействия, но даже иногда выражала ей прямое сочувствие и олобрение, а когда вспыхнула франко-прусская война 1870 г., то Р. заняла позицию дружественного по отношению к Пруссии нейтралитета. Разгром французских армий вызвал у Александра II по адресу прусского короля Вильгельма знаменитое восклицание, облетевшее Ев-

ропу: «браво, дядя — молодец!» После Седана русской дипломатии стало возможно «односторонним волеизъявлением» отменить статью Парижского договора, воспрещающую держать военный флот на Черном море. В эпоху парижской коммуны русская дипломатия с царем во главе всячески старалась помочь Тьеру подавить парижскую революцию и в этом же смысле стремилась повлиять на политику Бисмарка.

Но при пассивности в Европе русская политика в эпоху 60-х и 70-х годов была отнюдь не пассивна в Азии. В 1859 г. был взят в плен Шамиль (см.), и Кавказ окончательно попал в русские руки (см. XXII, 44/48). Тогда же были присоединены устье Амура и весь северный амурский берег (см. *Муравьев Амурский*). В 60-х годах началось движение в Среднюю Азию (см.), повлекшее последовательное завоевание Туркестана, Хивы, Бухары, Ахал-Теке. Это последовательное и довольно быстрое приближение русских войск к Афганистану и Индии очень тревожило англичан и ухудшало до крайней степени дипломатические отношения с ними. Русский торговый капитал получал обширные колониальные владения для будущего использования, и колоссальные по размерам владения присоединялись с сравнительно очень малыми жертвами людьми и деньгами.

Но именно эта легкость обострила аппетиты и в другом стародавнем направлении: волнения в Черногории, в Сербии, в Болгарии, во всех почти славянских землях, прямо или косвенно подчиненных тогда турецкому султану, уже с 1875 г. сильно привлекали к себе взоры русской дипломатии. Снова ставился вопрос о возможности поживиться за счет Турции, которая представлялась чуть ли не разлагающимся уже трупом. Очень сильно подстрекал Александра II к войне с Турцией германский канцлер Бисмарк

(см.). Его расчет был ясен: это было все то же стремление занять руки и головы сильных соседей Германии где-нибудь подальше, которое побуждало Бисмарка толкать французов на завоевание Туниса, Индо-Китая, Центральной Африки. Что для Р. турецкая война будет очень тяжелой войной, это Бисмарк знал твердо, и с тем большим жаром он толкал царя на эту войну. Министр Валуев, один из очень немногих приближенных царя, разгадавших этот не очень, впрочем, хитрый секрет германского канцлера, говорит в своем дневнике, что Бисмарк держал речи, которые были бы под стать любому славянофилу. Действительно, Бисмарк, напр., в дек. 1876 г., когда Александр II еще колебался и не решался, высказал публично мысль, что «честь Р.» требует войны с Турцией. Шумиха, поднятая славянофильскою печатью (во главе с И. С. Аксаковым и Вл. Ламанским), очень помогла делу, затевавшемуся русским правительством. Турецкие зверства, необходимость избавить сербов и болгар, помочь уже начавшемуся сербскому восстановлению и т. д., — все это составляло ежедневную пищу читателей патристических и славянофильских газет, а потом и либеральных, изо дня в день, в продолжение целых месяцев. Хищнические устремления к новым анексиям со стороны русского торгового капитала и русского правительства были очень благообразно прикрыты бескорыстными гуманитарными целями помощи страждущим славянским народам. Весною 1877 г. началась русско-турецкая война (см. ниже, 86/114). Даже если бы не было трех страшных поражений под Шлевной, если бы не было тяжелых потерь в зимнем походе, если бы не было опасного потрясения русских финансов, — все равно, Англия ни за что не позволила бы Р. в самом деле завладеть пролами и пошла бы даже на войну один-на-один, чтобы этому воспрепят-

ствовать. Австрия получила от Р. уже наперед, еще до войны, компенсацию — позволение занять Боснию и Герцеговину. Но Англия и не просила и не получила никаких компенсаций. Да она ни за какие компенсации и не позволила бы Р. укрепиться на Босфоре.

Берлинский конгресс (см.; июнь 1878 г.), изменивший условия первоначального Сан-Стефанского мира, уменьшил размеры независимой Болгарии на $\frac{1}{3}$ первоначально намеченных размеров. Австрия удерживала на правах «оккупации» Боснию и Герцеговину, за Англией оставался о. Кипр, за Р. — Карс, Батум и та самая часть Бессарабии, которую Р. потеряла по Парижскому миру 1856 г. Берлинский конгресс вызвал среди славянофильских и «патристических» кругов дворянства и буржуазии озлобленную критику, и, в конечном счете, русско-турецкая война не усилила, а ослабила позиции самодержавия. Когда в феврале 1879 г. болгарское народное собрание приняло либеральную конституцию, то среди русских либералов обнаружилось недоловство и раздражение по поводу того, что «освобожденные» болгары признаны достаточно совершеннолетними людьми для политической свободы, а освободители русские продолжают находиться в политическом рабстве. Руководящие русские дипломаты, во главе с канцлером кн. Горчаковым, приписывали неудачный для Р. исход Берлинского конгресса не только упорному сопротивлению со стороны лорда Биконсфильда (см.), лично прибывшего на конгресс, но и двурушничеству и коварству председателя конгресса кн. Бисмарка, который сам себя называл «честным маклером», якобы заботящимся об интересах Р., на самом же деле тайно благоприятствовал Англии и Австрии. Раздражение Александра II было так велико, что он не воздержался от очень резкого и,

по существу, угрожающего обращения к императору Вильгельму I (своему «дяде-молодцу», которого он так горячо поздравлял после Седана). Бисмарк после этого и приступил (1879) к созданию австро-германского союза, хотя еще не отказывался в будущем от надежды сохранить прежнюю комбинацию — соглашение Австрии, Германии и Р., существовавшее с 1874 г. В таком положении были дела, когда произошло событие 1 марта 1881 г. и на престол вступил Александр III (см.), пользовавшийся репутацией ненавистника немцев.

1-е марта вызвало со стороны Вильгельма I совет и предостережение молодому русскому императору: ни в каком случае не давать конституции и, прежде всего, не давать свободы печати. В этом отношении послушание Александра III оказалось в глазах Вильгельма выше всяких похвал, но зато в своей внешней политике новый царь сначала было сильно обеспокоил своих берлинских родственников. Во-первых, он приблизил к себе, правда не надолго, гр. Н. П. Игнатьева (см.), близкого по связям и умонастроению к славянофилам. Хотя Бисмарк не очень верил в его государственный ум и называл его «лгунопаша» (так, как прозвал Игнатьева визирь Мидхал), но во всяком случае счел его назначение симптоматическим. Затем, в февр. 1882 г. произошел так называемый скобелевский инцидент. Генерал М. Д. Скобелев (см.), пользовавшийся в тот момент большой популярностью, только что вернувшийся из Средней Азии после взятия штурмом Геок-Тепе и завоевания Ахал-Теке (см. ниже), по типу и складу своему один из генералов, склонных к политическим авантюрам, очень любимый солдатской массой тех полков, которые его лично знали, — поехал в февр. 1882 г. в Париж и здесь, принимая сербских студентов, при-

шедших его приветствовать как одного из активных участников «освободительной» войны 1877—78 гг., произнес резко-угрожающую речь по адресу Германии, а отчасти и по адресу русского правительства («мы — не хозяева у себя дома»... «наш враг — немец» и т. д.). Никто не мог поверить, чтобы Скобелев осмелился выступить без ведома и против воли царя. Произошел даже переполох на мировых биржах. Бисмарк симулировал спокойствие и говорил, что речь Скобелева интересна разве только для характеристики падения дисциплины в русской армии. Но на самом деле он очень тревожился и спешил включить в австро-германский союз еще Италию. Сочувствие, с которым во Франции многие отнеслись к Скобелеву, не укрылось от глаз Бисмарка. Александр III сейчас же приказал Скобелеву возвратиться домой. По приезде он принял его в продолжительной аудиенции, которая сама по себе еще больше встревожила Германию и Австрию, чем даже речь Скобелева. Но беспокойство было преждевременным. Александр III, при всем своем тугом, медленном мышлении и нешироком кругозоре, крепко усвоил себе инстинктивную боязнь перед войною, поняв, очевидно, что еще без внешних войн самодержавие может некоторое время продержаться, но что войны для него — гибель. Он не любил Скобелева и боялся его, но Победоносцев, которому царь вполне доверял, умолял его поласковее быть со Скобелевым, потому что Скобелев силен и опасен. Приходилось поэтому лавировать. Впрочем, внезапная смерть Скобелева (в июне 1882 г.) и смерть Гамбетты (31 дек. того же 1882 г.) избавила Бисмарка от опасений насчет возможности близкого соглашения Р. и Франции. Уже с 1883—84 гг. обнаружилось явное нежелание царя впутываться в какие бы то ни было внешние осложнения.

Так, когда первый болгарский князь повел самостоятельную политику, несогласную с тенденциями опекавшей его русской дипломатии, или когда окончательно провалилась в Болгарии «миссия» ген. Н. В. Каульбарса (см.), посланного усилить русское влияние в Болгарии, или когда, после низвержения Александра Баттенбергского (см. V, 85/87), новым болгарским князем был избран (7 июля 1887 г.) австрийский ставленник принц Фердинанд Кобургский, — то русская дипломатия ограничивалась либо пассивными протестами, либо неодобрительными заявлениями, либо (многочисленными) непризнанием нового князя болгарского, но не было и речи о военных выступлениях. Таков точно был образ действий Александра III и во всех других вопросах внешней политики. В Средней Азии поступательное движение Р., начатое в предшествовавшее царствование, успешно продолжалось. В 1884 г. русские заняли богатейший Мерв и близко подошли к границе Афганистана (см. XLI, ч. 4, 278). Афганский эмир Абдурахман пытался силою воспротивиться дальнейшему движению русских по долине реки Кушья, но 30 марта 1885 г. был разбит ген. Комаровым. Завоевание богатейшей области сопровождалось ликованиями «патриотической» русской прессы, с умилением отнесшейся даже к тому изумившему Европу факту, что Александр III выделил (высочайшим повелением 6 авг. 1887 г.) из только что завоеванной Мервской территории громадный кус в восемьдесят тысяч десятин наиболее плодородной земли с роскошно субтропической растительностью и присвоил его лично себе, так и назвав: государево Мургабское имение. Этот факт очень характерен для воззрений петербургского абсолютизма на колониальные завоевания. Нравы и воззрения примитивного испанского конкистадорства тут тесно сплетались с

традиционным взглядом на все вообще подвластные Р. земли как на вотчину династии Романовых.

Но завоевание Мерва породило крайнее беспокойство в Англии, особого рода тревогу, которую тогда же в английской политической прессе прозвали по аналогии с «нервностью» (nervousness) — «мервностью» (mervousness), от слова Мерв. Уже мершилась война. Королева Виктория обратилась по желанию кабинета с личным письмом к Александру III. Царь пошел на уступки, согласился на созыв особой комиссии по установлению прочной, постоянной границы между новым русским владением и Афганистаном, и эта разграничительная комиссия выработала приемлемое для обеих сторон решение. Она, правда, заседала несколько лет, и дело кончилось тем, что по ее решению (уже в 1895 г.) Р. и Англия отхватили от Афганистана по обоюдному согласию несколько новых кусков афганской территории. Но во всяком случае призрак русско-английской войны рассеялся. Отношения с Англией оставались все же напряженными. Отношения к Германии и Австрии тоже дружественными не были. Александр III не согласился в 1887 г. на возобновление «соглашения» трех императоров (Германия, Австрия, Р.), заключив лишь названный так Бисмарком «договор о перестраховке» (см. XLVII, 45/46). Но уже в 1890 г., после отставки Бисмарка, договор возобновлен не был, вследствие нежелания нового германского императора Вильгельма II. Тогда Александр решил на давно ему подсказываемый с французской стороны *франко-русский союз*. Союз и был заключен в 1891 г., хотя самое это слово долго не произносилось официально (см. XXXIX, 59/61, и XLVII, 46/49). Русская торговля и промышленность нуждались в свободных французских капиталах, парижская биржа искала

надежных вложений капитала и высоких процентов. Министр финансов Витте желал не зависеть в государственных займах от Берлина. Французы после нескольких опаснейших инцидентов на германской границе, чуть было не приведших к войне (инцидент с арестом немцами франц. комиссара Шнебеле 1886—1887 г.; см. ХХХІХ, 60/61, и др.), с особенной энергией искали сильных союзников. Все это способствовало заключению союза. Реакционнейший из всех монархов, Александр III согласился стоя слушать «Марсельезу» и дружить с безбожной парламентарной демократической республикой. Существование союза позволило Витте сначала (в 1892—1893 гг.) грозить Германии таможенной войной, а потом и начать эту войну, когда речь шла о заключении русско-германского торгового договора (в 1894 г. договор этот и был заключен на довольно выгодных для русской промышленности и торговли условиях).

На первых порах, в пятидесятых годах XIX столетия, франко-русский союз казался больше направленным против Англии, чем против Германии; это было время, когда из-за захвата Францией Мадагаскара (1894), центральной Африки, из-за попытки французов укрепиться на верхнем Ниле (Фашодский инцидент, 1898, см. ХІХ, 598/99) между Францией и Англией отношения обострились до самой крайней степени, и во французской печати раздавались голоса за примирение с Германией во имя борьбы против Англии. А с другой стороны, в Р. наметилась с первых же лет царствования Николая II тенденция к захвату северной части Китая, — против чего определенно выступила английская дипломатия. Когда в 1895 г., весной, русская дипломатия агитировала за ультимативное обращение к Японии с требованием отказа от территориальных

приобретений, только что полученных от Китая по Симоносекскому договору, то к Р. примкнули Франция и Германия, но Англия решительно отказалась. В Европе некоторое время после этого стали говорить о великом континентальном союзе (Р., Франция, Германия) против Англии.

Захват Р. Порт-Артура, решенный в конце 1896 г. и осуществленный в 1897 г., был первым шагом к вооруженному столкновению с Японией. Когда с 1899 г. руки Англии были несколько связаны долгой и нелегкой войной с бурами, а в Китае вспыхнуло восстание боксеров («Большого кулака»), подавленное европейскими державами в 1900 г., дальневосточные аппетиты русского правительства разыгрались еще сильнее. Вопрос стал уже не только о Манчжурии, откуда русские войска и не думали уходить, но и о Корее, куда японцы ни за что пускать никого не желали, в особенности твердо решив не отдавать Корею русским. В русской «патриотической» печати, при полном сочувствии как в бюрократически-дворянских, так и в торгово-промышленных кругах, стали печататься статьи о великом призвании Р. на Дальнем Востоке, о создании «Желтороссии», о мирном внедрении в Китай, о мудрости китайских сановников, понявших сродство душ и настроений великих восточных народов — русских и китайцев. Под мудрыми сановниками Китая понимался обыкновенно Ли-хун-Чжанг (см.), руководящий мандарин, регулярно получавший от Витте огромные взятки. Правда, это грозило войною с Японией, но этой войны принято было не бояться. Что касается Англии, то «Новое Время», считавшееся за границу одним из ближайших к русскому правительству органов печати, писало: «Р. — страна с молодым военным честолюбием. Она идет в гору, а Англия — под гору. Если мы дви-

чемся на Индию, то англо-японские брошеносцы по земле к Герату как ящерицы ведь не побегут». На основании этих соображений решено было идти напролом. В 1901—1902 гг. Япония сделала попытку избежать войны. В Петербург прибыл маркиз Ито, предложивший очень выгодный для Р. компромисс: за Р. остается Манчжурия и Ляо-дун, но от Кореи она отказывается. Ито почти что и слушать не захотели. Тогда непосредственно из Петербурга он выехал в Лондон, где и заключил англо-японский союз. С этой поры началась подготовка к войне. Вильгельм II изо всех сил подстрекал Николая II начать ее (он руководился теми же соображениями, что и Бисмарк в 1876—1877 гг., перед русско-турецкой войною). Но Николай II и не нуждался ни в каких подстрекательствах. Из ныне опубликованных советским правительством обильнейших архивных материалов о совещаниях 1903 г. по дальневосточному вопросу под председательством царя, из «Воспоминаний» Витте, из всех других единогласных свидетельств мы знаем, что Витте и Ламздорф (см. XXIII, 706) с отчаянием смотрели на затевавшуюся царем безумную и бессмысленную кровавую авантюру, что Куропаткин (см.) судил так же, как они, но из карьерных соображений не поддержал Витте, что второстепенные ничтожные авантюристы, во главе с полусумасшедшим Безобразовым (см.), были привлечены Николаем для более успешной борьбы против его же собственных министров, боявшихся войны с Японией (см. X, 351/55). Мы знаем также, что единственный человек, который серьезным и решительным протестом мог бы еще с некоторой надеждой на успех пытаться остановить безумный бег к пропасти, именно французский министр иностранных дел Делькассе, ровно ничего не понимал в том, что готовится, и за ме-

сяц до войны уверял, что никакой войны не будет.

Война вспыхнула 26 января 1904 г. Эта война (см. ниже) круто изменила все международное положение, да и задолго до ее конца, в первые же ее меслцы, началась новая страница в мировой истории: Англия взяла курс на формирование коалиции против Германии. Уже с 1902 г. резко стало меняться отношение Англии к Франции. Летом 1903 г. английский король Эдуард посетил президента Лубэ в Париже, (см. LI, 117), и во всей Европе стали говорить о готовящемся грандиозном перевороте в области международных отношений, чуть ли не об англо-французском союзе. Первые русские поражения на Дальнем Востоке, зимою и весною 1904 г., заставили французов не откладывать предлагавшегося Эдуардом VII соглашения: приходилось вышедшего временно из строя союзника заменять другим.

8 апр. 1904 г. было подписано и опубликовано англо-французское соглашение, полагавшее конец вековым спорам обеих держав на всех пунктах земного шара. Родилась Агтавта. В истории русской внешней политики, едва только русско-японская война окончилась, это событие должно было иметь коренное, решающее значение. — См. *система вооруженного мира*, XXXIX, 65/66, *тройственное соглашение*, XLI, ч. 9, 296/98, и *дипломатия и мировая война*, XLVII, 49 сл.

Е. Тарле.

Х. Войны Р. в XIX в. Из 40 войн, в которых участвовала до 1914 г. регулярная русская армия (см. XXXVI, ч. 4, 39), на XIX в., считая от войны 1812 г., падает 15 войн. (О войнах начала XIX в. см. XXXVI, ч. 4, 53/58).

25) «*Отечественная война*» 1812 г. (О причинах войны см. выше, стб. 1/9). *Стратегическое развертывание и планы войны*. Для войны против Р. На-

полеон располагал не только вооруженными силами Франции, но и вспомогательными войсками разных германских государств, Австрии, Италии и Польши. Всего в т. наз. «Великую армию» Наполеона было назначено около 540 т. чел. В мае 1812 г. эта армия закончила свое стратегическое развертывание на р. Висле в трех главных массах: 1) 220 т. между Эльбингом и Торнем; 2) 80 т. у Плоцка; 3) 80 т. между Варшавой и Козеницами. Кроме того, X (прусская) корпус Макдональда (32 т.) находился у Кенигсберга, а XII (австрийский) корпус Шварценберга (34 т.) у Львова. В тылу были временно оставлены: IX корпус Виктора (34 т.) и XI корпус Ожеро (60 т.).

Готовясь к вторжению в страну бедную и малонаселенную, император обратил особое внимание на подготовку базы в герцогстве Варшавском, на нижнем течении Вислы. С этой целью были устроены огромные магазины и склады в Варшаве, Модлине, Торне, Мариенбурге и Данциге. При вступлении в пределы Р. армия должна была иметь при себе: 1) четырехдневный запас продовольствия, носимый на людях, и 2) двадцатидневный запас продовольствия, возимый в войсковых обозах и транспортах. По мере движения армии вперед по русской территории, предполагалось устраивать магазины на промежуточных базах и эталных пунктах. Что касается фуража для многочисленных строевых и обозных лошадей, то возить его в нужном количестве было, очевидно, невозможно, а потому довольствие всего конского состава рассчитано было исключительно на местные средства; военные действия и были начаты в июне, когда имелся подножный корм.

Союзниками Р. в предстоявшей войне были Англия, Испания и Португалия, но они могли оказать ей лишь косвенную помощь: Англия —

денежными субсидиями, а Испания и Португалия — ведением войны против французов на своей территории (см. XLV, ч. 1, 225). Так. обр., при обороне от нашествия Наполеона, Р. могла надеяться лишь на собственные силы; к началу войны она выставила на своей зап. границе 200 т. чел.

Вооружение враждебных армий было, по существу, одинаковое. В левой артиллерии главными орудиями были: 6—8-фунтовая легкая пушка и 12-фунтовая батарейная пушка. Кроме того, для стрельбы под несколько большими углами возвышения были приняты длинные гаубицы, которые в русской армии назывались единорогами. Наибольшая дальность стрельбы ядрами: для 6-фунт. пушки — 1.100 м и для 12-фунтовой — 1.300 м. Дальность картечного огня — не более 650 м. Пехотные ружья стреляли на 200 м.

При существовавшем соотношении сил русским оставалось лишь, в первый период войны, противопоставить обычной наполеоновской стратегии сокрушения стратегию измора. Пользуясь обширностью театра войны, простиравшегося от Немана (тогдашней границы) до Москвы на 960 км, русская армия могла уходить внутрь страны, уклоняясь от решительного столкновения и опустошая оставляемую местность. По мере наступления Наполеона его силы должны были быстро уменьшаться под влиянием двух главных причин: во-первых, расхода войск для обеспечения удлинявшейся коммуникационной линии и, во-вторых, убыли в личном и конском составе, вызываемой все возрастающими продовольственными затруднениями. В ином положении находилась русская армия, отходившая к своим подкреплениям и магазинам: должен был настать момент, когда ее силы станут недостаточными для общего перехода в наступление. Странником такого способа действий

был тогдашний военный министр Барклай-де-Толли (см.), который еще в 1807 г., в Мемеле, в разговоре с известным историком Нибуром развивал этот план. Вступив в управление военным министерством, Барклай представил в марте 1810 г. составленный в том же духе доклад «О защите западных пределов Р.». Император согласился, но потом подпал под влияние прусского полковника Пфуля (см. XXXIV, 234/35), перешедшего после войны 1806 г. на русскую службу. Последний, следуя односторонней теории узкого доктринера Бюлова, учил, что оборонительную войну нужно всегда вести двумя армиями, из которых одна отступает, увлекая противника за собой, а другая действует на его сообщения. В соответствии с этим, и без того неостаточные русские силы, находившиеся к северу от Полесья, были разделены на две армии (черт. 1): I армия Барклая (120 т.) развернулась за Неманом на линии Россены — Лида, длиной более 15 км; II армия (40 т.) князя Багратиона (см.) стала в районе Волковьска, в 105 км к ю.-з. от Лиды. В тылу I армии, в 212 км от Вильны, на лев. берегу Двины, против г. Дриссы, был, по идее того же Пфуля, устроен укрепленный лагерь. Кроме того, к югу от Полесья, в районе Луцка, находилась III Обсервационная армия (40 т.) гр. Торماسова (см. XXIII, 650). Командование тремя русскими армиями не было объединено в руках одного верховного главнокомандующего, что было особенно неудобно, вследствие натянутых отношений, существовавших между главнокомандующими I и II армий, из которых первый был военным министром, а второй — старше в чине. Присутствие Александра, приехавшего в Вильну, несколько сглаживало эти разногласия, хотя он и не принял на себя высшего командования.

Перед самым началом военных дей-

ствий Александр объявил: «Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем». В Европе, основываясь на опыте недавнего прошлого, сомневались в том, чтобы он выдержал характер. Все дипломатические и военные деятели, начиная с самого Наполеона, полагали, что одно победоносное сражение заставит Р. подчиниться требованиям Франции. Хотя Наполеон собрал огромные силы, но в сущности он готовился лишь ко второй Польской войне, не сознавая, что начинается борьба с природой и пространством. Самый талантливый из тогдашних прусских генералов, Гнейзенау (см.), еще в 1811 г. сказал: «Я всего ожидаю от малодушной слабости Александра; после первого потеряннного сражения он уступит все земли до Двины и Днепра, после второго — Петербург и Москву и удовлетворится Казанью и Астраханью».

От Немана до Смоленска. Ближайшей целью войны Наполеон поставил — разбить I русскую армию Барклая, прорвав ее растянутое расположение и заняв Вильну, важный стратегический пункт, узел путей на Москву и Петербург. В ночь на 12 июня главная масса Великой армии, в присутствии императора, перешла Неман у Ковно и вступила в пределы Р. Группа вице-короля Евгения переправилась через эту реку 18 июня в 50 км южнее Ковно, у Шрены. Группе вестфальского короля Жерома, стоявшей против II армии Багратиона, Наполеон приказал в первые дни операции наступать медленно, ограничиваясь демонстрациями с фронта, в ожидании, пока армия Барклая будет отеснена; затем Жером должен был перейти в решительное наступление на Гродно, обойти армию Багратиона с севера и разгромить ее.

Известие о переправе французов через Неман было получено в русск. главной квартире в Вильно вечером

12 июня, после чего, согласно ранее принятому решению, корпусам I армии было приказано отходить на линию Свенция. Багратиону было послано сообщение о происшедшем и приказание начать действия во фланг и тыл противника. После небольших

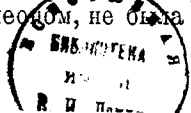
армия Барклая уклонилась от сражения, избегнув занесенного над нею удара. Тем временем Наполеон со своей гвардией 16 июня вступил в Вильну и остановился тут для устройства административной части. Мюрт с резервной кавалерией, 2 и 3 кор-

Черт. 1.

арьергардных дел корпуса I армии 20 июня сосредоточились на фронте в 100 с лишком км, имел центр у Свенция. Отсюда армия двинулась к Дрисскому укрепленному лагерю, куда прибыла без помехи 26 июня. Следовательно, первая атака, поставленная Наполеоном, не была разрешена:

пусами, он послал к Дриссе за I рус. армией, а корпус Даву направил по минской дороге на Ольшаны в разрез между I и II армиями, с целью воспрепятствовать их соединению. При этом император выразился: «Теперь Багратион с Барклаем уже более не увидятся».

Находясь в Волковыске, Багратион получил 14 июня вышеупомянутое известие о переправе Наполеона у Ковно и об отступлении I армии к Свенцянам, а также приказание — действовать во фланг и тыл противника. Очевидно, что при существовавшей обстановке II армия не могла угрожать коммуникационной линии Наполеона, так как эта линия была тогда очень коротка и обеспечена превосходящими силами. Наоборот, II рус. армии приходилось опасаться за свои собственные сообщения, вследствие чего Багратион просил Александра о разрешении отступить на Минск. Признавая свое положение критическим, он 18 июня начал это отступление по собственной инициативе, при чем ему помогло то, что находившаяся против него группа короля Жерома запоздала переходом в наступление. Передовые ее части заняли Гродно лишь 18 июня; 19 и 20 произошла переправа главных сил; 21 июня Жером простоял на месте, и только вечером этого дня, получив письмо Наполеона с упреками в бездеятельности, он спешно направил свои войска на Белицу. Т. о. вторая задача, поставленная Наполеоном — обойти и разгромить II рус. армию, также не была разрешена. Тем не менее, император продолжал рассчитывать на скорое окончание войны. В Вильне он заявил: «Не пройдет и двух месяцев, как русские вельможи заставят Александра просить у меня мира».

В самом начале движения из Волковыска в Минск, 18 июня, Багратион получил приказание — идти к Вилейке на соединение с I армией, из чего следовало, что план Пфуля (вести оборону двумя армиями) был уже оставлен. Багратион свернул по пути на Вилейку, но 22 июня, достигнув Илессолава (на Немане), узнал о движении больших неприятельских сил по дороге из Вильны в Минск (это был

корпус Даву) и о том, что войска Жерома наступают во фланг и тыл ему со стороны Белицы. При таких условиях Багратион решил идти форсированными маршами через Нов. Свержень к Минску, в надежде предупредить Даву. Однако, узнав, что передовые части французов уже подошли к этому городу, он отошел 26 июня к Несвижу, где простоял до вечера 28 июня. В это время расстояние между I и II армиями (Дрисса — Несвиж) составляло 320 км. 29 июня Багратион выступил на восток к Бобруйску.

Между тем, в конце июня на военном совете, собранном императором Александром в Дрисском лагере, было решено очистить этот лагерь и отступить к Витебску, где ожидать присоединения Багратиона. 2 июля I армия перешла на правый берег Двины и через два дня выступила на Полоцк, куда прибыла 6 июля. У Дриссы, для прикрытия путей на Петербург, был оставлен I корпус Витгенштейна. Из Полоцка Александр, по настоянию своих приближенных (Шипкова, Балашова и Аракчеева), выехал через Смоленск и Москву в Петербург; но, покидая театр войны, он не объединил командования тремя армиями, что приобретало особое значение при его отсутствии.

Как сказано выше, Наполеон занял Вильну 16 июня; тут он пробыл 18 дней, устроив за это время промежуточную базу на Немане и Вилии и организовав управление тыловым районом. Затем, узнав об оставлении армией Баркляя Дрисского лагеря, император с главными силами двинулся усиленными переходами к Витебску для того, чтобы преградить русским путь через Смоленск на Москву и тем принудить их принять сражение. Корпусу Удино было приказано прикрывать Вильну и сообщения французской армии на пространстве между Динабургом и г. Дисна. Даву

и Жером должны были продолжать свою операцию против армии Багратиона, препятствуя ее соединению с Барклайем.

Головные части I рус. армии прибыли к Витебску 11 июля и начали переправу через Двину; 12 и 13 июля вся армия сосредоточилась на позиции за р. Лучесой. На один переход к западу, к с. Островна, был выдвинут, в виде авангарда, корпус Остермана-Толстого. Барклай решил оставаться на позиции за Лучесой до получения известий от Багратиона, не вступая, однако, в сражение. Авангард Наполеона 12 июля дошел до Бешенковичей, в 53 км от Витебска; 13 июля произошел бой у Островны; 15 июля французы подошли к позиции за Лучесой.

Наполеон рассчитывал на следующий день нанести I рус. армии решительное поражение. Но Барклай, получив от Багратиона сообщение о том, что II армия идет левым берегом Днепра к Смоленску, отдал приказание своим войскам начать отступление в ночь на 16 июля. На рассвете готовившиеся к генеральному сражению французы увидели, что I рус. армия исчезла; 20 июля ее колонны уже сосредоточились у Смоленска. Итак, Наполеону не удалось разрешить и третью из поставленных им задач.

Тем временем II армия Багратиона, выступив 29 июня из Несвижа, шла через Бобруйск к Нов. Быхову. Отсюда Багратион повернул на север, надеясь пробиться по правому берегу Днепра; но Даву, занявший уже Могилев, преградил ему путь у Салтановки. После боя, происшедшего 11 июля, Багратион повернул назад и, переправившись через Днепр у Нов. Быхова, двинулся через Мстиславль к Смоленску, куда прибыл 22 июля. Т. о. после ряда форсированных маршей и нескольких кризисов обе русские армии, действовавшие к северу

от Полесья, успели соединиться; ошибка, сделанная в стратегическом развертывании, вследствие принятия плана Ифуля, была исправлена. Слова, сказанные Наполеоном в Вильне, что «Багратион с Барклайем уже более не увидятся», не оправдались.

В это время в I рус. армии вместе с полученным пополнением числилось 80 т., а во II армии — 40 т. человек. Потери в описанный первый период войны составляли 25 тыс. чел., из коих 15 т. в боях и 10 т. от болезней. Наполеон, не успев разбить русских за истекшие 5 недель и сделав по операционному направлению от Немана 480 км, расположил главные силы своей измученной армии, в которой оставалось 185 т. чел., на квартирах между Двиной и Днепром в районе Витебск, Велиж, Рудня, Орша, Могилев. За описанный первый период войны Великая армия потеряла 150 т. чел., при чем из этого числа убыль убитыми и ранеными составляла всего 6—7 т. чел., а остальное приходилось на умерших от болезней, больных в госпиталях, отсталых и дезертиров.

Главной причиной такой огромной убыли был недостаток продовольствия. Обозы и транспорты, которые должны были везти за войсками 20-ти дневный запас провианта, застряли уже на первых переходах, потому что лошади стали падать от бескормицы. Выше уже говорилось о том, что для довольствия всего конского состава Наполеон рассчитывал на местные средства и особенно на подножный корм; но многочисленная кавалерия и артиллерия уничтожали весь фураж, и для обозов, двигавшихся позади, уже ничего не оставалось, а между тем работа, которая выпадала на их долю, при крайне дурном состоянии дорог, была очень тяжелая.

Не получая достаточного продовольствия из обозов, войска были вынуждены производить фуражировки.

В местах ночлега приходилось расхотиться на большие расстояния для сбора продовольствия, которого, вообще, было мало в этом бедном и редко населенном крае. Вследствие этого даже небольшие по операционному направлению переходы обращались в усиленные, и, кроме того, войска приучались к грабежу и мародерству. Последнее не только подрывало дисциплину в армии, но и возбуждало вражду в местном населении, а между тем при другом способе действий нетрудно было привлечь его на свою сторону. Народные массы в Р., страдавшие под гнетом крепостного права, жаждали освобождения и земли. Пример Пугачева показал, как легко было этими лозунгами поднять крестьян против существовавшего социального строя. Конечно, для Наполеона, как иностранца, это было задачей более трудной, но все-таки вполне разрешимой. Для этого следовало на занятой французами территории провести ряд строго обдуманых мер по освобождению крепостных крестьян и отчуждению в их пользу помещичьих земель. Император, надеясь исключительно на свое военное превосходство, отнесся к этому вопросу без должного внимания.

При описанной выше обстановке продолжать дальнейшее наступление вглубь страны было рискованно, и потому Наполеон первоначально принял решение: остановиться на зиму в занятом квартирном районе между Двиной и Днепром. Его адъютант Сегюр в известном сочинении «Поход в Р.» говорит по поводу нового плана войны, что император, прибыв в свою главную квартиру, в Витебск, сказал окружающим: «Я останавливаюсь здесь! Я хочу осмотреться, собрать тут свою армию, дать ей отдохнуть, хочу организовать Польшу. Кампания 1812 г. кончена! Кампания 1813 г. сделает остальное... Мы не повторим глупости Карла XII».

Однако, через несколько дней Наполеон стал уже томиться бездействием и начал заговаривать с приближенными о продолжении наступления, но все они, и прежде всего начальник штаба Бертье, были против этого.

После остановки главных сил Великой армии фланговые корпуса, назначенные для обеспечения операционной линии, продолжали военные действия. К сев. от Полоцка, в бою близ Клястиц, 18, 19 и 20 июля II корпус Удино потерпел поражение от корпуса Витгенштейна и должен был отойти к Полоцку. Наполеон направил на помощь ему VI (баварский) корпус Сен-Сира, очень слабого состава. Витгенштейн атаковал Полоцк с целью отгнать французов за Двину, но был отбит 5 и 6 августа и отступил за р. Дриссу.

На Воляни Тормасов с большей частью III армии перешел в наступление и вначале имел частный успех у Кобрина, но затем, атакованный 31 июля у Городечны XII (австрийским) корпусом Шварценберга и VII (саксонским) корпусом Ренье, вернулся к Луцку, за р. Стырь. В таком положении он оставался до начала сент., когда прибыла Дунайская армия адмирала Чичагова.

От Смоленска до Москвы. По соединении I и II русских армий общий голос в них требовал наступления; этого желал и Багратион. Барклай держался своего прежнего плана, но все-таки собрал 25 июля военный совет, на котором почти все высказались за наступательный образ действий. В виде уступки Барклай решил перейти в наступление, но не далее, как на 3 перехода. 26 июля обе армии двинулись по правому берегу Днепра, главными силами к Рудне, а для обеспечения слева была выслана по левому берегу Днепра к г. Красному дивизия Неверовского. Начало движения было успешным; ка

заки Платова разбили у Молевого болота кавалерийскую дивизию Себастиани. Передовые французские отряды отступили по всей линии, кроме отряда, стоявшего у Поречья. Опасаясь контр-удара с этой стороны, Барклай перевел большую часть I армии на Пореченскую дорогу, где, однако, неприятеля не оказалось; к 1 авг. войска вернулись на Рунненскую дорогу, потеряв напрасно 5 дней.

Между тем Наполеон, узнав о движении Барклая на запад по правому берегу Днепра, решил этим воспользоваться для того, чтобы быстрым наступлением по левому берегу захватить Смоленск в тылу русской армии и тем принудить ее принять сражение в чрезвычайно невыгодном положении, фронтом к Москве. Ко 2 авг. главные силы французов уже сосредоточились на левом берегу Днепра около с. Ляды. В тот же день у г. Красного кавалерия Мюрата атаковала дивизию Неверовского, которая стала отходить к Смоленску, отражая многочисленные кавалерийские атаки. 3 авг. эта дивизия и 7 корпус Раевского, из состава II армии, заняли Смоленск. Этот город лежит на левом берегу Днепра, а на правом берегу тогда находилось одно Петербургское предместье. Утром 4 авг. к Смоленску с южной стороны подошли корпуса Нея и Даву, но ограничились лишь канонадой и слабыми атаками, так как Наполеон выжидал прибытия остальных войск, что произошло только к вечеру. Однако, к этому времени закончилось также сосредоточение к Смоленску с северной стороны обеих русских армий.

На собранном военном совете Барклай поставил вопрос: принять ли сражение под Смоленском, или продолжать отступление? Багратион высказался в пользу боя, Барклай же стоял за отступление, указывая на

превосходство сил неприятеля и невыгоды позиции. Последнее мнение взяло верх, и было решено: 1) с утра 5 авг. II армии отступить через Лубино по дороге, ведущей в Москву; 2) для прикрытия этого отступления I армии удерживать Смоленск до вечера 5 авг.; 3) для облегчения отступления I армии выставить от II армии сильный арьергард за речкой Колодной (западнее Лубина) до смены его войсками I армии.

5 авг. произошел бой за Смоленск между главными силами Наполеона и I рус. армией. Французы овладели предместьями, но самого города, окруженного старинной каменной стеной, взять не могли. В ночь на 6 авг. I армия очистила Смоленск; в следующую ночь она начала отступление по Московской дороге, во время которого для нее создалось критическое положение вследствие того, что Багратион не совсем выполнил свое обязательство относительно выставления арьергарда. Из возникшего кризиса I армия вышла лишь ценой кровопролитного боя 7 августа у Лубина (или на Валутиной горе). Всего в период боев под Смоленском от 2 до 7 августа (Красный — Лубино) русские потеряли убитыми и ранеными 15 т. чел., а французы — 20 т.

В стратегическом отношении операция под Смоленском была для Наполеона неудачей, так как русская армия опять уклонилась от генерального сражения и продолжала свое отступление на Москву. После этого французам, по причинам, изложенным выше, следовало бы вернуться к плану войны, принятому в Витебске, и снова стать на зимние квартиры.

Результатами, достигнутыми менее, чем в два месяца, можно было удовлетвориться. Хотя вооруженные силы Р. и не были разбиты, но французы заняли огромную территорию, на которой можно было восстановить поль-

ское королевство, примерно в границах до первого раздела Польши (1772).

Тем не менее император колебался под влиянием следующих соображений: большая часть операционного пути (от Немана до Смоленска — 585 км) была уже пройдена, до Москвы оставалось 375 км; представилось невероятным, чтобы русские отдали свою древнюю столицу без ещительного сражения, в котором Наполеон рассчитывал разгромить русскую армию и одним ударом выиграть войну; во всяком случае предполагалось, что взятие Москвы заставит имп. Александра просить мира.

В конце концов, при известной склонности Наполеона к грандиозным

Черт. 2.

предприятиям, приведенные соображения взяли верх; тщетно некоторые маршалы убеждали его остановиться (по словам Сегюра, Мюрат даже бросился перед ним на колени), — Наполеон отдал приказ: продолжать наступление. Прежде всего он принял меры для устройства в Смоленске промежуточной базы с магазинами, хлебопекарнями и госпиталями. Для прикрытия ее была оставлена дивизия молодой гвардии Де-Лабурда. Затем Наполеон послал приказание IX корпусу Викгора (34 т.), прибывшему на Вислу, — идти к Смоленску, при чем маршалу подчинялись все войска, оставленные в тылу от Вильны до Смоленска. Русские армии отходили по Новой Смоленской дороге, через Дорогобуж, Вязьму и Гжатск (см. черт. 2), прикрываясь аррьергартом Коновницына; французы

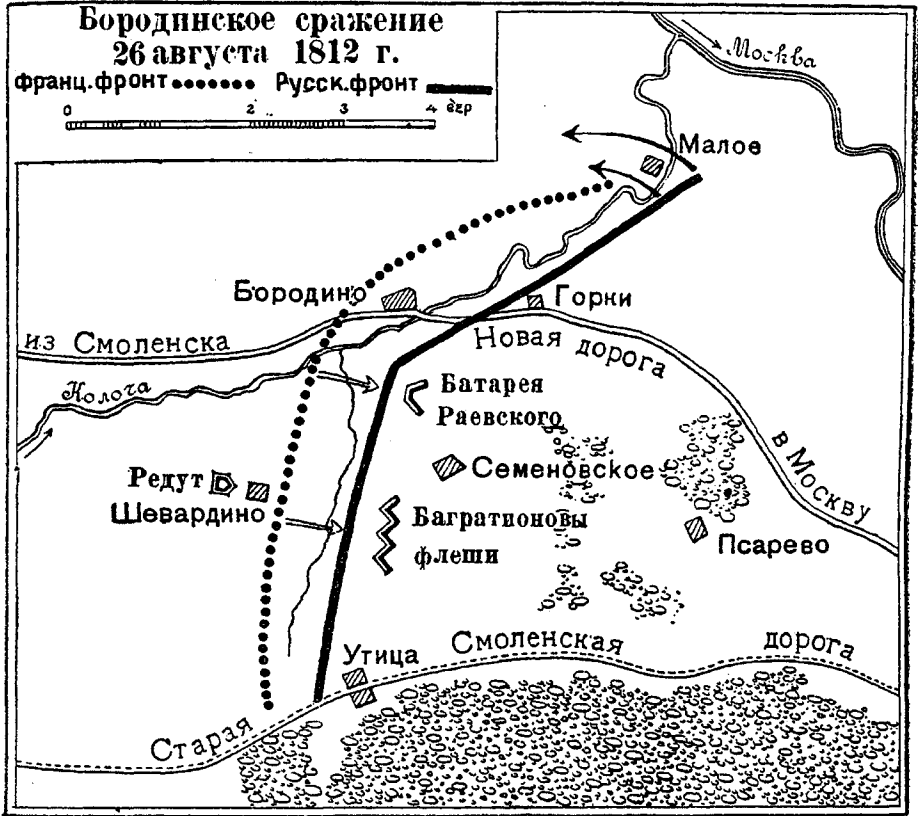
следовали за ними, имея впереди кавалерию Мюрата.

После оставления Смоленска обществственное мнение в Р. требовало дать решительный отпор Наполеону. Под давлением этого Барклай выбрал позицию у с. Усвяты, западнее Дорогобужа, но Багратион забраковал ее. В свою очередь позиция, избранная Багратионом у Дорогобужа, была забракована Барклаем. Последний нашел третью позицию, в одном переходе впереди Гжатска, у Царева Займища; однако, и она не заслужила одобрения Багратиона.

Между тем неблагоприятный ход войны, постоянные отступления, отдача неприятелю обширных земель давно уже вызвали сильное неудовольствие в армии и стране. Оно обращалось, гл. обр., против Барклая де Толли, иноземца, командовавшего самой многочисленной I армией; в народе даже ходили слухи о его измене. Неудовольствие распространилось и на самого царя якобы за его слабость и попустительство; дворянство открыто винило его в неспасении отечества. В конце концов Александр, уступая общему желанию, приказал чрезвычайному комитету (Аракчеев, Салтыков, Вязмитинов, Балашов, Лопухин и Кочубей) разрешить вопрос о верховном командовании вооруженными силами. В заседании 5 авг. комитет единогласно постановил: назначить главнокомандующим над всеми русскими армиями и ополчениями ген. Кутузова (см.). Александр утвердил сделанный выбор, хотя не верил в военные таланты Кутузова и чувствовал к нему нерасположение еще со времени Аустерлица. Новому главнокомандующему было предоставлено действовать по собственному усмотрению, но отнюдь не вступая в переговоры с Наполеоном. Кутузов прибыл к армии в Царево Займище 17 авг. и был восторженно встречен войсками, видевшими в нем

чисто русского человека и ученика великого Суворова. Лично Кутузов был сторонником плана Барклая — отступать до тех пор, пока перевес сил не перейдет на нашу сторону, но он понимал необходимость считаться с настроением народа и армии.

дла к Бородинскому полю тремя колоннами: в средней, по Новой Смоленской дороге — главные силы; в левой, по параллельному пути — корпус вице-короля; в правой, по Старой Смоленской дороге — польский корпус Понятовского. Всего

Черт. 3.

Усилившись прибывшими подкреплениями, русская армия 22 авг. подошла к с. Бородино, в 10 км к зап. от Можайска, где Кутузов решил дать сражение (см. черт. 3). В это время у него было 110 т. чел. при 640 орудиях и сверх того 10 т. ополченцев, совершенно необученных и плохо вооруженных (частью даже пиками). Французская армия подхо-

в распоряжении Наполеона было 130 т. чел. при 587 орудиях.

Днем 24 авг., после упорного боя, войска средней французской колонны овладели передовым пунктом русского расположения, редутом у д. Шевардино. На след. день 25 авг. обе стороны готовились к сражению. Кутузов занял позицию поперек Новой Смоленской дороги, на фронте

в 5 км от с. Малое (на р. Колоче) до д. Утица (на Старой Смоленской дороге). На правом крыле и в центре стала I армия Барклая, левое крыло составила II армия Багратиона. На позиции было устроено несколько укреплений, но по недостатку шанцевого инструмента они не были закончены. Маршал Даву предложил Наполеону произвести обход левого фланга русских у д. Утица, с целью прижать их к Москва-реке, протекающей тут в крутых берегах; но Наполеон, опасаясь, что осторожный Кутузов, заметив обход, снимется с позиции и будет продолжать отступление, решил направить свой главный удар с фронта — на багратионовы флеши и на батарею Раевского (тактический ключ позиции), отстоявшие друг от друга на расстоянии 1 км.

В 6 час. утра 26 авг. с обеих сторон был открыт артиллерийский огонь. В 12-ом часу дня, после нескольких кровопролитных атак, флеши были окончательно взяты французами, при чем смертельно ранен Багратион. Атака батареи Раевского была временно приостановлена движением русской кавалерии Платова и Уварова, перешедшей р. Колочу близ с. Малое и атаковавшей левое крыло французов во фланг и тыл. Правое крыло французов, наступавшее вдоль Старой Смоленской дороги, в районе д. Утица, действовало нерешительно. Около 2 ч. пополудни, после отражения русской кавалерии, французы возобновили атаки батареи Раевского, и через час она окончательно перешла в их руки. Русские войска центра и левого крыла стали постепенно отходить. Однако, Наполеон не решился довершить удар введенным в дело своего последнего резерва — гвардии (20 т.), и к 4 час. без пяти минут захит.

Русские, отойдя на расстояние до 1 км, заняли новую позицию при черной

линии от с. Горки на юг до Стар. Смоленской дороги; французы, с своей стороны, очистили взятые ими багратионовы флеши и батарею Раевского, отведя главные силы за р. Колочу. Т. о. Бородинское сражение имело нерешительный характер. Русские потеряли уб. и ран. 44 т., в том числе во II армии из 34 т. выбыло 20 т.; урон французов доходил до 40 т.; пленных и трофеев почти не было. Если бы Наполеон ввел в дело свою гвардию (20 т.) против Кутузова, уже не имевшего резерва, то сражение, вероятно, окончилось бы разгромом русской армии. Но на неоднократные просьбы маршалов Наполеон отвечал: «В 3.000 км от Франции я не могу рисковать своей гвардией». Благодаря этому гвардия избежала потерь в Бородинском сражении, но лишь для того, чтобы погибнуть при отступлении из Москвы.

В ночь на 27 авг. русская армия начала отступление и 1 сент. подошла к Москве, где начальником штаба Беннигсенем была выбрана позиция на высотах впереди Дорогомиловской заставы, поперек Смоленской дороги. Вечером Кутузов собрал в д. Филях военный совет, которому предложил вопрос: нужно ли принять сражение на избранной позиции, или продолжать отступление, оставив Москву без боя? Беннигсен, Дохтуров, Уваров, Коновницын и Ермолов высказались за сражение; Барклай, Остерман, Раевский и Толь — за отступление. Выслушав все мнения, Кутузов сказал: «С потерей Москвы не потеряна Россия, доколе сохранена будет армия. Уступкой столицы мы приготовим гибель неприятелю. Я намерен идти на Рязанскую дорогу. Знаю, что вся ответственность обрушится на меня, но жертвую собою для блага отечества. Приказываю отступить».

Занятие французами Москвы. — В ночь на 2 сент. началось отступле-

ние русской армии через Москву (черт. 4). Войска вступали в город по Смоленской дороге через Дорогомиловскую заставу и выходили из него через Коломенскую заставу на дорогу, ведущую в Рязань. Главные силы стали на ночлег у д. Панки, где они простояли и следующий день 3 сент., чтобы прикрыть уход жителей, спасавшихся из столицы. 4 сент. русская армия продолжала отступле-

Между тем Кутузов решил перевести армию с Рязанской дороги на Старую Калужскую дорогу для занятия там позиции, которая запирала бы французам доступ в богатые южные губернии и вместе с тем угрожала бы их коммуникационной линии по Смоленской дороге. Главные силы 5 сент. выступили от с. Боровский Мост и двинулись на запад по правому берегу р. Пахры; они пересекли Ка-

Черт. 4.

ние по Рязанской дороге и, перейдя на правый берег р. Москвы, расположилась у с. Боровский Мост в 32 км от Коломенской заставы. Французы вступили в Москву 2 сент., а на след. день она загорелась во многих местах; 4 сент. пожар приблизился к самому Кремлю, откуда Наполеон вынужден был перебраться в Петровский дворец, где оставался до 6 сент., когда огонь начал стихать. Сгорело более $\frac{2}{3}$ строений. Пожар произошел как от поджогов самих жителей, так и вследствие неосторожности войск.

ширскую и Тульскую дороги, после чего, 9 сент., вышли на Старую Калужскую дорогу у с. Красная Пахра. На Рязанской дороге был оставлен казачий отряд Ефремова, который под напором французской конницы Себастиани стал отходить на юг, увлекая ее за собой до Бронниц. Когда Наполеон узнал, что Себастиани потерял из виду главные силы русских, он выдвинул из Москвы к р. Пахре всю кавалерию Мюрата, поддержанную двумя корпусами.

Кутузов счел это движение за на-

чало общего наступления Наполеона и, находя свое положение опасным вследствие близости Москвы, отвел армию на 42 км назад по Старой Калужской дороге к с. Тарутино, где она 20 сент. стала на позиции за р. Нарой. Войска Мюрата двинулись за русской армией и остановились в 7 км от Тарутина на прав. берегу р. Чернишны, впадающей в Нару. Тарутинская позиция прикрывала юг, запирая непосредственно Старую Калужскую дорогу и будучи удалена всего на один переход от Новой Калужской и Тульской дорог. Что касается коммуникационной линии французов (Смоленск — Москва), то Тарутинская позиция находилась в 64 км от нее, считая до Можайска. В середине сент. Барклай-де-Толли был уволен в отпуск, и II армия была присоединена к I-й.

При своем вступлении в Москву 2 сент. Наполеон надеялся найти в ней большие запасы продовольствия и фуража, но не нашел почти ничего, так как содержимое всех складов было роздано жителям или истреблено по распоряжению военного губернатора графа Растопчина (см.). При таких условиях снабжение французской армии в Москве пришлось основать на подвозе из Смоленска (где запасов было недостаточно) и на фуражировках в окрестном уже опустошенном районе. Однако, и это встречало препятствия в быстро развивавшейся партизанской и народной войне.

Первоначальную мысль о такого рода действиях подал гусарский подполковник Денис Давыдов (см.), который незадолго до Бородинского сражения обратился к Багратиону с просьбой дать ему отряд в тысячу всадников для набегов в тылу французской армии. Кутузов приказал назначить, в виде опыта, всего 50 гусар и 80 казаков; но вскоре под влиянием блестящих успехов Давы-

дова его отряд был усилен, и появились также другие партизаны, из коих самыми замечательными были Сеславин, Фигнер и Дорохов. Лесистый характер местности и сочувствие населения, крайне раздраженного против французов за их грабежи, облегчали действия отрядов. Крестьяне доставляли им сведения о неприятеле, служили проводниками, снабжали иногда припрятанным продовольствием и, в случае надобности, укрывали небольшие партии. Вскоре в районе партизанских действий стали формироваться самостоятельные отряды вооруженных крестьян. Партизаны снабжали их оружием, отбитым у неприятеля, давали им инструкторов и вообще руководили их действиями. Во время пребывания французов в Москве партизанские и крестьянские отряды действовали в окрестностях столицы и вдоль коммуникационной линии до самого Смоленска, производя внезапные нападения на транспорты и фуражиров, устраивая им засады и проч.

Для обеспечения подвоза по коммуникационной линии, кроме IX корпуса Виктора, находившегося в Смоленске, Наполеон поставил дивизию Бараре-д'Илье в Вязьме и VIII (вестфальский) корпус Жюно в Можайске, приказав, чтобы большие транспорты двигались не иначе, как под прикрытием отрядов из трех родов войск; но и эта мера, чрезвычайно утомлявшая войска, не помогла делу. Армия Наполеона, находясь в Москве, испытывала нужду в продовольствии и особенно в фураже; кроме того, она несла значительные потери в беспрерывных мелких боях и стычках. За сент. и первую половину окт. французы получили 30 т. чел. подкреплений, но большая часть их пошла на пополнение убитых. При таких условиях Наполеон желал окончания войны. С другой стороны, Кутузов, стараясь подольше задержать

французов, прибег к искусно распускаемым слухам относительно слабости русской армии, общей жажды мира и готовности правительства вступить в переговоры.

Видя, что Александр не возбуждает этого вопроса, Наполеон решил сам сделать первый шаг. В Тарутино прибыл 23 сент. ген.-адъютант Лористон с собственноручным письмом императора к Кутузову, в котором предлагалось заключить перемирие и начать переговоры о мире. На первое предложение Кутузов ответил категорическим отказом, по поводу же второго сказал, что он не имеет соответствующих полномочий и о желании Наполеона доведет до сведения государя. В это время в правящих кругах Петербурга действительно были сторонники прекращения войны. К ним принадлежали и такие близкие к Александру лица, как великий князь Михаил Павлович и Аракчеев. Однако, сам Александр несколько не был расположен к ведению мирных переговоров; наоборот, еще раньше он составил план наступательных действий с целью преградить Наполеону выход из Р.

Сущность этого плана заключалась в следующем (см. *черт.* 1): адмирал Чичагов с войсками бывшей Дунайской армии (см. XXXVI. ч. 4, 55/56), уже прибывшей в сент. на Волынь, должен был соединиться с III армией и оттеснить корпуса Шварценберга и Ренье за р. Буг. После этого Чичагов с главными силами должен был идти через Минск к Борисову и занять линию р. Березины, расположившись на ее правом берегу и войдя в связь с Витгенштейном. Корпус Витгенштейна, усиленный подкреплениями, должен был вытеснить из Полоцка корпуса Сен-Сира и Удино, отбросить их в юго-зап. направлении, двинуться к м. Докшицы, занять течение Уллы и отрезать сообщение с Чичаговым по

правому берегу Березины. Этот план был привезен Кутузову еще во время стоянки армии у Красной Пахры и тогда же передан Чичагову и Витгенштейну для исполнения.

Сознавая невозможность дальнейшего пребывания в Москве, Наполеон решил (см. *черт.* 4) двинуться по Старой Калужской дороге, перейти на Новую Калужскую дорогу (у с. Фоминское), притянув к себе авангард Мюрата, затем отбросить армию Кутузова к югу и, освободившись от нее на некоторое время, направиться по дороге из Калуги на Смоленск, по местности еще не опустошенной. Выступление из Москвы было ускорено тем, что утром 6 окт. авангард Мюрата, стоявший к с. от Тарутина, за р. Чернишней, был внезапно атакован русскими войсками и отступил с потерей 38 орудий. Получив известие об этой неудаче, Наполеон отдал приказание о немедленном выступлении из Москвы.

От Москвы до Орши. К этому времени во французской армии было 107 т. чел.; но конский состав кавалерии и артиллерии находился в таком состоянии, что эти роды войск почти утратили способность маневрирования. Русская армия, сосредоточенная у Тарутина, заключала в своих рядах 97 т. регулярных войск (не считая ополчения) и 20 т. казаков; она была обильно снабжена всем необходимым.

Выступление французов из Москвы по Старой Калужской дороге началось с вечера 6 окт. За войсками, кроме военного обоза, следовали многочисленные повозки с награбленным имуществом и экипажи разных иностранцев, пожелавших вместе со своими семьями выехать из Москвы. Многие больные и раненные французы, еще не совсем оправившиеся от болезней, добровольно вышли из госпиталей и сопровождали свои чарки. Для прикрытия отступления мар-

шал Мортье с 8 т. чел. был оставлен в Москве до 11 окт., после чего ему было велено отходить на Верею. Движение французской армии по вышеуказанному маршруту, через с. Фоминское, было обнаружено партизаном Сеславиным, который видел самого Наполеона со свитой. Вечером 11 окт. шедшая в авангарде по Новой Калужской дороге дивизия Дельсона, из корпуса вице-короля, подошла к Малоярославцу. На рассвете 12 окт. туда прибыл с другой стороны корпус Дохтурова. Начался бой, продолжавшийся 18 часов; город 8 раз переходил из рук в руки, но в конце концов остался за французами; противники потеряли по 6 т. чел. В продолжение этого боя главные силы Наполеона (63 т.) сосредоточились к с. от Малоярославца. Кутузов, успев передвинуть свою армию от Тарутина, стал в 2 км к югу от Малоярославца. Ген.-квартирмейстер армии Толь и некоторые начальники советовали Кутузову атаковать французов и дать решительное сражение, так как он имел почти двойное превосходство сил, но главнокомандующий не пожелал рисковать, сказав: «Все это развалится и без меня». Эти слова сделались как бы лозунгом для его дальнейших действий до самого конца войны.

Состоявший при главной квартире английский генерал Вильсон, по усвоенной уже англичанами привычке смотреть на русскую армию как на орудие для достижения своих политических целей, также пробовал настаивать на генеральном сражении, но Кутузов ответил ему с полной откровенностью: «Я уже несколько раз говорил вам, что вовсе не убежден, будет ли великим благодеянием для вселенной совершенное уничтожение Наполеона и его армии. Наследство его достанется не Р. или какой-либо другой из держав материка, а той державе, которая уже

теперь господствует на морях, и тогда преобладание ее будет невыносимо».

14 окт. Кутузов начал отступление по Калужской дороге, оставив у Малоярославца сильный арьергард Милорадовича и казаков Платова. 16 окт. главные силы русской армии расположились у Полотняных Заводов, в 42 км к с.-з. от Калуги. Наполеон не только не преследовал русских, но сам совершил отступательный марш через Боровск и Верею к Можайску, где 16 окт. вышел на свою коммуникационную линию — опустошенную Смоленскую дорогу.

С этого дня началось бедственное отступление Великой армии (см. черт. 2). Она вытянулась в одну походную колонну, более двух переходов в глубину: впереди шла гвардия, при которой находился император; затем следовали корпуса Нея, Жюно, Понятовского и вице-короля; обозы двигались между корпусами; арьергард составлял корпус Даву. Взятые из Москвы запасы продовольствия (судя по мемуарам Наполеона, на 20 дней) приходили уже к концу, отчасти вследствие неэкономного их расходования, а пополнить их можно было лишь в Смоленске, до которого от Можайска оставалось ок. 265 км. В поисках продовольствия солдаты партии разбредались по окрестностям, при чем зачастую попадали в руки партизан и вооруженных крестьян, не дававших им пощады. С 16 окт. начались первые морозы, ок.—4°R, сопровождаемые сильными ветрами.

При действиях против отступающей армии Наполеона Кутузов решил применить так наз. параллельное преследование. Это выражено в его письме к Витгенштейну от 16 окт.: «Полагаю противнику нанести величайший вред параллельным преследованием». Главные силы русских двигались в 10—20 км южнее Смоленской дороги по параллельным пу-

тям, прикрываясь боковым авангардом Милорадовича, шедшим еще ближе к французам. Такое преследование, угрожая неприятелю постоянным обходом, заставляло его идти безостановочно, делая усиленные переходы. Одновременно с тылу французскую армию преследовали казаки Платова, поддержанные пехотной дивизией; наконец, партизанские отряды и вооруженные крестьяне окружали неприятеля, как рой пчел, нападая преимущественно на обозы.

Привык 19 окт. в Вязьму, Наполеон получил донесение о том, что II и VI корпуса, обеспечивавшие его операционную линию слева и находившиеся в Полоцке 6 окт. атакованы Витгенштейном и вынуждены к отступлению на лев. берег Двины и что на помощь им выступил из Смоленска маршал Виктор с большей частью своего корпуса (см. *черт.* 1). Впоследствии в этом районе произошло следующее: VI (баварский) корпус, в котором было всего 5 т. чел. под нач. баварского ген. Вредъ, отступил к м. Глубокому и потом к Вильне, а II корпус Удино направился к Чашникам на р. Улле, где 18 окт. соединился с Виктором. Витгенштейн также двинулся к Чашникам и 19 окт. разбил Виктора и Удино, которые отошли к Черее.

Под Вязьмой 22 окт. франц. армии пришлось выдержать бой с боковым авангардом Милорадовича и казаками Платова. Во время этого боя главные силы Кутузова были всего в 10 км, но он не пожелал ввести их в дело. В ночь на 23 окт. началась сильная метель, которая продолжалась трое суток. Хотя мороз был всего 3—4°R, но французы, не имевшие теплой одежды и принужденные по большей части ночевать под открытым небом, страдали от холода ¹⁾.

¹⁾ Данные о температуре зимнего похода взяты из статьи партизана Давыдова: «Мороз ли кстребил французскую армию в 1812 г.».

Лошади, не получавшие фуража, падали сотнями, служа пищей голодным солдатам. Путь Великой армии обозначался трупами людей и лошадей, брошенными орудиями, зарядными ящиками и повозками.

Вечером 28 окт. Наполеон с гвардией прибыл в Смоленск; в течение следующих трех дней здесь сосредоточилась вся армия. Мороз 28, 29 и 30 окт. был —12°R, а 31 окт. и 1 ноября —17°R. Запасов в Смоленске оказалось недостаточно. По сделанному учету, в армии состояло 50 т. вооруженных людей, в том числе 5 т. кавалерии на совершенно истощенных лошадях; большая часть артиллерии была уже брошена, оставшиеся орудия едва тащились; безоружных солдат было ок. 30 т. Русской армии, несмотря на теплую одежду, хорошее питание и большой подъем духа, ее параллельное преследование также стоило не дешево: войскам приходилось двигаться по проселочным дорогам, занесенным снегом, и делать большие переходы, чем французам, шедшим по прямому пути.

Дальнейшее отступление от Смоленска к Орше Наполеон приказал произвести по-эшелонно, чтобы возможно большее число людей могло ночевать под крышей. Из Смоленска 31 окт. выступил первый эшелон, корпуса Жюно и Поянатовского; 1 ноября — гвардия с императором; 2 ноября — корпус вице-короля; 3 ноября — корпус Даву и, наконец, 4 ноября — пятый эшелон, корпус Нея, составлявший арьергард. Т. о. армия растянулась более, чем на 4 перехода, что вызвало опасность поражения по частям. Близ г. Красного для французов создалось катастрофическое положение, из которого они вышли лишь благодаря тому, что Кутузов уклонился от решительного столкновения с Наполеоном. Тем не менее, в боях под Красным с 3 по

6 ноября французы потеряли 6 т. уб. и ран., 20 т. пленными и 228 орудий (вместе с оставленными). Потеря русских состояла всего из 2 т. чел. Погода в это время была более благоприятная: со 2 ноября морозы уменьшились до -4°R , а с 6 числа наступила оттепель, продолжавшаяся до 12 ноября, когда опять настали небольшие морозы.

ная часть этих парков была сожжена, о чем впоследствии пришлось очень пожалеть; также были сожжены и обозы, за исключением самых необходимых повозок, для которых vybrаны лучшие лошади. Для охраны императора из кавалерийских офицеров, сохранивших своих лошадей, был образован, под командой маршала Груши, так наз. священный эскадрон

Черт. 5.

В дни 6—8 ноября остатки франц. армии собрались в Орше, где были продовольственные магазины и мост через Днепр. Войска получили продовольствие на несколько дней, и в их организации были произведены некоторые перемены. Из находившихся в артиллерийском парке в Орше 36 орудий было сформировано 6 батарей; для запряжки их Наполеон приказал взять 600 совершенно свежих лошадей в двух понтонных парках, раньше оставленных в Орше. Материаль-

в 500 коней, в котором взводами командовали генералы.

Березинская операция. Накануне своего прибытия в Оршу, 6 ноября, Наполеон получил известие о занятии Минска армией Чичагова. Являлось опасение, что она овладеет предместным укреплением на правом берегу Березины против г. Борисова (см. черт. 5), обеспечивавшим французам переправу. В виду этого император приказал маршалу Виктору направить к Борисову, в качестве

авангарда армии, корпус Удино, по возможности скрыв свое ослабление от Витгенштейна. Приближение Чичагова заставило Наполеона 8 ноября выступить из Орши с гвардией, а на следующий день оттуда ушли и последние французские войска, уничтожив мост на Днестре.

Прибыв в м. Толочин 10 ноября. Наполеон получил от бывшего впереди Удино ошеломляющее известие о том, что армия Чичагова заняла Борисов. Действительно, на рассвете 9 ноября русский авангард захватил печальным нападением некоторые из укреплений обширного борисовского тет-де-пона, после чего остальные были взяты штурмом. Оборонявшие их поляки отошли на лев. берег и, очистив г. Борисов, отступили к с. Бобр, где присоединились к Удино.

К вечеру 10 ноября французы были расположены так: корпус Удино — у с. Бобр; главные силы Наполеона — у Толочина и корпус Виктора — у Черей. Общая численность этих войск составляла не более 40 т., при чем главная масса их принадлежала корпусам Виктора и Удино; приблизительно столько же было безоружных. Положение русских было следующее: армия Чичагова (35 т.) — у г. Борисова на лев. берегу Березины; корпус Витгенштейна (40 т.) — в с. Чашники, на р. Улле; казаки Платова и отряд Ермолова (10 т.), переправившийся через Днепр у Дубровны, — непосредственно в тылу Наполеона; главные силы Кутузова подходили с востока к м. Копысу на Днестре; партизаны, пользуясь лесистой местностью, окружали французскую армию.

Итак, приведенный выше план имп. Александра — заградить Наполеону путь отступления из Р. — был осуществлен с теми изменениями, что армия Чичагова и корпус Витгенштейна находились не на правом, а на лев. берегу Березины; главные

же силы Кутузова вместо того, чтобы при своем параллельном преследовании двигаться на одном уровне с главными силами Наполеона, отстали от них в решительный момент км на 40, находясь еще за Днепром. Во всяком случае жалкие остатки Великой армии были окружены между Березиной и Днепром русскими войсками. Наполеону предстояло проехать через Березину переправу: наступательную по отношению к армии Чичагова и отступательную относительно других русских войск. Положение французов казалось безвыходным, но выход для них нашелся вследствие того, что с русской стороны почти отсутствовало общее управление березинской операцией.

В 6 час. утра 11 ноября Чичагов выслал авангард Палена (3 т.) из Борисова по Оршинской дороге. В 10 ч. он предполагал последовать за ним с главными силами, дойти до с. Бобр и, принудив корпус Виктора к отступлению, войти в связь с Витгенштейном. Затем адмирал хотел устроить ряд укрепленных позиций и задержать главные силы Наполеона, давая Кутузову возможность нагнать их. Т. о., первоначальные действия Чичагова отличались решительностью: он выдвинулся навстречу Наполеону для того, чтобы выиграть время. Между тем, в то же утро 11 ноября, корпус Удино выступил от с. Бобр к Борисову, с целью овладеть переправой. Западнее д. Лошница авангард Палена, двигавшийся без охранения, был атакован французами и в полном беспорядке отброшен к гор. Борисову.

Чичагов, переоценивая силы неприятеля, счел опасным принять бой тылом к р. Березине и потому перенес все войска на правый берег, уничтожив борисовский мост. Французы заняли г. Борисов, захватив находившиеся там обозы. Адмирал с своими главными силами стал про-

тив Борисова, выдвинув влево, к с. Брили, отряд Чаплица и вправо, для наблюдения в районе между Борисовым и с. Нижнее Березино — отряд графа О'Рурка. Следовательно, он занял участок Березины в 75 км (Брили—Ниж. Березино), преграждая Наполеону путь на Вильну. В этом положении его армия простояла и след. день 12 ноября.

На основании собранных сведений и рекогносцировок, французы избрали пункт переправы у д. Студянка в 13 км выше Борисова, где в сухое время года открывался брод. Желая отвлечь внимание Чичагова от этой местности и внушить ему мысль, будто переправа произойдет ниже Борисова, в направлении на Минск (что было вполне правдоподобно), Удино произвел ряд искусных демонстраций. В то же время Наполеон, с целью прикрыть от Витгенштейна будущую переправу у Студянки, приказал маршалу Виктору перейти из Черей в Бараны. Виктор, не зная намерения императора и полагая, что переход армии через Березину совершится ниже Борисова двинулся по собственной инициативе вместо Баран на Лошницу, став к с. от нее. Понятно, что, получив донесение о движении корпуса Виктора в указанном направлении, Витгенштейн сделал из этого вывод о желании Наполеона переправиться через Березину ниже Борисова, о чем немедленно сообщил Чичагову. Последний, введенный этим в заблуждение, 13 ноября перешел с главными силами к д. Шебашевичи, в 25 км к ю. от Борисова: отряд О'Рурка был перемещен в Ниж. Березино; Чаплиц с половиной своего отряда (2 бат., 12 эск. и 8 ор.) — переведен к Борисову, а у д. Брили, против Студянки, осталась лишь другая половина его войск под начальством Корнилова. (2 бат., 3 каз. полка и 4 ор.)

Вечером 13 ноября корпус Удино двинулся от Борисова к Студянке. Корпус Виктора стоял к с. от Лошницы, в виде заслона против Витгенштейна, который из Чапников перешел в Бараны. Остальные части франц. армии находились близ Борисова и на марше туда из Лошницы. Казаки Платова теснили неприятеля с тыла по Оршинской дороге; отряд Ермолова следовал за ними в небольшом переходе. Кутузов оставался в Копысе, в 130 км от Студянки, занимаясь постройкой моста через Днепр.

С утра 14 ноября Удино приступил к устройству переправы у Студянки. Вследствие прибытия воды Березина имела в этом месте ширину 98 м при глубине на фарватере 1,8 м. На реке был сильный ледоход: при морозе в — 3° R. Лесистая местность на левом берегу Березины скрывала сосредоточение войск и все подготовительные работы. Прежде всего на плотях, связанных за ночь, было переезжено на правый берег 400 егерей, которые отеснили сторожевые посты Корнилова. Затем 40-орудийная батарея, поставленная у Студянки, засыпала отряд Корнилова снарядами и заставила его искать укрытия в Стаховском лесу, находившемся на дороге из Брили в Борисов.

За неимением понтонных парков, сожженных в Орше, мосты пришлось строить из подручного материала, полученного от разборки строений в Студянке. Были построены два моста на козлах: один для войск, оконченный к часу пополудни, и другой для артиллерии и обозов — к 4 ч. вечера. По первому тотчас же перешел корпус Удино, который повернул налево в Стаховский лес, отеснил войска Корнилова и прибывшего к нему на помощь Чаплица, прикрыв переправу со стороны Борисова. Затем стала переходить гвардия; остальные войска постепенно прибывали к

Студянке от Борисова; последним двигался корпус Виктора, который оставил у Борисова, в качестве аррьергарда, дивизию Партуно. Переправа происходила чрезвычайно медленно, т. к. мосты, сделанные из плохого материала, часто ломались. К счастью для французов, русские 15 ноября их совершенно не тревожили.

Чичагов, получив в полдень 14 ноября известие о переправе у Студянки, первоначально счел это за демонстрацию. Он выступил из Шибашевичей только утром 15 ноября и вечером остановился на ночлег близ Борисова. Витгенштейн знал, что у Студянки происходит переправа, но не пожелал вступать в бой с войсками, предводимыми самим Наполеоном, а предпочел в погоне за более дешевыми лаврами, наступать на Борисов, где он отрезал и взял в плен дивизию Партуно. В ночь на 16 ноября был наведен мост у Борисова, благодаря чему Чичагов вошел в непосредственную связь с Витгенштейном и Платовым, находившимися в городе Борисове, и с Ермоловым, ночевавшим в 18 км от Борисова. Адмирал предложил Витгенштейну перейти на прав. берег Березины и присоединиться к нему, но последний предпочел действовать самостоятельно.

На следующий день, 16 ноября, армия Чичагова (30 т.), поддерживаемая казаками Платова и отрядом Ермолова (10 т.), атаковала французов на прав. берегу Березины в Стаховском лесу. С их стороны в бою участвовали войска Удино и Нея (всего 10 т.), за которыми в резерве стояла гвардия (7 т.). На лев. берегу корпус Витгенштейна (40 т.) наступал на Студянку, около которой оставалась лишь часть корпуса Виктора (7 т.), прикрывавшая переправу обозов и безоружных. На обоих берегах русские войска вводились в бой по частям и действовали без связи

и единства. Вследствие этого, несмотря на упорство атак, французам удалось удержаться на позициях до наступления темноты. В ночь на 17 ноября Виктор перешел на прав. берег, а утром в 8 час. мост был сожжен, при чем много обозов и безоружных осталось на лев. берегу. Главные силы Кутузова не приняли никакого участия в березинской операции. Перейдя Днепр по наведенному мосту у Коньса только 14 ноября, он двинулся через Круглое к с. Михеевичи, куда прибыл 17 ноября, и на следующий день дал дневку войскам. Такие странные, на первый взгляд, действия Кутузова объясняются его политическими взглядами, о чем было сказано выше.

Спасаясь от окружения на берегах Березины армия Наполеона заключала в своих рядах, по свидетельству французских писателей, 9 т. чел. при 24 орудиях и сверх того около 30 т. безоружных. Она направлялась по пути через Зембин, Камень и Сморгонь на Вильну и Ковно. Морозы, снова усилившиеся, доходившие до -25°R и продолжавшиеся ок. 20 дней, что являлось исключительным для этого края, довершили расстройство французских войск. Русские продолжали преследование по трем путям (см. *черт. 1*): казаки Платова и армия Чичагова следовали непосредственно за Наполеоном; корпус Витгенштейна — правее, через Вилейку для того, чтобы воспрепятствовать соединению Наполеона с X (прусским) корпусом Макдональда, действовавшим в районе Риги; главные силы Кутузова — левее, через Ольшаны, выполняя такую же задачу относительно XII (австрийского) корпуса Шварценберга и VI (саксонского) корпуса Ренье, которые находились в районе Слонима. Впрочем, эти предосторожности оказались излишними, т. к. после поражения главных сил французов фланговые

корпуса, составленные из иностранных войск, поспешили выйти из Р.

В Сморгони, в ночь с 23 на 24 ноября, Наполеон покинул армию, передав командование Мюрату и выехав через Варшаву и Дрезден в Париж. Для прикрытия дальнейшего отступления был образован под начальством маршала Нея аррьергард из недавно прибывшей в Вильну дивизии Луазона и баварцев Вреде, но и он быстро растаял. В первых числах дек. 1812 г. прежняя Великая армия в числе 1 т. вооруженных при 9 орудиях и 20 т. безоружных перешла границу близ Ковно.

Русская армия также понесла большие потери: из 97 т. регулярных войск, выступивших от Тарутина под личным начальством Кутузова, пришло в Вильну только 40 т., убито и ранено 12 т., заболело 45 т.; армия Чичагова, имевшая на Березине 30 т., уменьшилась до 17 т.; корпус Витгенштейна, сохранившийся гораздо лучше, с 40 т. сократился до 34 т. Всего за войну 1812 г., продолжавшуюся почти 5½ месяцев, русская армия потеряла: от неприятельского оружия — 110 т. и от болезни — 90 т. чел.

После изгнания французов из Р. фельдмаршал Кутузов, который был не только хороший полководец, но и очень ловкий политик, решительно высказался за прекращение войны. Он доказывал, что «Наполеон теперь уже для Р. не опасен и следует побережь его для англичан, которые стремятся захватить его наследство в ущерб Р. и другим континентальным державам». Кутузов сказал Александру: «Ваш обет исполнен: ни одного вооруженного неприятеля не осталось на русской земле; теперь остается исполнить и вторую половину обета — положить оружие». Того же взгляда держался и государственный канцлер гр. Румянцов, дипломат скатерининской школы. Общественное мнение

в Р. также высказывалось против заграничного похода. Но, вопреки всему этому, имп. Александр пожелал быть «спасителем Европы», следствием чего явилась война с Францией 1813—1814 гг.

26) *Война с Францией 1813—1814 г.* (см. XLV, ч. 1, 222/23). Потери русской армии от неприятельского оружия были 92 т. По генеральному акту Венского конгресса (см. XXXVI, ч. 1, 629) Р. получила часть созданного Наполеоном герцогства Варшавского (Царство Польское), ок. 2.200 кв. миль.

27) *Война с Персией 1826—1828 г.* (см. XXIII, 38/39, и выше, стб. 14). По Туркманчайскому миру к Р. присоединены Эриванское и Нахичеванское ханства, всего ок. 350 кв. миль. Потери русск. армии от неприятельского оружия — 2 т.

28) *Война с Турцией 1828—1829 г.* В 1827 г., для защиты восставших греков, к берегам Греции были направлены 3 эскадры: русская, английская и французская в составе 26 судов с 1.298 ор. и 17½ т. ч. экипажа. Уничтожение в одном сражении при Наварине 8/20 окт. 1827 г. (см. XVII, 9) почти всех морских сил Турции не сделало султана Махмуда II сговорчивым; продолжались нарушения постановлений Бухарестского мира (см. XXXVI, ч. 4, 56) и последующих соглашений, и 14 апр. 1828 г. Р. объявила Турции войну.

Сущность русского плана войны (см. XXXVI, ч. 4, 43/44, черт. 7) в европ. Турции заключалась в том, чтобы перейти Дунай в нижнем его течении и наступать вдоль побережья Черного моря на Константинополь. При этом снабжение армии предполагалось основать гл. образом на подвозе по морю, где господствовал русский флот. Для ведения войны была назначена расквартированная в южной Р. 2-я армия фельдмаршала графа Витгенштейна, в составе III, VI и VII

корпусов, усиленных некоторыми частями. Вместо штатных 120 т. чел., в действительности, вследствие огромного некомплекта, в них состояло всего 65 т. боевого состава¹⁾. При расстоянии от Нижнего Дуная до Константинополя ок. 640 км и при нахождении на пути нескольких турецких крепостей, силы Дунайской действующей армии были недостаточны для скорого разрешения поставленной задачи. Главной причиной этой слабости на театре военных действий было то пренебрежение к туркам, которое явилось результатом легких побед над ними в предшествовавших войнах. К тому же было известно, что вся военная система Турции находится в периоде реорганизации. В июне 1826 г. Махмуд II истребил янычар, эту могущественную недисциплинированную касту (см. ХLI, ч. 10, 198), и приступил к формированию регулярной армии. К началу войны на всем Балканском полуострове находилось около 150 т. турецких (половина регулярных) войск.

Русская армия перешла границу 25 апр.: VI корпус беспрепятственно занял Молдавию и Валахию; VII корпус, с единственным в армии осадным артиллерийским парком, осадил 1 мая крепость Браилов, занятую 8-тысячным гарнизоном. Из состава III корпуса, переправившегося через Дунай 27 мая между Рени и Измаилом, у с. Сатунова, был выделен 4-тысячный отряд кн. Меншикова, направленный на судах к берегам Кавказа, с целью взять турецкую крепость Анапу (в 32 км к югу от устья Кубани), являющуюся центром, откуда турки поддерживали враждебных Р. кавказских горцев. Главная часть III корпуса (при нем находился Николай I с начальником гл. штаба

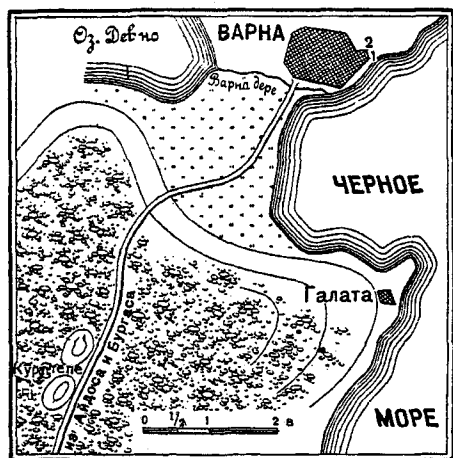
Дибичем и главнокомандующим Витгенштейном), выслал отряды для овладения крепостями в Добрудже и оставшись в составе всего 16 тыс., двинулась на ю. и 13 июня заняла г. Карасу в 160 км от Сатунова, на линии Черноводы — Кюстенджи.

Тем временем, руководивший осадой Браилова вел. кн. Михаил Павлович произвел 3 июня штурм крепости, который был отбит с потерей 1.977 ч. уб. и ран. Однако, действия рус. войск и разрушения, произведенные примененными при осаде минами, произвели такое впечатление на турок, что 7 июня Браилов сдался. Русские, потеряв в общем ок. 4 т. ч., взяли 300 орудий и значительные артиллерийские и продовольственные запасы, но гарнизон получил право выхода и дальнейшего участия в войне, при чем большая часть его переместилась в крепость Силистрию. Ген. Рот с частью VI корпуса (10 т.), занимавшего Молдавию и Валахию, перешел Дунай и обложил Силистрию. Остальные крепости Добруджи (Исакча, Мачин, Гирсово, Тульча и Кюстенджи) также сдались на капитуляцию отрядам III корпуса. В конце июня III корпус, сосредоточив свои силы, передвинулся на 85 км к югу, в Базарджик, где к нему присоединился освободившийся после сдачи Браилова VII корпус.

Выслал отряды для наблюдения за Варной и для занятия г. Праводы, армия подступила 8 июля со стороны Ени-Базара к Шумле, где уже собралось 40 т. ч. под нач. оераскира Гуссейна-пашы. Так как он не обнаруживал желания выйти в поле, то было решено перейти к блокаде Шумлы. Однако, эта задача оказалась непосильной, и после значительных потерь от вылазок неприятеля русские вынуждены были постепенно снять блокаду и ограничиться наблюдением за Шумлой, стянув в конце авг. свои силы на укрепленной пози-

¹⁾ Эти цифровые данные, как и последующие сведения о численности, взяты из труда Мольтке: «Der russisch-türkische Feldzug in der europäischen Türkei 1828 und 1829».

нии к в. от нее. Вследствие неблагоприятных климатических и бытовых условий, санитарное состояние русской армии было очень тяжелое; число больных доходило до 35% списочного состава; особенно свирепствовали дизентерия и перемежающаяся лихорадка. Кавалерия, артиллерия и обозы потеряли большую часть своего конского состава, т. к. от жары трава на лугах выгорела, зернового фуража на театре войны было очень мало, в питьевой воде также ощущался недостаток; расстройство обоз-

Черт. 6.

ной части в свою очередь отражалось на подвозе продовольствия тем войскам, которые были удалены от морских гаваней.

Между тем десантный отряд Меншикова взял 12 июня Анапу, после чего на черноморской эскадре адм. Грейга вернулся к армии в середине июля. Меншикову было приказано, присоединив к себе войска, наблюдавшие за Варной, приступить к осаде ее (черт. 6). Гарнизон Варны состоял из 15 т. хороших войск под нач. энергичного коменданта Юсуфа-паши. Меншиков обложил Варну с сев. стороны, при чем для инженер-

ной атаки избрал небольшой участок крепостной ограды между 1 и 2 бастионами, примыкавший к морю, что облегчало доставку с эскадры всего необходимого для осады. Осадный корпус состоял только из 9 т. ч., осадной артиллерии не было, и ее пришлось заменить тяжелыми орудиями, снятыми с судов эскадры. Днем 6 авг. флот бомбардировал крепость; в ночь на 7 авг. была заложена первая параллель, длиною ок. 200 м, в расстоянии 300—500 шаг. от наружного рва. Осадные работы были ведены с напряжением всех сил, но при полуторном численном превосходстве гарнизона, упорно оборонявшего каждую пядь земли, и при том условии, что с юга доступ в крепость был свободный, успех атаки представлялся сомнительным. Наконец, 28 авг. к Варне подошла гвардия в числе 12 т. ч., что дало возможность обложить крепость и с южн. стороны. Однако, ген. Головин, на которого было возложено разрешение этой задачи, не решился со своим 5-тысячным отрядом стать поперек дороги из Варны в Айдос, т. к. опасался быть атакованным с тыла; он расположился на полуострове Галата, заняв фланговое положение относительно названной дороги. 3 сент. прибыл к Силистрии II корпус (20 т.) и сменил отряд Рота (10 т.), который выступил к Шумле. 4 сент. подошла к Варне осадная артиллерия. Между тем великий визирь Мехмет Селим-паша выслал 30-тысячный корпус Омера-Врионе-паши для вырочки Варны. 14 сент. Омер занял командующую высоту Курт-тепе, в 6 км к ю. от Варны, и начал на ней укрепляться. Для противодействия ему вышеупомянутый отряд Головина был усилен до 6 т., и высшее начальство над ним поручено ген. Бистрому; в то же время с з. от Шумлы был выдвинут отряд принца Евгения Виртембергского (более 6 т. чел.).

18 сент. эти отряды атаквали укрепленную позицию турок с двух сторон, но были отбиты с потерей 1.400 ч. После этого положение под Варной сделалось затруднительным для русских, но Юсуф-паша 29 сент. неожиданно сдался на капитуляцию. Мольтке, хорошо знакомый с турецкими делами, объясняет это взменой с его стороны: Юсуф узнал, что вследствие дворцовой интриги уже состоялось решение об его увольнении и конфискации его обширных имений. В Варне русские взяли 6 т. пленных и 178 орудий; кроме того, из состава гарнизона около 4 т. чел. было отпущено без оружия с обязательством не сражаться в эту войну. Узнав о капитуляции крепости, Омер-паша поспешно отступил от Курт-тепе к Айдосу. Общая потеря русских под Варной составила 6.203 ч.

В то время как описанные главные операции происходили на побережье Черного моря, турки угрожали вторжением в Валахию со стороны Виддина, но 14 сент. барон Гейсмар с 4-тысячным отрядом разбил 26 т. турок (преимущественно иррегулярной кавалерии) у с. Бойлешти; месяц спустя он взял укрепленный город Калафат (против Виддина), что окончательно прекратило наступательные попытки турок в тыловом районе.

Взятием Варны закончилась кампания 1828 г. на Балканском театре, и в начале ноября русская армия расположилась на зимние квартиры.

В течение зимы противники действительно готовились к возобновлению военных действий. В Константинополе было сформировано около 50 т. регулярных войск, большая часть которых послана в Шумлу. Султан назначил верховным визирем Решид-Мехмеда-пашу, поставив ему первой целью — оттеснить русских за Дунай. 13 февр. прибыл в Яссы новый главнокомандующий русской армией Дибич. Он обратил особое внимание на

устройство хозяйственной части, причем, между прочим, были образованы воловьи и верблюжьи транспорты. Действующая армия состояла из II, III, VI и VII корпусов, с добавлением 22 малочисленных казачьих полков, всего 68 т. чел. боевого состава.

Дибич, 5 мая 1829 г., со II и III корпусами и осадной артиллерией подступил к Силистрии по правому берегу Дуная и обложил ее с трех сторон (см. черт. 7, XXXVI, ч. 4, 43/44). На лев. берегу еще раньше были построены батареи для обстреливания города. Русская речная флотилия стала на Дунае выше и ниже крепости. Осадные работы начались 7 мая. Желая отвлечь русских от Силистрии, визирь, выйдя из Шумлы, в конце апр. и в полов. мая дважды демонстративно наступал в районе Арнауэглара и Правод. Получив известие о выходе главных сил турок из Шумлы, Дибич поручил продолжение осады Силистрии ген. Красовскому, а сам с 18 т. выступил на юг с целью дать визирю сражение в открытом поле. Последний пошел обратно в Шумлу, но Дибич с 28 т. успел преградить ему путь, зная позицию поперек дороги из Праводы в Шумлу, близ д. Кулевча. В сражении 30 мая турки были разбиты, потеряв 2 т. пленными и 50 орудий. Потеря русских состояла из 2¹/₂ т. убит. и ранен. Дибич остановился под Шумлой, выжидая падения Силистрии, которая сдалась 18 июня (6¹/₂ т. плен. и 253 орудия); в конце месяца осаждавшие ее войска Красовского подошли к Шумле. В русской армии попрежнему свирепствовали лихорадка, дизентерия и чинга; в начале мая в районе Варны появилась чума.

Несмотря на такую зловещую обстановку, Дибич не отказался от забалканского похода. Оставив для наблюдения за Шумлой Красовского с 15 т. ч., он с 35 т. выступил в

первых числа июля за Балканы по двум дорогам: Праводы—Айдос (65 км) и Варна—Бургас (96 км). После соединения обеих колонн в районе Айдоса, Дибич продолжал наступление к Адрианополю, при чем главные силы двигались через Карнабат, Сливно и Ямболъ на протяжении около 215 км, без труда рассеивая встре-

Босфор. Уступив суровым требованиям Р., турецкие уполномоченные 2 сент. подписали мирный договор. По этому поводу Мольтке говорит: «Дибич прибыл к Адрианополю с тенью армии, но с репутацией непобедимости». В действительности его положение в Адрианополе было критическим: малочисленная русская армия таяла от болезней, а в Константинополе было собрано около 30 т. свежих войск, и Мустафа-паша, бывший янычар, с 40 т. албанцев находился в Софии, выдвинув свои передовые части к Филиппополю.

Одновременно (1828—1829) происходили военные действия и на второстепенном малоазиатском театре (черт. 7). Командиру Кавказского отдельного корпуса Паскевичу было приказано овладеть Карским и Ахалцхским пашалыками, чем попутно достиглось и отвлечение неприятельских сил от главного театра. За выделением войск для поддержания спокойствия в Закавказьи и для охраны границы, у Паскевича оставалось не более 18 т. Турки имели около 60 т., не считая

ополчения курдов и лавов. Несмотря на такое неравенство сил, Паскевич двинулся от укрепления Гумры (Александрополь) прямо на Карс и 23 июня взял его штурмом. Спустя месяц сдалась после короткого бомбардирования небольшая крепость Ахалкалаки; 9 авг. Паскевич разбил близ Ахалцыха 30 т. турок пол нач. главнокомандующего Кюса-Магомета-паши и 15 авг. овладел этой сильной крепостью посредством штурма. Ардаган

Черт. 7.

жавшиеся турецкие войска; зато усилившиеся в походе болезни настолько косили русскую армию, что 7 авг. она подошла к Адрианополю в числе не более 20 т. чел. Комендант Галль-паша без сопротивления сдал город; 14-тысячный турецкий гарнизон получил разрешение отступить, но только не к Константинополю. В то же время балгийская эскадра адм. Гейлена блокировала Дарданеллы, а черноморская адм. Грейга —

на такое неравенство сил, Паскевич двинулся от укрепления Гумры (Александрополь) прямо на Карс и 23 июня взял его штурмом. Спустя месяц сдалась после короткого бомбардирования небольшая крепость Ахалкалаки; 9 авг. Паскевич разбил близ Ахалцыха 30 т. турок пол нач. главнокомандующего Кюса-Магомета-паши и 15 авг. овладел этой сильной крепостью посредством штурма. Ардаган

сдался без боя; левофланговый отряд кн. Чавчавадзе 27 авг. взял Баязет. Оставив во всех этих крепостях небольшие гарнизоны, Паскевич расположил остальные войска на зимние квартиры.

В февр. 1829 г. Ахмет-бек Аджарский с 20 т. штурмовал Ахалцах, но был отбит. В середине мая, сераскир Салех, собрав до 70 т., решил двинуться на выручку Карса; трапезундский паша с 30 т. должен был овладеть Ахалцыхом; ванский же паша с 50 т. курдов — взять Баязет. Однако, Паскевич предупредил их. Сосредоточив у Ардагана около 18 т., он двинулся через Саганлугский хребет к Эрзеруму и разбил на р. Кайнлычай, 19 и 20 июня, войска Салеха, наступавшие к Карсу двумя колоннами. 27 июня сдался Эрзерум, при чем попал в плен и сам сераскир. Действия турок против Баязета и Ахалцыха были также неудачны. В сент. Паскевич перешел в наступление от Эрзерума на Трапезунд и, пройдя почти половину пути, разбил турецкий отряд у Байбурта, но должен был остановиться вследствие заключения мира. (Об Адрианопольском мире см. выше, 16/17, и 1, 467). — Потеря русской армии за войну 1828—1829 г. на обоих театрах: от неприят. оружия 19 т. и от болезней 37 т.

29) Усмирение польского восстания 1830—1831 г. см. XXXVI, ч. 1, 651/54. Русская армия потеряла от неприят. оружия 53 т. ч.

30) Поход в Хиву Перовского 1839—1840 г. см. ХLI, ч. 4, 2 б. Отряд Перовского не дошел до места назначения. Потеря от болезней 1 $\frac{1}{2}$ т.

31) Завоевание Средней Азии 1847—1876 г. см. ХLI, ч. 4, 276/78. К Р. присоединено пространство в 61 $\frac{1}{2}$ т. кв. миль. Потеря русских войск: от неприят. оружия 3 т., от болезней 5 т.

32) Поход в Венгрию 1849 г. см. IX, 402/04. Потеря русской армии: убит. и ран. 14 т.; от болезней 85 т.

33) Восточная война 1853—1856 г. см. Крымская кампания, XXVI, 83/93. Р. должна была уступить дунайским княжествам южную часть Бессарабии с дельтой Дуная, площадью ок. 200 кв. миль. Русская армия потеряла от неприятельского оружия 120 т. и от болезней 220 т.

34) Покорение Кавказа 1800—1864 г. см. Кавказские войны, XXIII, 37/48. К Р. постепенно присоединена территория около 1.300 кв. миль, населенная воинственными горами Кавказа. Определенных сведений о потерях за эту многолетнюю борьбу, состоявшую из непрерывных мелких стычек и отдельных небольших экспедиций, не имеется. Полагают, что русская армия потеряла, в общем, убит. и ран. 100 т. чел.

35) Усмирение польского восстания 1863—1864 г. см. XXXVI, ч. 1, 668/74. Потеря русских войск от неприят. оружия 4 $\frac{1}{2}$ т.

36) Война с Турцией 1877—1878 г. Манифест о войне был издан 12 апр. 1877 г., и тогда же передовые русские войска перешли границу. В первых числах июня Дунайская действующая армия, под начальством вел. кн. Николая Николаевича Старшего (см. XXX, 226/27), развернулась в Румынии к востоку от р. Ольты, имея главные силы в окрестностях Бухареста (черт. 8). При ней находился имп. Александр II с военным министром Милютиним. По отчету полевого штаба в этой армии состояло налично 257.215 человек, считая с нестроевыми.

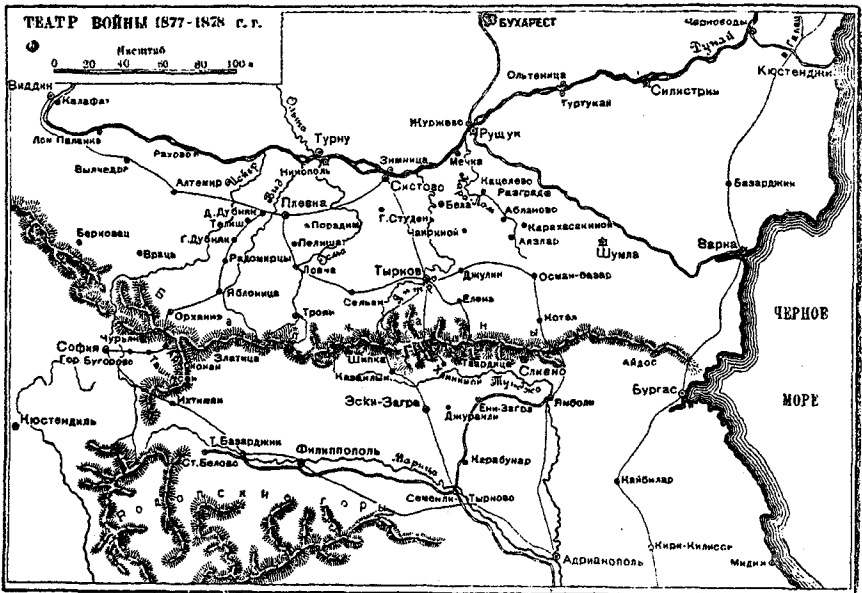
После того как в Крымскую кампанию (см.) вся военная система Николая I потерпела крушение, правительство приступило к преобразованию вооруженных сил. Реформы, проведенные Д. А. Милютиним (см. XXVIII, 652/57), в корне изменили организацию и комплектование армии, ее хозяйство систему военно-учебных заведений и приемы обучения войск.

Однако, к началу войны с Турцией в 1877 г. влияние этой широкой преобразовательной деятельности не успело еще сказаться в полной мере (основная реформа — «всеобщая воинская повинность» — была введена лишь в 1874 г.).

По недостаточности финансовых средств вооружение назначенных в действующую армию войск было уже

малой начальной скорости (945—1.050 фут.) должны быть отнесены к первоначальному типу нарезной артиллерии.

Хотя тактическая подготовка русской армии к началу войны 1877—78 г. была несравненно выше, чем в Крымскую кампанию, но все-таки она далеко не удовлетворяла новым

Черт. 8.

устарелое: армейская пехота имела 6-линейные витковки Крынка, отличавшиеся малой скорострельностью, вследствие плохой экстракции гильз, и снабженные прицелом всего на 600 шагов, несмотря на то, что пули могли поражать до 2.000 шагов; стрелковые батальоны, хотя и были вооружены малокалиберными винтовками Бердана, но несовершенного образца № 1 с откидным затвором и прицелом на 1.500 шагов; артиллерия имела 4-х и 9-тифунтовые медные пушки с клиновым затвором, которые по своей

требованиям военного искусства. В пехоте придавали слишком много значения штыку в ущерб пуле, не умели использовать возросшую во много раз силу ружейного огня и плохо применялись к местности; в связи с последним пехота была недостаточно снабжена шанцевым инструментом (лопатами) и не приучена к самоокапыванию. Относительно артиллерии существовал неправильный взгляд, что ей не следует подъезжать к неприятелю на близкие дистанции. Вследствие этого батареи, за редкими исключе-

ниями, не сопровождали наступавшую пехоту, и последняя в самые критические минуты боя была лишена как материального, так и нравственного содействия артиллерии. Кавалерия оказалась недостаточно подготовленной к выполнению разведывательной службы. На полях сражений даже в решительные моменты она не принимала участия, что объясняется господствовавшим тогда в русской кавалерии убеждением, будто она предназначена для борьбы лишь с кавалерией противника. Наконец, самой слабой стороной русской армии была недостаточная связь между родами войск. Большинство начальников не умело пользоваться взаимодействием пехоты, кавалерии и артиллерии. К тому же и сами войска не были воспитаны в духе «взаимной выручки». Обыкновенно вся тяжесть боя ложилась на пехоту. По этому поводу участник войны Куропаткин говорит: «Пехоту мало берегли в бою, возложив в общем на нее одну серьезное ведение боя и все потери».

Морские силы Р. на Черном море, несмотря на отмену ограничений Парижского трактата (см. XXXI, 215, и выше, стб. 25/26), состояли всего из нескольких военных и коммерческих (приспособленных для войны) пароходов.

К западу от р. Ольты расположилась 50-тысячная румынская армия, главные силы которой были сосредоточены близ Калафата против Виддина. Еще в первых числах мая румыны предлагали Р. свое содействие за Дунаем, намереваясь осадить Виддин и вообще принять на себя борьбу с турецкими войсками, расположенными в зал. Болгарии, но это предложение было отклонено. Союзницей Р. в это время являлась Черногория, которая вела войну на своем особом театре, отвлекая туда часть турецких сил.

Расстроенные продолжительной борьбой со своими восставшими подданными, турки далеко еще не были готовы к войне с Р.; они имели на пространстве от Дуная до Константинополя и от Черного моря до границ Сербии вместе с гарнизоном крепостей не более 100 т. регулярных войск. Из этого числа 25 т. находилось за Балканами. В придунанской же Болгарии было расположено около 135 т., распределенных следующим образом: в Добрудже — 8 т., в четырехугольнике крепостей (Русчук, Силистрия, Шумла, Варна) — 80 т.; близ Систова — 4 т.; в Тырнове — 3 т.; в Никополе — 10 т.; в Рахове — 5 т.; в Лом-Паланке — 2 т.; в Виддине — 23 т. Около половины действующей армии составляли низам (полевые войска), остальное — редиф (резервные войска) и мустегафиз (ополчение). По вооружению турки превосходили русских, особенно в первое время кампании: 75% пехоты было вооружено малокалиберными ружьями Генри-Мартини (прицел 1.800 шаг.), остальные 25% — ружьями Снайдера (прицел 1.300 шаг.); артиллерия имела стальные крупновесные орудия, часть которых обладала большой начальной скоростью (1.400 фут.). Турецкий военный флот, по официальным сведениям, состоял из 22 бронированных и 82 небронированных судов с 763 орудиями и 15.000 чел. команды. Из этого числа на Дунае находилось 7 бронир. и 18 небронир. небольших судов, составлявших речную флотилию.

Русская главная квартира предполагала: переправить главные силы армии через Дунай у Зимницы-Систова, после чего возможно скорее занять страну до Балкан, не ввязываясь при этом в крепостную войну, а стараясь вызвать турок к действиям в открытом поле. Относительно дальнейшего наступления к Константинополю существовали лишь чисто теоретиче-

ские предположения, что объясняется тем, что Р. была связана разными стеснительными международными обязательствами. Турецкий главнокомандующий Абдул-Керим-паша догадывался о намерении русских совершить главную переправу на среднем Дунае, между крепостями Рушук и Никополь, но при наличных силах не считал возможным ей помешать. Это мнение разделялось и в Константинополе. В указе султана «Высокой Порте» от 11 июня было прямо сказано, что отряды, расположенные в дунайских крепостях, предназначены лишь для их обороны, «для воспрепятствования же наступлению неприятеля внутрь страны... необходимо сформировать резерв».

Такова была обстановка, при которой произошел переход русской армии через Дунай. Нижне-дунайский отряд в составе XIV корпуса и приданных ему частей (35 т.), под начальством ген. Циммермана, переправился у Галаца 10 июня с потерей 139 чел. К началу июля он стал на линии Черноводы—Кюстенджи, прикрыв сообщения действующей армии с империей. В этом положении Циммерман оставался до конца войны, имея против себя у Базарджика сравнительно слабый турецкий отряд. Главные силы русской армии переправились через Дунай 15 июня у Систова, преодолев сопротивление находившихся на этом участке 4 т. турок и потеряв 812 ч. убитыми и ранеными.

После переправы из состава главных сил были выделены три отряда: 1) Передовой отряд (10 т.)—4-я стрелковая бригада, болгарское ополчение и три кавалер. бригады под нач. ген. Гурко (см.)—должен был выдвинуться на юг к Тырново и Сельви (ок. 65 км от Систова) и осветить окружающую местность. Затем ему предписывалось: овладеть балканскими проходами и «приступить к их

разработке для удобного по ним движения обозов и тяжестей армии». 2) Рушукский отряд (75 т.) под командой наследника—цесаревича (будущего имп. Александра III) состоял из XII и XIII корпусов, нескольких прикомандированных к ним частей и оставленного на лев. берегу Дуная Журжево-Ольгеницкого отряда (бригада пехоты и бригада конницы XI корпуса). Задача, поставленная Рушукскому отряду, первоначально заключалась в том, чтобы «наступать к Рушуку (ок. 65 км от Систова), обложить его и стараться овладеть им». 3) Западный отряд (35 т.), составленный из IX корпуса с приданными к нему частями, под нач. барона Криденера, должен был—согласно словесному приказанию главнокомандующего—взять Никополь (ок. 43 км от Систова). За выделением указанных отрядов и назначением войск для выполнения разных вспомогательных задач (тыловой службы, прикрытия систовского моста и т. д.), в непосредственном распоряжении главнокомандующего оставалось еще не менее 85 т. чел., а именно: VIII корпус, находившийся в Болгарии, большая часть XI корпуса, еще не переправившегося через Дунай, и IV корпус, прибытие которого на театр войны ожидалось в начале июля.

Разберем действия названных трех отрядов в отдельности до начала августа, когда под влиянием второй плевенской неудачи (18 июля) русская армия перешла от наступления к обороне на всех фронтах.

Передовой отряд после незначительного боя занял 25 июня Тырново, древнюю столицу Болгарии, узел путей к перевалам через Средние Балканы. В окрестном районе не оказалось турецких войск. Для обороны участка Средних Балкан от Казанлыка до Сливно, длиною около 75 км, турки имели всего 13 т. чел. под начальством Реуфа-паши. Из них

4 т. Халиля-паши занимали Шипкинский перевал, а остальные 9 т. были расположены у южной подошвы хребта, в долине Тунджи. Твардицкий и Хаинкиойский перевалы не были заняты и даже не наблюдались турками. 30 июня Гурко выступил из Тырново и, пройдя через Хаинкиойский перевал, 2 июля спустился в долину Тунджи, где в течение 3 дней разбил по частям войска Реуфа-паши. К вечеру 5 июля весь Передовой отряд сосредоточился у д. Шипка, близ южного спуска с Шипкинского перевала. В то же время с севера к этому перевалу подошли войска 9 пех. дивизии (VIII корпуса). Угрожаемый с двух сторон и необеспеченный продовольствием отряд Халиля-паши в ночь на 7 июля по горным тропам ушел в Филиппополь. После этого Хаинкиойский и Шипкинский перевалы были заняты 9-й пехотной дивизией, а ген. Гурко с Передовым отрядом стал у Казанлыка, выдвинув часть своих сил к Эски-Загру.

Между тем, в конце июня турецкое правительство, желая остановить наступление русской армии на юг, приказало Сулейману-паше, действовавшему против Черногории, направиться с большей частью его корпуса морем из Антивари в Деде-Агач и оттуда по железной дороге на Адрианополь. Узнав о происходивших перевозках войск, Гурко просил главнокомандующего прислать ему подкрепление и разрешить выдвинуться на юг для того, чтобы разбить слабый корпус Сулеймана по частям. Разрешение было получено лишь 16 июля, при чем ген. Гурко была подчинена бригада 9-й пех. дивизии, находившаяся на Хаинкиойском перевале; на след. день Передовой отряд, в числе 14 т., перешел в наступление на Ени-Загру, но было уже поздно. К 16 июля Сулейман успел высадить на станции Карабунар, в 85 км к сев.-зап. от Адрианополя, 15 т. чел. и,

приняв начальство над находившимися уже в Забалканьи войсками Реуфа-и Халиля-пашей, с 28 т. чел. двинулся 17 июля на Эски-Загру. Прошедший 19 июля у этого пункта бой был неудачен для русских, и Гурко, несмотря на успех, одержанный им в тот же день над Реуфом-пашей у Джуранли, отвел войска Передового отряда в Шипкинскому и Хаинкиойскому перевалам. В описанных действиях за Балканами в июле 1877 г. Передовой отряд потерял ран. и уб. 1.528 чел. и взял около 1½ т. пленных и 15 орудий.

Восточный отряд к 7 июля, после небольших боев, расположился на лев. берегу р. Кара-Лом, от Дуная до Кацелено, выдвинув авангарды на правый берег. Под влиянием первой неудачи под Плевной, о чем будет сказано ниже, наследник получил 12 июля приказание отложить обложение крепости Русчук.

Западный отряд в двадцатых числах июня двинулся к Никополу, занятому 10 т. турок под нач. Гассана-паши. Из состава этого гарнизона 26 июня был выслан 2-тысячный отряд Атыфа-паши для занятия Плевны, небольшого города в 37 км к ю.-з., имевшего значение как узел путей. 3 июля барон Криденер атаковал Никополь, и к вечеру передовые позиции и два редута, командовавшие над внутренностью крепости, были в его руках. На следующий день Гассан-паша сдал крепость, при чем русскими досглось 7.000 пленных, 113 орудий и два монитора. Турки потеряли уб. и ран. около 1.000, русские — 1.311 ч. После взятия Никополя Криденер занялся приведением своих войск в порядок и только утром 7 июля, вследствие повторного приказа главной квартиры, выслал на Плевну отряд ген. Шильдер-Шульднера (7.000 штыков и 1.600 сабель при 46 орудиях).

Между тем, еще в середине июня,

тотчас же после перехода главных сил русской армии через Дунай, командовавший войсками в Виддине Осман-паша (см.) предложил главнокомандующему Абдул-Кериму след. план: он хотел оставить в Виддине лишь самое необходимое число войск, а с остальными силами своего корпуса, присоединив на пути несколько батальонов из Рахова, направиться к Плевне, где соединиться с никопольским гарнизоном, который должен был покинуть крепость, не выжидая атаки русских войск; от Плевны Осман намеревался двинуться через Ловчу к Тырнову, где соединиться с корпусом Ахмет-Эюба-паши, который должен был прибыть сюда из Шумлы; затем предполагалось с образовавшейся армией наступать на Систово. Сначала этот план не был принят, но в конце июня, вследствие угрожающей обстановки, Осману-паше послано приказание—приступить к его выполнению.

Утром 1 июля Осман выступил из Виддина с 19 батальонами, 5 эскадронами и 9 батареями. Прибыв 3 июля в Вылчедру, Осман получил телеграмму Абдул-Керима, сообщающую, что Никополь находится в критическом положении, и предписывавшую *возможно скорее занять Плевну*. Таким образом, первоначальный план был изменен, и задача Османа свелась к занятию Плевны, т.-е. к созданию угрозы на правом фланге русской операционной линии. На дальнейшем пути было получено известие о падении Никополя. На рассвете 7 июля главные силы Османа-паши вступили в Плевну и расположились к сев. от города на отчасти уже укрепленной позиции. Весь марш от Виддина к Плевне на протяжении ок. 192 км был произведен совершенно скрытно от русских войск, что объясняется тем, что главная квартира не выдвинула особой кавалерии для обеспечения правого фланга армии. Всего

в Плевне под нач. Османа-паши собралось около 17.000 штыков и 500 сабель при 58 орудиях. Утром 8 июля, полагая, что плевненская позиция занята лишь слабым отрядом Атыфа-паши, ген. Шальдер-Шульцнер атаковал ее, но был отбит с потерей 2.500 чел.

Весть о первой неудаче под Плевной поразила русскую главную квартиру полной неожиданностью. Остатки турецкий корпус в таком положении на фланге операционной линии и всего в 63 км от единственной переправы через Дунай у Систова было признано невозможным, и потому главнокомандующий, направив на подкрепление Западного отряда три бригады и бригаду кавалерии из состава XI и IV корпусов, послал Криденеру категорическое приказание: «атаковать и взять Плевну». В то же время двинуты были на театр войны мобилизованные уже войска киевского военного округа: 2-я и 3-я пехотные дивизии, 2-я Донская казачья дивизия и 3-я стрелковая бригада.

Между тем Осман-паша, к которому за это время подошли подкрепления, успел не только усилить свою прежнюю позицию к сев. от Плевны, но и выстроить новые укрепления к в. от города. Всего в середине июля в плевненском гарнизоне было ок. 23.000 штыков и 600 сабель при 58 орудиях. Кроме того, для обеспечения с фланга своей коммуникационной линии, шедшей через Яблоницу и Орхание к Софии, Осман-паша занял 5-тысячным отрядом Ловчу. 18 июля Криденер, под нач. которого собралось около 27.000 штыков и 2.800 сабель при 176 орудиях, атаковал плевненские позиции, но был отбит с потерей до 7.000 уб. и раненых.

Испытанная русскими под Плевной вторая неудача произвела перелом в ходе войны: по предложению военного министра Милютина было

решено перейти от наступления к обороне. Тогда же повелено было мобилизовать и двинуть на театр войны гвардейский корпус (за исключением 1-й гв. кав. дивизии), 2-ю и 3-ю гренадерские дивизии, 24-ую и 26-ую пехотные дивизии с их артиллерией. Вместе с тем Р. вступила в соглашение с Румынией относительно совместных действий против Турции и начала переговоры с Сербией о мобилизации ее армии. Главнокомандующий приказал Передовому отряду перейти обратно через Балканы (причем он был расформирован) и всем войскам сосредоточиться и укрепиться на трех фронтах.

В первых числах авг. главные силы русской армии заняли в средней Болгарии следующее расположение.

а) От Дуная до Аязлара, между реками Янтра и Кара-Лом, войска Рушукского отряда (XII и XIII корпуса) под нач. наследника.

б) От Джулина на Осман-Базарской дороге, по линии Елена — Твардица — Хаинкиой — Шипка — Сельви, войска Южного отряда (VIII и XI корпуса, 4-я стрелковая бригада и болгарское ополчение) под нач. ген. Радецкого. При этом главное внимание было обращено на оборону доступов к Тырнову со стороны Осман-Базара и Сельви; балканские же проходы, Твардицкий, Хаинкиойский и Шипкинский, заняты лишь небольшими передовыми отрядами.

в) От Никополя до Порадима войска Западного отряда (IV и IX корпуса) под нач. ген. Зотова.

г) Наконец, близ Горного Студня общий резерв (2-я пехотная дивизия и 3-я стрелковая бригада), к которому вскоре должна была присоединиться 3-я пех. дивизия, уже подходившая к Систовской переправе. Всего в Дунайской армии, по отчету полевого штаба, в это время состояло налично 277.536 чел. (вместе с нестроевыми).

К началу августа все турецкие войска на Балканском полуострове, подчиняясь новому главнокомандующему Мехмет-Али-паше, разделялись на три частные армии: а) *Восточную* — под личным начальством главнокомандующего, заключавшую в своих рядах около 100 т. чел., из коих 60 т. полевых войск было расположено в Разграде, Эски-Джуме, Осман-Базаре и Базарджике, а 40 т. составляли гарнизоны Рушук, Туртукая, Силистрии, Шумлы и Варны; б) *Балканскую* — Сулеймана-паши, численностью в 40 т. чел., из коих 32 т. стояло против Шипкинского, Хаинкиойского, Твардицкого и Славненского перевалов, а 8 т. составляли гарнизоны Адрианополя, Филиппополя и Карабунара; в) *Западную* — Османа-паши, силою в 56 т., из коих 33 т. занимали Плевну и Ловчу, а остальные пока находились в Виддине, Софии и Нише. В общей сложности у турок к этому времени числилось наличо около 196 т. регулярных войск, из которых для действий в поле могло быть назначено не более 125 т. Таким образом и теперь, когда русская армия перешла к обороне, она имела на своей стороне значительное превосходство сил.

Как только русские заняли оборонительное положение, турки стали делать попытки к переходу в наступление. Оно было начато Балканской армией, которая 9 авг. безуспешно атаковала на Шипкинском перевале отряд ген. Столетова (5 т.), усиленный Брянским полком (2 т.). Бой за перевал продолжался и в последующие дни, до 14 августа, при чем ген. Радецкий, введя в дело войска резерва, отразил все атаки Сулеймана, который, потеряв, по его донесению, 6.644 чел., был вынужден отвести свои главные силы к Казанлыку. Потеря русских войск в шестидневных августовских боях на

Шипке составила 3,640 чел. На Восточном фронте турки атаковали русских у Аязлара (10 и 11 авг.), у Карahasанкюя (18 авг.) и у Кацелево-Абланово (24 авг.). Потеряв в названных боях около 2.200 чел., войска Рущукского отряда отошли к г. Беле, где приняли сосредоточенное расположение, а турки заняли долину р. Кара-Лом. На Западном фронте Осман-паша 19 авг. произвел усиленную рекогносцировку русской позиции у Пелишата.

По мере того как обнаруживалась неспособность турок к наступательным действиям и к русским стали прибывать подкрепления, в русской главной квартире было решено: оставаясь пока в оборонительном положении на восточном и южном фронтах, возможно скорее покончить с противником на западном фронте. 22 авг. князь Имеретинский (22 т.) овладел Ловчей, защищаемой 5 т. регулярных войск и 3 т. башибузуков; турецкий отряд был почти уничтожен, русские же потеряли 1.805 чел., после чего они в третий раз подступили к Плевне. Гарнизон этого пункта в конце авг. состоял из 34.000 штыков и 600 сабель при 54 орудиях. Укрепленная позиция, расположенная прежде к с. и в. от Плевны, теперь была продолжена также на юг поперек Ловченского шоссе. В русском Западном отряде, под нач. князя Карла Румынского, при начальнике штаба ген. Зотове, состояло налицо русских и румынских войск: 78.000 штыков и 9.000 сабель при 436 орудиях. Однако, несмотря на такое превосходство сил, Западный отряд 30 и 31 авг. вследствие ошибок командования был снова отбит под Плевной с потерей 15 т. человек.

Впечатление, произведенное этой третьей неудачей на верхах русской армии, было подавляющее. Князь Карл и ген. Зотов находили нужным

в ожидании подкреплений из Р. отвести войска Западного отряда за р. Осму. Еще более пал духом сам главнокомандующий, который считал кампанию 1877 г. бесповоротно проигранной и хотел уйти в Румынию на зимние квартиры для того, чтобы на следующий год начать военные действия снова. В полдень 1 сент. на плевненскую позицию прибыл имп. Александр II и собрал военный совет. На обсуждение был предложен вопрос: «можно ли остаться на занимаемых позициях, или следует отступить за р. Осму?». Большинство членов совета высказалось за отступление, но император согласился с меньшинством. Было решено от Плевны не отступать, занять только более сосредоточенное положение и укрепиться на позициях. Затем, с прибытием из Р. подкреплений, окружить плевненский укрепленный лагерь и принудить его к сдаче блокадой или правильной осадой. В ожидании же прибытия пехоты в виде временной меры блокировать Плевну при помощи конницы. Для обсуждения специального вопроса, какой из двух способов избрать (блокаду или правильную осаду), Александр II приказал вызвать из Петербурга инженер-генерала Тотлебена (с.м.).

Согласно принятому на совете решению, пехота Западного отряда сосредоточилась к в. от Плевны, прикрыв дороги на Систово и Никополь, а кавалерия наблюдала пути из Плевны на Виддин, Софию и Ловчу. Такая смешанная блокада оказалась, однако, недействительной: большие транспорты с боевыми и продовольственными запасами, а также значительные подкрепления свободно проходили по Софийскому шоссе в Плевну. Тем не менее, Осман-паша, понимая, что русские в конце-концов окружают его и голодом принудят к сдаче, просил султана о разреше-

нии отступить на Орхание. Ответом было категорическое приказание — держаться в Плевне во что бы то ни стало. При таких условиях турецкому полководцу оставалось лишь позаботиться о возможно прочном устройстве своей коммуникационной линии по Софийскому шоссе. С этой целью между Плевной и Орхание было создано 5 укрепленных эталных пунктов, занятых довольно сильными гарнизонами: Дольный Дубняк (3 т.), Горный Дубняк (4 т.), Телиш (5 т.), Радомирцы (5 т.) и Яблоница (3 т.). На базе в Орхание оставалось около 7 т.

Прибывший на театр войны в середине сентября ген. Тотлебен, ознакомившись с положением дел под Плевной, пришел к заключению, что блокада представляет наиболее удобный способ для овладения ею. 22 сен. Тотлебен был назначен пом. нач. Западного отряда князя Карла, т.-е. фактическим распорядителем действий под Плевной.

С прибытием гвардии, в числе 47.840 штыков и 5.150 сабель при 168 орудиях, было решено всю ее под нач. генерала Гурко направить на левый берег Виды для овладения коммуникационной линией плевненского гарнизона, Софийским шоссе. 12 окт., после штурма, обошедшегося в 4½ т. чел., был взят Горный Дубняк; 16 окт., не выдержав артиллерийского огня, сдался Телиш; соседние Радомирцы были брошены турками, бежавшими при появлении русских разъездов; 20 окт. Осман-паша приказал очистить ближайший к Плевне этап, Дольный Дубняк, который был немедленно занят русскими; тогда же была заперта и дорога на Виддин. Таким образом с 21 окт. кольцо обложения вокруг Плевны сомкнулось, и была установлена тесная блокада плевненского укрепленного лагеря, в котором в этот момент находилось ок. 50 т.

турок при 96 оруд., обеспеченных продовольствием на 4—5 недель.

Между тем, давно уже получались известия о том, что в окрестностях Софии формируется новая турецкая армия. В конце окт. турецкий главнокомандующий Мехмет-Али-паша за нерешительность действий был заменен энергичным Сулейманом (см.). В виду решающего значения, которое в этот период войны приобрели операции на западном фронте, являлось опасение, что Сулейман-паша, пользуясь жел. дорогой из Ямболи в Татар-Базарджик, направит часть своих сил позади Балканского хребта на Софию, откуда, соединившись с вновь сформированными войсками, эта армия двинется для освобождения Плевны. Чтобы обеспечить себя от такого маневра, на военном совете было решено выделить из состава Западного отряда отдельный отряд ген. Гурко, в числе 30 т. штыков и 5 т. сабель при 174 орудиях, направив его на Орхание. Войска, оставшиеся под Плевной, образовали «отряд обложения Плевны», в котором к концу блокады состояло налицо (русских и румын) ок. 130 т. чел. строевого состава при 502 полевых и 58 осадных орудиях. В середине ноября Гурко, рассеяв турецкие войска, остановился в окрестностях Орхание, выдвинув передовые части к перевалам через Балканский хребет и выжидая в этом положении развязки дел под Плевной.

В сент., окт. и ноябре, когда описанные события происходили на западном фронте, на южном и восточном фронтах не было крупных военных действий. На Шипке Сулейман произвел 5 сент. атаку перевала, но был отбит с большой потерей; русские потеряли 1.971 чел. После этого турки ограничивались обстрелом позиции артиллерийским огнем. Началось знаменитое «шипкинское сидение», чрезвычайно тяжелое для

войск в зимнее время, особенно вследствие недостатка теплой одежды. С 5 сент. по 24 дек. шипкинский отряд потерял всего 700 ч. уб. и ран., но 9 $\frac{1}{2}$ т. обмороженными и больными.

9 сент. турки безуспешно атаковали крайний правый фланг Рушукского отряда у Чаиркиоя, потеряв при этом более 2 т.; потеря русских — 500 ч. В ночь на 11 сент. вся восточная армия турок начала отступление за Кара-Лом, и к 19 сент. Рушукский отряд снова выдвинулся на левый берег этой реки. Желая привлечь внимание русской главной квартиры от Плевны, Сулейман вскоре после своего назначения главнокомандующим приказал произвести наступление от Рушук на Систово, но оно было отражено 14 ноября на позиции Мечка — Трастеник; потеря русских — 1.509 ч. 22 ноября произошел несчастный для русской армии бой под Еленой, в 25 вер. к ю.-в. от Тырново, в котором было потеряно 1.865 чел. и 11 орудий. Не развывая этого успеха, Сулейман переехал в Рушук и повторил наступление на Систово, но был отбит под Мечкой — Трастеником 30 ноября; потеря русских — 711 чел.

Тем временем запасы продовольствия в Плевне были израсходованы, и 28 ноября турецкая армия сделала попытку прорвать блокадные линии на лев. берегу Вида. Не достигнув успеха и потеряв в бою 6 т. чел. уб. и ран., Осман-паша положил оружие. Потеря русских в этот день составляла 1.717 чел.

Падением Плевны закончился второй, оборонительный период действий русской армии на Балканском полуострове. Соотношение сил, и без того неблагоприятное для турок, еще более изменилось в пользу русских. Согласно русской официальной истории, в Дунайской действующей армии состояло налицо 336.661 строевой

чин, румынская армия имела в строю 49.163 чел. Кроме того, после взятия Плевны к союзникам Р. присоединилась еще и Сербия, опять объявившая Турции войну и выставившая армию в 82.139 чел. строевого состава. У турок (за исключением войск на границах Черногории и Греции и на о. Крите) находилось в строю всего 213 тысяч, из коих для обороны Балкан они имели: 23 т. Весселя-паши, у Шипки; 20 т. Шакира-паши на Араб-Конаке и несколько небольших отрядов, наблюдавших за второстепенными перевалами. Для того чтобы прикрыть доступ к столице, султан приказал 30 ноября Сулейману, оставив в четырехугольнике крепостей лишь часть своих войск, с остальными передвинуться в Татар-Базарджик и составить резерв войск, защищающих Зап. и Ср. Балканы.

Между тем, на военном совете, собранном Александром II в Порадиде 30 ноября, было решено безотлагательно наступать к Константинополю. Поручив главнокомандующему отдать все нужные для этого распоряжения, император 5 дек. выехал в Петербург. Вед. князь выбрал главное операционное направление от Тырнова на Шипку и Адрианополь и вспомогательное — от Орхание на Софию, Филиппополь и Адрианополь.

Западный отряд Гурко (71 т.) начал переход через Балканский хребет 13 дек., обходя Араб-Конакскую позицию Шакира-паши, запиравшую Софийское шоссе, с запада через Умургач и Чурьяк. Это движение при морозах до — 20° R и сильных мятелях, по обледенелым, занесенным снегом горным кручам, при чем орудия приходилось тащить людям, было чрезвычайно трудно. После пятидневного марша, 18 дек. русские войска спустились на Софийскую равнину и на следующий день разбили у Ташкисена 3-тысячный отряд Беккера-паши, выставленный в виде заслона. Шакиру

удалось, однако, в ночь с 19 на 20 дек. отступить от Араб-Конака по пути на Татар-Базарджик за Ихтиманские горы. Выслав для преследования его часть своих войск, Гурко с главными силами повернул на запад и, после поражения у Горного Бугорова двигавшихся на помощь Шакиру-паше нескольких таборов, занял 23 дек. оставленную турками Софию.

В турецкие отряды, защищавшие Зап. Балканы, отступили за оборонительную линию Ихтиманских гор; сюда же начали прибывать и войска, направленные из четырехугольника крепостей. Тем не менее Сулейман, считая невозможным держаться за этой растянутой и слабой линией, просил у султана разрешения сосредоточить все войска, оборонявшие Балканы, к адрианопольскому укрепленному лагерю и здесь попытаться остановить русских. Абул-Гамид не согласился на это предложение, а так как Сулейман продолжал настаивать, то 24 дек. вместо него был назначен главнокомандующим воен. мин. Реуф-паша, начавший руководить действиями всех армий из Константинополя. Под начальством Сулеймана были оставлены лишь войска, собравшиеся за Ихтиманскими горами, и ему еще раз было приказано удерживать эту оборонительную линию.

Между тем, события продолжали развиваться с чрезвычайной быстротой. Получив известие о переходе Западного отряда через Балканы, главнокомандующий, не выжидая обходного движения Гурко к Филиппополю, приказал Центральному отряду Радецкого (48 т.) перейти через Балканы у Шипки. Обходные колонны (левая кн. Святополк-Мирского и правая ген. Скобелева) начали движение 24 дек. и, преодолев также же затруднения, как и Западный отряд, спустились в долину Тунджи. Обойденная с обоих флангов и атакованная также с фронта, армия Весселя-паши 28 дек.

сдалась в плен в числе 21.168 чел. при 83 орудиях. Убитыми и ранеными турки потеряли всего около 1.000 ч.; убыль в войсках Радецкого 4.123 ч. В то же время небольшой отряд ген. Карцова (4 $\frac{1}{2}$ т.), перевалив через самую недоступную часть Балкан у Трояна, восстановил связь между войсками Гурко и Радецкого.

Затем русская армия была направлена к Адрианополю по трем путям: через Филиппополь, Эски-Загру и Ямболи. Руцуському и Нижне-Дунайскому отрядам было приказано перейти в решительное наступление против четырехугольника крепостей. Румынская армия оставалась в зап. Болгарии. Получив донесение о пленении армии Весселя-паши, султан 29 дек. приказал Сулейману спешить отступлением к Адрианополю, а командующему Вост.-Дунайской армией Неджибу-паше, оставив в крепостях лишь самое необходимое число войск, остальные посадить в Варне на суда и отправить в Константинополь. Но было уже поздно: в трехдневном сражении под Филиппополем, 3—5 янв. 1878 г., Гурко разбил 50-тысячную армию Сулеймана-паши, которая потеряла около 2 т. пленными и 114 орудий; потеря Западного отряда составляла 1.250 ч. Остатки этой армии отступили через Родопские горы к портам Эгейского моря, откуда были перевезены в Константинополь. На главном операционном направлении турки сочли невозможным оборонять адрианопольский укрепленный лагерь и продолжали отступление к столице, до которой оставалось 235 км. Утром 8 янв. передовой кавалерийский отряд Струкова без выстрела занял Адрианополь.

Принимая во внимание панику, охватившую турок, главнокомандующий настойчиво просил у Александра разрешения занять проливы (Дарданеллы и Босфор) и Константинополь для того, чтобы запретить английскому

флоту вход в Мраморное и Черное моря и иметь надежный залог при заключении мира. Против этого не возражали даже турецкие уполномоченные Намык- и Сервер-паши, прибывшие 7 янв. в русскую главную квартиру; но в Петербурге опасались осложнений с Англией, и потому просимое вел. князем разрешение не было дано.

19 янв. было заключено перемирие, и начались переговоры о мире. Тем временем русская армия своей главной массой уже достигла Адрианополя, а передовые отряды выдвинулись к побережью Черного, Мраморного и Эгейского морей. В продолжение мирных переговоров, в зависимости от хода их, русские постепенно подавались вперед и в середине февраля приблизились уже к самому Константинополю. В то же время английский адмирал Горнби с броненосной эскадрой из 6 судов вошел 1 февр. в Дарданелльский пролив и оставив 2 судна у Галлиполи, с остальными четырьмя 3 февр. стал на якорь в Мраморном море, у Принцевых островов. 19 февр. в городке С.-Стефано, близ Константинополя, был подписан предлимнарный мирный договор между Р. и Турцией.

Военные действия на Малоазиатском театре происходили одновременно с вышеописанными (см. выше *черт.* 7). На кавказской границе против Турции были выставлены под начальством вел. кн. Михаила Николаевича: 1) Кавказский действующий корпус ген.-адъютанта Лорис-Меликова и 2) войска Рионского края ген.-лейт. Оккобджио. В день объявления войны (12 апр.) в них, согласно официальной истории, состояло налицо: в Кавказском корпусе 33.586 пштыков и 13.594 сабли при 160 орудиях; в Рионском крае 21.714 шт. и 1.452 саб. при 96 оруд.; всего более 70.000 человек боевого состава, не считая личного состава артиллерии. Кроме того, в областях и

округах Кавказа оставалось 34.162 шт., 5.716 сабель и 136 оруд. и в Закавказском резерве — 8.084 шт. и 4.320 саб. при 8 орудиях.

Кавказский корпус образовал три группы: а) главные силы под нач. Лорис-Меликова, 24.212 шт. и саб. и 92 ор. — у Александрополя; б) Ахалцыхский отряд г.-л. Девеля, 12.352 шт. и саб. при 36 ор. — у Ахалцыха и Ахалкалаки; в) Эриванский отряд г.-л. Тергукасова, 10.616 шт. и саб. и 32 ор. — у Игдыра. Из войск Рионского края был сформирован отдельный Кобулетский отряд г.-л. Оккобджио, расположившийся у г. Озургеты. Силы турок, которыми командовал Мухтар-паша, в точности неизвестны. По самому широкому расчету, он имел около 55 т. чел., преимущественно релифа (резерви. войска) и мусгетафиза (ополчение). Из них в Карсе было 12 т.; впереди его, в виде авангарда, — 5 т.; в Ардагане — 8 т.; в Баязете — 2 т.; в Алашкерте — до 8 т. и в районе Батума, под нач. Дервиша-паши, — 20 т.

12 апр. русские войска перешли в наступление по всему фронту. Главные силы Кавказского корпуса дошли 16 апр. до д. Ены-Кей в 21 км от Карса и тут остановились до выяснения обстановки. Мухтар-паша с авангардом (5 т.) отступил на ю.-з., за Саганлугский хребет, где расположил войска на укрепленной позиции у Зивина в 85 км от Карса, а сам отправился в Эрзерум для формирования новых частей. Ахалцыхский отряд 16 апр. находился в 21 км от крепости Ардаган. На помощь этому отряду из Ены-Кея была выслана часть главных сил под начальством ген. Геймана. Всего под Ардаганом собралось 12.378 шт. и 2.553 саб. при 76 ор., которые 4 и 5 мая взяли его штурмом. Русским досталось 92 орудия и 77 пленных, но гарнизон, хотя и понесший значительные потери в двухдневном бою, успел отсту-

пить на запад. Русские потеряли 421 чел. убитых и раненых. После этого в Ардагане был оставлен небольшой отряд полк. Комарова, а все остальные войска были притянуты к главным силам в Ены-Кей. Эриванский отряд 17 апр. без боя занял Баязет, откуда небольшой турецкий гарнизон отошел к г. Вану. Затем Тергукасов с большей частью своих войск продвинулся на 53 км к зап. до г. Сурп-Оганеза. Кобулетский отряд начал движение от Озургет одновременно с остальными частями армии; 14 апр. он занял с боем высоты Муха-Эстате на турецкой территории близ границы. Вслед за этим он медленно подвигался вперед по чрезвычайно пересеченной местности, в направлении на Батум.

Под влиянием одержанных успехов в главной квартире было решено овладеть Карсом посредством штурма, подготовив его бомбардированием из осадных и полевых орудий. В двадцатых числах мая уже состоялось обложение крепости, и приступили к устройству осадных батарей. Эриванскому отряду было приказано демонстрировать по направлению на Эрзерум, отвлекая внимание Мухтара-паши от Карса. Тергукасов с 8.000 шт. и саб. при 30 ор. занял 29 мая г. Зейдекан; 4 июня он атаковал позицию на горах Драм-даг, занятую Мехмет-пашей (7½ т.). Турки были сбиты и отступили за с. Даяр; русские потеряли 155 чел. Тем временем Фаик-паша успел сформировать в Ване отряд из 8.000 чел. при 9 ор. (преимущественно курдская конница), с которым 6 июня осадил Баязет, где Тергукасов оставил гарнизон из 1.590 чел. при 2 ор.

К 1 июня Мухтар успел собрать впереди Эрзерума около 30 т. полевых войск. Из них он оставил на Зивинской позиции 11 т. под нач. Измаила-паши и сосредоточил, под своим личным начальством, у

Дели-баба 15 т. Со вторым отрядом он решил перейти в наступление против Тергукасова и разбить его, после чего со всеми наличными силами двинуться для деблокады Карса. 9 июня Мухтар атаковал Тергукасова у с. Даяр, но был отбит и вернулся к Дели-баба; русские потеряли 454 чел. Между тем, русское командование, опасаясь за Эриванский отряд и желая задержать наступление Мухтара к Карсу, выделило из состава главных сил корпуса отряд Геймана, 17.200 шт. и саб. при 64 ор., направив его через Саракмыш к Саганлугу. Войска, оставшиеся под Карсом под нач. ген. Девеля, продолжали бомбардирование крепости. 13 июня Гейман атаковал позицию Измаила-паши (11 т.) у Зивина, но потерпел полную неудачу, потеряв 877 чел. После этого Гейман начал отступление к Карсу, а Тергукасов — на Сурп-Оганез. Мухтар двинулся за Гейманом, Измаилу же приказал идти за Тергукасовым.

При такой обстановке русское командование сняло осаду Карса и отвело главные силы корпуса 28 июня к Ены-Кей. Присоединив к себе часть карского гарнизона, Мухтар-паша с 3 по 7 июля занял с 25 т. позицию к ю.-в. от Карса на Аладжинских высотах, предполагая впоследствии, по прибытии подкреплений, наступать на Тифлис, до которого было по прямой линии 160 км. Главные силы русских, 32.000 шт. и саб. при 120 ор., отошли к Кюрюк-дара, выдвинув авангард к Башкадыклару. Эриванский отряд прибыл 24 июня в Игдыр; отсюда Тергукасов с частью сил двинулся к Баязету и 28 июня отбросил Фаика-пашу, освободив баязетский гарнизон. Затем Эриванский отряд сосредоточился в Игдыре, а Измаил-паша (12 тыс. и 18 ор.), присоединив к себе войска Фаика, занял оставленный русскими Баязет, откуда затем перешел в Аликочан. Кобулетский

отряд 11 и 12 июня атаковал позицию Дервиша-паши на горном кряже Цихис-Дзири, в 16 км севернее Батума, но, потеряв 885 ч., вернулся на высоты Муха-Эстате, где оставался до конца войны.

Таким образом, в июне и июле, имея приблизительно равные с неприятелем силы, русские на всем театре войны перешли к обороне, очистив занятую в первое время территорию, за исключением Ардагана.

На усиление действующего Кавказского корпуса были направлены войска из Рионского края (10 т.) и из Р. (40-я пехотная и 1-я гренадерская дивизии). Эшелоны этих подкреплений начали прибывать с первых чисел августа. 6 авг. была произведена усиленная рекогносцировка Аладжинской позиции, при чем введено в дело 37¹/₂ батальонов и понесена потеря в 372 чел., что ободрило турок. В ночь на 13 авг. Мухтар произвел удачное внезапное нападение на передовую пунг авангардной позиции, высоту Кизил-тапа. Днем русские сделали несколько разрозненных атак с целью вернуть последнюю, но безуспешно, после чего авангард был оттянут назад; погера русских — 992 чел. Затем наступил пятинедельный перерыв до прибытия всех вызванных из Р. подкреплений. К 20 сент. численность главных сил Кавказского корпуса достигла 55.782 шт. и саб. при 220 оруд. В армии Мухтара, по преувеличенным сведениям нашей официальной истории, было всего 38.000 шт. и саб. при 74 ор. При таком соотношении сил русские атаквали 20—22 сент. Аладжинскую позицию, но не достигли никаких результатов, потеряв в трехдневном сражении 3.621 чел. Турки также понесли большие потери и были поколеблены.

Решительное сражение на Аладже, окончившееся разгромом турецкой армии, произошло 2 и 3 окт. Русские имели 55.244 шт. и саб. при 244 ор.,

Мухтар-паша — 32.500 шт. и саб. при 60 ор. У турок было взято 8.500 пленными и 35 орудий; русские потеряли 1.430 чел. Уцелевшие турецкие войска укрылись в Карсе. Сам Мухтар с 3 т. чел. отступил от Карса через Саракмыш к Эрзеруму. Туда же отошел Измаил-паша через Зейдекан. Вслед за Мухтаром был направлен Саганлугский отряд Геймана (20 бат., 19¹/₂ эск. и 66 ор.), а за Измаилом — Эриванский отряд Тергукасова. Для блокады Карса был оставлен отряд Лазарева первоначально в составе 34 бат., 34 эск. и 126 ор. Мухтар с 15 т. занял позицию на высотах хребта Деве-Бойну, перед самым Эрзерумом. 23 окт. соединенные Саганлугский и Эриванский отряды (30 т.) атаковали эту позицию. Турки были разбиты и бежали к Эрзеруму, оставив 46 орудий и 316 пленников; потеря русских — 931 чел. В ночь с 27 на 28 окт. Гейман произвел штурм Эрзерума, окончившийся неудачей и потерей 740 чел., хотя все-таки удалось взять в плен 560 турок.

Между тем отряд Лазарева 10 окт. обложил Карс. Так как крепость была обильно снабжена запасами, то на скорый успех блокады рассчитывать было нельзя, а потому на совещании у главнокомандующего решено произвести штурм. В карском гарнизоне в это время было 10.500 ч. регулярных войск и около 10.000 вооруженных жителей. Осаждающий вместе с подошедшими подкреплениями имел 35.000 шт. и саб. при 198 ор. Штурм произошел в ночь с 5 на 6 ноября и увенчался полным успехом. Было взято 17.805 пленников и 303 орудия, кроме того в госпиталях осталось 4.500 ч. больных и раненых; потеря русских — 2.273 чел. После взятия Карса генерал Шатилов (12 т.) был отправлен 15 ноября на помощь Гейману, который установил блокаду Эрзерума. Она продолжалась до конца войны,

при чем положение блокадного корпуса вследствие недостатка продовольствия и теплой одежды, при сильных морозах, было очень тяжелое. Начальнику Кобулежского отряда ген. Комарову, сменившему в янв. 1878 г. Окложю, было приказано возобновить наступление к Батуму. 18 янв. он атаковал Пихис-Дзирскую позицию, но был отбит с потерей 1.229 чел. Наконец, 21 янв. было заключено перемирие, по которому Эрзерум 11 февр. передан русским войскам.

Условия прелиминарного мирного договора, заключенного 19 февр. в Сан-Стефано, вызвали возражения западных держав, и особенно Англии. В виду этого, желая на случай разрыва с последней преградить английскому флоту доступ в Черное море, имп. Александр II в марте стал требовать от вел. кн. Николая Николаевича, чтобы он овладел берегами Босфора. Однако, главнокомандующий, который, как сказано выше, в первой половине янв. сам настаивал на занятии проливов и Константинополя, теперь, вследствие изменившейся обстановки, находил такую задачу неразрешимой. Это вызвало увольнение вел. князя от должности главнокомандующего, но прибывший 15 апр. на смену ему ген. Тотлебен, ознакомившись с положением дел, также признал предприятие против Босфора невозможным. На Берлинском конгрессе (см. V, 423, и выше, стб. 28) в июне 1878 г. были установлены след. окончательные условия мира между Р. и Турцией: Р. получила обратно южную часть Бессарабии с дельтой Дуная, утраченную после Восточной войны 1853—1856 гг., и, кроме того, приобрела Карсскую и Батумскую области—469 кв. миль; Румыния, Сербия и Черногория стали независимыми государствами и получили приращение территории; из Придунайской Болгарии было образовано турецкое вассальное княжество, а из

Восточной Румелии—автономная турецкая провинция.—За войну русская армия потеряла от неприятельского оружия 79 т. чел. и от болезней 180 т. чел. Последнее объясняется тем, что во время стоянки армии под Константинополем и при блокаде Эрзерума в войсках свирепствовал сыпной тиф.

37) *Ахал-Текинская экспедиция 1879—1881 г.* Ахал-текинский оазис (черт. 9) тянется вдоль сев. подошвы хребта Копет-даг, от с. Кызылават до с. Гяуре, на протяжении ок. 250 км, при наибольшей ширине ок. 20 км. Он был населен текинцами, в числе 90 т., племенем, принадлежащим к турьменской народности (см. *туркмены*). Центром оазиса являлась группа селений Геок-тепе с крепостью Денгиль-тепе, выстроенной в 1879 г. Кроме того, крупное значение имело с. Бами, откуда шли пути на: 1) Чикишляр—325 км, 2) Михайловское—291 км, 3) Петроалександровск—714 км и 4) Денгиль-тепе—121 км.

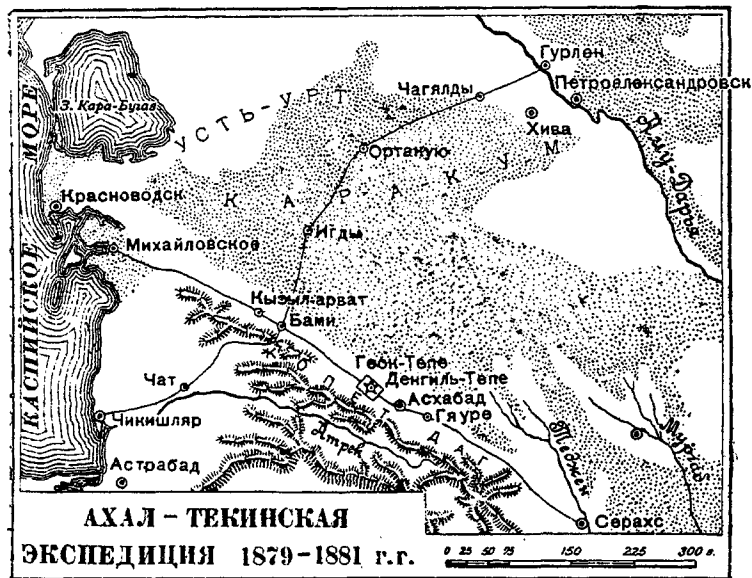
В 1879 г. для покорения текинцев, был направлен из Чикишляра отряд ген.-лейт. Лазарева, 12 тысяч при 34 орудиях. В пути Лазарев умер и был заменен ген.-майором Ломакимым. 28 авг. русские подошли к Денгиль-тепе в числе всего 3-х тысяч, так как остальные войска по недостатку продовольствия и перевозочных средств пришлось оставить. Без предварительной рекогносцировки и почти без артиллерийской и инженерной подготовки (не имелось даже лестниц) был произведен штурм, отбитый с потерей 453 чел. Отряд Ломакина отступил обратно к Чикишляру, что чрезвычайно подняло дух текинцев.

В начале 1880 г. было решено предпринять новую экспедицию, под начальством ген. М. Д. Скобелева (см.), назначив для этого 11 т. чел. с многочисленной артиллерией. На этот раз была произведена тщательная подготовка, особенно в смысле

снаряжения и снабжения войск; для перевозки грузов интендантство приобрело 13 т. верблюдов. Главные силы отряда двинулись по путям от Чикишляра и Михайловского на Бами; небольшая колонна Куропаткина направилась туда же от Гурлена (на Аму-Дарье), через Ортакую и Игды. Бами было занято 10 мая без сопротивления текинцев, после чего приступлено к устройству в нем промежуточной базы и двух коммуникацион-

5 картечных, 4 мортиры и 11 ракетных станков; остальные войска обещивали базу и коммуникационные линии. Одновременно в Самурское были доставлены боевые и продовольственные запасы на 8.000 ч.; по 1 марта 1881 г.; сверх того в персидском сел. Гармаб, к ю.-з. от Денгиль-тепе, заготовлено продовольствие на 2¹/₂ мес.

Крепость Денгиль-тепе имела в окружности более 4 км; она была обнесена глиняной

Черт. 9.

ных линий на Чикишляр и Михайловское. Эта работа была окончена лишь к 10 ноября, т.-е. потребовала около полугода. Тем временем Скобелев с небольшим отрядом произвел с 1 до 10 июля смелую разведку крепости Денгиль-тепе. Исходным пунктом для действий против нее было избрано расположенное в 12 км сел. Егян-Батыр-кала, которое в ночь на 1 дек. занято без выстрела, а затем укреплено, получив название укрепления «Самурское». К 20 дек. сюда сосредоточено: 7.000 шт. п. и саб., 59 ор.,

стенной, высотой 4—5 м, толщиной у основания 10 м и наверху 8,5 м; наружный ров имел ок. 2 м глубины и 4 м ширины. Внутри крепости помещалось 13.000 кибиток с 45 т. жителей, при чем для предохранения от огня были устроены подземные помещения. Всех бойцов в Денгиль-тепе было 25 т.,

из которых 5 т. конных. Главным оружием являлись пашки и пики; ружей было около 5 т. всевозможных систем, в том числе 500 скорострельных; артиллерийское вооружение состояло из 1 шестифунтового медного орудия и из 2-х однофунтовых чугунных орудий на деревянных станках.

Принимая во внимание многочисленность текинцев и их силу в рукопашном бою, Скобелев признал открытый штурм крепости невозможным и решил применить для овладения ею ускоренную осаду, ведя ее на юго-

восточный угол. 23 дек. была заложена первая параллель в расстоянии ок. 750 м от стен, и от нее повели подступы. Текинцы защищались отчаянно; 28 дек., 30 дек. 1880 г. и 4 янв. 1881 г. они сделали вылазки, которые, хотя и были отбиты осаждающими, но с потерей 2 орудий и 1 ракет. станка. Наконец, 12 янв., после взрыва мины, разрушившей стену на протяжении ок. 20 м, и пробития бреши артиллерией, был произведен штурм, окончившийся взятием крепости. (См. *Закаспийская обл.*, XX, 443/44, прил. 7). Текинцы потеряли до 8 т. убит. и ран., остальные ушли в степи, но к 1 февр. вернулись, изъявив покорность. Потеря русских — 1.250 ч.

Завоевание Ахал-текинского оазиса произвело такое впечатление на текинцев, населявших в числе 110 т. Мервский оазис на р. Мургабе, что в 1884 г. они сами просили принять их в подданство Р. Вскоре их примеру последовали туркменские племена сарыков и салоров, жившие к ю. от Мерва. Всего к Р. была присоединена территория в 10.000 кв. миль.

38) *Столкновение с афганцами в 1885 г.* Присоединение туркмен к Р. возбудило неудовольствие в Англии и Афганистане. Подстрекаемые английскими агентами, афганцы захватили населенный сарыками небольшой оазис Пенде и в числе 4 т. с артиллерией перешли на левый берег Кушки (приток Мургаба), заняв мост у Таш-Кепри и укрепившись на позиции. Командующий войсками Закаспийской области Комаров потребовал ухода афганцев за Кушку, но последние этого не только не выполнили, но вели себя вызывающе. Тогда 18 марта Комаров, имевший 2 бат., 4 сот. и 4 ор., атаковал афганцев, которые обратились в бегство, оставив 7 орудий и несколько сот трупов. Потеря русских — 42 чел.

39) *Боксерское восстание 1900 —*

1902 г. см. XXIV, 223. Потеря русских войск убит. и ран. до 2 т. ч.

40) *О русско-японской войне 1904—05 гг. см. ниже.*

За два века существования основанной при Петре I регулярной армии территория Р. увеличилась почти на 8 млн. кв. км. Из этой площади ок. 5½ млн. кв. км (в том числе 1½ млн. в Европе) было завоевано в описанных выше войнах, остальные же 2½ миллиона кв. км приобретены без применения оружия, благодаря использованию престижа русской военной мощи. Границы континентального Московского царства были раздвинуты до Балтийского и Черного морей и до Великого океана, при чем именно в эти два столетия в состав империи включены самые богатые в земледельческом, промышленном и торговом отношениях области. Такой огромный результат был достигнут, несмотря на то, что внешняя политика Р. в так наз. петербургский период ее истории зачастую не отличалась последовательностью (см. выше). При своей боевой работе русская армия (включая русско-японскую войну 1904—1905 гг.) потеряла убит. и ранен. 1.200.000 чел. Убыль от болезней в точности неизвестна, но в общем была значительно больше.

Е. Мартынов.

XI. *Финансовая политика Р. 1. Финансы до-петровской Руси.* Историю финансов Р. следует начинать с московского периода, так как в киевском хозяйстве князя еще имело частнохозяйственный, доманиальный характер (см. XXXVI, ч. 3, 344): оно базировалось на доходах от княжеских угодий и земель, к которым присоединялись, в качестве чрезвычайных доходов, дань с покоренных племен или волостей и дары и пошланы во время объезда князем своей волости («полюдье»). Оседание

на севере князей, а вслед за ними и их дружин повело к раздаче дружинных земель и созданию системы *кормлений* (см.). Доходы и расходы князя имели почти исключительно *натуральный* характер.

Татарское иго (см.) вызвало значительное увеличение платежей, среди которых на первом месте стояли *ямские* деньги; к ним присоединились впоследствии *полонянничные*. Платежи татарам послужили основанием государственных расходов и сборов, обособленных от частного хозяйства князей. Московские князья, сосредоточив эти платежи в своих руках, часть производимых для них сборов сохраняли у себя, а свергнув татарское иго, присвоили их целиком, при чем уже часть сборов производилась в деньгах. В XVI—XVII вв. денежное хозяйство уже внедрялось в жизнь, возникли местные рынки; вотчинники, а кое-где уже и крестьяне, производили товары на сбыт.

Главным толчком к развитию денежных податей, как и на Западе, послужили *военные* расходы и распространение огнестрельного оружия: появились деньги «пищальные», «емчужные» (на приобретение селитры для пороха), затем самый крупный налог московского периода — *стрелецкая подать*, на жалованье наемным обученным стрельбе войскам; она взималась в XVI в. хлебом и в XVII в. переводится на деньги. К стрельцам вскоре прибавились драгуны, рейтары, солдаты, обученные приглашенными иноземцами новому военному строю. Прежняя дворянская конница, полковая и городская, была оттеснена на задний план. Быстрый рост военных расходов и крайнее напряжение платежных средств населения определили собою дальнейшую историю Московского государства в XVI и XVII веках.

Государственные доходы делились на «окладные» и «неокладные» — пошрины и разные случайные сборы;

к окладным относились как прямые налоги — дань и оброк, так и косвенные — таможенные и кабацкие. Под данью (см. XVIII, 242/43) подразумевались все громоздившиеся друг на друга целевые сборы, «оклад» (т.-е. общая сумма) которых разверстывался на одинаковом основании по сохам. Соха (см. XL, 275/77) была вначале поимущественной единицей обложения (как все первоначальные налоги), учитывавшей как трудовую силу, так и орудия производства, потенциальную работу земледельцев, ремесленников, торговцев. С ростом окладов начались попытки объективации этого налога, превращения его в реальный, путем обложения земли по *площади*, с различием качества земель и сословия владельцев. Но эти попытки кадастрации земель в начале XVII в. (сошное письмо, писцовые книги) разбились о технические трудности измерения, «одабривания» и проч., о недостаток собственного податного аппарата, злоупотребления местных органов раскладки и сопротивление служилого класса, не желавшего точного учета «силы» крестьян. К тому же крестьянство разбегалось, и приходилось ограничиваться обложением «живущей чети», т.-е. распаханной земли. Живущая четь послужила переходной стадией к *подворной* подати. Двор, еще раньше служивший единицей обложения в посадах (городах), к концу XVII века заменил соху и в деревне.

Второй вид прямых сборов — *оброк*, превратившийся из арендной платы в налог, взимался при временном выходе земли из тягла или с целью облегчения последнего, а также в городах с торгово-промышленных заведений.

Редкость населения, растекавшегося по обширной равнине, и бедность страны ставили преграды росту как прямых налогов, так и косвенных.

Слабые поступления дани и оброка заставляли прибегать к чрезвычайным сборам, *запросным деньгам* (пятой — 20%, десятой деньге) с торговли и промыслов и проч.

Из косвенных налогов на первом месте стояли *таможенные сборы* с внешней и *внутренней* торговли (тама, весчие и пр.) и *кабацкий доход*. Несмотря на многочисленные льготы и привилегии, таможенный доход возрастал, особенно в крупных торговых центрах, как Новгород, Нижний-Новгород. Питейное дело стало предметом усиленного внимания, при чем откупа сменялись, под давлением народных бунтов (1648) и требований соборов (Собор о кабаках 1652 г.), продажей «на вере», при которой спаивание народа было несколько меньшим, но стремление «сбирать доход перед прежним с прибылью» побуждало кабацких голов «действовать бесстрашно» и «питухов от кружечных дворов не отгонять». Пьянство усиливалось и стало одним из бедствий страны.

Московское правительство не раз пыталось упростить податную систему: к таким попыткам относится просуществовавшая два года и вызвавшая бунт «*соляная пошлина*» (1646), вземение стрелецких податей, проезжих, мыта и пр.; «*рублевая*» пошлина взамен ряда косвенных налогов; в 1679—1681 гг. все старые прямые подати были объединены в одну, сохранившую название стрелецкой (1 р. 30 коп. с двора). На ряду с этим произошло сосредоточение финансовой администрации — взимания податей — в нескольких центральных приказах: Стрелецком, Ямском и Большой казны вместо местных приказов («четей») и воевод.

Мы видели, что ни прямые, ни косвенные налоги не могли заполнить бездонной пропасти военных расходов. Московским царям приходилось прибегать к займам у монастырей и

богатых купцов (Строгановых и др.), а так как им редко удавалось возвращать занятые суммы, они зачитывались б. ч. в уплату податей или просто скидывались со счетов, сливаясь с принудительными займами и запросными деньгами. Не избежала московская Русь и широко распространенной в просвещенном Западе *порчи* монеты: вес рубля постепенно понижался — с 48 золотн. серебра до $6\frac{2}{3}$ зол. к началу XVIII века. «Смелая» попытка (1655) чеканить медные монеты и заставлять население принимать их за серебряные, т.-е. по цене в сто раз большей, привела к повсеместным подделкам, страшному росту товарных цен и серьезному мятежу («медный бунт» 1662 г.; см. II, 205/03), подавленному с обычной жестокостью; от этой операции пришлось отказаться и покрывать расходы податными доходами. К концу московского периода расходы превысили миллион рублей того времени; из 1.125.123 р. расходного бюджета 1680 г. почти $\frac{2}{3}$ (700.000) поглощала армия, $\frac{2}{10}$ (224.000) — дворцовое управление, $\frac{1}{10}$ — каз. предприятия, и постройки, менее $\frac{1}{10}$ — пенсии, пути сообщения (ямская гоньба) и администрация. Из 1.470.163 р. доходов на первом месте стояли таможенные и кабацкие (650,2 тыс.) затем «запросные» сборы — 235,3 тыс. «данные» и «оброчные» 146 тыс., сократившаяся стрелецкая подать (10 $\frac{1}{2}$ тыс.) и ямские, полонянничные и конские (53 $\frac{1}{2}$ тыс.). С таким бюджетом Р. вступала в новый, трудный и решающий период своей истории.

2. *Петровские реформы.* Финансы петровской эпохи были продуктом той напряженной борьбы, которую вела Р. за выход к Балтийскому и Черному морю: «Война, говорит Ключевский (курс, изд. 1918 г., IV, стр. 78), была главным движущим рычагом преобразовательной деятельности Петра, военная реформа — ее начальным мо-

менгом, устройство финансов — ее конечной целью». Борьба с Польшей закончилась еще до Петра, и началась в союзе с ней турецкие войны. Первый поход Петра и взятие Азова еще примыкают к этому направлению экспансии русского государства на юг. Создание нового флота для Азовского похода и воссоздание армии, резко ухудшившейся во время безалаберного хозяйничания Нарышкиных (1689—94), потребовали значительных средств. Но эти жертвы были ничтожны в сравнении с теми, которых погребовала начавшаяся в 1701 г. война с Швецией, отвлекшая Р. от Черного моря и продолжавшаяся почти все царствование Петра.

К началу ее (1701) государственные расходы, включая «необладные», удвоились (номинально) против 1680 г., а доля военных поднялась до $\frac{4}{5}$ бюджета: из $2\frac{1}{2}$ млн. руб. на них падало почти 2 млн.; дворцовые резко сократились, зато возросли дипломатические. Между тем старые прямые налоги (стрелецкие, ямские и полонянничные) почти не изменились; пришлось для нужд флота и армии ввести новые — адмиралтейский и драгунский, разложив их попрежнему на дворы, сильно приналечь на косвенные налоги, доход с которых почти удвоился (номинально), и использовать до крайности *монетную регалию*, усиленно чеканя медную монету, изменив вес рубля с $9\frac{1}{2}$ до $6\frac{2}{3}$ золотн. Поступления от нее возросли с 40 до 792 тыс. р. и с 2,7 до 26,8% бюджета, но отразились, конечно, на ценах и уменьшили почти на $\frac{1}{3}$ реальное значение вышеприведенных цифр бюджета. Новинкой в доходном бюджете был введенный в 1699 г. (по совету Курбатова) *гербовый сбор* («корленая бумага»). Гербовый сбор (см.) вместе с крепостными пошлинами и отданным на откуп табачным доходом поступал в оружейную палату, драгунский сбор — в золотую палату, адмиралтейский —

в адмиралтейский приказ, а прибыль с денежного двора — в военноморской приказ. Т. о. новые сборы централизовались территориально в специальных приказах, а старые сборы сосредоточились в ведении нового учреждения — *ратуши*, или *бурмистерской палаты* (см.), в связи с передачей их взимания местным (земским) выборным органам.

Первое десятилетие войны с Швецией было самым напряженным периодом борьбы: наскоро сколоченные, плохо обученные, снаряженные и питаемые армии захватывались в плен, таяли от болезней и голода, наборы («даточных») следовали за наборами, дав за девять лет (1701—1710) до 200.000 человек; армия росла и реорганизовалась, а расход на нее более чем удвоился: окладный расход составлял в 1701 г. 1.082,5 тыс. р., а в 1710 г. — 2.333,9 тыс. р., при чем расходы на артиллерию и флот возросли в пять раз. Дипломатические расходы, тесно связанные с войной, возросли с 23,7 до 121,5 тыс. Прибавив к окладным расходам неокладные (особенно вскочившие в 1703—1705 гг.), получаем 3 с лишком млн. р.

Между тем, стрелецкая подать падала, таможенные и кабацкие доходы росли слабо, несмотря на введенный в 1705 г. дополнительный «поведерный» сбор (2 деньги с ведра вина) и «повоурavnительную» пошлину, падавшую на сделки купцов с непосредственными производителями в уезде (до того ускользавшие от таможенных пошлин).

Тогда посыпались, как из рога изобилия, предлагавшиеся многочисленными «прибыльщиками» (изобретателями доходов; см. XXXVI, ч. 3, 637) новые сборы — весчие и подужные (с извозчиков), кожные, пчельные, с плавных судов, за клеймение хомутов, шапок, сапог, за право иметь домашнюю баню, за право ношения бороды и усов (купец — 100 р., дворянин и приказ-

ный—60 р., крестьянин при въезде в город—1 коп.), но большая часть этих сборов давала гроши, только усиливая раздражение населения; из них заметные поступления были только с рыбного промысла и инородческих свадеб («медовая»). Из новых монополий, введенных в эти годы, в т. ч. на карты, кости, шахматы, мед, деготь, рыбий жир и дубовые гробы, значение имели лишь отданные англичанам на откуп табачная и соляная (1705). Казна продавала покупаемую вольным подрядом соль со 100%-ной накидкой, вызвав еще большее вздорожание соли со всеми его последствиями. Но главным источником увеличения доходов первые годы оставалась монетная регалия—усиленная чеканка медной монеты и перечеканка «старых» серебряных денег с «наддачей» 10% к цене. Однако, доход от этих операций, быстро понавшись в 1701 и 1702 г. до 717,7 и 764,9 тыс., затем стал столь же быстро падать: в 1703 г.—470,7, в 1704 г.—240,5, в 1706 г.—149, в 1708 г.—41,4 тыс. Очевидно было, что постоянным источником он служить не может; денежная операция подрывала сама себя, «но помогла справиться с затруднениями первых тяжелых годов Северной войны». К концу этого периода иссякли бюджетные остатки прежних лет, обнаружив огромный дефицит в $1\frac{1}{2}$ млн. р. (1710). Ни внешние займы, ни внутренние в истощенной поборами стране не были возможны. Пришлось поэтому снова навалить бремя на тяглых, разделив сумму дефицита на число дворов.

Расчитывая на прирост населения с 1678 г., правительство произвело в 1710 г. перепись, но она обнаружила грозный факт убыли населения за тридцать лет на $\frac{1}{3}$! Чем ближе была губерния к театру войны, тем больше была убыль: в Архангелогородской и Ингерманландской (Петербургской) губ. она достигала 40%.

в Смоленской и Московской 20%, на юге была незначительна, а в Казанской и Сибирской был прирост (ср. XXXVI, ч. 3, 638). Причины ясны: взятые в солдаты и на работы (постройка Петербурга, верфей, заводы, рудники) гибли в боях, от голода и холода, болезней, другие убежали, как и в московские времена, на юг и в Сибирь (37,2% убыли). Полтавская победа была куплена ценой страшного разорения страны.

Казалось, мир был близок. Правительство приступило к переводу армии на мирное положение, предполагая расквартировать ее по гарнизонам в приграничных областях; оно прибегло к «районированию» военно-финансового управления, возложив на вновь созданные 8 губерний содержание войска: на каждую губернию приходилось определенное число «долей» («доля» = 5.536 дворов). Но война продолжалась, войска не были расквартированы, и децентрализация финансового управления оказалась несостоятельной, расстроив правильность поступлений и отчетность. Лишь созданный во время неудачного Прутского похода Сенат поддерживал единство управления. Период «губернского» хозяйства (1711—1718) характеризуется ростом расходов на балтийский флот (другие расходы—на армию, дипломатические—росли сравнительно медленнее), усиленным промышленным строительством и расстройством основного источника доходного бюджета—подворного обложения. Усиленная чеканка медной монеты и понижение пробы серебряной на $\frac{1}{6}$ (установлением 70-й пробы) не могли восполнить пробела.

Подворная подать отказывалась служить дальше: население разбежалось, а оставшиеся дворы уплотнились, и сбор с них перестал расти. Многочисленные прабльщики рекомендовали кто французскую «талию», кто «капитацион, сиречь десятину» (спу-

тав два налога — *capitation* и *dixième*). Остановились на «галии, сиречь поголовщине»: «правительство, поняв свое бессилие в деле определения объекта подати, предоставило это определение общественной раскладке, а само занялось исключительно ловлей податного субъекта». Впрочем, и прежние сборы — пососный и подворный — были раскладочными, менялось только основание *территориальной* раскладки. *Подушная подать* (см.) стала на полтора века основным источником прямого обложения и опорой бюджета, увеличив к 1724 г. на 2,8 млн. поступления прямых сборов (см. XXXVI, ч. 3, 656/57). Остальные налоги подверглись сравнительно небольшим изменениям. Восстановление центральных финансовых учреждений — создание *камер-коллегии*, *итатс-конторы* и *ревизион-коллегии* — позволяло несколько улучшить отчетность и контроль.

Доходный бюджет 1724 г. поднялся до 8,5 млн. р. (не считая остатков от 1723 г.), из которых 4,6 млн. (54%) дала подушная подать, 2,13 млн. (25%) — косвенные налоги, 0,895 — регалии (0,662 *соляная*, 0,216 *монетная*) и $\frac{1}{2}$ млн. — оброки и откупа госуд. имущества. Учитывая обесценение рубля вдвое против 1680 г., можно определить *реальное возрастание* бюджета: он возрос за 44 года *втрое*. Состав расходного бюджета мало изменился, при чем сохранилась *специализация* бюджета: военные расходы покрывались гл. обр. подушной податью, общественные постройки — соляным сбором, дипломатические расходы — доходом денежного двора, дворцовые — поступлениями с дворцовых волостей. Таково было положение финансов к концу I-й четверти XVIII века: «ценой разорения страны — утроения податных тягот и сокращения на 20% населения — Р. была возведена в ранг европейской державы». Р. стала серьезным

фактором европейской политики. Она имела обученную армию, горную, текстильную и др. отрасли промышленности (1.233 фабрики и завода); в ней не было еще «капитализма», но не только появился торговый капитал, а начал формироваться и промышленный. Боярство было сломлено, что доказала неудача затей верховников, но дворянство, как служилый класс, получило большее значение, усилившееся при преемниках Петра. Петля крепостного права затянулась еще крепче.

3. *Финансы во 2-й половине XVIII века*. Ближайшие преемники Петра продолжали разорять страну, ничего не создавая взамен, особенно при Анне Иоанновне. «Это царствование — одна из мрачных страниц нашей истории» (Ключевский): безумная расточительность двора, упадок торговли, «доимочные облавы» на народ, бессмысленные войны и договор с Турцией после войны, стоившей больше 100 тыс. солдат и несколько миллионов рублей.

Немногим лучше в финансовой области было правление Елизаветы. Финансовая отчетность, кое-как налаженная при Петре, все более падала, и попытки Сената добиться своевременных и точных приходо-расходных ведомостей были безуспешны; недоплаты кредиторам казны достигли к 1761 г. 8 млн. р. Усилившиеся обнищание крестьянства и недоимочность подушной подати вызвали усиление косвенных налогов — повышение цены на вино и на соль. Цена на соль, по предложению Шувалова, была повышена (1756) на 15 к. — до 50 к. с пуда (при себестоимости в среднем в 21 к.), что сократило потребление этого необходимого продукта питания.

Медную монету, по пресекту того же «изобретателя» Шувалова, стали чеканить весом вдове меньше прежнего, что дало $3\frac{1}{2}$ млн. р. (1757).

Единственной полезной (предложенной им) мерой этого периода была отмена в 1753 г. внутренних таможенных пошлин, замененных повышением (с 5 до 13% ценности) ввозных и вывозных пошлин. Усиленные влияния дворянско-помещичьего класса выразилось не только в окончательном закреплении крестьян и освобождении дворян от обязательной службы (завершенном манифестом Петра III), но и в создании за счет питейного дохода дешевого кредита путем учреждения в 1754 г. Гос. *Дворянского банка* с основным капиталом в 750 тыс. р., для ссуд под залог недвижимых имений (из 6% до 10 тыс. р.).

Вторая половина XVIII в. была дворянской эрой. Крепостное хозяйство начинает выходить на широкий путь настоящего предпринимательства. Первой формой крепостного предприятия стала *дворянская крепостная фабрика*, вступающая в конфликт с купеческой и вызывающая протесты представителей выросшего промышленного капитала. Привилегия винокурения и казенных поставок фуража, уничтожение внутренних таможен и благоприятная конъюнктура хлебных цен создают почву и для развития сельского хозяйства, поощряя переход на барщину и усиление эксплуатации крестьянского труда (см. XXXVI, ч. 4, 63/67).

Параллельно с ростом денежного хозяйства страны растет и государственный бюджет. Р. в эту пору еще больше вовлекается в сферу европейской политики, поделив с Пруссией и Австрией Польшу и в двух турецких войнах осуществив неудавшуюся Петру экспансию к Черному морю. Эти войны, наряду с роскошью двора и фаворитизмом, а также реформами внутреннего управления, вызвали значительный *рост расходов*.

Беспорядок в отчетности и отсутствие точных бюджетных данных за

указанный период вынуждают исследователей (Чечулина) к расчетам и интерполяциям, основанным на несколько произвольных посылках; за семилетие 1774—1780 гг. данных совсем нет. Приходится ограничиться этими «приблизительными» расчетами, согласно которым общая сумма расходов росла след. образом:

		Рост в %/о	
1762 г.	—16,50 млн.	р.	—1
1767 >	—23,30 >	> >	+41,2
1769 >	—26,68 >	> >	12,7
1770 >	—35,01 >	> >	31,2
1772 >	—39,29 >	> >	12,3
1772 >	—40,91 >	> >	4,1
1783 >	—48,19 >	> >	18,0
1786 >	—62,67 >	> >	30,0
1791 >	—84,87 >	> >	35,4
1792 >	—72,25 >	> >	—15,0
1793 >	—78,16 >	> >	+8,2

Мы выбрали начальные и конечные годы мирных периодов и войн, чтобы выяснить влияние последних на бюджеты, и определили %/о роста (номинальных) расходов. Таблица показывает, что в течение первых пяти лет мирного времени расходы возросли на 41,2%, турецкая война вызвала скачок в расходах лишь в 1770 г., в дальнейшем чрезвычайные расходы на нее компенсировались сокращением других расходов; мирное десятилетие 1772—1782 гг. — период стационарного бюджета, но с 1783 г. по 1786 г. последний быстро поднимается на 30%, вторая война увеличивает его еще на 35,5%; затем он падает на 15%, чтобы медленно подняться к 1796-му году. Если принять во внимание обесценение денег с 1780-го года, то мы видим к концу «екатерининского века» падение реальной суммы расходного бюджета. В отличие от петровского времени, войны не оказывают уже столь решающего влияния на бюджеты. Чрезвычайные расходы на 1-ую турецкую войну составили 34,75 млн., а на 2-ую — 68 млн., т.е. около 1/6 общей сумм. расходов за соответственные годы (1768—1773 и 1787—1791).

да и постоянный расход на армию относительно значительно ниже, чем при Петре: он поднялся с 9,2 до 21—22 млн. р., т.-е. удвоился за 34 года, тогда как общая сумма расходов возросла почти в 5 раз, с 16,5 до 78,16 млн.; расходы на флот поднялись в $5\frac{1}{2}$ раз — с 1,2 до 6,7—7 млн. (в цифре 8,64 млн. за 1786 г. значительную долю составляют издержки на знаменитое путешествие Екатерины на юг с «потемкинскими деревнями»). Двор поехал больше, чем флот, и его расходы возросли в 5 раз (с 1,7 до 8,76 млн., а в 1795 г. — 10,64 млн.). Остальные расходы — «внутреннего управления» — в первое десятилетие возросли почти в 4 раза — с 4,2 до 16,35 млн. (1776), во 2-е до 16,61 млн. (1782), в 3-е до 32,78 млн. (1792) и к 1796 г. до 37,53 млн.

Чечулин определяет их в процентных отношениях за периоды:

	1763—73	1781—96	1763	1773	1796
На двор	10,7%	11,2%	9,5%	9,5%	11,8%
» армию	39,5	31,9	45,9	34,5	28,4
» флот	6,5	8,8	7,1	4	9
Внутр. управл. .	43,3	48,1	37,5	52	50,8

Т. о. на первый план выдвинулось «внутреннее управление», но в этой общей рубрике расходы народно-хозяйственные и культурно-социальные занимали ничтожное место (7—9% бюджета).

Главная доля падала на содержание администрации и «собрание» доходов, т.-е. на непроизводительные расходы.

Рост этих статей, особенно значительный в первое десятилетие, объясняется реформами управления — децентрализацией его и увеличением штатов и окладов всех ведомств, как центральных, так и местных. Дворянство не только получало земли с крепостными душами, всякие приви-

легии и монополии, но и растущую долю денежного бюджета государства в виде жалования.

К непроизводительным расходам следует отнести и проценты по займам, возросшие за 17 лет (1781—96) с 0,66 до 4,19 млн. р. (правда, в обесцененной уже на 30% валюте).

Административные реформы второй половины XVIII в. состояли гл. обр. в децентрализации управления: увеличено было число губерний, центральные учреждения (камер-коллегия, ревизион-коллегия) были перенесены в губернии путем учреждения губ. казенных палат. В центре Сенат, как коллегия, потерял свое значение с усилением роли генерал-прокурора; созданная при I деп. Сената «экспедиция о госуд. доходах» (1773), воспринявшая функции камер- и ревизион-коллегии, штатные казначейства, ведавшие обыкновенными расходами, кроме военных, флотских и кабинетских (дворцовых), и остаточные казначейства (1780) — мало способствовали упорядочению финансового управления, т. к. сохранялась специализация бюджета и не было единства управления. Хотя децентрализация касс (уездные казначей) сократила дорогие перевозки медной монеты (16 р. весили пуд) по непроезжим дорогам, но в общем сложный аппарат, созданный реформой, повысил издержки; «новое устройство не уменьшило финансовых затруднений, а скорее увеличило, так сказать, нагромоздило» (Чечулин).

Доходный бюджет вырос (номинально) с 1763 по 1796 год с 14,5 до 55,4 млн. — в 4 раза, но это был «чистый» бюджет, за вычетом издержек собрания, поднявшихся с 4 до 17,7 млн., т.-е. с 21 до 25% валового, или всей уплачивавшейся населением суммы.

	1763	1769	1771	1781	1784	1787	1794	1795	1796
Валовой доход	18,55	24,70	30,8	40,16	51,1	54,9	59,2	71,96	73,1
Издержки собрания . .	4,02	4,46	4,4	11,42	10,6	10,2	16,5	16,85	17,7
Чистый доход	14,53	20,26	26,4	28,74	40,5	44,7	43,7	55,11	55,4

Высокий процент и рост издержек собирания доходов, равно как значительная недоимочность, свидетельствуют о крайнем напряжении финансовых источников и чрезвычайно медленном экономическом развитии страны (Чечулин). Главными источниками дохода были: подушная подать (33% б-та), питейные сборы (25%⁰/₀), соляной доход (7—10%⁰/₀), таможенные сборы (ок. 10%⁰/₀), затем горный доход и канцелярские и проч. пошлины.

Поступления подушной подати росли в связи с ростом населения, распространением ее на новые области (Малороссию, Слободскую Украину, Белоруссию и Остзейский край) и на новые категории населения (монастырских крестьян — в силу секуляризации монастырских имений), а гл. обр. в силу повышения ставок. Характерно, что подать с владельческих крестьян, невыгодная для помещиков, оставалась почти без изменения (70 к. в 1762—86 гг. и только в 1794 г. повышена до 1 р., что соответствовало обесценению денег), тогда как сбор с черносошных и дворянских, включавший в себя прежний оброк в казну, поднялся с 1 р. 70 к. до 4 р. Мещане и посадские платили по 1 р. 20 к. Кушам манифест 1775 г. заменил подушную подать гильдейским сбором в 1% с объявленного капитала. *Питейный* доход был отдан с 1767 г. на откуп, и эта пагубная система просуществовала в течение всего царствования Екатерины в тогдашних великорусских губерниях; цены на вино повышались, но росло и корчемство и плата винокурам-дворянам, так что чистая прибыль возросла за 32 года всего в 2,1 раза (с 4,376 до 9,11 млн. р.) и только в 1795 и 1796 гг. вскочила, благодаря резкому повышению цен, до 17,5 и 15 млн. Валовой доход, включавший издержки на покупку вина («истинные винные»), поднялся с 5,3 до 16 млн. в 1794 г., 24 млн.

в 1795 г. и 22 млн. в 1796 г. Т. о. население платило за вино к концу царствования вчетверо более, чем в начале, а казна получала втрое больше. Доход от *соляной монополии* (см. XI, 135/36) сначала вырос при понижении цены, благодаря росту потребления, и давал около 8% бюджета, но бессаистемность заготовок, хищения и транспортные затруднения вызвали расстройство этой статьи дохода; устав о соли 1781 г. и передача заведывания ею каз. палатам скорее усилили путаницу, а обесценение денег и повышение издержек превратило в 90-х годах чистую прибыль казны (ок. 1 млн.) в убыток (в 1795 г. 1,2 млн.; 6,6 млн. затрат—5,4 млн. дохода).

Таможенные пошлины, пониженные в 1766 г. и еще больше в 1781 г. под влиянием интересов землевладельческого класса и фритредерских идей, давали сначала брутто ок. 3 млн., с 80-ых г. 4—6 млн. (обесценение денег).

«*Горный*» доход получался гл. обр. от меди — от «медного передела», т. е. чеканки медных монет по 16 р. с пуда из покупавшейся у заводчиков по 5 р. 50 коп. меди и из взятой «десятиной» (10-й доли) их добычи, всего в среднем 1,25 млн. в год; но в 90-х годах обесценение бумажных денег (ассигнаций), за которыми последовали и медные, привело к убыточности чеканки. Доход (десятинные) от чугуна, прибыль монетного департамента от чеканки серебряных монет и доход от казенных заводов играли второстепенную роль.

Многочисленные сборы, сохранившие со времен Петра название «*канцелярских*» по первоначальному месту взимания (Ижорская и Ингерманландская канцелярии), включали: а) пошлины актовые, гербовые, с водного транспорта, б) вычеты из жалованья, в) штрафы, г) *доходы от казенных имуществ и предприятий* — почтовый,

от пороховых заводов, казенных мельниц, рыбных ловель и проч. оброчных статей. В этой области царил хаос, но резкая критика (Паниным, Мельгуновым и др.) ни к чему не привела; поступления их достигли к 1795-му г. 5,7 млн. р.

При Екатерине в Р. впервые появился правильный *государственный кредит* в форме *внешних займов*, заключенных к началу 1-ой турецкой войны в Голландии (7 $\frac{1}{2}$ млн. гульденов из 5% и единовременной провизии в 7% и при том с обеспечением таможенными доходами) и в Генуе (1 млн. пиастров). Успешное окончание войны и полученная контрибуция в 4 $\frac{1}{2}$ млн. руб. сер. позволили погасить генуэзский заем и часть голландского и конвертировать остальной долг в 4% -ный. Такие выгодные условия объясняются как внешнеполитическими успехами, так и гл. обр. слабой задолженностью Р. Но в 1780-х гг. расточительное госуд. хозяйство привело к новым займам и пересрочке старых; 2-я турецкая война потребовала займа (1781) в 6 млн. гульд. уже из 4 $\frac{1}{2}$ % за которым последовал 5% -ный: кредит наш явно ухудшался, внешняя задолженность росла, достигнув к концу царствования 41 млн. руб. ассигн. Внутренних займов в то время не заключали, но казна заложала поставщикам около 17 $\frac{1}{2}$ млн. руб. Прибавив сюда 157,7 млн. р. выпуска ассигнаций, Мигулин определил задолженность к 1796 г. в 216,6 млн. р. Т. о. *ассигнация* (см. IV, 84/85) явились главным источником покрытия дефицитов, особенно с 80-х годов. Первоначальный их выпуск в 1769 г. мотивировался недостаточностью и громоздкостью преобладавших тогда медных денег. Созданные в Москве и Петербурге два ассигнационных банка, с капиталом в 500 тыс. р. каждый, должны были выпустить на указанную сумму «ассигнация» для

хождения наравне с металлическими деньгами; отвечая назревшей потребности, они имели успех и даже ходили с лажем (до 3%). Но открытое этим успехом правительство стало выпускать ассигнации, не обеспеченные монетой, и сумма их достигла в 1774 г. 20 млн. р., — «сладкий яд» начал действовать. Шувалов еще в 1769 г. выступил с проектом расширения капитала банка и развития ссудных операций и «циркуляции» денег. Сокращение расходов после войн и контрибуция позволили обойтись умеренными выпусками, но с 1783 г., когда экономический кризис и ухудшение финансового положения дали себя чувствовать, повышение подушного и оброчных и других сборов оказалось недостаточным, проект дальнейших повышений (Вяземского) не был принят, и план Шувалова получил «апробацию», вопреки возражениям Вяземского, а в 1786 г. решено было увеличить сумму выпуска с 46 до 100 млн. р., обратив новый выпуск на ссуды дворянам-помещикам в размере 2 млн. на 20 лет из 8%, включая погашение, ссуды городам — 11 млн. на 22 года из 7%, погашение долгов кабинета (т.-е. императрицы) и части долгов казны. Напыщенный манифест, полный несбыточных обещаний, сопровождал этот продукт легкомыслия Шуваловых, Безбородок и Екатерины, отвечавший, впрочем, интересам землевладельческого класса, которому и на этот раз были отданы в жертву интересы остального населения. Фактически большая часть выпуска была обращена на ведение второй турецкой войны, и ссуд «для оживления промышленности и сельского хозяйства» было выдано всего на 2 $\frac{1}{2}$ млн. р. Вопреки торжественным обещаниям, выпуски продолжались, достигнув 157,7 млн. р., цены росли, понижая реальную величину доходов, казна не выходила

из дефицита. Так кончался «блестящий век Екатерины». (См. XXXVI, ч. 3, 748/51).

4. *Финансы Р. в первой половине XIX века.* Первую половину XIX века можно характеризовать как эпоху «разложения крепостного хозяйства и зарождения новой (капиталистической) экономики» (см. XXXVI, ч. 4, 76 сл.). Крепостное хозяйство требовало развивающегося рынка, но само препятствовало этому развитию как в сельском хозяйстве, так и особенно в обрабатывающей промышленности, в которой резко сказывались уже отрицательные стороны крепостной вотчинной фабрики (суконная, металлургич. промышл. и др.).

На юге в сельском хозяйстве получил распространение наемный труд, кое-где крестьяне освобождались с землей в полную собственность (ук. 1803 г. о своб. земельных) или в пользование (ук. 1842 г. об обязанных крестьянах), но крепостное хозяйство сохранилось и даже стало тягостнее. Экспорт хлеба упал было под влиянием падения мировых цен с 20-х гг., но затем снова стал расти, поднимшись с 12,6 млн. руб. в 1800—10 гг. до 57,4 млн. руб. в 1851—60 гг.

Начало столетия — эпоха административных преобразований и почти непрерывных войн с Наполеоном, Турцией, Швецией, заканчивающаяся Венским конгрессом. Одним из первых преобразований было учреждение министерств, в т. ч. *министерства финансов*, слившегося затем с ведомством госуд. казначея, и комитета финансов (1806) для рассмотрения росписей и общих финансовых вопросов. Сперанский (см.) завершил реформу изданием общего учреждения м-в и наказа м-рам (1811). Над министерствами был поставлен Государственный совет в качестве законосовещательного органа, обязательному рассмотрению которого подлежали ежегодные сметы, новые статьи расхода,

налоги и др. финансовые мероприятия. Госуд. расходы и дефициты быстро росли из-за войн и покрывались в значит. доле выпуском ассигнаций, быстро обесценивавшихся и сокращавших реальную величину доходных поступлений. Расходный бюджет возрос с 1803 по 1808 г. номинально в $2\frac{1}{3}$ раза (с 109,4 до 248,2 млн.), но в виду обесценивания ассигнаций (с 1 р. 25 к. до 1 р. 86 к. за 1 руб. сер.) реальный рост был всего в $1\frac{1}{2}$ раза (с 87,5 до 133,4 млн.). К этому времени относится знаменитый «*план финансов Сперанского*», поставившего задачу сокращения расходов и надлежащего контроля за ними, повышения налогов и сокращения количества ассигнаций; денежной единицей провозглашался серебряный рубль, и предполагался обмен его на банк. билеты. Однако, повышение налогов встретило сопротивление со стороны помещичьего класса; тем менее были осуществимы мечты о замене подушной подати поземельным и др. реальными налогами. Кроме повышений окладов подушной подати, оброка и других сборов и упорядочения гербовых пошлин, следует отметить лишь одну скромную попытку во время войны обложить помещичьи доходы, а именно временный прогрессивно-подходящий сбор с имений в 1—10%; его поступления были ничтожны, т. к. декларации не подлежали проверке; через десять лет он был отменен. Мало успеха имели и первые *внутренние займы*, заключенные в эти годы: краткосрочный 6%-й заем 1809 г. с прибавкой 1% «грации» и заем 1810 г. с двумя видами облигаций — 6%-ными срочными, в уплату которых принимались ассигнации по курсу 50, и $4\frac{1}{2}$ %-ными бессрочными с приемом ассигнаций по $66\frac{2}{3}$ (г.-е. 1 р. 50 к. асс. за 1 р. сер.). Имобилизация кредита не удалась из-за конкуренции гос. кредитных учреждений, плативших по бессрочным вкладам 6%; ассигнаций

было погашено всего на 5 млн., остальная сумма займа 1810 г. (15 млн.) была внесена билетами ассигнационного банка, но и эта консолидация «позаимствований госуд. казначейства из кредитных установлений» тонула в общей сумме их. Продажа госуд. земель дала тоже ничтожные результаты, и т. о. учрежденная в 1806 г. «Комиссия погашения госуд. долгов» лишена была возможности сократить количество ассигнаций. Разразившаяся вновь война разрушила все эти планы, потребовав громадных расходов, «позаимствований», новых выпусков ассигнаций, количество которых достигло к 1815 г. 825,8 млн., а цена упала до $23\frac{3}{4}$ коп. сер. (4 р. 21 к. асс. за 1 р. сер.). После отставки Сперанского, манифест 1812 г. объявил ассигнации законным платежным средством (с приемом серебряной монеты по курсу дня), укрепив их курс, но создав две валюты и большую путаницу в денежном обращении. Во время войны (1812) появилась впервые новая форма текущих долгов — обязательства госуд. казначейства, выпускавшиеся сроком на год из 6%.

После войны мин. финансов Гурьев (см.) предпринял упорядочение и погашение госуд. неконсолидированных долгов, в том числе сокращение количества ассигнаций, с целью повышения их курса; но и без того падение курса к тому времени приостановилось благодаря росту экспорта и постепенному reassыванию бумажных денег (повышению цен и приспособлению нар. хозяйства к наличному количеству бумажных денег), а возврат к паритету был неосуществим. Изъятия (229,3 млн. р. асс.) не оказали никакого действия на курс, а между тем для консолидации долгов было заключено пять займов на крайне невыгодных условиях: три внутренних (два 6% -ных по курсу $83\frac{1}{3}$ и 85 на 34 и 80,6 млн. р. и 5% -й на 42 млн. р.) и два внешних (5% -й по 72 на 40 млн. р.

и 5% -ный у Ротшильдов по $77\frac{1}{2}$ на 43 млн. р.). Т. о. внешняя задолженность возросла на 102 млн. р. сер. Эти меры встретили резкое осуждение (со стороны Мордвинова, Канкрин и др.) и вызвали отставку Гурьева. Из положительных мероприятий этого министра следует указать на создание *Доловой книги, Высш. совета кредитн. установлений, Экспедиции заготовления госуд. бумаг и Коммерческого банка*, а также упорядочение гербового сбора. В области торговой политики происходили резкие скачки, шла борьба между «идеями» свободы торговли и протекционизма, т.-е. между интересами хлебного экспорта, т.-е. землевладения — и туземной (дворянской и купеческой) фабричной промышленности. Умеренно-протекционные тарифы 1816 и 1819 гг. сменились резко протекционным в 1822 г.

С 20-х по 50-ые гг. Р. не переживала, вплоть до Крымской кампании, сильных внешних потрясений: две войны — персидская и турецкая, подавление польского восстания и яндревский поход в Венгрию сильно напрягли финансы государства, но не потрясли их. Государственные расходы, сократившиеся было к 1826 г., стали снова расти особенно быстро в 30-х и в 50-х гг., когда Крымская кампания окончательно расстроила финансовую систему:

1820 г.	499,8 млн. р. асс.		
1826 >	403,9 >	>	>
1835 >	587 >	>	>
1839 >	627,9 >	>	>
1839 >	180 >	>	сер.
1840 >	187,98 >	>	>
1854 >	383,76 >	>	>

В течение 22 лет во главе м-ва финансов стоял Канкрин (см.). Он улучшил отчетность, сократил в начале деятельности расходы, старался (безуспешно) накопить военный фонд, упорядочил взимание подушной подати составлением «Окладной книги» (1827), реформировал промысловое обложение, введя, по образцу Фран-

ции, патентную систему: Положение 1824 г., сохранив гильдейские сборы в неизменных окладах в качестве словесных платежей, устанавливало промысловый налог с различных ставок в зависимости от размеров промысла, определяемых внешними признаками; это был первый реальный налог в Р. На ряду с этой серьезной реформой следует отметить введение акциза с табака в 1838 г. (см. ХLI, ч. 6, 664). Система акциза (которую Канцман называет «канкринской») удачно сочетала, по его мнению, выгоды акциза с готового продукта в форме бандеролей с тем преимуществом, которое приписывают обычно фискальным монополиям — фиксации цен: цены на табак каждого сорта были установлены законом и обозначались на бандеролях, чем рассчитывали ограничить прибыли фабрикантов и продавцов; ставки налога были невысоки, чтобы не тормозить развития табачководства. Канкрин предлагал уже в 1839 г. обложить акцизом свежесваренный сахар в виду значительного развития сахарной промышленности, но этому противодействовали интересы сахарозаводчиков. Только в 1848 году настояния петербургских рафинеров, перерабатывавших ввозный тростниковый песок, вкуче с финансовой нуждой и опасением за таможенный доход с тростникового сахара, побудили к введению сахарного акциза (по нормам выхода и выработки снарядов; ср. XXXVII, 405). В том же году появилось обложение фосфорных спичек в форме бандеролей.

Питейная монополия, вызвавшая уменьшение потребления вина, была признана неудовлетворительной. Канкрин писал: «Нубляка (т.-е. помещики-винокуры. В. Т.) полагает, что возобновлением откупов оживилась бы внутренняя промышленность, многие могли бы поправить расстроенное состояние законным образом...». В 1827г.

каз. продажа уступила место откупам. «Опять водворилась на Руси откупная атмосфера, сотканная из злоупотреблений, плутней, подкупов, взяток и спаивания народа» (Лебедев).

Всяческие льготы откупщикам, ограничение, по их настоянию, трактиров («где народ привыкает к роскоши, к чаю») увеличили было питейный доход, возросший с 1828 по 1845 г. вдвое с лишком (с 21,7 до 45 млн. р.), но в 1840-х гг. за откупщиками накопились большие недоимки. Предложенная Кокоревым и введенная в 1847 г. система «акцизно-откупного комиссионерства» вызвала всеобщее недовольство, и все больше стали раздаваться голоса в пользу отмены откупов (см. XXXII, 254).

В области внешней торговли в течение четверти века действовал протекционный тариф: резкие колебания от низких таможенных пошлин (1819) к почти запретительным (1822) сменялись устойчивым курсом: тариф 1825 г. допустил ввоз ряда запрещенных ранее товаров, обложив их высокой пошлиной; временная надбавка в $12\frac{1}{2}\%$ в 1833 г. была вызвана финансовой нуждой. В 1840-х годах произошло понижение вывозных и ввозных пошлин в целях поощрения экспорта (гл. обр. в Англию) и под влиянием начавшегося *железно-дор. строительства*. Результатом этих новых факторов был тариф 1850 г.

Хотя Канкрин образовал запасные фонды (военный фонд по образцу Пруссии, кассовый, оборотный фонд, резервный капитал заемного и коммерческого банков), но уже война с Турцией и Персией заставила обратиться к *госуд. кредиту*: внешний 5%-ный голландский заем 1828 г. (на 42 млн. гульденов по курсу 95) был заключен на выгодных условиях, но через 3 года заем, вызванный подавлением польского восстания, обнаружил резкое ухудшение условий (5%-ный по курсу 79,2), объяснявшееся политическими

событиями в Европе. В виду этого обратились к внутреннему кредиту в форме «серий» билетов Госуд. казначейства (по 10 млн. в серии, из 4,32⁰/₁₀₀ на 4 года) и обычных «позаимствований» из гос. кредитных установлений, возросших к 1840 г. до 152 млн. р. сер. К этому времени благоприятный торговый баланс и прилив серебра позволили стабилизировать курс ассигнаций и произвести девальвацию, обменяв ассигнации на вновь выпущенные кредитные рубли в отношении 3¹/₂:1. Удачно проведенная денежная реформа, носящая почему-то имя Канкринна, хотя она была проведена *вопреки* ему, после его долгого сопротивления, прекратила колебания курса и неопределенность денежно-кредитных отношений (впрочем, ненадолго) и способствовала улучшению кредита Р. у европейских капиталистов, испуганных революциями 1848-го года и искавших «политически прочного рынка».

Но этот «ореол» прочности николаевского режима вскоре исчез: Крымская кампания обнаружила его язвы и внутреннюю гниль.

5. *Финансы т. н. «эпохи великих реформ».* Так называемая «эпоха великих реформ», почти совпадающая с царствованием Александра II, начавшаяся после Крымской кампании и закончившаяся Турецкой войной 1877—1878 гг., ознаменована отменой крепостного права, развитием капита-

листических отношений (см. выше, XXXVI, ч. 4, 93 сл.) и усиленным жел.-дор. строительством. Частичное обезземеление крестьян дало дешевую рабочую силу, а капитализация высоких выкупных платежей—свободные капиталы, кинувшиеся в жел.-дорожные, а затем и в промышленные акционерные общества, в банки и в спекуляцию. Нарождавшийся капитализм и усилившаяся связь с западным денежным рынком вызвали, между прочим, реформу финансовых учреждений и бюджетного законодательства. Интересы госуд. кредита потребовали гласности бюджета, ответом на это требование жизни было произведшее сенсацию опубликование госуд. росписей с 1862 г., выработка правил составления, обсуждения и исполнения бюджета, восстановление роли Госуд. совета (которую намечал ему еще Сперанский) в обсуждении бюджета и организации госуд. контроля — реформы, связанные с именем Татаринова (см.). Госуд. расходы, быстро возросшие во время Крымской войны, сократились в 1857 г., затем снова стали возрастать, гл. обр. в связи с ростом платежей по госуд. и гарантированным жел.-дор. займам, военным расходам в связи с реорганизацией армии, покорением Кавказа и Средней Азии, а с 1876 г. — с турецкой войной, снова расстроившей налаживавшееся бюджетное равновесие. След. таблица иллюстрирует сказанное:

Годы	Обыкновенные расходы					Чрезвычайные		Всего	
	Платежи по долларам	М-во финансов	Военное м-во	Морское м-во	М-во вн. дел	Всего	Постр. ж. д. и портов		Воен.
1855	65,23	79,52	239,32	30,26	14,25	525,97	—	—	525,97
1856	66,37	78,66	233,15	26,73	14,29	619,36	—	—	619,36
1857	62,92	48,94	191,85	20,43	14,76	347,88	—	—	347,88
1860	112,07	60,53	166,65	22,14	12,88	433,24	—	—	433,24
1866	74,75	80,46	129,69	24,90	29,67	413,30	—	—	438,49
1875	107,48	79,73	175,43	25,85	52,40	513,20	61,64	—	604,86
1876	109,34	80,30	191,30	27,11	53,64	574,10	79,37	51,0	704,47
1877	115,09	84,07	191,56	28,10	51,07	586,55	105,24	429,33	1.121,12
1878	141,33	92,49	187,33	26,10	55,18	611,29	66,80	408,14	1.076,25
1879	173,45	94,39	187,45	27,33	59,54	643,89	35,70	132,12	811,71
1890	173,47	112,73	208,58	29,35	62,67	691,50	44,06	51,82	793,38

Обыкновенные доходы за те же годы состояли из след. основных статей: | налоги играли еще очень скромную роль в сравнении с подушной податью,

Обыкновенные доходы

Годы	Подати и торгов. оброк (промышл.)	Питейный доход	Соляной	Табачн. и сахар.	Тамож.	Лесной	Ж.-д.	Прочие	Итого обыкн. дох.
1855	43,23	4,14	79,24	8,85	2,00	17,90	—	52,50	208,83
1865	69,05	9,56	123,91	9,10	5,55	26,27	3,97	10,90	356,50
1875	119,31	14,63	198,00	11,40	14,22	63,65	11,10	20,00	558,00
1880	112,57	15,30	223,44	13,80	17,34	86,37	14,52	13,46	628,54

Т. о. основным источником госуд. доходов стал питейный доход, за ним следовала подушная подать и оброки с крестьян и таможенный доход; остальные налоги и госуд. имущества еще не играли заметной роли, несмотря на значительные изменения в податной системе. Образования в 1859 г. «Комиссия для пересмотра системы податей и сборов» проделала огромную работу по изучению русских и иностранных налогов; признав необходимость отмены подушной подати, она выработала ряд проектов замены ее другими налогами — реальными и личными (подворным и разрядным подоходным). Но финансовая нужда, стремление поощрить «первоначальное накопление» и сопротивление помещиков и торгово-промышленного класса не позволили отказаться от подушной подати. От нее откалывались постепенно небольшие участки, образуя зародыши реально-податной системы. Так, налог с городских недвижимых имуществ заменил в 1863 г. подушную подать с мещан, при чем раскладка его была предоставлена гор. управлениям; в 1865 г. реформа промыслового патентного сбора значительно дифференцировала оклады и окончательно освободила его от сословного характера; госуд. земский сбор был частично переложен (1872) на земли, превратившись в 1875 г. в раскладочный *поземельный* налог (см. XXXII, 459). Но все эти реальные

оклады которой несколько раз повышались, выкупными платежами крестьян питейным доходом, ложившимся тоже гл. обр. на крестьян. Переход от откупной системы к *питейному акцизу* (1863) был вызван сокращением потребления и недовольством откупными представителями дворянского винокуреня и торговцев питьями: акциз, удешевив вино, способствовал росту потребления «дешевки», а в «привилегированных» и балтийских губерниях увеличил госуд. доход. Финансовая нужда побуждала, однако, повышать ставки; доход к 1880 г. удвоился, но зато потребление стало снова сокращаться (ср. XXXII, 254/55).

Общее недовольство казенным хозяйством побудило правительство передать казенные *соляные* источники в частные руки, ограничившись взиманием акциза, но и против акциза раздавались протесты сельских хозяев-скотоводов, приведшие к отмене его 1/1 1881 г. (см. XI, 136). Введенный в 1872 г. *акциз с осветительных масел* («фотогена») вызвал жалобы на неравномерность и «стеснение» молодой промышленности и был отменен. Ставки табачного акциза повышались, и усилился контроль, но система оставалась без изменения; доход возрастал с ростом потребления (панширос). В обложении сахара оказалось неудобство действовавшей системы; успехи техники сахароварения привели и

значительному увеличению выработки против норм, сокращая поступления от налога, что заставило перейти (1881) к обложению готового продукта. Итак, акцизная система вытеснила за указанный период и откуп, и казенное хозяйство. «Либеральная» эра сказавшись и на таможенном законодательстве: в тарифе 1857 г. были допущены к привозу чугуна и железа, необходимые для жел.-дорожного строительства и машиностроения, и сложены пошлины с ряда сырых материалов, необходимых нашим фабрикам; еще больше понижены были пошлины в тарифе 1868 г., но на этот раз скорее по фискальным соображениям — с целью увеличения приостановившегося в росте таможенного дохода (ср. ХLI, ч. 8, 499). Ухудшение торгового баланса, предстоявшая война с Турцией и необходимость обеспечения платежей по иностранным займам побудили к введению в 1876 г. оплаты тамож. пошлин золотом, что сразу и огульно повысило их на $\frac{1}{3}$. Взимание гербовых пошлин было несколько улучшено герб. уставом 1874 г.; в 1879 г. введен сбор с пассажиров и грузов большой скорости на жел. дорогах; натуральная горная подать заменена для всех металлов, кроме золота, денежной. Таковы важнейшие мероприятия в области пошлин.

Государственная *задолженность* очень возросла за «перiod реформ». Причинами роста были, кроме войны, жел.-дорожное строительство, выкупная операция, ликвидация старых кредитных установлений и неудачные попытки восстановления размена. Крымская кампания обошлась, по расчетам Кауфмана, в 528,2 млн. р., дефициты за 1853—56 гг. достигли 700 млн. Внешними займами (2 займа 1854 и 1855 гг. из 5% по 50 млн. р. по курсу 89,76 и 91,36) удалось покрыть лишь 12% расходов, и пришлось прибегнуть к обильным выпускам кредитных билетов (431 $\frac{1}{2}$ млн. р.) и пре-

кращению их размена; курс их быстро упал. Усиленное *железнодорожное строительство* является одним из моментов, наиболее характерных для финансов эпохи реформ, повлиявших на них в большей мере, чем сама крестьянская реформа. Разочаровавшись в постройке жел. дорог за счет казны после печального опыта Николаевской дороги с ее грандиозными хищениями, правительство всячески содействовало образованию частных жел.-дор. обществ, бол. частью гарантируя им 5%-ный доход по акциям и (или) их облигационные займы. Но система гарантий оказалась еще убыточнее, чем казенная постройка, и стала главной причиной дефицитов в 1860—1870-х годах. Особенно много убытков причинило «Главное о-во Росс. ж. д.», которому была передана без всякой необходимости Николаевская ж. д. Жел.-дор. сеть возросла на 18 $\frac{1}{2}$ тыс. верст (1862—1878), но и гарантированный долг достиг 160 млн. металлич. и 102 млн. кредитных руб., к которым присоединились «консолидированные» займы; эти 5%-ые займы выпускались правительством от своего имени, в виду недоверия рынка к частным жел.-дорожным о-вам, а реализованные суммы передавались о-вам в ссуду. Курс их улучшался, поднявшись с 76 до 92. Общая сумма достигла 617 млн. (выручено 434,3 млн., или 80%), а вместе с гарантированными задолженностью возросла на 1.644,4 млн. р., платежи на 81,3 млн. Приплаты по долгам частных ж. д. составляли ежегодно 50 млн. (Мигулин).

В противоположность жел. дорогам, *выкупная операция* (см. XII, 18/22) оказалась выгодной не только для помещиков, но и для казны. Ссуды крестьянам на выкуп земли выдавались (передаваемыми помещикам) 5%-ными банковыми билетами и 5%-ными именными выкупными свидетельствами; кроме того, в ограниченном количестве были выданы 5 $\frac{1}{2}$ %-ные непрерывно-

доходные свидетельства («рента»), «письма» председателя Главн. выкупного учреждения, и выплачивался «ассигнованный доход» (без выдачи капитальной суммы). Из первых двух основных форм выкупные свидетельства оказались весьма нецелесообразной формой, сильно упали в курсе, давя на курс банковых билетов (Кованько), и с 1875 г. были постепенно изъяты путем обмена на банковые билеты. Всего к 1879 г. было выпущено обязательств по выкупной операции на 668,2 млн. р., из которых 272 млн. р. пошли на погашение долгов помещиков бывшим кредитным установлениям — заемному банку, сохранным казнач. приказам обществ. призрения.

Значительно отразилась на госуд. кредите ликвидация этих кредитных установлений: несвоевременная и неудачная мера, предпринятая из-за желания понизить платежи по «позаимствованиям» и содействовать реализации займов «Главн. о-ва Росс. ж. д.» и др. жел.-дор. о-в, а именно понижение процента по вкладам (1857), привела к массовому изъятию вкладов, быстро сократившему кассовую наличность казенных банков и грозившему их банкротством. Пришлось спешно заключить два внешних займа: один 3⁰/₀-ный на 7 млн. ф. ст. по курсу 68 (выручено 64,3), другой 4¹/₀/₀-ный на 8 млн. ф. ст., за счет которых удалось удовлетворить лишь небольшую часть вкладчиков; затем прибегли к внутреннему кредиту — 4¹/₀-ным «непрерывно-доходным билетам», 5⁰/₀-ным «вечным» вкладам (благотворит. учреждений) и билетам вновь «озданного на месте ликвидированных кредитных учреждений Госуд. банка: 5⁰/₀-ным билетам сроком на 37 лет и 4⁰/₀-ным «металлическим» билетам сроком на 41 год. Так печально закончилась попытка понизить процент по «позаимствованиям» с 5 до 4⁰/₀! Уничтожение старых казенных банков, ссужавших под залог име-

ний, отчасти способствовало ускорению выкупной операции.

Падение курса кредитных билетов снова, как при Гурьеве, вызвало *попытку изъятия* их за счет внешних займов и восстановления размена по постепенно повышавшемуся курсу (проект Ламанского); 5⁰/₀-ный заем 1862 г. в 15 млн. ф. ст. у Ротшильдов дал всего 94,38 млн. р. (реальная выручка — 90,7⁰/₀) и только частью пошел на изъятия. Как и в 1817—1822 г., увеличили внешний долг, а размен пришлось очень скоро приостановить, т. к. баланс был неблагоприятным, а польское восстание потребовало расходов на 70 млн., расстроило финансы и привело к новым внешним займам (5⁰/₀-ным англо-голландским 1864 г. и 1866 г. по 83¹/₂ и 83) и *внутренним выигрышным займам* 1864 и 1866 гг.; первый выигрышный заем выпущен был на чрезвычайно льготных условиях для кредиторов (5⁰/₀, погасительные премии в 20—50 руб. при выходе в тираж облигаций, тиражи выигрышей на 600 тыс. р. — первые 30 лет 2 раза в год, следующие 30 лет 1 раз в год), и тем не менее он был реализован ниже par (93¹/₂). Часть льгот были совершенно излишними (премии, часть выигрышей). Второй заем уже встретил лучший прием и был реализован по 107. Все четыре займа дали всего 276 млн. р. В начале 70-х гг., несмотря на хищения, приплаты и дороговизну жел.-дор. жного строительства, и неудачные кредитные мероприятия, финансовое положение стало улучшаться: влияние жел. дорог, освобождение крестьян, рост хлебного экспорта и повышение цен на хлеб на мировом рынке, рост денежного капитала и промышленности стали сказываться и на поступлении налогов, и на госуд. кредите: хотя общая задолженность поднялась к 1877-му г. до 3,7 миллиардов, но курс займов повышался. Ему даже не очень повредила новая искусственная поддерж-

ка вексельных курсов путем продажи золота из фондов Госуд. банка на радость заграничным спекулянтам. Эта мера была тем менее уместна, что Р. фактически стала переходить в 70-х годах к золотой валюте: упадок ценности серебра на мировом рынке и растущая связь с последним побудили вести счет не на серебро, остававшееся законной валютой, а на кредитные билеты и на золото. Размен на золото был еще немыслим, но курс кредитного рубля заметно улучшался (ср. VII, 131/32).

Местные финансы. Созданные реформами 1864 и 1870 гг. земские и городские учреждения развивали свою деятельность в атмосфере недоверия и всяческих ограничений со стороны власти, возложившей на них, особенно на города, столько обязательных расходов (содержание полиции и пр.), что оставалось мало средств на культурные, санитарные и социальные задачи их, а узко-классовый состав (дворянско-помещичий в земствах и крупно- и средне-буржуазный в городах) не позволял использовать даже тех источников обложения, которые им были предоставлены: в земствах, ограниченных в праве промышленного обложения 10-15%⁰-ными надбавками к основному патентному сбору, почти единственным источником дохода был оценочный сбор с недвижимостей — земель, лесов, город. недвижимостей и торгово-промышленных помещений. Земцы усердно облагали казенные леса, городских домовладельцев, фабрики и заводы, вызывая протесты городов (требования выделения из земств) и промышленников, и не спешили с переоценкой земель и частных лесов, а города, опасаясь повышения раскладок государств. и земских сборов, оценивали гор. недвижимости во много раз ниже действительности, а т. к. закон установил предельные ставки (10% дохода или 1% ценности) и ограничил объекты гор. оценочного сбо-

ра, то поступления его были далеко не достаточны.

Промысловое обложение было тоже ограничено законом; трактирный и др. сборы давали очень мало. Результатом было неудовлетворение самых насущных нужд городских жителей.

6. 1880-е годы. 1880-ые годы характеризуются депрессией на мировом рынке, тяжело отразившейся и на нашем сельском хозяйстве, и на индустрии. Американский импорт повел к длительному понижению хлебных цен в Европе, к которому присоединились у нас неурожаи 1880, 1882, 1885 гг. и 1891—1892 гг. И крестьянское и помещичье хозяйство страдало от кризиса, который усилил процесс его дифференциации, впервые отмеченный Лениным. Производственная основа — земля — все более ускользала из рук господствующего класса; начались вопли об «оскудении дворянства» и всяческие меры к поддержанию его, дорого обошедшиеся стране. Промышленность тоже вступила в полосу депрессии: сократилось жел.-дорожное строительство, темп роста числа фабрик замедлился, многие закрывались; и промышленность требовала поддержки путем протекционных пошлин (см. XXXVI, ч. 4, 120).

Описанная экономическая и социально-политическая обстановка, наряду с задолженностью и расстройством денежного обращения как последствием войны, определила характер. финансовых мероприятий.

Первой задачей, стоявшей пред министрами финансов, было сокращение расходов, особенно военных: последнее удалось на несколько лет, но затем пришлось повышать «предельный» военный бюджет под давлением требований военного мин-ва; морской бюджет постепенно с каждым годом рос; росли в течение первых шести лет и платежи по гос. долгам:

Годы	Платежи по долгам	Воен.	Морск.	Финанс.	Всего обьик.	Чрезвыч.	Всего
1881	195,6	225,66	30,47	108,37	732,41	107,87	840,28
1887	200,9	210,95	40,36	109,07	835,85	95,09	930,94
1892	251,0	236,16	48,19	120,18	910,63	214,77	1.125,45

Т. о. обыкновенные расходы поднялись за шестилетнее управление мин-ва финансов Бунге (см.) на 100 млн. и за время м-ва Вышнеградского (см.) еще на 75 млн., несмотря на крайнюю бережливость обоих. Чрезвычайные расходы на выкуп в казну и сооружение жел. дорог поднялись с 27—30 млн. до 45—100 млн.; на «погашение зай-

мов» (при продолжавшихся до 1887 г. дефицитах) шло ежегодно около 50 млн., военные чрезвычайные расходы исчезли с 1882 г. до 1890 г.; наконец, в 1891 и 92 гг. борьба с голодом потребовала экстренных ассигнований в 75 и 87½ млн. р. Общая сумма уже с 1890 г. перевалила за миллиард. Развитие доходного бюджета было несколько иным:

Годы	Подати и оброк	Прочисл. налог.	Писемн. акциз	Прот. вид: акциз	Таможен. пошли.	Диск. лок.	Казенн. ж. д.	Выжуд. платежи	Прочие доходы	Обороты по ступеням	Итого обьик. дох.	Чрезвычайные доходы			Всего доходов
												займа	проч.	всего	
1881	116,7	23,25	225,36	16,46	85,76	14,83	19,42	—	125,10	24,87	651,75	91,39	63,77	155,16	806,92
1887	52,78	28,86	257,62	47,25	107,42	13,58	53,40	88,96	175,99	3,77	829,66	131,79	12,75	164,54	974,20
1892	55,94	35,40	269,04	75,27	130,55	18,77	111,10	77,00	196,99	—	970,16	165,78	32,90	198,68	1168,84

Общая сумма доходов росла при Бунге медленнее, чем расходы, и ежегодные дефициты вызывали нарекания на мин. фин., но они объяснялись гл. обр. неурожаем, подрывавшими платежные силы крестьянства. Преемник Бунге воспользовался необычайным урожаем 1887 г., а затем взвинтил налоговый пресс, но неурожаи 1891 и 1892 гг. разрушили кажущееся финансовое благополучие и веру в его таланты (см. *Старый профессор*, «Замечат. эпоха русских финансов»).

Податная система подверглась при Бунге существенным изменениям: подушная подать (см.), составлявшая раньше — с питейным доходом — оплот наших финансов и бич крестьянства, но к 1880-м годам потерявшая свою первенствующую роль в доходном бюджете, была, наконец, отменена: указом 1882 г. повелено начать

отмену ее с 1883 г. и совершить ее в течение нескольких лет «по мере изыскания новых источников». Еще раньше — в 1881-м году — были понижены выкупные платежи помещичьих крестьян; что касается государственных крестьян, уплачивавшийся ими оброк был превращен в выкупные платежи, а т. к. он был ниже платежей помещичьих крестьян, то часть подушной подати госуд. крестьян (15 млн.) была, «в видах усиления средств госуд. казначейства», перечислена в оброчную подать, затем в выкупные платежи; иначе говоря, бремя помещичьих крестьян было частично переложено на государственных. Другими источниками замены подушной подати послужили: повышение налогов поземельного, с городских недвижимостей и гербового сбора, введение налога с наследств (1882), новых промысловых и налога с дохода

от денежных капиталов. *Налог с наследства* («пошлина с безмездного перехода имущества»), заменивший ничтожную пошлину и вызвавший недовольство землевладельцев, был установлен в размере 1—8% в зависимости от степени родства; широкое изъятие (1.000 р., домашняя движимость, наделы) и весьма низкая оценка земель, даже после пересмотра таблицы «законных оценок», сильно уменьшали его значение. По той же причине и поземельный налог был ничтожен (11,7 млн. р.): от 1/4 до 17 к. с десятины. В промышленном налоге была пробита первая брешь введением (1885) *дополнительного 3%-ного налога с прибылей акционерных и других подотчетных предприятий и раскладочного налога с остальных*. Эти два налога были предвестниками новых форм промышленного налога, поступления которого значительно поднялись. Наконец, денежные капиталы, включая акции ж. д., подверглись впервые налогу в размере 5% с дохода.

Изменения, произведенные в прямом обложении, и особенно новые дополнительные промышленные налоги потребовали учреждения в 1885 г. нового института — *податной инспекции*, в целях надзора за правильностью обложения торговли и промыслов, городских недвижимостей, земельных оценок в уездах, надзора за деятельностью сельских органов по взиманию податей и пр. Податная инспекция оказалась, несмотря на некоторую неопределенность своих функций, чрезвычайно полезным органом финансового ведомства, на который легло, кроме описанных конкретных задач, общее изучение экономического состояния отдельных местностей, развития в них промышленности и торговли, платежных сил крестьянства и т. д. Деятельность податных инспекторов получила дальнейшее развитие в 90-х годах.

Главным источником покрытия

недостатка от отмены подушной подати были не новые прямые налоги с их незначительными поступлениями, а косвенные налоги, и на первом месте *питейный акциз*, ставка которого была повышена (1885) с 8 до 9 коп., а в 1892 г. до 10 коп. с градуса спирта и вина, а с пива (1892) — с 20 до 30 к. с ведра заторного чана; сокращен перекур при выкурке свыше миллиона градусов. Эта мера имела целью поставить в более выгодные условия небольшие заводы сельскохозяйственного значения и противодействовать наблюдавшейся концентрации винокурения на крупных заводах; дальнейшим шагом в этом направлении был закон 1890 г., установивший вместо льготного перекура *безакцизные отчисления*, понижавшиеся (2—1/3%) с увеличением общей выкурки и *повышенные для сельскохозяйственных винокурен*. Табачный акциз был повышен (1882 и 1887), и усилены меры контроля (воспрещение розничной продажи листового табака и пр.); обсуждался вопрос о введении табачной монополии, но она была признана стеснительной для табакосадовства. Реформа сахарного акциза (1881) — взимание его с готового продукта и повышение ставок (до 1 р.) — сделала его серьезным источником госуд. доходов, но т. к. с отказом от обложения по нормам скрытые премии (при возврате акциза с вывозимого сахара) исчезли, а перепроизводство сахара, не находившего сбыта внутри страны, росло, то решено было (1885) выплачивать за вывозимый сахар, сверх возврата акциза, премию. Эта мера не помогла, и сахарозаводчики настаивали на нормировке производства правительством, на что Бунге не согласился; тогда они образовали с этой целью синдикат. Быстрое развитие нефтяной промышленности позволило обложить акцизом (1887) осветительные нефтяные масла (40 коп. с пуда лег-

ких и 30 коп. с тяжелых масел); производство спичек тоже подверглось (1888) небольшому акцизу ($\frac{1}{4}$ коп. с коробки) в форме бандеролей. Большинство этих новых акцизов и повышений относится ко времени управления м-вом фин. Вышнеградского (см.). Если при Бунге повышения косвенных налогов должны были компенсировать понижение подушной подати и сокращать дефициты, то при Вышнеградском крестьянские платежи уже не сокращались, а задачей налоговых повышений было накопление свободной наличности и образование золотого запаса. Последней цели должен был служить усиленный экспорт хлеба, подстегиваемый усердным взысканием платежей и недоимок; известное его изречение: «Не доведем, а вывезем», получило блестящую иллюстрацию в 1891 г.

Таможенная политика 1880-ых годов была развитием наметившихся уже в конце 1870-х гг. протекционистских тенденций, переплетавшихся с фискальными мотивами: за 10% -ным повышением всех пошлин в 1882 г. последовали повышения пошлин на уголь, чугун, сельскохозяйственные машины и ряд других; и тут за осторожными мероприятиями Бунге последовал «смелый курс» Вышнеградского. Охрана добывающей промышленности, на ряду с обрабатывающей, стала лозунгом, нашедшим горячего апологета в лице Менделеева (ср. его «Толковый тариф») и вылившимся в строго охранительный *тариф 1891 г.* (см. XLI, ч. 8, 503).

В железнодорожном строительстве наступил передом: частнохозяйственное приостановилось, казна строила за свой счет небольшие линии и выкупала дороги частных о-в, оказавшихся неосостоятельными или не выполнявших обязательств. Вообще, пример Пруссии, с одной стороны, и печальные результаты частного ж.-д. хозяйства, с другой (вск. ытые комис-

сией Баранова; см. XX, 139/40, прил. 23/24), создавали убеждение в выгодах казенных ж. д., но и их постройка задерживалась тяжелым положением финансов и кредита и приостановилась с 1887 г. Поэтому Вышнеградский передавал небольшие новые линии ж.-д. о-вам, дела которых шли успешно. Упорядочение ж.-д. хозяйства и урегулирование тарифов составляет несомненную заслугу Бунге и Вышнеградского; уточнение расчетов с ж.-д. о-вами и усиление контроля повысили платежи их казне, издан Общий устав российских жел. дорог, а в 1889 г. появилось «Временное положение о ж.-д. тарифах», вшедшее единообразно в их выработку, уравнившее положение конкурентных дорог и положившее конец господствовавшему в этом деле хаосу.

Как и в жел.-дор. хозяйстве, в области кредитных учреждений наблюдается усиление вмешательства государства и возврат к системе казенных банков. Учреждение *сберегательных касс* (см.) способствовало росту сбережений, но эти сбережения мелкого люда обращались в жел.-дор. и другие займы и т. о. высасывали то начтожное капиталобразование, которое происходило на местах. В 1882 г. был создан *Крестьянский банк* (см.) с целью «способствовать приобретению крестьянами земель», точнее — с целью облегчить помещикам продажу имений; банк выдавал ссуды $5\frac{1}{2}\%$ -ными залковыми листами, успешно реализовавшимися Гос. банком. Учрежденный в 1885 г. для выдачи ссуд потомственным дворянам под залог земельной собственности *Дворянский банк* (см.) действовал на началах кредита благотворительного: выпускавшиеся им 5% залковые листы тоже реализовались Гос. банком, причем прибыль поступала в запасный фонд Дворянского банка, а убытки покрывались из прибылей Гос. банка (!), т.-е. за счет государства (*Дигулин*,

«Русский гос. кредит», I, 525). Противодействие со стороны Бунге чрезмерному расширению этих оригинальных «кредитных операций» было главной причиной недовольства им помещичьего класса и замены его более покладистым Вышнеградским.

Внешним мотивом и объектом нападков на Бунге были дефициты и неблагоприятный платежный баланс, объяснявшиеся неурожаями, и его неудачные мероприятия в области денежного обращения и госуд. кредита. Попытка сокращения количества кредитных билетов путем ежегодных выплат Гос. банку по 50 млн. р. при продолжавшихся дефицитах и значительном обесценении денег (в отношении к золоту) была, конечно, так же бесплодна, как и все предшествовавшие; она свелась вскоре к фикции: кредитных билетов уничтожили всего на 87 млн., не повлияв на их курс, а между тем увеличилась задолженность. Неблагоприятная конъюнктура денежного рынка и кампания, которая велась против русских бумаг за границей, не удержали от заключения внешних займов: после сравнительно удачного выпуска 5% банк. билетов на 100 млн. по 91, м-во фин. обратилось к внешнему рынку, заключив в Берлине в 1883 г. 6%-ный бессрочный («рентный») заем с реальной выручкой в 95 и с отказом в течение 10 лет от конверсии, а в 1884 г. — 7-ой 5% консолидир. ж.-д. заем на 15 млн. фунт. ст. с чистой выручкой в 86,87. Крайне невыгодные условия их вызвали нелестные толки об упадке русск. госуд. кредита. В дальнейшем условия несколько улучшились: 5%-ная госуд. рента 1886 г. на 100 млн. р. была реализована по курсу 99¹/₂, что объяснялось улучшением денежного рынка и результатами податной политики Бунге, но платежный баланс оставался пассивным. Урожай и усиленный экспорт помогли Вышнеградскому восстано-

вить с 1887 г. баланс и уничтожить дефицит. Накоплением золотого запаса он подготовил денежную реформу, отказавшись от мысли о восстановлении размена *al pari* и намечая, в угоду землевладельческому классу, низкий курс размена в 62¹/₂. Голод расстроил эти планы. Убытки Гос. банка на закладных листах Дворянского банка были покрыты прибылью в 9 млн. р. на выпуске 3-го («дворянского») выигрышного займа в 1889 г. по курсу 215.

Содействие землевладению выразилось также в конверсии 5%-ных закладных листов «О-ва взаимного земельного кредита» в 4¹/₂%-ные, гарантированные государством и свободные от налогов. Участвовавшие займы частных ж.-д. о-в тоже гарантировались правительством и все-таки заключались на крайне убыточных условиях (напр., 4%-ный заем Главн. о-ва по 71); их было выпущено за 1887—92 гг. на 363,2 млн., а реализовано 321¹/₂ млн. Поэтому правительство выпустило снова консолидир. 4¹/₂%-ные займы в 1890 г. и 1892 г. (по 75 млн. с выручкой 69,8 и 72 млн., т.-е. по курсу 92¹/₂ и 96).

Первый заем, заключенный для общебюджетных нужд в 1887 г. (из 4% по курсу 84 с выручкой 81,4%), был неудачным, т. к. в Германии вели поход против русских займов, побудивший русск. правительство перенести кред. операции во Францию. Понижение учетного процента в Европе позволило произвести ряд конверсий и сократить ежегодные платежи по долгам (на 21¹/₂ млн.), но вместо того, чтобы остановиться на 4¹/₂%-ном типе, Вышнеградский решил сразу перейти к 4%-ным займам, выпуская их значительно ниже паритета и увеличив сумму госуд. долга: такова неудачная конверсия 5% займа 1877 г. в 4% заем 1889 г. на 125 млн. зол. руб., конверсия жел.-дор. консолид. займов, выпуск 4% золотого займа на 310 млн.

по $91\frac{1}{2}$ и $88\frac{7}{8}$, конверсия старых англо-голландских займов и пр. К 1890-м гг. условия рынка стали еще благоприятнее, но голод 1891 г. резко ухудшил их, и в этот неудачный момент Вышнеградский выпустил 3% -ный золотой заем на 125 млн. (с выручкой в $77\frac{1}{2}\%$). Всего им выкуплено было 19 старых займов на 1.888 млн. руб. зол., замененных 4% займами сроками на 81 и 40 лет; достигнута была частичная унификация кредита и сбережение на платежах ($5\frac{1}{2}\%$). Но низкий процент и курс займов увеличили капитальную сумму долгов на 15% ! В общем кредитные операции Вышнеградского обошлись стране весьма дорого (ср. Мигулин, Р. гос. кр., II).

7. *Финансы конца XIX и начала XX века (1893—1903)*. Это десятилетие, связанное с именем Витте (с.м.), представляет собой эпоху более «замечательную», чем 80-е годы — эпоху «закрепления национального капитализма», «втянутого целиком в мировую экономику», усиленного

прилива иностранного капитала, быстрого роста и концентрации промышленности, поощряемой высокой таможенной стеной, нового подъема в железнодорожном строительстве, создавшего громадный спрос на продукты горной и металлургической индустрии. А наряду с этим стояло отсталое земледелие, продолжавшееся обнищание крестьянства и усиленная эксплуатация его (в форме растущих арендных цен) помещичьим классом, сохранившим при самодержавном строе свое политическое влияние. Промышленность, лишенная прочной базы внутреннего рынка, искала и находила поддержку в государственном хозяйстве, чрезвычайно расширившемся (ср. XXXVI, ч. 3, 131, 141). Своеобразный «государственный капитализм», выразителем которого явился Витте, вызвал коренные перемены в структуре русских финансов и в размерах бюджета.

Расходы возросли с 1893 г. по 1903 г. с 1.060,5 млн. р. до 2.107,9 млн., удвоившись за десятилетие, при чем состав их значительно изменился:

Годы	Платежи по долгам	Военн.	Морск.	Финанс.	Вн. дел.	П. общен.	Общн.	Чрезвыч.	Итого
1893	266,9	236,68	50,85	124,38	-83,25	75,57	945,95	113,58	1.060,53
1902	236,46	325,64	18,32	335,20	93,19	435,55	1.763,91	170,66	1.946,57

Наибольший рост обнаруживают сметы м-ва путей сообщения, отражая развитие казенной сети ж. д. (строительство казенных и выкуп частных ж. д.), и м-ва финансов, роль которого и численность служащих чрезвычайно выросли в связи с введением казенной продажи питей, реформой налогов, денежного обращения и кредита. Выросли, несмотря на противодействие Витте, бюджеты морского

(вдвое) и военного (в $1\frac{1}{2}$ раза) министерств. Скромные сметы м-ва земледелия и госуд. имуществ, народного просвещения и юстиции поднялись с 25,3, 22,4 и 25,6 млн. до 43,2, 36,6 и 47,4 млн. р.: нар. просвещение оставалось в заgone. Чрезвычайные расходы резко колебались из года в год; сумма их — 2.536 млн. р. за десятилетие 1893 — 1902 гг. распределялись следующим образом:

	Сооруж. ж. д. и пр.	Суды ж.-л. о-вам	Погашен. и конверсия займов	Усилен. размен. фонда	Воен. и суд. стр.	Вознагр. за отмену прописаний	Помощь голодающ.	Разные
В млн. руб.	1.073,3	253,1	346,8	481,6	250	30,3	60,8	42,4
В %/о	—	52,1	13,7	19,0	10	1,2	2,8	1,7

Итак, более половины чрезвычайных расходов были вызваны развитием жел.-дорожной сети, $\frac{1}{5}$ — денежной реформой, $\frac{1}{7}$ — конверсионными операциями и $\frac{1}{10}$ — армией и усилением флота. Нужно заметить, однако, что эти цифры не вполне отражают действительные капитальные затраты и единовременные расходы данного десятилетия: дело в том, что законом 1894 г. «о распределении государств.

доходов и расходов на обыкновенные и чрезвычайные» расходы на перевооружение, продовольственные резервы, на улучшение и усиление жел. дорог и устройство портов (всего на 46,4 млн.) были перенесены в обыкновенный бюджет, что несколько затушевало постоянное превышение обыкновенных расходов обыкновенными доходами, и все-таки получались избытки:

	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903
Обыкновенные доходы (включ. остатки от заключ. смет)	1.054,87	1.163,3	1.276,1	1.428	1.429,3	1.596,2	1.681,3	1.764,1	1.834,8	1.925,1	2.057,3
Обыч. расходы	946,96	991,2	1.137,8	1.229	1.299,6	1.358,3	1.463,6	1.555,4	1.664,9	1.802,1	1.883
Избытки	107,9	172,1	138,3	199	129,7	237,9	217,7	208,7	169,9	123,0	174,3

Т. о. ежегодно получались сотни млн. р. избытков по обыкновенному бюджету в результате урезывания насущных культурно-социальных расходов, «неожиданного» превышения доходов над сознательно преуменьшенными предположениями росписи и непрерывных займов. Эти избытки рекламировались как «признаки народного благоденствия и роста богатства». Витте очень настаивал на

пользе их; «свободная наличность» казначейства служила, мол, запасным фондом на непредвиденные надобности. В действительности же они обращались на вполне предвиденные затраты — на сооружение железных дорог, на Порт-Артур, Квантунский полуостров и пр. «Избыток» всегда легче мысленнее тратится, чем нормальный доход. Состав обыкновенного *доходного* бюджета был следующий:

Годы	Подать и сос. с доходов	Прямые н. налог	Пит. ил. акц., наз. пр. л. ит. т. и	Прочие акцизы	Тамож. доход	Лесной доход	Жел. до-л. (нарен. и платож. час. н.)	Выкупн. платежи	Прочие доходы	Всего
1893	61,02	40,47	260,83	85,1	165,99	21,76	119,67	99	192,84	1.0450
1902	64,4	68,1	497,4	146,8	205,73	63	408,96	86,43	261,95	1.800,78

Приведенные цифры ярко иллюстрируют резкие изменения в структуре госуд. хозяйства: доходы от железных дорог возросли в $3\frac{1}{2}$ раза, от лесов — в 3 раза, питейный — почти в 2 раза, прочие акцизы — в 1,7 раза и промысловый налог — в $1\frac{1}{2}$ раза, прочие прямые налоги почти не изменились, а выкупные платежи несколько сократились. Начнем анализ с последних.

Несмотря на крайнюю обременительность выкупных платежей и рост недоимочности (особенно в местностях, пострадавших от неурожая), правительство не понизило их, по примеру Бунге, а лишь пересрочило и отсрочило платежи (зак. 1896 и 1899 гг.): эти «длготы» только затягивали петлю. Правда, взыскание платежей с крестьян было законом 1899 г. несколько

урегулировано и облегчено. Подушная подать, еще сохранившаяся в Сибири, была, наконец, отменена; исчезли также разные подымные и проч. сборы на Кавказе и в пределах Ц. Польского, при чем в городах Ц. П. их заменил (1902) *налог с городских недвижимостей в 10 % доходности*, послуживший прообразом реформы 1910 г. в остальной империи. Единственной серьезной реформой в области прямых налогов была *реформа (1898) промышленного налога*: идя «по линии наименьшего сопротивления» и продолжая реформу 1885 г., м-во финансов (комиссия Ковалевского) выработало сложную комбинацию налогов, в которой, на ряду с основным патентным сбором, несколько более дифференцированным (5 разрядов торговых и 8 промышленных предприятий) и упорядоченным, имелось 4 налога: для предприятий, обязанных публичной отчетностью, процентный сбор с прибыли, *прогрессировавший в зависимости от уровня ее* (чрезвычайно важное нововведение, не встречавшееся на Западе), и налог с основного капитала в 0,15%, в уплату которого зачитывался патентный сбор; задачей его было препятствовать преувеличенным декларациям капитала с целью уменьшения уровня прибыли. С остальных предприятий, не обязанных публичной отчетностью, взимался раскладочный налог и вдобавок процентный сбор с прибыли, поскольку она превышала 30-кратный основной налог. Прибыль для раскладки определялась для каждого предприятия на основании декларируемых им внешних признаков (размер помещения, машины и пр.) и «норм прибыльности», устанавливавшихся податными органами для каждого вида промысла. Предприятия неотчетные могли быть обложены по действительной прибыли, если предъявляли податной инспекции свои торговые книги. Губернские и участковые раскладочные по пром. на-

логу присутствия и податная инспекция приобрели особенное значение.

Реформа остановилась на подорожке: сохранение патентного сбора для подотчетных и крупных неотчетных предприятий было излишним; но остальные элементы налога ставили его на первое место среди *реально-промышленных* налогов всех стран.

На подоходный налог, проектированный Вышнеградским накануне своей отставки, Витте не решился, «заменив» его жалким суррогатом — *квартирным налогом* (см.; 1893). Не решаясь повышать поземельного раскладочного налога до выяснения ценности земель, правительство пыталось урегулировать и ускорить земские оценки, выработав (1893) правила для них (см. XXXII, 460), создав особые полуправительственные оценочные комиссии и предоставив земствам ежегодное пособие в 1 млн. р. на это дело. Сопротивление помещичьего класса повышению налогов выразилось в законе 1900 г. о предельности земского обложения (ежегодно повышение не должно было превышать 3%). Освободились помещики и от налога с наследств (1895): взимание его с земельных имуществ, переходящих к прямым наследникам и супругам, было отменено, а сзаведенных и майоратных имений ставки были понижены и для боковых родственников. В связи с реформой промышленного налога, законом 1899 г., урегулировавшим взыскание податей и платежей с крестьян, правилом 1893 г. о земских оценках и образованием оценочных комиссий, а также с введением квартирного налога — деятельность податной инспекции чрезвычайно расширилась, потребовав увеличения ее состава и более точного определения ее компетенции в законе 24 мая 1899 г.

Наиболее крупной реформой Витте было введение «*казенной продажи питей*» (см. XXXII, 247/55) — питей-

ной монополии оптовой закупки, очистки и розничной продажи вина. Целью ее было, если оставить в стороне официальные мотивы (борьбу с кабаками, сокращение пьянства и улучшение качества вина), увеличение госуд. доходов и покровительство сельскохозяйственному винокурению, т. к. помещики-винокуры жаловались на недостаточность предоставленных законом 1890 г. льгот. Обе цели были достигнуты: доход от казенной продажи вина быстро рос, достигнув в 1903 г. 542,3 млн. р., а за вычетом расходов — 371,7 млн. р., при чем потребление не сократилось, несмотря на повышение акциза (с 10 до 11 к. с 1°) и цен; и сельские хозяева-винокуры были довольны: назначенные цены за покупаемый казной спирт были значительно выше прежних. Помещики западных и юго-западных губерний получили щедрое вознаграждение за отмену «пропинационного права» (права разрешать на своих землях открытие кабаков). Акциз с пива подвергся реформе: вместо емкости заторного чана основанием обложения стал вес солода, при чем в зависимости от норм выходов экстракта устанавливались 3 ставки налога (1 р. 10 к., 1 р. 25 к. и 1 р. 35 к.); новая система не зависела от густоты заторов и от технических усовершенствований, позволявших отдельным пивоваренным заводам понижать уплачиваемый акциз, но все-таки была удобнее для них, чем практикуемое на Западе (в Англии) обложение сула. Прочие акцизы — сахарный, табачный, нефтяной — не подверглись изменениям оснований обложений, но, в виду распада сахарного синдиката (противоречившего нашим законам, не допускавшим «стачек» насчет цен), Витте пошел на меру, отвергнув Бунге, а именно — на *сахарную нормировку* (см.), надолго определившую судьбу сахарной промышленности и связанные с нею уродливые явления (бросовой экспорт и высокие цены

внутри страны). Промышленность и акцизные поступления росли, «что и требовалось». Правда, потребление сахара на душу тоже росло, но это объяснялось, как и для других под-акцизных товаров, ростом городского населения (в связи с индустриализацией страны), потребляющего в несколько раз более сахара, пива, нефти на душу, чем крестьяне.

Итак, при Витте были повышены все налоги, кроме поземельного: «К населению и его платежным силам относились так же беспощадно, как и прежде» (Мигулин).

Железнодорожное строительство (см. XX, 139/40, прил. 6) получило новый размах, и при том как казенное, так и частное. Казна строила Великий сибирский путь, Северную (Петербург-Вятка) дорогу, Оренбург-Ташкентскую, Среднеазиатскую и пр., главн. образом линии, не обещавшие в близком будущем быстрого дохода. Затрачено было за 1893 — 1902 гг. 1.691,5 млн., из них 1.196 млн. р. были покрыты обыкновенными доходами, т.-е. налогами. На ряду с этим, частным ж.-д. о-вам предоставлялась постройка новых линий, прилегающих к их сетям, при чем система гарантий их займов получила широкое применение; поощрение частного ж.-д. строительства имело целью не только расширение сети, но и привлечение иностранных капиталов в целях улучшения баланса. Частными о-вами было сооружено за 1893 — 1902 гг. 12½ тыс. верст пути за 928 млн. р., т.-е. по 74 т. за версту. Выкуп в казну железных дорог, часто убыточных, производился в широких размерах, вызвав перевод на счет казны 31 облигационного займа на сумму 417½ млн. р. и выдачу акционерам облигациями или наличными (из поступлений от займов) 463 млн. р. и увеличив задолженность на 892 млн. р. Деятельность государства, кредитных учреждений, особенно ипотечных, тоже достигла невиданных размеров.

Дворянский банк успел выдать к 1902 г. на 778 млн. р. ссуд; правда, большая часть их заменяла старые долги по заложенным и перезаложенным дворянским имениям по повышенной оценке и на льготных «благотворительных» (Мигулин) условиях: конвертируя закладные листы в низкопроцентные ниже *pari*, государство предпочитало на них. Заменявший О-во вз. позем. кредита Особый отдел Гос. банка тоже потребовал приплат, вызванных льготными условиями кредита. Но эта политика, вместо мелiorаций и улучшения помещичьего хозяйства, только ускоряла распродажу дворянских имений. Крестьянский банк, деятельность которого была до 1893 г. ничтожна вследствие незначительной доли стоимости, выдававшейся в ссуду (60 — 75%), расширил операции: понижение процента (на 1% манифестом 1894 г. и еще на 1% законом 1898 г.) и увеличение ссуд до 90% стоимости дало сильный толчок покупке крестьянами земель, но еще больше взвинтило цены и усилило спекуляцию. Сумма ссуд поднялась с 1893 по 1904 г. с 49,7 до 374,8, т.-е. на 325 млн., кроме операций за счет собственного капитала банка (17 млн.), допущенных в ограниченном размере. Реформа Государственного Банка (см.) 1894 г. увеличила до 50 млн. его основной капитал, расширила круг операций,

к числу которых, на ряду с основной — учетом векселей, были отнесены ссуды под соло-векселя, под товары и документы (на 9 — 15 мес.), ссуды через посредников с.-х. товариществам, кустарным артелям, онкольные и пр.; ссуды под соло-векселя и др., мало подходящие для эмиссионного банка, с 1898 г. сократились, но начавшийся с 1899 г. промышленный кризис вызвал чрезвычайный рост ссуд, часто противозаконных, промышленным предприятиям, дела которых пошатнулись, что повело к значительным убыткам банка.

Широко развившаяся сеть сберегательных касс продолжала служить источником средств для размещения займов конверсионных, жел.-дорожных и ипотечных учреждений.

Самой крупной реформой и заслугой Витте была реформа денежного обращения (см. *бумажные деньги*, VII, 133/39), упрочившая кредит Р. за границей и облегчившая приток иностранных капиталов, несмотря на неблагоприятный торговый баланс.

Железнодорожное строительство, ипотечные ссуды и денежная реформа, потребовавшие увеличения разменного фонда и конверсии, вызвали громадный рост задолженности — 1.773,77 млн. за 1893—1904 гг.; к 1904 г. она превысила уже 6½ миллиардов, а если причислить и гарантированные займы, то почти 9 млрд.

Годы	Общегосударств. надобности	Выкупн. опер.	Разн.	Казенные ж. х.	Итого госуд. долгов	Гарантирован.			Всего с гарантированными
						Жел. дор.	Двор. б.	Крест. б.	
1893	2.237,35	628,9	4,53	1.940,57	4.905,41	968,7	237,82	51,07	6.152,83
1904	2.852,1	634,03	3,15	3.189,85	6.679,14	1.141,79	640,7	376,85	8.957,93

Особенно быстрый рост имел место в 1894—95 гг., затем он ослабел до 1901 г. и несколько усилился в 1901—04 гг. Условия кредита значительно улучшились благодаря избытку

свободных капиталов и понижению процента в Европе, что позволило предпринять грандиозные конверсии.

Конверсии Витте отличались от конверсий Вышнеградского как по

объекту, так и по задаче их: ими преследовалась цель унификации госуд. долгов (хотя и после них осталось 63 займа разных типов) и превращение срочных долгов в бессрочную ренту (2.650 млн. в 1904 г.). В рентную форму была превращена и часть жел.-дорожных займов, что было вряд ли правильно в виду желательности срочного погашения их. Если при Витте в Берлине главным образом выражалось в понижении процента по займам, то конверсии Витте сократили также обязательное погашение. Третье отличие заключалось в том, что конвертировались преимущественно внутренние займы: С. С. Х. (Хрулев) объясняет это желанием вогнать русские капиталы в промышленность. С другой стороны, правительство привлекало иностранные капиталы и потому с конверсиями их, несмотря на низкий в Европе %, было очень осторожным. Техника конверсий значительно усовершенствовалась. Витте «умело» пользовался рекламой, подкупом заграничной печати (*publicité*) и услугами банков, но и поддавался под их влияние; в частности, увлечение низким процентом ($3\frac{1}{2}$ и 3%) привело к конверсиям ниже паритета и увеличению долга на 125 млн. руб.

Промышленный кризис 1899—1902 гг. отразился на госуд. кредитах и финансах, обнаружив непрочную основу промышленного развития при внешнем деревни. Вскоре крестьянские волнения дали знать о ней в достаточно яркой форме. Промышленный кризис к 1904-му году изживался, но в это время разразилась война, а за ней революция.

8. *Русско-японская война и революция (1904—1906)*. Стоимость войны определяется весьма различно в зависимости от того, какие расходы приурочиваются к ней: м-во финансов («М. Ф. 1904—13 гг.») исчисляло ее в 2.442 млн. р., а прибавляя 566 млн.,

истраченных на выкуп краткосрочных обязательств военного времени, и 8 млн. опер. расходов, — в 3.016 млн. р. Дементьев («Во что обошлась гос. казначейству война с Японией?») пришел на основании подробных расчетов к цифре 2.294,9 млн. р. непосредственных расходов на войну (а прибавляя сумму платежей по военным займам и расходы за счет свободной наличности и др. источников — 6.553,8 млн. р.). В вышеуказанной сумме — ок. 2,3 млрд. р. — главными предметами назначения, кроме содержания армии (872,3 млн.), были расходы на усиление провозоспособности жел. дорог (415,6) и перевозки войск (126,3), затем постройка и покупка судов (90,6) и плавание их (88,5) и боевые припасы (167). Не подготовившись, по обыкновению, к войне, Р. производила главную массу затрат не в 1904 г., а в 1905 г. — после страшных поражений.

Главная доля расходов была покрыта, — кроме свободной наличности в 381 млн., оставшейся к 1904 г., — путем кредитных операций. Условия кредита были к началу войны весьма хороши: 4% рента стояла почти *à pari*, торговый баланс благодаря значительному экспорту был тоже благоприятным. Но заключенный (в апреле) на французском рынке краткосрочный 5% заем на 300 млн. р. (800 млн. фр.), давший чистой выручки 282 млн. р. (94%), обнаружил уже некоторое ухудшение курса, несмотря на широкую «*publicité*», и в 1904 г. к внешнему рынку не обращались, ограничившись выпуском на 150 млн. р. 3,6%-ных билетов Государственного казначейства («серий»). Прибегать к обильным выпускам кредитных билетов не решались из опасения расстроить денежную систему (см. «Русск. фин. и европ. биржа в 1904—06 г.», Централхив, 1926). Лишь в начале 1905 г. (догов. 15 дек. 1904 г.) заключили внешний заем, на

этот раз в Германии (вынудившей за «благоприятный нейтралитет» продление невыгодного для нас торгового договора). Заем из $4\frac{1}{2}\%$ на 500 млн. мар. = 231,5 млн. р. дал всего 209,5 млн. (90,5). Переговоры о займе с французскими банкирами, прерванные ими после Мукдена, окончательно отпали после Цусимы, и русское правительство обратилось к внутреннему рынку, выпустив летом 1905 г. два 5% -ных займа по 200 млн. р. каждый, реализовав их по 94,2 и 95,3.

Но и внутри страны кредит царского правительства был подорван неудачным ведением и плачевным финалом войны. Перед лицом быстро нараставшей революционной активности оно попыталось поправить свои дела скудными обещаниями манифеста 17-го октября, вызвавшими некоторое повышение курсов. Это повышение оказалось, однако, кратковременным, и вскоре наступило резкое понижение их, а 2-я забастовка и истребование вкладов из сберкасы поставили казначейство в очень затруднительное положение, вызвав касовый дефицит в 158 млн. р. Объявленный выпуск 5% -ых краткосрочных обязательств на 400 млн. р. дал всего 20 млн. марок. Тогда м-во финансов выпустило кредитные билеты, сумма которых (1.192 млн.) превысила установленный законом предел на 150 млн., и только в феврале 1906 г., учтя 100 млн. во Франции и 116,7 млн. в Р., изъяли излишек кредитных билетов.

Роспись на 1906 г. была заключена с дефицитом в 481 млн. р.—заем был неизбежен, но, не желая представлять его на разрешение Госуд. Думы, правительство почти накануне ее созыва поспешило заключить заем на

843,7 млн. р. = 2.250 млн. фр. из 5% на 50 лет по 88 и по твердой цене 83,5, с громадной уступкой банкирам и реальной выручкой, за вычетом всех расходов, в 670 млн. ($80\frac{1}{2}\%$, т.-е. реальным процентом в $6,64\%$!). Крайне убыточные условия его реализации уронили еще больше русский кредит, вызвав падение курсов других займов (рента — 74). Сумма долговых обязательств в 1904—06 гг. для покрытия расходов на войну составила 2.384,2 млн. руб., а выручка 2.136,8 ($89\frac{1}{2}\%$). Задолженность Р. возросла к 1907 г. до 8.572,7 млн. р. Дальнейшие ликвидационные займы относятся уже к «думскому» периоду.

Война вызвала замедление в росте «быкновенн. бюджета в 1904—1906 гг. (1.906,887, 1.925,176 и 2.061,134 млн. р.); возросли лишь платежи по займам и смета м-ва внутр. дел (в связи с подавлением революции). Доходный бюджет увеличился за эти годы только на 256 млн. — с 2.032,5 до 2.288,9 млн., несмотря на огульные повышения ставок ряда налогов (с городской недвижимости на $\frac{1}{3}$, с наследств на $\frac{1}{2}$, с осветит. масел, пива, спичек и пр.), таможенных пошлин, гербового сбора, ж.-д. тарифов и продажной цены казенного вина. Но революция заставила правительство отменить, наконец, «всемиловистейшим манифестом» 3 ноября 1905 г. выкупные платежи крестьян, дававшие перед войной около 85—90 млн. р.

Брешь была с избытком заполнена главным образом ростом питейного дохода (см. XXXII, 249); остальные поступления, б. ч. сократившись в 1905 г., снова поднялись в 1906 г. вследствие повышения ставок:

Поступления	позем.	гор. недв.	пром.	питей.	табачн.	сахарн.	спич.	тамож.	каз. прод. питей	каз. ж. д.
в 1904 г.	30	14	67	29,79	48,72	78,8	7,47	213,8	543,48	454,6
» 1905 г.	26,5	13,76	62	29,76	46,59	78,7	10,82	212,8	609,36	431,5
» 1906 г.	37,4	17,76	82,45	39,39	52,9	108,8	14,99	241,3	697,5	490,85

9. «Думский» период. Семилетие от 1907 г. до войны и особенно последние пять лет его были периодом необычайного экономического развития Р. Земельная реформа Столыпина покончила с остатками общины и окончательно оформила возможность развития капиталистических отношений в деревне (см. XXXVI, ч. 4, 161). Ставка на «крепкого мужика» столыпинской реформы экономически в ряде районов оправдала себя, сопровождая даже известным подъемом сельского хозяйства кулацкой верхушки, купленным, однако, цепой дальнейшего разорения крестьянской массы. Промышленность переживала еще больший подъем: внутренний рынок окреп, увеличилось число фабрик и заводов, их производство росло с каждым годом, происходила быстрая концентрация промышленности, и росли, как грибы, синдикаты. Срачивание промышленности с банковским капиталом свидетельствовало о новом этапе капиталистического развития. Национальный промышленный капитал окреп, но не освободился от иностранной зависимости, а сросся еще больше с мировым финансовым капиталом. Испуганная революцией буржуазия не повела решительной борьбы с феодально-дворянским строем, остановившись на полпути (см. XXXVI, ч. 4, 171/78). Но вместе с частью землевладельческого класса она начала «в рамках законности» борьбу с бюрократией, и гл. обр. в области финансов. Уже вторая Дума (бюджетная комиссия) успела вскрыть многие гнойники в госуд. хозяйстве самодержавного строя (см. доклад ее бюджетной ком., изд. М. П. Федоровым). «Умеренная и аккуратная» 3-я Дума повела борьбу «тихой сапой». Правила 8 марта 1906 г. о порядке рассмотрения гос. росписи очень ограничивали права Думы и ее бюджетной комиссии: она не имела права сокращать платежи по госуд. долгам

и др. обязательствам, уменьшать против росписи на 1906 г. сметы м-ва двора и императ. канцелярии, исключать или изменять в порядке рассмотрения росписи доходы и расходы, внесенные на основании действующих законов, штатов и высоч. повелений, часто совершенно диковинных; чрезвычайные военные кредиты и расходы, требующие тайны, могли проходить помимо нее; Госуд. совет имел равные с ней права, и при разногласии между ними утверждалась сумма, наиболее близкая к предшествующей росписи; в случае неутверждения росписи к началу бюджетного года вступала в силу предшествующая роспись. Связанная этими ограничениями, бюджетная комиссия воевала с правительством из-за мелочей, но в этой кропотливой работе кое-чего добились.

Расходный бюджет Р. по росписям в 1907—1912 гг. поднялся с 2.498 млн. до 2.975,25, т.-е. на 19,1%, но эти цифры не показательны, т. к. м-во финансов продолжало придерживаться прежней практики преуменьшенных росписей для получения «свободной наличности», а уржаи 1909 и 1910 гг. сильно повлияли на рост налоговых и жел.-дорожных поступлений, позволив увеличить и чрезвычайные, и обыкновенные расходы, сумма которых поднялась по отчетам гос. контроля с 2.582,6 млн. до 3.171 млн. в 1912 г. и до 3.382,9 млн. в 1913 г. Структура расходного бюджета несколько изменилась: Гос. Дума провела закон о всеобщем обучении, значительно повысивший ничтожные до того расходы на народное образование; еще большим темпом возрастали расходы на содействие развитию сельского хозяйства (мелиорации, опытные станции и пр.), но и те и другие все-таки составляли очень незначительную долю бюджета: даже в 1913 г. расходы на т. н. культурно-просветительные потребности (включая церковные!) достигли всего

15,5% обыкн. бюджета, из них по м-ву нар. просвещ.—4%. Значительная доля новых кредитов по Гл. упр. землеустройства и земледелия падала на землеустроительные работы и организацию переселения: правительство и землевладельческий класс рассчитывали открыть в колонизации восточка клапан против малоземелья, а в отрубках и хуторах — оплот против аграрной революции. Третьим предметом расхода, быстро возросшим особенно с 1911 г., была оборона, гл. обр. флот; восстановление последнего, а также реорганизация и перевооружение армии под влиянием печального опыта Японской войны и нависавших на Западе туч были предметом особых забот Госуд. Думы, в которых сходились интересы буржуазии и землевладельческого класса. Иное мы наблюдаем в развитии доходного бюджета, в налоговом законодательстве: здесь их интересы расходились, что привело к некоторому маразму в реформе прямого обложения: проект подоходного налога (см. XXXII, 436'/39') обсуждался в комиссиях и подкомиссиях, но так и остался проектом до 1916 г. Промышленная буржуазия (money interest), как и в других странах, саботировала его, а землевладельческий класс, обычно ратующий за подоходное обложение, платил столь ничтожные реальные налоги, что ему тоже невыгодно было заменять их подоходным; мелкая городская буржуазия и рабочий класс были очень слабо представлены в законодательных органах. По тем же причинам тормозилось прохождение настоятельной реформы промыслового налога. Единственной реформой в области прямого обложения был закон 1910 г. о налоге с городских недвижимостей, заменивший раскладочный налог окладным со средней за пятилетие чистой доходности недвижимостей, при чем для бездоходных иму-

щества (незастроенных участков) за доходность принималось 5% их капитальной ценности. Налог падал на недвижимость, расположенные вне селитебной черты городов. Скромная 6%-ная ставка была установлена на три года. Обложение незастроенных участков и дифференциация вычетов по отдельным городам были существенными преимуществами нового налога перед прусским и французским подомовым обложением; но стоило собственнику построить на пустопорожнем миллионном участке деревянный барак или сдать в аренду под огород, и он облагался по ничтожной в сравнении с ценностью доходности участка. Несмотря на этот недостаток закона и обложение средней, а не действительной доходности, казенная оценка гор. недвижимостей оказалась в несколько раз выше прежних городских, вызвав вопли домовладельцев в столицах и крупных городах; поступления налога сразу поднялись с 20 до 37 млн. р. Поземельный налог остался без изменений, но прекращение десятилетней льготы по манифесту 1906 г., на ряду с общим ростом ценности земель, увеличило его поступления. Правительство и господствующие классы не были заинтересованы в коренной реформе обложения, так как и промысловый и особенно косвенные налоги давали без реформы быстро растущие поступления. Из акцизов только табачный подвергся изменениям в 1909 г.: ставки его были повышены и дифференцированы (ср. XLI, ч. 6, 664); в дополнение к нему был введен акциз с папиросной бумаги и гильз. Жалобы табачников на эксплуатацию их табачным синдикатом ни к чему не привели, а предлагавшаяся некоторыми монополия, невыгодная обеим сторонам, не встретила сочувствия.

Рост податных поступлений был необычайным: даже прямые налоги и пошлины поднялись с 318 млн. до

503,7 млн., косвенные налоги возросли до 708 млн., а доходы от казенной продажи питей с 706,53 до 899,3 млн. Рост потребления вина и пьянства вызывал платонические протесты, но только в начале 1914 г., независимо от Думы, был издан указ о «фиксации» (контингентировании) питейного дохода.

Благодаря экономическому подъему и урожаям железные дороги впервые за все время их существования стали давать казне чистый доход: доходность казенных дорог резко повысилась — чистый эксплуатационный доход почти утроился; частные жел. дороги не только не потребовали приплат по гарантии, но стали выплачивать значительные суммы в возврат долгов и по участию в чистых прибылях, что позволило понизить ж.-д. тарифы в интересах развития народного хозяйства. Рост доходности отчасти объяснялся некоторой задержкой в строительстве в 1909—1910 гг.; но с 1912 г. начался поворот: было разрешено к постройке 5.874 версты, в 1913 г.—4.723 версты, усилилось открытие новых обществ, гарантии облигационных капиталов и продление концессий. Лесной доход рос, благодаря увеличившемуся спросу и росту цен на мировом рынке.

Городское и земское хозяйство переживало бурный подъем, но рост расходов на народное образование, медицину, дорожное дело сковывался ограниченностью прав органов местного самоуправления в области налогов и кредита и «обязательными» расходами на содержание правительственных учреждений. Правда, госуд. пособия на введение всеобщего обучения, по закону 1907—1909 гг., и на улучшение сельского хозяйства позволили несколько расширить эти две категории расходов, но они далеко не удовлетворяли потребности в средствах.

И здесь ценовой состав Госуд.

Думы и органов самоуправления не допускал коренной реформы финансовой системы: наиболее «радикальный» план, предложенный к.-д. партией (освобождение от всех обязательных расходов, передача городам и земствам реальных налогов и пособий, возрастание от 10 до 100 млн. р.), встретил сопротивление правительства и правых партий, а проект м-ва финансов ограничил постепенным освобождением земств и городов от некоторых мелких расходов и передачей им небольшой доли реальных налогов. Но и эти предложения встретили сильные протесты со стороны промышленности (советы съездов и пр.), и правительство уступило им, понизив госуд. основной налог на $\frac{1}{2}$ и земские надбавки до 75% с неотчетных и 25% с отчетных предприятий. Из всего проекта м-ва только первая, несущественная часть — об освобождении от некоторых расходов — вылилась в закон 5 декабря 1912 г. с двумя «поправками»: о возмещении городам половины расходов на полицию, а земствам — трети расходов на сирот и умалашенных. Кроме того, в 1910 г. городам было предоставлено взимание попутного сбора с жел.-дор. грузов на улучшение подъездных путей, а в 1913 г. — $\frac{1}{6}$ налога с гор. недвижимостей. Вот все, чего добились земства и города до самой революции. Большие города нашли выход в росте дохода от гор. предприятий (гл. обр. трамваев, водопроводов и скотобоен), представлявшего, в сущности, косвенное обложение массы населения, и в облигационных займах на устройство предприятий, а для мелких городов и земств была создана в 1913 г. Касса городского и земского кредита, успевшая к 1914 г. выдать всего на 19,38 млн. р. долгосрочных ссуд и на 4,44 млн. краткосрочных — цифры более, чем скромные.

Кредитные операции государства

имели прежде всего целью ликвидацию последствий Японской войны, для чего, кроме вышеописанного займа 1906 г., был заключен в 1908 г. 5%-ный внутренний заем на 200 млн., давший 188,32 млн. выручки (94,16), и в 1909 г. (помимо Думы, в порядке «верховного управления») 4 $\frac{1}{2}$ %-ный внешний заем на 525 млн. р. = 1.400 млн. фр. (с паритетами на фунты, марки и гульдену), погашаемый в течение 40 лет, начиная с 1919 г. Громадное комиссионное вознаграждение (3,25—4,08%), низкая реализационная цена (85 $\frac{1}{2}$) и другие уступки банкирам сократили выручку до 438 $\frac{7}{8}$ млн. р.; следовательно, убыток на реализации составил 86 млн. Заем заключался для погашения 300 млн. краткосрочных обязательств казначейства, остаток в 138 млн. был причислен к свободной наличности. После этого займа рост задолженности приостановился. К 1910-му г. государ. долг Р. достиг 9,054 млн. В 1911 г. были выпущены на 75 млн. билеты гос. казначейства для выкупа займа 1904 г. Затем началось сокращение долга: министр финансов представил план постепенно возрастающего к 1924 г. погашения; в 1912 г. начали погашение текущих долгов—«серий» (на 100 млн.), всего погашено 170 млн., но затрачено на выкуп Варшавско-венской жел. дор. 55,8 млн.; к 1913 г. долги сократились до 8.835 млн., а платежи по ним до 15% бюджета.

Характеристика русских финансов перед войной, бюджет 1913 г. и влияние войны на расходный бюджет, госуд. кредит и денежное обращение описаны в ст. «Финансы СССР» (см. ХLI, ч. 2, 451/82), а потому мы ограничимся лишь некоторыми дополнениями ее.

Во время войны действовали два бюджета: секретный «военный фонд», т.-е. ассигнования на военные операции, и обычный бюджет, публиковавшийся во всеобщее сведение и

проходивший через законодательные собрания или помимо их — в порядке 87-й статьи. В военный фонд упрятывалась с 1915 г. часть расходов различных ведомств, и из него выплачивались крупные суммы за перевозку войск и военных грузов и таможенные пошлины за ввозимое из-за границы военное снаряжение, что искусственно повышало поступления жел. дорог и таможенных сборов и заглушевывало падение госуд. доходов в связи с войной, оккупацией части территории неприятелем и резким сокращением внешней торговли. Эти платежи из правой руки в левую напоминали известные фокусы со светом и тенью, когда зритель видит голову без туловища или наоборот. Поэтому росписи и отчеты об исполнении бюджета за годы войны не отражают вполне влияния войны на доходный бюджет. Оно проявилось не только в таможенных и жел.-дор. доходах, но и в лесном в связи с прекращением экспорта, и в поступлении промыслового налога, гербовых пошлин и пр. Но гораздо более сильно сказалась на бюджете отмена казенной продажи питей, сначала на период мобилизации, а затем на все время войны, сократившая поступления в 1914 г. на 395,4 млн. (с 899,3 до 503,9 млн.), в 1915 г. еще на 473,2 млн. (до 30,7 млн.). Нужно было заполнить эту громадную брешь в 868,6 млн., — задача, несомненно, весьма трудная. Тем не менее, при немедленном введении подоходного налога с усиленной прогрессией, дополнительного поимущественного или обложения по капитальной ценности земли, высокого обложения военных прибылей и наследств можно было бы достигнуть громадные прибыли некоторых отраслей промышленности и торговли и повышение доходов части имущих классов. Кроме этих требований, раздававшихся слева, появилось множество обывательских проектов подчас

самых диковинных новых налогов, на которых не стоит останавливаться. Более серьезны были предложения монополий — чайной, сахарной, страховой, спичечной и хлебной торговли и много др., встретившие много сторонников (Мигулин в «Нов. Экономисте» и др.). Действительно, в условиях военного времени, роста и регулирования потребления некоторые из этих монополий (чайная, сахарная) могли изъять в пользу государства часть возросших прибылей торговых фирм или фабрикантов (впоследствии Временное правительство ввело сахарную монополию, не успев претворить ее в жизнь). Но царское правительство так же осторожно относилось к интересам торгово-промышленного класса, как и к земледельческому. Поэтому оно медлило с обложением прибылей. Налог на военные прибыли и подоходный были введены только в 1916 г., их взимание должно было начаться с 1917 г. Министерство финансов ограничилось в 1914 г. огуль-

ным повышением ставок ряда акцизов: с сахара (с 1 р. 75 к. до 2 р.), нефтяных продуктов (с 60 к. до 90 коп.), пива (с 1 р. 70 к. до 3 р.), папирос, махорки, папиросных гильз и спичек, дрожжей, но все эти повышения не дали и 100 млн. Более серьезного увеличения доходов ожидали от временного 25%-ного сбора с жел.-дор. пассажиров и багажа и новых двух налогов — со всех жел.-дор. грузов и с перевозимого по железной дороге хлопка внутреннего производства; от этих чрезвычайно вредных налогов, перелагаемых в повышенном размере на предметы потребления широких масс, рассчитывали получить в 1915 г. 258 млн. р., но они не вполне оправдали надежды; затем повысили гербовые и др. пошлины, почтово-телеграфный тариф, и все-таки всеми повышениями наскребли менее полумиллиарда, следовательно еле покрыли половину недобора по казенной продаже питей против дохода 1913 г.

Поступления	Пром. п.	Ост. прям.	Сах.	Табачн.	Тамож.	С грузов	Пошл.	Вян. моноп.	Жел. д.	Проч.	Всего
в 1914 г.	166,3	77,2	139,5	92,8	309,9	31,4	105,2	503,9	733,3	744,6	2.898,1
в 1915 г.	212,0	104,8	186,1	114,2	283,4	224,8	125,6	30,7	733,2	782,9	2.827,7
	+ 45,7	+ 27,6	+ 46,6	+ 21,4	- 26,5	+ 193,4	+ 20,4	- 473,2	+ 49,9	+ 18,3	- 70,4

Если принять в соображение обесценение денег в 1915 г. (ок. 30%) и искусственное питание жел. дорог из военного фонда, то ясно, что обыкновенные доходы реально резко сошлись и не могли покрыть даже обыкновенных расходов.

Кредитные операции и эмиссия служили не только для ведения войны, но и для покрытия дефицита в общем бюджете.

Размещение на внутреннем рынке обязательств государств. казначейства (11½ млрд. р.) и долгосрочных займов (7½ млрд.) происходило через Госуд. банк (86%), сберкассы и

частные коммерческие банки (64%); оказалось, что военные расходы и миллиардные эмиссии при сжатии кредитного оборота способствовали росту вкладов мелкого люда в сберкассы, а крупной и средней буржуазии — в банки. Рост частной эмиссионной, подчас спекулятивной, деятельности банков свидетельствовал об обилии свободных средств и о неиспользованной правительством возможности более широкой реализации внутренних займов. Методы последних с каждым займом улучшались, и круг привлекаемых к размещению учреждений расширялся (Мукошеев).

Внешний кредит выразился в форме учета за границей краткосрочных обязательств казначейства, затем долгосрочных обязательств и, наконец, «особо непоименованных кредитов», главным образом на военные заказы и закупки в С. Штатах. Большая часть этих долгов упала на Англию (4.787,4 млн.), значительно меньшая — на Францию (1.333,3) и совсем скромная доля — на С. Штаты (365,3), Японию (217,3) и Италию. (В этих подсчетах вычтены уже суммы арестованных за границей после революции русских ценностей и золото—120 млн.—отданное по Брестскому миру Германии и переданное ею после поражения державам Антанты). Выплата этого колоссального внешнего долга была безнадежна для разоренной войной Р. Но и внутренний долг, и эмиссия достигли размеров, которые позволяли ликвидацию его лишь в форме полного или частичного (девальвация) банкротства. «Государственные и частные кредитные учреждения оказались опустошенными войной; они были наполнены массами ценных бумаг, возместивших в обороте испепеленные войной материальные ценности» (Боголепов). Гордиев узел разрубил Октябрьская революция.

В. Твердохлебов.

ХII. Революционное движение в Р. до возникновения социал-демократии (1820—1883). Если не считать громадных крестьянских восстаний, потрясавших Московское государство и Российскую империю в XVII и XVIII веках (Болотникова, Разина, Булавина и Пугачева, не говоря уже о более мелких и местных восстаниях), а также выступлений таких литературных одиночек, как Радищев (см.), то началом организованного революционного движения с определенной программой следует считать восстание *декабристов* (см.). Оно возникло в основном на почве противоречия

между развивающимся в Р. капитализмом и усилением самодержавно-крепостнической реакции во второй половине царствования Александра I. Преследуя по существу цели буржуазной революции, основные кадры декабристов вербовались из той части дворянства, которая захвачена была процессом капиталистического перерождения и при том страдала от аграрного кризиса 20-х годов. Вместе с тем это движение происходило на фоне огромного роста массовых крестьянских и даже солдатских движений, вызванных как усилением крепостнической реакции, так и разочарованием в тех надеждах, которые были связаны с войной 1812 г., а также под влиянием идей французской революции, с которыми столкнулись солдаты, побывавшие в Европе и особенно во Франции во время похода 1813 г. Наконец, к крестьянским и солдатским «бунтам» присоединились и волнения крепостных рабочих как на Урале, так и в центральном фабричном районе. Значительное обострение крестьянских волнений вызвали, как известно, военные поселения (см. *поселения военные*). Особенно сильное впечатление произвело на правительство и «общество» восстание *Семеновского полка* в 1820 г. Поводом к восстанию явился протест против жестокого обращения полкового командира, но в основе его лежала крестьянская ненависть против крепостного строя и господства дворян. Полк отказался повиноваться и требовал назначения другого командира. При этом он пытался увлечь за собою и другие части петербургского гарнизона и проявил исключительную сознательность и стойкость. Среди солдат безвестные агитаторы из солдатской среды распространяли воззвания, и в них возбуждалась ненависть против дворян и против самого царя, который «не кто иной, как сильный разбойник». Вожаки восстания

предлагали «единодушно арестовать всех начальников, дабытем прекратить вредную их власть», и «между собой выбрать по регулу надлежащий комплект начальников из своего брата-солдата и поклясться умереть за спасение оных, если то нужно будет, а не выдавать своих». Восстание семеновцев было, конечно, подавлено, солдат судили, приговорили к свирепым наказаниям и весь полк расформировали. И вот часть семеновцев, направленная в южную армию, расположенную на Украине, выделила прекрасных и стойких агитаторов в Южной организации декабристов и участвовала в восстании Черниговского полка. При этом за несколько месяцев до восстания декабристов, в сент. 1825 г., произошло такое же, как в Семеновском полку, восстание первой гренадерской роты Саратовского полка на Украине, руководимое деятелями «Общества соединенных славян», офицером Кузьминым, юнкером Шеколлой и бывшим семеновцем, солдатом Анойченко, крупнейшей фигурой среди солдат-декабристов.

Массовое движение 20-х годов, с одной стороны, ускорило процесс оформления идей и организации тайных офицерских обществ, а с другой — поставило перед ними во весь рост опасность народной революции. Поэтому, при всех огромных программных и тактических различиях между Северным и Южным обществами, их объединял страх перед народным восстанием и стремление совершить государственн ый переворот при помощи одного лишь военного заговора, наподобие тех восстаний, которые имели место в 1820 г. в Испании и в Неаполе. Резко отличались от обоих этих обществ как по своему социальному составу, так и по своей программе и тактике члены «Общества соединенных славян», объединившиеся с Южным обществом де-

кабристов. Они представляли из себя по существу разночинцев, мечтали о народной, демократической революции и считали необходимым опираться на движение самих масс. В этом смысле они являлись левым мелко-буржуазным крылом в декабристском движении. Они не только вели пропаганду среди своих солдат, но пытались обращаться и к крестьянам и даже завязали сношения с рабочими киевского арсенала. До какой степени эта тактика обращения к массам имела под собой почву, видно не только из общей картины массовых движений того времени, но и из тех проявлений сочувствия и готовности содействия, которые можно было наблюдать и 14 декабря в Печербурге, и во время восстания Черниговского полка на Украине. Так, рабочие и разный мешанский люд, собравшиеся на Сенатской площади, всячески выражали свое сочувствие восставшим войскам и даже пытались бросать поленья и камни в сторону царя и его генералов. А на Украине во время похода Черниговского полка крестьяне встречали его хлебом-солью и совершенно сознательно относились к восстанию, ожидая от него земли и воли для себя. Не случайным также является тот факт, что уже после подавления восстания весной 1826 г. именно в районе восстания прокатилась огромная волна крестьянских волнений. Слухи о восстании декабристов до такой степени волновали и городское население и особенно крестьян, что правительство принуждено было издать 12 мая 1826 г. манифест, где слухи об освобождении крестьян объявлялись ложными и они призывались беспрекословно повиноваться всем властям. Усилились волнения также и на уральских заводах. Таким образом, восстание декабристов не прошло бесследным в народных массах. А на подрастающее поколение прогрессивной дво-

рянской и отчасти разночинной интеллигенции оно произвело огромное впечатление и как бы завещало продолжать борьбу. Это ярко отмечено известными словами Ленина: «Мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры — разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря. Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой, революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 г.» (В. И. Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XV, стр. 468—469).

Если большинство декабристов, осужденное на каторгу, покорилось своей участи и занялось впоследствии лишь культурной работой в Сибири, то крайнее левое крыло их в лице члена Общества соединенных славян И. Сухинова (см.), одного из активных деятелей восстания Черниговского полка, составило план обширного заговора — организовать восстание на каторге при помощи уголовных и поднять соседние заводы и рудники, захватывая ружья и даже пушки. Восстание было назначено на 25 мая 1828 г., но было выдано предателем. Приговоренный к смерти, Сухинов повесился в тюрьме. Участники заговора подверглись расстрелам и самым бесчеловечным телесным наказаниям. Еще до этого, в 1827 г., под непосредственным впечатлением

расправы царского правительства над декабристами, в Москве организовался тайный революционный кружок, основанный мелким чиновником Петром Критским, который прежде всего вовлек в него своих двух братьев — студентов московского университета. Кружок преследовал цели революционной пропаганды, но просуществовал очень недолго, и в 1828 г. братья Критские были арестованы. Другой такой кружок пытался организовать с провокационными целями отставной чиновник, мелкий помещик Сунгуров, в самом начале 30-х годов среди студентов московского университета. В августе 1831 г., выданный другим предателем, кружок был разгромлен, и сам Сунгуров приговорен к каторге, при чем за неудачную попытку побега был наказан плетью. Наконец, в начале 30-х годов, среди ряда кружков, возникавших в московском университете и интересовавшихся политическими и философскими вопросами, образовался известный кружок Герцена и Огарева (см.), в котором, по позднему признанию самого Герцена, под влиянием поражения польского восстания 1831 г. и под влиянием разочарования в буржуазной революции 1830 г. во Франции, возник интерес к идеям европейского утопического социализма и прежде всего сен-симонизма, тем более, что процесс сен-симонистов, первый публичный процесс над мирными утопистами, происходивший в Париже в 1832 г., вызвал громкие отклики в Европе и заинтересовал значительные круги русской интеллигенции. С этого времени революционное движение в Р. начинает окрашиваться в социалистические цвета.

Со времени восстания декабристов возникает, как постоянное явление, *русская политическая эмиграция* в Европе. С 1825 г. стал эмигрантом Н. И. Тургенев (см.), связанный с декабристами. В связи с делом

декабристов стал также эмигрантом Я. Н. Толстой, впоследствии заграничный агент III Отделения. Начиная с 30-х и особенно 40-х годов многие представители передовой интеллигенции, уезжая легально за границу, оставались там навсегда и становились эмигрантами. Первым из них был молодой ученый, социалист-утопист В. С. Печерин (см.), затем в таком положении оказался Бакунин (см.), уехавший за границу в 1840 году и уже через 3 года приговоренный к каторжным работам за отказ вернуться в Р., затем Н. И. Сазонов, умеренный либерал И. Г. Годовин и, наконец, Герцен (см.), уехавший в 1847 г. и приговоренный в 1851 г. к вечному изгнанию. (Большая волна эмигрантов появилась в Европе после подавления польского восстания 1831 г.; см. XXXVI, ч. 1, 662/63).

Во второй половине 40-х годов развитие капитализма и разложение крепостных отношений сделало огромный шаг вперед. Вместе с тем на ряду с дворянской интеллигенцией выросли значительные кадры новой, более демократической, разночинной интеллигенции, которая не только чувствовала на себе гнет самодержавно-крепостнического государства, но начинала страдать и от эксплуатации развивавшегося капитала. Это наложило своеобразный отпечаток на возникший во второй половине 40-х годов кружок *петрашевцев* (см.), где — на ряду с разработкой идей буржуазной демократии, отмены крепостного права, развития личности и т. п. — центральное место заняли идеи Фурье, с его «союзом капитала, труда и таланта». Кружок петрашевцев имел не только свои ответвления в Петербурге, но и ряд корреспондентов в провинции, которая значительно выросла в идейном и культурном отношении. Так, во время путешествия Белинского в 1846 г.

из Петербурга на юг Р., он к своему удивлению увидел, что в губернских городах выросла новая интеллигенция (чиновники, учителя и т. п.), которая его знает, с увлечением читает журналы и интересуется политическими вопросами в духе буржуазного демократизма.

Европейская революция 1848 г., вызвавшая огромный интерес в самых разнообразных кругах русской интеллигенции, резко обострила этот процесс формирования политических и революционных идей. Бакунин в эмиграции ринулся с головой в бурный водоворот европейских событий и носился с идеей поднять восстание всех славян против Р., Австрии и Пруссии с целью создать общеславянскую федеративную республику. Это было как бы продолжением и развитием тех идей, которые выдвигало «Общество соединенных славян». На первом месте в планах Бакунина была крестьянская революция в Р., которую он считал вполне возможной. Он звал австрийских славян разгромить русские войска, посланные Николаем для подавления венгерской революции, при чем рекомендовал также пропаганду среди русских солдат, братание с ними, уверяя, что русские крестьяне и солдаты так измучены царским и помещичьим деспотизмом, что ждут лишь пламенного призыва к восстанию. В это самое время студент Чернышевский записывал в своем дневнике, что он желает поражения русских в войне против Венгрии, мечтал о войне Франции и Германии против Р. «и для этого готов был бы самим собою пожертвовать».

Летом 1848 г. консервативный поэт Тютчев высказал следующую интересную мысль: «Уже с давних пор в Европе только две действительные силы, две истинные державы: *Революция и Россия*. Они теперь сошлись лицом к лицу и завтра, мо-

жет быть, схватятся. Между тою и другою не может быть ни договоров, ни сделок. Что для одной жизнь, для другой смерть». В этих словах не учитывалось лишь то обстоятельство, что в самой Р. назревали зародышевые элементы революционного движения. Правда, кружок петрашевцев, в котором парю мерещился обширный и опасный заговор и который был разгромлен в апреле 1849 г. перед походом русских войск в Венгрию, не был опасен для самодержавия, но идеи петрашевцев сыграли большую роль в деле развития следующего поколения революционеров и в первую очередь величайшего из них *Чернышевского* (см.). С другой стороны, гораздо опаснее мирных утопистов-пропагандистов из кружка Петрашевского были для самодержавно-крепостной Р. многочисленные крестьянские волнения и все возрастающее недовольство нарождающегося буржуазного общества. В самом деле, если в период с 1826 до 1834 г. было зарегистрировано всего 143 крестьянских волнений, то с 1835 по 1844 г. их было уже 216, с 1845 по 1854—348 и с 1855 по 1861 г.—477 (см. *крестьяне*, XXV, 511/12, и 563/64, прил. 44/49).

Бешеная реакция, охватившая правительственные круги после 1849 г. и выразившаяся, между прочим, в так называемом «цензурном терроре», который усматривал страшную для Николая пропаганду коммунизма даже в «Отечественных Записках» и «Современнике» того периода, еще больше озлобляла значительные круги образованного «общества». Вместе с слухами о крестьянских волнениях все это заставляло ожидать каких-то событий. Еще в 1852 г. Чернышевский говорил в Саратове своей невесте: «Неудовольствие народа против правительства, налогов, чиновников, помещиков все растет. Нужно только одну искру, чтобы поджечь

все это. Вместе с тем растет и число людей из образованного круга, враждебных против настоящего порядка вещей. Готова и искра, которая должна зажечь этот пожар. Сомнение одно — когда это вспыхнет? Может быть, лет через 10, но я думаю, скорее». Революция 1848 г. усилила также национально-освободительное движение угнетенных народов. Революционное брожение происходило в русской Польше. На Украине еще в 1846 г. образовался тайный кружок, называвшийся «Кирилло-Мефодиевским обществом» (см.) и ставивший себе целью пропаганду национально-демократических идей. Членами этого кружка были историк Костомаров (см.) и великий украинский крестьянский поэт-революционер Тарас Шевченко. Кружок был разгромлен, Костомаров сослан под надзор полиции в Саратов, а Шевченко отдан в солдаты и послан в Оренбург. Ожидание каких-то серьезных перемен в Р. отразилось также на русской политической эмиграции, во главе которой стоял Герцен. Под влиянием поражения революции 1848 г. он разочаровался в революционных способностях европейского «мещанства» и даже отчасти пролетариата. После краткого увлечения утопическим коммунизмом он обратил свои надежды на Р. и в частности на русскую общину, в которой он видел возможность для Р. миновать стадию капитализма. Будучи выслан из Франции, Герцен поселился в Лондоне, куда стали наезжать не только эмигранты, в роде петрашевца Энгельсона, но и легальные друзья и знакомые Герцена. Таким образом Лондон становился центром русской политической эмиграции, куда стекались довольно многочисленные по тому времени сведения о положении Р., о социальных настроениях крестьянства и политическом оживлении интеллигенции. В 1853 г. Герцен

основал «вольную русскую типографию», явившуюся зародышем так бурно развившейся впоследствии эмигрантской революционной печати. С 1855 г. Герцен, к которому в 1856 г. просоединился эмигрировавший окончательно Огарев (см.), приступил к изданию журнала «Полярная Звезда», на обложке которого находилось изображение пяти казенных декабристов, что являлось как бы символом преемственности революционной традиции. С началом общественного оживления в Р., в 1857 г., стал выходить еженедельник «Колокол», редактируемый в Р. в больших количествах (на него даже объявлена была подписка, и его можно было получить из-под полы у многих книгопродавцев и букинистов в Р.) и имевший огромное влияние на политическое развитие русской дворянской и отчасти разночинной интеллигенции в первые годы царствования Александра II. Впрочем, Герцен долго верил в добрые намерения царя и боролся против нового поколения революционных демократов-разночинцев во главе с Чернышевским и Добролюбовым. Вот характеристика Герцена этой эпохи, данная Лениным к столетию со дня его рождения, в 1912 году: «Герцен создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга. «Полярная Звезда» подняла традицию декабристов. «Колокол» (1857—1867) встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчанье было нарушено. Но Герцен принадлежал к помещичьей, барской среде. Он покинул Россию в 1847 г., он не видел революционного народа и не мог верить в него. Отсюда его либеральная апелляция к «верхам». Отсюда его бесчисленные слащавые письма в «Колоколе» к Александру II Вешателю, которых нельзя теперь читать без отвращения. Чернышевский, Добролюбов, Серно-Соловьевич, представлявшие

новое поколение революционеров-разночинцев, были тысячу раз правы, когда упрекали Герцена за эти отступления от демократизма к либерализму. Однако, справедливость требует сказать, что при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх» (Ленин, Соч., т. XV, стр. 466/67).

В самом деле, в годы, предшествовавшие отмене крепостного права и непосредственно следовавшие за нею, в Р. создалась определенно революционная ситуация. Уже Крымская война развеяла ореол непобедимости «европейского жандарма» и поселила в народных массах твердую уверенность, что дальше так жить нельзя. Вот как описывается настроение народа во время Крымской войны в известном «Письме из провинции» за подписью «Русский человек», помещенном в герценовском «Колоколе» 1 марта 1860 г., автором которого считают Чернышевского: «Иногда случалось, что крепостные охотно шли в ополчение, но только потому, что они надеялись за это получить свободу. Но чтобы русский народ в эту войну за одно шел с царем, — нет. Я жил во время войны в глухой провинции, жил и таскался среди народа и смело скажу вам вот что: когда англо-французы высадились в Крым, то народ ждал от них освобождения: крепостные — от помещичьей неволи, раскольники ждали от них свободы вероисповедания». Таким образом, по свидетельству Чернышевского, поражение охватило тогда не только самые передовые элементы интеллигенции, но и широкие народные массы, при чем ходили определенные слухи, что французский император Наполеон III требует у царя освобождения крестьян. А после войны и с началом нового царствования поднялись и продолжались с небольшими перерывами ряд лет грозные крестья-

янские волнения. Шеф жандармов докладывал царю, что в 1858 г. происходили «волнения целых деревень, требовавшие личного действия высших губернских властей или пособия воинских команд», при чем «такие волнения, более или менее важные, проявлялись в продолжение года в 25 губерниях». В 1860 г., по одному официальному данным, было заперото на смерть 65 крестьян. За помещичьих крестьян начали заступаться и государственные крестьяне, а иногда в рядах бунтующих крестьян оказывались и солдаты-отпускники (см. XXV, 522). На ряду с чисто аграрными волнениями, направленными против помещиков, в эти же годы наблюдается и полоса крестьянских движений против системы откупов. В 12 губерниях было разграблено 220 питейных заведений. Крестьян умирляли военной силой, но и в этом движении в ряде случаев вожаками оказывались «бессрочно-отпускные» солдаты. Как известно, немедленно после 19 февр. 1861 г. крестьяне поднялись еще более грозной волной, и в течение 1861—62 гг. происходило около 2 тысяч крестьянских восстаний.

Конец 50-х и начало 60-х годов были периодом обостренной национальной и классовой борьбы не только в Р., но и в Западной Европе и даже в Америке. Национально-революционное движение в Италии, возглавлявшееся Гарибальди, политическое оживление и новый подъем рабочего движения во Франции и в Германии, начало гражданской войны в Соединенных Штатах, наконец, польское восстание 1863 г., которому предшествовало брожение с самого начала 60-х годов, — все это, на фоне массового крестьянского движения и начавшейся ломки самодержавно-крепостнического строя, не могло не вызывать смелых революционных надежд и настроений у той огромной массы разночинной, плебейской моло-

дежи, которая с конца 50-х годов хлынула в столицы и университетские города в поисках просвещения и деятельности. В этой обстановке и возникло революционное движение 60-х годов.

Радикальную демократическую молодежь уже не удовлетворял герценовский «Колокол» и даже отталкивал ее своей умеренностью и половинчатостью. Бурные студенческие волнения 1861 г. в Петербурге, Москве и других городах, как реакция на закрытие воскресных школ, на уничтожение студенческой автономии, на преследование популярных профессоров и т. п., — волнения, сопровождавшиеся массовыми арестами и другими репрессиями, еще более обострили революционные настроения значительных групп демократического студенчества и интеллигенции вообще. На легальной арене идейным вождем и руководителем революционной интеллигенции являлся журнал «Современник», возглавлявшийся Чернышевским, а также журнал «Русское Слово», где начал завоевывать себе популярность Писарев (см.). Но, кроме легальной литературной работы, Чернышевский, несомненно, являлся душой всех затевавшихся революционных предприятий начала 60-х годов, а также некоторых революционных организаций, хотя формально, может быть, и не являлся их членом. На крайнем правом фланге выступавших в самом начале 60-х годов нелегальных групп следует отметить группу, издававшую листки «Великорусс», в которых левые дворянские круги предупреждали правительство о грозящей Р. народной революции, если оно не вступит на путь подлинно широких демократических реформ. Далее, писатели Чернышевский, Шелгунов, поэт М. Л. Михайлов и некоторые другие затеяли издание целой серии революционных воззваний, обращенных к разным слоям русского народа.

и «общества». Из этой серии прокламаций вышло в свет написанное Шелгуновым (см.), отпечатанное в лондонской типографии Герцена и привезенное в Р. Михайловым воззвание «К молодому поколению», в котором проводилась народническая идея о возможности для Р. миновать путь капиталистического развития, выставлялся лозунг национализации земли и общинного землевладения и в то же время сохранялись некоторые иллюзии относительно возможности реформаторской деятельности правительства. Написаны были также прокламации к солдатам и к раскольникам. Наконец, Чернышевский, исходя из всеобщего ожидания громадного крестьянского восстания, написал свою не «видевшую света знаменитую прокламацию «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». В этой прокламации давалось яркое и беспощадное разоблачение данной крестьянам «воли». царь изображался как главный помещик, выставлялся идеал демократической республики, и крестьяне призывались готовиться к всенародному восстанию, обучаясь военному делу у бывших солдат. Но самым ярким революционным выступлением того времени являлась вышедшая весной 1862 г. в Москве прокламация Зайчневского «Молодая Россия» (см. XL, 543).

В то же время (1861—62) в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Казани и других университетских городах организовались тайные революционные кружки, среди которых самое видное место заняло петербургское общество «Земля и Воля», близкое к Чернышевскому и имевшее ряд отделений в провинции. В состав его членов входили братья Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичи (см.), А. А. Слепцов, Н. Н. Обручев, Г. Е. Благовестов (см.) и Н. И. Утин (см.). Программа общества была радикально-демократическая, но значи-

тельно более умеренная, чем программа «Молодой России». Московское отделение общества, так называемый кружок Мосолова, выставило лозунг республики и национализации земли. Энергичную агитационную и организационную деятельность проявляли революционеры в Казани, где в этой работе приняли участие представители революционно-демократических организаций Польши, мечтавших поднять крестьянское восстание в Поволжье и тем отвлечь силы правительства от подготавливавшегося польского восстания (т. н. «Казанский заговор» 1863 г.). Но, несмотря на огромный подъем волны крестьянских восстаний в 1861—62 гг., несмотря на такие прогмевшие на всю Р. события, как восстание в селе Бездне Казанской губернии (см. XXV, 560/61),—общего крестьянского восстания не произошло, а польское восстание было свирепо подавлено. Правительственные репрессии, начавшиеся уже с весны 1861 г., арест и каторжный приговор поэту Михайлову, арест Чернышевского и Писарева, гонение на печать, все это после подавления польского восстания перешло в жестокую реакцию. Одновременно с национально-революционным движением в Польше шла национально-демократическая пропаганда на Украине, а также в Грузии, где происходили крестьянские волнения.

Наступившая реакция вызвала резкую дифференциацию в русской прогрессивной интеллигенции. Огромное большинство либералов отошло вправо, и возникавшие в то время революционные кружки оказались гораздо более изолированными, чем в начале 60-х годов. Вместе с тем эти кружки, воспитанные на литературной пропаганде Чернышевского, стали все более проникаться идеями социализма, чему еще в значительной мере содействовало возникновение в 1864 г.

I Интернационала, о котором, впрочем, доходили в Р. на первых порах самые фантастические слухи. Наибольшую известность из этих кружков получил так называемый Инутинский кружок (см. XXII, 566/68) в Москве, бывший в связи с талантливым писателем для народа и популяризатором Худяковым (см.) в Петербурге. В этом кружке, наряду с организацией артельных мастерских и коммун и с попытками пропаганды среди рабочих, обсуждались также планы террористических покушений на царя, а также планы освобождения Чернышевского с каторги. Из него вышел Караков (см.), совершивший 4 апр. 1866 г. первое покушение на Александра II. Это покушение вызвало новый, еще более бешеный взрыв реакции, как правительственной, так и общественной, еще более изолировав разгромленные арестами революционные кружки (эпоха «белого террора»). Так возник заговорщик терроризм революционеров, о котором еще Маркс писал (по поводу франц. заговорщиков 30—40-х гг.): «Единственным условием революции является для них надлежащая организация их заговора. Они — алхимики революции и целиком разделяют все заблуждения, всю ограниченность, все навязчивые представления прежних алхимиков» (М. и Э., т. VIII, стр. 300).

Эпоха 60-х годов вызвала также новую волну политической эмиграции, которая по своему социальному составу и радикализму своих политических взглядов резко отличалась от эмиграции 40-х—50-х годов, группировавшейся вокруг Герцена. В 1861 г. бежал из Сибири Бакунин и сразу же принялся за осуществление своей давнишней мечты — поднять общеславянскую революцию, для чего пытался оказать содействие польскому восстанию. Затем в эмиграции стали появляться бежавшие из Р. от арестов, а иногда даже из тюрем (как

Эллидин, осужденный по делу «Казанского заговора») деятели революционных организаций 60-х годов. Эмигрантские кружки нового поколения выступали решительно против Герцена, организовывали свои типографии, издавали и доставляли в Р. агитационные брошюры, а некоторые из них (Утин, Серно-Соловьевич и др.) участвовали в деятельности I Интернационала, при чем Утин организовал «русскую секцию» его. Даже в эпоху «белого террора» не прерывалась связь эмиграции с действовавшими в Р. немногочисленными революционными группами.

Между тем общественная реакция, наступившая после покушения Каракова, приходила к концу. В 1868—69 г. в Петербурге и некоторых других городах началась новая полоса студенческих волнений, и она принята была некоторыми революционерами за начало революционного подъема, за предвестника будущей крестьянской революции, которой ожидали на этот раз в 1870 г., в связи с окончанием срока «временно-обязанных» отношений крестьян к помещикам. Во время студенческого движения в Петербурге выдвинулся, в качестве агитатора, С. Г. Нечаев (см.), который в то время находился под сильным влиянием П. Н. Ткачева (см.). Часть студенчества, которая не верила в близость всеобщего восстания и отвергала нечаевские методы, выступила на борьбу против агитации Нечаева, при чем в этой борьбе выдвинулся М. А. Натансон (1850—1919), позднее главный вдохновитель «Земли и Воли» 70-х гг., а затем, в начале 90-х годов, один из основателей «Партии народного права», наконец с.-р. и левый с.-р. Он явился одним из активнейших организаторов того кружка, который получил в истории название «кружка чайковцев» (см. Чайковский, и XI, прил., 214/17) и сыграл большую роль в собирании и

формировании революционных сил начала 70-х годов. Из этого кружка вышли многие виднейшие деятели «Земли и Воли» и «Народной Воли». Главным теоретиком кружка сделался знаменитый впоследствии анархист П. А. Кропоткин (см.). Вначале «чайковцы» занимались лишь пропагандой и организацией кружков самообразования среди студенчества, а также созданием для этих кружков легальных и нелегальных библиотечек. Лишь перед разгромом они перешли к пропаганде среди рабочих, которым читались лекции по истории Европы и Р. и когорых знакомили с деятельностью I Интернационала. Из рабочих кружков чайковцев вышли первые распропагандированные рабочие революционеры, участники движения 70—80-х годов, составившие ядро той рабочей группы, которая организовала впоследствии «Северный союз русских рабочих». Впрочем, разработанной политической программы кружок чайковцев не имел. Проект программы и тактики, составленный Кропоткиным, не получил окончательного утверждения.

Одновременно с деятельностью чайковцев возник немногочисленный кружок «долгушинцев» (1872—73), названный так по имени его руководителя А. В. Долгушина (см.), пытавшийся вести пропаганду среди рабочих и издавать нелегальную литературу в Петербурге и Москве. Одним из теоретиков этого кружка был Берви-Флеровский (см. V, 368/70), книга которого «Положение рабочего класса в Р.», изданная в 1869 г., имела огромный успех и широко распространялась чайковцами. Долгушинцы выдвинули в качестве программных лозунгов всеобщий передел земли и призывали к крестьянской революции. Они находились под сильным впечатлением идей Бакунина, которые стали распространяться в Р. уже с 1868—69 гг., но вместе с тем

их взгляды были проникнуты своеобразным мистицизмом, быть может с целью приспособить их к крестьянскому мировоззрению. В числе изданных ими нелегальных листов особенно известен листок «Как надо жить по закону природы и правды», написанный под сильным влиянием Флеровского.

Правительство обрушилось со всей силой своего репрессивного государственного аппарата на начавшийся подъем революционного движения. Еще в 1869 г. были арестованы сторонники Нечаева в Москве и Петербурге и создан был так называемый «Нечаевский процесс», — первый большой публичный суд над революционерами, подробности которого печатались в газетах и имели большое революционизирующее влияние на молодежь, вопреки надеждам правительства, что он отпугнет эту молодежь от участия в революционном движении (см. XL, прил., 223/30). В 1873 г. были арестованы долгушинцы, и начались массовые аресты чайковцев. Но все это не остановило того похода революционной молодежи в деревню, который начался в 1873—74 гг., известен под названием «хождения в народ» и с которым связывается официальное начало русского революционного народничества 70-х годов (см. XL, 547/51). Как известно, предшественниками народничества являлись Герцен, отчасти Чернышевский и затем особенно Добролюбов. «В народе, — писал Добролюбов, — в коренном народе нет и тени того, что преобладает в нашем цивилизованном обществе. В народной массе нашей есть деятельность, серьезность, есть способность к жертвам... Да, в этом народе есть такая сила на добро, какой положительно нет в том развращенном и полумешанном обществе, которое имеет претензию одного себя считать образованным и годным на что-нибудь

дельное». А в 1869 г. основные задачи революционного народничества были сформулированы в воззвании Бакунина «К молодым братьям в Р.» в следующих словах: «Итак, молодые друзья, бросайте скорей этот мир, обреченный на гибель, эти университеты, академии и школы, из которых вас гонят теперь и в которых стремились всегда разъединить вас с народом, — ступайте в народ. Там ваше поприще, ваша жизнь, ваша наука. Научитесь у народа, как служить народу и как лучше вести его дело. Помните, друзья, что грамотная молодежь должна быть не учителем, не благодетелем и не диктатором-указателем для народа, а только повивальной бабкой самоосвобождения народного, сплотителем народных сил и усилий. Чтобы приобрести способность и право служить народному делу, она должна утопиться в народе». В том же 1869 г., когда распространилось воззвание Бакунина, появились в журнале «Неделя» «Исторические письма» Миртова (П. Л. Лаврова; см.) и в «Отечественных записках» — «Что такое прогресс» Н. К. Михайловского (см.) и, наконец, книга Флеровского «Положение рабочего класса в Р.». Если книга Флеровского давала яркую картину жуткой нищеты и чудовищной эксплуатации трудящихся масс Р., то Лавров и Михайловский формулировали исторические и социологические предпосылки народничества.

К началу 70-х годов окончательно выяснились как экономические результаты «освобождения» крестьян, так и явно реакционный характер нового царствования, с которым революционная молодежь уже не связывала никаких надежд. Вместе с тем реформы 60-х годов ударили по экономическому благосостоянию не только рядового крестьянства, но и низшего и даже части среднего дворянства, земли которого начали пере-

ходить к новой деревенской буржуазии — кулакам. Это содействовало деклассированию части дворянской молодежи и вырабатывало в ее наиболее идейных, честных и чутких кругах революционную ненависть к развивавшемуся капитализму. Эта ненависть во всех слоях передовой, как разночинной, т. е. мелкобуржуазной по своему положению, так и дворянской интеллигенции особенно поддерживалась тем, что капитализм 60-х и начала 70-х годов был не столько творчески-производительным, сколько грубо хищническим, что еще усиливалось азиатским характером русского самодержавия. Неудивительно, что не только разночинная молодежь, нередко знавшая хорошо по собственному опыту, что такое бедность, но и часть дворянской молодежи, разочарованная в крестьянской реформе и мучившаяся как бы личной виной за грехи своих предков («кающийся дворянин» — формула Михайловского), почувствовала потребность пойти на помощь к разорявшемуся крестьянству и подымать его не только против помещиков, не только против ненавистных ему местных властей, но и против развивавшегося капитализма, в котором эта молодежь видела одни лишь его отрицательные, разрушительные стороны. А Парижская Коммуна 1871 г. лишней раз показала, как расправляется буржуазия, даже европейская, с рабочим движением. Вышедший в 1872 г. в русском переводе первый том «Капитала» Маркса, пользовавшийся в революционных кругах огромным уважением, давал молодежи главным образом аргументы против капитализма, развития которого, как думали революционные народники, никоим образом не следовало допустить в Р., чтобы не лишиться благоприятной, по их мнению, возможности перехода Р. к социализму. Сочувствие большинства революционной мо-

лодежи идеям Бакунина еще укрепились после появления в 1873 г. его книги «Государственность и анархия», в которой он резко нападал на Маркса и обосновывал свою центральную идею о необходимости революционного разрушения всякого государства.

Каков был социальный состав социалистически и даже анархически настроенной народнической интеллигенции 70-х годов? Из 272 человек, арестованных и привлеченных к следствию, которые вели пропагандистскую и агитационную работу среди крестьян и рабочих в 1873—75 гг., только 5 сами были раньше помещиками-землевладельцами. Настоящих крестьян было всего двое, зато рабочих, правда в большинстве связанных с деревней и отчасти ведших пропаганду именно в деревне, было не меньше 36. Главную же массу активных революционеров-народников первой половины 70-х годов, около 230 человек, составляла «разночинная», т.-е. вышедшая из разных сословных и классовых групп интеллигенция: из мещан, купцов, чиновников, духовенства, затем из среднего и низшего, главным образом чиновного дворянства, частично разоренного крестьянской реформой. Наконец, были в ее среде и отдельные выходцы из крестьян, которым удалось получить образование и стать таким образом интеллигентами (такими выходцами были, напр., И. Мышкин и будущий вождь «Народной Воли» Желябов).

Являясь мелко-буржуазным по своему промежуточному социальному положению, революционное народничество отражало и формулировало не всегда осознанную ненависть крестьянства к самодержавно-дворянскому строю и являлось разновидностью утопического, уравнилельного крестьянского социализма. К народничеству 70-х годов отчасти применимо то, что писал Ленин о виднейшем социологе и легальном публи-

цисте этого народничества—Михайловском «Ему казалось, что передача всей земли крестьянам, — в особенности без выкупа, — есть нечто «социалистическое»; он считал себя поэтому «социалистом». Разумеется, это — глубокая ошибка, вполне разоблаченная и Марксом и опытом *всех* цивилизованных стран, в которых *постоянно* буржуазные демократы, до полного падения крепостничества и абсолютизма, воображали себя «социалистами». (Ленин, Соч., т. XVII, стр. 223/24). Будучи субъективно утопическими социалистами, революционные народники 70-х гг. объективно, своей борьбой против дворянско-самодержавного государства подготавливали почву для «американского» пути развития Р.

Пропагандисты первой половины 70-х годов в преобладающем большинстве «шли в народ» с неопределенной проповедью социализма и бакунизма, не связанные никакой прочной централизованной организацией и питаая даже ненависть к подобной организации (ср. XL, прил. 172/73, 7/9). Итоги этого «хождения в народ» были плачевны в двух отношениях: во-первых, «летучая» пропаганда переродилась в крестьянское или рабочее платье интеллигентов, проповедывавших социализм, дала очень мало результатов и не оставила почти никаких прочных следов, и, во-вторых, отсутствие единой централизованной организации и революционного и конспиративного опыта облегчило властям разгром всей работы пропагандистов и чрезвычайно увеличило число арестов. Некоторым исключением в этом «кустарническом» периоде народнической пропаганды была созданная в 1874—75 гг. «Социально-революционная организация», избравшая ареной своей деятельности Центральный промышленный район (Москва, Иваново-Вознесенск, Тула и т. п.). Ядром этой организации яви-

лась группа молодежи, учившейся в Швейцарии и проникнутой идеями бакунизма, связанная с выходящим в середине 70-х годов в Швейцарии журналом «Работник», первым революционным органом, предназначенным для рабочих. В этой группе объединился кружок женщин-курсисток (С. И. Бардина, см., Л. Н. Фигнер, Е. и М. Субботины, О. С. Люботович, см., и др.) с кружком студентов кавказцев (И. С. Джабадари, А. Цицпанов, см., и др.). Они занялись пропагандой среди рабочих текстильных фабрик, при чем к ним примкнул приехавший из Петербурга уже распространявшийся рабочий Петр Алексеев, прославившийся своей знаменитой речью на суде, на так называемом «процессе 50» (см. XL, прил. 530/31), где судили всех привлеченных по делу этой «социально-революционной организации». Организация была разгромлена в 1875 г., а процесс происходил в 1877 г. Речи подсудимых, особенно Бардиной и Алексеева, сказавшего, что «от мускулистых рук рабочего люда» «ярмо деспотизма разлетится в прах», произвели огромное впечатление не только на революционную молодежь, но и на все либеральное общество и долго спустя распространялись в виде нелегальных брошюр. Но еще до этого процесса оставшиеся на свободе и вернувшиеся из ссылки революционеры, подводя итоги первых лет народнической пропаганды, пришли к заключению о необходимости выработки такой программы, которая была бы приспособлена к пониманию широких масс крестьянства и отвечала бы их реальным нуждам и интересам; а также такой тактики и организации, которые предохраняли бы революционеров от слишком быстрых провалов. В результате этих переговоров осенью 1876 г. были заложены основы самой крупной и длительной организации революцион-

ного народничества, которая первоначально называлась «Северной революционно-народнической группой» (в отличие от южных народников второй половины 70-х годов, известных под названием «бунтарей»), а с 1878 г. стала известна под названием «Земля и Воля» в память одноименной организации начала 60-х годов и по имени журнала, который она стала издавать (см. XL, прил. 9/10, 110/15, 465/68). Одним из активнейших организаторов «Земли и Воли» был М. А. Натансон. Кроме него, в организацию входили следующие крупнейшие фигуры революционного движения в Р., впоследствии частично вошедшие или в «Народную Волю», или в марксистскую группу «Освобождение труда»: А. Д. Михайлов (см.), Л. А. Тихомиров (см.), С. Н. Кравчинский (см.), Д. А. Клеменц (см.), А. И. Зунделевич, Г. В. Плеханов (см.), О. В. Аптекман (см. XL, прил. 1/12), М. Р. Попов, В. А. Осинский (см.), Н. А. Морозов (см., и XL, прил. 305/17), А. И. Иванчин-Писарев и целый ряд других. Позднее вошла в организацию С. Л. Перовская (см.). В близких отношениях к организации стояли В. Н. Фигнер (см., и XL, прил. 458/81), некоторые южные бунтари, а также М. Н. Ошанина, глава группы «якобинцев», близких по мировоззрению к Ткачеву и его органу «Набат» (см. XL, 549/51).

Задачу приспособления пропаганды социализма к потребностям и пониманию народных масс сформулировал Кравчинский в журнале «Земля и Воля» в следующих словах: «Пять лет тому назад (т.-е. в начале периода «хождение в народ». Б. Г.) мы сбросили немецкое платье и оделись в сермягу, чтобы быть принятыми народом в его среду. Теперь мы видим, что этого мало — пришло время сбросить и с социализма его немецкое платье и тоже одеть его в народную сермягу». Во время обсужде-

ния программы нового революционного общества происходили такие события, как процесс 50-ти и новый процесс 193-х, где на скамье подсудимых сидели все привлеченные за народническую пропаганду в первой половине 70-х годов и не осужденные по другим процессам. Они вызвали огромный интерес и даже сочувствие к революционерам в широких кругах учащейся молодежи и в значительных группах либеральной интеллигенции. Поэтому программа «Земли и Воли» была в конечном итоге построена так, чтобы служить орудием пропаганды не только в крестьянстве, но и в кругах революционно настроенной молодежи. Основные положения программы были таковы: «Конечный политический и экономический наш идеал — анархия и коллективизм. Но, признавая, с одной стороны, что партия может быть влиятельной и сильной только тогда, когда она опирается на народные требования и не насилует выработанного историей экономического и политического народного идеала, а с другой — что коренные черты характера русского народа настолько социалистичны, что если бы желание и стремление народа были в данное время осуществлены, то это легло бы крепким фундаментом дальнейшего успешного хода социального дела в Р., — мы суживаем наши требования до реально осуществимых в ближайшем будущем, т.-е. до народных требований, каковы они есть в данную минуту». Поэтому организация выставляет на своем знамени «исторически выработанную формулу «Земля и Воля». Само собою разумеется, что эта формула может быть воплощена в жизнь только путем насильственного переворота, и при том возможен скорейшего, так как развитие капитализма и все большее и большее проникновение в народную жизнь разных язв буржуазной цивилизации

угрожают разрушением общины и большим или меньшим искажением народного мирозерцания по вышеуказанным вопросам». Главной задачей «русской социально-революционной партии» должна быть организация элементов народного недовольства, с одной стороны, и дезорганизация сил государства, с другой. Первая задача включала в себя также пропаганду в среде интеллигенции и рабочих, сближение с враждебными правительству религиозно-революционными сектами, даже привлечение на свою сторону «разбойничьих шаек типа понизовой вольницы», наконец, пропаганду и агитацию в университетских центрах, заведение связей с либералами и издание собственного органа. Что касается «дезорганизаторской» части программы, направленной на «систематическое истребление наиболее вредных или выдающихся лиц из правительства и вообще людей, которыми держится тот или другой ненавистный нам порядок», то в ней заключался зародышек противоречий которые впоследствии привели к расколу «Земли и Воли» и образованию террористической политической организации «Народная Воля». Ибо эта «дезорганизация» правительственного аппарата приносила на деле, вместо бакунинского «разрушения государства», к все разрастающейся борьбе с правительством, которая, в силу неизбежной логики этой борьбы, превращалась в борьбу политическую, в борьбу не против государства вообще, а против данного ненавистного самодержавного государства.

Далее, в программной статье № 1 журнала «Земля и Воля» редакция писала: «Отнятие земель у помещиков и бояр, изгнание, а иногда поголовное истребление всего начальства, всех представителей государства и учреждение «казачьих кругов», т.-е. вольных, автономных общин с

выборными, ответственными и всегда сменяемыми исполнителями народной воли, — такова была всегда неизменная «программа» народных революционеров-социалистов: Пугачева, Разина и их сподвижников. Такова же, без сомнения, остается она и теперь для громадного большинства русского народа. Поэтому ее принимаем и мы — революционеры-народники. Этой программой мы выдвигаем на первый план вопрос аграрный. Вопрос же фабричный мы оставляем в тени, и не потому, чтобы не считали экспроприацию фабрик необходимым, а потому что история, почта-жившая на первый план в Западной Европе вопрос фабричный, у нас его не выдвинула вовсе, заменив его вопросом аграрным». Но ирония истории пожелала, чтобы именно в среде рабочих деятельность землевольцев оказалась наиболее продуктивной, тогда как среди крестьян она оставила гораздо меньше следов. Мало того, по отношению к рабочим землевольцы оказались даже в положении курицы, высижившей утят: в то время как их официальное миросозерцание решительно отвергало политическую борьбу и особенно борьбу за политические права, за конституцию, видя в этом лишь путь к ненавистному им буржуазному прогрессу, — вышедшие в значительной части из землевольческих кружков рабочие, во главе с В. П. Обнорским и С. Н. Халтуринным (см.), создали знаменитый *Северный союз русских рабочих* (см. XL, 567/68), в программе которого, правда еще робко, но уже вполне явственно прозвучали требования политической свободы, что вызвало даже порицание на страницах «Земли и Воли». Но после ряда рабочих волнений и стачек 1879 г. Плеханов в той же «Земле и Воле» вынужден был признать, что «вопрос о городском рабочем принадлежит к числу тех, которые, можно сказать, самую жизнь

самостоятельно выдвигаются вперед, на подобающее место, вопреки априорным теоретическим решениям революционных деятелей». Впрочем, даже и при этом Плеханов попрежнему считал городской пролетариат лишь ценным союзником будущего крестьянского восстания.

Наконец, в резком противоречии с официальным анархизмом землевольцев стояла также их *организация*, «строго централистическая, в полном смысле слова боевая, конспиративная, о которой Ленин писал в «Что делать?» с большим уважением: «У нас так плохо знают историю революционного движения, что называют «народовольчеством» всякую идею о боевой централизованной организации, объявляющей решительную войну царизму. Но та превосходная организация, которая была у революционеров 70-х годов и которая нам всем должна бы была служить образцом, создана вовсе не народовольцами, а *землевольцами*, расколовшимися на чернопеределцев и народвольцев» (Ленин, Соч., т. IV, стр. 464). В самом деле, в отличие от расплывчатых, неопределенных в организационном отношении групп первой половины 70-х годов, а также южных «бунтарей», землевольцы создали твердый организационный устав, требовавший строжайшей дисциплины и «безусловного принесения каждым членом на пользу организации всех своих сил, средств, связей, симпатий и антипатий и даже своей жизни».

Деятельность «Земли и Воли» проявлялась в пропаганде среди крестьян, где члены организации пытались создавать прочные «поселения», в отличие от «летучей» пропаганды первых народников, занимая места волостных писарей, фельдшеров и фельдшерниц и т. п. и завоевывая к себе доверие со стороны крестьянской массы. Далее, землевольцы вели пропаганду и агитацию среди городских рабочих,

организовывали стачки и демонстрации, вели работу среди студенчества, наконец, организовывали террористические акты. Самыми громкими событиями из деятельности «Земли и Воли» была демонстрация на Казанской площади 6 декабря 1876 г., первая демонстрация, в которой участвовали рабочие, и убийство Кравчинским пифагандармов Мезенцова (см. XXIII, 670) 4 августа 1878 г. Что же касается южных «бунтарей», бывших в тесных сношениях с «Землей и Волей», то они сделали попытку в 1877 г. поднять крестьянское восстание (так называемый «Чигиринский бунт») в Чигиринском у. Киевской губ. при помощи подложного царского манифеста, которым царь будто бы призывает крестьян восстать против помещиков и чиновников (см. XLI, ч. 4, 571/73; XL, прил., 95/98 и 114).

Впрочем, эта авантюристическая попытка бакунистов Дейча и Стефановича, принципиальных отрицателей всякой государственной власти и всякой революции сверху, поднять крестьян против помещиков от имени царя, хотя и встретила большое сочувствие среди крестьян, но провалилась благодаря предательству и кроме того порицалась общественным мнением революционного народничества. Вообще крестьянство в массе своей не проявляло той боевой активности, на которую рассчитывали народники и в частности земледольцы. Несмотря на перемену тактики, которая выражалась в том, что от расплывчатой пропаганды социализма и призыва к немедленному общему восстанию народники перешли к агитации на почве местных нужд, интересов и злободневных вопросов, волновавших крестьянство, несмотря на рост сектантского движения, крестьянские волнения в конце 70-х годов были, по сравнению с началом 60-х годов, явлением довольно редким и спорадическим. Зато рабочее движе-

ние в прямом смысле этого слова сделалось довольно заметным фактором общественной жизни и привлекало к себе внимание как правительства, так и революционеров. С 1870 по 1880 год, т.-е. за 11 лет, было зарегистрировано по Р. около 250 стачек, при чем в 162 стачках принимало участие около 120 тыс. рабочих. При этом было 66 стачек текстильщиков и 37 стачек металлистов (ср. XXXVI, ч. 3, 281/82). На фоне этого подъема рабочего движения, несколько в стороне от центрального русла революционной деятельности народников, были созданы первые рабочие организации, ставившие себе определенно-классовые цели борьбы: «Южнороссийский союз рабочих», организованный в 1875 г. Е. Заславским в Одессе и имевший свои отделения в Ростове и Таганроге, а также упомянутый нами «Северный союз русских рабочих», организованный в 1878 г. в Петербурге выдающимися рабочими Виктором Обнорским и Степаном Халтуриним (см.), при чем Обнорский был связан также с Южным союзом, ездил два раза за границу, где знакомился с жизнью германской социал-демократии, и привез оттуда типографский станок. Оба союза были разгромлены правительством, но их традиции остались, и не все распространяемые ими рабочие были арестованы.

Между тем, под влиянием опыта революционной борьбы, в среде руководящей верхушки «Земли и Воли» уже с самого начала 1879 г. назревал раскол. Часть земледольцев все более увлекалась непосредственной борьбой с правительством. В этой борьбе она находила поддержку со стороны отдельных революционных рабочих и сочувствие со стороны так наз. либерального «общества», т.-е. буржуазной интеллигенции, жаждавшей конституции, политической свободы и видевшей в революционерах, несмотря на

их «социализм» и даже анархизм, именно лишь смелых борцов за политическую свободу. Это сочувствие общества особенно выразалось во время громких политических процессов, при которых мужественное поведение революционеров еще более выделялось на фоне лакейского угодничества царских судей и сенаторов. Процесс Веры Засулич (см.), судившейся за террористическое покушение на петербургского полицейского диктатора Трепова, вызвал такую волну сочувствия к подсудимой, что присяжные вынесли ей оправдательный приговор. Далее идея «дезорганизации» правительственного аппарата наиболее была принята во второй половине 70-х годов южно-русскими бакунистами — «бунтарями», этими особенно типичными выразителями мелкобуржуазной стихии. Но эта самая «дезорганизация» неизбежно, непосредственной логикой борьбы вырождалась в чисто политический террор, который и возник прежде всего на юге, в частности в форме вооруженных сопротивлений при аресте, и который должен был завершиться центральной террористической организацией, поставившей ближайшей своей целью — вместо всеобщего крестьянского восстания — борьбу с царизмом, т.-е. борьбу политическую. Выразителем этой тенденции сделался особый орган террористической фракции «Земли и Воли» — «Летучий Листок «Земли и Воли», выходявший, в качестве приложения к центральному органу, под руководством Н. А. Морозова (см. XL, прил., 305/17). В этой фракции возникла мысль о цареубийстве, и хотя неудачное покушение Соловьева (см.) на царя в апреле 1879 г. являлось актом как бы частной группы лиц, но «Летучий Листок», вопреки официальному мнению организации, горячо его приветствовал. Разногласия между сторонниками прежней программы и тактики,

так называемыми «деревенщиками», и сторонниками политической борьбы с царизмом путем террора достигли такой остроты, что возникла необходимость для всей организации сговориться или размежеваться. Открытый раскол стал очевидным летом 1879 г. на тайном съезде организации в Воронеже, при чем за несколько дней до него состоялся «фракционный» съезд сторонников политического террора в Липецке, куда были приглашены также некоторые видные революционеры, не бывшие членами «Земли и Воли», напр. Желябов (см.). Вся эта спешавшая группа явилась в полном составе на Воронежский съезд и дала бой «деревенщикам», главным оратором которых был Плеханов. В результате раскола возникли две самостоятельные организации, которые, впрочем, оказывали друг другу организационные услуги: «Народная Воля» и «Черный передел», поставивший своей задачей продолжать традиции старой «Земли и Воли» (см. XL, прил. 31/34).

Революционное движение и утопический социализм 70-х годов захватили не только Великодержавию и Украину. Именно в это время зарождается социалистическая пропаганда среди польских рабочих и создается первая революционно-социалистическая организация в Польше — «Пролетариат» (см. XXXVI, ч. 1, 716/17). Социалистическая пропаганда захватывает также и еврейскую мелко-буржуазную интеллигенцию и еврейских рабочих-ремесленников, — в Вильне, Минске и других городах. (Из этой среды вышел известный революционер, организатор нелегального транспорта — А. Зунделевич). В Минске организуется типография, печатавшая издания черноперелдальцев. Наконец, народнический социализм находит отклик и в Закавказьи, в Грузии и Армении, где он пропагандируется кавказцами-студентами, при-

нимавшими довольно видное участие в революционном движении 70-х гг.

Новый характер получает и революционная эмиграция той эпохи. Она не оседает за границей, как это было с эмиграцией 60-х годов, а становится текучей. Эмигрирующие за границу революционеры знакомятся с рабочим движением в Европе, заводят нужные связи, организуют издание нелегальных брошюр и журналов и контрабандный транспорт литературы, добывают паспорта и типографские принадлежности и по первому требованию организации возвращаются нелегально в Р. Одним из первых революционеров, совершавших такие поездки за границу и обратно, был Печаяев. Позднее, особенно во второй половине 70-х годов, эта практика сделалась довольно обычной. В эмиграции сложились и имели свои органы все основные направления революционной мысли и деятельности 70-х годов. П. Л. Лавров и его сторонники издавали сборник «Вперед», а со второй половины 70-х годов — «Листок Вперед». Бакунисты издавали в 1875—76 году журнал «Работник», а в 1878 г. — журнал «Община». Лавристы проповедывали долгую и медленную пропаганду, рассчитанную на создание многочисленной партии сознательных революционеров, как не-обходимой предпосылки будущей революции. Их влияние на революционную интеллигенцию было незначительным. Бакунисты звали к немедленному восстанию. «Все, чего недостает народу — это страсти, — писал бакунист Кравчинский Лаврову. — Ну, а страсти вспыхивают мгновенно и неожиданно. Если же в народе революционных элементов мало, то бунт неминуемо будет подавлен. Но тот пример, который он даст, та программа, которую он поставит, то возбуждение страстей, которое он вызывает, принесут больше пользы, чем целые десятилетия неутомимейшей и

успешнейшей пропаганды... Итак, резюмирую: мы хотим действия более решительного, более быстрого, мы хотим непосредственного восстания, бунта». Наконец, в резкой противоположности обоим этим направлениям и в борьбе против них выступил с середины 70-х годов орган Ткачева «Набат» (см. XL, 549/50), проповедывавший диктатуру революционной интеллигенции после свержения царизма и заговорщицкие методы борьбы с самодержавием. Взгляды Ткачева, этого наиболее яркого представителя русского бланкизма, сыграли, несомненно, большую роль в формировании политического мировоззрения «Народной Воли».

«Народная Воля» (см. XL, прил., 468/74) сохраняла в основном принципы народнического, крестьянского социализма, но отказалась от бакунистского отрицания государства, отрицания борьбы за политическую свободу и поставила ближайшей своей целью свержение самодержавия и замену его политическим строем, основанным на «воле народа», т. е. демократической республикой. «По основным своим убеждениям мы — социалисты и народники», — так начиналась программа Исполнительного Комитета, опубликованная в № 3 журнала «Народная Воля» от 1 янв. 1880 г. «Мы убеждены, что только на социалистических началах человечество может воплотить в своей жизни свободу, равенство, братство, обеспечить общее материальное благосостояние и полное всестороннее развитие личности, а стало быть и прогресс. Мы убеждены, что только народная воля может санкционировать общественные формы, что развитие народа прочно только тогда, когда оно идет самостоятельно и свободно, когда каждая идея, имеющая воплотиться в жизнь, проходит предварительно через сознание и волю народа. Народное благо и народная

воля — два наших священнейших и неразрывно связанных принципа». Ближайшей своей задачей программа ставит — «снять с народа подавляющий его гнет современного государства, произвести политический переворот с целью передачи власти народу». При этом «народная воля была бы достаточно хорошо высказана и проведена учредительным собранием, избранным свободно всеобщей подачей голосов, при инструкциях от избирателей. Это, конечно, далеко не идеальная форма проявления народной воли, но единственно в настоящее время возможная на практике, и мы считаем нужным поэтому остановиться именно на ней». На выборах в учредительное собрание, а также и до свержения самодержавия «Народная Воля» предполагала выступить со следующей программой: постоянное народное представительство, избранное на основе всеобщего избирательного права, без сословных и имущественных ограничений; широкое областное самоуправление; «самостоятельность мира, как экономической и административной единицы»; «принадлежность земли народу»; система мер, имеющих передать в руки рабочих все заводы и фабрики; полная свобода совести, слова, печати, сходок, ассоциаций и избирательной агитации; наконец, «замена постоянной армии территориальной». Таким образом, по словам той же программы, «демократический политический переворот» рассматривался «как средство социальной реформы». Другими словами, «Народная Воля» предполагала немедленно после основания демократической республики приступить к ряду мер, обеспечивающих осуществление общинного социализма в духе утопических соц алистов, Луи Блана, Лассалья и отчасти даже Прудона, что видно из программы рабочих членов партии «Народной Воли». Программа Исполнительного Комитета

предусматривала следующие виды деятельности организации: пропаганда и агитация, «деятельность разрушительная и террористическая», «организация тайных обществ и сплочение их вокруг одного центра», «приобретение влиятельного положения и связей в администрации, войске, обществе и народе», наконец, «организация и совершение переворота».

В другом документе, озаглавленном «Подготовительная работа партии» и опубликованном в «Календаре Народной Воли» уже после 1 марта 1881 г., указывается, что партия должна готовиться к восстанию против царского правительства, и «с этой точки зрения главнейшими задачами нашей подготовительной работы являются следующие: 1. создание центральной боевой организации, способной начать восстание; 2. создание провинциальной революционной организации, способной поддержать восстание; 3. обеспечить восстанию поддержку городских рабочих; 4. подготовить возможность привлечения на свою сторону войска или парализования его деятельности; 5. заручиться сочувствием интеллигенции — главного источника сил при подготовительной работе; 6. склонить на свою сторону общественное мнение Европы».

Из более углубленного анализа этих программных документов видно, что народолюбцы совершенно отказались от массовой пропаганды среди крестьян, очевидно на основании опыта всей деятельности народников-семидесятников. Даже при работе в армии, значение которой при перевороте признавалось огромным, программа предполагала обращать прежде всего внимание на офицерство, так как «при настоящих условиях... пропаганда между солдатами затруднена в такой степени, что на нее едва ли можно возлагать много надежд». Зато работа среди рабочих признавалась исключительно важной, но при этом

рабочие рассматривались лишь как средство для успеха революции. «Городское рабочее население, имеющее особенно важное значение для революции как по своему положению, так и по относительно большей развитости, должно обратить на себя серьезное внимание партии. Успех первого нападения всецело зависит от поведения рабочих и войска. Если партия заранее заручится такими связями в рабочей среде, чтобы в момент восстания иметь возможность закрыть фабрики и заводы, взволновать массы и двинуть их на улицы (с сочувственным, конечно, отношением к восстанию) — это уже наполовину обеспечит успех дела». Наконец, любопытно, что интеллигенция представлялась «главным источником сил при подготовительной работе» и что большое внимание обращалось на пропаганду среди либералов, при чем им следовало, «не скрывая своего радикализма, указывать на то, что при современной постановке партийных задач интересы наши и их представляют совместно действовать против правительства».

Таким образом, оставаясь на словах на почве утопического крестьянского социализма, «Народная Воля» сознательно передвинула свою социальную опору в город и развивала свою пропагандистскую деятельность почти исключительно среди интеллигенции, городских рабочих и офицества. Это объясняется главным образом тем, что хотя «Народная Воля» и являлась в сущности блоком разных направлений, но все они ориентировались на поддержку классовых групп города. Эти направления: бланжизм, т.-е. заговорщическая утопия о захвате власти самими революционерами с целью проведения реформ в духе утопического социализма (Тихомиров, Опанина); затем политический радикализм, стремившийся путем террора заставить правительство

пойти на уступки и дать конституцию, для чего требовалось сочувствие либералов, которых не следовало опугивать подготовкой крестьянских восстаний; наконец, небольшая прослойка, целиком отдавшаяся пропаганде среди рабочих. Объективной целью являлось завоевание буржуазной демократии. Вместе с тем борьба с царизмом в форме политического террора, направленного против самого царя, эта «охота за коронованным зверем», поглотила огромную часть сил и средств партии и в период от возникновения «Народной Воли» и до убийства Александра II определяла почти все содержание ее деятельности, подчиняя все остальные виды работы, в том числе пропаганду среди интеллигенции, рабочих и офицества, этой основной задаче. Целый ряд следовавших друг за другом покушений на царя (самые громкие из них — покушение на царский поезд под Москвой, взрыв Зимнего дворца в Петербурге, подкоп на Малой Садовой улице, где должен был проезжать царь) окончился убийством царя 1 марта 1881 г. при помощи бомбы, брошенной студентом-технологом Гриневицким (он сам был тоже убит этой бомбой) под руководством Исполнительного комитета и в частности С. Перовской. Это убийство состоялось несмотря на то, что за два дня до него был случайно арестован глава Исполнительного комитета, вождь «Народной Воли» и главный вдохновитель всей ее террористической деятельности — А. Желябов (см.). Еще раньше был арестован виднейший организатор «Народной Воли» А. Д. Михайлов (см.), прозванный в шутку «дворником» за бдительный и неуклонный контроль над соблюдением всеми членами организации строжайших конспиративных правил.

Через несколько дней после убийства царя, 10 марта, Исполнитель-

ный комитет выпустил воззвание в форме письма императору Александру III, главным адресатом которого являлось, конечно, либеральное общество и широкие круги интеллигенции. В этом письме Исполнительный комитет обещал отказаться от дальнейшей террористической деятельности, если правительство выполнит следующие два условия: общая амнистия по всем политическим делам и «созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями». Воззвание требовало также полной свободы печати, слова, сходок и избирательных программ. Этот документ, сознательно ограничивавший программные требования партии, являлся чисто тактическим шагом, рассчитанным на поддержку всех, кто заинтересован в замене самодержавия конституционным режимом. При этом, очевидно, имелось в виду, что избирательная кампания и самый созыв народных представителей может явиться прологом к более глубокой революции, подобно тому, как это имело место во Франции в 1789 г. при созыве Генеральных Штатов. Вот почему Маркс, следивший с большим вниманием и интересом за деятельностью «Народной Воли», которую он рассматривал как организацию не социалистическую, а подготовлявшую буржуазно-демократическую революцию в Р., оценил письмо Исполнительного комитета как шаг вперед по сравнению с деятельностью русских бакунистов.

По делу 1 марта судились: Желябов, Перовская, организатор динамитных мастерских Кябальчич, рабочий Тимофей Михайлов, хозяйка конспиративной квартиры Геся Гельфман и Рысаков (бросивший первую бомбу в царя), после ареста ставший пре-

дателем. Во время суда Желябов произнес большую политическую речь, которая произвела огромное впечатление даже на царских судей. Все, кроме Гельфман, были казнены, а она умерла в тюрьме. После этого силы «Народной Воли» были в значительной мере подорваны. Исполнительный комитет пополнил себя новыми работниками и перенес свой центр в Москву.

Но ожидавшегося подъема революционного или даже общественного движения не произошло. В это время особенно стала развиваться военная организация «Народной Воли», на которую возлагались большие надежды в смысле совершения чисто военного государственного переворота при помощи убийства или захвата в плен царя и его приближенных (см. XI, прилож. *автобиографии революц. деятелей*, 12/19). Но в среде новых руководящих деятелей «Народной Воли» оказался бывший офицер Дегаев, который сделался предателем, поступил на службу к жандармскому полковнику Судейкину и осведомлял его о деятелях и планах организации. Военная организация была разгромлена, член Исполнительного комитета Тихомиров (см.), один из главных редакторов журнала «Народная Воля» и автор письма к Александру III, эмигрировал за границу. Наконец, последний оставшийся на свободе член Исполнительного комитета В. Н. Фигнер была арестована в Харькове в начале 1883 г.

Еще до этих разгромов напуганное правительство Александра III, не доверяя данным Дегаева и преувеличивая силы заговорщической организации Нар. Воли (в предисловии к русскому изданию «Коммунистического Манифеста» Маркс в 1882 г. называл Александра III, переехавшего на постоянное жительство в Гатчину, — «гатчинским военноплен-

ным революции»), все откладывало коронацию царя и попыталось даже вступить в переговоры с «Народной Волей» относительно прекращения его террора (через посредство своеобразной дворянско-провокационной организации «Священной дружины»; ср. I, 509). Но после ареста Веры Фигнер, когда правительство убедилось, что от казавшегося ему недавно грозным Исполнительного комитета ничего почти не осталось, переговоры были прерваны, и назначена коронация нового царя. Впрочем, одно из минимальных требований «Народной Воли» было правительством выполнено: из Вилкойска был освобожден Н. Г. Чернышевский, увести второго из ссылки пытались еще в 70-х гг. и Г. Лопатин и И. Мышкин.

Но террористическая деятельность «Народной Воли» не прекратилась после 1 марта. Так, в марте 1882 г. был убит в Одессе И. Желваковым, при содействии Халтурина и В. Н. Фигнер, военный прокурор Стрельников, прославившийся своей садистской жестокостью по отношению к политическим заключенным. Затем, когда Дегаев, раскаяваясь в своем предательстве, поехал за границу и рассказал обо всем находившимся там членам Исполнительного комитета Тихомирову и Ошаниной, ему предложили искупить свою вину убийством его патрона Судейкина. При его содействии Сулейкин был убит в дек. 1883 г. Н. П. Стародворским (см.). Так закончился героический период «Народной Воли». После этого народовольцы несколько раз пытались восстановить свою организацию, издали несколько номеров своего журнала и вели пропаганду среди рабочих и интеллигенции в целом ряде городов Р. Но эта пропаганда несла уже иной характер, чем до 1 марта 1881 г. Классовое чутье рабочих вынуждало народнических

руководителей передавать в рабочих кружках основы экономического учения Маркса. В еще большей мере это имело место в рабочих кружках «Черного передела».

Уже программа рабочих членов партии «Народной Воли», составленная при активном участии Желябова, приспособлялась отчасти к классовым потребностям рабочих.

Но эта программа являлась объективно лишь средством привлечь отдельных рабочих к Народной Воле. Ибо, как писал впоследствии Ленин (т. IX, стр. 26), «террор был заговором интеллигентских групп. Террор был совершенно не связан ни с каким настроением масс. Террор не подготовлял никаких боевых руководителей масс. Террор был результатом — а также симптомом и спутником — неверия в восстание, отсутствия условий для восстания». Поэтому, несмотря на необходимость в своей пропаганде в рабочих кружках учитывать классовую психологию рабочих, Народная Воля на деле оставалась чуждой и враждебной марксизму, по существу реакционной.

Иною была эволюция «Черного передела». Первоначально эта организация (см. XI, прил. 31/35), в которую входили такие видные революционеры-народники, как Плеханов, Аксельрод, Дейч, Засулич, Стефанович, Аптекман, М. Р. Попов, Е. Н. Ковальская и др., ставила своей задачей продолжение традиции крестьянского социализма «Земли и Воли». В программных статьях первого номера журнала «Черный передел» (выходил с начала 1880 до конца 1881 г.) в духе Бакунина и Прудона делаются выводы о ненужности и вредности борьбы за политическую власть, революционной диктатуры и т. д., делается указание на то, что борьба за конституцию идет лишь на руку буржуазии.

Мужицкий, общинный «социализм» продолжает быть в центре всей программы новой организации. Но уже в номере втором, в статье Плеханова, мы находим следующие пророческие строки: «Когда мы говорили об условиях и способах социалистической деятельности в Р., мы имели в виду главным образом крестьянскую среду... Но это не значит, чтобы в *целях* наших лежал какой-нибудь особенный, крестьянский социализм... мы не в состоянии определить заранее, из каких слоев трудящегося населения будут вербоваться главные силы социально-революционной армии, когда пробьет час экономической революции в Р.». Ибо «пока мы делаем свое дело, русская промышленность также не стоит на одном месте. Нужда отрывает крестьянина от земли и гонит его на фабрики, на заводы. Рядом с этим, и центр тяжести экономических вопросов передвигается по направлению к промышленным центрам». Далее, по мере роста популярности террористической деятельности «Народной Воли», начинает изменяться и отношение «Черного передела» к террору и политической борьбе вообще. Это также чувствуется в издававшемся организацией для рабочих специальном журнале «Зерно». В результате этой эволюции, если часть чернопередельцев, особенно молодых, к которым прикнюнул старый бакунист Я. Стефанович, сливается с «Народной Волей», то другая часть, особенно их главный теоретик Г. В. Плеханов, эмигрировавший уже во время печатания первого номера, а также Аксельрод, Засулич, Дейч, под влиянием более детального знакомства с марксизмом и европейским рабочим движением и под влиянием опыта русского революционного движения и роли в нем рабочих, постепенно переходят на сторону марксизма и организуют первую марксистскую

группу в Р.—«Освобождение труда» (ср. XL, 567/68).

Несколько в стороне от двух основных направлений революционной мысли и деятельности начала 80-х годов стоит созданная в 1880 году в Киеве чернопередельцами Ковальской и Щедриным организация под названием «Южный рабочий союз». Она предлагала, в качестве главного метода действий, фабричный и аграрный террор. Союз пользовался успехом среди киевских рабочих, но существовал недолго и был окончательно разгромлен в начале 1881 г. После 1 марта 1881 г. союз выпустил воззвание, в котором выдвинул ряд политических и экономических требований рабочих к новому царю. «Грабеж, произвол, насилие и полное обездоление — вот спички жизни рабочего!.. Теперь настал новый царь. Что сделает он для народа, которому клялся быть верным, мы не знаем. Испробуем пока мирный путь. Ответ на свои требования мы будем ждать месяц. Если же мы убедимся, что и от нового царя помощи ждать нечего, тогда мы будем действовать собственными силами, на свой страх. И кровь, пролитая нами, падет на голову тех, кто мог примирить людей, но не сделал этого!». Здесь мы видим еще в полной силе все иллюзии утопического социализма. Но он уже не мог опираться ни на какие расчеты на инстинктивный мужицкий «социализм» деревни. «Деревья давно уже совершенно раскололась. Вместе с ней раскололся и старый русский крестьянский социализм, уступив место, с одной стороны, рабочему социализму, а с другой — выродившись в пошлый мещанский радикализм» (Ленин, «Что такое «Друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», т. I, стр. 168). *Б. Горев.*

XIII. Кризис пореформенной империи. Правительственная политика

(1881—1901). Ближайшее двадцатипятилетие, протекшее с момента катарстрофического финала правления Александра II и до революции 1905 г., по существу, представляло собой продолжение предшествовавшего царствования не только в смысле окончательного торжества самодержавно-феодальной реакции, но и дальнейшего углубления и обострения тех противоречий, которые, как нам известно, были заложены в самой системе компромиссных реформ «освободительной» эпохи, насильственно замыкавшей рост российского капитализма в тесные рамки отжившего полукрепостнического государства. Открывая двери для буржуазного прогресса, правительство, однако, продолжало упорно охранять свое самодержавие, всеми доступными мерами поддерживая его историческую основу—сословно-феодальный крепостной строй в лице помещного дворянства. Оно охотно шло навстречу капитализму, но... без «пролетариата» и «революций», оно готово было всячески покровительствовать буржуазии, но без ее политических претензий (конституции). Поэтому, продвигаясь в сторону буржуазной монархии, оно делало отчаянные попытки опереться на «живой труп» дворянского «корпуса», реставрируя—в порядке контр-реформы—его столетние сословные привилегии, с которыми оно связывало непосредственно и свою собственную «верховную» прерогативу. Это глубокое противоречие между материальным базисом и политической надстройкой пореформенной Р. должно было заявить о себе с еще большей остротой в условиях той хозяйственной эволюции, какую пережила романовская империя в течение 80—90-х и самом начале 900-х г.г. Несмотря на то, что по всему фронту «преобразовательных» мероприятий еще в 70-х г.г. был дан решительно задний ход, уже никакие силы не

могли остановить экономического процесса реорганизации народного хозяйства на новых капиталистических началах, тем более, что в сфере «материальных интересов» буржуазии, по признанию ее собственных представителей, правительство при всех своих реакционных устремлениях «всегда чутко прислушивалось к голосу промышленников и купечества» (Торг.-пром съезд 1896 г.). Именно как раз 80-ые и особенно 90-ые г.г. оказались эпохой успехов промышленного капитализма в Р., отеснившего на этот раз в известной мере с его позиций капитал торговый. Хотя, как известно, на этот период падает усиленное покровительство правительства Александра III в первую очередь помещному землевладению, однако развитие аграрного капитализма подвигалось весьма туго. Несмотря на то, что фактически дворянинопомещик оставался монополистом земли, процесс дворянского оскудения продолжал прогрессировать. Задолженность дворянского землевладения непрерывно возрастала вместе с мобилизацией помещтных земель. Лишь незначительная, сравнительно, часть крупных землевладельцев и часть средних перешла к капиталистическим формам аграрного хозяйства. Большинство же владельцев латифундий предпочитало, как в годы падения хлебных цен (конец 80-х гг.), так и подъема сельского хозяйства (серед. 90-х гг.), поддерживать привычные крепостнические формы эксплуатации крестьянства ростовщическими способами (сдача в аренду, отработки и т. п.), выжимая необходимые доходы из своих поместий и при этом непроизводительно расточая добытые таким путем «свободные» средства. При таких условиях правительству, в политических целях, приходилось изыскивать средства к искусственному поддержанию «упалого» сословия. Основание Дворянского земельного

банка в 1885 г. (см. XVIII, 56/61) с последующими изменениями его устава в 1890 и 1894 гг. именно преследовало означенную цель, «чтобы земельная собственность оставалась в руках дворянства, как это откровенно формулировал Катков. Не случайно, поэтому, манифест по поводу открытия банка превратился в общую декларацию дворянской реставрации, выражая «высочайшее» пожелание, чтобы впредь «дворяне российские сохранили первенствующее место в предводительстве ратном, в делах местного управления и суда, в распространении примером своим правил веры и верности и здравых начал народного образования». Открывая так. обр. банк с тем, «чтобы помочь дворянству» путем льготного кредита, как гласило официальное правительственное сообщение (З. VI 1885 г.), последнее также подчеркивало, что мера эта принимается ради поддержки «поместного землевладения и привлечения дворянства к постоянному пребыванию в своих поместьях». Косвенным образом та же цель (помощь земельным операциям дворянства) имелась в виду и при основании в 1883 г. «Крестьянского банка». Таким образом, правительству приходилось, в той или иной форме, брать на свое содержание своего разоренного союзника, констатируя из года в год, что «положение землевладения в империи, угнетаемое разными неблагоприятно сложившимися экономическими условиями, становится все более и более затруднительным» (1888). И чем более дворянство обнаруживало неспособность вести свое хозяйство на капиталистических началах, тем шире правительству приходилось развертывать систему дворянского протекционизма, всякого рода льгот и подачек, явных и скрытых (в поднятии арендных цен на земли, например, в связи с арендной политикой мин. гос. имуществ). Достаточно

напомнить ряд новых «милостей», излитых на российское дворянство после исторического 1891-го «голодного года», когда последовало понижение поземельного обложения, крепостных пошлин, налога с наследства в связи с образованием нового министерства земледелия и гос. имуществ (1894). Те же цели преследовала и винная монополия (закон 1890 г.), явившаяся новым средством поддержки дворянского землевладения, тесно связанного с винокурением, и пониженный жел.-дор. тариф на хлебные грузы, и, наконец, самая система выколачивания податей из мужика, вынуждавшая его выбрасывать осенью хлеб на рынок по низким ценам с тем, чтобы затем заставить покупать его весной по повышенной расценке у помещика, выжидающего благоприятного момента для сбыта своей продукции. Но, несмотря на все эти меры сугубого покровительства дворянскому хозяйству, продолжало развиваться дворянское «оскудение», так ярко отразившееся в русской художественной литературе, начиная очерками Атавы и романами Эртеля и кончая «Вишневым садом» А. Чехова. Дворянская политика Александра III и Николая II в конце концов оказалась «не в коня корм». Умирающее сословие во всех этих милостях находило для себя не стимул для своей хозяйственной активности, а лишь поощрение для своего паразитического существования, освоившись с ролью государственного нахлебника, дармоеда, постоянно осаждающего правительство «верноподданными» претензиями на новые и новые подачки, чем оно ярко демонстрировало свое политическое ничтожество. Таким образом помещное землевладение в течение всего данного периода продолжало сохранять черты полукрепостнического хозяйства на ряду с аграрнобуржуазными отношениями, попрежнему опутывая сеть кабаль-

ных связей пореформенную деревню, беспомощно бьющуюся в тисках «власти земли» и «власти тьмы».

Однако, совершенно иначе обстояло дело с успехами капитализма индустриального. В данной области мы имеем дело, можно сказать, с колоссальным сдвигом, который отмечен значительным подъемом промышленности, поощряемым протекционизмом и приливом иностранных капиталов, что, однако, сообщало некоторую неустойчивость успехам русского капитализма, так что наступивший после промышленного кризиса первой половины 80-х гг. промышленный подъем 90-х гг. завершился новым кризисом 1901—1903 гг. (с приостановкой желдор. строительства). Впрочем, все же русский капитализм добился, несомненно, крупных завоеваний, несмотря на то, что общая хозяйственная конъюнктура пореформенной эпохи далеко не благоприятно сложилась для органического роста производительных сил страны.

Прежде всего приходится отметить, что в связи с новым усилением желдор. строительства легкая промышленность, являвшаяся ведущей отраслью промышленности 70—80 гг., теперь решительно уступила свое место тяжелой, к которой в 80—90 гг. и переходит доминирующая роль. Металлургия получает особенно широкое развитие, а вместе с ней и нефтяная, каменноугольная отрасли производства и др. Успехи промышленности сказываются не только в росте крупной индустрии вширь, но и в концентрации производства: создаются мощные очаги и целые индустриальные районы. Происходит вместе с тем и значительное накопление русского капитала. Впрочем нельзя преувеличивать этой силы русского капитализма. Как ни были абсолютно значительны его завоевания, все же относительно удельный вес его не был велик, и дореволю-

ционная Р. продолжала оставаться страной с преобладанием крупного и мелкого землевладения и сельского (зернового по преимуществу) хозяйства. Слабость внутреннего и систематические неудачи в завоевании внешнего рынка (ближне- и дальневосточной агрессии) в конце-концов не позволяли окончательно ликвидировать зависимость русского капитализма от дворянского правительства эпохи затяжной и все обострявшейся пореформенной реакции. А зависимость эта особенно давала себя чувствовать в период «мирного» правления Александра III. Создавая путем усиленного протекционизма (таможенный тариф 1891 г.) для русской промышленности монополию на внутреннем рынке, правительство вместе с тем в своих руках держало судьбы русского капитализма.

Выше уже было отмечено, что расцвет тяжелой индустрии в основе своей базировался на казенных заказах в связи с широкой программой государственного железнодорожного строительства. Но такую же зависимость испытывала промышленная буржуазия от государства и в области кредита, который первоначально был целиком сосредоточен через государственный банк в руках правительства, являвшегося в то время посредником между иностранным капиталом и русскими промышленниками. Являясь центром финансовых операций, государственный банк таким путем оказывал мощное влияние (особенно с 1894 г.) на российскую промышленность. Особенную роль в этом процессе подчинения крепнувшего русского капитализма правительственной опеке должна была сыграть политика «государственного капитализма» С. Ю. Витте (см.), призванного в 1892 г. на пост министра финансов с специальной целью закрепить союз самодержавия с национальной промышленностью. Но тот же смысл должны

были иметь и такие мероприятия, как проведенная еще раньше колоссальная операция выкупа государством железных дорог (1886—1890) в связи с организацией торгово-промышленного кредита и политикой жел.-дор. тарифов при все возрастающей массе товарных перевозок (1893—1899), а также податные льготы при земском обложении промышленных предприятий. Вместе с тем денежная реформа (введение золотой валюты в 1895 г.) сильно содействовала дальнейшему привлечению иностранного капитала, инвестиции его в промышленности. Вся эта совокупность мер, с одной стороны, поднимала как на дрожжах национальную индустрию, а с другой стороны — подчиняла ее государственной власти, заставляя ожидать всякого рода «благ» от самодержавного правительства, которое сверх того еще раз страховало себя от опасной для него материальной зависимости от российской буржуазии системой иностранных займов, стремясь за счет «альянса» с республиканской Францией обеспечить «незыблемость» своих феодально-самодержавных и династических привилегий. При таких условиях оно могло до поры до времени финансировать свою реакционную политику за счет иностранного золота и, поддерживая экономически промышленную буржуазию, обуздывать ее «бессмысленные мечтания». Последнее удавалось ему с тем большим успехом, что с ростом российского капитализма с меньшим успехом росла и армия пролетариата, а с ней и рабочее революционное движение. Перед лицом этого «общего врага» хищная русская буржуазия, неуверенная в своих собственных силах и нетвердо стоящая на своих ногах, предпочитала держаться за самодержавную власть, готовая при этом, в сознании «несоответствия» между ростом производительных сил промышленности и внутренним русским

рынком» (как это констатировал горно-промышленный съезд 1901 г.), поддерживать во всякое время империалистические авантюры царизма, стремившегося отыграться от надвигавшейся внутренней грозы на «маленькой победоносной войне», которая — как известно — кончилась для него великим крахом. Таким образом в поисках союзников реакционному правительству контр-реформы и контр-революции конца XIX и начала XX в. приходилось в известной мере принять на свое содержание и «национальную» буржуазию.

Нетрудно учесть, на чьи плечи всей своей тяжестью должна была обрушиться эта двойственная покровительственная система экономической политики обороняющегося феодально-крепостнического государства, пытавшегося одновременно опереться и на разлагающееся «сословие» землевладельцев и на поднимающийся новый класс промышленной буржуазии. Расплачиваться за все эти царские «милости» приходилось прежде всего, конечно, рабочей и крестьянской массе. На судьбах крестьянства именно теперь, в переломные 80—90-ые гг., со всей силой сказались последствия реформы 1861 г. Эти последствия могут быть выражены краткой формулой — всероссийское крестьянское разорение. Экономическое расслоение деревни, как роковой результат «освобождения», придало в настоящем периоде особенную интенсивность процессу обнищания деревни, начавшемуся еще в 70-х гг. Деревня по существу переживала перманентный кризис, равно претерпевая гнет эксплуатации как при падении, так и при подъеме хлебных цен, как со стороны главного своего конкурента — землевладельца, так и государственного фиска. Каждый заем, каждая льгота имущим классам совершалась за его счет путем усиления налогового прес-

са, который все туже и туже за-
вивало правительство, так что даже
государственный контроль вынужден
был отметить в 1896 г. «чрезвычай-
ное напряжение податного бремени».
Обостряющаяся борьба за землю ме-
жду помещиками и крестьянами, глав-
ными производителями хлеба (80%),
спекулятивное вздутие арендных цен
и все возрастающее «утеснение» на
выпаханных наделных землях, гро-
зящее повторением катастрофы, по-
добной неурожаю 1891 г. (см. XXX,
157), при хроническом голодании де-
ревни вообще, в действительности
загоняли крестьянское хозяйство в
безнадежный тупик. Недаром прави-
тельство с тревогой заговорило в
1901—1902 гг. о так называемом
«оскудении центра» (Ц. Ч. О.) и бес-
покойном движении крестьянства.
Лучшим показателем степени разо-
рения деревни являлся колоссальный
рост крестьянской недоимки (достиг-
шей в 1898 г. грандиозной суммы),
составлявшей 241% окладной нормы,
которой соответствовал такой же
угрожающий рост деревенской бед-
ноты. Страшный голод 1891—1892 г.
и холера жутко манифестировали
критическое положение вымирающей
деревни, охваченной вместе с тем
стихийным переселенческим движе-
нием, которое с большим запозда-
нием пыталось теперь легализировать
и регулировать правительство (закон
13. VII 1889 г.; см. XXXI, 533 сл.).
Так называемая «народная политика»,
начатая со вступлением в управление
министерством финансов проф. Бунге
(см.) в 1881 г., не могла ни в какой
мере спасти положение, тем более,
что она носила явно демагогический
характер, имея в виду рядом показ-
ных «льгот» деревне не столько дей-
ствительно притти ей на помощь,
сколько внушить ей мысль, что не от
революционной интеллигенции, а толь-
ко от попечительного правительства
«царя-батюшки» может «мужик» ждать

облегчения своей участи. Проводи-
мые в порядке «финансовых реформ»
мероприятия эти — по существу —
имели скорее политический, чем эко-
номический характер, преследовали
«моральные» или психологические
цели и менее всего рассчитаны были
на материальный эффект. Открыто
провозглашая одну за другой ряд
«льгот» и «милостей» деревне, пра-
вительство фактически аннулировало
их реальную эффективность рядом
контр-мер, в конце-концов лишь
усугубляя тяжесть безвыходного по-
ложения мелкого производителя. Та-
к ва была судьба «Крестьянского
банка» (см. XXXV, 504 сл.), офи-
циально призванного служить интере-
сам малоземельного крестьянства, по
существу же предвзазначенного облег-
чить дворянству выгодную продажу
его земель и фактически послужив-
шего интересам крестьянской буржуа-
зии (кулачества), поскольку «деше-
вый» кредит банка оказался непосиль-
ным для массы маломощного крестьян-
ства, а коллективные покупки сель-
ских обществ невыгодными для банка.
Тот же характер «даров данайцев» но-
сили и прочие законодательные меры в
пользу крестьянства, как установление
обязательного выкупа наделных зе-
мель (28. XII 1881 г.) в связи с по-
нижением выкупных платежей (см.),
окончательная отмена которых после-
довала лишь в 1905 г. с предвари-
тельной отменой круговой поруки
(12. III 1903 г.), новые правила об
аренде казенных земель (1881) или
отмена подушной подати, этого вопи-
ющего обломка крепостного права
(1886). Соответствующей компенса-
цией для фиска за дарованные «ми-
лости» в то же время должны были
служить такие меры, как произведен-
ная (1. I 1883, 1884 и 1886 гг.) под
видом выкупа в «полную собствен-
ность» новая переобработка земель
государственных крестьян (с повы-
шением обложения на 45%), а также

усиленное введение косвенных налогов (на чай, сахар, керосин, спирт и т. д.), падавших чрезвычайным бременем на то же разоренное трудовое население. На ряду с этим, под влиянием нажима со стороны дворянства, недовольного вызванным законом 1881 г. понижением арендных цен на земли, правительством был принят ряд ограничительных мер как в законодательном порядке (1884), так и путем келейных предписаний. В конце концов, таким образом, крестьянству пришлось дорого заплатить за царские «милости», особенно если к тому же принять во внимание ряд распоряжений, направленных к стеснению хозяйственной деятельности крестьянства, в виде ограничения семейных разделов (1886), каторжного закона о найме на сельскохозяйственные работы (1886), закона о переделах земель (1893), при сохранении круговой ответственности податной, не говоря уже об общем духе социального законодательства торжествующей дворянской диктатуры катковско-голстовской эры с ее явными тенденциями крепостнической реставрации (1882—1889). Неудивительно, что вся вышеупомянутая экономическая демагогия правительства, дабы «упрочить славу царствования и сделать имя венценосца священным в памяти народной» (Бунге), послужила лишь к окончательной пауперизации и, в конечном счете, революционизированию деревни, вызвав широкое аграрное движение. Нам остается отметить, что результатом всей этой «покровительственной» системы эпохи контр-реформы, реально направленной в сторону владетельных классов буржуазно-дворянской империи, являлась вместе с тем и гибель мелкого ремесла, углублявшая процесс экономической дифференциации деревни и способствовавшая дальнейшей пролетаризации масс, на почве которой, под влиянием периодиче-

ских кризисов, создавались то очередные приливы избыточного трудового населения в города, то такие же отливы его обратно в деревню.

Все эти факты в их совокупности лишь демонстрировали все возрастающее хозяйственное расстройство страны, быстрыми шагами подвигавшейся по пути всеобщего социально-экономического и политического кризиса. Видимые успехи промышленного капитализма, своеобразно переплетавшегося с докапиталистическими отношениями, отнюдь не говорили о прочности и устойчивости русского промышленного развития. Как мы видели, опирающийся не столько на внутренний рынок, сколько на казенные заказы, субсидии, таможенное покровительство и всевозможные царские «милости», российский индустриальный капитализм всякий раз, с ослаблением последних, испытывал неизбежные затруднения и кризисные спазмы. Мы не должны забывать, что царская Р. по потреблению продуктов капиталистической промышленности являлась самой отсталой из стран мира. При таких условиях промышленный прогресс, купленный ценой разорения многомиллионного населения деревни при сохранении политической гегемонии сословия крепостников-феодалов, не мог иметь достаточно широкой базы под своими ногами.

То же приходится сказать и о том показном процветании государственного хозяйства, о котором кричали финансовые реформы лукавого царедворца и самого видного из государственных деятелей эпохи, С. Ю. Витте. Казалось, с введением золотой валюты, установлением бездефицитного бюджета и успехами государственного капитализма, в стране, задыхавшейся в тисках военно-феодалного самодержавия, водворилось экономическое благоденствие, а с ним и прочная стабилизация. В действ-

тельности все это «золотое» благополучие было куплено за счет колоссальной «накопления» внешней задолженности государства по дорогим иностранным займам (с 1890 г. по 1903 г. государственный долг возрос с 4,9 до 6,7 млрд. зол. руб.) и крайнего напряжения налогового пресса, выжимавшего последние средства из производительного населения при помощи системы жесточайшего полицейского выколачивания податей. Успехи золотого накопления могли, таким образом, служить мерилом степени народного разорения. Крылатый лозунг министра финансов Вышнеградского: «не доелим, да выведем» — лучшая иллюстрация этой политики «накопления», демонстрировавшей свои «победы» голодовками 1891 и 1902 гг. Успехи государственного хозяйства покупались ценой подрыва народного хозяйства. Нечего говорить при этом, каким безудержным расточением государственных средств сопровождалась эта политика, официально так красноречиво заявлявшая о соблюдении в государственных расходах начала «спасительной» и «строгой бережливости!» Достаточно вспомнить государственное жел.-дорожное строительство, закончившееся сооружением сибирской магистрали, с его грандиозным расточением миллионов, не говоря уже о том, что «стратегические соображения» менее всего побуждали правительство считаться с интересами торговли и промышленности при планировании жел.-дор. сети и с ее рентабельностью. Что же касается «спасительной» бережливости, поскольку она имела место, то она выражалась лишь в урезывании и без того минимальных ассигновок на культурные потребности населения. Таким образом, своей финансово-экономической политикой правительство Александра III и последнего Романова — по существу — с редким упорством продолжало рубить тот

самый сук, на котором оно сидело, хищнически эксплуатировав трудовые массы и не решаясь поднять свою самодержавную руку на достойные имущих классов. Те жалкие покушения на эти последние, покушения, которые позволило себе в этом направлении правительство реакции 80—90-ых гг., в виде введения налогов на недвижимую собственность (1885), наследство (1882), процентные бумаги (20/V 1885 г.), носили характер ничтожных паразитов, наносимых капиталу. Что же касается проекта подоходного налога (1884), то, само собою разумеется, ему так и суждено было остаться проектом, так как в подобных случаях правительству приходилось считаться с такой же силовочной оппозицией буржуазии, как этой последней со стороны правительства в вопросе о реформе политической. Единственным реальным последствием этой неудачной политики явилось введение в 1885 г. (30/IV) института податной инспекции и особых податных присутствий (15/I) при казенных палатах для заведывания торгово-промышленными дополнительными сборами. Таким образом, в конце концов, союз феодально-крепостнического государства и буржуазии, окончательно закрепленный в конце XIX в. за счет трудового крестьянства и рабочего класса, не только не давал никаких прочных материальных гарантий в смысле укрепления основ народного и государственного хозяйства, но, заостря экономические противоречия, вместе с тем должен был углубить и классовую борьбу, толкая в то же время правительственную власть на путь все усиливающейся реакционной социальной политики, которая получает особенно яркое выражение в период решительной ликвидации либерального наследства 60-х гг. Начатая в этом направлении разрушительная работа правительства 70-х гг.

теперь превращается в настоящую систематическую контр-реформу.

Правда, правительство Александра III не сразу показало свои волчьи зубы, но в период первоначальной растерянности, под впечатлением царевубийства 1 марта, оно как бы вновь повторило нерешительный зигзаг эпохи «диктатуры сердца», хотя роль «лихого хвоста» (по выражению Н. Михайловского) на сей раз был призван сыграть новый «калиф на час», славянофильствующий министр внутренних дел, гр. Н. П. Игнатьев (см.). Несмотря на то, что в манифесте 29/IV 1881 г. и было твердо заявлено новым царем, что он «призван утверждать и охранять» во всей неприкосновенности «силу и истину самодержавной власти... для блага народного», однако, пока не была выявлена реальная опасность со стороны революционного лагеря, новое правительство обнаружило как будто некоторую склонность продолжать двусмысленную quasi-конституционную игру с русской «общественностью» в духе программы Лорис-Меликова, подвергнув новому обсуждению его проект «совещательных комиссий», утвержденный Александром II в самый день 1 марта. Лицемерно расписываясь в том же манифесте в своем уважении к «великим реформам минувшего царствования», правительство в лице нового министра внутренних дел вместе с тем уже в июне 1881 г. делает первый опыт вызова в столицу «сведущих людей» для обсуждения вопроса о понижении выкупных платежей, за которым вскоре следует вторая сессия подобного же совещания (по вопросу о переселениях и питейному делу), чем открывалась эра так наз. «народной политики», намеченной также еще в докладе Лорис-Меликова. Дело доходит даже до проекта созыва «земского собора», представленного в особой записке гр. Игнатьевым Александру III. Но

на этом, собственно, и закончилась «успокоительная» министерская политика и карьера Игнатьева (май 1882 г.). Циркулярному красноречию на тему о «живом участии местных деятелей в деле исполнения высочайших предначертаний» в целях «примирения с обществом» и «искоренения крамолы... при постоянном живом содействии общественных сил» был положен немедленно предел, едва только правительству стало ясно, что за Исполнительным комитетом не стоит никакой реальной силы. На сцену тотчас же вновь выступает согласный триумvirат Победоносцева (см.) — Каткова (см.) — Д. Толстого (см.), и реакция «в уповании на божественный промысел» начинает организовываться по определенной программе. Проект Лорис-Меликова стараниями Победоносцева окончательно проваливается в особом «совещании», и Александр III, еще наследником принимавший личное участие в комитете по борьбе с революцией в качестве непримиримого врага «конституций» с их «говорильнями», вступает теперь твердой ногой на путь контр-реформы и контр-революционной борьбы, первый приступ к которой уже был сделан гр. Игнатьевым, опубликовавшим «Положение об усиленной и чрезвычайной охране» 4/IX 1881 г.

В поисках «живого. содействия общественных сил», «ободрительное внимание» самодержавного правительства прежде всего было направлено в сторону его исконной опоры — дворянства, которое, однако, к этому времени как сословие представляло уже вполне рассыпанную хранину». Процесс раскола дворянства, подвигавшийся ускоренным темпом уже с 70-х гг., теперь привел его сословные кадры к еще более глубокому разложению. Экономическое оскудение в рядах помещичьего класса приводило, с одной стороны, к разъединению или даже

полному отрыву от поместного дворянства его потомства, с другой — отслаивало в нем элементы аграрной буржуазии, средней и крупной, интересы которой все дальше расходились с той основной массой дворянства, которая (гл. образом в центр.-черноземной полосе) упорно продолжала держаться крепостнических средневековых форм эксплуатации своих хозяйственных ресурсов и менее всего была способна отказаться от своих сословных традиций и потому особенно настойчиво цеплялась за обломки своих привилегий и царскую порфиру. Естественно, что в этой именно среде особенно широко были распространены реакционные настроения, выразителем которых являлись такие маховые идеологи сословно-крепостнического уклада, как симбирский дворянин А. Д. Пазухин, выступивший в 1885 г. с сокрушительной критикой реформ 60-х гг., благодаря коим — по его заявлению — у нас было создано «бесформенное (бессословное) общество», руководимое беспочвенной, стремящейся к «потрясению основ» интеллигенцией. «В реформах прошлого царствования — декларировал Пазухин — мы усматриваем великое зло в том, что они разрушили сословную организацию», а потому «задача настоящего должна состоять в восстановлении нарушенного». Этот директивный лозунг, раздавшийся из расстроенных рядов крепостнического дворянства, и превратился в официальную программу министерства Д. Толстого (1882). «Вернуть дворянству его служилые права как по местному, так и по государственному управлению», говоря иначе, сделать его вновь монополистом политической власти, и укрепить права его «дворянской собственности» — таковы были средства, намеченные во имя осуществления основной цели. Рескрипт 21/IV 1885 г. (в ознаменование столетия жалованной грамоты дворянству) уже открыто

провозгласил руководящей задачей нового курса, «чтобы российское дворянство и ныне, как в прежние времена, сохраняло первенствующее место» в империи. Задавшись целью реставрации всех привилегий дворянского сословия, правительство именно в крепостнических элементах этого сословия искало главной опоры в борьбе с «крамолой».

Введение института земских начальников (1889; см. XLII, 526/40) и новые «Положение о земских учреждениях» 1890 г. (см. XXI, 239 сл.) и явились теми кардинальными мерами, с помощью которых государственная власть попыталась гальванизировать отмиравшее сословие с тем, чтобы вновь поставить его на страже самодержавной империи, следуя указанию Победоносцева, что дворянство «более, чем всякое другое сословие привыкло, с одной стороны, служить, а с другой стороны — начальствовать». «Безобразие представительного выборного начала» местных учреждений, по выражению Александра III, решено было заменить, с одной стороны, восстановленной вотчинной властью поместного дворянства, в лице земского начальника олицетворявшего «крепкую и близкую народу» попечительную власть, с другой — дворянским земством, превратив последнее в одно из звеньев государственного административно-бюрократического механизма. Идея юбилейной реставрации в особе «участкового» (проект Пазухина) земского начальника, екатерининского капитана-исправника, или более близкого по времени мирового посредника (Д. Самарин) и вылилась в проект Д. Толстого, внесенный им в 1887 г. в Государственный совет, а затем высочайшей санкцией мнения меньшинства совета превратившийся в закон 12 июля 1889 г. Объединяя в руках земского начальника, избравшегося губернатором из потомственных оскудевших дворян, судеб-

но-административные и полицейские функции, законодатель тем самым создавал в его лице типическую фигуру в стиле крепостной эпохи, нанося одновременно решительный и последний удар мировой юстиции и основным началам «судебных уставов» 1864 г. Крестьянская масса в местном помещике-дворянине, от которого не требовалось никакой особой «эрудиции», получала почти безответственного начальника, судившего и рядившего ее дела и, в качестве хозяйственного и «нравственного» попечителя, властно вторгавшегося во внутренний быт деревни с патриархальной «клозой». Получив широкую власть над личностью крестьянина, сельскими обывателями, земский начальник в такой же мере обладал правом опеки и над органами крестьянского земского самоуправления в целом (руководство сельскими и волостными сходами, право приостановки их приговоров, наложение взысканий на сельских должностных лиц, утверждение волостных судей и старшин, и т. п.), распоряжаясь ими по своему произволу, раз, по его мнению, дело клонилось «к явному ущербу сельского общества». При таких условиях т. наз. выборные «мирские» власти превращались просто в зависимых агентов земского начальника, в то же время как сам он являлся авторитетным органом центральной власти на местах, сохраняя вместе с тем под кокардой свое сословное помещичье лицо. Таким образом земский начальник одновременно олицетворял собою в глазах «народа» диктатуру крепостнического государства и дворянского сословия в качестве представителя «твердой власти», специально приставленной к «мужику». Но ставка на дворянина этим не ограничивалась. Правительство реакции поставило своей целью создать монополию власти для дворянства в общегосударственном масштабе, с каковой

целью оно одновременно приступило к коренному пересмотру Земского положения 1864 г. Уже в краткий период буферного министерства гр. Игнатьева, когда начался осторожный, на тормозах, спуск нового правительства по наклонной плоскости реакционных «преобразований», была образована особая комиссия под председательством ст.-секретаря Каханова (см. XIII, 681/82, и XXI, 230/31) в целях «приспособления» правительственных учреждений к условиям «новой деятельности» органов местного земского, городского и крестьянского «самоуправления». Главным образом при этом имелось в виду (в духе программного циркуляра Игнатьева) и в данном случае заняться пересмотром учреждений местного управления с тем, чтобы, обезвредив «земскую оппозицию», «органически связать» самое земство с правительственной властью (самодержавием) и дворянскими верхами путем своеобразного компромисса между началами полицейско-бюрократического и буржуазно-правового государства. При чем, как и в плане Лорис-Меликова, здесь не скрывалась руководящая мысль этого фантастического плана превратить органы местного реформированного самоуправления в «полезное и необходимое средство для дальнейшей борьбы с крамолой», добившись таким путем «установления порядка и народного благосостояния, этих лучших щитов против анархических стремлений». Однако, последующим подбором «сведущих людей», введенных уже при министре Д. Толстом в «особое совещание» при каханов. комиссии, среди которых первую скрипку начал играть пресловутый А. Д. Пазухин, «труды» комиссии вскоре были похоронены по первому разряду, сама комиссия распущена, всякие двусмысленности и заигрывания с «общественными» элементами были отброшены, и решено было не правительствен-

ные учреждения «приспособлять» к местным, а как раз наоборот. Вруки лидера сословно-крепостнической партии, а затем с 1885 г. и официального сотрудника Д. Толстого в звании правителя его канцелярии, Пазухина, и была передана «реформа». Толстой очень ловко при этом использовал на сей раз так наз. «государственную теорию» самоуправления, чтобы — по существу — просто его ликвидировать. Если в 60-х гг. реформаторская бюрократия использовала «общественную» теорию самоуправления для того, чтобы лишить земские органы всякой власти и обкарнать их компетенцию с точки зрения недопустимости вторжения земств в сферу вопросов «общегосударственного» характера и таким путем в действительности лишить их настоящей автономии, то теперь, с целью окончательного ниспровержения всякого духа самоуправления, была пущена в ход «государственная» теория для того, чтобы с признанием государственного характера органов местного самоуправления превратить их в органическую часть административно-бюрократического аппарата империи. Объявляя решительную борьбу началам Земск. положения 1864 г., Толстой приступил к коренному «исправлению сделанной ошибки», т.-е. к полному ниспровержению земских учреждений. С этой целью на помощь был призван сословный принцип, завуалированный в Положении 1864 г., теперь же открыто выдвинутый во главу угла реформы. Земство должно было перейти в руки дворянства, а через него... в министерство внутренних дел. Дворянство, утратившее было все свои прерогативы, призывалось вновь на «службу» своему старому хозяину. Разбив избирательные земские собрания на три курии — для дворян, крестьян и прочих лиц и ведомственных представителей, с устраниением, одна-

ко, духовенства и евреев, новое «Положение», сократив общее при этом число гласных, рядом специальных определений гарантировало большинство мандатов за дворянством (с правом в некоторых случаях замены самого помещика его управляющим), создав таким способом земскую дворянскую олигархию. Возгавив при этом не только дворянские избирательные съезды, но и губернские и уездные земские собрания гласных председателями в лице губернских и уездных предводителей дворянства, новое «Положение» приняло весьма характерный стиль всей реформе. Столь явная привилегия представительства мотивировалась в объяснительной «Записке» к проекту «Положения» различием «способности» разных сословий к участию в деле государственного управления. А мы уже видели выше, что в этом отношении дворянство считалось как бы рожденным «начальствовать», в силу чего правительство, всячески поддерживая дворянское землевладение, преследовало при этом и ту цель, чтобы «привлечь дворянство к постоянному пребыванию в своих поместьях». Но, расширяя дворянское представительство, новый закон ставил вместе с тем в подчиненное к г. помещикам положение «среднее» сословие (вторую курию) и окончательно упразднял крестьянское представительство, заменяя избрание гласных от крестьян назначением таковых властью губернатора из числа кандидатов, представляемых волостными сходами. Сконструированное таким образом земство, по мысли законодателя, должно было явиться послушным инструментом в руках государственной власти. Во имя данной цели земские управы (куда крестьяне доступа не получили) были превращены на этот раз в чиновные учреждения, члены которых утверждались губернатором с зачислением их на

государственную службу, а вся работа земских органов поставлена была под бдительный контроль того же губернатора и состоящего при нем особого «Губернского по земским делам присутствия», представлявшего собой своеобразный бюрократический ареопаг, вершивший судьбы «земского дела», поскольку губернатору, председательствовавшему в присутствии, было предоставлено широкое право протеста против постановлений земских собраний, если, с точки зрения сего «хозяина» губернии, постановления эти «нарушали интересы населения». Ему же вкупе с министром внутренних дел принадлежало также и право утверждения определенных постановлений тех же собраний. Такова была в основных своих чертах эта злостная пародия на земское самоуправление, пытавшаяся при посредстве «необходимых улучшений» Положения 1864 г. вернуть местное управление к порядкам дореформенной Р. путем привлечения «благонравных» элементов землевладельческого сословия в помощь губернским властям. Реставрируя таким образом «служебные» права дворянства на местах, правительство, при посредстве вполне зависимого от него и протектируемого им сословия, достигло почти полной бюрократизации земских учреждений, крепко спаяв их с общегосударственной административной системой. Нельзя сказать, однако, чтобы ставка на крепостника-дворянина оправдала надежды правительства Александра III. Разложившаяся масса оскудевшего сословия, падкая до царских подачек, реакционно агрессивная, особенно в своих правящих верхах, оказалась мало способной к организованной работе на местах, так что правительство, в конце концов, не удалось задуть земской оппозиции. Альтернатива, поставленная Витте перед правительством «обожаемого» им монарха в его из-

вестной «Записке» — «самодержавие» или «земство», а с ним рано или поздно «конституция» — не была лишена достаточной прозорливости, как увидим ниже. Правительство и само чувствовало себя далеко неудовлетворенным в данном случае и вынуждено было еще раз увеличить нажим сверху, вводя в дальнейшем ряд новых стеснений земской деятельности. Так, с означенною целью оно усилило контроль над составом членов училищных советов (7 февр. 1895 г.) и особенно существенно ограничило полномочия земств по продовольственному делу и земскому обложению, в целях усиления давления на земское хозяйство (12/VI 1900 г.) и ослабления влияния земства на массу крестьянского населения. В последнем смысле правительству в известной мере удалось достигнуть определенных результатов. В глазах крестьянства понятия «земского» и «земства» как бы сливались в одну «господскую» организацию, далекую и чуждую его кровным интересам. Дворянско-помещичий характер местной контр-реформы 1889—1890 гг. в данном отношении слишком выпирал наружу и давал себя чувствовать бесправной деревне.

Если, таким образом, правительство Александра III в своей сословной политике стремилось мобилизовать вокруг себя, в первую очередь, «верноподданное» дворянство пазухинской, бехтеевской и т. п. марки, сторонясь либеральной аграрно-дворянской буржуазии, увлечь которую за собой при помощи игнатьевских посулов ей так и не удалось, то совершенно очевидно, что в отношении торгово-промышленной буржуазии ему приходилось вести особо осторожную линию. Мы уже знаем, что, несмотря на кризис 1885 г. и катастрофу 1891—1892 гг., все же частью уже 80-е и в особенности вторая половина 90-х гг. должны быть признаны временем значительного развития промышленного

капитализма. Процесс этот одновременно сопровождался ростом и культурным подъемом городов. Городская буржуазия при этом заметно европеизмуется, постепенно утрачивает свое «разубавское» чуждое обличье, организуется сама (акционерн. об-ва. съезды, пр.м. объединения) и по-новому начинает организовывать свое производство, прилагая в то же время к себе все новые и новые кадры обслуживающей ее интеллигенции, прилив которой к городским центрам заметно теперь возрастает. Всероссийская перепись 1897 г. весьма показательно установила необычайно быстрый рост городской Р. (с 1885 по 1897 г. население городов возросло на 18,7%). Начавшийся еще в 70-х гг., этот рост отразился не только на развитии старых (Ростов-на-Дону, Екатеринослав, Лодзь), но и образовании новых городских поселений, чему не мало способствовало также развитие жел.-дор. сети. С ростом городов повышался и их культурный уровень, и городское хозяйство, естественно, обнаруживало тенденцию к соответственному развитию. Однако, этот подъем общего тона городской жизни неизбежно впадал в противоречие с возрастающей политической реакцией, явно вступившей в свои права особенно с середины 80-х гг., когда игнатевские разглагольствования сменились «деловым» министерством Д. Толстого. Покончив с земством, правительство тем менее было склонно мирволить в этом направлении городской буржуазии. В конечном счете и в своем обращении с этой последней оно взяло тот же курс двойственной политики. Всецело поддерживая ее классовые интересы в сфере производственных отношений и ее «хозяйский» авторитет в столкновениях с рабочими, правительство не допускало никаких уступок в смысле дележа власти с представителями капитала, усиливая в данном смысле

свою опеку над городской буржуазией в той же степени, как это им было сделано в отношении земства. И там, где обе стороны этой двуединой политики вступали в роковой конфликт между собой, правительство, как это имело место в деле его «рабочей» политики, не останавливалось — в интересах самозащиты — и на мерах, направленных явно против интересов капиталистов. Достаточно напомнить, что как только рабочее стачечное движение начало принимать все более внушительные размеры, правительство вынуждено было в данном случае вступить на путь той же демагогической, подкупающей «народной политики» по адресу рабочего класса, как это было им проведено относительно деревни. Боясь, чтобы движение пролетариата не перекинулось на политическую почву, министерство Д. Толстого «ради порядка и общественного спокойствия» поспешило с опубликованием целого ряда фабричных законов (1882—1886), регламентирующих (в смысле ряда ограничений) применение детского и женского труда в производстве, порядок расчета с рабочими, а позднее (в 1897 г.) вводящих даже сокращение рабочего дня (до 11½ час.) и ряд новых аналогичного характера правил (об ответственности за увечье, о фабричн. старостах—1903 г.). В тех же целях последовало в 1882 г. и введение института фабричной инспекции, фактически, впрочем, под давлением фабрикантов превращенной в министерство Вышнеградского в свою полную противоположность (закон 1890 г.). Как известно, поздние фабричные инспектора были подчинены окончательно губернской власти (1903), чем завершен был процесс постепенного превращения последних из «посредников» между трудом и капиталом в полицейские органы, при чем было произведено и «очищение» личного состава инспекции и

значительно ослаблено действие вышеуказанных фабричных законов 80-х гг. в пользу фабрикантов (см. XXXVI, ч. 4, 290/94). Но наивысшей точки отмеченная выше «рабочая» политика, особенно раздражавшая предпринимателей, достигла в знаменитой «зубатовщине» (конец 90-х и нач. 900-х гг.). Констатируя в отчете Гос. совета уже в 1886 г., что «постепенно накапливающееся в классе фабричных рабочих недовольство», вызываемое отсутствием правильной регламентации «взаимных отношений фабрикантов и рабочих», «делает его благоприятной, восприимчивой почвой для преступных учений», правительство, напуганное новым ростом стачечного движения, готово было в данном случае, пытаться овладеть рабочим движением, идти против фабрикантов. Но как бы ни были все эти вынужденные податки рабочему классу и своеобразное заигрывание с ним неприятны классу капиталистов, они все же с избытком покрывались тем покровительством промышленности, которое как раз в 90-х гг. достигает своего апогея, когда под прикрытием таможенной стены российский капитал чувствовал себя полным хозяином на внутреннем рынке.

Однако, дело вновь получало иную постановку, как только вопрос переходил на «политическую» почву и заходила речь о том, кому быть «хозяином» в городе, в чьих руках должно быть «управление, т.-е. реальная власть в черте так называемых «городских потелений». Дело в том, что физиономия последних значительно изменилась под влиянием все возрастающего городского населения. Росту крупного капитала соответствовал и дальнейший рост городской буржуазной демократии (квартиронанимателей), рабочих и бедноты. Все эти факты, осложняя задачи городского хозяйства и управления, не могли не отразиться на по-

становке органов так называемого городского самоуправления, создавая и усиливая все новые и новые противоречия между потребностями развивающегося пореформенного города и теми узкими рамками, в которые была заключена работа этих органов по Положению 1870 г. (см. XVI, 31/41). Огромный рост казенной недоимки, накопленной городами, подсказывал и правительству своевременность соответствующей реорганизации городских учреждений. Но в условиях окончательно утвердившейся в начале 80-х гг. реакции и с переходом правительства самодержавно-бюрократической империи от обороны к наступлению вопрос о городской реформе должен был получить тот же специфический уклон и постановку, как и вся внутренняя политика ликвидаторов опасного наследства 60-х гг. Вопрос мог идти во всяком случае не о развитии Положения 1870 г. в направлении домогательств либеральной буржуазии, мечтавшей о расширении своих избирательных и иных «прав» и создании «автономных» городских учреждений, каковые тенденции проникли даже в известной мере в проекты кахановской комиссии. Катков уже в 1884 г. по этому начал кампанию против «фальшивых воззрений», вызванных к жизни «реформами минувшего царствования» и связанных с представлениями «о каких-то самостоятельных в государстве и от него независимых властях» в роде «земских и городских учреждений» с их игрой в «парламенты». Что касается правительства, то хотя оно готово было передать городское дело в руки крупной буржуазии в смысле «хозяйственном», но зато тем ревнивей старалось оградить и в данном случае свои верховные права, ставя городские учреждения в такое же отношение к себе, как и земство. В имен. высоч. указе 11/VI 1892 г. при введении нового Положе-

ния прямо было сказано, что целью реформы являлось «согласование порядка действий городского общественного управления с началами, преподаваемыми в недавнее время для деятельности земских учреждений», т. е. обеспечение незыблемости основ самодержавия путем усиленной бюрократизации всей системы городского управления. Конечно, и на этот раз была пущена в ход все та же «государственная» теория самоуправления, объявлявшая ех cathedra устами проф. Градовского (см., курс 1883 г.), что органы местного самоуправления должны «входить в состав местной администрации в качестве органической ее части», разумеется, на началах широкой общественной самодеятельности. Нечего и говорить, о какой «самодеятельности» и «власти» городского «самоуправления» могла идти речь в условиях российского самодержавия, да еще в такой момент, когда правительство, запуганное призраком революции, старалось задуть всякое проявление общественной самодеятельности. Указ 12/VI 1890 г. поэтому поспешил подчеркнуть, что земские и городские выборные учреждения являются органической частью «общего учреждения губернского». Отсюда — и весь стиль контр-реформы 1892 г.

Понятно, что новое Положение при таких условиях тщательно избегает самого выражения «городское общество» и заменяет его характерным термином «городское поселение», под которым разумеется не политическая корпорация, а просто административная единица «казенного» управления (Гор. полож., ст. 7 и 137). Но понятие городского поселения отнюдь не совпадает с понятием городского населения. Официально городское «поселение» представляется лишь ничтожной частью этого последнего под условием вы-

сокого имущественного ценза, с помощью которого правительство и в городе имело в виду объединить вокруг себя заведомо «благонадежные» и законопослушные элементы промышленной и торговой буржуазии. Таким путем, сокращая численный состав городских дум и передавая городские учреждения в руки крупных цензовиков, экономической верхушке города, домовладельцам и владельцам промышленных предприятий, Гор. полож. решительно отстраняло от всякого участия в них не только трудовые классы, но и мещанство (весь прежний третий и частью второй разряд избирателей), не говоря уже о квартиранимателях, а вместе с тем, как и в земстве, и евреях, усматривая в последних опасный «фермент брожения», достаточно ярко заявивший себя в революционном движении 70-х гг. Но, создавая таким образом в городе муниципальную олигархию имущих классов (цензовой буржуазии), правительство всю власть оставляло, однако, в своих руках. Городские думы превращались им в совещательные органы губернской администрации, самостоятельная компетенция воих была сведена почти к нулю. Согласно Положению, нет «окончательных» постановлений думы; почти все они требуют санкции высшей администрации (губернатора или министра внутренних дел), которой принадлежит, в конечном счете, суждение о том, соответствует или нет то или иное думское постановление не только букве и духу закона, но и «общим государственным пользам и нуждам», а также и «интересам местного населения». Контроль и опека правительства таким образом связывают по рукам и ногам «государственное» городское самоуправление. Еще резче это подчинение городских учреждений общей администрации сказывается на городских управах, которые, подобно земским

превращаются из исполнительного органа думских собраний в зависимый орган губернской администрации, коллегию выборных чиновников, состоящих на государственной службе, так что через их посредство городское «общественное управление» в действительности возглавлялась местным губернатором, так как, в конце концов, управа заменяла и самую думу, откуда и развился впоследствии неизбежный антагонизм между ними. Если же, сверх всего, мы примем во внимание, что губернатор мог в известных случаях влиять на самый состав дум, что ему принадлежало право утверждения и увольнения должностных лиц городского самоуправления и наложение на них дисциплинарных взысканий, что бюджетное право городского общественного управления почти сводилось на-нет, что городские думы могли лишь «составлять» обязательные постановления, издавались же они тем же губернатором, — то нам станет совершенно очевидно, что подобие самоуправления, созданное реформами 60—70-х гг., на сей раз теряло, по существу, и последние свои декоративные черты. По существу, это была система казенного управления через состоящих на государственной службе выборных чиновников, поставляемых крупной городской буржуазией. Таким образом, правительство и в данном случае могло считать свою цель достигнутой, создав своеобразный образчик буржуазно-бюрократического «самоуправления». Правда, тяжелые пути административной опеки, наложенные на муниципальную корпорацию, не могли не вызвать известного недовольства среди наиболее культурной части думского меньшинства, но в общем недовольство это пока не могло получить достаточно серьезного выражения. Материальная зависимость крупной буржуазии от государства вынуждала городских за-

правил не только соблюдать известную лояльность в отношении царского самодержавия, но и повергать к его стопам свои верноподданнические чувства при каждом представляющемся к тому подходящем случае. Впрочем, среди этой правящей группы «хозяев» города, особенно в крупных городских центрах, тогда же начала образовываться небольшая прослойка ценовой интеллигенции, обнаруживавшая явно оппозиционно-демократические тенденции и склонная переступать границы дозволенного. Однако, ее удельный вес был не велик, и руководство «городским делом» оставалось всецело в руках наиболее состоятельной и консервативной группы гласных, хозяйственная политика которой, без особых помех, направлялась явно к выгоде представляемой ею наиболее обеспеченной части городского населения. Это сказывалось прежде всего в политике обложения городских дум, стремившихся перебросить главную тяжесть городских прямых налогов (по оценочному сбору) на спину наименее обеспеченного большинства населения, отстраненного от всякого участия в городском управлении. В том же смысле действовала и скрытая система косвенного обложения населения в порядке оплаты разного рода муниципальных услуг, эксплуатации различных городских предприятий, получивших особое развитие с конца XIX ст. с ростом муниципального капитализма, преследовавшего очевидную цель покровительства крупной торговле и промышленности. Те же классовые тенденции сказывались и в целом ряде мероприятий, направленных на обслуживание культурных потребностей населения. Здесь также на первом месте стояли интересы привилегированного меньшинства, поскольку ряд мер данного характера распространялся главным образом на центральные части города, не задевая его

окраин, рабочих кварталов, заселенных бедной, и лишь косвенно отражаясь и на них. Таким образом, городское хозяйство и благоустройство 90-х гг., несомненно, прогрессировали в соответствии с ростом интересов городской буржуазии и в тех пределах, какие ему были отмежеваны правительством и его двойственной политикой. Одной рукой поощряя, а другой всячески тормозя работу городской организованной буржуазии, царское правительство и в настоящем случае продолжало вращаться в кругу неразрешенных противоречий, стремясь удержаться во что бы то ни стало на своих реакционных позициях.

Но нигде этот злостный характер царской политики не заявлял себя с такой силой, как в его отношении к трудящимся классам, с которыми правительству Романовых нечего было делить и с интересами которых оно менее всего намерено было считаться. Стремясь спасти свое самодержавие, оно искало, как мы знаем, опоры в последних обломках помещичьего дворянства в союзе с крупной буржуазией. Союз этот всей своей силой был направлен против трудового крестьянства и городского пролетариата, становясь все тесней и принимая все более агрессивный характер по мере роста классовой борьбы и усиления аграрного и рабочего движения. К началу XX ст., перед лицом общего врага, союз этот окончательно оформляется как дружественный союз крепостнического государства с промышленной буржуазией, тем самым стимулируя выявление своих классовых позиций как промышленным пролетариатом, так и деревенской беднотой, по мере того как классовая борьба приобретала все более свой подлинный политический характер. Выше уже было указано, что экономическое положение деревни в данном периоде может быть характеризовано как процесс

катастрофического роста ее разорения. «Деревенская неурядица», непрерывно возрастающая под влиянием классового расслоения сельского «мира», так художественно запечатленная пером Гл. Успенского, достигает теперь особой остроты. Уже в конце 80-х г.г. царская жандармерия отмечает с беспокойством, что «жизнь крестьян идет путем неверным и опасным». Но ближайшим следствием этих наблюдений, как мы уже знаем, явилась толстовская реформа 1889—90 г.г., которая в отношении крестьянства не только закрепила, но и усугубила его сословную обособленность и окончательно оформила второе закрепощение деревни сословию помещиков. Нельзя не вспомнить по этому поводу «замечательной» речи Александра III во время коронации, в которой царь, обращаясь к волостным старшинам, призывал крестьян покорно повиноваться «своим предводителям дворянства». Если для дворян эта реформа носила характер, хотя и весьма запоздалой, реставрации некогда «пожалованных им привилегий», то для крестьян она являлась реставрацией крепостного права в условиях пореформенного хозяйства. Истинный смысл и реальная ценность «народной политики» министерства Бунге нами уже была оценена. Гораздо существеннее для судеб деревни были те меры, которые были направлены на реорганизацию ее сословного самоуправления, если вообще позволительно так именовать и эту злостную пародию на последнее. С введением института земских начальников, как было выяснено выше, крестьянские «мирские» выборные органы окончательно превратились, с одной стороны, в безгласных агентов полномочного представителя дворянской диктатуры и министерства внутренних дел, а с другой — в совершенно чуждую крестьянской массе клику сельского «начальства», наби-

раемую из деревенских отщепенцев, тянувших руку местных «мироедов», кулацкой сельской буржуазии, и беспрекословно выполнявших предписания начальства. Волостное и сельское общество, подавленное опекой «земского», прикрепленное к своему «миру», своим наделам, а в лице отдельных своих членов и к семье, лишенное общегражданских прав в распоряжении своим имуществом и связанное податной круговой порукой, представляло — по существу — совершенно бесправную «ассоциацию», крепостную «общину», тщательно изолированную в своей сословной обособленности, которой ни мало не смягчало своеобразное представительство крестьянской курии в дворянском земстве. Между тем, именно на это обездоленное «сословие» всей своей непомерной тяжестью ложилась львиная доля общегосударственных (прямых и косвенных), местных земских и, наконец, собственных мирских налогов и особых сборов, не говоря уже о всякого рода натуральных повинностях. В довершение всего, опутанное кабальными отношениями в порядке «свободного договора» в своих нерасторжимых соседских связях с помещичьим хозяйством, крестьянство — вместо защиты со стороны царского правительства, в которое оно еще продолжало наивно верить, получало с его стороны жесточайшие удары крепостнического бича, как это имело место, например, с законом 1886 г. — о найме на сельско-хозяйственные работы, законом, грозившим батраку за нарушение контракта уголовной карой. Таким образом на крестьянство, с реставрацией власти дворянства на местах, пало тяжелое ярмо двойного закрепощения — государству, установленное еще актом 19 февр., и вновь восстановленное — помещику. Деревня при таких условиях оказалась загнанной в безвыходный тупик. Естественно, что при все возрастающем

расстройстве деревенского хозяйства и таком же росте бесправия крестьянства в обстановке разгузданной дворянской реакции с особенной силой с 80-ых г.г. начинает расти стихия массового крестьянского движения, достигающего своей высшей точки в 1902 г. От голодных бунтов оно поднимается до размеров разгорающейся с силою деревенского пожара аграрной революции. Тот самый «терпеньем изумляющий народ», о котором еще в 70-ых г.г. с великой тоской скорбела народническая интеллигенция, изверившаяся, в конце концов, в его «бунтарских» способностях, теперь поднимал социальную революцию, будучи поставлен лицом к лицу со своим исконным классовым врагом, насевшим на него с новой силой. Недаром жандармы «царя-миротворца», утвердившего широчайшее применение телесных наказаний в виде крепостнической «лозы», в качестве сословной «привилегии» сельского населения, забили тревогу уже в 80-ых г.г. Крестьянские волнения быстро растут вверх и вглубь, распространяясь по всей стране. Если с 1881 по 1888 г.г. их официально зарегистрировано 192 случая, то за время с 1900 по 1904 г.г. они достигают рекордной цифры — 670. Отовсюду несутся грозные вести: «В воздухе висит что-то зловещее», как доносят в 1901 г. из Воронежской губ. «Жизнь в деревне стала до крайности напряженной (подтверждают в 1902 г. из Пензенской губ.). Деревенская тишина почти каждую ночь нарушается звоном набата... Помещики так напуганы, что предсказывают революцию!» «Каждый день на горизонте зарево пожаров, горят усадьбы», пишут из других мест дворяне-помещики. Движение принимает действительно массовый, «народный» характер. В него вовлечена не только беднота, но и середняцкая толща, устремившаяся громить барские имения, запахивать помещи-

чьи нивы, рубить помещичьи леса. Ни военные усмирения, ни карательные экспедиции с дикой экзекуцией, ничто уже не могло остановить полнявшейся деревни. Зловещий «красный петух» явился, действительно, предвестником грядущей социальной революции. Предчувствие помещиков, в свое время в шутливой форме выраженное еще И. С. Тургеневым в разговоре с Я. П. Полонским, на этот раз принявшее уже не шуточные формы, оказалось настоящим предсказанием приближающейся расплаты. Почва начинала колебаться под ногами самодержавно-крепостнического государства. Рокочные «предчувствия» делателей реакции по рецепту К. Леонтьева и Пазухина приобретали тем более тревожный и прямо панический характер, что, параллельно с ростом движения в деревне, столь же ярко разгоралось в городах и промышленных центрах рабочее движение.

Выше уже было указано, что период 80—90-х г.г. отмечен, вместе с ростом промышленного капитализма и крупной буржуазии, таким же ростом пролетариата. К концу XIX ст. армия пролетариата может быть исчислена уже в грандиозной цифре в 10 млн. человек. И эта армия неудержимо росла. Если в 1895 г. министр финансов считал еще возможным писать в своем отчете, что «в Р., к счастью, не существует рабочего класса в том смысле и значении, как на Западе, и потому не существует и рабочего вопроса», то министр внутренних дел уже в 1897 г. должен был констатировать, что «забастовки фабричных, заводских и даже цеховых рабочих сделались заурядным явлением» и рабочего вопроса в портфель не спрячешь, а через 3 всего года специалист по «рабочей политике» Зубатов без всяких уже обиняков заявлял, что в Р. «рабочий класс — коллектив такой мощности, каким в качестве боевого средства

революционеры не располагали ни во времена декабристов, ни в период хождения в народ, ни в момент массовых студенческих выступлений». Эта ретроспективная справка, несомненно, делала честь прозорливости творца «полицейского социализма» начала XX в., организовавшего знаменитое шествие 50-ти тысяч рабочих к памятнику Александра II в день 19 февр. 1902 г., в качестве своеобразной репетиции к историческому 9 января. Все эти свидетельства, при всей своей специфичности, подтверждали факт колоссальной важности — образование класса российского пролетариата как «боевого средства» надвигающейся революции, отсутствия которого до сих пор делало бесплодными все революционные выступления русской интеллигенции и борьбу крестьянства. Хотя связи рабочей массы с деревней, в процессе усиленной пролетаризации крестьянства, и не были порваны окончательно, но «раскрестьянивание» рабочего в эти годы подвигалось ускоренным темпом. Образование кадров городского пролетариата, наследственно прикованных к станку, явно сказывалось в том новом характере, который приобретало рабочее движение. Вынужденные стачечным движением 80-х гг. подачки фабричного законодательства, к тому же весьма скоро подвергшиеся соответствующим «разъяснениям» и ограничениям в порядке их применения, люди давлением фабрикантов, являлись лишь жалкими заплатами, не устроявшими ни ужасов безработицы в периоды промышленных кризисов, ни беспощадной эксплуатации труда капиталом, ни такого же бесправного положения рабочей массы, всякий протест которой рассматривался как «бунт». Правительство самым беспощадным образом расправлялось с «забастовщиками» при малейшем уклонении рабочего движения с того пути, на который

пыталось оно его сдвинуть. Лишенная всякой легальной организации, первыми «опытами» которой явились лишь провокаторские зубатовские «общества взаимопомощи» (1902), окруженная постоянным сыском у себя на фабрике, рабочая масса с ростом резервной армии труда в деревне и городе вынуждена была собственными силами и средствами искать выхода из своего невыносимого положения. Но если легально она представляла из себя распыленную массу «отдельных посетителей» фабрики, за которыми правительство не признавало никаких организованных форм объединения и само не давало им никакого «сословного» оформления под общий стиль своего реакционного строительства, то самые условия капиталистического производства позаботились сплотить эту пеструю массу выходцев деревни и бывших мелких производителей в дисциплинированную и солидарную «армию труда». Именно в этом и заключалась самая характерная черта той эволюции, которую пережила «язва пролетариата», образовавшаяся, несмотря на все «реформаторские» предохранительные средства, на теле полукрепостнической, полукapиталистической самодержавной романовской монархии. От рабочих неорганизованных бунтов через мирный «экономизм» стачечного движения к классовой революционной борьбе пролетариата — так можно было бы определить основные этапы этой эволюции. В практике все возраставшего рабочего движения, вновь усилившегося особенно в 1895—97 г.г., рабочая масса обрела ту школу своего классового воспитания, в которой она выращивала свою организованность, железную дисциплину и классовое самосознание (см. *История рабочего класса в Р.*, XXXVI, ч. 4, 284/317). Но, продвигаясь первоначально по этому пути своими собственными силами, рабочая мысль,

ясно различая своего классового врага в лице своего хозяина, еще не умела связать «рабочего дела» с «политикой», капитализма с царизмом, без чего не могло быть места и подлинной классовой борьбе, ибо «всякая классовая борьба есть борьба политическая» («Коммунистический манифест»). Однако, чтобы подняться на такую высоту классового самосознания, рабочим движением должна была овладеть «революционная теория», которая в свою очередь сама становится действенной, когда ею овладевают массы. Но такую теорию пролетариат мог получить только от революционной интеллигенции и при том лишь после того, как эта последняя освободилась от своих народнических утопий, а рабочим движением был изжит переходный период «мирной» профессиональной борьбы за «копеечные» интересы, в целях улучшения своего материального положения при капиталистическом строе вместо борьбы за его ниспровержение. В этом периоде, среди части пропагандистской мелко-буржуазной интеллигенции, пошедшей в хвосте рабочего движения, даже возникла оппортунистическая идеология так называемого «экономизма», пытавшаяся возвести в принцип «самостоятельное», чисто «рабочее» движение, предоставляя «политику» либералам. На той же почве вырос и зубатовский «экономизм», пытавшийся было увести рабочую массу в лагерь контр-революционной реакции, по потерпевший полное поражение, так как массы пошли по пути открытой классовой борьбы. От морозовской стачки 1885 г., через массовые петербургские стачки 1896 г., российский пролетариат проследовал к ростовскому движению 1902 г. и, наконец, к первой всеобщей стачке, охватившей в 1903 г. весь промышленный юг, демонстрируя тем самым свою подлинную революционность

как сплоченный класс. Но для того чтобы повести пролетариат в бой с самодержавием и капитализмом нужен был вождь, руководящая организация, боевая теория. Все это дала та группа революционных марксистов во главе с Лениным, которая на своем знамени написала боевой лозунг I Интернационала: «Освобождение рабочего класса должно быть делом самих рабочих», и на рубеже двух столетий сумела положить основание партии революционного пролетариата (см. ниже — *история революции. движения в Р.*).

Но прежде чем этот факт всемирно-исторического значения завершился, русской общественности и революционной интеллигенции пришлось пройти сквозь горнило все той же сплоченной реакции 80—90-ых гг., охватившей на первых своих ступенях и значительные круги интеллигентного общества.

Переходя теперь к характеристике судеб этого общества и борьбы с ним двух последних Романовых, мы должны отметить, что к тому моменту, когда названная борьба получила наиболее напряженный характер, в недрах самодержавной империи уже сложились основные революционные кадры грядущей первой русской революции, мощными предвестниками которой явились аграрное движение в деревне и рабочее движение промышленных центров. Только с выступлением широких трудовых масс может идти речь о настоящей революции, до тех пор можно говорить лишь о революционных «движениях», но не о революции. Крахом одного из таких движений началось и царствование Александра III, вступившего с 1883 г. на путь «твердой» реакции, как только стало ясно, что за последним выступлением «Исполнительного комитета Народной воли» революции не последовало. Все меры внутренней, а отчасти и внешней политики чет-

вертьвековой реакции и были направлены на предотвращение «русской революции», борясь с которой оба монарха, и Александр III и Николай II, — по существу — лишь ускоряли ее неизбежный взрыв.

Удар, нанесенный царизму 1 марта 1881 г., от которого новое правительство, однако, довольно скоро оправилось, несомненно более сильное впечатление произвел на русскую общественность. Свирепая расправа с «первомартовцами» и последними народолюбцами (после предательства Дегаева; 1883), вся иллюзорность упований которых на народный «взрыв» стала совершенно очевидной, привели к широкой идейной реакции. Первое десятилетие после «катастрофы» при таких условиях прошло для русского общества под знаком временного господства среди как дворянской, так и разночинной интеллигенции упадочных настроений, глубокого разочарования, в обстановке идеологического кризиса и почти полного «бездорожья». На этой почве и расплодилось тогда целое поколение «хмурых людей», так называемых «восьмидесятников», «лишних людей новой формации», по определению А. П. Чехова, которые и были так художественно разоблачены им в целой галлерее «нытиков» и «кисляев», выведенных в его глубоко обличительных творениях, начиная «Ивановым», «Дядей Ваней» и кончая его последними произведениями. В процессе разложения общественных идеалов 70-х гг. и гибели утопии революционного народничества начался вместе с тем общественный разброд, а в связи с ним и пересмотр старых программ и поиски новых путей. Потеряв веру в силу заговорщических средств (революционный террор) вместе с верой в «народ», народничество, в лице его эпигонов, уходит теперь в «культурничество», отдавшись мелкой «кротовой» работе,

которая в последнем счете выродилась в «абрамовщину» (см. I, 59), возводившую в «панацею» пропаганду «постепеновства» и «малых дел» на «ниве народной», стремясь таким путем (по словам Ленина) «заптопать», «улучшить» положение крестьянства при сохранении основ современного общества». И в то время как Карышев, В. В. и их единомышленники пытались в том же направлении, в союзе с Н. Михайловским, Ник. — оном и др., обосновать «особый путь» исторического развития Р. в обход якобы мертворожденного русского капитализма, публицист «Недели», провозгласившей эру «реабилитации действительности», Юзов-Каблиц, в своих полемических «Основах народничества» (1882—1893), отрешившись от былых своих «увлечений», громил интеллигенцию за ее стремление навязать народу «чуждые» ему формы быта. На борьбу против революционной интеллигенции, окончательно разгромленной, и «заразы» социализма с новым ожесточением выступил Катков, открывший на страницах «Московских Ведомостей», с их монополиями «свободы» слова, настоящую травлю этой интеллигенции и так называемых освободительных заветов эпохи реформ. Об руку с ним идут такие лица, как проф. Б. Н. Чичерин, знакомые уже нам «консерваторы с прогрессом», энергически апеллировавшие теперь к «твердой власти», и эпигоны славянофильства, в лице И. Аксакова, Давилевского, Леонтьева окончательно солидаризовавшиеся с «кашеем бессмертным» реакции трех царствований, К. Победоносцевым, доведя в этом смысле «свою реакционную пропаганду и философию до последнего предела. В то же время кающиеся дворяне, в лице своего последнего величайшего представителя Л. Толстого, решительно сходят с арены общественной борьбы, и «толстовство», после поя-

вления известного обращения яснополянского проповедника «Так что же нам делать?» (1884), временно с новой силой увлекает растерявшуюся интеллигенцию на путь «непротивленства» и личного «спасения», куда ее уже тянуло с конца 70-х г.г. И среди наступивших «сумерек» и общего застоя, как последняя судорога умирающей в эмиграции «Нар. воли», гибнут последние ее приверженцы в тщетной попытке повторить роковое «1-е марта» в 1887 г. (террористическая фракция Лукашевича — А. Ульянова).

Вместе с окончательным отмиранием этой некогда столь яркой полосы в истории русской ответственности и культуры, окончательно завершается и классический период дворянской литературы, столь четко отмеченный господством романа. В 1883 г. сходит в могилу, дорисовав свои последние «Старые портреты» (1881) и набросав проникнутые глубочайшим пессимизмом «Стихотворения в прозе» (1882), И. С. Тургенев; далеко отбрасывает свое художественное перо «великий писатель земли русской», Л. Н. Толстой, не внемлющий предсмертному призыву автора «Отцов и детей»; умолкает и певец Обломовки. Почти одновременно гибнут в расцвете молодости: В. Гаршин (1888), подавленный сознанием бессилия человеческой личности, этого «пальца от ноги», и ее бесплодных устремлений к «свободе» в мире, где торжествует безраздельно «зло» («Трус», «Attalea princeps», «Красный цветок»), а еще ранее С. Надсон (1886), в унисон с ним пропевший свои скорбные песни о победе смерти над жизнью и «подвигах» Герострата, которым обречен человек («Наше поколение», «Из тьмы времен», «Завеса сброшена», «Умерла моя муза»). Оба они пали жертвой окружающей их безотрадной атмосферы, «когда — по словам Некра-

сова — свободно рыскал зверь, а человек бродил пугливо», сменяемые мрачным пессимизмом развенчанной в своем идеализме одинокой личности. И рядом с ними нельзя не поставить самого яркого выразителя тех же настроений в разночинной среде, Г. Успенского, этого разочарованного народника, собиравшегося на закате своих дней вместо «Власти земли» написать книгу о «Власти капитала» и кончившего мрачной тоской, под гнетом которой угас его светлый ум. Но, параллельно с этими гнетущими настроениями, как бы по контрасту с ними, как это обычно наблюдается в реакционные эпохи, в литературе в период «оскудевающей» дворянской культуры и общего упадка вновь водворяется служение «чистому искусству» в форме так назыв. «декадентства» и «символизма» (1894—1895) с его рафинированным и извращенным «эстетством», нарочитым «богемством», доведенным до виртуозности культом слова, эгоцентрическим индивидуализмом, крайностями эротики и мистики, при столь характерном при этом погружении в «нирвану эстетики» и аполитизм (Мережковский, Гиппиус, В. Брюсов, Бальмонт, А. Белый, кончая А. Блоком). В соответствии с распадом выродившейся дворянской культуры разлагается и созданный ею художественный стиль, и на смену классическому роману нарождается литература так называемых «малых форм» (новеллы), величайшим мастером которой явился А. П. Чехов. Старый до-реформенный феодально-крепостнический «усадебный» быт лежал уже в развалинах, новый находился еще в процессе своего образования. Ничего законченного, цельного на смену «уходящей Руси» еще не сложилось. Жизнь являла зрелище пестрой смены и смеси противоречивых фактов и впечатлений, неотстоявшихся общественных и бытовых форм, не дававших необхо-

димых условий для широкого творческого художественного синтеза. Но прежде чем начался этот реконструктивный период по созданию новой художественной литературы, возглавленной именами Чехова, Короленко и М. Горького, а вместе с этим и по утверждению новой общественной идеологии, должен был окончательно завершиться процесс реакционного отлива внутри русского общества, открывший столь широкий простор для наступательной кампании правительства.

Почувствовав себя победителем после казни «первомартовцев», правительство Александра III с тем большим ожесточением кинулось «бить лежачего», ту самую русскую интеллигенцию, делом которой — как это доказывал Победоносцев секретарь съезда мировых судей Н. Петерсон в особой «Записке» 14 марта 1882 г. — было «злодеяние 1 марта». Еще в краткие дни министерства гр. Игнатьева, которого Б. Чичерин в приветственном письме тому же Победоносцеву (6/VI—1882 г.) прямо обвинял в «разрушении» государства, правительство уже начало «осаду» русского общества, положив начало эпохе «временных правил» изданием «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» (14 авг. 1881 г.), коими вводилась так называемая «усиленная и чрезвычайная охрана» в целях борьбы с «крамолой». По существу, этим «временным» законом, объединившим и расширившим соответствующие мероприятия 1878—79 г. и превратившимся тотчас же в постоянный, большая часть страны поставлялась вне закона, путем передачи дискреционных полномочий министру внутренних дел и губернаторам. Вместе с «Положением о полицейском надзоре» (1882) выпущенное «Положение» отдавало на полный произвол высшей местной администрации

всю русскую интеллигенцию, огулом обвиняемую в «неблагонадежности» и подвергаемую в силу этого, по свободному усмотрению властей, целому ряду кар: полицейскому надзору, арестам, высылкам, штрафам, тюремному заключению, наконец административной ссылке и даже военному суду. Имея, как мы сказали выше, своей задачей борьбу с «политическим» и революционным движением в стране, мера эта была непосредственно направлена как против отдельных лиц, тайных обществ, так и учреждений земского и городского самоуправления как очагов общественной оппозиции. Вместе с учреждением, по инициативе Победоносцева и гр. Шувалова (см.), среди придворных и высших чинов конспиративных организаций «Священной дружины» и «Добровольной охраны» для борьбы с революционными организациями и парализования их деятельности, хотя бы путем «соглашения» с последними, «усиленная и чрезвычайная охрана» были в одну точку. Они должны были развязать руки правительства от всяких легальных пут в борьбе с «революцией» совершенным изъятием всех политических дел из-под контроля суда и хотя бы элементарной гласности. Судебные уставы 1864 г. в этом смысле стояли, так сказать, поперек дороги обнаглевшей реакции, устами Победоносцева объявившей, что последние не соответствуют ни «потребностям народа... ни общему строю государства». Организация «охран» вела к неизбежному конфликту между судом и администрацией, а потому и вызвала немедленный поход Каткова против судебных учреждений, которые некогда приветствовал этот питомец 40-х г.г., теперь «как бешеный» (по словам Никитенко) кинувшийся громить новые суды. Результатом этой кампании явился ряд новых ограничений суда в рассмотрении дел политических с

переносом их из ведения суда присяжных (закон 7 июля 1889 г.) частью в палаты, частью в Сенат с сословными представителями, при чем туда же выносятся и все дела по преступлениям должностным в целях поддержания престижа власти. Но, не довольствуясь этими легальными ограничениями, правительство все чаще начинает практиковать передачу дел по государственным преступлениям и против порядка управления, минуя даже коронные суды, в руки администрации, так что с 1894 по 1901 г.г. все политические дела, как правило, были изъяты из ведения судов, за исключением судов военных, которым особым циркуляром Ванновского в 1887 г. было предписано в подобных случаях выносить обязательно смертные приговоры. Но реакция не ограничилась принятием только этих специфических мероприятий в отношении суда. «Уставы» 1864 г. являлись бельмом на глазу самодержавной бюрократии, для которой суд присяжных, мировая выборная юстиция, начала несменяемости судей, принципы «гласности», «состязательности»; с институтом адвокатуры, представлялись началами «революционными», наследием французской революции, ниспровергающими исторические основы «власти самодержавной». Теперь, в 80-х г.г., об этом заявлялось открыто, и против столь опасных начал были приняты, наконец, самые решительные меры. Суду присяжных был нанесен решительный удар изъятием из его компетенции не только дел политических, должностных, казенного управления, банковых и т. п., но и изменением самого состава присяжных, в смысле усиления цензовых и благонадежных элементов (законы 1884, 1887 и 1890 г.г.). Мировая юстиция, с введением института земских начальников, т. е. подчинением местного суда администрации, а в городах с заменой выборных «мировых»

назначаемыми мин. юстиции городскими судьями с подчинением их бюрократической коллегии уездных съездов, — была таким путем просто упразднена. Наконец, по закону 1885 г. мин. юстиции была подчинена вся судебная магистратура, чем аннулировались начала независимости суда и карьера судебных «чинов» оказывалась в руках их начальника, получившего над ними широкие права надзора, дисциплинарной власти и общего руководства, так что министерские циркуляры с этих пор заменили либеральные заветы Уставов 1864 г. Все это имело своим следствием полную бюрократизацию судебного ведомства, проникновение в его среду разлагающего карьеризма и, как последний результат, общий упадок судебных установлений. Не могло, конечно, правительство контрреформы оставить без соответствующего внимания и институт присяжной адвокатуры, в котором оно видело школу для образования будущих Мирабо и Робеспьеров. Поэтому оно не преминуло в 1889 г. воспретить открытие новых отделений «советов присяжных поверенных», еще ранее, как мы знаем, приняв такую же меру в отношении самих «советов» и преградив доступ евреям в сословие поверенных. Таким образом, обороняющаяся самодержавие в борьбе с «крамолой» закончило совершенным разгромом судебных учреждений, тщательно вытравляя из них все, что могло дать хотя слабые гарантии русской общественности в ее борьбе с полицейско-крепостническим режимом. Разоружая судебную власть, правительство одновременно усиленно вооружало своих агентов, не только передавая им функции первой, но и расширяя их собственные полномочия, особенно в лице губернаторов (ук. 1892 и 1902 г.г.) и жандармерии, с которой, в день своих именин 6/ХII 1901 г., Николай II заключил тор-

жественный «союз», выразив при этом в своей речи твердую уверенность, что союз его с «корпусом жандармов будет крепнуть с каждым годом».

Выдавая, таким образом, русскую интеллигенцию головой политической полиции и безответственной администрации, правительство Александра III не могло допустить никакого открытого протеста или даже критики своих действий. Поэтому вслед за «временными правилами» об «охране» должны были последовать такие же «временные правила» в целях обуздания печати, по адресу которой Д. Толстой в письме Победоносцеву (12/ХII 1882 г.), говоря о статье Кошелева в «Голосе», заявил, что «почти вся наша пресса отвратительна» и потому «постепенно», без особого шума, «многие газеты желательно было бы прекратить». Такова была общая установка официального вождя реакции. И соответствующие меры не заставили себя долго ждать. Реакция не только была «связанного», но и не позволяла ему кричать. Уже 27 авг. 1882 г. последовало опубликование «Временных правил о печати», восстанавливавших, в карательном порядке, предварительную цензуру для периодических изданий, приостановленных после 3-х «предостережений». Для газет, фактически, подобная мера равнялась закрытию, как это и произошло с «Голосом» и «Страной». Но и этого оказалось недостаточно. Одновременно учреждался особый синклит, в составе министра внутренних дел, народного просвещения, юстиции и оберпрокурора Синода, которому было предоставлено право в любое время прекращать любое издание, раз оно было признано им «вредным» по своему направлению, в чем, как мы знаем, обвинялась тогда почти вся пресса. Именно таким путем были закрыты в 1884 г. «Отечественные записки», а позднее, в 90-х г.г.,

«Начало», «Новое слово», «Русская жизнь» и др. Характерно, что при запрещении в таком случае издания его редактор мог быть навсегда лишен права редакторства. Таким образом, не говоря уже о всякого рода иных взысканиях, сыпавшихся на печать (штрафы, запрещение публикаций, розницы и т. д.), последняя была окончательно зажата в тисках все того же неограниченного произвола администрации. Лишь очень немногие органы либеральной прессы, как умеренные и осторожные «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русские ведомости», уцелели среди всеобщего избияния при полном торжестве катковских изданий, которым была гарантирована не только свобода «критики», но и свобода от критики противного лагеря. Поэтому, если в самом конце 1880-х г.г. число карательных мер и сократилось, то говорило это вовсе не о смягчении режима (как отмечает историк русской печати), а лишь о том, что некого было уже и карать. В общем же курс на истребление периодической прессы держался достаточно твердо: если до 80-х г.г. число всякого рода взысканий, павших на печать, дает цифру в 154, то в 90-х г.г. она достигает 149. Борьба с гласностью, таким образом, носила весьма устойчивый характер.

Преследование мыслей и убеждений, конечно, не могло ограничиться лишь гонениями на соответствующие высказывания путем печатного слова. Правительство реакции имело все основания с еще большей жестокостью преследовать всякое жизненное, практическое проявление идей и верований, не соответствовавших казенному образцу. Вот почему, несмотря на обнародование закона 3 мая 1883 г., как будто претендовавшего на признание известной доли веротерпимости в стране, общий дух реакции должен был распространить свое влияние и

в эту сферу, где Победоносцев являлся главным вдохновителем вероисповедной политики, вновь воздвигнувшей свирепые гонения против всех «уклоняющихся» от слепого подчинения авторитету официальной, государственной церкви и ее догмы. Если еще в отношении «раскольников» (старообрядцев), принадлежавших главным образом к купеческой среде и вообще к крупной буржуазии, правительство склонно было обнаруживать явную снисходительность, как к «охранительным элементам» (1883), то оно совершенно иначе смотрело на сектантство (см.), являвшееся по преимуществу продуктом крестьянской массы, в которой с 80-х г.г. начинают усиливаться так называемые рационалистические учения (различных толков — штурдизм, духоборство), резко порывавшие с официальной церковью и ее учением. В преследовании сторонников этих вероучений правительство не останавливалось ни перед какими жестокостями (ссылкой, отнятием детей у родителей и т. п.), которые в конце царствования Александра III достигают особой силы. Та же участь постигает и униатов Западного края и Польши, частично задевая и остзейских лютеран, не говоря уже о католиках-поляках и особенно евреях (см. XIX, 457/61), первые погромы против которых относятся к самому началу нового царствования. Евреи в качестве «врагов христианства», начиная «Временными правилами 3 мая 1882 г.», последовательно подвергаются все усиливающимся стеснениям, даже в пределах так называемой «черты оседлости» (ук. 1887, 1889, 1891 г.г.). Злостная реакция, облекаясь в формы воинствующего национализма, беспощадно подавляет всякое движение сознания, и чем подвижнее и восприимчивее оказывается в этом смысле социальная среда, чем больше сказывается в ней «фермент брожения», тем энер-

гичнее направляет в ее сторону свои удары и реакционная клика.

Само собой разумеется, что в этой борьбе правительство не могло не вернуться на путь предупредительных мероприятий, которые должны были реставрировать ту систему «умственных плотин», какую в свое время пытался соорудить гр. Уваров в своем стремлении через школу и воспитание подрастающих поколений обеспечить государству в молодежи «послушное орудие видов правительства» в духе самодержавно-крепостнических и православных начал. С возвращением к власти Д. Толстого с «примирительным» мин-вом бар. Николаи, едва продержавшимся на своем посту год (1881—1882), было решительно покончено, и правительство объединенной реакции вновь вернулось в своей «просветительной» политике к началам, установленным еще в управлении министерством народного просвещения тем же Толстым в 1866—1880 г. г. Проводником этих начал на сей раз явился новый министр народного просвещения И. Д. Делянов (1882—1897; см. XVIII, 194), человек, всегда державший «нос по ветру», позировавший при А. Головнине «либерала», теперь же всецело подчинивший свое ведомство директивам министерства внутренних дел и взявший ярко реакционный курс. В первую очередь его мероприятия были направлены против высшей школы и именно университета. Несмотря на то, что общий упадок общественных настроений отразился на студенческой массе, которая ушла целиком в науку и самый узкий академизм, новый университетский устав, введенный в 1884 г., совершенно ликвидировавший так наз. профессорскую «автономию», явился источником постоянного недовольства студенчества, так как главным образом был направлен против учащихся, которые окончательно превращались

в «отдельных посетителей» университета, обремененных в полувоенную форму и отданных под строгий надзор университетской инспекции и общей полиции. В 1887 г. последовал новый ряд характерных «дополнений» к университетскому уставу. По предложению проф. Владиславева, была удвоена плата за учение в целях сокращения числа студентов и устранения из высшей школы «бедноты», установлена «процентная норма» для евреев, поступающих в университет, и т. п. Вместе с тем была начата кампания против высшего женского образования, сторонником которого некогда себя заявлял Делянов, и в 1884 г. был прекращен прием на высшие женские курсы, каковая мера продержалась до 1889 г. Те же тенденции всячески затруднять доступ молодежи к образованию были распространены и на среднюю школу. В знаменитом циркуляре Делянова 1887 г. был провозглашен принцип недопущения в гимназию «детей кучеров, лакеев, поваров, мелких лавочников и т. п. людей, детей коих... вовсе не следует выводить из среды, к коей они принадлежат». И Делянов добился сокращения числа учащихся в средней школе. Что же касается этих «низших сословий», то для них предназначалась начальная школа, притом пониженного типа, так наз. «школа грамоты», переданная к тому же в ведение духовенства (ук. 13/VI 1884 г.), которому предполагалось вообще передать все «народные школы», отстранив окончательно от всякого влияния на них земства, чего, однако, по бюджетным соображениям не удалось осуществить. В последнем случае, впрочем, Делянов пытался реализовать главным образом идею глупатая народного невежества, Победоносцева, откровенно высказывавшегося против народной школы и предпочитавшего «слепую веру» на-

рода всякому школьному образованию. Отсюда и вышла попытка синодского обер-прокурора заменить светскую начальную школу церковно-приходской, на что в 1895 г. им было получено, на первый раз, 3 млн. руб. Однако, и этой крепостнической утопии также не суждено было осуществиться. Само собой разумеется, что в связи с общим направлением деляновской политики в деле народного просвещения не остались без соответствующих изменений—при деятельном участии правой профессуры (Леонтьев, Любимов и др.)—и учебные программы всех ступеней образовательной лестницы, с одной стороны— в смысле снижения их научного и общеобразовательного значения, с другой— в смысле бюрократизации и полицейской регламентации самого преподавания. В результате университеты лишились целого ряда видных ученых. Неудивительно, что министерство Делянова своим новым грубым нажимом на школу и учащуюся молодежь не замедлило вызвать среди нее новое брожение, к предотвращению которого оно как раз и направляло свои реакционные мероприятия (ср. XXIX, 382/83'). Уже с 1884 г., когда вспыхивают студенческие беспорядки в связи с введением нового ун-в. устава, появляются при таких условиях первые признаки открытого недовольства университетской молодежи своим положением, выразившегося затем (1887) в брызгаловской истории в Москве и потаповской в Казани, когда представителям университетской инспекции были нанесены «оскорбления действием» со стороны студентов. К этому же времени обнаруживается в студенчестве и стремление к организации (землячества с «союзным советом» во главе) и организованным выступлениям, которые, однако, в основе своей носят пока чисто академический (аполитичный) характер и идут под лозунгом

борьбы за автономию, за восстановление устава 1864 г., и лишь со второй половины 90-х г. г., как увидим ниже, начинают принимать и более боевой и более радикальный характер. Таким путем и на «просветительном» фронте правительство твердой реакции достигло тех же результатов, как и на других участках своей внутренней политики. Оно «сеяло ветер, чтобы пожать бурю».

Первые предвестники этой «бури» уже начинают появляться в знаменательное десятилетие 90-х г. г., чтобы привести к широкому предреволюционному движению первых лет XX ст., движению, охватившему почти все классы. Мы уже знаем, что 1890-ые г. г. были годами важного сдвига: резкого подъема промышленности и рабочего движения, глубокого кризиса деревни и вызванного им аграрного движения. Эти факты огромного значения не могли не отразиться на общественном сознании. Они должны были дать новый толчок и новое направление движению русского общества, вывести его из состояния той летаргии, в какую оно погрузилось было в 1880-х г. г., и послужить благоприятной почвой для выработки новых идеологий, так или иначе ориентирующихся на движение масс. Вступление на престол Николая II послужило прежде всего официальным поводом для нового выступления земской землевладельческой буржуазии, сильно ущемленной дворянско-крепостнической реакцией и напуганной аграрным движением пролетаризированного крестьянства. Так называемое «земское движение» вновь поднимает свою голову и в терминах «верноподданной» либеральной оппозиции в целом ряде адресов, обращенных к новому царю, пытается поставить на очередь вопрос о конституции, хотя самое запретное слово и на этот раз не произносится. Правда, движение земского консти-

туционализма, собственно говоря, окончательно никогда не исчезало с самых 60-х г.г. Оно, так сказать, все время тлело под спудом реакции, спорадически прорываясь в той или иной форме. Витте был прав, когда в своей записке о «Самодержавии и земстве» писал: «Зерно, брошенное на нашу политическую почву в 1864 г.», выросло в «великую ложь нашего времени», как называл он конституционный строй. Но в 60—80-х г.г. движение земского либерализма не было организовано, оно лишь искало соответствующих форм своего выражения то в ходатайствах о разрешении «всероссийского земского съезда» (1877), то в «частных» совещаниях земских деятелей, то в конспиративных съездах конца 70-х г.г., пока, наконец, на московском съезде 1879 г. не возникла идея об организации нелегального «земского союза» в целях борьбы с самодержавием. Истинный характер этого движения определился в тех переговорах с революционерами, которые имели место около этого времени и когда земцы предлагали последним, отказавшись от террора, объединиться с ними в мирной борьбе за конституцию («Воспоминания» Дебогория-Мокриевича). В связи с указанными тенденциями к объединению в 1880-м г. появился и первый орган земской «мысли», газета В. Скалона «Земство», просуществовавшая, впрочем, едва год, на смену которой возникло уже за границей под редакцией эмигранта Драгоманова новое изд. «Вольное слово» (1881—1883), объявившее себя органом «Земского союза», учрежденного на съезде 1881 г., когда была выпущена и программа съезда с тем же требованием конституции (Государственной думы) и характерным протестом против революционной борьбы. С момента возникновения «подпольного» Земского союза, несмотря на его очевид-

ную слабость, земское движение все же получает известную направленность, и земские собрания, инспирируемые членами союза, начинают с этого момента проводить более планомерно свои оппозиционные выступления как в ответ на декларационные выступления правительства, так и по поводу отдельных текущих вопросов и «злобы дня» земской деятельности, организуя иногда целые «кампании» резолюций или адресов с протестом против ограничений земства или попыток «фальсификации» его представительства разными правительственными комиссиями с привлечением так наз. местных «сведущих людей», начиная еще казановской комиссией и кончая «Совещанием о нуждах сельско-хозяйственной промышленности» (1902—1903; см. XXXVIII, 92/93), созданным по инициативе С. Ю. Витте. При таких условиях, естественно, борьба между земством и правительственной бюрократией, все усиливавшей свой нажим на органы местного самоуправления, с каждым годом принимала все более острый характер, и традиционные заявления со стороны земцев о созыве «Земского собора», «выборных от всей земли», начинали раздаваться все чаще и чаще. Яркой манифестацией обострения указанного антагонизма явилась уже знаменитая речь Николая II 17 января 1895 г., обращенная к этим «выборным русской земли», где притязания земской оппозиции были квалифицированы самодержавной бюрократией от лица царя как «бессмысленные мечтания». Затем в начале след. десятилетия, как известно, последовал целый ряд мер, направленных к дальнейшему обузданию земской «крамолы», в виде запрета земствам сноситься между собой (25 авг. 1901 г.), стеснений земской статистической, продовольственной, медико-санитарной деятельности (1902), и завершившихся, наконец, — под предлогом ревизий, —

целым погромом ряда земств в министерство Плеве (см.), объявившего беспощадную «борьбу с революцией» главной своей задачей и прямо заявившего, что «земцы должны отказаться от всякого намека на стремление добиться представительства». Нельзя не отметить при этом, что как на подъем земской оппозиции, так и на усиление правительственных репрессий, направленных против нее, оказала не малое влияние та роль, которую в подталкивании земцев «влево» играл так называемый «третий элемент», та служивая разночинная, радикально настроенная земская демократия, которая в лице статистиков, врачей, учителей, агрономов и пр. лиц фактически строила земское дело и, по выражению Плеве, образовала из себя «когорты санюлотов». Министерство внутренних дел еще в 1866 г. обратило внимание на этот «опасный» элемент. С усиленным же приливом в эту среду, особенно в 80-х г.г., значительных кадров бывших революционных деятелей и общим ростом с 90-х г.г. численности «третьего элемента», последний стал приобретать все более и более влияния в земствах, как культурная и общественная сила. Недаром самарский вице-губернатор Кондоиди в 1899 г. предупреждал земских деятелей об «опасности», которая грозит им со стороны этих «особей», этого нового фактора в земстве, «не принадлежащего ни к администрации, ни к числу представителей местных сословий». Земцы, однако, до поры до времени не внимали подобным предостережениям, и первоначально образовался довольно прочный союз между теми и другими, пока мелко-буржуазная интеллигенция, еще не оправившаяся от своих упадочных настроений, довольствовалась чисто культурнической работой на местах. С последующим ее отходом вновь к «революции», само собой должен был расстроиться

и временный блок между нею и земскими либералами. Конец 90-х г.г. и начало XX ст., пока еще призрак социальной революции не успел в достаточной степени запугать аграрной буржуазии, она продолжала поднимать свой тон и усиленно организовывалась. Во второй половине 90-х г.г. идут почти непрерывные съезды и совещания земских деятелей, принимающие временами полулегальный характер (с ведома властей) в атмосфере приближающейся «революции», по мере того как правительство вновь начинает терять свою недавнюю самоуверенность. Конечно, все эти явно провокационные декларации были рассчитаны на то, чтобы привлечь на сторону власти пресловутые «благомыслящие» элементы в целях борьбы с подлинной революцией, поднимавшейся снизу.

Конечно, не либеральная шумиха осмелевшей буржуазии, никогда не скрывавшей своей контрреволюционной подоплеки, была истинной причиной беспокойства, вновь охватившего правительство. Последнее отлично знало настоящую цену этой новой фронды. Для него, как и для самой буржуазии, пугающей угрозой являлся тот наступающий социализм «на европейский образец» (революционный марксизм), в ожесточенную борьбу с которым (как было отмечено выше) на ряду с идеологами народничества уже давно вступила буржуазная наука и публицистика (Чичерин, Катков и др.) и который теперь стал уже реальной «опасностью», превратившись в боевую силу, овладевшую российским пролетариатом. Успехи промышленности и растущего вместе с ней массового рабочего движения на этот раз окончательно решили вопрос об «исторических путях русского народа» и о «судьбах русского капитализма». Едва только диспут на эту острую тему перешел из сферы народнической романтики

на почву конкретных фактов, как утопия народнического социализма и расчеты на «мужицкий коммунизм» должны были рассыпаться в прах. Последняя отчаянная попытка Н. Михайловского (нач. 90-х г.г.) спасти старую догму окончилась полной капитуляцией развенчанного народника, подобно П. Лаврову сложившего под конец свое полемическое оружие и заявившего, что «наши теоретические возможности (самобытного пути развития Р.) превратились в простую иллюзию» и поэтому «пора бы нам перестать толковать об отличном историческом пути Р. в противоположность к Западу. К середине 90-х г.г. доктрина научного социализма (марксизм) при таких условиях одерживает решительную победу над народничеством. Марксизм быстро овладевает умами молодежи, и «Капитал» становится настольной книгой студенчества. Из кружков и конспиративных собраний новое учение перебрасывается, наконец, и на страницы периодической («Самарский вестник», «Начало», «Новое слово», «Жизнь» и др.) и непериодической печати. Вместе с тем на ряду с распространением идей революционного марксизма на сцену выступает т. наз. «легальный марксизм» (см. XL, 559), так характерно отметивший (по замечанию Ленина) появление новой интеллигенции на службе промышленности и капиталу (П. Струве, Туган-Барановский, Булгаков и др.), усиленно подчеркивавшей уже в своих первых выступлениях победное шествие русского капитализма и затуманенной его внутреннюю противоречивость и революционизирующую миссию. Сыграв известную положительную роль в борьбе с народничеством, легальный марксизм вскоре сам был разоблачен Лениным в своих буржуазных основах и должен был сойти со сцены. Но счерченная выше борьба на идеологическом

фронте отнюдь не была только борьбой теоретической. Одновременно с ней шла работа по организации партии рабочего класса. Первоначальной русской марксистской организацией явилась возникшая в 1883 г. за границей «Группа освобождения труда» (см. XL, 555 сл.). В 1880-х и 90-х гг. в ряде городов действуют отдельные с.-д. группы. В 1895 г. в Петербурге организуется «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» с В. И. Лениным во главе. Такие же «союзы» возникают и в других крупных городах. В 1897 г. возникает еврейский «Бунд». В 1898 г. происходит I-й Съезд «Российской социал-демократической рабочей партии», ставшей после 2-го съезда (1903) в своем большинстве под боевое знамя революционного марксизма, или большевизма (см. XL, 567/81), идеи которого Ленин насаждал еще в петербургском «Союзе борьбы». Мы уже знаем, что на пути своего развития российской социал-демократии пришлось бороться с довольно влиятельным одно время течением так назыв. «экономизма». Однако последовательным революционным марксистам, под руководством ленинской «Искры» удалось в итоге упорной борьбы преодолеть и это оппортунистическое течение. Правда, рабочая масса в ее основной громаде еще не успела, несмотря на все показательные уроки самодержавия, изжить свои политические предрассудки, которые она донесла до исторического «9-го января», когда расстрел безоружной толпы открыл, наконец, ей глаза на ее истинное положение. Но там, где этой многомиллионной массе не хватало ясного классового самосознания, ее выручали ее классовый инстинкт и активность пролетарской партии, зревшей и закалявшейся в борьбе с различными оппортунистическими течениями, («рабочедельчество», меньшевизм). Вот почему и зубатовская провокация с ее предатель-

ским «полицейским социализмом», направленная против социал-демократической пропаганды в ее «российской» и «бундовской» организациях и пытавшаяся противопоставить им свои «рабочие союзы» и «еврейскую независимую рабочую партию» (1901—1902), не смогла увлечь на путь «благонамеренного» профессионализма рабочей массы, но была сметена этой последней в ее бурном потоке. Таким образом, в то время как буржуазия еще только собирала свои нестройные ряды для предстоящей борьбы, партия революционного пролетариата уже была налицо. (См. ниже — *революционное движение в Р.*, гл. XV).

Образование новой революционной идеологии, тесно связанной с движением трудовых масс, должно было послужить общему подъему общественного движения. Это сказалось, как мы видели, на оживлении либеральной оппозиции. Прежде чем российский пролетариат успел выявить свое подлинно-революционное лицо, либеральная и радикальная буржуазия, несомненно, в известной мере готова была опереть свою фронду на влечи рабочего движения в надежде без социальной революции, за его счет добыть себе вождеденную «конституцию». Она не прочь была запугивать правительство «кровавым призраком» революции, боясь сама верить в ее возможность, и поэтому готова была подняться до пафоса «революционной» фразеологии, организуя демонстративные выступления против «самодержавия». Но гораздо в большей мере отмеченный выше факт должен был повлиять на мелкобуржуазную интеллигенцию, для которой теперь открывался, наконец, выход из того тупика, в какой она уперлась в период торжества упадочных настроений и блужданий в поисках нового «спасающего догмата». Эта демократическая, декларированная трудовая интеллигенция, в роли «мыслящего

пролетариата», еще недавно мирно сотрудничавшая с «либералами», теперь решительно поворачивает в сторону революционной идеологии. И это прежде всего сказывается в движении учащейся, гл. образом университетской молодежи, которая в начале 90-х гг. начинает оживать и с жадностью усваивать новые идеи и прежде всего философию марксизма. Этому в значительной мере содействует и то оживление в развитии положительного научного знания, которое наступило со второй половины XIX ст. под влиянием промышленного переворота пореформенной эпохи. Если до середины XIX в. русская национальная наука представляла, по словам одного из ее историков, «обширную пустыню с редкими, небольшими оазисами», то объяснялось это всем строем феодально-крепостнического уклада дореформенной Р., где преобладали учения идеалистической философии и «литературные» (эстетические) интересы, точные же науки почти вовсе не находили почвы для своего развития. Научные учреждения и ученые были наперечет и владели весьма печальное существование. Лишь с 60-х гг. у нас начинается эра «положительных», «реальных» знаний. Естествознание и естественно-научный материализм впервые получают толчок для своего широкого развития, выливаясь, в конце концов, в популярное общественное течение, возглавляемое Писаревым и получившее, по почину Тургенева, характерную кличку г. н. «нигилизма», или базаровщины. Целый ряд первоклассных и выдающихся ученых выступает теперь, полагая основы русской науке и создавая целые научные школы. Блестящее развитие получают науки химическое, благодаря трудам Зинина, Бутлерова, Менделеева — автора классических «Основ химии» и теория периодической системы элементов, а также Мен-

шуткина и П. Бекетова. Физики с своей стороны выставляют ряд своих видных представителей в лице Столетова, Лебедева и др., астрономы — Бредихина, минералог — Вырубова, палеонтологи — В. О. Ковалевского, биологи — Сеченова, Мечникова, А. Ковалевского, А. Бекетова, Бородина, К. А. Тимирязева, И. П. Павлова и т. д. Многие из названных ученых приобретают мировое имя. Русская наука, таким образом, их общими усилиями и трудами их преемников получает широкое развитие и прочную базу, встав в уровень с западно-европейским научным знанием. Несмотря на отчаянные попытки пореформенного правительства затормозить этот блестящий расцвет научного творчества в Р., путем введения нового университетского устава 1884 г., культивированием «классической» школы за счет «реальной» и целым рядом других стеснений научной мысли, рост промышленного прогресса, в противовес этим усилиям реакции, создавал необходимые предпосылки для дальнейшего успешного научного прогресса. При таких условиях 90-ые гг. XIX ст. являются эпохой распространения в Р. диалектико-материалистического миросозерцания, выросшего на основе классово-борьбы и научного естествознания. Диалектический материализм, ставя себе целью не только «объяснить», но и «изменить существующий мир», оказался вместе с тем и революционной, действительной теорией «научного социализма», т.-е. классовой идеологией революционного пролетариата. Такова была та умственная атмосфера, в которой росло молодое поколение 90-х г.г.

Уже с середины 80-х гг. среди последнего появляются некоторые признаки начинающегося оживления (ср. XLII, 334 сл.). Университетский устав 1884 г., с одной стороны, задерживал развитие студенче-

ского движения, с другой — создавал все возрастающее чувство недовольства в массе учащейся молодежи, уже прорвавшееся в протесте 1884 г. Последнее, однако, не сразу приобретает политический характер, так как студенчество главным образом было занято внутренней работой выработки нового миросозерцания и как раз в своей наиболее организованной части, под руководством Союзного совета (как это имело место в Москве), решительно чуждалось всякой «политики», занимаясь исключительно вопросами материальной взаимопомощи («кассы»). Впрочем, в отдельных случаях, особенно в конце 80-х гг., мы наблюдаем уже среди столичного студенчества нередкие прорывы открытого бурного протеста. Однако, в своей массе студенчество держалось по преимуществу «академической», мирной тактики и на I и II своих съездах в своем руководящем большинстве решительно высказалось в 1894 г. против университетских «беспорядков», всеми силами противодействуя последним, так что первая половина 90-х гг. проходит в высшей школе без нарушений академической жизни, при чем в том же 1894 г. «Союзный совет землячеств» московского университета пытается даже обратиться по университетским делам с адресом к царю, составленным в «верноподданном духе». Этот академический «экономизм» и аполитизм являлся характерным наследием глухой поры 80-х гг. Однако, студенчеству удается недолго выдерживать позицию легальной борьбы за свои корпоративные и профессиональные интересы. Создав довольно стройную собственную организацию (касса, библиотека, курсовые старосты, суд. коллегия), обнимающую, например, в московском университете 1.700 чел., студенчество тем острее чувствовало свое бесправное положение в стенах университета,

особенно при все усиливавшемся полицейском гнете и произволе администрации. И чем настойчивее Союзный совет отбивался от «политики», тем решительнее эта последняя в лице реакционного правительства врвалась в жизнь молодежи высшей школы и тем все более нарастало в среде студенческой массы недовольство политикой его руководящего органа. Попытка объединения студенчества под флагом беспартийности на почве чистого академизма тем более теряла под собой прочное основание, чем все яснее выявлялась классовая дифференциация среди самого студенчества и процесс его расслоения давал себя чувствовать все сильнее и сильнее. Уже волнения 1887 г., вспыхнувшие в московском университете во время известной брызгаловской истории и перекинувшиеся в провинцию, прошедшие под лозунгом борьбы за университетскую автономию, были характерным предвестником нарастающей оппозиции среди учащейся молодежи. Борьба с университетским «начальством» уже невольно приобретала политическую окраску, хотя большая часть студенчества все еще не представляла себе ясно связи, существующей между школьным и общим политическим режимом в стране. Иначе уже обстояло дело в середине 90-х гг., когда вдруг вспыхнули бурные студенческие волнения в 1894—96 гг., после того как полиция перехватила петицию московских студентов (об автономии), предполагавшуюся к поднесению только что вступившему на престол (21/X 1894 г.) Николаю II. В то время как Союзный совет старался удержать товарищей на лояльной почве, правительство решительно стало в данном случае на точку зрения борьбы с «революцией», явно провоцируя студенчество на путь более решительных выступлений, которые и последовали. С этого момента волна движения университетской моло-

дежи не только начинает подниматься, но и движение это начинает принимать явно политический оттенок (ходынская демонстрация 1896 г., похороны Плещеева и т. п.). При этом Союзный совет все более и более начинает терять свой авторитет, вызывая против себя протесты со стороны более радикального студенчества, которое уходит «в пропаганду» среди рабочих и, порывая с академизмом, вступает на путь революционной борьбы под знаменем социализма. С этого времени студенчество выходит (вместе с рабочими) на улицу и начинает усваивать самые формы рабочих выступлений в виде университетских «забастовок». Борьба академическая переходит в политическую. Этот переход учащейся молодежи на новый этап борьбы облегчается ей новым усилением правительственных репрессий. Массовое студенческое движение конца 90-х гг., сопровождавшееся свирепым избиванием студентов полицией на улицах Петербурга, вызвало — наконец — первую всероссийскую студенческую «забастовку» в феврале 1899 г., в которой приняло участие до 25 тыс. студентов, на что последовало, в качестве ответа царского правительства, опубликование (по инициативе Витте) в июле того же года знаменитых «Временных правил» об отдаче студентов за участие в «беспорядках» в солдаты. Попытка применения этой решительной меры в 1900 г. в Киеве вызвала новый взрыв со стороны учащейся молодежи весной 1901 г., когда студенческое движение слилось с выступлениями рабочей массы в грандиозных демонстрациях. Таким образом, с этого момента кадры радикального, социалистического студенчества окончательно вливаются в общее русло поднимающегося революционного движения. Естественно, что старая общестуденческая организация «объеди-

ненных землячеств» при таких условиях теряет всякое значение, и Союзный совет сходит со сцены. Внутри студенчества также завершается эволюция его разделения на «радикалов» и «независимых», «политиков» и «академистов», партии, ставшие друг к другу в явно враждебные отношения. Все эти новые течения и настроения в студенчестве достаточно определенно заявили о себе на первом всероссийском студенческом съезде в марте 1902 г. Студенчество, как революционная сила, окончательно определилось в своей демократической, разночинной массе. Правительство, науганное новым характером движения университетской молодежи, в министерство Ванновского (см.) делает и в данном направлении попытку отвести это движение в мирное русло отмиравшего «академизма», как это им было проделано относительно движения рабочего. С означенною целью 30 дек. 1901 г. правительством были опубликованы «Временные правила организации студенческих учреждений», коими студентам предоставлялось право устраивать научные кружки, кассы, чайные и т. п. Студенчество, конечно, поспешило воспользоваться возможностью легально организоваться, но цель правительства не была достигнута. «Уступка» уже запоздала, тем более, что — по существу — она не меняла общего университетского режима при сохранении все того же устава 84 г. Эта своеобразная академическая «зубатовщина» не могла внести ожидаемого властями успокоения в жизнь высшей школы и, не произведя никакой коренной реформы ее, лишь создала благоприятную почву для вытягивания массы студенчества во все возраставшее среди него общественное движение, выявляя в то же время с большей определенностью внутреннее расслоение университетской молодежи на «академистов» и «полити-

ков» и содействуя росту ее революционных кадров накануне первой русской революции XX в., в которой студенчество приняло деятельное участие. Но, прежде чем разразилась революция, студенческая молодежь поспешила вступить в единоборство с «самодержавием», так сказать, форсируя события. В то время как Николай II ускоренными шагами подвигался по пути все усиливающейся борьбы с «крамолой», теснее закрепляя свой союз с охранкой, среди революционно настроенной мелко-буржуазной молодежи началась реставрация традиций конца 70-х гг. Не удовлетворяясь профессиональным характером массового рабочего движения и отступая перед трудностями его революционной организации и в то же время «оставляя на будущее систематическую деятельность среди крестьянства», вера в «бунтарские» способности которого была еще недавно утрачена этой молодежью, последняя вновь выдвигает террор, «пропаганду действием» как главное орудие против пошатнувшихся твердынь «самодержавия». Обращаясь, главным образом, со своим призывом к радикальной интеллигенции, «третьему элементу», она выделяет из своей среды боевых одиночек. Уже в 1899 г. от руки студента Карповича погибает министр народного просвещения Богелепов (см.), в 1902 г. жертвой нового террористического акта падает министр внутренних дел Сипягин (см.), и, наконец, в 1904 г. та же судьба постигает министра внутренних дел Плеве (см.). Все возрастающее к этому времени аграрное движение, сопровождающееся разгромом помещичьих усадеб, окрыляет террористов новыми надеждами и способствует новому расцвету мелко-буржуазной революционной идеологии с ориентацией на революционную деревню. При таких условиях

происходит зарождение «партии социалистов-революционеров» (1902), к которой отходят, с одной стороны, отколовшиеся «марксисты», с другой — пережившие пору «безвременья» старые революционные народники, тщетно пытавшиеся зажечь в 70-х гг. пожар «народного восстания», которое теперь — казалось — сулило им полное торжество их разбитых надежд. Так был переброшен мост к революционному народничеству 70-х гг. через реставрацию «террора», промежуточным звеном между которым и «народовольчеством» конца 70-х гг. промелькнула эфемерная организация «партии народного права» (см. ниже и XL, 560/61).

Подводя итоги социальным движениям 90-х и начала 900-х гг., мы можем констатировать колоссальный сдвиг в данном направлении после «передышки» 80-х гг., когда страна переживала пору глубокого временного застоя, развязавшего руки феодально-крепостнической самодержавной реакции. В какой-нибудь десяток лет с небольшим произошла такая «раскачка» как в «верхах», так и в «низах» пробудившейся страны, что в генеральном штабе реакции уже явно заговорили о приближающейся настоящей революции. Положение резко изменилось с момента обнаружения манифеста Александра III, которому приходилось считаться лишь с горстью революционеров, присвоившей себе название исполнителей «народной воли». Теперь процесс классового расчленения и самоопределения общественных сил уже подходил к своему завершению, образовался и приходил к окончательному своему выявлению ряд партийных группировок, формировались кадры революции с ее авангардом организованного пролетариата. Широкое движение трудящихся масс придавало совершенно новый смысл и характер «общественному движе-

нию», которое выходило на этот раз из узких, ограниченных пределов интеллигентского, по преимуществу, движения — от декабристов до народовольцев включительно. И в тесном соответствии с этим историческим поворотом в судьбах русского «революционного» движения стоял и поистине «erосchemachender» поворот, совершившийся в идеологической области. Одновременно с ростом и накоплением революционных сил оформлялась и революционная теория. Русское общество на относительно небольшом отрезке времени проделало огромную работу мысли, подлинную «переоценку всех ценностей». Этапы этой стремительной идейной работы нашли свое, можно сказать, протокольное отражение в повестях В. Вересаева — «Без дороги», «На повороте», «Поветрие» (1895—1902), а литературный дебют М. Горького, на фоне чеховской картины окончательного умирания и разложения культуры и быта жутких «вишневых садов», прозвучал как бодрый призыв к борьбе. На место безнадежной лирики Надсона, столь популярной в 80-х гг., с ее жадной буддийского «покоя небытия», в художественной литературе возрождаются жизнерадостные настроения. Там, где недавно разочарованные художники слова, утратившие свою веру в «народ» и интеллигентские иллюзии, видели лишь торжество «зологической, лесной» правды и разброд, В. Г. Короленко, с присущим ему романтическим оптимизмом, сумел среди «тьмы» и «первобытной» грубости уклада народной жизни разглядеть светящиеся «огоньки», новую, глубоко сокрытую под слудом царящего бесправия массу, хранящую ими «высшую правду», несущую с собой обновление старому миру. В то же время раздался боевой крик «буревестника», и сказала (по словам поэта) «в этом крике жажда бури. Силу гнева,

пламя страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом крике!». А «тучи», как мы видели выше, действительно собирались все грознее над романовской империей. Предчувствие близкой грозы заставляло царское правительство со все возрастающим беспокойством искать спасующего выхода из обострившегося до крайности положения, чреватого серьезными потрясениями, то усиливая репрессии, то вновь показывая русскому обществу свой «лисий хвост» в очередной гастроль Святотопка-Мирского, с целым рядом примирительных обещаний (манифест 12/XII 1904 г.), то кидаясь, наконец, во внешнеполитические авантюры. Но, прежде чем обратиться к этому последнему средству, реакционная клика, в лице правящей бюрократии, попыталась до конца использовать голое насилие в надежде вырвать с корнем «гидру» крамолы, у которой, как в сказке — на место одной отрубленной головы выросло две новых. Изверившись в бесплодности своей «народной» и «рабочей» политики, правительство кончает тем, что на ряду с учреждением (1 февр. 1899 г.) фабричной полиции в городах и промышленных центрах вводит в деревне (в 46 губерниях) так называемых «сельских стражников» (1903) и с беспощадной жестокостью подавляет военной силой всякое проявление протеста со стороны как рабочих, так и крестьянства, устраивая целые карательные экспедиции в ответ на разгромы помещичьих усадеб. Организовав «усиленную и чрезвычайную» осаду русского общества и все расширяя ее охват, оно распространило затем свою репрессивную политику на окраины под лозунгом борьбы с «сепаратизмом» и охраны «истинно-русских» начал. Здесь в первую очередь его внимание было направлено на старый очаг «революций» — поль-

ский край. Память о последнем восстании 1863 г. была еще свежа и являлась удобным поводом для катковской агитации против «польской интриги», которой он готов был приписывать руководящую роль в развитии русского оппозиционного и революционного движения. Политика «замирения» Польши, по существу, и в данном случае преследовала на этой окраине ту же цель, что и внутри страны, — разоружение общественных сил. Однако, условия, при которых теперь приходилось вести борьбу с польской «крамолы», резко изменились под влиянием огромных успехов местной промышленности. Борьба старой «панской» феодальной Польши за национальную независимость теперь получила совершенно иную постановку в атмосфере разгоравшейся классово-борьбы внутри польского общества, где наметились те же тенденции, что и в остальной империи. Уже в 70—80-х гг. на сцену и здесь выступает промышленный пролетариат, и складывается на ряду с окрепшей буржуазией польская социалистическая партия. Феодально-шляхетская фронда польского национализма, реакционного в своей основе, но боевого в своей «патриотической» борьбе за «историческую» Польшу, встретила со стороны самодержавного правительства решительный отпор под флагом «национализма» истинно-русского, выдвинувшего программу «обрусения» окраины. Насаждала помещное землевладение (банк. реформа 1894 г.) российского дворянства в крае, покровительствуя, за счет панов, местному крестьянству, русифицируя государственный аппарат и школу в польских губерниях, правительство пыталось сблизиться в то же время с польской буржуазией, которая обнаруживала, с своей стороны, явное стремление к установлению лояльных отношений с русским правительством и ре-

шительно восстала против «традиционных вооруженных вспышек», тем более что у нее появился более опасный для нее враг в лице пролетариата. Польская буржуазия стремилась, главным образом, обеспечить «широкое поприще своим торгово-промышленным завоеваниям» путем укрепления своей «внутренней независимости» под сенью российской империи в противовес «старому политическому катехизису», основной заповедью которого являлась «независимая» Польша. Лавируя между этими внутренними течениями польского общества, российское правительство, в лице особой «комиссии», проводило свои русификаторские с славянофильским уклоном меры (см. XXXVI, ч. 1, 684/88). В результате эта одиозная вызывающая политика так называемого «умиротворения» приводила, в конечном счете, как раз к обратным последствиям, отталкивая от царского правительства даже и те элементы, на поддержку которых последнее могло бы, казалось, рассчитывать. Та же участь постигла и другую окраину — Финляндию, несмотря на отсутствие каких-либо вспышек со стороны этой колонии, попавшей в лапы самодержавной империи. «Конституционная» автономия этой области, расположенной у самых ворот резиденции царизма, не могла быть долее терпима. Целым рядом законодательных актов 1890 и 1904 гг., начиная реформой почты и кончая установлением общеимперского законодательства и расформированием финл. армии, с конституцией края было, по существу, покончено, а «бобриковский» режим (1898—1904) обрусительной политики привел и на этой окраине к насаждению тех самых российских порядков, которые и здесь завершились совершенно небывалой для Финляндии катастрофой убийства Шауманом генерал-губернатора

Бобривова. В том же направлении правительство Александра III действовало и в Прибалтийском крае (см. *латыши*, XXVI, 494 сл., 520/23, и *прибалтийское право*), где объектом его резко обрусительной политики явилось главным образом латышское трудовое население края, усиленно эксплуатируемое, при поддержке той же русской власти, отзейскими «баронами», из среды которых дом Романовых обычно рекрутировал наиболее преданные ему кадры придворной и высшей служилой бюрократии. В целях нивелировки общего управления края в 1888 г. было в нем введено новое полицейское положение, а законом 9 июля 1889 г. учреждены в лице особых комиссаров, назначенных мин. внутр. дел, специальные органы власти (в духе земск. начальников) для наблюдения над крестьянским волостным самоуправлением, а также введены «Судебные уставы», однако без суда присяжных и сословных представителей. Но главным орудием проведения истинно-русской политики в Прибалтийском крае явилась местная школа всех ступеней. Рядом узаконений (1884, 1886, 1887, 1889 и 1890 гг.) — одновременно с переименованием Дерпта в г. Юрьев — всюду был введен вместе с преподаванием на русском языке и соответствующий учебный режим по общеимперскому образцу с сугубым нажимом на преподавательский персонал. Конечно, результатом подобного рода системы и в данном случае явилось все возрастающее озлобление среди угнетенной народности (латышей) против царского правительства, вызвавшее в свою очередь подъем национального движения, а затем и рост революционных настроений в массе сельского и промышленного, в сильной степени пролетаризированного населения края. Наконец, отзвуками той же обрусительной политики явилась и

произведенная в 1903 г. конфискация имуществ армянской церкви на Кавказе в ответ на поднявшееся национальное движение среди армян, обостренное и здесь той же системой угнетения национальных меньшинств (см. III, 532/33). Но особенно вопиющие формы эта система приняла при Николае II в отношении евреев. Уже целый ряд мероприятий, принятых в этом направлении при Александре III, сделал жизнь русских евреев настолько невыносимой даже в пределах их «черты», что вслед за первыми переселениями 80-х гг., с началом нового столетия (1900—1904), фараонова политика нового царя вынудила последних начать «великий исход» из Р., гл. обр. в Соед. Штаты, а также в Палестину, создав в среде еврейства вместе с тем так называемое движение «сионизма», поставившее своей целью восстановление «еврейского царства» в Палестине (см. XIX, 462/63, и XXXIX, 103 сл.). Но движение это не только не смягчило все возраставшего антисемитизма правящих сфер, но в ответ на поднимающееся революционное движение в русском обществе последние открыли новую кампанию еврейских погромов (см. XIX, 479/81). Чем ближе мы подходим к историческому рубежу 1905 г., тем все яснее выявляется общий результат этой, в конце зарвавшейся, политики разнузданной реакции, которая сумела привести в движение (пусть временно) самые «благомыслящие» элементы общества.

Поднимающаяся волна всеобщего протеста сливавшихся в один поток либерально-буржуазной оппозиции и революционного движения тронувшихся трудовых масс, волна, которую теперь уже не могли остановить в ее стихийном порыве никакие барьеры и плотины, убедила и само правительство в недостаточности одного только простого насилия. Почувствовав, наконец, в свою очередь, себя в осад-

ном положении, прежде чем решиться на какие-либо уступки, оно решилось прибегнуть к последнему средству, к какому ему уже приходилось не раз прибегать в подобного рода крайних обстоятельствах. Чтобы «рассеять революционный угар», власти хватаются за идею Плева о «маленькой победоносной войне!» На путь военной авантюры их толкали, впрочем, не одни только соображения отвращения общественного внимания и переброски с внутреннего «революционного» фронта на военный фронт беспокорных масс рабоче-крестьянской «армии труда»: не малую роль играл здесь и военно-феодальный империализм, толкавший царское самодержавное правительство, в условиях связанности российского капитализма полукрепостническими отношениями (слабость внутреннего рынка), на путь хищнической колониальной политики и завоевания внешних рынков. Правда, катастрофическое состояние русских финансов и угрожающие перемены в сфере международных отношений (угроза со стороны Германии и поиски новых союзников) вынудили Александра III всячески воздерживаться от новых военных выступлений и, в первую очередь, заняться внутренними делами, изысканием необходимых материальных средств и новых «друзей» в противовес новым «врагам». Отсюда провозглашение «мирной» политики, попытка его сына поднять на Гаагской конференции (1899 г.; см. XII, 239) вопрос о частичном разоружении в целях облегчения непосильных для Р. затрат на поддержание «вооруженного мира» (рост военного $\frac{1}{2}$ бюджета, ассигнование на постройку флота 1898 г. и т. д.), пожирившего народные средства, отсюда же и франко-русский «алльянс» с французскими банкирами и правительством республики, и тулон-кронштадтские демонстрации «на страх врагам» (1891),

и отсюда же — наконец — репутация «царя-мироворца», прокламированная во славу императора, объявившего войну своему народу. Однако, эта «мирная» политика — поневоле отнюдь не означала действительного отказа правительства Александра III и его сына от завоевательных поползновений. Пытаясь поднять свои ресурсы на счет французского золота, Александр III вовсе не остался чужд агрессивной завоевательной политики. Идя по стопам своих предшественников, он, держа в одной руке, обращенной на Запад, ветвь мира, в то же время направил другую — вооруженную — по трем направлениям: на Ближний Восток, в Среднюю Азию и, наконец, к берегам Тихого океана. Мы уже знаем, что два первые направления определились еще со времен Николая I. Отечественная капиталистическая промышленность, «блестящие» успехи которой, особенно в данную эпоху, в значительной мере были искусственно вздуты и далеко не оправдывались состоянием массового внутреннего рынка, стремилась уже с первых своих шагов компенсировать себя за счет завоевания внешних рынков и колониальных захватов. Ее настойчивый *Drang nach Osten*, — правда, неизменно разбивавшийся о стену сопротивления европейских держав, — повторился и на этот раз в новых попытках пробиться, под видом покровительства балканским славянам, прежде всего на Ближний Восток путем утверждения своего протектората в Болгарии. Однако, Болгария, «освобожденная» русскими, сумела в свою очередь освободиться от влияния русского правительства (1886), ступив, вопреки ожиданиям и расчетам последнего, на путь «европеизации» и индустриализации (капитализма и конституционализма). Таким образом попытка Александра III превратить Болгарию

в русскую колонию потерпела еще раз жестокую неудачу при содействии ее западных конкурентов, которыми явились в данном случае Германия, Австрия и Италия.

Более успешной оказалась политика завершения завоевания среднеазиатских владений (Туркестана), превращенных в подлинную российскую колонию, где правительству «мироворца» пришлось лишь закончить то, что в основных чертах уже было сделано в предшествующие царствования. Закреплением афганской границы (1885), разделом Памира (1892) и «замирением» при посредстве сурового военного режима Туркестана русскому промышленному и торговому капиталу удалось теперь окончательно освоить этот край хлопковой культуры и мануфактурного рынка. Андижанское восстание 1898 г. отметило победоносное шествие и водворение в этом крае российского империализма.

Но вождедения последнего простирались на этот раз еще дальше, на самые окраины Дальнего Востока. Уже проведение великой сибирской магистрали (с 1891 г.) и военно-коммерческие экспедиции в Китай, под видом охраны «неприкосновенности» и целостности «Небесной империи» от натиска Японии (1895), сопровождавшиеся открытием (на французские деньги) «Русско-китайского банка», получившего железнодорожную концессию в Манчжурии, открыто говорили об истинных намерениях российских империалистов. Наконец, фактическая оккупация (аренда) Порт-Артура (1898) и попытки такого же захвата Кореи (1896—1898), куда «дом Романовых» при деятельном участии придворной камарильи, в лице Безобразова, направил свои промышленные авантюристские спекуляции в целях захвата рудников и прочих богатств Корейского полуострова (знаменитая лесная концессия

на р. Ялу), явились последними хищными актами империалистической агрессии самодержавной империи на Дальнем Востоке, (см. X, 352/55, и выше, стб. 34/36). Николаю II и его сподвижникам из дворянской партии и российской буржуазии, предвкушавшим уже богатые трофеи «победоносной войны», в крови которой они надеялись утопить наступающую русскую революцию, при этом представлялась столь же несомненной и обеспеченной и другая победа — на внутреннем фронте, где, как мы видели, правительство последнего Романова вело непрерывную почти десятилетнюю войну. Провоцированная русской дипломатией и придворной кликой война и была открыта японскими миноносцами 26 янв. 1904 г. на порт-артурском рейде. Но, вместо ожидаемой «маленькой победоносной войны» на страх внешним и внутренним врагам, получилось величайшее, небывалое в летописях русской истории, поражение, приведшее к полному разгрому сухопутных и морских сил николаевской военщины через позор Порт-Артура, Мукдена и Цусимы (см. ниже — *Русско-японская война*). Катастрофические события на театре военных действий послужили вместе с тем как бы сигналом для начала революции внутри страны, в особенности после того, как пальба «пачками» в безоружную толпу «9-го января» разъярила российскому пролетариату, в последний раз обратившемуся было «к царю за правдой», что «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих».

Мы уже имели возможность убедиться из всего вышесказанного, сколько к началу XX ст. во всей стране накопилось горючего материала. Достаточно было теперь искры, чтобы вспыхнул всеобщий пожар. Все общественные силы, как и самая государственная власть, вышли, так сказать,

из своих обычных пределов. В движение пришла действительно вся страна, и уже никакое организованное насилие исчерпавшей себя реакции не могло остановить грозного движения масс, вылившегося в грандиозную всероссийскую «октябрьскую» забастовку (1905) и декабрьское восстание. Октябрьская забастовка вынудила правительство Николая II поспешить санкционировать манифестом 17-го октября те самые «бессмысленные мечтания», против которых так уорно оборонялись сын, внук и, наконец, он, правнук Николая I, клявшегося скорей «отступить до Китая», чем подписать ненавистную ему «конституцию». Николай II своим наступлением до Тихого океана рассчитывал предотвратить ту же угрозу, памятуя завет своего отца — «не уступать ничего», и кончил двойным поражением.

Б. Сьвромятников.

XIV. Русско-японская война 1904—1905 г. (О причинах возникновения войны см. выше, стб. 33/36 и 311/12). Главные сухопутные операции развернулись в южной Манчжурии, на территории, не принадлежавшей ни Р., ни Японии и при том удаленной на большие расстояния от основных баз, т.-е. источников средств обоих противников (*черт.* 1 и 2). Для Р., если считать от Ляояна до Челябинска, это расстояние составляло около 6.000 км по одноколейной жел. дороге, плохо выстроенной и скудно оборудованной. Сибирская магистраль давала в начале войны 6 пар сквозных военных поездов в сутки, а западный участок Китайской Восточной жел. дор. (ст. Манчжурия—Харбин) всего лишь 3 пары поездов. Этот наименьший пропуск и определял провозоспособность железнодорожной линии на всем ее протяжении от Челябинска до Ляояна. К десятому месяцу войны дорога увеличила свою работу до

9 пар, а к семнадцатому месяцу — до 12 пар военных поездов в сутки.

Положение Японии было сравнительно более благоприятным, но все-таки очень трудным. При наличии русского флота в Порт-Артуре японцы не могли высаживать свою действующую армию прямо на берега Манчжурии, а должны были произвести высадку на зап. берегу Кореи, в портах Чемульпо (гавань Сеула) и Цинampo. Отсюда им нужно было пройти до пограничной реки Ялу 450—250 км по скверным корейским дорогам. Затем от Ялу оставалось еще сделать по операционному направлению на Ляоян около 200 км (в горах), а по операционному направлению на Порт-Артур — 350 км.

Для войны Япония могла выставить, по нормальной организации (с резервными войсками), армию в 10.987 офицеров и 322.527 рядовых. Русская армия, даже в своем мирном кадровом составе, была раза в четыре многочисленнее мобилизованной японской армии, но она была почти полностью расположена в Европ. Р., гл. обр. близ западной границы. К открытию военных действий Р. имела на Дальнем Востоке в районе от Байкала до Великого океана (2.500 км) и от Амура до Порт-Артура (1.500 км) не более 100.000 чел., считая в том числе гарнизоны крепостей и Заамурский округ пограничной стражи, специально назначенный для охраны жел. дорог в Манчжурии. Русская армия по вооружению (трехлинейная винтовка и трехдюймовое орудие), в общем, превосходила японскую армию (винтовки Арисака и Мурата и орудие Арсака). Пулеметов в первый период войны ни у русских, ни у японцев почти не было, и они появились лишь после Шахейского сражения, да и то в небольшом числе; не было и тяжелой полевой артиллерии, как рода войск.

По данным русской официальной морской истории, японский флот в на-

чалу войны имел: 6 броненосцев, 6 броненосных крейсеров, 12 легких крейсеров-разведчиков, 8 мореходных канонерских лодок, 28 эскадренных миноносцев и 19 номерных миноносцев. Русский флот, в общем, был вдвое сильнее японского, но на Дальнем Востоке находилась лишь тихоокеанская эскадра в составе: 7 броненосцев, 4 броненосных крейсера, 7 легких крейсеров-разведчиков, 6 мореходных канонерских лодок, 2 минных крейсера, 24 эскадр. миноносцев и 10 номерных миноносцев. Японский флот имел прекрасно оборудованную базу в Корейском проливе, в треугольнике, образуемом морскими крепостями Сасебо, Симонсеки и Такесики; русский же флот опирался, гл. обр., на Порт-Артур, где даже не было дока для починки броненосцев, вследствие чего их приходилось чинить на воде при помощи кессонов; для починки всех остальных судов имела только один сухой док. Кроме того, броненосцы могли выходить из порт-артурской гавани, соединенной с внешним рейдом узким проходом, только два раза в сутки, во время прилива, и при том не во всякую погоду; в проходе им приходилось двигаться очень медленно при помощи буксирных пароходов.

В Японии война против Р. была необычайно популярна. Наоборот, в Р. интеллигентные круги относились к войне на Дальнем Востоке резко отрицательно, а народным массам она была совершенно чужда; только в правительственных сферах существовали люди, и в числе их мин. внутр. дел Плеве, которые находили начатую войну полезной, в надежде, что военный успех укрепит престиж правительства и задержит революционное движение.

Япония поставила целью войны: занятие Кореи, вытеснение русских войск из южной Манчжурии и овладение крепостью Порт-Артуром. Зная

огромное численное превосходство военных сил Р., японцы рассчитывали на ее неготовность на Дальнем Востоке и были уверены в том, что в случае нужды вмешательство Англии остановит русскую армию, подобно тому, как в 1878 г. оно остановило ее под стенами Константинополя. Сверх того, японцы, хорошо осведомленные относительно положения дел в Р., полагали, что под влиянием военных неудач в ней разовьется революционное движение, которое заставит русское правительство прекратить войну. Впрочем, в случае неудачи в Манчжурии, японцы рисковали лишь тем, что им пришлось бы отойти обратно за р. Ялу в Корею, отсюда выбить их, по условиям этого горного театра и при наличии сильного японского флота, было задачей чрезвычайно трудной.

С русской стороны последний план войны с Японией был составлен в сент. 1903 г. в сухопутном штабе заместника Дальнего Востока. В основу его было положено, что «высадка японских войск может состояться лишь в Корее, и то никак не севернее линии Гензан-Цинампо», т.-е. в 400 км по прямой линии от Ляояна. Для первоначального сосредоточения главных сил русской армии был выбран район Ляоян — Хайчен, так как сюда вели кратчайшие и лучшие пути от пограничной между Кореей и Манчжурией р. Ялу и кроме того армия, сосредоточенная в этом районе, становилась на фланге операционной линии от р. Ялу к Порт-Артуру. Сосредоточение в этом районе признавалось безопасным, так как, по приведенным расчетам, японцы не могли успеть подвести сюда превосходящие силы. Последующих операций план совершенно не касался, но, очевидно, составители его не видели никакой надобности в отступлении из южной Манчжурии на север.

Не возражая против избранного района сосредоточения, тогдашний

военный министр Куропаткин (см.) все-таки нашел последний взгляд «очень оптимистичным». По его мнению, «отстоять южную Манчжурию в первый период войны, если туда вторгнется вся японская армия, мы не можем. Мы должны, как и два года тому назад, готовиться, что Порт-Артур будет отрезан на довольно продолжительное время, и, не допуская наши войска до частного поражения, должны отступать по направлению к Харбину до тех пор, пока прибывшими с тыла подкреплениями не будем усилены настолько, что получим возможность, перейдя в наступление, разгромить японцев».

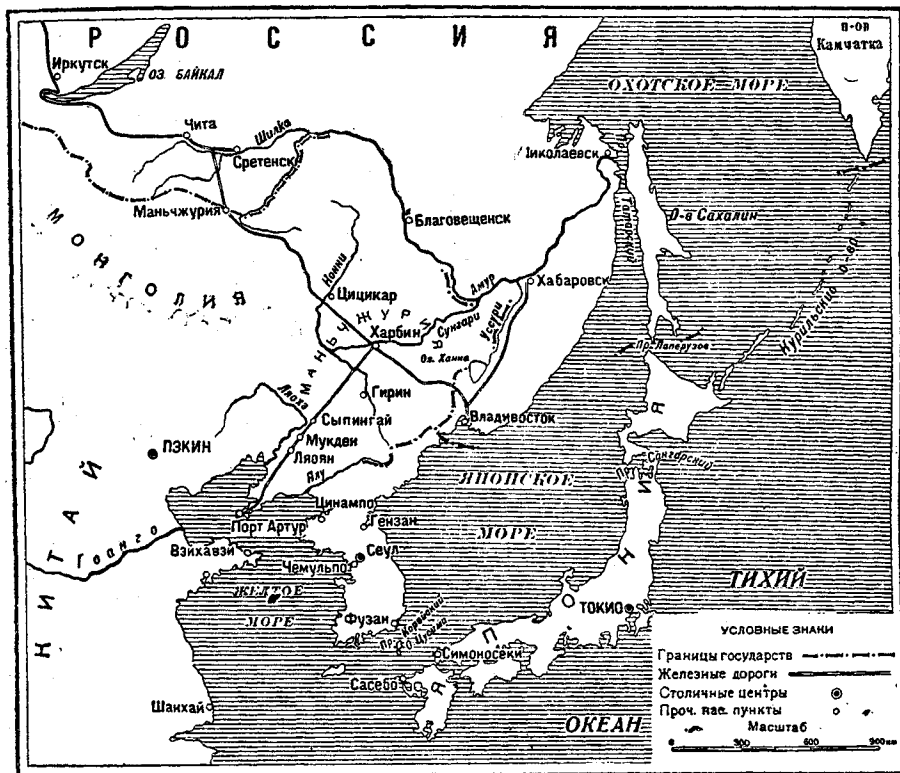
Таким образом, Куропаткин хотел разыграть войну в Манчжурии по образцу Отечественной войны 1812 г.; но обстановка тогда была другая: французам приходилось наступать на огромном расстоянии по стране бедной и опустошенной, а японцы находили нужное продовольствие на месте и пользовались жел. дорогой. Кроме того, следовало принять во внимание, что продолжительное, непрерывное отступление подрывает дух войск, особенно в войне непопулярной. Начальник гл. штаба Сахаров находил, что при взглядах Куропаткина гораздо выгоднее отвести район сосредоточения армии к Харбину и затем, по сборе всех войск, начать войну общим переходом в энергичное наступление.

24 янв. 1904 г. японское правительство прервало дипломатические переговоры с Р. и отозвало своего посланника из Петербурга. Еще накануне, вечером 23 янв., командующий японским флотом вице-адм. Того (см.) получил указ микадо об открытии военных действий. Целью ему было поставлено: уничтожить или хотя бы блокировать русский флот. Разрешение этой задачи облегчалось тем, что «русская тихоокеанская эскадра, которой командовал вице-

адм. Старк, была разбросана: главные силы находились в Порт-Артуре; крейсерский отряд из 4 крейсеров — во Владивостоке; крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» — в Чемульпо (см.); канон. лодка «Манчжур» — в Шанхае и канон. лодка «Сивуч» — в Инкоу.

ночам производилась спешная погрузка угля на суда, вследствие чего последние освещались специально установленными электрическими люстрами, что делало их отчетливо видимыми издали.

Между тем, утром 24 янв., адмирал Того с эскадрой из 6 броненос-

Черт. 1.

С 18 янв. «дабы быть в готовности к немедленному исполнению всякого поручения», главные силы тихоокеанской эскадры, в составе 15 вымпелов, были выведены из закрытой гавани и поставлены на внешнем рейде Порт-Артура. Меры, принятые для охраны от нечаянного нападения, были недостаточны: противоторпедные сети не были поставлены, и в ночное время якорные свги оставались открытыми; кроме того, по-

цез, 10 крейсеров и 18 миноносцев вышел из Сасебо по направлению на Порт-Артур. В то же время эскадра контр-адм. Уриву в составе 7 крейсеров, 12 миноносцев и 3 транспортов с погруженными на них четырьмя батальонами была послана в Чемульпо. Охрана Корейского пролива от покушений владивостокского крейсерского отряда была поручена адм. Такаока с несколькими устарелыми судами. В двенадцатом часу ночи 26 янв.

русские суда, стоявшие во внешнем рейде Порт-Артура, были совершенно неожиданно атакованы японскими миноносцами. В результате броненосцы «Ретвизан» и «Цесаревич» и крейсер «Паллада» получили тяжелые повреждения. «Ретвизан», опасаясь затонуть на глубоком внешнем рейде, пошел в гавань, но в проходе сел на мель, загородив половину его. В этом положении броненосец оставался 30 дней. На след. день, 27 янв. около 11 час. утра, вся эскадра Того показала перед крепостью и открыла огонь. Русские суда отвечали, держась под защитой береговых батарей, которые, по мере доставки снарядов, последовательно вступали в бой. С развитием их огня японский флот отступил. Бой продолжался около 40 минут, при чем были повреждены броненосец «Полтава» и крейсера «Аскольд» и «Новик». Кроме того, уже по окончании боя броненосец «Севастополь» столкнулся с броненосцем «Полтава», получившим подводную пробоину, едва не окончившуюся взрывом боевой мины. Японские суда тоже несколько пострадали; но, судя по сочинению английского генерального штаба, посвященному русско-японской войне, их повреждения были незначительны и скоро исправлены.

Эскадра контр-адм. Уриу приблизилась к Чемульпо вечером 26 янв. Главные ее силы остались в море, а транспорты с войсками, под прикрытием нескольких миноносцев, вошли на рейд и ночью произвели высадку. В 8 час. утра 27 янв. Уриу послал командиру крейсера «Варяг» кап. I ранга Рудневу требование выйти в море до полудня, добавляя, что в случае отказа он будет атаковать русские суда на рейде. Находя невыгодным принять бой на тесном рейде, «Варяг» и «Кореец» в 11 час. 30 мин. утра вышли в открытое море. В расстоянии 12 км от

порта произошел бой, который продолжался, считая от первого выстрела до последнего, всего 14 минут. В этом бою «Варяг» сильно пострадал, «Кореец» же, на который японцы не обращали внимания, получил лишь одну незначительную надводную пробоину. Из 535 чел. команды «Варяга» было убито и ранено 115 чел. На канонерке «Кореец» потерь совсем не было. После этих боевых действий оба корабля вернулись на рейд, где «Варяг» был потоплен, а «Кореец» взорван, при чем команды были предварительно перевезены на иностранные военные суда, находившиеся в порту Чемульпо. Однако, «Варяг» был потоплен на мелком месте, вследствие чего японцы легко подняли его и по исправлении зачислили этот прекрасный крейсер, под именем «Лоя», в списки судов своего флота.

27 янв., по получении в Петербурге донесения о внезапном нападении японского флота на порт-артурскую эскадру, был издан манифест о войне с Японией. На след. день «для объединения действий сухопутных и морских сил, сосредоточиваемых на Дальнем Востоке», наместнику адм. Алексееву (см.) были предоставлены права главнокомандующего армиями и флотом.

2 февр. Куропаткин представил Николаю II записку о наивыгоднейшем способе действий против Японии. В этой записке говорилось: «План кампании должен быть очень простой: 1) Борьба флотов за главенство на море. 2) Десант со стороны японцев и противодействие ему. 3) Оборонительные действия с широким развитием партизанских действий до сбора достаточных сил. 4) Переход в наступление: а) вытеснение японцев из Манчжурии, б) вытеснение японцев из Кореи. 5) Десант в Японию. Разбитие территориальных японских войск. Борьба с народным восста-

ним». В другой версии той же записки к пункту 5 было еще добавлено: «взятие столицы и пленение микадо».

По поводу такого «очень простого плана» русская официальная история ядовито замечает: «2-го февраля эта записка с такими широкими и светлыми перспективами была представлена государю; вполне естественно, что для выполнения подобного плана был призван его составитель». Уже на другой день, 3 февр., Куропаткину было приказано готовиться к отъезду на театр войны, а 5 февр. состоялось его назначение командующим манчжурской армией. Одновременно командующим флотом на Дальнем Востоке был назначен главный командир кронштадтского порта вице-адм. Макаров (см.).

Значительные потери, понесенные русской тихоокеанской эскадрой в боях у Порт-Артура и Чемульпо, обеспечили японцам на некоторое время господство на море и дали им возможность приступить к выполнению следующей части их стратегического плана, а именно — к высадке одной из армий на зап. берегу Кореи. Для этого была назначена I армия ген. Куроки, в составе трех дивизий, всего 36 батальонов, 9 эскадронов, 108 полевых орудий и 3 пионерных батальонов. В февр. и в первой половине марта она высадилась в Чемульпо и Цинампо, после чего собралась близ Аньчжоу (черт. 2). Отсюда вся армия направилась вдоль моря, двигаясь эшелонами по так называемой Императорской дороге, длиной около 140 км, к г. Ичжоу на левом берегу р. Ялу, где главные силы Куроки сосредоточились между 29 марта и 7 апр.

На противоположном правом берегу реки был расположен Восточный отряд ген. Засулича, в составе 20³/₄ батальонов, 62 полев. орудий, 8 пулеметов и 1 саперной роты. Согласно

утвержденному плану войны, предполагалось оборонять р. Ялу лишь «демонстративно», с целью выигрыша времени. В таком смысле и было составлено предписание, данное Куропаткиным Засуличу 5 апр. Однако, главнокомандующий Алексеев, учитывая изменение обстановки, происшедшее вследствие задержки японцев в Корее, настаивал на упорной обороне Ялу, дабы не пускать неприятеля в Манчжурию. Куропаткин вначале не соглашался, но потом начал склоняться к некоторому среднему решению, что всего яснее выражено в следующей телеграмме его к Засуличу от 11 апр.: «Вполне надеюсь, что вы дадите отпор врагу с должной твердостью, но и с благоразумием, памятуя, что поставлены на Ялу не для решительного боя с превосходным числом противником».

Результатом столь двусмысленного приказа явился неудачный для русских бой под Тюренченом, в котором они потеряли 60 офицеров и 2.130 нижних чинов, в том числе без вести пропавшими, т.-е. по большей части пленными, 3 офицеров и 524 нижних чина. На поле сражения было оставлено 21 орудие и все 8 пулеметов. Потеря японцев составляла 933 чел. В моральном отношении значение тюренченского боя было очень велико. По словам английского ген. Гамильтона, состоявшего при армии Куроки, «при всей самоуверенности японцев, в глубине их души все-таки было смутное опасение, что европеец окажется на поле сражения лучше их; это неопределенное чувство страха перед европейцами теперь исчезло и исчезло навсегда». После боя у Тюренчена Восточный отряд отступил через г. Фынхуанчен к Феншуйлинскому хребту и 24 апр. занял перевалы Модулин и Фынсяолин (сев. и южн.), в 70—80 км от Ляояня. Армия Куроки последовала за ним до Фынхуанчена, где остановилась

в ожидании высадки в Манчжурии II японской армии.

После морских боев 26—27 янв. адм. Того сосредоточил главные силы своего флота в Асанской бухте близ Чемульпо, где была устроена его временная база. Для обеспечения себе полного господства на море он решил окончательно запретить русский флот в порт-артурской гавани, потопив несколько пароходов в узком проходе, соединявшем эту гавань с внешним рейдом. Однако, попытка заграждения, произведенная японцами 11 февр., не удалась; направленные с этой целью пять пароходов были встречены огнем с русских береговых батарей и сторожевых судов и затонули вне прохода. Впоследствии Того еще два раза повторил эту попытку (в марте и апреле), но столь же неудачно.

Между тем, 24 февр. прибыл в Порт-Артур командующий тихоокеанским флотом Макаров. Он нашел эскадру ослабленной матерьяльно и, что еще важнее, в удрученном настроении. По свидетельству официальной морской истории, командному составу недоставало необходимого тактического образования и даже простого умения управлять своими судами при совместных действиях, вследствие чего почти каждый выход эскадры сопровождался какой-нибудь аварией. Новый начальник принял энергичные меры к исправлению матерьяльной части и ревностно занялся обучением своих подчиненных. Под влиянием Макарова дух эскадры начал возрождаться, но во время одного из выходов в море, 31 марта, этот смелый, полный инициативы адмирал погиб на флагманском броненосце «Петропавловск», затонувшем от японской мины. После этого русские морские силы быстро вернулись к прежней бездеятельности, ограничиваясь безрезультатными попытками разведочной службы, при которых, однако,

погибли легкий крейсер «Боярин» и миноносец «Внушительный». Пользуясь этим, Того оборудовал промежуточную базу своего флота на островах Эллиот и, опираясь на нее, поддерживал блокаду Порт-Артурской гавани.

Под таким прикрытием II японская армия генерала Оку, в составе 3 дивизий и отдельной артиллерийской бригады, всего 36 бат., 9 эскадр., 216 пол. орудий и 3 пион. бат., начала 22 апр. высадку в окрестностях г. Бицзыво, в 120 км от Порт-Артурской гавани. Эта высадка, происходившая при крайне трудных условиях местности и погоды, была окончена лишь 30 апр., несмотря на то, что работы производились и по ночам; но армия еще не получила никаких обозов и потому была неспособна к наступательным операциям. Порт-артурская эскадра, которой в это время командовал адм. Витгефт, не приняла никаких мер противодействия этой рискованной десантной операции.

На суше положение II японской армии было еще опаснее: слева, у перешейка Цзинь-Чжоу, в 50 км от нее, находилась 4-я Восточно-Сибирская стрелковая дивизия с приданным к ней 5-м Восточно-Сиб. стрелковым полком (всего 15 бат.), которая могла быть усилена из войск, остававшихся в Порт-Артуре (15 бат.); справа от места высадки, на фронте Инкоу-Ташичао-Далин, стоял 1-й Сибирский корпус, коего резерв, в составе 17³/₄ бат., был расположен у Хайчена, откуда он мог быть перевезен по железной дороге хотя бы до станции Вафан-дзян, на расстоянии 160 км; к этой же станции можно было подвести находившиеся в армейском резерве близ Ляояна (в 220 км от Вафан-дзяна) 5-ю Вост.-Сиб. стрелк. дивизию и вторые бригады 31-й и 35-й пехотных дивизий. Одновременное решительное наступление всех перечисленных войск, в общем 70 бат., с двух сторон от Цзинь-Чжоу и Вафан-дзяна, удаленных

что дало ей возможность наступать на близкие расстояния, а с 7-го мая начали высаживаться временно подчиненные ген. Оку 5-я дивизия и 1-я отдельная кавалерийская бригада.

Перевозка этих частей морем и их высадка происходили при весьма опасной для японцев обстановке, так как к этому времени их флот неожиданно понес тяжелые потери. В ночь с 1-го на 2-е мая, при возвращении адмирала Дева от Порт-Аргура к островам Эллиот, броненосный крейсер «Кассуга» пробил своим тараном борт легкого крейсера «Иошино», при чем последний затонул. На следующий день, 2-го мая, когда отряд адмирала Нашибо, в составе 3 броненосцев и 2 крейсеров, крейсировал в виду Порт-Аргура, броненосцы «Хатсузе» и «Яшима» натолкнулись на расставленные русскими мины, при чем первый немедленно пошел ко дну, а второй затонул немного спустя. Около этого же времени, при вылавливании мин близ побережья, японцы потеряли канонерку «Миако» и одну миноноску. Эти потери японцев восстановили равновесие сил на море и давали порт-артурской эскадре возможность действовать активно.

Между тем, ген. Оку решил с главными силами взять русскую позицию на Цзинь-чжоуском перешейке, в 50 км от Порт-Аргура, а затем занять порты Талиенван и Дальний, с целью обеспечить как своей армии, так и той армии, которая получит назначением осаду порт-артурской крепости, вполне удобные базы. Для прикрытия этой операции с севера, со стороны русской полевой армии, Оку оставил на линии Пуландян—Бицзыво 5-ю дивизию и 1-ю кав. бригаду.

Цзинь-чжоуская позиция находилась в самом узком месте перешейка, где он имеет ширину менее 4 км. После объявления войны она была усилена укреплениями временного ти-

на и вооружена орудиями разного калибра (не крупнее 6 д.) из состава квантунской крепостной артиллерии. Для обороны ее был назначен отряд ген. Фока (16¹/₄ батальонов при 54 полевых орудиях), из которого на самой позиции стоял лишь один 5-й Вост.-Сиб. стрелковый полк с несколькими мелкими частями, всего ок. 3.000 чел. Остальные части отряда не приняли никакого участия в бою, так как все внимание Фока было обращено на глубокий тыл, где он опасался высадки неприятеля, несмотря на предупреждение Стесселя, что с этой стороны он будет обеспечен войсками, оставшимися в Порт-Артуре.

Оку сосредоточил к Цзинь-чжоускому перешейку: 31 бат. пехоты, 198 полевых орудий, 5 эскадронов, 3 пион. бат. и 48 пулеметов, специально присланных для осады Порт-Аргура. Сверх того, для поддержки сухопутных войск были назначены 4 канонерки и 6 миноносцев, которые вечером 12 мая вошли в бухту Цзинь-Чжоу. Несмотря на такое превосходство сил, в бою 13 мая японцам удалось взять цзинь-чжоускую позицию лишь с большими усилиями и, главным образом, благодаря фланговому огню канонерок. Русские потеряли убитыми и ранеными: 28 офицеров и 1.395 нижних чинов. Потери японцев, по их сведениям, 4.387 чел. При отступлении отряда Фока к Порт-Артуре были оставлены все 77 позиционных орудий. Японская официальная история говорит даже о взятии 82 орудий и 10 пулеметов (6 крепостных и 4 морских).

На следующий день после цзинь-чжоусского боя Оку с 3-й и 4-й дивизиями и с 1-й арт. бригадой двинулся на север, на линию Пуландян-Бицзыво; для действия же на Квантунском полуострове осталась пока лишь одна 1-я дивизия, которая должна была составить ядро III японской армии, назначенной для осады

Порт-Артура. В тот же день, 14 мая, она заняла Талиенван, а через четыре дня — порт Дальний, коего грандиозные сооружения, без которых трудно было выгрузить все необходимое для осады Порт-Артура, были оставлены почти в полной сохранности. Для прикрытия Талиенвана и Дальнего большая часть этой дивизии двинулась на юг, заняв позицию в 25 км от Порт-Артура. В это время положение японцев на Квантунском полуострове было очень рискованным, так как они имели всего 12 бат. против 30 бат. порт-артурского гарнизона. С 16 мая в бухте Кер (к сев.-вост. от Талиенвана) начала высаживаться 11-я дивизия, высадка коей вместе с ее тылами закончилась лишь к 1 июля. С первыми эшелонами этой дивизии прибыл командующий III армией ген. Ноги.

В период от 6-го до 27-го мая у Дагушаня, в 60 км к з. от устья р. Ялу, высадилась 10-я японская дивизия ген. Кавамура, составившая ядро IV армии, которой должен был командовать ген. Нодзу. После высадки эта дивизия двинулась на сев. к г. Сюяню, отстоящему на 55 км от Дагушаня.

К началу июля стратегическое развёртывание японских армий в Манчжурии в общих чертах было уже закончено: на правом фланге, у Айяньяминя и Фынхуанчена были сосредоточены главные силы I-й армии Куроки; базой ее был г. Шахедзы на р. Ялу. В центре у Сюяня стояла 10-я дивизия, будущая IV армия Нодзу; она базировалась на порт Дагушань. Левое крыло составляла II армия Оку, на линии Пуландян — Бицзыво; базой ее в это время был порт Талиенван, а потом Дальний. Названные японские силы (всего 84 бат.) имели перед собой русскую полевую армию (112 бат.), центром сосредоточения коей являлся Ляоян. На Квантунском полуострове находилась III армия

Ноги, состоявшая пока из 24 бат и имевшая предметом действий крепость Порт-Артур, занятый 30 бат. Ноги базировался на Талиенван, а с июля — на Дальний. Для окончания стратегического развёртывания японцам оставалось лишь подвести из Японии недостающие четыре дивизии и несколько резервных бригад.

При создавшейся обстановке Куропаткин настроился на очищение всей южной Манчжурии с Ляояном и Мукденем. Он сообщил главнокомандующему Алексееву, что предвидит «необходимость отойти к Телину и даже далее...». Наоборот, Алексеев, опасаясь за Порт-Артур или, точнее — за тихоокеанскую эскадру, требовал перехода в наступление, которое, при наличных силах манчжурской армии, считал вполне осуществимым. Получив 16-го мая официальное донесение о взятии японцами цзинь-чжоусской позиции и считая дальнейшее продвижение недопустимым, он в тот же день послал телеграмму в Петербург, сообщая о происходящем разногласии и прося высочайших указаний. На другой день Николай телеграфировал наместнику: «Разделяю ваши соображения, высказанные в телеграмме 16-го мая». Так как Куропаткин все-таки не начинал наступления, то Алексеев 22-го мая послал вторую телеграмму, на которую в тот же день был получен ответ: «Передайте ген.-адъютанту Куропаткину, что ответственность за участь Порт-Артура я возлагаю всецело на него».

В результате Куропаткин назначил для требуемой операции отряд из 32 бат. и 22 сотен при 100 орудиях, который должен был предварительно сосредоточиться близ станции Вафангоу, в 50 км к с. от II японской армии Оку. Начальник этого отряда барон Штапельберг получил 25 мая весьма неопределенную инструкцию, в которой, с одной стороны, стави-

лась очень крупная конечная цель — «овладение цзинь-чжоусской позицией и дальнейшее наступление затем к Порт-Артуру», а с другой стороны — указывалось «иметь в виду скорейшее поражение передовых частей неприятеля, буде таковые окажутся слабыми, с превосходными же силами не доводить дела до решительного столкновения...». Штакельберг предполагал начать наступление для выручки Порт-Артура 5-го июня. В случае же, если бы японцы предупредили его, он предполагал дать им отпор на укрепленной позиции в 4—5 км впереди станции Вафангоу «с переходом при благоприятной обстановке в контр-атаку».

Между тем, утром 31-го мая, ген. Оку с главными силами своей армии сам перешел в наступление на север, вдоль жел. дороги. В происшедшем 1-го и 2-го июня бою при Вафангоу оба противника действовали наступательно, стремясь нанести удар своим левым крылом и демонстрируя на правом. С русской стороны этот бой был разыгран чрезвычайно беспорядочно, так как Штакельберг не озаботился отдать общий боевой приказ, а управлял войсками посредством отдельных полевых записок, при том составленных в высшей степени неясно и спутанно. Русские снова потерпели неудачу, при чем у них вышло из строя 128 офицеров и 3.435 нижних чинов, из которых, по японским сведениям, 410 пленных; кроме того, было оставлено 17 орудий. Японцы потеряли уб. и ран. 1.145 чел. ❧

В начале июня, после боя у Вафангоу, II армия Оку выдвинулась вдоль жел. лор. до Сюнечена; наличные части IV армии Подзу пока оставались у Сюня, главные силы I армии Куроки — у Фынхуанчена и Айяньямня. Затем в июне, июле и первой половине августа все три японские армии продолжали наступление к Ляояну, до которого нужно было пройти

от 180 до 140 км. Это наступление развивалось медленно, не столько по причине сопротивления русских войск, сколько вследствие необходимости устраивать коммуникационные линии через горы и исправлять жел.-дор. путь; к тому же в июне начался период дождей. За это время обе стороны сосредоточивали свои войска в Манчжурии, при чем русская армия получала подкреплений больше, так что соотношение сил все более изменялось в ее пользу.

В виду этого Алексеев еще с конца июня настаивал на наступательных действиях. Куропаткин оставался при своем прежнем мнении, что нужно продолжать отступление до сосредоточения таких подавляющих сил, которые обеспечили бы успех наверняка. Несомненно, что такой осторожный план мог доставить некоторые выгоды, если бы только он проводился в жизнь с должной последовательностью. При своем планомерном отступлении русской армии нужно было уклоняться от боев и лишь задерживать неприятеля, вынуждая его терять время на развертывание войск, на дальние обходы, на исправление испорченных дорог, мостов, перевалов и т. д. Пересеченный характер местности и наличие многочисленной конницы типа ездящей пехоты, поддержанной конными и пешими охотничьими командами, весьма облегчали такого рода действия.

Между тем Куропаткин, отчасти под влиянием Алексеева, отчасти вследствие недостатка твердости, постоянно отклонялся от своего основного отступательного плана, требуя от частных начальников не только упорной обороны, но иногда даже перехода в наступление. Правда, он предъявлял эти требования не в категорической, а лишь в условной форме, с разными оговорками, не допуская риска и предостерегая от значительных потерь. С одной стороны, у него

возникали стремления, при общем отступательном движении, одерживать частные успехи; с другой же стороны, он избегал давать определенные приказания, не желая брать на себя ответственность. Его распоряжения все время были двойственны и потому, естественно, порождали в частных начальниках половинчатые решения и робкое исполнение.

При такой обстановке были разыграны бои: на Далинском перевале — 14 июня; на перевале Уфангуан — 4 июля; под Симученом (Кангуалином) — 17 и 18 июля; под Янзелином (Тхавуаном) — 18 июля; на Юшулинском и Пьелинском перевалах — 18 июля; под Ляндясаном и на Анпилинской (Таампинской) позиции — 13 авг. Очевидно, самый факт розыгрыша этих боев находился в прямом противоречии с общим отступательным планом. Кроме того, все они были разыграны чрезвычайно боязливо, так сказать наполовину, а потому вместо частных успехов привели к частным поражениям. В результате русские понесли вдвое большие потери, чем японцы, и оставили им еще несколько орудий; но, конечно, сущность дела заключается не в этом материальном балансе, а в гораздо более важной моральной стороне. Незначительное отступление из боя, при том с укрепленных позиций, внушило русским войскам сознание своего бессилия перед врагом, подорвало в них веру в себя; наоборот, японцы сознали свое боевое превосходство над противником, и самоуверенность их возросла до дерзости. В своеобразной куропаткинской школе русские частные начальники утратили даже тот небольшой запас решительности и инициативы, который имелся у них, а войска привыкли к мысли, что драться упорно не стоит, так как в конце концов все равно прикажут отступать.

В то время как описанные события

происходили в полевых армиях, значенная для осады Порт-Артура III японская армия генерала Ноги с 17 июля установила тесное обложение крепости. На суше главная линия обороны, состоявшая из трех фронтов (восточного, северного и западного), имела форму дуги протяжением ок. 20 км и флангами упиралась в берега Корейского залива. На ней находились: пять фортот (I, II, III, IV и V), три укрепления (№ 1, № 2, № 3) и пять батарей (А, Б, В, Г и Д); но эти долговременные сооружения не были еще вполне закончены. В интервалах между ними были вырыты окопы, а впереди расположены искусственные препятствия и устроены передовые укрепленные позиции. Из последних самое важное значение имела так наз. Высокая гора, в 4 км к с.-з. от зап. бассейна гавани, где стояли суда тихоокеанской эскадры.

Вооружение крепости к 17 июля состояло из 646 орудий и 62 пулеметов. В гарнизоне числилось 41.780 чел. Начальником Квантунского укрепленного района был ген.-лейт. Стесель (см.), комендантом крепости Порт-Артур — ген.-лейт. Смирнов, начальником всей сухопутной обороны — командующий 7-й Вост.-Сиб. стрелковой дивизией ген.-майор Кондратенко (см.), офицер ген. штаба, окончивший сверх того военно-инженерную академию. В состав осадной армии Ноги входили: 1, 9 и 11 пех. дивизии, 1 и 4 резервные бригады, 2 полевая артилл. бригада, осадная артиллерия, инженерные войска и разные технические части; впоследствии была еще прислана из Японии 7 пех. дивизия, что давало в общем около 70.000 чел.

Японцы расположились на позициях в расстоянии 4—6 км от главной линии обороны; с моря крепость была блокирована японским флотом. С установлением тесного обложения Порт-Артура неприятель начал бомбардировать гавань перекидным огнем 11-

дюймовых осадных орудий, что уже в первые дни причиняло нашим судам некоторые повреждения.

Между тем, адм. Алексеев, потеряв после боя при Вафангоу надежду на выручку Порт-Артура сухопутной армией, настаивал на том, чтобы эскадра прорвалась через блокирующий японский флот и перешла во Владивосток. Так как начальние эскадры контр-адм. Витгефт находил это распоряжение невыполнимым, то Алексеев приказал передать вопрос на обсуждение совета флагманов и командиров. Последний 4 июля единогласно присоединился к мнению Витгефта; тогда Алексеев обратился по телеграфу к Николаю и, получив его согласие, послал 18 июля Витгефту телеграмму с категорическим приказанием идти во Владивосток. В ней было сказано: «Напоминаю вам и всем начальствующим лицам подвиг «Варяга» и что невыход эскадры в море, вопреки высочайшей воле и моим приказаниям, и гибель ее в гавани, в случае падения крепости, лягут тяжелой ответственностью перед законом...».

Утром 28 июля эскадра вышла из Порт-Артура в боевом порядке имея впереди крейсер «Новик» с 8 миноносцами, затем 6 броненосцев и за ними 3 крейсера. В первом часу дня раздались первые выстрелы с японской эскадры, состоявшей из 4 броненосцев, 6 крейсеров и нескольких миноносцев под нач. Того. Около 6 час. вечера адм. Витгефт, державший свой флаг на броненосце «Цесаревич», был убит. Сигнал о передаче командования адм. кн. Ухтомскому не всеми судами был разобран. Произошел полный беспорядок. В результате: 5 броненосцев, 1 крейсер и 3 миноносца вернулись в Порт-Артур; 1 крейсер («Новик») пришлось затопить у берегов Сахалина; 1 броненосец, 2 крейсера и 5 миноносцев нашли убежище в нейтральных пор-

тах, где разоружились. Японский флот не потерял в сражении ни одного судна. По этому поводу в русской официальной морской истории сказано: «русская эскадра потеряла веру в своих адмиралов и после возвращения в Порт-Артур невольно покорилась участи быть погребенной в Артурской гавани».

Через день после выхода порт-артурской эскадры навстречу ей вышел из Владивостока отряд из четырех крейсеров. 1 авг., подходя к Корейскому проливу, он встретился с японским крейсерским отрядом адм. Камимура. В происшедшем бою погиб крейсер «Юрик», а остальные три вернулись во Владивосток.

Ноги решил овладеть Порт-Артуром по способу так наз. ускоренной атаки. Утром 6 авг. началось бомбардирование всего сухопутного фронта, после чего был произведен общий штурм. К 11 авг. японцы были отбиты с большими потерями; им удалось взять лишь несколько передовых позиций. В отбитии этого первого штурма участвовало 7 рот морского десанта; вообще моряки, оказавшись несостоятельными на море, поддерживали впродолжение всей осады людьми и артиллерийскими средствами сухопутный гарнизон. Ноги собрал совещание старших начальников, где было решено перейти к постепенной атаке крепости.

В середине авг. русская армия в своем попятном движении приблизилась к Ляояну, который с самого начала войны был выбран центром сосредоточения русских войск в Манчжурии. Работы по укреплению Ляояна (черт. 3) производились в течение 4 $\frac{1}{2}$ мес. вольнонаемными китайскими рабочими и отчасти войсками. Главная ляоянская позиция находилась на лев. берегу р. Тайцзыхе и состояла из трех линий. Первая линия, длиной ок. 15 км, огибала город в виде дуги с запада и юга, пересекая железную

дорогу и упираясь флангами в реку, на которой было 7 мостовых переправ, в том числе и жел.-дор. мост. Так как главная позиция, расположенная в долине, охватывалась с юга в расстоянии 6—8 км командующими высотами, то было решено устроить на них передовую позицию по линии деревень Маэтунь-Синлинтунь-Цофантунь-Кавлициун-Сяпу, на протяжении ок. 25 км. Однако, к началу сражения укрепление этой позиции далеко еще не было закончено.

Куропаткин, несмотря на излишнюю разброску сил, сосредоточил к Ляояну 182½ бат., 90 сот. и эск. и 592 орудия (в том числе 28 осадных), сверх того 42 конно-охотничьи команды. У Ойямы было 110 бат., 32 эск. и 458 орудий (в том числе 50 тяжелых). Точная боевая численность русских и японских войск неизвестна. По данным, приведенным в отчете Куропаткина, число штыков в русской пехоте к началу ляоянского сражения «не превосходило цифры 116.688». Если предположить, что японские батальоны имели даже полный штатный состав в 800 штыков, то и тогда боевая сила японской пехоты составляла всего 88.000 штыков; иными словами, у русских было пехоты на 32% больше, чем у японцев. Русская конница (считая и конно-охотничьи команды) была в 4 раза многочисленнее японской. Наконец, в артиллерии русские превосходили японцев почти на 30%. К изложенному следует добавить, что район предстоявшего сражения при Ляояне был заблаговременно подготовлен русскими, при чем, располагая обеспеченными переправами через Тайцзыхе, они могли свободно маневрировать на обоих берегах реки, представлявшей, вследствие высокого уровня воды, серьезное препятствие для японцев.

Куропаткин расположил на передовой ляоянской позиции 90 бат.; для обеспечения ее слева он поставил на

правом берегу Тайцзыхе, на фронте Фаанше—Сыквантунь 26 бат.; в общем резерве у него оставалось 61½ бат., распределенных на обоих берегах Тайцзыхе в шести группах. 17 и 18 авг. японцы атаковали передовую позицию, но были везде отбиты с потерей уб. и ран. 11.899 чел. Русские потеряли всего 6.329 чел., при чем одержанный успех чрезвычайно поднял дух войск.

Положение японцев ухудшилось еще вследствие того, что Куроки, составив себе ложное представление о начавшемся, будто бы, отступлении от Ляояна, по собственной инициативе перевел в ночь с 17 на 18 авг. полковину своей армии на правый берег Тайцзыхе по броду у д. Лентоуван. От этого общий фронт японцев непомерно растянулся, и в нем на участке Лентоуван—Ванбатай образовался прорыв примерно в 18 км, что было обнаружено войсками X корпуса и о чем Куропаткин был своевременно извещен.

При таких условиях Куропаткину следовало перейти в общее наступление на лев. берегу Тайцзыхе с целью разгромить главные силы Ойямы и одним ударом окончить войну. Для удержания перешедших на правый берег Тайцзыхе 1½ дивизий Куроки вполне достаточно было находившихся там войск. Известный немецкий писатель Фрейтаг-Лорингофен говорит, что *в истории трудно найти пример, где бы обстановка так благоприятно складывалась для обороняющегося.*

Однако, на Куропаткина донесение о переправе японцев через Тайцзыхе произвело чрезвычайно сильное впечатление. Опасаясь за свой путь отступления на Мукден, он приказал войскам, занимавшим передовую ляоянскую позицию, очистить ее вечером 18 авг. и ночью отойти на правый берег Тайцзыхе. Войскам общего резерва под командой ген. Зарубаева

было приказано оборонять главную Ляоянскую позицию. Куропаткин объяснял это распоряжение желанием «сосредоточить значительные силы против армии Куроки и попытаться прижать эту армию к р. Тайцзыхе, проходимой в брод только в некоторых местах». Т. о., вместо нанесения удара главным силам Ойямы на лев. берегу Тайцзыхе, Куропаткин поставил себе гораздо более скромную цель — поражение части армии Куроки, неосторожно переправившейся на правый берег.

Для этого, согласно диспозиции № 4, было назначено, под личным начальством командующего армией: 93 бат., 342 ор., 79 сот. и эск., 23 конноохотничьи команды и 4 сап. бат. В распоряжении Куроки на прав. берегу Тайцзыхе было всего: 26 бат., 72 орудия, 6 эск. и 2 сап. бат. Несмотря на огромное превосходство сил, Куропаткин наступал чрезвычайно медленно и боязливо, а затем, под впечатлением частных неудач на Сыквантунской позиции (19—20 авг.) и в отряде Орлова близ с. Таяо (20 авг.), он и совсем отказался от своего намерения, хотя большая часть его сил еще не была введена в дело. Утром 21 авг. Куропаткин отдал приказ об общем отступлении к Мукдену.

В это время положение Куроки было отчаянное. Состоявший при его штабе английский генерал Гамильтон говорит: «Стремясь отрезать противнику путь отступления, I армия сама оказалась на краю гибели». Японские офицеры ген. штаба 23 авг. объяснили ему: «Большое счастье для нас, что Куропаткин вчера или третьего дня не атаковал нас... *Нашей удаче пока даже трудно верить*».

Тем временем, на лев. берегу Тайцзыхе войска ген. Зарубаева, занимавшие главную ляоянскую позицию, в бою 19, 20 и 21 авг. отбили все атаки II и IV японских армий, нанеся им урон в 6.374 чел. и потеряв сами 2.369 чел.

Из приведенных фактов следует, что под Ляояном русскими была получена верная победа. По этому поводу в монографии германского ген. штаба сказано: в положении Куропаткина всякий решительный полководец «вместо того, чтобы признать себя побежденным и отступить, произвел бы *салютационную стрельбу из пушек* (hätte Victoria geschossen) и принудил бы историю присудить ему победные лавры».

В сражении под Ляояном русская армия потеряла 501 офицера и 15.974 нижн. чина. Потеря японцев, несмотря на меньшее число их войск, была значительно больше, а именно 793 офицера и 23.235 нижн. чинов. Никаких трофеев победителю не досталось. Зато моральные результаты сражения были очень велики. Оставление Ляояна произвело тяжелое впечатление на русскую армию и на всю Р. Людей, недовольных беспрепятными отступлениями, сторонники Куропаткина обыкновенно утешали тем, что это — глубокий стратегический план, что Куропаткин нарочно заманивает японцев к Ляояну, дабы на заранее подготовленной позиции одним громовым ударом окончить войну. И вдруг оказалось, что русская армия не в силах удержать даже этот пункт, с которым связывались все расчеты и надежды.

Отступление от Ляояна к Мукдену совершилось в период с 22 по 26 авг. в условиях почти мирного времени, так как японцы не преследовали. В конце авг. русские заняли позицию впереди Мукдена на р. Хуньхэ, приблизительно от с. Сухудяцу до г. Фушуна. Главные силы японцев по окончании ляоянского сражения сосредоточились в районе между р. Тайцзыхе, нижним течением р. Шахэ и Лянтайской жел.-дорожной веткой. К середине сент. обе стороны успели уже пополнить свои потери и получить значительные подкрепления.

Между тем, еще с начала сент. Куропаткин стал отдавать распоряжения о подготовке армии к переходу в наступление. Рождается вопрос: чем объяснить такую перемену взгляда после только что произведенного отступления от Ляояна? Самое прав-

Куропаткина явилось желание воспользоваться оставшимся временем для одержания успеха над японцами. Предполагаемое ослабление неприятеля, который после ляоянского сражения не проявлял никакой активности, возбуждало в Куропаткине не-

Черт. 3.

доподобное объяснение заключается в том, что Куропаткин получил сообщение из Петербурга о проектированном сформировании II манчжурской армии под нач. Гриппенберга с оставлением Алексеева главнокомандующим. Так как осуществление этой меры должно было превратить его из фактического руководителя военными действиями в частного начальника, у

которые надежды на благоприятный результат наступления.

С целью поднять дух армии Куропаткин отдал 19 сент. приказ, прочитанный перед войсками, в котором он объяснял свои предшествовавшие приказания об отступлении численным превосходством неприятеля. Далее говорилось: «Но теперь настало уже желаемое и давно ожидаемое всей

армией время идти самим навстречу врагу. Пришло для нас время заставить японцев подчиниться нашей воле, ибо силы манчжурской армии стали ныне достаточными для перехода в наступление». Объяснение испытанных неудач превосходством числа на стороне противника было фактически неверно, но войска этого тогда не заметили; им самим казалось, что японцев больше, настолько последние успели их ввести в заблуждение своей активностью.

Всего в распоряжении Куропаткина было: 257 $\frac{1}{2}$ бат., 143 эск. и сот., 760 ор., 32 пулемета, 9 сап. бат. и 1 понтонный бат. В своем отчете (II, стр. 18) Куропаткин определяет боевую силу упомянутых 257 $\frac{1}{2}$ бат. в 150.000 шт. (вместе с охотниками), что должно быть признано значительно уменьшенным. Согласно подробной ведомости по полкам, имеющейся в официальной истории (т. IV, ч. 1, приложение № 49), в пехоте манчжурской армии к 15 сент. числилось 194.336 шт. (без офицеров). В трех японских армиях было: 141 бат., 41 эск., 498 ор., 12 пулеметов и 8 пион. бат. Считая, что все японские батальоны имели полный штатный состав в 800 штыков, наибольшая боевая сила японской пехоты могла быть 112.800 шт. След., русские превосходили японцев: в пехоте (даже при куропаткинском исчислении) на 33%, в кавалерии (считая конных охотников) в 4 $\frac{1}{2}$ раза и в артиллерии почти на 53%.

Наступление началось утром 22 сент. и происходило настолько медленно, что в два первых перехода корпуса сделали всего от 11 до 24 км. Между тем, 23 сент. начальники штабов трех японских армий были вызваны в главную квартиру, где начальник полев. штаба ген. Кодама познакомил их с общим положением и сообщил им намерение Ойямы: «выбрав удобный момент, перейти во

встречное наступление, дабы, в виду численного превосходства противника, не ставить себя в стесненное положение обороняющегося». Как мало такая решительность японского главнокомандующего походила на боязливую осторожность Куропаткина! В дни 24 и 25 сент. корпуса русской армии простояли на месте, производя разведки и занимаясь укреплением своих позиций как исходного положения для дальнейшего наступления. Затем утром 26 сент. они снова двинулись вперед.

Вечером в тот же день, считая, что обстановка для него уже достаточно выяснилась, Ойяма отдал директиву для общего перехода в наступление: «с целью атаковать неприятеля раньше, чем он окончит свое развертывание». Результатом этого является так называемое сражение на р. Шахэ (черт. 3), которое было решено в пользу японцев II армией Оку, охватившей 29 сент. частью своих сил правый фланг русских. Куропаткин имел полную возможность парировать этот охват и склонить успех на свою сторону, так как всего в нескольких километрах от решительного пункта находились VI Сибирский корпус Соболева (24 бат.) и отряд ген. Дембовского (10 бат.), но он этого не сделал, потому что боялся рискнуть резервами, сберегая их на случай неудачи для прикрытия отступления.

В шахейском сражении (22 сент.—4 октяб.) русская армия потеряла уб., ран. и плен. 1.021 офицера и 39.748 нижн. чинов; кроме того, было оставлено неприятелю 46 орудий. Потеря японцев, судя по монографии германского ген. штаба, составляла около 20.000 чел. и 11 орудий (на Путиловской сопке). В моральном отношении значение шахейского сражения было огромно. После того, как Куропаткин в своем приказе объявил, что силы манчжурской армии «до-

статочны для перехода в наступление», нельзя уже было оправдываться превосходством числа на стороне японцев. Вера армии в Куропаткина, как полководца, рухнула окончательно.

Русские остались на местах, занятых в конце сражения, примерно на линии с. Сандиоза — Путиловская сопка — с. Вальяпуза — перевал Гаотулин. Японцы остановились против них на расстоянии артиллерийского, а места и близкого ружейного огня. Обе стороны деятельно занялись укреплением своих позиций и приведением в порядок войск, расстроенных долгими боями. На фронте наступило затишье, продолжавшееся более трех месяцев и прерываемое лишь небольшими перестрелками и разведками.

Тем временем, 13 окт., адм. Алексеев, по его просьбе, был отозван в Петербург, а ген. Куропаткин назначен главнокомандующим всеми вооруженными силами на Дальнем Востоке. Мыслящая часть армии приветствовала это упразднение вредного двоевластия, но вместе с тем удивлялась, почему Куропаткин, уже доказавший свою полную непригодность в роли полководца, не был заменен другим лицом. Две недели спустя находившиеся в Манчжурии войска были разделены на три частные армии, в командование которыми вступили: I-й — ген. от инфант. Линевиц; II-й — ген. адъют. Гриппенберг и III-й — ген. от кавал. барон Каульбарс. Эта мера была вызвана прибытием на театр войны многочисленных подкреплений и пополнений, вследствие чего к концу 1904 г. на стороне русских образовалось почти двойное превосходство сил.

Едва успело окончиться шахейское сражение, как Куропаткин начал уже готовиться к новому наступлению с целью вырочки Порт-Артура. К разработке плана операции были привлечены многие старшие начальники и все крупные штабы. Это был своего

рода военный совет, продолжавшийся несколько месяцев. Пока тянулась переписка и происходили совещания, 20 дек. произошла сдача Порт-Артура.

Как сказано выше, после неудачи ускоренной атаки, произведенной 6—11 авг., Ноги перешел к постепенной атаке крепости. Для этого была избрана часть вост. фронта обороны, протяжением ок. 3 км, прикрытая батареей Б, редутами II и III и укреплением № 3. Заложив 12 авг. первую параллель, японцы от нее повели подступы. Попутно с этим они произвели 6 сент. второй штурм с целью овладеть передовыми позициями сев. и зап. фронтов; некоторые из них были взяты, но гору Высокую русским удалось отстоять. В первой половине окт. японские подступы на участке постепенной атаки достигли подшвыгласиса долговременных укреплений; 17 окт. произошел третий штурм, отбитый на всех пунктах. В начале ноября осаждающий устроил переходы через рвы долговременных укреплений и достиг эскарпов, но произведенный 13 ноября четвертый штурм также окончился неудачей.

Вслед за этим японцы применили на участке постепенной атаки в широких размерах минную войну и сосредоточили свои усилия на овладении Высокой горой, которая ценой огромных потерь была взята 22 ноября. Устроив на ней наблюдательный пункт и соединив его телефонно с ближайшими батареями 11-дюйм. гаубиц, японцы усилили стрельбу по эскадре, стоявшей в зап. бассейне; к 26 ноября все большие суда были уже потоплены. На участке постепенной атаки осаждающий подвел минные галереи под брустверы фортов II и III и укрепления № 3. Особенно угрожающее положение создалось на форте II. Ген. Кондратенко, всегда появлявшийся в самых опасных местах, прибыл на форт 2 дек., но тут был убит 11-дюйм.

снарядом, пробившим стену офицерского каземата и разорвавшимся внутри его.

Гибель Кондратенко, являвшегося душой обороны Порт-Артура, произвела подавляющее впечатление на гарнизон. Заменявший его начальник 4-й дивизии Фок был человек явно ненормальный, как говорят, вследствие контузии, полученной им (вместе с георгиевским крестом) еще в русско-турецкую войну 1877—78 гг. Командант крепости Смирнов являлся генералом штабного типа, а сам Стессель (см.) был полным ничтожеством во всех отношениях.

Посредством взрыва минных горнов под бруствером японцы взяли 5 дек. форт II; таким же способом они овладели 15 дек. фортом III и 18 дек. укреплением № 3. Таким образом главная линия обороны была прорвана на участке шириной в 3 км. Фок пытался создать вторую линию обороны из стрелковых окопов и полевых укреплений, находившихся в нескольких стах шагах позади, но это ему не удалось, потому что 19 дек. японцы взяли господствовавший над этой линией пункт «Большое Орлиное гнездо». В тылу оставалась еще так наз. центральная ограда из вала со рвом, окружавшая старый китайский город, но она не имела серьезного значения. Вечером 19 дек. Стессель послал Ноги предложение сдать, а на следующий день была подписана капитуляция.

Согласно русской официальной истории (т. VIII), наличность сдавшегося в плен порт-артурского гарнизона составляла 32.400 чел. Из этого числа раненых и больных в госпиталях, лазаретах, слабосильных командах и при войсковых частях было 19.665 чел., следовательно боеспособных лишь 12.735 чел., кроме моряков, коих насчитывали около 2.000 чел. Среди упомянутых бое-

способных более половины было поражено цынгой. Снарядов для орудий крупных калибров почти не оставалось: 10-дюйм. пушки имели по 37 снарядов, 9-дюйм.—по 29, 6-дюйм.—по 61; 11-дюйм. мортиры—по 19, 9-дюйм.—по 21. Только морские орудия и полевые пушки располагали еще достаточным количеством патронов. С продовольствием дело обстояло сравнительно лучше: муки оставалось на 27 дней, крупы—на 23 дня, сухарей—на 21 день, сахару—на 40 дней, сухих овощей—на 88 дней. Но жиров и мяса не имелось; уже с сент. солдаты получали конину, да и то два раза в неделю.

Из приведенных фактов и цифр явствует, что в момент сдачи Порт-Артура дни его, собственно говоря, были уже сочтены¹⁾.

Являлось несомненным, что после падения Порт-Артура III армия Ноги будет перевезена на усиление главных сил маршала Ойямы, при чем головные части ее могли прибыть к 20 янв. В виду этого с русской стороны было решено поспешить наступлением, начав его в первой половине января. Для того же, чтобы «замедлить сосредоточение Ноги», Куропаткин приказал произвести «кавалерийский набег на Инкоу с попутной порчей жел. дороги».

Отряд, силой около 7.500 всадников при 22 ор., под нач. ген. Мищенко, сосредоточился у сел. Сыфонтай, в 130 км от Инкоу. Условия для производства рейда были самые благоприятные: район действий (черт. 2 и 3) представлял равнину, перерезанную многими дорогами, и в зимнее время

1) 7 февр. 1908 г. Верховный военно-уголовный суд, признав Стесселя виновным в том, что он сдал крепость японцам, не употребив всех средств к дальнейшей ее обороне, приговорил его к смертной казни через расстреляние, что было заменено заключением в крепости на 10 лет, а через год—освобождением.

был доступен по всем направлениям; в плодородных долинах Ляохэ и ее притоков фураж и продовольствие находились в изобилии; погода стояла сухая, солнечная с небольшими морозами; наконец, японское командование почти не имело в своем распоряжении кавалерии. Выступив от с. Сыфонтай 27 дек., отряд Мищенко направился через Даван и Ньючжуан к Инкоу. Он двигался исключительно шагом, со средней скоростью $3\frac{1}{2}$ км в час, вследствие чего этот оригинальный кавалерийский набег получил в армии прозвище «наполза». Такая черепашья медленность объяснялась тем, что Куропаткин навязал Мищенко совершенно ненужный вьючный продовольственный транспорт из 1.500 мулов и лошадей с проводниками из пехотных обозных солдат; кроме того, отряд несколько раз ввязывался в излишние бои с японскими заставами и шайками хунхузов, занимавшими деревни. Разъездам, высланным для разрушения жел. дороги, не удалось произвести никакого капитального повреждения; они лишь испортили полотно у Хайчена, Тапичао и на Инкусуской ветке, при чем, по японским сведениям, движение было восстановлено уже через 6 часов; произведенная вечером 30 дек. спешенной конницей атака жел.-дорожной станции Инкоу также не удалась. После этого Мищенко двинулся обратно уже по правому берегу Ляохэ и 3 янв. вернулся к армии, совершенно не разрешив поставленной задачи и потеряв убитыми и ранеными 40 офицеров и 361 нижн. чин.

К 1 янв. 1905 г. в трех русских армиях, по офиц. истории (т. IV, ч. 2, прил. № 34), числилось 291.209 шт.ков. Состав трех японских армий около того же времени определялся разведывательным отделением штаба главнокомандующего (т. IV, ч. 2, прил. № 35) в 188 бат., что прибли-

зительно соответствовало действительности. Считая, что батальоны имели полный штатный состав в 800 шт., численность японской пехоты равнялась 150.400 шт. Главные силы русских стояли на фронте в 80 км, при чем II армия на правом крыле от Сыфонтай до Сандиоза, III армия в центре от Сандиоза до Путиловской сопки и I армия на левом крыле от Путиловской сопки до перевала Гаостуин (*черт. 3*). Главные силы японцев были расположены по дуге Беньсиху, Ваньяпуза, Сахэпу, Татай, имея справа I армию, в центре IV армию и слева II армию.

Переход русских в наступление был назначен на 12 янв., при чем первоначальный удар должна была нанести II-я армия Гриппенберга, действуя в пространстве между реками Шахэ и Хуньхэ, т.-е. западнее главной японской позиции. В указанное время это пространство было прикрыто лишь небольшим отрядом ген. Аклама (14 эскадр., 2 бат., 6 ор. и 6 пулем.), для коего опорными пунктами являлись приведенные в оборонительное состояние деревни Хэйгоутай, Сандепу и Лидутунь. Казалось бы, что при такой обстановке Гриппенберг должен был быстро смять слабые силы Акламы и выйти во фланг и тыл главной японской позиции. Однако, действительность не оправдала этих ожиданий, и это прежде всего вследствие странного способа действий, явившегося результатом коллективного творчества Куропаткина, Гриппенберга и других лиц.

На фронте II армии было решено атаковать укрепленные пункты последовательно один за другим: прежде всего предполагалось взять д. Хэйгоутай, после этого д. Сандепу, а затем уже д. Лидутунь. Это вызывалось желанием главнокомандующего атаковать каждый укрепленный пункт с фронта и фланга. Тот же метод

предполагалось применить и по отношению к целым армиям. Сначала должна была наступать одна II армия, а III и I армии отвлекать внимание неприятеля артиллерийским огнем. После того как II армия овладеет указанным ей участком (переход за определенную линию ей воспрещался), начинает наступление III армия, а по достижении ею успеха — I армия. Такой сложный и искусственный способ действий лишал русских возможности использовать их огромное численное превосходство и выгоды внезапности. В каждый данный момент серьезный бой должен был происходить только на одном пункте, а на всем остальном фронте войска должны были бездействовать.

События разыгрались следующим образом: поздно вечером 12 янв. была взята укрепленная д. Хейгоутай. На след. день, 13 янв., началась атака укрепленного с. Сандепу, но тут, вследствие особенно дурного управления войсками, произошла задержка. Между тем, на всем остальном фронте до Гаотунинского перевала русские войска стояли на своих позициях в ожидании взятия Сандепу, ограничиваясь лишь артиллерийским огнем. Пользуясь этим, японцы подкрепили свое левое крыло за счет резервов центра и правого крыла и утром 15 янв. перешли в энергичное контр-наступление в районе Хейгоутай—Сандепу. Атаки их были по большей части отбиты; в распоряжении Куропаткина оставался еще сильный стратегический резерв. Но, несмотря на это, вечером 15 янв. Гриппенберг получил неожиданное приказание: отказаться от взятия Сандепу и отвести войска II армии на укрепленные позиции, с которых было начато наступление.

В сражении при Сандепу русские потеряли уб. и ран. 369 офицеров и 11.374 нижк. чина. Потеря японцев составляла около 9.000 чел. По

окончании сражения Гриппенберг, с разрешения Николая, уехал с женой в Петербург и впоследствии завел с Куропаткиным известную полемику, выставившую обоих полководцев в весьма невыгодном свете.

Вскоре после сражения при Сандепу Куропаткин решил снова перейти в наступление, продолжая прежний маневр. Опять начались совещания, разработка планов, составление докладов и проектов. Тем временем на усиление Ойямы прибывала в конце янв. III армия Ноги и была сформирована из подвезенных подкреплений V армия Кавамуры. Наконец, Куропаткин назначил атаку Сандепу, на 12 февр., но в ночь с 5 на 6 февр. японцы сами перешли в наступление на противоположном фланге, чем началось мукденское сражение (*черт.* 3).

Перед этим сражением, согласно официальной истории (т. V, ч. 1, стр. 1), боевая сила русских армий составляла: 276.666 шт., 15.727 шапек, 1.089 пол. скорострельных ор., 178 осадных и поршневых пушек, 78 мортир и 56 пудем. Японцы, по монографии германского ген. штаба, имели ок. 250.000 шт., 5.800 саб., 832 пол. ор., 92 тяжелых ор., некоторое число 9-см мортир и 174 пудем. Таким образом в мукденском сражении русские уже не располагали тем численным превосходством, коим пользовались под Ляояном, на Шахэ и при Сандепу, вследствие чего Куропаткину, дабы быть последовательным, следовало от этого сражения уклониться, продолжая отступление на север.

Три русские армии попрежнему занимали сильно укрепленные позиции от Сыфонтая до Гаотунинского перевала протяжением около 80 км. Эта главная позиция обеспечивалась справа конницей, стоявшей у д. Убанью, а слева выдвинутым уступом вперед цинхченским отрядом. По-

зади на р. Хуньхэ находилась тыловая мукденская позиция. Против главной русской позиции стояли на сильно укрепленных позициях II, IV и I японские армии; V армия Кавамуры находилась в районе Излячана (черт. 2 и 3) против цинхченского отряда, а за левым флангом II армии, в окрестностях Сяобейхэ, была сосредоточена III армия Ноги. План японцев состоял в том, чтобы произвести глубокий обход правого русского крыла. Для того же, чтобы отвлечь внимание русских, предполагалось предварительно энергично атаковать их левое крыло и демонстрировать против центра.

В ночь с 5 на 6 февр. армия Кавамуры перешла в наступление против цинхченского отряда и к 14 февр. оттеснила его к Мадзяданю. Тем временем часть армии Куроки также двинулась вперед и атаковала позиции I армии на Гаотулианском перевале. Под впечатлением этих наступательных действий неприятеля Куропаткин отменил назначенную на 12 февр. атаку Сандепу и направил на усиление угрожаемой I армии не только часть своего общего резерва, но и весь частный резерв II армии, всего 42 бат. Между тем Ойяма, достигнув отвлечения русских сил на восток, двинул для обхода с зап. стороны III армию Ноги.

Выступив от Сяобейхэ 13 февр., эта армия направилась на север, в пространство между с. Сыфонтай и р. Ляохэ, двигаясь четырьмя колоннами, уступами слева. Утром 16 февр. для Куропаткина уже вполне выяснилось намерение японцев обойти его с правого фланга в направлении Мукден—Телин. Для противодействия этому обходу Куропаткин, по своему обыкновению, применил чисто пассивные средства: он стал возвращать отправленные на левый фланг резервы, стал снимать войска с позиций, не только II, но также и III и

I армий, выставляя заслоны фронтом на запад. Затем в ночь с 22 на 23 февр. всем войскам было приказано отступить к р. Хуньхэ на тыловую мукденскую позицию. Во время обхода Ноги русским несколько раз представлялись благоприятные случаи для частных переходов в наступление, но вследствие нерешительности и дурного управления войсками все наступательные попытки не имели успеха. Утром 24 февр. головные части совершавшей обход армии Ноги находились уже на линии Тасинтунь—Тахэнтунь, угрожая захватить пути отступления русских войск от Мукдена на север.

Не успев отеснить Ноги, Куропаткин отдал приказание: в ночь на 25 февр. всем трем армиям начать отход к Телину. Но условия для отступления были чрезвычайно трудные. В первом часу пополудни 24 февр. части армии Куроки прорвали растянутый русский фронт у Киузана, в 20 км восточнее Мукдена, после чего двинулись в сев.-зап. направлении к с. с. Тава и Пухе. Вследствие этого войскам русского правого крыла пришлось отступать как бы в коридоре между линиями Тахэнтунь—Тасинтунь и Тава—Пухэ, занятыми неприятелем. В такой обстановке некоторые войсковые части не успели пробиться и полжили оружие, а среди обозов и транспортов произошла паника, распространившаяся в глубокий тыл до Телина. К счастью для русских, японцы, по причине крайнего утомления войск и недостатка конницы, скоро прекратили преследование.

К 28 февр. русские армии заняли заблаговременно укрепленную позицию за р. Фанхэ к югу от Телина. На след. день Куропаткин отдал приказ о дальнейшем отходе еще на 100 с лишком км к станции Сыпингай. Убыль русских армий в сражении под Мукденом составляла

1.977 офицеров и 87.444 нижн. чина. Из этого числа 279 офицеров и 29.051 нижн. чин пропали без вести, т.-е. по большей части попали в плен. Кроме того, было оставлено неприятелю 32 орудия и 4 пулемета. Японцы определяют свои потери в 41.000 чел.

Не успело еще закончиться мукденское сражение, как Николай II собрал в Царском Селе, 28 февр. 1905 г., совещание из великих князей Алексея Александровича и Николая Николаевича и генералов: Драгомирова, гр. Воронцова-Дашкова, бар. Фредерикса, Гессе, Роопа, Комарова (Куркинского) и Сухомлинова. Совещание пришло к единогласному заключению, что Куропаткина ни в коем случае нельзя оставить главнокомандующим. 3-го марта он был уволен от должности и вместо него назначен ген. Ливевич. Но Николай II в ответ на просьбу Куропаткина разрешил ему остаться на театре войны в качестве командующего I армией, пока еще наименее деморализованной. Ливевич по своим способностям был человек заурядный и совершенно неподготовленный к широкой стратегической деятельности, что особенно ярко и документально изображено в неизданном дневнике его нач. штаба Харкевича. Тем не менее, на посту главнокомандующего Ливевич был все-таки более приемлем, чем Куропаткин.

Русские 9 марта заняли заблаговременно избранные позиции севернее станции Сыпингай, в 120 км за Телином и в расстоянии 350 км от Харбина, по обе стороны жел. дороги. Японцы расположились впереди Телина, приблизительно на линии г. Кайюань. На указанных местах противники простояли почти полгода, не предпринимая никаких серьезных боевых действий. За это время к русской армии подошли многочисленные подкрепления; раз-

ные технические недочеты были пополнены. Японская армия также значительно усилилась и усовершенствовалась. С другой стороны, дух русских войск, под влиянием мукденского поражения и долгой томительной стоянки на сыпингайских позициях, понизился. К тому же в Р. начался подъем революционного движения, и новые идеи, в связи с агитацией в пользу прекращения войны, стали проникать в действующую армию.

Некоторые надежды возлагались на действия русского флота. После гибели Макарова в Петербурге было решено из оставшихся в Балтийском море и недостроенных еще боевых судов создать 2-ю тихоокеанскую эскадру, формирование которой было поручено вице-адм. Рожественскому (см.). Ей предстоял чрезвычайно длинный путь в исключительно трудных условиях из Балтийского моря на Дальний Восток. На всем этом протяжении не было ни одной русской базы. Рожественскому рекомендовалось пользоваться якорными стоянками, поскольку этому не будут препятствовать нейтральные государства, из коих Англия, имевшая наибольшее значение, состояла в скрытом союзе с Японией. Снабжение углем и продовольствием находилось в полной зависимости от поставщиков-иностранцев.

Главные силы эскадры вышли из Либавы 2 окт. 1904 г. По приходе в Танжер они разделились: одна часть пошла через Суэцкий канал, а другая — вокруг Африки. 25 дек. они опять соединились у Мадагаскара. Тут Рожественский узнал о падении Порт-Артура и о том, что покупка чилийских и аргентинских крейсеров, которая должна была значительно увеличить его силы, не состоялась. Дождавшись прихода высланного из Балтики крейсерского отряда Добротворского, эскадра 3 марта

вышла из Мадагаскара. Далее погрузку угля приходилось уже производить в открытом море. 1 апр. Рождественский прибыл в бухту Камран близ Сайгона (в Индо-Китае), где к нему присоединился броненосный отряд адм. Небогатова. Таким образом, собралась вся 2-я тихоокеанская эскадра.

В ней было 11 броненосцев (в том числе 3 береговой обороны), 14 крейсеров, 8 миноносцев и несколько вспомогательных судов. Она представляла соединение кораблей, собранных наспех, вследствие чего один морской писатель назвал ее «музеем образцов». Подобная разнородность низводила боевые свойства лучших судов до степени худших (эскадра делала 10 узлов, тогда как новые линейные корабли могли дать 17—18 узлов). Кроме того, на ход и маневренность судов весьма дурно влияла перегрузка их углем. В японской эскадре под командой Того было 5 броненосцев, 23 крейсера, 62 миноносца, 2 авизо, 6 канонерок и вспомогательные суда; она находилась в Корейском проливе, имея главные силы в порте Мозанпо (западнее Фузана). Учитывая опыт предшествовавших действий, японцы снабдили свою морскую артиллерию новыми фугасными снарядами, заключавшими в себе 14% взрывчатого вещества и производившими огромные разрушения и пожары в небронированных частях корабельных корпусов. Русские остались при старых снарядах, содержавших всего 2 $\frac{1}{2}$ % взрывчатого вещества.

Еще на Мадагаскаре Рождественский получил две телеграммы Николая II, в которых ему была дана неразрешимая задача — завладеть Японским морем, т.-е. разбить главные силы японского флота. Адмирал поставил себе ближайшей целью — прорваться во Владивосток через Корейский пролив (*черт.* 1). Он знал,

что Того преградит ему путь, но все-таки надеялся пройти с потерей нескольких судов. Утром 14 мая 2 тихоокеанская эскадра вошла в Корейский пролив, направляясь к в. от островов Цусима. Желая держать ее в руках и, очевидно, не доверяя своим подчиненным, Рождественский вел все линейные суда в одной кильватерной колонне, находясь лично на головном броненосце «Суворов». При таком строе вся тяжесть боя ложилась на передние суда, средние могли принимать в нем участие лишь временно, а задние оставались зрителями. Того действовал отдельными отрядами, предоставив известную свободу их начальникам и не сводя эскадру в одно соединение, вследствие чего получил возможность ввести в бой все свои силы.

Цусимское сражение 14 и 15 мая окончилось полным разгромом русской эскадры: только один крейсер («Алмаз») и два миноносца («Бравый» и «Грозный») достигли Владивостока; 6 судов скрылись в нейтральные порты, где разоружились; остальные суда были потоплены или сдались. Из 14.000 чел. личного состава около 5.000 погибло, более 6.000 взято в плен и около 3.000 чел. спаслось во Владивостоке и нейтральных портах. Сам Рождественский, раненый в голову, попал в плен в бессознательном состоянии. Эскадра Того потеряла всего лишь 3 миноносца. Из 18.000 чел. экипажа было 113 убито и 424 ран.

Цусимский разгром произвел сильное впечатление во всем мире. Президент С.Ш.А. Рузвельт обратился к правительствам Р. и Японии с нотой, предлагая свое посредничество для заключения мира. Сначала русское правительство колебалось. Казалось оскорбительным отказаться от борьбы, не одержав ни одной победы. Но 24 июня японские войска высадились на южной оконеч-

ности о. Сахалина у поста Корсаковского. В распоряжении воен. губернатора ген. Ляпунова имелось всего 5 местных бат., 16 старых орудий и несколько дружин, сформированных из каторжников и ссыльных. Очевидно, что эти силы, к тому же разделенные на 9 разбросанных отрядов, не могли оказать неприятелю серьезного сопротивления.

В Петербурге явилось опасение, что японцы произведут такие же десанты в различных пунктах Тихоокеанского побережья, напр. на Камчатке, близ устья Амура и т. д., весьма слабо защищенных. Даже главный оплот русского владычества, крепость Владивосток, находилась в плачевном состоянии и не могла выдержать продолжительной осады. При огромных расстояниях, недостатке путей сообщения, малонаселенности театра действий и господстве японцев на море было бы очень трудно отвоевать у них раз занятое побережье. Эти опасения, а также начавшаяся революция повысили миролюбие русского правительства, и 24 июля 1905 г. в американском городе Портсмуте начались заседания мирной конференции, которые закончились 23 авг. подписанием мирного договора.

В это время русские имели на Дальнем Востоке, считая три действующие манчжурские армии, войска приамурского военного округа (без Сахалина) и тыловые войска: 15.223 офицера, 2.007 зауряд-прапорщиков и 942.141 строевых и нестроевых нижних чинов¹⁾.

У японцев, согласно их официальной истории, к концу войны находилось на службе вне пределов Японии 998.868 чел.²⁾.

Что касается боевой силы трех

¹⁾ Русская официальная история. VI, приложение № 11. Сведения к 25 августа.

²⁾ Японская официальная история, пер. Яхонтава, т. I, стр. 52.

русских армий, то она составляла 446.690 штыков, тогда как японцы имели в своих пяти армиях от 337.500 до 381.375 штыков¹⁾. Следовательно, в главном роде войск, пехоте, русские имели превосходство от 32% до 17%.

Сущность Портсмутского договора заключалась в следующем: 1) Япония получила полную свободу действий в Корее. 2) Р. передала Японии заключенный с Китаем арендный договор на Квантунскую область и участок Китайской Восточной жел. дороги к югу от станции Куанченцы (Чанчун). 3) Р. навсегда уступила Японии южную часть о. Сахалина, пространством около 700 кв. миль, и предоставила японцам право рыбной ловли вдоль русского Тихоокеанского побережья.

За время войны русские потеряли на суше и на море более 160 т. чел. убит. и ран. Что касается потерь от болезней, то русско-японская война составляет исключение среди других войн: заболеваемость нижних чинов действующей армии оказалась значительно ниже заболеваемости во внутренних округах империи.

По окончании войны Куропаткин в многочисленных отчетах, докладах, записках и пр. поднял вопрос о преждевременном заключении мира. Он указывал на то, что при существовавшей обстановке Р. могла выиграть войну лишь «терпением», а потому в его плане «необходимость отступления наших войск к Харбину была предусмотрена вполне прозорливо». Между тем, принятый план не был доведен до конца: раньше, чем дело дошло до решительного периода войны, когда русские армии находились еще у Сыпингая, в 350 км от Харбина, был уже подписан мирный договор. В письме к Николаю II от

¹⁾ Русская официальная история, т. II, стр. 62.

8 февр. 1906 г. Куропаткин писал: «Во времени заключения мира почти миллионная (?) русская армия твердо стояла на занятых ею после мукденского боя позициях и уже готова была не только к обороне, но и к самому решительному наступлению». В своем прощальном обращении к офицерам I маньчжурской армии тот же Куропаткин высказал следующее: «Мы крепили в неудачах, приобретали боевой опыт, усиливались подходом подкреплений и, наконец, летом прошлого года достигли такой силы, матерьяльной и духовной, что победа, казалось, была уже нам обеспечена».

Изложенные выше факты и приведенные точные цифры показывают, что эти утверждения Куропаткина не соответствовали истине. В момент заключения мира численное превосходство, которым располагало русское командование, было примерно такое же, как в ляоянском и шахейском сражениях; при Сандену оно было гораздо больше (почти двойное). Если тогда всего этого оказалось недостаточно для одержания успеха, то почему же теперь победа была обеспечена? К тому же необходимо принять во внимание несомненное понижение духа войск к концу неудачной войны и внутреннее состояние государства.

В действительности и речи не может быть о преждевременном заключении мира. Наоборот, у дальновидных людей надежда на победу исчезла гораздо раньше. Герой Порт-Артура Кондратенко 18 сент. 1904 г., т.-е. еще до сражения на Шахе, обратился с письмом к Стесселю, в котором просил его шифрованной телеграммой донести царю о том, что необходимо возможно скорее, еще до падения крепости, заключить мир с Японией, так как «рассчитывать на своевременную выручку ее нашей армией и флотом едва ли возможно», а между тем с потерей этой крепости кампания будет «безвозвратно проиграна,

и наш военный неуспех примет унизительные для нашего государственного достоинства размеры».

В IV томе своего обширного оправдательного отчета Куропаткин подробно излагает шестнадцать важных причин, помешавших ему победить японцев, но он умалчивает о семнадцатой, самой главной причине—о дурном управлении войсками, по сравнению с которой все остальные причины являются второстепенными. В русской армии оказались неудовлетворительными, хотя и в неодинаковой степени, все три элемента управления: полководец, командный состав и генеральный штаб. Особенное значение имела личность самого Куропаткина. Господствующими чертами его были паралич оперативной воли и непонимание высшей духовной стороны военного искусства. При таких основных недостатках даже некоторые бесспорные достоинства (ум, хотя и мелочный; разнообразные фактические знания, административный опыт и редкое трудолюбие) шли во вред делу, так как побуждали его во все вмешиваться и повсюду подавлять всякую самостоятельность. Подполковник германского ген. штаба барон Теттау, состоявший при русской армии в Маньчжурии, в своем сочине ии «Kurapatkin und seine Unterführer» говорит: «Если бы даже русские вожди имели в своем распоряжении наилучше обученную армию в мире, они, несмотря на свое численное превосходство, все-таки были бы побиты, потому что им не хватало решительности, твердой воли и понимания сил, действующих на войне».

Е. Мартынов.

XV. Революционное движение в Р. От зарождения социал-демократии до первой революции включительно (1883—1907). Революционное движение рассматриваемой эпохи может быть разбито на 3 периода: первый период от народничества к

марксизму, «утробный период соц.-демократии» (1883—1894), период массового рабочего движения, зарождения и оформления большевизма (1894—1904), и эпоху первой революции (1905—1907).

Переходный период характеризуется, с одной стороны, попытками возрождения «Народной Воли» и идейным разбродом среди народничества, отчасти под влиянием распространения идей марксизма группой «Освобождения труда» (см. XL, 555/57). Вместе с тем уже в 80-х годах, под влиянием промышленного кризиса и массовой безработицы, облегчавшей капиталистам новое ухудшение условий труда рабочих, начался новый подъем стачечного движения, главным образом в Центральном промышленном районе. Высшим моментом этого подъема явилась знаменитая Морозовская стачка в Орехово-Зуеве в 1885 г., руководимая бывшим членом петерб. раб. кружков 70-х гг. Моисеенко и получившая громкий отклик среди рабочих всей Р. (см. XXXVI, ч. 4, 286/87, и XLI, ч. 2, 54/57). Суд с участием присяжных, рассматривавший в мае 1886 г. во Владимире дело о 33 рабочих — участниках этой стачки, обвиняемых в разгроме фабричных помещений и нападении на военный караул, вынужден был оправдать всех подсудимых, так как показания свидетелей выяснили ту кошмарную эксплуатацию, которой подвергались рабочие. По этому поводу стоил тогдашней реакции, редактор «Московских Ведомостей» Катков, намекая на то, что рабочие были оправданы по 101 пуллету выставленных против них обвинений, заявил, что приговор суда над морозовскими стачечниками означает «101 салютационный выстрел в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса». В то же время «Московские Ведомости» предупреждали, что «с народными массами шу-

тить опасно», и восклицали: «Что должны подумать рабочие в виду оправдательного приговора владимирского суда? Весть об этом решении мгновенно облетела весь этот мануфактурный край».

Таким образом, политическая и общественная реакция 80-х годов имела и обратную сторону — тот рост рабочего движения, который подготавливал почву для развития марксизма и социал-демократии. В самом деле, даже народовольческие и народнические кружки в целом ряде городов Р., сохранившиеся или возродившиеся после разгрома «Народной Воли», вынуждены были пропагандировать среди рабочих экономическую теорию Маркса, при чем из рабочей среды выдвигались талантливые пропагандисты, которые стихийно тянулись к марксизму через головы своих народнических руководителей. А в середине 80-х годов в Москве сформировалась группа революционеров, выпустивших ряд литографированных изданий под фирмой «Общество переводчиков и издателей», в которых работы Маркса и Энгельса (в том числе «Анти-Дюринг» Энгельса) занимали видное место. Эта группа издала также несколько брошюр специально для рабочих, в том числе Маркса — «Наемный труд и капитал», и Энгельса — «Социализм утопический и научный». Наконец, в 1884 г. в Петербурге болгаринем Благоевым (впоследствии вождем болгарской компартии; см. XLVII, прил. 8) был создан, независимо от заграничной группы «Освобождение труда», первый в Р. социал-демократический кружок, в котором, правда, существовали еще довольно эклектические взгляды, в которых идеи Маркса уживались рядом с Лассалем и Лавровым. Кружок начал издавать нелегальную газету «Рабочий», связался с группой «Освобождение труда» и во втором номере своей газеты по-

местил письмо Плеханова к петербургским рабочим кружкам под названием «Современные задачи русских рабочих». Давая анализ политического положения Р., а также положения рабочих, это письмо выдвигало следующую программу действий: «1. Развивать сознательность в среде ваших товарищей; 2. организовывать и сплачивать их силы; 3. направлять эти силы на завоевание тех политических прав, которые дали бы вам возможность добиться некоторых экономических реформ уже в настоящее время, а главное, — облегчили бы вам вашу окончательную победу в будущем». В 1885 г. главные деятели кружка были арестованы, а Благоев был выслан за границу. Но пропаганда бласоевцев среди петербургских рабочих дала свои результаты, что было использовано первыми настоящими социал-демократическими группами конца 80-х и начала 90-х годов, группами, во главе которых стояли Точисский и Бруснев (см. XL, 568) и в которых рабочие, как молодые, так и уже распропагандированные народолюбцами, получали определенную марксистскую закалку. Оттуда вышли, между прочим, такие высоко-культурные и развитые рабочие, как Богданов, Норинский, Шелгунов, Тимофеев и др.

Между тем разгром центральной организации «Народной Воли» в Р. вызвал оживление народолюбческой эмиграции. В то же время ряд старых эмигрантов (Лавров, Чайковский, Кравчинский, Кропоткин) выступили в европейской печати и на публичных собраниях со статьями и лекциями о русском революционном движении. В 1885 г. американец Д. Кеннан (см.) отправился в Р. с целью изучения положения русских политических арестованных и ссыльных, в результате чего появилась его книга на эту тему, имевшая большое пропагандистское значение. Ти-

хомиров вместе с Лавровым стали издавать за границей журнал «Вестник Народной Воли», пять книжек которого вышли в течение 1883—1886 г. г. Попытки Плеханова и группы «Освобождение труда» объединиться или договориться с редакцией «Вестника Народной Воли» не привели ни к чему, и между этими организациями началась резкая полемика. В результате этого разрыва группа «Освобождение труда» отказалась от тех уступок народолюбчеству — об общине, о терроре и т. п., — которые имелись в первом проекте программы этой группы. Группа приступила к самостоятельной пропаганде своих взглядов и распространению своих изданий в Р., но арест ее члена Л. Г. Дейча (см.) в Германии (1884) с транспортом литературы и выдача его Р. сильно подорвали организационные возможности группы, и ее непосредственные связи с Р. были в течение 80-х г. г. очень незначительны. После ареста Дейча и смерти Игнатова в группе оставались лишь Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод и В. И. Засулич (ср. XL, прил. 116/17).

В 1884 г. на съезде народолюбцев в Париже было решено приступить к возрождению организации в Р. С этой целью в Р. поехал нелегально Герман Лопатин (см.), которому, кроме объединения разрозненных народолюбческих кружков, предстояло еще договориться с возникшей в рядах наследников «Народной Воли» оппозицией, во главе которой стоял известный впоследствии поэт П. Якубович-Мельшип. Эта «оппозиция» ставила на первый план усиление работы в массах, в частности среди рабочих, а также рекомендовала применение фабричного и аграрного террора. Против работы в массах Лопатин не возражал, а от аграрного и фабричного террора «молодые» отказались. В результате было до-

стигнуто соглашение (см. XL, прил. 340 сл., 433), что содействовало заметно оживлению работы, в частности выходу десятого номера «Народной Воли». Другое соглашение заключено было с польской социалистической организацией «Пролетариат». Лопатин объехал ряд городов Р., всюду завязывая связи, но, выданный провокатором, он был в том же 1884 г. арестован в Петербурге на улице, при чем у него захвачены были при обыске списки адресов. Произошел новый разгром «Народной Воли», в общем арестовано было около 500 человек. Следующие попытки возрождения «Народной Воли», которые делались Оржихом и Богоразом (известный впоследствии писатель Тан; см. XL, прил. 443), в том числе выпуск номера 11—12 «Листка Народной Воли», тоже не дали положительных результатов. В стороне от этих попыток и после их провала возникла террористическая группа А. И. Ульянова, старшего брата Ленина (см. XL, 560, и XLII, *Доп. листок*, 10/12). Кружок Ульянова организовал покушение на Александра III, которое должно было осуществиться в годовщину убийства Александра II 1 марта 1887 г. Но этот заговор был раскрыт, участники его арестованы с бомбами на улице, и военный суд приговорил 15 человек к смертной казни, при чем 10 из них казнь была заменена каторгой, а 5 — Ульянов, Шевырев, Андреюшкин, Генералов и Осипанов — были казнены в Шлиссельбургской крепости. На ряду с попытками воссоздания старой «Народной Воли» с ее террористической деятельностью, в Москве в первой половине 80-х годов возникла мысль о создании новой организации с целью военного заговора, для чего образовалась группа «милитаристов», ставивших себе задачей пропаганду среди офицеров. С другой стороны, в ряде провинциальных народнических групп

происходил глубокий идейный развал, в котором, с одной стороны, шел отказ от непосредственной революционной борьбы, замечалось даже увлечение толстовством, а с другой стороны, начиналась тяга к марксизму.

В общем вторая половина 80-х годов характеризуется почти полным упадком революционного движения, хотя оно все же не замирает. В числе попыток продолжить традиции «Народной Воли» следует упомянуть возникшую в 1887 г. в Москве среди студентов группу, которая называла себя «социалистами-федералистами». В течение 1888—1889 гг. эта группа выпустила 4 номера своего нелегального органа «Самоуправление», при чем с номера 3-го в журнале стал сотрудничать один из эмигрантов народничества, известный публицист и критик Н. К. Михайловский (см.). В программе группы, напечатанной в номере 1-м, выставляются требования постоянного народного представительства, широкого местного самоуправления, всеобщего избирательного права, свободы слова, совести, печати, собраний и т. п., а в экономической области программа выдвигает национализацию земли, «систему мер, имеющих в виду передачу в руки рабочих или государства фабрик и заводов, широкий государственный кредит непосредственным производителям» и «организацию обмена на началах общности, с целью устранения в нем всякого излишнего посредничества». Здесь мы видим смешение демократических требований с чисто прудонистскими пережитками. Но вместе с тем программа считает необходимым вести активную борьбу с абсолютизмом, при чем «из путей, ведущих к этой свободе, путь народной революции мы считаем едва ли пригодным». Поэтому программа рекомендует соединение легальной агитации с террором. В этом беспринципном эклектизме мы видим

зародыши той идеологии, которая характеризовала возникшую спустя несколько лет организацию «Народного права». На позиции либерально-демократического конституционализма стоял и издававшийся с 1877 г. в Женеве ежемесячный журнал «Общее дело». Этот журнал основан А. Х. Христофоровым, близкое участие в нем принимал Н. А. Белоголовый (см. VII, 343/44). Журнал давал информацию о Р. и резко критиковал политику правительства. Прекратился он в 1891 г.

Развал партии «Народной Воли» нашел свое отражение, между прочим, в громком событии — публичном ренегатстве одного из старых вождей партии, члена Исполнительного комитета Льва Тихомирова (см.), подавшего в 1888 г., будучи в эмиграции, прошение царю о помиловании и написавшего брошюру — «Почему я перестал быть революционером». Если ренегатство Тихомирова угнетающе подействовало на старых народовольцев и революционную молодежь, то, наоборот, борьба, которую вели пленные борцы в каторжных застенках и в ссылке против произвола местных сатрапов, встречала сочувственный отклик в немногочисленных революционных кружках, а также в прогрессивной печати Европы. Самыми крупными и яркими событиями этого рода были «Якутский протест» 1889 г. и многочисленные попытки самоубийства политических арестантов в каторжных тюрьмах Сибири в ответ на телесное наказание политической каторжанки Сигиды, тоже покончившей самоубийством (см. XI, прил. 53/54, 195/96, 409/11). Якутский протест проявился в том, что группа политических ссыльных, в большинстве народовольцев, отказалась ехать в Колымск в ужасных условиях пересылки и забаррикадировалась в занимаемом ею доме. По приказу властей они были обстреляны

солдатами, при чем часть их была убита (Подбельский П. П. и др.), трое повешены по приговору суда (Л. Н. Коган-Бернштейн, А. Л. Гаусман и Н. Л. Зотов), а остальные приговорены к каторге (см. XI, прил. 656). Это вызвало ряд протестов в других местах ссылки и новые каторжные приговоры. Что касается дела Сигиды, то протест европейской прессы заставил даже правительство отменить совершенно телесные наказания для женщин.

Последними отзвуками деятельности «Народной Воли» 80-х гг. были, с одной стороны, попытки собрать сохранившиеся и возникавшие вновь революционные кружки в самом конце 80-х и начале 90-х гг., для чего устраивались даже конференции (Кострома, Воронеж), а с другой, попытки организации новых террористических покушений из эмиграции (в Париже и Цюрихе.) При этом парижский кружок «бомбистов» был организован провокатором, секретным сотрудником заграничной агентуры департамента полиции — Гартингом-Ландезеном. Арасты бомбистов французским правительством явились первым политическим шагом в деле подготовки франко-русского союза.

Голод в 1891 г., явившийся переломным моментом в реакции 80-х и начала 90-х годов и вызвавший подъем общественного движения, явился толчком и к оживлению деятельности революционных организаций. Это сказалось как на развитии с.-д. движения, так и на возрождении народнических и полународнических групп. Осенью 1891 г. в Петербурге образовалась «Группа народовольцев» (М. С. Александров-Ольминский, см. XI, ч. 2, прил. *деятели револ.*, 82/85; Е. Александрова, А. Федулов, А. Ергин, писатель Астырев, см., выпустивший самостоятельно прокламацию по поводу голода, и др.). Группа организовала типографию,

где печатались брошюры, воззвания и орган группы — «Летучие листки группы народолюбцев». Последний, четвертый номер этого листка вышел в декабре 1895 г. В течение этого времени группа проделала значительную эволюцию в сторону марксизма. Последний номер проникнут определенно социал-демократическим настроением, так что на этой почве против группы выступил даже П. Л. Лавров. В передовой статье этого номера мы читаем: «В стране с определенным капиталистическим направлением в промышленной жизни — просты, ясны и определены общественные силы, цели, интересы и партии с их девидами. У нас налицо абсолютизм во всеоружии реакции; дворянство, им вновь возрожденное; буржуазия, крепнущая и растущая; крестьянство, распадающееся на мелкую буржуазию и сельский пролетариат, и, наконец, городской пролетариат. Абсолютизм и дворянство принадлежат прошлому; буржуазия и рабочий класс — будущему. Нет оппозиционного течения, которое, опираясь на реальные интересы — а только такое имеет силу, — не коренилось бы в том или другом из этих последних классов... Поэтому мы не верим, чтобы нашему делу могли служить дворянские земства, буржуазное городское самоуправление, «просвещенные» газеты и журналы». По сравнению с путаной программой «Самоуправления», а также с идеологией легального народничества 90-х годов, представленного журналом «Русское Богатство» и поднявшего борьбу против социал-демократов, — эти положения «Летучего листка группы народолюбцев» выгодно отличаются большей ясностью и четкостью классового анализа.

Признание огромной общественной роли российского пролетариата мы встречаем и в номере 33-м «Летучего листка» лондонского «Фонда вольной русской прессы», организованного

в 90-х гг. старыми эмигрантами, как Кравчинский (см.), Чайковский (см.) и др. В этом номере в статье под названием «Новая сила» отмечаются «два явления громадной исторической важности», которые выдвигаются за последнее время «на безотрадном фоне русской общественной жизни»: это — огромный рост стачечного движения и тяга к знанию в массе городского населения. Это признание привело к тому, что петербургская «Группа народолюбцев» стала даже печатать издания «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», в том числе брошюру Ленина «Объяснение закона о штрафах».

Действительно, рабочее движение с самого начала 90-х г. г. носит не только экономический, но и политический характер. Так, внимание широких кругов революционной интеллигенции было привлечено участием значительной группы рабочих в демонстрации на похоронах известного публициста Н. В. Шелгунова (см.) в Петербурге в 1891 г. и в преподнесении ему еще при жизни адреса, в котором говорилось, что он «указал им путь борьбы». Далее, уже в том же 1891 г. в Петербурге происходила тайная первомайская массовка в лесу за Нарвской заставой, где собралось около 200 рабочих, при чем с речами, посвященными значению 1 мая, впервые праздновавшегося в Р., выступили рабочие В. Прошин, Ф. Афанасьев и Н. Богданов. Другое собрание, из нескольких десятков человек, состоялось тогда же в городе. На этих собраниях присутствовали и с.-д. интеллигенты, в том числе Бруснев. Эти речи петербургских рабочих были тогда же записаны и впоследствии не раз переиздавались, являясь ценным пропагандистским материалом. В одной из этих речей, которые характеризовали тяжелое положение рабочего класса в царской Р. и призывали к

борьбе, указывалось на связь начавшегося рабочего движения с революционным движением прошлых лет. Семя, посеянное прошлыми поколениями революционеров, в том числе и европейскими социалистами с их лозунгом — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «растет, зреет и пускает свои отростки по всей русской земле. Растет оно, но и страшных врагов оно имеет в лице кулаков, попов, господ и царя со своим войском и полицией. Трудная ведется борьба. Уже десятки тысяч молодежи погибли за нас в снегах Сибири, в казематах Петропавловки, Шлиссельбурга. Начнем же и мы сами за себя бороться. Не легко в начале нам придется: каждый шаг наш, каждый проступок грозит вам тюрьмой или высылкой, но что же делать, товарищи. Не без этого, когда дело идет о жизни или смерти. Надо же нам подумать о своем теперешнем положении, в которое мы поставлены продавать нашими эксплуататорами и правителями». Наконец, в следующем, 1892 г., в день 1 мая началась политическая забастовка рабочих крупнейшего промышленного центра Польши — Лодзи. Всеобщая забастовка, подготовленная польскими рабочими организациями, охватила город 2 мая и достигла апогея 4 мая. Правительство не только разгромило рабочую забастовку, явившуюся первым массово-политическим выступлением пролетариата в царской Р., но попыталось, при помощи босняков и уголовных элементов, спровоцировать еврейский погром, чтобы скомпрометировать в глазах широкого общественного мнения эту забастовку (см. XXXVI, ч. 1, 686).

Первая половина 90-х годов характеризуется ростом с.-д. движения (см. *российская социал-демократия*, XI, 568/71). С.-д. кружки возникли не только в Петербурге и Москве, но также в Казани, в Нижнем-Нов-

городе, Самаре, Киеве, Одессе, Вильне, Туле, Харькове, Ростове и ряде др. городов. Кроме литературы группы «Освобождения труда», в том числе новых плехановских брошюр — «Всероссийское разорение» и «О задачах социалистов в борьбе с голодом в Р.», распространялись среди рабочих более популярные работы Маркса (как, например, «Наемный труд и капитал»), а также ряд агитационных брошюр, изданных за границей и переиздававшихся на гектографе в Р. В 1895 г. в Петербурге возник «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», возглавлявшийся Лениным и ставший образцом для ряда провинциальных организаций. Еще раньше с.-д. во главе с Лениным выступили в нелегальной печати на борьбу с легальным народничеством. Ленин написал в 1894 г. свою знаменитую брошюру «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов», а в 1895 г. — вышеупомянутую брошюру для рабочих, посвященную вопросу о штрафах. В брошюре «Что такое «друзья народа» уже выражена идея гегемонии пролетариата в предстоящей в Р. буржуазно-демократической революции и перерастания ее в социалистическую. С 1894 г. с.-д. группы в крупнейших центрах переходят от чисто кружковой пропаганды к массовой агитации путем распространения листовок и прокламаций. Некоторую роль здесь сыграла написанная в Вильне брошюра «Об агитации» (см. XI, 569/70). Этим самым положено начало новому периоду в рабочем движении, периоду массовой агитации, и в течение этого периода происходит новый огромный подъем рабочего движения, самым ярким проявлением которого была 30-ти тысячная стачка петербургских текстильщиков летом 1896 г. (см. XXXVI, ч. 4, 299/300).

Начало общественного подъема

вызвало также некоторое оживление либерально-демократических элементов. В революционной среде это нашло свое отражение в создании в 1893 г. организации, назвавшей себя партией «Народного права». Эта весьма немногочисленная «партия» была создана вернувшимися из ссылки бывшими землевольцами и народолюбцами (М. А. Натансоном, Н. Тютчевым, О. Аптекманом и др.; см. XLI, 10, 464, и XL, прил. 64/65), при чем с ними сотрудничали легальные писатели: А. Богданович, Н. К. Михайловский и В. Г. Короленко. Задачей этой организации было сплотить все элементы оппозиции для борьбы с самодержавием за конституцию. Таким образом, объединяя некоторые круги демократической интеллигенции, партия «Народного права» представляла из себя зародыш того «Союза освобождения», который возник уже в начале 900-х годов и составил ядро будущей кадетской партии. «Народоправцы» основали в Смоленске тайную типографию, где напечатали свой «манифест» и брошюру «Насущный вопрос». Проблема борьбы за социализм не входила в задачи организации, так как имевшаяся в манифесте бессодержательная фраза о праве народа «на удовлетворение его материальных нужд на основании народного производства» являлась чисто платонической данью пережиткам народнической идеологии. Организация просуществовала недолго и была разгромлена уже в 1894 г. Впоследствии Натансон и Тютчев прикнули к с.-р., а Аптекман к с.-д.

В конце 90-х годов и особенно после первого съезда с.-д. организаций (см. *российская социал-демократия*, XL, 572/73) возникло и довольно широко распространилось среди с.-д. направление, получившее название «экономизма» и которое Ленин в «Что делать?» охарактеризовал впоследствии как «тред-юнионистскую

рабочую политику» (там же, 573/74). Это увлечение (имевшееся в зародыше уже в брошюре «Об агитации») чисто экономической борьбой пролетариата, недооценивавшее его общеполитических революционных задач, вызвало не только отпор со стороны революционных с.-д. с Лениным во главе. В это же время наблюдается возрождение народничества в форме первых зародышевых организаций будущей партии с.-р. В конце 1899 г. южная группа с.-р. составила проект «манифеста», который в следующем году был принят на харьковском съезде южных групп с.-р. с некоторыми поправками. В этом манифесте, объявляя себя социалистами-революционерами, авторы заявляют, что их конечная цель — «полное политическое и экономическое освобождение рабочих классов». В борьбе за эту конечную цель стоит «на первом плане вопрос о политической свободе», «уничтожение всероссийского самодержавия». Далее, манифест признает, что «из всех классов трудящегося населения промышленный пролетариат у нас, точно так же, как и в Западной Европе, является наиболее культурным и следовательно наиболее восприимчивым к революционно-социалистическому воздействию... Поэтому на первое место в нашей программе мы выдвигаем революционную деятельность в фабрично-заводской среде». Но на ряду с пролетариатом манифест призывает к революционной деятельности в крестьянстве, хотя и признает, что «крестьянство в настоящее время уже не представляет той почти однородной массы, какую оно было при освобождении от крепостной зависимости». Поэтому манифест предлагает вести среди сельского пролетариата и малоземельного крестьянства пропаганду «идей политической свободы, национализации земли и устроения всей общественной жизни на социалисти-

ческих началах». Как видим, эта программа представляла из себя еще эклектическую смесь идей с.-д. с будущей сформировавшейся с.-р. программой. Поэтому «манифест» не был принят возникавшими с.-р. группами в других местах Р., а также в эмиграции. Окончательно взгляды с.-р. выкристаллизовались лишь в 1901—1902 г.г.

90-е годы характеризуются также подъемом революционного движения среди угнетенных национальностей и колониальных окраин царской Р. В эти именно годы организуется партия еврейских рабочих-ремесленников — «Бунд» (см. VII, 149/53), с самого начала проникнутая националистическими тенденциями. Далее, в Польше, на ряду с политической удобливостью польской буржуазии, заинтересованной в русском рынке, идет пропаганда борьбы за независимость среди католического духовенства, помещиков, а также мелкой буржуазии и интеллигенции. Возникает П. П. С. («польская социалистическая партия»), ставящая себе цели борьбы с царизмом за отделение Польши (см. XXXVI, ч. 1, 716/21). В Варшаве происходят революционно-националистические демонстрации. В то же время наряду с националистической П. П. С. организуется в Польше и марксистская с.-д. партия. В Финляндии начинается борьба против нарушения царским правительством финляндской автономии и конституции (см. XLIII, 698, 700). В Закавказьи революционное брожение охватывает часть армянской интеллигенции (см. III, 531/33), в результате чего возникает национально-революционная организация «Дашнакцутюн» (см.). Наконец, хищническая империалистическая политика царизма в Туркестане вызывает в 1898 г. грозное восстание в Анджане, в котором во главе восставших масс становится духовенство. Толпа

в 200 человек, пополняясь примыкавшими к ней повстанцами из тех селений, через которые она проходила, превратившись в 2.000-ый отряд, напала на сонных солдат анджанского гарнизона и часть их перерезала. Но другие своей стрельбой обратили восставших в бегство. Началось жестокое подавление восстания. Военно-полевой суд вынес 18 смертных приговоров и 344 каторжных.

Наконец, те же 90-ые годы отличаются подъемом и ростом сектантистского движения среди крестьян, принимавшего иногда формы пассивного бойкота государственной власти и неподчинения законам. В этом движении явно сказывалось влияние Л. Н. Толстого. Особенно громкий отклик получила т. н. «духоборческая эпопея», когда за отказ от военной службы духоборы подвергались массовым арестам, отдаче в дисциплинарный батальон и ссылке в Сибирь. Эта эпопея закончилась, как известно, массовым переселением духоборов в Канаду (см. XIX, 171/72, прил. 10/12).

Промышленное оживление конца 90-х годов и сравнительно удачная стачечная борьба рабочих, создавшие предпосылки для возникновения «экономизма», сменились в 1901 г. опустошительным промышленным кризисом, который сопровождался массовой безработицей. Этот кризис совпал с аграрным кризисом и обострением крестьянского малоземелья. Если раньше, в эпоху подъема, избыточное крестьянское население частично находило работу на фабриках и заводах, то теперь кризис промышленности чрезвычайно обострил экономическое положение крестьянских масс, особенно на Украине и вообще в черноземной полосе, где крестьянство и без того давно страдало от малоземелья. Все это вместе взятое расширило массовую базу революционного движения, а также вызвало

переход от экономической борьбы пролетариата к борьбе *политической*, к борьбе против всего самодержавно-помещичьего режима. Поэтому 900-е годы являются периодом грандиозного обострения и расширения массовой борьбы, захватившей на этот раз и часть крестьянства. Уже 1 мая 1900 г. в Харькове происходит стихийная рабочая демонстрация, охватившая несколько тысяч человек, — первая массовая пролетарская демонстрация в Р. Начиная с 1901 г., рабочие демонстрации, иногда соединяющиеся с демонстрациями студенческими и выставяющие революционные лозунги («да здравствует политическая свобода», «долгой самодержавие», «да здравствует социализм» и т. п.), происходят в целом ряде городов. Правительство обрушивается на рабочих демонстрантов со всем аппаратом своих репрессий — шашками городовых, казацкими нагайками, массовыми арестами и высылками и даже поркой демонстрантов, как это имело место в Вильне в мае 1902 г. Но это не останавливает начавшегося подъема массового движения. В Петербурге на казенном Обуховском заводе за Невской заставой на почве репрессий после частичной первомайской забастовки 1901 г. возникло даже настоящее сражение между рабочими и войсками, получившее в истории название «Обуховской обороны». В этом сражении рабочие впервые в Р. прибегли к примитивным баррикадам. «На войска, — сообщалось в нелегальной печати, — неожиданно со всех сторон посыпался целый град камней, песку, дров и всевозможных заводских инструментов... Оставив улицу, рабочие не сложили оружия. Два огромных флигеля карточной фабрики были ими немедленно превращены в баррикады. Забаррикадирован был также громадный двор, примыкающий к этим зданиям, и весь заводский переулок». Обуховская оборона и су-

дебные репрессии по отношению к ее руководителям громким эхом отдались по всей Р. Еще более сильное впечатление произвела ростовская стачка рабочих железнодорожных мастерских в ноябре 1902 г., во время которой в течение нескольких дней происходили митинги под открытым небом.

Между тем весной 1902 г. произошли серьезные крестьянские волнения в Харьковской и Полтавской губерниях, а несколько позже также в Саратовской и Тамбовской. Местные власти ответили на эти волнения поркой крестьян, а затем инсценировали громкий судебный процесс над крестьянами-«аграрниками». В марте 1903 г. произошла в Ростове бурная политическая демонстрация, а еще раньше столкновение с войсками рабочих завода Ротшильда в Батуме, где рабочими руководил И. В. Сталин, и целый ряд других волнений. Весной того же 1903 г. произошла знаменитая «Златоустовская бойня», где войска стреляли в рабочих. Наконец, летом этого года вспыхнула почти всеобщая стачка на Украине, а также в Баку, Тифлисе, Батуме и других городах Закавказья.

Правительство пыталось в начале этого подъема внести полицейский разврат и разложение в рабочую среду. Еще со второй половины 90-х годов московский охранник Зубатов в беседах с арестованными рабочими пытался натравить их на интеллигенцию и внушить им, что правительство не преследует легальной экономической борьбы рабочих. Он давал читать арестованным литературу «легальных марксистов» и сторонников «экономизма», подвергавших критике и «ревизии» революционное учение Маркса. Таким образом «экономизм», как указывал Ленин в «Что делать» питал зубатовщину. В начале 900-х годов зубатовская система «полицейского социализма» вышла за пределы Москвы и временно была признана

департаментом полиции. Зубатовские агенты, которым удалось совратить некоторые группы с.-д., организовали в Москве легальное рабочее общество взаимопомощи, куда привлекли для чтения лекций не только духовенство, но и некоторых либеральных профессоров. В Минске под руководством зубатовского ученика, жандармского полковника Васильева, организована была «независимая еврейская рабочая партия». Такие же «независимцы» зубатовского толка появились и в Одессе, где ими руководил бывший с.-д. Шаевич. Но все эти зубатовские попытки окончились позорным крахом. Рабочее движение подымалось все выше и захватывало даже обманутых временно зубатовских рабочих. Всеобщая стачка в Одессе началась даже по инициативе «независимцев».

Другим средством внести разложение в рабочее движение и отвлечь его в русло шовинизма явились *еврейские погромы*, организованные с согласия и одобрения министра внутренних дел Плеве. Самым кровавым из них был кишиневский погром на пасхе 1903 г. Но и это средство не пошло, как показала грандиозная летняя всеобщая стачка, охватившая всю Украину, почти весь Кавказ и Крым. Всеобщая забастовка в Баку в июле 1903 г. явилась как бы ответом пролетариата на кишиневский погром.

Одновременно с гигантским ростом рабочего движения, принимавшего ярко политический характер, и первыми выступлениями крестьянских масс происходит и рост студенческого движения, отражавшего значительное полевение мелкой и даже средней буржуазии. Студенческие «беспорядки» 1899 и 1900 гг., носившие еще более или менее профессиональный, «академический» характер и вызвавшие такую репрессию, как отдача студентов в солдаты, перерастают

с начала 900-х годов в политическую борьбу в форме сходок и демонстраций с чисто политическими лозунгами. Обостряется также и борьба угнетенных народов. В Финляндии, под руководством партии «молодо-финов» и «активистов», начинается массовый протест против политики генерал-губернатора Бобрикова (см.), систематически нарушавшего финляндскую конституцию. В Армении усиливается национальная борьба в связи с конфискацией церковного имущества армян и закрытием армянских школ (см. III, 532/33). Начинает подниматься грузинская деревня. Растет национально-революционное и рабочее движение также в Польше и Прибалтике. На почве этого общего оживления происходят процессы формирования нелегальной либеральной партии, при чем первоначально ее органом является основанный за границей летом 1902 г. бывшим «легальным марксистом» Струве журнал «Освобождение». В самом деле, революционное движение рабочих и крестьян отразилось на повышении политической активности буржуазной и мелко-буржуазной интеллигенции, с одной стороны, и либеральных помещиков, желавших путем реформ предупредить аграрную революцию, — с другой. Многочисленные земские служащие (статистики, агрономы, врачи, учителя), особенно резко чувствовавшие политическую, экономическую и культурную отсталость деревенской Р. и оказывавшие давление на более прогрессивную, нуждающуюся в «культурном» капитализме часть помещиков, были как бы тем звеном, которое сближало буржуазную интеллигенцию городов (инженеров, адвокатов, профессоров) с либеральными дворянами-земцами. «Освобождение» и явилось органом, который пытался быть одновременно и рупором и организационным центром обеих этих классовых групп. Созданный ими «Союз освобождения»,

равно как и нелегальные съезды земцев и явились предшественниками кадетской партии. С другой стороны, более левые круги буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, которых во второй половине 90-х годов привлекал частично марксизм, — прикнули к возрождавшемуся *народничеству*. Это новое народничество получило, как ему казалось, большую опору в начавшемся массовом крестьянском движении, которое возродило былые иллюзии о врожденном социализме русского крестьянина, о том, что крестьяне и рабочие (вместе с демократической интеллигенцией) составляют один класс и т. п. Если «манифест партии с.-р.» 1899—1900 гг. еще делал правильные указания на наличие классов и классовой борьбы в деревне и главные надежды возлагал на борьбу пролетариата, то значительная роль студенчества в революционном подъеме начала 900-х гг., первые удачные террористические покушения, вызвавшие сочувственный отклик в революционно настроенной части студенчества и даже в некоторых элементах либерального «общества», и, наконец, аграрные волнения 1902 г., — все это содействовало окончательному оформлению с.-р. программы и тактики. Объединение разных групп с.-р. произошло в 1901—1902 гг. Центральным органом новой партии сделалась выходящая в эмиграции «Революционная Россия», а теоретическим органом — «Вестник русской революции». Главными теоретиками и пропагандистами идей возрожденного народничества, как и идей индивидуального террора против правительства, являлись вернувшиеся из каторги и ссылки деятели 70-х и 80-х гг., импонировавшие молодежи (Брешко-Брешковская, см., и др.). Им помогали бывшие «марксисты» (как В. Чернов и многие другие), которые использовали «теоретический» багаж европейского ревизионизма для борьбы против ортодоксального марксизма,

в частности для обоснования того положения, что развитие сельского хозяйства не подчиняется общим законам капитализма и что, следовательно, возможен особый «аграрный» крестьянский социализм, возникающий на иной почве, чем социализм общепролетарский. Таким образом, из самых разнообразных источников выработывалась весьма «широкая» и «терпимая» программа и тактика, соединявшая в себе и элементы опошленного и извращенного ревизионизма марксизма, и чисто народнические иллюзии об «едином трудовом классе» — рабочих, интеллигентов и крестьян, иллюзии, опиравшиеся на выросшую революционность интеллигенции и на пробуждавшееся крестьянство, — и специфически-интеллигентскую веру в спасительность заговорщического терроризма в борьбе с правительством. Во главе журнала «Революционная Россия» стали М. Р. Гоц (см.) и В. Чернов, а «Вестник русской революции» редактировал Тарасов (он же Русанов и Кудрин). Кроме того, в 1902—1903 г. возникла также с.-р. «Аграрно-социалистическая лига», издававшая ряд агитационных брошюр, которые рекомендовали крестьянам аграрный террор, в том числе поджоги помещичьих имений.

Центральными моментами программы и тактики с.-р. являлись, с одной стороны, «социализация земли», а с другой — террор. Исходя из того «принципиального» положения, что рабочий и крестьянин являются якобы частями одного класса, что, следовательно, крестьянин так же способен бороться за социализм, как и рабочий при существовании буржуазного общества, и принимая во внимание «общинные» особенности русского крестьянства, с.-р. выдвинули в своей программе-минимум, т.-е. программе, которая должна быть осуществлена еще при капитализме — «социализацию земли». Она означала передачу всей зем-

ли крестьянским общинам на началах трудового, уравнительного землепользования с запрещением наемного труда. Таким образом, в эпоху буржуазной революции, при сохранении частной собственности капиталистов на их фабрики и заводы, при сохранении наемного труда в городе, с.-р. выдвигала уничтожение частной собственности и наемного труда в деревне. Вместе с тем они рекомендовали крестьянам организацию кооперации.

Критикуя эту программу в своей статье «Революционный авантюризм», помещенной в № 23 и 24 «Искры», Ленин писал: «В теории — революционная фраза вместо продуманной и цельной системы воззрений, на практике — беспомощное подхватывание того или иного модного средстваца вместо участия в классовой борьбе — вот все, что у них есть. Поставить рядом в программе-минимум социализацию земли и кооперацию, для этого необходимо было, признаемся, редкое гражданское мужество. Наша программа-минимум, с одной стороны — Бабеф, с другой — господин Левитский (известный мелкобуржуазный кооператор того времени. *Б. Г.*). Это неподрожжимо». «Обманывая себя звуком слов, — продолжал дальше Ленин, — социалисты-революционеры обманывают и крестьянина», так как в современном, т.-е. буржуазном обществе кооперация лишь укрепляет сельскую буржуазию и так как социализация земли, которую «социалисты-революционеры смешивают с ее буржуазной национализацией», немалыми до победы пролетариата. (Ленин, Соч., т. V, изд. 3-е, стр. 159).

Что же касается террора, то социалисты-революционеры придавали ему чуть ли не главное значение в борьбе с самодержавием. «Систематический террор, писали с.-р. в брошюре «Наши задачи», вышедшей в 1902 г., — совместно с другими, получающими только при терроре огромное решающее

значение формами открытой массовой борьбы приведет к дезорганизации врага». С другой стороны, в прокламации боевой организации партии с.-р., выпущенной по поводу убийства Балмашевым министра Силягина, мы читаем следующие строки, типичные для «либералов с бомбой»: «Занямаемся заря великой борьбы, грозящей ужасами и бедствиями наполнить всю страну... Предотвратить ее возможно только одним — предоставить народу возможность мирными и культурными способами сдерживать произвол представителей власти». Таким образом, здесь представители революционной партии *пугают* общество революцией, с ее «ужасами и бедствиями», и террором надеются «предотвратить» ее, вырвав у правительства либеральную конституцию. А в то же время «крестьянский союз партии с.-р.» выпускает демагогические прокламации, в которых обещает не только «силой» отнять всю землю у помещиков и передать ее «в руки всех крестьян», «в пользование тех, кто будет сам на ней работать», но и прибавляет: «Долой всех фабрикантов и заводчиков! Возьмем все фабрики и заводы и передадим их в руки рабочего народа!» и этим предвосхищает будущих «максималистов». Все эти противоречия, вся эта «широта» программы и безответственность тактики характерны для революционной партии мелкой буржуазии, объединяющей интеллигентскую жажду политической свободы с социальными иллюзиями подымающегося крестьянства.

Эпоха террора открылась (1901) выстрелом студента Карповича в министра народного просвещения Боголепова (см. VI, 105) в ответ на отдачу студентов в солдаты. В 1902 г. был убит студентом Балмашевым министр внутренних дел Силягин (см.), при чем после этого покушения с.-р. объявили его актом созданной ими «боевой организации». Затем последовало покуше-

ние на харьковского губернатора князя Оболенского в ответ на свирепое подавление крестьянских волнений, а в 1903 г. — убийство уфимского губернатора Богдановича, организатора Златоустовской бойни, наконец, в 1904 г. — убийство Плева (см.) Е. Сазоновым и в начале 1905 г. убийство в. к. Сергея Каляевым (см. XXXVIII, 386). С.-р. терроризм заразил на короткое время некоторые колеблющиеся элементы с.-д. (таково, например, покушение виленского рабочего бундовца Леккерта на губернатора фон-Валя (см.) в ответ на порку рабочих демонстрантов), но энергичная борьба «Искры» против террора, которому она противопоставляла организованную массовую борьбу с самодержавием, быстро покончила с этими увлечениями среди с.-д. Что касается аграрной программы с.-р., то она пользовалась некоторым влиянием в районах с общинным землевладением, т.-е. в Центральной области и в Поволжье, хотя и здесь в некоторых местах, как, например, в Тверской губернии, с ними успешно конкурировали за влияние в крестьянстве с.-д.; наоборот, на окраинах, где преобладало подворное землевладение и сельский пролетариат (особенно в Латвии, Грузии, отчасти на Украине), гораздо большим успехом пользовались среди крестьян с.-д. Идеиная гегемония с.-р. проявлялась и среди революционно-националистических мелкобуржуазных партий Польши и Кавказа: польская социалистическая партия, армянская партия «Дашнакцутюн», грузинские социалисты-федералисты, — все они являлись союзниками с.-р. в борьбе против с.-д. партии. Блокируясь с национальными мелкобуржуазными партиями, с.-р. перед революцией (1904) охотно шли на соглашения и с такими чисто буржуазными группировками, как «Союз освобождения» и финляндская партия «активного сопротивления». В свою

очередь и либеральное «общество» гораздо терпимее и сочувственнее относилось к с.-р., чем к революционным с.-д., и нередко снабжало их крупными средствами. Впрочем, террористическая деятельность с.-р., создавшая им известную популярность среди демократической интеллигенции и в то же время поглощавшая массу сил и средств, явилась для них источником величайшего разложения. Дело в том, что «боевая организация» партии, ведавшая террором, пользовалась полной бесконтрольностью и безответственностью. И вот в нее проник, когда во главе ее стоял Гершуни (см.), провокатор Азеф, который после ареста Гершуни стал на его место и вместе с тем вошел в ЦК партии, где играл огромную роль в течение целого ряда лет, вплоть до его разоблачения в 1908 г. Таким образом, в числе вождей партии и во главе всей террористической организации стоял агент департамента полиции, ведший двойную игру, знавший все секреты партии, проваливавший множество предприятий и доводивший до конца лишь те покушения, которые были почему-либо выгодны ему или его ближайшим полицейским покровителям.

В 1903 г. впервые появились в Р. представители *анархизма* (см.), который сильно отличался от народнического бакунизма 70-х годов, хотя и питался в основном бакунистской идеологией (см. XI, 561). Первые группы анархистов появились в Белостоке, где им на короткое время удалось приобрести популярность у более отсталых рабочих при помощи методов террористического залуживания фабрикантов. Затем анархистские группы возникают в Одессе, Кишиневе и некоторых других городах Украины. Наибольшее распространение они получили в годы, непосредственно следовавшие за поражением революции 1905 г., т.-е. в 1906—1908 гг.

Со всеми этими мелкобуржуазными группировками, равно как и с мелкобуржуазным влиянием внутри с.-д. партий, вела энергичную борьбу революционная социал-демократия во главе с ленинской «Искрой» (см. XI, 574/78). Все громадное рабочее движение начала 900-х годов происходило под идейным и организационным руководством с.-д. Они возглавляли рабочие демонстрации в Петербурге, Москве и других городах в 1901 г., первомайские демонстрации 1902 г. в Нижнем, Сормове, сопровождавшиеся громкими политическими процессами с мужественными выступлениями рабочих с.-д. (они нашли отражение в романе Горького «Мать»), знаменитую ростовскую стачку в ноябре 1902 г., ростовскую демонстрацию в марте 1903 г., наконец бакинскую и всеобщую забастовку на Кавказе и Украине в том же году. Агенты «Искры» проводили огромную идейно-политическую и организационную работу, спланировав революционных рабочих под знаменем подлинного марксизма, ведя энергичную борьбу с «экономизмом» и другими колебаниями в рядах с.-д., распространяя «Искру» и ее издания. Им удалось поставить в Р. ряд нелегальных типографий, из которых самую большую известность получили кишиневская типография «Искры» и бакинская типография. В это время особенно выделяется деятельность И. В. Сталина, игравшего (уже с конца 90-х гг.) огромную роль в революционном движении Закавказья. В обстановке этого революционного подъема был созван второй съезд партии (см. *российская социал-демократия*, XI, 578/80), положивший организационное начало большевистской партии, которая идейно была подготовлена работами Ленина с первого его выступления на историческую арену, т.-е. с его брошюр 90-х годов, и особенно его бро-

шюрой «Что делать?» (1902), а также его деятельностью в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». В том же 1902 г. в «Искре» был напечатан проект программы Р.С.-Д Р.П., составленный Лениным. Вокруг этого проекта внутри самой редакции «Искры» разгорелась борьба, которая и явилась зародышем борьбы на 2-м съезде партии, приведшей к расколу на большевиков и меньшевиков. В этой программе, в отличие от «Эрфуртской программы» германских с.-д., не говоря уже о программах других социалистических партий, впервые в ярких и точных выражениях были формулированы основные положения революционного марксизма. Характеризуя важнейшие задачи социалистической революции, программа устанавливала, что необходимое условие этой революции «составляет диктатура пролетариата, т.-е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров». В духе этого положения Плеханов на 2-м съезде, где он выступал еще как союзник Ленина, утверждал, что рабочие, в случае своей победы, могут быть вынуждены лишить буржуазию политических прав. Как известно, вскоре после 2-го съезда Плеханов перешел к меньшевикам, в результате чего «Искра» стала меньшевистской. Кроме того, избранный на съезде Центральный комитет, пополненный кооптированными членами, стал вести в Р. примиренческую политику по отношению к меньшевикам. Таким образом, большевикам во главе с Лениным пришлось вести борьбу и против «Искры», и против примиренческого ЦК, и против меньшевистских организаций в Р., при чем это им приходилось делать, не имея даже своего центрального органа, который возник только в самом конце 1904 г. В этом году Ленин выпустил свою брошюру «Шаг вперед, два назад»,

в которой, анализируя поведение меньшинства на 2-м съезде, указал с огромной прозорливостью, что в основе организационных разногласий, вызвавших раскол (вопрос о формулировке § 1 устава, т. е. вопрос о самом характере партии, а также выборы в центральные органы), лежали разногласия *принципиальные*, разногласия между пролетарским коммунизмом и мелкобуржуазным демократизмом. Эти разногласия не замедлили вывиться во всей их остроте не только при первых раскатах революции 1905 г., но даже в последние месяцы перед революцией, когда началось новый подъем в либеральных и либерально-демократических кругах российской интеллигенции (см. XL, 581). Со второго съезда начинается по существу история большевистской партии. «Большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 г.» (Ленин, «Соч.», XXV, 174).

Революционный подъем 1903 г. явился одной из причин, ускоривших русско-японскую войну. Министр Плеве прямо заявлял военному министру Куропаткину, что «маленькая война» явится хорошим противодействием против назревающей революции. Как известно, царское правительство ошиблось в своих расчетах. Хотя война на первых порах и оборвала революционный процесс, но она была чрезвычайно непопулярна в народных массах, и начавшиеся поражения русской армии содействовали не только возобновлению, но и углублению революционного движения. В армии и флоте назревало грозное недовольство. Уже в ноябре 1904 г. в Севастополе вспыхнул матросский бунт. Падение Порт-Артура явилось прологом революции.

Нарастание революционного настроения в 1904 г. отразилось в новом «якутском протесте», известном под названием «Романовки», т. е.

протестовавшие забаррикадировались в доме якутского жителя Романова. Но если протест 1889 г. был последним отзвуком борьбы интеллигентов-одиночек из «Народной Воли», был частично актом отчаянья, то якутский протест 1904 г., в котором участвовали почти исключительно ссыльные с.-д., являлся выражением назревающей готовности к открытой борьбе с самодержавием.

Революция 1905—1907 г. была первой буржуазно-демократической революцией в Р. и притом такой, в которой главными движущими силами были пролетариат и крестьянство, при чем пролетариат играл руководящую роль, давая революции свои лозунги и свои методы борьбы. По словам Ленина, «своеобразие русской революции заключается именно в том, что она была по своему социальному содержанию *буржуазно-демократической*, но по средствам борьбы была *пролетарской*. Она была буржуазно-демократической, так как целью, к которой она непосредственно стремилась и которой она могла достигнуть непосредственно своими собственными силами, была демократическая республика, 8-ми часовой рабочий день, конфискация колоссального крупного дворянского землевладения... Русская революция была вместе с тем и пролетарской, не только в том смысле, что пролетариат был руководящей силой, авангардом движения, но и в том смысле, что специфически пролетарское средство борьбы, именно стачка, представляло главное средство раскачивания масс и наиболее характерное явление в водообразном нарастании решающих событий». (Соч., т. XIX, стр. 345). В самом деле, уже во второй половине 1904 г. подымается в разных местах Р. новая стачечная волна; уже в конце лета бастует Путиловский завод, тот самый, который явился застрельщиком всеобщей январской

стачки 1905 г., а в декабре происходит ряд стачек, в том числе грандиозная, упорная, исключительно организованная и победоносная стачка бакинских рабочих. И если вождь либералов Петр Струве, ослепленный «банкетной кампанией» земств, городских дум и либеральной интеллигенции в конце 1904 г., писал за *два дня* до 9 января, что «в России еще нет революционного народа», то это явилось лишь иллюстрацией либеральной близорукости. Такую же политическую близорукость проявили, впрочем, накануне революции и меньшевики, которые писали в меньшевистской «Искре», что на политической арене сталкиваются между собой только «организованная буржуазия и бюрократия», и задачи пролетариата сводились для них лишь к поддержке буржуазии в ее борьбе с самодержавием. Одни только большевики во главе с Лениным звали пролетариат к революции, звали его стать во главе многомиллионных крестьянских масс, выдвигая идею перерастания буржуазно-демократической революции, в случае ее полной победы, в революцию социалистическую.

Общие причины революции 1905 г. коренились в резком ухудшении положения трудящихся масс в связи с продолжавшимся кризисом и войной и в усиливавшейся борьбе революционного авангарда пролетариата. Но широкие массы рабочих накануне революции еще не изжили монархических иллюзий, веры в возможность добиться «справедливости» от царя. На этой почве и возникло в Петербурге «Общество фабрично-заводских рабочих», во главе которого стал агент охранного отделения священник Гапон (см.). Впрочем, еще в сентябре было в Петербурге всего три отдела Общества, но под влиянием нараставшего среди рабочих возмущения число отделов к концу 1904 г. стало быстро расти.

Хронологические рамки первой революции это — 9 января 1905, с одной стороны, и 3 июня 1907 г., т.-е. разгон второй Государственной думы и введение «столыпинской» конституции — с другой. 9 января формально было подготовлено в Петербурге гапоновской организацией, ставившей себе по существу те же задачи, что и зубатовский «полицейский социализм», но действовавшей более искусно и осторожно, не выдавая своего охранно-полицейского происхождения. По мысли самого священника Гапона, выраженной им еще в октябре 1903 г. в записке на имя директора департамента полиции, «сущность основной идеи заключается в стремлении свить среди фабрично-заводского люда гнезда, где бы Русью, настоящим русским духом пахло, откуда бы вылетали здоровые и самоотверженные птенцы на разумную защиту своего царя, своей родины и на действительную помощь своим братьям рабочим». Но еще до январских событий размеры гапоновской организации, охватившей около 10 тысяч человек, стали перерастать те рамки, которые ставили ей ее руководители. Озлобление рабочих ждало только повода, чтобы вылиться наружу. Роль гапоновской организации в деле подготовки 9 января объясняется еще тем, что с.-д. организация в Петербурге была ослаблена раскольнической деятельностью меньшевиков, тем в частности, что меньшевики срывали призывы большевиков к демонстрации еще в ноябре, чем подрывали авторитет с.-д. в широких рабочих массах. Кроме того, сам Гапон так искусно вел свою роль, что ему поверили многие честные и даже революционно настроенные рабочие, имевшие большое влияние в массах. Движение в Петербурге началось с маловажного по внешности повода — с увольнения путиловского

рабочего, бывшего членом гапоновской организации. Несмотря на ходатайство Гапона, директор завода вел себя вызывающе по отношению к рабочим. 3 января забастовал весь Путиловский завод, а в течение следующих 4-х дней забастовка охватила весь Петербург, и в ней участвовало уже 150 тысяч человек. На 9-е января, получившее впоследствии название «кровавого воскресенья», назначено было шествие рабочих всех районов Петербурга к Зимнему дворцу для предъявления царю петиции, которая предварительно читалась на многолюдных рабочих митингах и в обсуждении которой принимали участие и с.-д., выступая против монархических иллюзий масс. Петиция началась следующими словами: «Мы, рабочие и жители города С.-Петербурга разных сословий, наши жены, дети и беспомощные старцы-родители пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать. Мы и терпели, но нас толкают все дальше в омут нищеты, бесправия и невежества, нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся Нет больше сил, государь! Настал предел терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук. И вот мы бросили работу и заявили нашим хозяевам, что не начнем работать, пока они не исполнят наших требований. Мы немного просили, мы желали только того, без чего не жизнь, а каторга, вечная мука». Далее петиция указывала, что «весь народ, рабочие и крестьяне отданы на произвол чиновничьего правительства, состоящего из казнокрадов и грабителей». Оно «довело страну до полного разорения, навлекло на нее позорную

войну и все дальше и дальше ведет Россию к гибели». Народ лишен возможности выражать свои желания. «Всякого из нас, кто осмелится поднять голос в защиту интересов рабочего класса и народа, бросают в тюрьму, отправляют в ссылку». Петиция перечисляла следующие требования: амнистия, общественные свободы, нормальная заработная плата, постепенная передача земли народу, созыв Учредительного собрания.

Известно, как встречено было мирное, настроенное молитвенно шествие сотен тысяч рабочих со всех концов Петербурга. Массовые расстрелы безоружной толпы, тысячи убитых и раненых, и в результате царское правительство «расстреляло» веру рабочих в царя. Поэтому день 9 января и является подлинным началом революции, охватившей всю Р. Потеряв веру в царя и в тех, кто эту веру в рабочей массе поддерживал, рабочие стали с огромным вниманием прислушиваться к с.-д. пропаганде и агитации, стали искать с.-д. ораторов и организаторов. «До 22 (по старому стилю 9-го) января 1905 г. революционная партия России состояла из небольшой кучки людей... Несколько сотен революционных организаторов, несколько тысяч членов местных организаций, полдюжины выходящих не чаще раза в месяц революционных листов, которые издавались главным образом за границей и контрабандным путем, с невероятными трудностями, ценой многих жертв пересылались в Россию, таковы были революционные партии в России и в первую очередь революционная социал-демократия до 22 января 1905 г... Однако, в течение нескольких месяцев картина совершенно изменилась. Сотни революционных социал-демократов «внезапно» выросли в тысячи, тысячи стали вождями от двух до трех миллионов пролетариев. Пролетарская

борьба вызвала большое брожение, частью и революционное движение, в глубинах... крестьянской массы, крестьянское движение нашло отклик в армии и повело к солдатским восстаниям, к вооруженным столкновениям одной части армии с другой. Таким образом колоссальная страна со 130 миллионами жителей вступила в революцию, таким образом дремлющая Россия превратилась в Россию революционного пролетариата и революционного народа» (Ленин, т. XIX, стр. 344—345).

Действительно, расстрел рабочих в Петербурге 9 января не только не вызвал подавленного настроения в рабочих, но явился сигналом к грандиозному, невиданному стачечному движению во всей Р. В течение одного лишь января число бастовавших по всей Р. достигало полумиллиона и превышало общее число бастовавших за предшествующие десятилетия. В 122 городах было всего 2.183 стачки. Возникая как протест против январского расстрела, забастовки из политических перерастали в экономические с предъявленным конкретным требованиям. Это сплетение экономических и политических моментов в забастовочном движении 1905 г. придавало ему, по словам Ленина, особую революционную силу. После январско-февральской забастовочной волны забастовочное движение временно пошло на убыль, но зато весной начались крестьянские волнения, бывшие лишь началом, зародышем того движения, которое охватило крестьянство с конца 1905 и в 1906 г. Новая стачечная волна началась в связи с первомайскими демонстрациями и забастовками и резко поднялась в июне как бы в ответ на новые поражения царской армии и флота на Дальнем Востоке. На этот раз стачечное движение из экономического стало перерастать в политическое и охватило почти всю страну.

В январе в Риге произошел расстрел рабочих, напавший 9 января, в июне в Лодзи строились баррикады и шла вооруженная борьба рабочих с полицией и войсками, а в Иванове-Вознесенске стачечный рабочий комитет, представлявший все предприятия города, являлся уже зародышем будущих советов рабочих депутатов. Вместе с тем летом начались и военные восстания, самым знаменитым из которых было восстание броненосца «Потемкин» на Черном море.

Это восстание явилось одним из переломных моментов в развитии революции. В середине июня черноморский флот вышел в учебное плавание. Перед этим среди матросов было распространено воззвание севастопольского комитета Р.С.-Д.Р.П., призывавшее к восстанию против царизма. Поводом к восстанию на Потемкине явился протест матросов против гнилого мяса и вызывающее поведение офицеров. Один из них убил революционного матроса Вакаличука и в свою очередь был убит матросом с.-д. Матюшенко. Это послужило сигналом к восстанию и к расправе над офицерами. Броненосец направился к Одессе, где происходили забастовки и столкновения рабочих с полицией и войсками. Но слабая связь между матросами и рабочими в то время, а также нерешительность одесской с.-д. организации, в которой преобладали меньшевики, привели к тому, что броненосец не высадил десанта в Одессе и, ограничившись короткой бомбардировкой, повернул обратно в море. Затем начался поединок между «Потемкиным» и всей эскадрой, где сочувствие матросов «Потемкину» не вылилось в формы организованной поддержки. Другой броненосец, «Георгий Победоносец», хотел было присоединиться к «Потемкину», но, благодаря предательству одних и недостаточной созна-

тельности других, повернул к Одессе и отдался властям. Одинокий «Потемкин» после одиннадцатидневного плавания направился в Румынию. Несмотря на неудачу потемкинского восстания, оно являлось первым открытым переходом крупной военной единицы на сторону революции. По этому поводу Ленин писал: «Самодержавие... годами толкало народ на вооруженную борьбу с войском, и теперь оно пожинает то, что сеяло. Из самого войска выходят отряды революционной армии. Дело таких отрядов — провозгласить восстание, дать массам *военное руководство*, необходимое для гражданской войны, как и для всякой другой войны, создать опорные пункты открытой всенародной борьбы, перебросить восстание в соседние местности, обеспечить, — сначала хотя бы в небольшой части территории государства, — полную политическую свободу» и «развернуть во всю ширь революционное творчество народных низов». (Ленин, Соч., т. VII, стр. 383).

Последний подъем революционной рабочей волны относится к октябрю — декабрю 1905 г., когда к всеобщей забастовке примкнули также *железные дороги* (частично бастовавшие уже и раньше). На этот раз забастовка охватила не только рабочих, но даже огромные массы служащих, государственных чиновников, представителей либеральных профессий. Если летнее движение вынудило правительство издать указ от 6 августа о так называемой «Булыгинской думе» (по имени мин. вн. дел Булыгина, см.), которая должна была явиться лишь законосовещательным органом, при чем рабочие были лишены права участия в выборах, — то всеобщая забастовка в октябре заставила царя подписать «манифест 17 октября» о свободах, с обещанием «общего избирательного права», а 21 октября дать частичную амнистию политическим заключенным и ссыльным.

Большую роль в революционизировании широких масс, особенно деревни и армии, сыграли возвращавшиеся с Дальнего Востока демобилизованные солдаты, видевшие всю бездарность царского правительства на войне и грубый, циничный классовый эгоизм командиров и полные возмущения и ненависти ко всему самодержавному режиму. Они нередко разоружали ехавших с ними офицеров и присоединялись к восставшим рабочим. Это имело место особенно на Сибирской железной дороге, но также и в ряде других мест, как, например, во время декабрьского восстания на Казанской жел. дор. под Москвой.

На ряду с манифестом «о свободах» и амнистией царское правительство ответило на революционное движение организацией черносотенных погромов против евреев, левой интеллигенции и революционных рабочих. Еще весной и летом началось погромное движение и организация под руководством полиции и реакционного купечества уголовных и lumpen-пролетарских, «босаяцких» элементов городов. А на следующий день после издания «манифеста», т.-е. уже 18 октября черносотенцы подожгли в Томске театр, где происходил митинг революционных и оппозиционных организаций, организовали в Одессе кровавый еврейский погром, а после «амнистии» убили в Москве большевика Баумана, выпущенного из тюрьмы, и ряд революционных рабочих в других городах. Но это не остановило подымавшейся волны. Зато после «манифеста» вся либеральная и значительная часть демократической буржуазии отошли от движения, а либералы выступили даже открыто против продолжения революции. В ноябре происходил снова ряд всеобщих стачек, сопровождавшихся новыми военными и военно-морскими восстаниями. Из последних самыми значительными

были восстания в Кронштадте (в конце октября) и в Севастополе, где к восстанию матросов примкнул лейтенант Шмидт. В Севастополе, где на этот раз к матросам присоединилась часть сухопутных войск и где огромное впечатление произвела всеобщая октябрьская стачка, после манифеста 17 октября происходили бурные митинги. Делегатским собранием матросских и воинских частей накануне восстания был выдвинут ряд требований, где на ряду с моментами профессионального и культурного характера (например, полная свобода вне службы, устройство библиотек, выписка книг и журналов, вежливое обращение, отмена военной прислуги для офицеров и т. п.) имелись и обще-политические требования, как отмена смертной казни, вся земля—крестьянам и, наконец, немедленный созыв учредительного собрания и восьмичасовой рабочий день для рабочих. Адмирал Чухнин запретил матросам участвовать в митингах и 11 ноября послал роту для разгона матросского митинга. Это послужило поводом к восстанию, охватившему ряд кораблей, в том числе крейсер «Очаков». Но, опираясь на береговую артиллерию и на отсталую часть пехоты, Чухнин 15 ноября начал обстрел «Очакова», и на следующий день восстание было подавлено. Шмидт и три очаковских матроса были казнены, не считая сотен убитых во время артиллерийской стрельбы. Несколько сот матросов и саперов были осуждены на каторгу. (См. XLIX, 311/13).

В ноябре же происходила и всеобщая забастовка почтово-телеграфных служащих, протекавшая необычайно дружно и поставившая правительство в большое затруднение. Даже телеграмма царя командующему дальневосточной армией не могла дойти по назначению. Но своей высшей формы революция достигла в *декабрьском вооруженном восстании*.

Идея вооруженного восстания не-престанно выдвигалась большевиками во главе с Лениным с первых дней революции 1905 г. Наоборот, меньшевики употребляли все усилия, чтобы фактически сорвать переход массового революционного движения к вооруженному восстанию. Это вытекало из коренного различия в оценке характера революции между большевиками и меньшевиками. «Большевики отстаивали идею союза рабочего класса и крестьянства при гегемонии пролетариата. Большевики утверждали, что дело надо вести к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства с тем, чтобы от революции буржуазно-демократической перейти немедленно к революции социалистической при обеспечении поддержки со стороны деревенской бедноты. Меньшевики в России отвергали идею гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, политике союза рабочего класса с крестьянством они предпочли политику соглашения с либеральной буржуазией, а революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства объявили реакционной бланкистской схемой, противоречащей развитию буржуазной революции» (Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 470—71). С другой стороны, Троцкий, в своей теории «перманентной революции»; в своем демагогическом лозунге — «без царя, а правительство рабочее», игнорируя крестьянство как движущую силу революции, обнаружил неверие и в силы российского пролетариата как гегемона революции, прикрывая «левой» фразой свою меньшевистскую сущность. Ленин же писал в сентябре 1905 г.: «Мы всеми силами поможем всему крестьянству сделать революцию демократическую, *чтобы тем легче было нам, партии пролетариата, перейти как можно скорее к новой и высшей задаче — революции социали-*

стической» (т. VIII, стр. 187). Поэтому III съезд партии уже весной 1905 г. подтвердил, что «задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания является одной из самых главных и неотложных задач партии в настоящий революционный момент». И в тех городах и промышленных центрах, где большевики играли руководящую роль в рабочем движении, идея вооруженного восстания настолько проникла в массы, что, когда самодержавие открыто выступило в поход против революции, рабочие, по призыву большевиков, сознательно приступали к организации вооруженного восстания. В этом отношении первое место занимала Москва. После ареста Петербургского совета рабочих депутатов Московский совет 6 дек. принял следующую резолюцию: «Московский совет раб. деп. объявляет всеобщую политическую забастовку в среду 7/XII с 12 часов дня, стремясь перевести ее в вооруженное восстание». Рабочие районы Москвы, особенно Пресня, покрылись баррикадами, при чем рабочим при постройке баррикад помогали озлобленные против властей мещане и прочие городские низы. Московский гарнизон был настолько ненадежен (в одной из его частей, в Ростовском полку, еще 27/XI была попытка восстания), что солдат пришлось держать взаперти в казармах, и для подавления восстания послан был из Петербурга гвардейский Семеновский полк. Восстание вначале было плохо организовано (ср. ХLI, ч. 1, прил. 267), отчасти благодаря аресту руководящих московских большевиков. Кроме того, не удалось остановить Николаевскую жел. дор. и помешать подвозу войск из Петербурга в Москву. Несмотря на беззаветную храбрость рабочих-дружинников, вооруженных только револьверами и все же прогнавших нередко отряды солдат, жан-

дармов и полиции, вооруженных винтовками и пулеметами, они не могли одержать победы, т. к. их было всего несколько сот (ср. ХLI, ч. 3, прил. 29). Вот как передает Ленин в статье «Уроки московского восстания» основные его этапы: «20(7)-е и 21(8)-е декабря: мирная забастовка, мирные демонстрации масс. 21(8)-го вечером: осада Аквариума. 22(9)-го днем избивание толпы драгунами на Страстной площади. Вечером — разгром дома Фидлера. Настроение поднимается. Уличная, неорганизованная толпа, совершенно стихийно и неуверенно, строит первые баррикады. 23(10)-е: начало артиллерийской стрельбы по баррикадам и по улицам в толпу. Постройка баррикад становится уверенной и не единичной уже, а безусловно массовой. Все население на улицах; весь город в главных центрах покрывается сетью баррикад. Развертывается в течение нескольких дней упорная партизанская борьба дружинников с войсками, борьба, истощившая войска и заставившая Дубасова молить о подкреплениях. Лишь к 28(15)-му декабря перевес правительственных сил стал полным, и 30(17)-го семеновцы разгромили Пресню, последний ошлот восстания». (Соч., т. X, стр. 49).

Главной причиной поражения московского восстания Ленин считал его недостаточную организованность и неумение революционеров привлечь к себе войска. Тем не менее, он видел в нем «величайшее историческое приобретение русской революции». Потери со стороны дружинников были невелики. Большинство их было вывезено из Москвы революционером-машинистом Ухтомским, который потом был расстрелян. Больше всего потерь (около 800 убитых) было среди сочувствовавшей и помогавшей уличной толпы.

Кроме Москвы, в декабре происходили восстания в Ростове, в Донбассе,

в Сормове, на Северном Кавказе, а также на Дальнем Востоке, в Красноярске и Туркестане. В Чите, в Красноярске и отчасти Туркестане к восставшим рабочим примкнули и солдаты. Вместе с тем в декабре началась новая полоса крестьянских восстаний, охвативших Прибалтийский край, часть Грузии (Гурия), отдельные районы Польши и значительные части черноземной полосы и Поволжья; в общей сложности больше трети уездов во всей стране было охвачено крестьянскими «беспорядками» и пастоящими восстаниями.

Восстания были везде жестоко и кроваво подавлены. Правительство посылало специальные карательные экспедиции, особенно прославившиеся своей жестокостью в Латвии, на Казанской железной дороге под Москвой и на Сибирской железной дороге, которая в октябре—декабре находилась фактически в руках революционно настроенных возвращавшихся с фронта солдат и рабочих организаций. С другой стороны, еще в начале декабрьских вооруженных восстаний правительство 11 декабря изменило закон о «Будыгинской думе» в том смысле, что эта дума получала законодательные функции, а рабочие — избирательные права.

Во время всеобщей октябрьской стачки пролетариат выдвинул такое могучее средство борьбы, как организацию *советов рабочих депутатов*. Первый совет возник, кроме Ивачово-Вознесенска, в Петербурге, затем такие советы были созданы в Москве, в Ростове, Новороссийске, Твери, Красноярске, Одессе, Баку и ряде других городов (см. ХLI, ч. 1, 242/44). Ленин, приехавший в начале ноября из эмиграции в Р., сразу оценил все значение советов, как возможных органов революционной власти. Он говорил, что если бы к рабочим советам присоединились советы крестьянские, то они

и могли бы, в случае победы революции, осуществлять лозунг «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». Позднее, уже накануне Февральской революции, Ленин писал: «Эти *Советы Рабочих Депутатов* в нескольких городах России все более и более начинали играть роль временного революционного правительства, роль органов и руководителей восстаний. Были сделаны попытки организовать Советы Солдатских и Матросских Депутатов и соединить их с Советами Рабочих Депутатов. Некоторые города России переживали в те дни период различных местных «републик», в которых правительственная власть была смещена, и Совет Рабочих Депутатов действительно функционировал в качестве новой государственной власти» (Соч., т. XIX, стр. 353). Так было там, где во главе советов стояли большевики. Большевики же смотрели на советы лишь как на органы «революц. самоуправления» и не умели возглавить их революц. борьбы. Вот почему петербургский совет, где в руководстве преобладали меньшевики и троцкисты, оказался далеко не на высоте положения, нередко отставая от революционных настроений масс, и не взял на себя инициативы для решительной схватки с царизмом. Насборот, московский совет, где руководящую роль играли большевики, возглавил декабрьское вооруженное восстание.

Революция на время фактически отменила цензуру и все законы, задержавшие свободу слова и собраний. Петербургский совет во время всеобщей октябрьской стачки, когда не выходили газеты, захватным порядком, при помощи отрядов революционных печатников, издал 7 №№ «Известий Совета Р. Д.». На книжном рынке появилось огромное количество революционной литературы, главным образом литературы с.-д., в том числе

легальные издания классиков марксизма. С октября стали легально выходить газеты с.-д. и с.-р. (в Петербурге большевистская «Новая жизнь», при ближайшем участии М. Горького, меньшевистское «Начало» и с.-р. «Сын отечества»). Двери высших учебных заведений, где еще с весны происходила всеобщая студенческая забастовка, была широко раскрыты для митингов, на которых перебивали десятки и сотни тысяч рабочих, городской мелкой буржуазии и интеллигенции. На этих митингах представители разных партий выступали со своими программами, и широчайшие массы оформляли теоретически уроки классовой борьбы революционного года.

Кроме рабочих, крестьян и солдат, революция 1905 года впервые подняла к политической жизни широчайшие массы отсталых, угнетенных национальностей, не говоря уже о Польше, где в декабре 1905 г. происходила грандиозная кампания бойкота по отношению к руссификаторским чиновникам и где в сотнях школ дети «сожгли все русские книги, картины и царские портреты, избили и прогнали из школ русских учителей» (Ленин, там же, стр. 354). Революция подняла большое мусульманское движение, в результате которого создан был мусульманский союз, движение бурят и якутов, во главе которого стояла местная национальная буржуазия, вызвала новый подъем армянского движения и т. д. Правительство для борьбы с этими национальными движениями, кроме еврейских погромов, организовало еще дважды грандиозный армянский погром в Баку, где против армян натравливались неосознательные элементы турецкого населения. Общее количество убитых во время погромов превышало 4 тысячи, число изувеченных — более 10 тысяч.

После поражения декабрьского восстания революция пошла на убыль.

Главной причиной этого являлось несоответствие во времени подъема рабочего движения с массовым крестьянским движением, которое особенно бурно проявилось лишь с самого конца 1905 и в 1906 г., когда высший штурм рабочего движения был сломлен. Другой причиной являлось отсутствие единства в рабочем движении. Меньшевики не понимали роли вооруженного восстания и фактически срывали его. В частности, в Петербурге, в решающий момент московского восстания, когда можно было парализовать хотя бы отчасти действие карательной экспедиции Семеновского полка, Совет рабочих депутатов, собиравшийся нелегально после ареста (3 декабря) Исполнительного комитета, Совет, в котором влияние меньшевиков преобладало, не только не призвал массы к восстанию, но даже не предпринял никаких боевых мер для задержки или дезорганизации Семеновского полка. А после московского восстания Плеханов, бывший тогда формально вне обеих фракций, но фактически поддерживавший меньшевиков, произнес даже свою печально-знаменитую фразу: «Не надо братья за оружие», фразу, которой Ленин противопоставил отношение Маркса к Парижской коммуне. Наконец, как мы увидим, одной из причин поражения революции была та финансовая помощь, которую царское правительство получило от западноевропейского капитала. Впрочем, на первых порах, хотя революция пошла на убыль, она продолжалась, приняв характер партизанского движения.

Картина стачечного движения в 1906—1907 гг. видна из следующих цифр. Если в 1905 г. число стачечников, не считая железнодорожников, доходило почти до 3 миллионов, то в 1906 г. число стачечников упало до 1.108 тысяч, а в 1907 г. даже до 740 тысяч. Но эти цифры, означая сильное падение по сравнению с

1905 г., свидетельствовали все же о бурном революционном настроении масс, так как средняя годовая цифра (правда, на основании сильно уменьшенных официальных данных) за десятилетие с 1895 по 1904 г. составляла всего лишь 43 тысячи стачечников. Наоборот, крестьянское движение и революционное движение в армии и флоте, выражавшееся не только в «беспорядках», но и в прямых восстаниях, в 1906 г. не ослабело, а отдельные проявления его имели место и в 1907 году. Так, на основании данных о процессах в военных и военно-морских судах, в 1905 г. было всего 30 случаев беспорядков и восстаний с общим числом судившихся за эти восстания около 2.000 человек. А в 1906 г. волнений и беспорядков в армии и флоте зарегистрировано около 40, число же судившихся превышает 4 тысячи. Что касается крестьянских волнений, то первый подъем их относится к самому концу 1905 г., а затем достигает большой высоты весной и летом 1906 г. Всего за годы революции зарегистрировано около 6 тысяч крестьянских волнений, принимавших форму разгромов имений, борьбы за землю, луга и лес, борьбы за снижение арендной платы, стачек сельскохозяйственных рабочих и, наконец, аграрного террора. Разгромы имений характерны особенно для 1905 г.; в 1906 г. эта форма несколько уменьшилась, при чем ее заменили массовые потравы и захваты сена, а также захват урожая на спорных участках земли и, наконец, сельскохозяйственные стачки. Из общего количества 723 таких стачек, зарегистрированных за 3 года революции, наибольшее количество приходится на лето 1906 г. Стачки же, наряду с потравами помещичьих лугов и полей и захватами урожая, характерны еще и для 1907 г.

Самыми главными центрами крестьянских восстаний конца 1905 г.

являются: Поволжье, Тамбовская губерния, ряд губерний на Украине и особенно Прибалтийский край и Грузия (Гурия). В Прибалтийском крае, где крестьянство руководилось латышскими с.-д., движение приняло ярко-политический характер. Горели замки баронов, уничтожалось телеграфное и почтовое сообщение, у полиции и баронов конфисковывалось оружие, сменялись сельские власти, переизбирались волостные правления, отменялись подати и налоги. Иногда крестьянам удавалось захватывать уездные города. Особенно замечательно в этом отношении Туккумское восстание. Весьма широкий размах и политический характер (отчасти в форме бойкота государств. власти) приняло крестьянское восстание также в Гурии, где оно продолжалось с перерывами еще с 1904 г. до начала 1906 г., несмотря на попытки грузинских меньшевиков после манифеста 17 окт. призвать крестьян к «успокоению» и прекращению бойкота.

На фоне этого огромного массового движения чрезвычайно выросла *политическая активность* не только рабочих, но и крестьян. Что касается рабочих, то они в основной своей массе шли целиком за социал-демократией и особенно за большевиками, которые становились руководящей партией миллионных масс (о деятельности с.-д. партии и борьбе большевиков с меньшевиками во время революции см. *российская социал-демократия*, т. XI, 581/88). Большевики являлись руководящей партией в московском вооруженном восстании и в целом ряде других мест. Кавказские большевики, во главе с тов. Сталиным, руководили грандиозной борьбой бакинского пролетариата, вовлекая в эту борьбу самые отсталые элементы турецких рабочих и разоблачая соглашательскую и дезорганизаторскую политику меньшевиков, дашнаков и анархистов. Большевикам

удалось провести бойкот первой Государственной думы, в которой лишь после 4-го («объединительного») съезда РСДРП образовалась с.д. фракция. С.д. фракция первой Думы находилась в значительной мере под влиянием меньшевиков, тем более, что и ЦК объединенной партии, выбранный на 4-м съезде, был в большинстве меньшевистским. После разгона 1-й Государственной думы нового массового восстания не последовало. Но крестьянство и армия ответили на этот разгон усилением аграрного террора и такими восстаниями, как кронштадтское, свеаборгское и на крейсере «Память Азова», за которые было предано суду почти 1.000 человек. Самым замечательным из них было восстание в крепости Свеаборг возле Гельсингфорса в июле 1906 г. Восставшие арестовали офицеров и стали хозяевами крепости, при чем получили помощь от финляндской красной гвардии. Против них направлен был учебный отряд судов балтийского флота с дальнобойной артиллерией. Восставшие вынуждены были сдаться. Часть их успела скрыться, а часть была захвачена и приговорена к смерти и к каторжным работам (ср. ХLI, ч. 3, прил. 29/30). В руководстве военными восстаниями и вообще в пропаганде и агитации в армии большевики играли выдающуюся роль. Они издавали целый ряд органов для солдат и огромное количество воззваний. Вместе с тем уже после подавления декабрьского восстания большевики создавали многочисленные боевые организации с целью подготовки новых восстаний и созывали конференции своих военных и боевых организаций.

Крестьянство уже с конца 1905 г. и особенно в 1906 г. стало создавать свои организации в форме крестьянских союзов, комитетов и т. п. На выборах в 1-ю Государственную думу, вопреки ожиданиям правительства, кото-

роенадеялось получить от крестьянства реакционных и во всяком случае покорных депутатов, крестьянство проявило большую политическую активность и послало в Думу ряд депутатов, крестьян и интеллигентов, образовавших в думе фракцию «трудовиков». У массы крестьянства были связаны с Думой смутные, наивные, но тем не менее горячие и страстные надежды и желания. Политическая сознательность и грамотность огромной массы крестьянства была очень низка, и она видела в своих будущих депутатах не столько борцов, сколько традиционных «ходоков», за которых обещала постоять. Программная платформа трудовой группы в общеполитической области сводилась к требованию гражданских и политических свобод, полной демократизации выборов в Думу и органы местного самоуправления, ответственного перед Думой министерства, амнистии, отмены смертной казни и т. п. Характерной для группы была ее аграрная программа. В ней подчеркивалась неприкосновенность *надельной и частно-владельческой* (не помещичьей) земли, если она не превышает «трудовой нормы». Это значит, что крестьяне-трудовики боялись, как бы с.-р. «социализация» не коснулась середняка и даже кулацкого землевладения. В области тактики трудовики все время колебались между кадегатами и рабочей группой. Будучи организацией исключительно думской, не имея никаких организаций вне Думы, трудовая группа была все же центром внимания широчайших крестьянских масс и организационно связывалась с ними, получая из разных концов Р. множество сельских приговоров, наказов, писем (в общей сложности с десятками тысяч подписей), где их деятельность одобрялась и их обещали поддержать. Социальный состав трудовой группы 1-й Думы: крестьян-

земледельцев — 42, сельской интеллигенции — 41, рабочих (оставшихся в группе и после образования с.-д. фракции) — 10, разных — 5. Лидерами группы сделались интеллигенты: Жилкин, Аладьян, Аникин, Онишко, частично сочувствовавшие с.-р. Во второй Думе крестьян-трудовиков было 72, а интеллигентов — 23; кроме того, были 1 рабочий, 6 мелких торговцев и 2 демократически-настроенных священника. Таким образом трудовики представляли из себя чистую форму мелкобуржуазной крестьянской демократии, не затемненную социалистическими фразами, как это имело место у партии с.-р.

В массовом движении 1905 г. с.-р. приняли активное и широкое участие, и в этой работе даже провокаторская деятельность Азефа не могла причинить им большого вреда. Наибольшим влиянием, не только идейным, но и организационным, пользовались эсеры среди демократической интеллигенции, принимая активное и нередко руководящее участие в таких профессионально-политических организациях, как союзы учителей, статистиков и железнодорожных служащих, а через них влияя и на широкую интеллигентскую организацию «Союз союзов». В «дни свободы», т.-е. в октябре—ноябре 1905 г. они завязали более или менее прочные сношения с крестьянскими группами черноземной полосы и Приволжья, а также некоторых уральских областей и имели влияние как в крестьянских организациях, так и отчасти в трудовой группе. Лишь 31 декабря 1905 г. собрался 1-й съезд партии эсеров, что является характерным для интеллигентской и мелкобуржуазной партии, не нуждавшейся ни в точной, утвержденной съездом программе, ни в связывавшей ее членов тактике и организации. На съезде были представлены 42 организации, и он дол-

жен был объединить все народнические направления, в том числе и влиятельную литературную группу «Русского Богатства» (Короленко, Пешехонов, Петрищев, Елпатьевский и др.). Но на съезде выяснилось, что между этой группой и основным ядром партии эсеров не может быть соглашения, так как группа «Русского Богатства», с одной стороны, склонялась к мирной и легальной тактике, а с другой — именно она была верной хранительницей народнических заветов, наиболее враждебных марксизму, и для нее был неприемлем эсеровский электизм в этом отношении. Кроме этого «правого» крыла, на съезде образовалось и «левое» крыло в лице группы максималистов, требовавших немедленной борьбы за социализм и справедливо указывавших на основное противоречие и непоследовательность в программе эсеров: на требование «социализации земли» без соответственной «социализации» фабрик и заводов. На съезде победил центр во главе с В. Черновым; в программе по земельному вопросу осталась и «социализация» и все ее чисто народническое обоснование. Съезд считал возможным, при сохранении капитализма в городах, добиваться «социализации земли, т.-е. изъятия ее из товарного оборота», с тем, чтобы пользование ею было «уравнительно-трудовым». Все остальные пункты программы были в значительной мере повторением программы-минимум с.-д. партии.

Таким образом на съезде произошел раскол. Бывшая группа «Русского Богатства» образовала впоследствии партию «народных социалистов» с умеренной демократической программой и оппортунистической тактикой, которые ставили ее между кадетами и эсерами. Левое крыло съезда образовало «Союз с.-р. максималистов», который выставил в программе социализацию фабрик и заводов и ор-

ганизацию «трудовой республики», а в тактике — непрерывный террор и экспроприацию не только казенного, но и частного имущества. Максималисты совершили взрыв дачи Столыпина в 1906 г., известную экспроприацию в Фонарном пер. в Петербурге и целый ряд других. Еще раньше их с.-р. «оппозиция» совершила громкую экспроприацию в Московском обществе взаимного кредита. В своей тактике максималисты, хотя и признавали в теории, в отличие от анархистов, «трудовую республику» после полной победы революции, ничем не отличались от анархистов и нередко блокировались с ними в террористических актах и экспроприациях, которыми так полны были 1906—1907 гг.

Эсеры после съезда постановили бойкотировать выборы в 1-ю Думу и усилили свою террористическую деятельность, на этот раз направленную, главным образом, против местных сатрапов, усмирителей крестьянских и других восстаний и начальников карательных экспедиций. Но уже на втором съезде их партии в феврале 1907 г., после долгой и упорной борьбы между «боевиками», стоявшими на позиции бойкота 2-й Думы, и «массовиками», т.-е. пропагандистами и агитаторами, победила точка зрения участия в выборах, отчасти под влиянием безавшего с каторги одного из основателей партии и боевой организации — Герлуни. Вместе с тем съезд решил на время существования 2-й Думы воздержаться от террора. В Думе оказалось 37 депутатов-эсеров, при чем если в с.-д. фракции 2-й Думы рабочие составляли относительно самую многочисленную группу, то среди эсеровских депутатов было всего 2 рабочих, 14 крестьян и 21 интеллигент, что еще раз подтвердило интеллигентский и мелкобуржуазный состав партии. Это же проявилось и в их поведении

в Думе. Фракция эсеров все время колебалась между кадетами и с.-д., хотя и с.-д., т.-е. численно преобладавшие среди них меньшевики, в целом ряде случаев отступали от революционной классовой позиции. Нередко эсеры голосовали и выступали вместе с кадетами против с.-д. Их оппортунизм шел так далеко, что они даже одобряли недостойное поведение кадетов, в надежде получить от правительства хоть «шерсти клока». Лидер партии В. Чернов писал тогда: «Если бы кадетам действительно удалось, хотя бы путем пожертвования многими пунктами своей программы, проложить себе дорогу через этап легализации к власти, мы против этого ничего бы равно не имели. И мы бы не стали, подобно нашим друго-врагам социал-демократам, по этому поводу бить тревогу о предательстве и об измене кадетов интересам трудового народа».

Что касается с.-д. (см. *российская социал-демократия*, XI, 585/87), то партия в целом участвовала в выборах во 2-ю Думу и пользовалась огромным успехом не только среди рабочих, где с.-д. являлись единственной руководящей партией, но и среди значительных групп крестьянства и городской мелкой буржуазии (особенно в Сибири и частично на Украине). Вместе с тем на выборах обострилась борьба большевиков с меньшевиками. Важнейшие партийные организации (как, напр., в Петербурге и Москве) в своей главной пролетарской части шли за большевиками. Меньшевики имели успех преимущественно в районах непролетарских, где не обладала мелкая промышленность. Между тем ЦК, выбранный на 4-м съезде, был в большинстве меньшевистским и давал как партийным организациям, так и думской фракции откровенно оппортунистические директивы. На этой почве в Петербурге произошел

формальный раскол в с.-д. организации, так как меньшевики, во главе с Даном, во время выборов во 2-ю Думу вступали в секретные переговоры и даже соглашение с кадетами, что Ленин характеризовал, как «продажу рабочих голосов кадетам за местечко в Думе». Эта оппортунистическая тактика меньшевиков настолько раздражала рабочую массу, что на ряде крупных заводов, именно там, где были выставлены кандидаты меньшевики, рабочие предпочитали выбирать уполномоченных с.-р. Только благодаря энергии большевиков петербургские рабочие не были представлены в Думе с.-р. (см. Ленин, Соч., т. X, стр. 326—340). Борьба продолжалась и внутри думской фракции, где большевистские депутаты-рабочие, под руководством Ленина, жившего тогда в Финляндии, вели выдержанную борьбу с оппортунистическим меньшевистским большинством фракции, во главе которого стоял кавказский депутат Церетели, будущий министр правительства Керенского. На 5-м (лондонском) съезде партии, заседавшем в мае 1907 года, большевики оказались в большинстве, хотя и незначительном. Все же им удалось осудить меньшевистскую идею «широкого рабочего съезда», направленную против партии, и провести свои резолюции об отношении к кадетам, а также по вопросу о профсоюзах, в отношении которых партии предлагалось взять на себя идейное руководство и установить организационную связь.

После закрытия всех легальных газет революционных партий в декабре 1905 г. эти партии вынуждены были снова уйти в подполье, выступая более или менее легально лишь во время выборов во 2-ю Думу, а также в краткие периоды существования первых двух Дум, когда этим партиям, в том числе большевикам, удавалось временно выпускать легальные органы,

впрочем быстро закрывавшиеся. С другой стороны, 1906 и 1907 гг. характеризуются бурным ростом профессионального движения. Кроме того, в 1906 г., во время обострения промышленного кризиса и безработицы в ряде городов, особенно в Петербурге, образовывались «советы безработных», при чем в Петербурге во главе такого «совета» стояли большевики. В это же время начала развиваться рабочая кооперация, в которой играли роль меньшевики и меньшевистствующие интеллигенты. Если в основной своей массе пролетариат шел за с.-д., а пролетариат крупных промышленных центров за большевиками, то отдельные группы деклассированных рабочих шли за максималистами и анархистами, участвуя в мелких экспроприациях, в распыленной партизанской борьбе, в которой принимали участие также и отдельные крестьяне, вынужденные спасаться от правительственного террора.

В самом деле, правительство с конца 1905 г. обрушилось на рабочий класс и на все революционные элементы страны с неслыханными репрессиями. После полосы карательных экспедиций конца 1905 — начала 1906 гг. выступили на сцену военно-полевые суды, выносившие огромное количество смертных приговоров. Тюрьмы были переполнены. Сибирь и северные губернии снова наполнялись в невиданных раньше размерах политическими ссыльными. Массами выносились и каторжные приговоры. Кроме того, снова выступили на сцену еврейские погромы и черносотенный террор. Вместе с тем, в ответ на призыв петербургского Совета рабочих депутатов и всех революционных партий (от 2 декабря 1905 г.) бойкотировать государственные финансы, брать вклады из сберегательных касс и т. д., а также в ответ на «Выборгское воззвание» левых депутатов 1-й Думы, приглашавшее на-

селение не платить податей и не давать рекрутов в армию, — правительство, не ограничиваясь беспощадными репрессиями по отношению к рабочим, крестьянам, солдатам и матросам, обратилось за займом к иностранным капиталистам и правительствам для подавления русской революции. И заем, полученный правительством во Франции, действительно в значительной мере развязал ему руки. Поэтому, види, что во 2-й Думе оказалось сильное революционное крыло и что в стране революционное брожение не утихает, правительство решило совершить государственный переворот и нарушить насильственным путем собственную «конституцию». Создав при помощи провокации дело о «военном заговоре» думской с.-д. фракция, правительство арестовало всю фракцию, объявило Думу распущенной и в корне изменило избирательный закон. Новый закон 3-го июня 1907 г. настолько ограничил права рабочих и крестьян при выборах в Думу, что обеспечил при всех случаях большинство в Думе за господствующими классами, т.-е. за помещиками и крупной буржуазией, ставшей уже определенно контрреволюционной. Первая революция кончалась. Наступал столыпинский «3-июньский» режим. Революция 1905 г. потерпела временное поражение. Однако, «без генеральной репетиции» 1905 года победа Октябрьской революции 1917 г. была бы невозможна» (Лечин, «Детская болезнь левизны»).

Б. Горев.

XVI. Господствующие классы и правительственная политика в годы революции (1902—1907). Двадцать лет непрерывной реакции в условиях окончательно определившихся социально-экономических последствий «освободительной» реформы привели к революционизированию всей страны. Недовольство и возбуждение охватило все классы и общест-

венные группы, как бы ни были различны и даже полярны мотивы, вызывавшие и питавшие это недовольство. Страна вышла из своего аморфного состояния и начала ускоренным темпом «самоопределяться» в своих групповых интересах. Все пришло в движение. Революция открыто надвигалась. И раньше не раз поднималась в Р. волна революционного движения (начиная декабристами и кончая народовольцами), но то были бессильные, хотя и преисполненные жертвенного героизма попытки радикально настроенной дворянско-разночинной интеллигенции, оторванной от масс, вступить в единоборство с колоссом, хотя и разлагающимся уже, однако все еще располагающим огромным аппаратом организованного государственного насилия самодержавной полукрепостнической империи, продолжавшей сохранять достаточную силу исторической инерции. Но только широкое и мощное в своей стихии народное движение начала XX в. создало впервые прочную базу для подлинной революции, вместе с тем дав известную опору либеральной и революционной буржуазно-демократической оппозиции, высоко поднятой на гребне «девятого вала» народного возмущения. При этом важно отметить, что в центре революции 1905 г. оказался аграрный вопрос. Однако гегемоном революции был пролетариат, возглавляемый большевистской партией. Наступившая революция была буржуазно-крестьянской по своему социальному содержанию, но пролетарской по своим методам и формам борьбы.

Аграрное движение далеко вышло за традиционные рамки крестьянских «бунтов» пореформенной эпохи и вылилось в подлинную крестьянскую революцию, всей своей силой ударившую по землевладельческому классу прежде всего дворян-помещиков, но

не обходя и прочих земельных собственников из промышленников, купцов, а также и крупных арендаторов. Аграрное движение в указанном смысле начинает принимать (под влиянием неурожая и роста крестьянского разорения, связанного с общим экономическим кризисом в стране; см. XXXVI, ч. 4, 151/52 сл.) заметные размеры уже с 1900—1901 г., когда официальная статистика регистрирует до 50 крупных волнений в год. Сразу и резко волна движения поднимается в 1902 г. до огромной цифры — 340 выступлений, охватывая широчайший район Юго-западного, Прибалтийского края, Литвы, Центрально-черноземный и Средне-вожский районы, особенно Украину и Сев. Кавказ, перебрасываясь в Закавказье и отчасти на север (нечерноземн. полосу). Движение принимает характер массового выступления целыми селениями и более обширными районами, по сговору, организованно, с составлением «приговоров», при чем в движение втягивалось большинство сельского населения, ядро которого составляли бедняцко-средняцкие кадры, к которым примыкали батраки-односельцы, мелкие арендаторы (те же скрытые наемники) и, наконец, частично, зажиточные элементы деревни, иногда даже руководившие выступлением. В стороне от движения или даже враждебными ему оставались владельцы «купчих» земель (хutorяне), крупные арендаторы, а также, частично, пришлые сел.-хозяйственные рабочие, дорожившие своими заработками в экономиях, подвергавшихся «захвату». Основная масса крестьянства обычно выступала единым фронтом, сохраняя полную солидарность, поддерживая пострадавших, укрывая преследуемых властями. С особым ожесточением борьба велась против латифундий, где продолжали сохраняться кабально-крепостнические формы ведения хозяйства и владельцы

которых принадлежали к высшей столичной чиновной и придворной бюрократии. Что касается самой формы аграрного движения, то оно характерно направлялось по двум главным руслуам в зависимости от типа хозяйства, преобладающего в том или ином районе. В местах с промышленно-капиталистическими тенденциями земледельческой культуры (Ю.-з. край, Прибалтийский, Литва и т. п.), где происходило значительное скопление сел.-хоз. рабочих и на почве малоземелья образовывался значительный контингент безземельных, господствующей формой аграрного движения являлась стачка, борьба за улучшение условий труда (зар. плату, охрану труда и т. д.). Массовое скопление в крупных хозяйствах и огромных плантациях наемных рабочих, в особенности там, где большинство из них принадлежало к местному населению, способствовало сплочению и дружным выступлениям сельских пролетариев. Не мало росту классовой солидарности содействовало и влияние городских, промышленных рабочих, чем — в конце концов — объяснялся известный успех соц.-дем. пропаганды среди батрацких элементов данного района. Иной характер носило движение в районе черноземной полосы, где преобладали хищнические и ростовщические формы полукрепостнического, типично-помещичьего хозяйства. Здесь наиболее распространенными формами борьбы были захваты угодий и полевых земель, порубки, «разборка» усадеб с вывозом и выводом живого и мертвого инвентаря и, наконец, разгром и поджог самых усадеб в целях «выкуривания», выживания владельца с тем, чтобы, «разрушив помещичье гнездо» и тем самым лишив хозяина пристанища, завладеть барской землей, ликвидировать помещичье хозяйство. При этом, чего нельзя не отметить, насилия над

самыми помещиками и их семьями являлись исключительными случаями. Эта война за землю, в которой активное участие принимали и мелкие арендаторы, нередко принимала формы бойкота или забастовки, сопровождалась снятием с работ сел.-хоз. рабочих, которые — являясь местными аборигенами — обычно примыкали к общему движению. Внедрение «забастовочного» момента в крестьянскую борьбу за «землю» должно быть отмечено как несомненный признак влияния пролетарских методов борьбы в массе сельского населения. Дело и здесь не обходилось без влияния рабочего движения на аграрное, влияния, которое объяснялось как непосредственными связями города с деревней и крупными промышленными районами (донецкие шахтеры и т. п.), так и общим политическим движением в стране. Конечно, свою роль сыграла и непосредственная революционная агитация.

Аграрное движение 1902 г. прокатилось по помещичьему царству сокрушающим и грозным вихрем. Помещики в паническом страхе апеллировали к гражданским и военным властям. И прежде чем мятежной деревне удалось пожать некоторые плоды своего выступления (местами стали снижаться арендные цены, поднялась зар. плата, усилилось предложение земель в продажу по пониженным ценам и т. п.), началась неслыханная оргия военных усмирений, карательных экспедиций, расквартирование казаков, ингушей и постоянных сельских «стражников» (закон 1903 г.) по барским усадьбам. Наступило временное «успокоение» деревни. Военные экзекуции, конечно, не только не решали аграрного вопроса, а лишь еще более его заостряли, озлобляя крестьянскую массу и повышая рост ее классового сознания. По существу и в годы затишья аграрного движения (1903—1904),

последнее не прекращалось, но приняло лишь несколько иные формы (в 1903 г. зарегистрировано до 140 и в 1904 г. — до 91 открытых выступлений в 10 губерниях). Наученные горьким опытом, крестьяне переходят от массовых открытых выступлений к скрытым. Начинается партизанская война, как система аграрного террора. Если редки стали случаи «разборки» и прямого разгрома помещичьих усадеб, то идет непрерывная, ежедневная борьба измором. Появляются новые виды пассивного сопротивления — бойкот помещичьих экономий. Растут тайные поджоги, потравы, порубки, увоз с поля хлеба, сена и т. д. Учащаются случаи убийства помещиков. Глухое брожение и мрачная зловещая атмосфера, окружающая владельческую усадьбу, приводят к массовому бегству землевладельцев из насиженных гнезд. Раздражение крестьянской массы растет не только под влиянием кровавых репрессий, обрушенных на крестьянское население, но и под влиянием возрастающего обострения экономического кризиса в деревне (рост цен на землю, арендной платы и т. п.), усугублявшегося недородами, и, наконец, японской войной, послужившей последним толчком к новой вспышке движения.

Таким образом, годы внешнего «умиротворения» деревни были череваты новыми грозными событиями. Под пеплом притупленного массового движения продолжал теплиться скрытый огонь народного возмущения. И стоило только наступить «весне» 1905 г., как, вместе с общим подъемом революционного движения в стране, с новой страшной силой запылала аграрная революция. Обогащенное опытом движения предшествующих лет, получившее мощный толчок в дни исторической политической забастовки и, наконец, спровоцированное манифестом 17-го ок-

тября, по-своему истолкованным деревней, аграрное движение вновь получает грандиозный размах, охватив, в основном, ту же территорию, с тем же главным центром движения в Полтавской, Харьковской, Черниговск. губ., где волнения распространились на все уезды. Движение вновь приняло массовый, по-прежнему организованный характер. Наиболее широкое распространение получило на этот раз забастовочное движение среди сел.-хоз. рабочих. Но особенно знаменательным для этого этапа аграрного движения явилось приобретение им с осени 1905 г. явно политического характера. Деревня, вслед за городом, начала митинговать. Чаще стали появляться «ораторы». Сельские сходы выносили резолюции и приговоры о присоединении к «Крестьянскому союзу», возникшему в мае 1905 г. в Московской губ. Возбуждаемая самыми сенсационными слухами, деревня фактически уже приступила к решению аграрного вопроса, уверенная в своих неотъемлемых правах на «всю землю». Натиск на помещика принял особенно агрессивные формы (осенью 1905 г. уничтожено на 30 млн. р. всякого помещич. имущества). В одном только Прибалтийском крае было разгромлено 127 усадеб, по другим районам до 2.000. Движение продолжалось и в 1906 г. (максим. рост с.-х. забастовок; в 1905 г.—в 55 дер., в 1906 г.—в 149), хотя общая волна начала уже спадать, в связи с новым пароксизмом жесточайших усмирений «без всякого сожаления», по законам военного времени, как декретировал г.-губ. Кременчуга. Появляется новый закон о сел.-хоз. забастовках (15. IV. 1906 г.) с уголовной санкцией, и административная расправа получает самое широкое применение (см. ниже, гл. XVII).

Революционное движение крестьянства явилось прямой угрозой для самых

основ самодержавно-крепостнического государства. Однако, как бы ни было огромно само по себе значение крестьянского революционного движения, все же необходимо отметить, что оно охватывало лишь меньшинство (от 20 до 25%) сельского населения, было распылено, а потому при своей разбросанности не отличалось достаточной организованностью в своей массе, равно как и достаточной политической сознательностью, ограничиваясь в своих требованиях лишь вопросом о земле и не касаясь остальных сторон социального неустройства. При таких условиях, несмотря на то, что деревня сделала огромный шаг вперед в смысле своего революционного и политического воспитания и развития, она все же не могла занять позиции главной движущей силы русской революции, а сыграла роль фактического союзника пролетариата в борьбе. Настоящим же вождем и гегемоном выступил именно российский рабочий класс: революция 1905 г., по своему содержанию являвшаяся революцией буржуазно-демократической, по своей форме (средствам борьбы) оказалась пролетарской. Только благодаря слиянию, или, точнее сказать, совпадению («совместному действию») рабочего и крестьянского движения, революция 1905 г. могла одержать свою первую, хотя и неполную победу над самодержавием. Без поддержки, опоры со стороны крестьянства эта победа была бы невозможна, как и без руководящего организованного выступления революционного пролетариата крестьянское движение оказалось бы бессильно. Правда, союз пролетариата и революционного крестьянства не был организационно закреплён, и моменты высшего подъема рабочего движения и его территориальное размещение (Зап., С.-зап. и Ц.-пром. р.) не совпадали с такими же моментами аграрного движения и его главным центром (Ю.-з. и Ц.-ч. о.), но в не-

прерывном потоке все возраставшего революционного натиска они сливались в общем русле, направление которому давали ведущие массы передового пролетариата (см. *история рабочего класса в Р., XXXVI, ч. 4, 317/51, и революционное движение в Р., гл. XV*). Эта ведущая роль организованного пролетариата ясно обозначается с первых лет XX ст. Если в рабочем движении 1896—1900 гг., как нам уже известно, преобладали экономические стачки, то с 1901—1902 г. все яснее начинает пробиваться политическая струя, по мере того как на забастовочном фронте более отсталые слои текстильщиков, численно преобладавших, сменяются квалифицированными кадрами металлистов. Начинается период уличных демонстраций, в которые начали вовлекаться, чем далее, тем более, рабочие массы. Уже 1902—1903 гг. могут быть названы первой репетицией в всеобщей политической октябрьской забастовке 1905 г. Это был период быстрого роста массовых политических стачек (Ростов—1902 г.; летние стачки 1903 г.), завершившихся всеобщей стачкой 1903 г. на юге (см. *XXXVI, ч. 4, 312/14, и революц. движение в Р., ст. 389*). Идея всеобщей политической забастовки, таким образом, уже оформилась; определена и ведущая роль в ней революционного пролетариата. Но для того, чтобы идея эта получила всероссийское признание, прокатилась по всей стране боевым лозунгом «долой самодержавие!», понадобилось историческое «9-ое января». Дикая расправа с безоружной толпой разом покончила с последними иллюзиями обманутой незащитной толпы. По выражению В. И. Ленина, в этот день «революция встала на ноги», и в Р. «родился революционный класс пролетариата». День 9-го января стал, таким образом, днем политического крещения русского про-

летариата (см. стб. 396/97). Грандиозной волной прокатилось по всей стране забастовочное политическое движение. Если за целое десятилетие 1895—1904 гг. в стачечном движении приняло участие 430 тыс. ч., то теперь за один только январь мес. 1905 г. эта цифра была превзойдена (440 т. ч.), а за весь исторический год бастовало уже около 3 млн. ч. (2.883 т.), т.-е. 60% всей армии пролетариата. Достигнув в дни октябрьской всеобщей забастовки и декабрьского восстания своего кульминационного пункта, движение резко падает: в 1906 г.—1.108 т. баст., в 1907 г.—740 т., в 1908 г.—176 т. и в 1909 г.—64 т.

Революция 1905 г. не только вылилась в типические формы борьбы рабочего класса—забастовку, но и была политически возглавлена этим «единственно до конца революционным» классом. Победа, одержанная русской революцией над царским самодержавием и вынудившая последнее, под прикрытием манифеста 17 октября, временно сдать свои позиции,—была по существу победой российского пролетариата, опирающегося на революционное крестьянство.

Таковы были главные движущие силы, подготовившие и реализовавшие революцию 1905 г. с предшествующим ей периодом революционных волнений 1902—1904 гг. Но это были не единственные ее участники. Правительственная реакция с ее военной авантюрой, с одной стороны, и все шире разливающееся движение народных масс, с другой,—привели в глубочайшее брожение все общественные силы, широкие слои либеральной и радикальной буржуазии. Начался процесс классового самоопределения и партийного размежевания социальных элементов. Процесс этот, в условиях замедленного и неравномерного роста производительных сил страны, при весьма невысоком уровне

ее общего культурного и политического развития, при недостаточно четкой классовой дифференциации общества, подвигался весьма неравномерно. Уже самое обилие партийных группировок, образовавшихся к моменту наивысшего подъема революционной борьбы и открытия первого русского «парламента» (около 30-ти различных «партий», «союзов», «собраний» и т. п.), служит показателем недостаточной политической зрелости общественной среды, призванной идеологически оформлять классовые идеологии и требования. Некоторые партийные группы даже сами затруднялись придумать для себя соответствующее название и выступали «без заглавия» (группа Прокоповича, Кусковой и др.). При таких условиях революционные события опережали партийное строительство и, так сказать, захватывали врасплох растерянного обывателя, не успевшего еще «самоопределиться». Понятно, что в такой обстановке всякого рода «партии» появлялись и лопались как мыльные пузыри, пока не наметились некоторые основные деления и не отслоились более или менее крупные партийные организации. Но прежде чем процесс этот нашел свое завершение, был проделан довольно зигзагообразный путь в поисках выражения и оформления своих подлинных «требований». Способы выражения этого так наз. общественного или оппозиционного движения последовательно менялись по мере роста революционных настроений широких масс и втягивания в движение промежуточных классовых слоев и прослоек мелкобуржуазного типа. Ища себе открытого выхода, возмущавшее изо дня в день общественное недовольство прежде всего вылилось в форму «бунта» всякого рода съездов и научных и просветительных обществ. В течение 1902—1905 гг. не проходит ни одного

медицинского («пироговского»), технического, кустарного, пожарного съезда, на котором не выносились бы «политические» резолюции с требованиями «свобод», 8-ми час. раб. дня, вплоть до «учредительного собрания». Демонстративные заседания происходят в петербургском «Вольно-экономическ. об-ве». В 1905 г. собираются съезды писателей, криминалистов, адвокатов, академический и др. Кампания «резолюций» разрастается; решительно норвано со старой съездовской традицией обращения к правительству с «ходатайствами». Власть бойкотируется, изолируется, им объявляется война. В 1903—1904 гг. общественная оппозиция переходит к новой форме выражения политического протеста — «банкетной кампании». Те или иные юбилейные даты или общественные события являются предлогом для банкетных демонстраций, где произносятся резко-оппозиционные речи и где либеральная и радикальная интеллигенция находит для себя наиболее подходящее поприще для своих демонстративных выступлений. Однако, эти спродические вылазки и партизанские выступления, не выходящие за пределы «словесной» оппозиции, с подъемом революционного движения уже не могли удовлетворить требованиям момента, когда все ошутительнее давала себя чувствовать необходимость от слов перейти к действиям, так или иначе отозваться на активность революционных масс. Все с большей силой и настойчивостью в это время выдвигается на очередь проблема организации сил. На этой почве и вырастает своеобразная «союзная» организация.

Эта новая фаза общественного движения начинает оформляться с конца 1904 г. и сразу получает широкое развитие в первые же месяцы 1905 г. 9-е января явилось и в данном случае определяющим фактором. Именно, в этот день об-

разодалось учредительное бюро будущего «Союза союзов», собравшееся в Вольно-эконом. об-ве, выделившее из себя депутацию к Витте (в целях предупреждения «кровавого воскресенья») и выпустившее тогда же известное воззвание к войскам и народу. К маю 1905 г. уже образовалось 13 «союзов»: инженеров (возникший еще 5 дек. 1904 г.), писателей, академический, врачей, учителей средней и низшей школы, музыкантов и художников, артистов, адвокатов, бухгалтеров, чиновников, городских гласных. Объединение, как явствует из данного перечня, шло по профессиональной линии. Но в действительности, по существу, это были чисто политические образования, сложившиеся под натиском стихийно нараставшей революции. Организация общественного сил шла по линии наименьшего сопротивления, по пути трупных интересов. «Союзы» в этом смысле заняли промежуточное место между профес. союзом и политической партией. Исключительные условия времени снимали с очереди чисто профессиональные вопросы, острота политической борьбы требовала немедленного активного выступления, «заниматься, при таких условиях, выработкой каких-либо «программ» было уже поздно. При подобных обстоятельствах «союзы» превратились в органы междуклассового, с преобладанием «мелкобуржуазных» элементов, характера, куда устремились неорганизованные оппозиционно настроенные элементы интеллигенции, различного рода мелкие служащие и т. д. Таким образом, это были, по своим целям, союзы тактические, что с очевидностью следует из того факта, что, с образованием Союза союзов, последний решительно отклонил всякие попытки выработки какой-либо единой политической программы, что было совершенно невозможно при крайне пестром составе входящих

в его состав членов. Взамен прежних весьма расплывчатых «съездовских» резолюций с требованиями свободы «общественной самостоятельности», «участия народа в гос. управлении» или «народного представительства», Союз союзов выдвигает, в качестве основной своей платформы, требование Учредительного собрания по так наз. «четырёххвостке» (всеобщее, прямое, равное и тайное голосование). «Союз» и его центр. бюро не принимали на себя никаких исполнительных действий и получили чисто информационные и организаторские функции. С этой целью на первом всероссийском своем съезде Союз союзов выработал и принял устав Союза (8—9 мая 1905 г. в Москве). После Цусимской катастрофы, 24—26 мая, с новым подъемом революционной волны, в Москве собрался второй съезд Союза, и в то время как одновременно с ним собравшийся «Съезд земск. и городских деятелей» закончился посылкой депутации к царю 6-го июня, союзный съезд завершился принятием общей резолюции с призывом общества к революции. Кадры Союза союзов возрастали в смысле все более широкого охвата новых и новых элементов. Как раз на втором съезде Союза в него вступил только нарождавшийся еще «Крестьянский союз» и целый ряд других союзов, возникших явочным порядком в результате «банкетов» (подобно союзам врачей и инженеров) или путем опубликования особых «записок» - воззваний, как, например, «Союз для достижения полноправия евреев», союз педагогов и др. Так возникают союзы — ветеринаров, равноправия женщин, агрономов, знаменитый союз железнодорожных служащих и целый ряд других... до «союза городских» включительно. Начавшиеся правительственные преследования членов Союза союзов, а затем и появление

первых известий о «Положении» о бурлыгинской Гос. думе (см. VII, 104/05) и о выборах в нее способствуют лишь большому подъему «союзного» движения. Возникают на ряду со Всероссийским союзом союзов местные «союзы союзов»: саратовский, московский, петербургский, ростовский на-Дону и мн. др. Центр внимания союзов сосредоточивается на вопросе об организации «массового протеста против правительственного проекта» совещательной Думы, в котором Союз союзов усматривает «дерзкий вызов со стороны правительства». Третий съезд союзов, собравшийся 1—3 июля в СПб, выносит резкую резолюцию по данному случаю с призывом бойкота Гос. думы, против чего, однако, высказалось меньшинство съезда, отлагавшее окончательное решение по настоящему вопросу до опубликования самого «Положения». С появлением последнего (6 авг. 1905 г.) началась кампания съездов отдельных союзов, а затем последовало и назначение 4-го делегатского съезда Союза союзов в Петербурге на 21—23 окт. Но события опередили решение Союза союзов. 12 окт. железнодорожный союз, как известно, объявил всеобщую политическую забастовку, а вслед за ним 14-го числа в петерб. университете Союз союзов объявил решение приступить к проведению политической забастовки. К этому, по существу, и свелась основная миссия Союза союзов, составившая заслугу последнего. Союз союзов провел также кампании по организации ноябрьской (3—7.XI) и декабрьской (8—9.XII) забастовок и затем на своем 4-м делег. съезде (14—16 янв. 1906 г.) на Иматре высказался за бойкот 1-ой Гос. думы (по закону 11 дек.).

На этом политическая роль Союза союзов получила свое завершение. Конец 1905 г. был вместе с тем

и эпохой окончательного оформления основных буржуазных и мелкобуржуазных политических партий в «обновленной» Р., благодаря чему Союз союзов терял под своими ногами всякую реальную почву. Обязанный своим появлением поздним образованием политических партий, и, в этом смысле, являясь как бы временным суррогатом этих последних, Союз союзов должен был уступить им свое место, тем более, что самый ход революции, сначала объединившей на чисто политической платформе разнообразных «союзников» в их совокупном натиске на «общего врага», должен был, в дальнейшем, разбить этот союз, как только стала выявляться социальная сторона революции и «программные» вопросы, выдвинутые рабочим и аграрным движением, вопросы, от которых решительно отмежевался Союз союзов, стали на очереди.

Процесс классового самоопределения и размежевания в Р. XX века, шел весьма неравномерно, замедленным темпом, так что большинство российских *политических партий* сложилось уже в разгар самой революции, что необходимо прежде всего отметить в отношении партий крупной и мелкой буржуазии. В отличие от буржуазной великой французской революции XVIII ст., русская буржуазия, в силу своей слабости и малокультурности, в силу своей «политической дряблости» (Сталин) не только не смогла занять положение гегемона русской революции и привлечь на свою сторону крестьянство подобно буржуазии французской, но и сама не сумела организовать как самостоятельный класс, в чем ее далеко опередил пролетариат, с которым еще не приходилось считаться «третьему сословию» революционной Франции. Указанными обстоятельствами и объясняется та глубоко своеобразная черта русской револю-

ции, что «российская социал-демократическая рабочая партия» сложилась у нас раньше других политических партий и возглавила в лице большевиков, в качестве вождя организованного ею российского пролетариата, и самую революцию. — Не останавливаясь на партиях с.-д., соц.-революционеров и на примыкавших к ним «трудовиках» и «народных социалистах», о которых см. выше (о с.-д. см. *российская социал-демократия*, XL, 547/86, и *революционное движение в Р.*, стб. 373/76, 389/91 и сл.; о прочих см. выше, стб. 383/88, 413/16). в нижеследующем мы прямо перейдем к политическим партиям российской буржуазии.

В непосредственном соседстве с отслоившимися от эсеров мелко-буржуазными и интеллигентскими группировками «трудовиков» и н.-с. стояли представители средней и отчасти крупной либеральной буржуазии, лишь в длительном процессе своего партийного оформления отмечавшейся окончательно как от своих компрометирующих «союзников» справа, так и от революционной демократии и своих «друзей-врагов» слева. Мы разумеем так наз. «конституционно-демократическую партию» (к.-д.), сформировавшуюся на своем учредительном съезде 12—18 окт. 1905 г., в самый разгар всеобщей октябрьской забастовки. Т. обр., образование партии завершилось уже в момент самой революции, с значительным запозданием, несмотря на то, что основные ее элементы прошли длительную подготовку и сложились гораздо ранее.

К.-д. партия образовалась из слияния двух организаций — группы «земцев-конституционалистов», выделившейся из обще-земского движения, и «Союза освобождения» (см. ниже). Таким образом, по своему происхождению, партия к.-д. ближайшим путем была связана с земским либерализмом,

вышедшим, как нам уже известно, из дворянско-поместных кругов 60-ых гг., когда в нем тогда же метались два течения: «западническое» — конституционное, и «славянофильское» — стоявшее за «совещательное» единение царя с народом (Земский собор). Движение земского либерализма, чуждое подлинного демократизма, нашедшее для своего развития благоприятную почву в земских учреждениях пореформенной эпохи, временно придавленное в реакцию 80-ых—нач. 90-ых гг., обнаруживает новое оживление в конце 90-ых и нач. 900-ых гг., при чем в нем сразу намечаются три течения: правое (т. наз. «шиповское», см. XXIII, 731), большинство и левое («новосильцевское»), сгруппировавшееся на тайных земских съездах, собиравшихся у Новосильцева. Центром либерального движения, по преимуществу, являлись помещики нечерноземной полосы, средне-поместное дворянство, а также капитализировавшиеся землевладельцы. Полоса черноземной области была, главным образом, районом средоточия аграриев реакционной марки. Начало новому оживлению земского оппозиционного движения положил агрономич. съезд в феврале 1901 г. в Москве, на котором объединились земцы и представители «третьего элемента». В июне того же года собирается нелегальный съезд земских деятелей, с целью столкнуться об общей тактике земских собраний в связи с появлением известной записки Витте о «Самодержавии и земстве», опубликованной за границей П. Струве (см.) с призывом к земским людям «объединиться» в борьбе с самодержавием. В марте 1902 г. среди земцев возникает мысль об издании своего органа, мысль, которая и получает свое осуществление после заграничного съезда земцев и демократов, при участии Струве, который и выпускает 1 июля н. с.

1902 г. первый номер «Освобождения», где одновременно появляется программная декларация «русских конституционалистов», «наиболее связанных с земской группой», и «открытое письмо от группы земских деятелей». Первая декларация исходила от земцев-конституционалистов и, высказываясь за «бессословное народное представительство», вместе с тем решительно отвергала путь «классовой и революционной борьбы». Выработка самой конституции, декларируемой верховною властью, должна была быть возложена на «учредит. орган», составленный из «представителей земств». Вопрос о социальных реформах при этом совершенно устранялся. Более резко высказывалось «письмо» земских деятелей. Протестуя против аграрных беспорядков, как результата «революционной пропаганды» и «народной анархии», авторы письма приветствуют идею земской конституции и организации земской партии. Однако, рост оппозиционного движения и аграрное движение 1902 г. в это время охватывают еще в общем будирующее влияние на земск. либералов. 8 ноября 1903 г. собирается уже первый съезд земцев-конституционалистов, а после 9 января земцы-конституционалисты поворачивают влево и на съездах февральском, майском и июльском, а также на особом аграрном совещании в апреле 1903 г. высказываются уже за всеобщ. избирательное право, за обязательное отчуждение частновладельческих земель и решительно осуждают как «булыгинскую» Думу, так и земскую депутацию 6 июня, представлявшую царю, хотя и не считают возможным вступить в объединение с «Союзом освобождения».

Более умеренным руслом направился «общеземский» поток либерального движения. Втянув в себя представителей городских самоуправлений, которые оказались левее

торгово-промышленной городской буржуазии и организовались на совещании гор. голов 2 июля 1905 г. в обще-городскую организацию, земские съезды (независимо от фракции конституционалистов) открыли собственный цикл съездовских выступлений, начало которым было положено известным «совещанием земских деятелей» в СПб 6—9 ноября 1904 г., собравшимся в исполнение постановления майского съезда 1902 г. Совещание имело место в дни так наз «весны» Святополка-Мирского (см. ниже) и было проведено открыто, несмотря на то, что в официальном разрешении ему было отказано. Совещанием были приняты 11 пунктов политической резолюции с требованием «народного представительства» во имя «единения государственной власти с народом», «свобод», равенства, реформы местного самоуправления и т.п. Ирения по п. 10 раскололи собрание на «большинство» и «меньшинство» (группа Шипова), сторонников «правового государства» и «славянофилов»: первые высказывались за ограничение монарха (конституцию), вторые отстаивали «совещательное» представительство. Так образовался земский центр, его «правое» крыло—будущие «октябристы», от которого, как было уже отмечено выше, отмежеввалось «левое» крыло в лице земцев-конституционалистов. Но прежде чем произошел окончательный откол «шиповцев», земско-городское либеральное течение продолжает в ряде съездов 1905 г. (апрельском, майском, июньском) политическое объединение своих кадров, пытаясь охватить в своем союзе возможно шире разномастные элементы своего состава. Это стремление отразилось на известной депутации земско-городского блока, принятой 6 июня в Петергофе Николаем II, депутации в составе 5 групп (общеземск., конституцион., шиповской, городской и губ. предводи-

телей дворянства) и возглавленной кн. С. Н. Трубецким (см.). Эта коалиционная депутация изложила перед царем в весьма расплывчатых выражениях пожелания земско-городской Р. в виде неясного намека на то, что «не всякое представительство может служить» благу населения, что «приказный строй» требует преобразования в смысле «ответственности» бюрократии, при чем тут же говорилось о «смуте, охватившей все государство», и «крамоле», которая в условиях «дезорганизации» власти приобретает очевидную опасность. Общий тон речей прозвучал, при таких условиях, скорее в «шиповских» тонах (что и вызвало затем протест земцев-конституционалистов). Поэтому и царский ответ, как бы в унисон прозвучавший робким заявлениям депутации, не менее двусмысленно закончил свою декларацию лирическим заявлением: «пусть установится, как было встарь, единение между царем и народом и всею Русью, общение между мною и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам». Но и совещание земских и городских деятелей, собравшееся уже 6—8 июля в Москве (без Шипова), очевидно, почувствовало неудовлетворенность от своего объединительного выступления перед царем и поспешило принять отрицательную резолюцию по поводу «проекта гофмейстера Будыгина», признав, что булыгинская Дума «не может внести успокоения в страну». Но, что особенно характерно, совещание призвало необходимым «войти в ближайшее общение с широкими массами населения» и поручило своему бюро выработку соответствующего воззвания. Подъем революционного движения толкал, таким образом, либералов зем.-городского блока на путь контакта с «массами» в предчувствии все возрастающей решающей их роли

в надвигающейся революции. Вместе с тем становилось уже невозможным ограничиваться одной политической платформой. Рост аграрного движения указывал либеральным помещикам, в каком направлении они должны искать этого «общения с народом». Одновременно выдвигался на очередь вопрос об оформлении в партию. Такой попыткой явился уже москов. сентябрьский зем.-гор. съезд (12.IX 1905 г.), постановивший, помимо бюро, учредить центр. комитет для руководства избирательной кампанией, что уже приближало съездовцев к партийной организации. Но, что особенно следует отметить, съезд вынес на этот раз и резолюцию по аграрному вопросу с признанием «отчуждения государством частновлад. земель с вознаграждением по справедливой оценке», высказался за отмену выкупных платежей, регулирование арендных отношений и, наконец, признал необходимым «широкое развитие рабочего законодательства» без каких-либо конкретных указаний. Этот характерный жест в сторону «широких масс населения» ярко отмечал линию подъема земского либерализма, вынужденного необходимостью попытаться дать соответствующее его интересам направление поднимающемуся снизу движению масс, а требование учредительного собрания на основах всеобщ. избират. права говорило уже со всею очевидностью, что движение достигло своей вершины. Октябрьская забастовка уже вызвала некоторый перелом — испуг в земской среде, активизировала ее реакционные элементы и создавала предпосылки для переговоров с правительством. Подобного рода настроения уже ясно сказались на последнем общеземском съезде (6.XI 1905 г.), собравшемся в Москве, который, хотя и противостоял искушению вступить в союз с кабинетом гр. Витте, но уже нес в своих нед-

рах все элементы разложения. Еще на сентябрьском съезде в его составе определилось «конституционно-демократическое» большинство, с которым теперь столкнулась правая «оппозиция», жаждавшая примирения с властью и категорически заявившая, что «в революции нам делать нечего». Из рядов этой фракции уже раздались призывы к борьбе «на два фронта», протесты против учредит. собрания и приглашение «протянуть руку» правительству Витте. Правда, основное ядро съезда выносит резолюцию, где повторяет лозунги сентябрьского съезда (по докладу Милокова), при чем съезд склонен рассматривать себя как представительный орган всей страны, но из выступлений его наиболее видных делегатов, таких, как Милоков, Струве или А. Гучков и его единомышленники, было уже ясно, что роль, сыгранная земскими съездами, законч. на. Земская масса дифференцировалась, чему лучшим доказательством было выступление на съезде Милокова, лидера только что перед тем официально оформившейся партии к.-д., и Гучкова, который явился на съезд с собрания, на котором были положены основы «Союза 17 октября», при чем большая часть членов съезда незадолго перед тем уже вошла формально в партию к.-д., после того как при посредстве земцев-конституционалистов произошло окончательное слияние их группы с «Союзом освобождения».

Что касается «Союза освобождения», то «душой» его, как известно, явился П. Б. Струве (см.), бывший легальный марксист и социал-реформист, на своем очередном этапе непрерывных превращений громко провозгласивший теперь «непримиримую борьбу» с самодержавием. «Союз освобождения» зародился как раз в тот момент (1902—1903), когда среди всеобщего политического воз-

буждения начали образовываться политические союзы по профессиональному признаку. Но «Союз освобождения» пошел не по профессиональной линии, а путем чисто политического объединения буржуазно-демократической интеллигенции, основное ядро которой составляли кадры так наз. «третьего элемента» и той радикальной демократии, которая не находила себе места среди социалистических партий. Для воздействия на либер.-демократические круги решено было приступить к изданию соответств. печатного органа. Таким органом и явилось «Освобождение», дебютировавшее в 1902 г. опубликованием известных деклараций из земских сфер, в которых земцы от лица «всего русского общества» заявляют требование «серьезной политической реформы» и ставят своей ближайшей задачей «объединение групп русского общества, которые не имеют возможности найти исход своему возмущенному чувству ни в классовой, ни в революционной борьбе». На учред. съезде 3—5 янв. 1904 г. состоялось уже формальное учреждение «Союза освобождения», которому еще ранее предшествовали два предварительных съезда, один в Шафгаузене, за рубежом, в июле 1903 г., и другой в Харькове, в сентябре. Таким образом, «Союз освобождения» с самого основания строился по типу партии. В 17 номере «Освобождения» было прямо заявлено о «неотложной задаче» создания «партии решительно конституционной и определенно демократической», каковое требование вполне соответствовало пестрому составу Союза, в котором пока уживались и будущие кадеты, и народн. социалисты, и «беззаглавцы». Ко второму, октябрьскому, съезду «Союза освобождения» была уже выработана и «платформа», окончательно утвержденная лишь третьим, мартовским, съездом «освобожденцев»

(1905). Требование учредительного собрания, 8-ми час. рабоч. дня, всеобщ. избир. права по 4-хчленной формуле и, наконец, признание принудительного отчуждения земли — были главными пунктами платформы, к тому времени принятой и земцами-конституционалистами. Однако, съезд делал при этом характерную оговорку, что принятые им пункты платформы «могут считаться обязательными лишь постольку, поскольку политич. условия останутся неизменными». Таким образом, «Союз освобождения» оставлял за собой право лавирования по обстоятельствам. И таковой, по существу, оставалась его позиция с начала и до конца. «Освобожденцы» заигрывали то с земцами-либералами, приветствуя вместе с тем патристические манифестации по поводу войны, то — с левыми и революционными партиями. До 9-го января и заграничные и находящиеся в Р. «освобожденцы» энергично двигают оппозицию, организуют «банкетные» выступления, подталкивают либералов и земцев, ведут агитацию за созыв «Земского собора», хотя бы и «против воли правительства». После 9-го янв. «Союз освобождения» значительно бледнеет на общем фоне подъема революционного движения, и более радикально-демократические элементы начинают от него отходить, откликаясь на лозунги революционных партий и политич. «союзов». Но зато на этой почве происходит более тесное сближение между «освобожденцами» и земцами-конституционалистами. На июльском съезде последних уже прямо ставится вопрос об объединении с «Союзом освобождения» в единой партии, с какою целью съезд избрал «комиссию 20-ти», уполномочив ее войти в переговоры с «Союзом освобождения», который в конце августа, с своей стороны, с той же целью выделил «комиссию 40». Обе эти комиссии и образовали «времен. комитет» партии к.-д., получивший

полномочие войти в общение с «Крестьянским союзом». Приближение выборов в булыгинскую Думу побуждало обе стороны спешить с объединением, несмотря на то, что и те и другие высказались резко против августовской «конституции», хотя и отвергли идею бойкота. Во всяком случае перед учредителями встала на очередь конкретная задача — по возможности «овладеть» движением масс. Струве, с полной откровенностью констатируя, что «в стране уже началась аграрная революция», приглашал своих союзников «овладеть революцией в самом начале и, признав в существе эту революцию законной, вдвинуть ее в русло закономерной социальной реформы, осуществляемой в связи с полным политич. преобразованием страны». Здесь со всей своей определенностью выявилась чисто буржуазная природа нарождающейся партии, перед которой возникала проблема, как остановить во-время революцию, захватив в свои руки политическую власть, и подменить революцию — «реформой».

При таких auspiciis и состоялся, наконец, учредительный съезд к.-д. партии, уже после того, как мощным ударом октябрьской забастовки сметена была мертворожденная Дума 6-го авг. и официально низверженное самодержавие прикрылось манифестом 17 октября. Т. обр. партия к.-д. пришла уже «пожать» готовые плоды, откуда либералы и делали тот вывод, что они «выигрывают от обострения борьбы между крайними общественными элементами» и что теперь весь вопрос сводится к захвату власти. Понятно, что в тех условиях, при которых совершилось учреждение к.-д. партии, ее первое выступление должно было получить наиболее демонстративное выражение. Это была точка наивысшего подъема революции и наивысшего подъема радикализма партии, которая становится в несвойственную

ей революционную позу и усваивает революционную фразеологию. Ораторы учредит. съезда поспешили заявить «свою полную солидарность с забастовочным движением», приветствовали «организованное, мирное и в то же время грозное выступление рабочего класса» и «клялись» при этом «никогда не забывать той громадной роли, которую сыграли рабочие в нашем общем деле политич. освобождения». «Будем помнить, — говорил тот же делегат съезда, — что там, где наше дело кончается, дело пролетариата только начинается». Не менее торжественно съезд заявил, что «решительно отказывается добиться своих целей путем переговоров с представителями власти». В программной речи Милукова партия резко отмежеввалась от узких «классовых интересов русских аграриев и промышленников» и, называя социалистические партии своими «союзниками слева», объявила к.-д. партию — партией «социальных реформаторов», представляющей интересы широкой демократии и, прежде всего, демократич. интеллигенции. Таков был первый дебют к.-д. партии, собравшейся наспех в самый разгар революции в несколько случайном составе, что не помешало, однако, принятию съездом программы и устава партии с выбором временного — центр. комитета. Что касается программы партии, то и в данном случае не остались без влияния на ее формулировки те чрезвычайные события, при которых она была принята, при чем характерно для к.-д. было не только то, что в ней прямо было высказано, но и то, о чем умалчивалось. Так, программа дипломатически обходила вопрос о форме правления, говоря лишь о «конституционном устройстве российского государства», оговаривалось, что партия допускает «различие мнений» по вопросу об одной или двух палатах; о 8-мичас. раб. дне говорилось, что он

вводится «немедленно», где эта норма «в данное время возможна». По аграрному вопросу партия выдвигала наделение земель «мелких хозяев земледельцев» за счет государ., уделных, кабинетных и монастырских земель, «а также путем отчуждения» за счет государства в потребных размерах частно-владельч. земель «по справедливой (не рыночной) оценке», при чем из отчуждаемых таким путем земель образуется «госуд. земельный фонд». Одновременно своей партийной прессе к.-д. высказались за созыв учред. собрания через Гос. думу. Но уже ближайшие события, последовавшие за октябрьской забастовкой (вторая и третья забастовки и затем декабрьское вооружен. восстание), оказывают охлаждающее влияние на партию. Уже на 2 съезде партии 11—15 янв. 1906 г. к.-д. вносят знаменательную поправку в свою программу, открыто объявляя Р. конституц. монархией, решительно отвергая лозунг демократической республики, и дают новое истолкование понятию «справедливой оценки» земли (по нормам местной доходности). Отмечая далее «поддержку» рабочих масс, которую они оказали «земской и интеллигентской Р.» в октябрьские дни, съезд категорически осуждает «вооруженное восстание» и выброшенный в конце ноября лозунг левых партий — «финансового бойкота». Продолжая высказывать по-прежнему недоверие правительству «насилий», к.-д. вместе с тем начинают уже решительнее отмежевываться от «союзников слева». Это обособление переходит в резкую полемику против «крайних», и особенно большевиков, со времени начала избирательной кампании в I Гос. думу. К.-д. всячески стремятся отвести революционное движение в русло «парламентской» работы. В качестве «открытой» партии они протестуют против «тирании революции» и «доктринерства с.-д.». По существу это было уже объявле-

нием войны «революции». К.-д. отлично понимали, что бойкот выборов в Думу был направлен против них, к их «изоляции», хотя избирательно поле и было для них очищено, чем обеспечивалась их «широчина победы». В партийной к.-д. прессе («Поллярная звезда» Струве, дек. 1905 г.; «Свобода и культура» Франка — Струве, апр. 1906 г.) в это время начинается уже настоящая травля «левых» с их «фантастическим и опасным призраком республики», «бессмыслицей социальной революции», «якобинской диктатурой», «безумием» декабрьского восстания, попытками установить «охлократию». Все, что лежит по эту сторону октябрьской забастовки и манифеста 17 окт., объявляется теперь «анархией», «бунтом». Революция окончена, начинается эра «парламентского» мирного творчества. Публицисты к.-д. готовы расписаться в своих симпатиях к социалистическому идеалу, как отдаленной цели, они выставляют в пример германских реформистов, как партию «социальных реформ», но они ничего не хотят слышать о «социальной революции». Их лозунг — «легальная конституционная почва». При таких настроениях, накануне самого открытия I Гос. думы собрался 3-ий съезд к.-д. партии. Партия еще грозит резолюцией, что «не остановится... перед возможностью открытого разрыва с правительством», однако, общий тон лидеров съезда вызывает открытое недовольство со стороны провинциальных членов партии. Лозунг учредит. собрания уже свертывается и заменяется «учредит. функциями» Гос. думы, которая вместе с тем рассматривается и как законодательная палата; альтернатива одной и двухпалатной системы окончательно разрешается в пользу второй. Несколько искренними являлись резкие выпады против правительства со стороны партии, собиравшейся в Гос. думе «быть бичем народного гнева» и даже

грозившей посадить на скамью подсудимых «преступное» правительство, можно судить уже по тому, что в момент октябрьской борьбы, за спиной революционного народа, представители к.-д. уже вели переговоры с Треповым и Витте о министер. «портфелях» в коалиционном «конституционном» кабинете. Эти конфиденциальные переговоры, сделавшиеся известными гораздо позднее, ставили вне сомнения готовность к.-д. пойти на сделку с правительством. Сохраняя внешние аппараты непримиримой оппозиции, в предчувствии своей победы, к.-д. видели уже себя у власти и готовились предать революцию. Они шли за революцией, чтобы вовремя ее остановить, и они поспешили принять виттевскую Гос. думу за настоящей «парламент», серьезно, по всем правилам европейского конституционализма. Таким образом, к открытию I Думы партия к.-д. окончательно консолидировалась и успела, в основных чертах, обнаружить свое истинное лицо. Но, являясь типичной буржуазной партией, партия к.-д., однако, не представляла по своему составу единой в классовом смысле партии. В ее среде мы видим либеральных помещиков, мелко-буржуазную демократию, небольшую часть крупной буржуазии, либеральных чиновников и, наконец, либеральную и демократическую интеллигенцию. Пока процесс партийно-классового оформления находился еще на ходу, к.-д., в качестве наиболее левой открытой партии, привлекали на свою сторону самые разнообразные оппозиционные элементы. Отсюда шатающаяся в этот период позиция неустойчивого равновесия к.-д. партии между революцией и контр-революцией, когда одни тянули ее направо, другие — налево. Стоя целиком на почве буржуазного строя (частной собственности), партия к.-д. боялась самостоятельного движения масс. Даже в чисто поли-

тической сфере, в борьбе с самодержавием, она не способна была идти до конца и, в качестве «оппозиции его величества», готова была при первой угрозе «снизу» броситься в объятия «твердой» власти царского правительства. При таких условиях ее «демократизм» разлетался в прах, едва только демократия поднимала свою голову. Недаром попытка Милюкова выступить на Крестьянск. съезде, в целях привлечения на свою сторону крестьянства, кончилась полной неудачей. Совершенно понятно, что уже в момент окончательного образования партии между ее основным ядром и радикальной демократией должен был вспыхнуть конфликт, точно так же, как от нее должны были отшатнуться более умеренные элементы. Типичная непоследовательность буржуазии и декларативный демократизм либерально-монархической партии к.-д. не только превращали ее в постоянную мишень для разоблачающих нападок слева, особенно из лагеря с.-д., но и вызвали целое движение среди столичной, особенно петербургской, радикальной интеллигенции в целях дискредитирования только что образовавшейся партии «народной свободы», как переименовали себя к.-д. в целях популярности среди демократич. масс.

Уже после первого же съезда партии от нее откалывается группа «левых кадетов» (Прокопович, Богучарский и др.), сделавшая попытку организовать в отдельную партию на платформе бернштейновского буржуазного «социализма» в качестве так наз. «беззалавцев». В том же направлении была сделана попытка другой группы «недовольных» учредить «радикальную партию» во имя «демократии — политич. лозунга XX в.», поскольку к.-д. программа их не удовлетворяла. Группа «наиболее законною формою» объявляет демократ. республику, хотя готова помириться и на «парламентарной» констит. монархии,

высказывается за одну палату, федералистич. систему государства, в сфере рабоч. вопроса свидетельствует «свое глубокое сочувствие к задачам социалистич. партий» и, наконец, требует «экспроприации» частно-влад. земель «за минимальное вознаграждение». В том же смысле высказалась и возникшая в ноябре 1905 г. «партия свободомыслящих», подчеркивая, что «наиболее точек соприкосновения» она «имеет с партией к.-д., партией левого центра», но требует большего, поскольку в рабочем вопросе «сближается с с.-д.», хотя и высказывается «против всяких диктатур». Признавая, что «крайние партии... исключительно на своих плечах вынесли всю тяжесть отчаянной борьбы с рухнувшим ныне полицейско-приказным режимом», «свободомыслящие», однако, не согласны передать власть в их руки и, отвергая лозунг дем. республики, высказываются за учредит. собрание на основе всеобщ. изб. права. С открытием Думы и принятием ответного на декларацию правительства думского «адреса», в Петербурге собирается ряд митингов и, в том числе, огромный митинг протеста (5 мая в доме гр. Паниной) против к.-д. тактики, как руководящей в Думе партии, причем раздаются голоса об «измене» партии обетам, данным ею во время избират. кампании. Не трудно видеть, однако, что все указанные выше попытки политических группировок «левее» к.-д., не приведшие к каким-либо положительным результатам в силу своей эфемерности, отличались той же половинчатостью и шаткостью своих позиций между либерально-буржуазным и революц.-социалистическим лагерем. Отсюда это влечение в сторону к.-д. и реверансы с многочисленными оговорками в сторону «крайних» партий. В этом сказывалась, столь же характерная и для мелкобуржуазной демократии, ее неустойчивость и последовательная «непосле-

довательность» так наз. «друзей народа».

Приблизительно такое же движение и возня происходили и на правом фланге к.-д. фронта. Здесь также, по мере развертывания революции и обострения социальной борьбы, происходят перегруппировки и фракционное «линяние» с конечными отколами, на почве которых возникает такой же ряд попыток основания партийных групп и группок. На первом месте здесь следует указать на «самостоятельную группу», организовавшуюся вокруг цитадели «умеренного и аккуратного» русск. либерализма редакции «Вестника Европы» (К. Арсеньев, Кузьмин-Караваев и др.), одного из наиболее солидных прогрессивных органов печати, группу, назвавшую себя «*партией демократических реформ*». «Резко отделяясь от крайних левых партий», воззвание партии, решительно осуждая попытки социального «переворота», высказывалось за путь «мирного обновления Р.», подчеркивая «много точек соприкосновения» своей программы с «левым центром политической армии» (т.-е. к.-д.). Повторяя, по существу, во многом программу к.-д., партия дем. реф. заявляла себя сторонницей «наследственной конституционной монархии», двух палат, всеобщ. изб. права с оговоркой о прямых выборах, в то же время отвергала принцип автономии и созыв особого учредит. собрания, заменяя его «учредит. функциями» Гос. думы. Что касается боевых рабочего и аграрного вопросов, то в данном случае позиция партии оказывается особенно характерной: высказываясь за сохранение «мелкого и крупного землевладения», авторы программы сопровождают свои пожелания по земельному вопросу, повторяющие в главном требования к.-д., типическим рефреном «по возможности». Та же оговорка сопутствует и их финансовым тезисам и, особенно, всем

пунктам, трактующим о «рабочем законодательстве», где говорится о «возможно большем сокращении рабочего дня» и выставляется ряд ограничений права стачек и условий охраны труда. По существу, главное отличие «партии демократич. реформ» от кадетской заключалось в том, что важнейшие отступления ее от программы последней сделаны за счет ее «демократизма».

Близко примыкали к группе «В. Европы» два следующих парт. образования, заявившие себя, приблизительно в то же время, под наименованием «*демократ. союза конституционалистов*» и «*умеренно-прогрессивной партии*». Общим для этих фактически номинальных «партий» являлся резкий протест против левых партий и усиленное подчеркивание «мирного», «эволюционного пути» в проведении очередных реформ, при чем «ум.-прогр. партия» считала необходимым подчеркнуть «сходство» своей программы «с программой к.-д. партии». Обе партии, конечно, обходят молчанием вопрос об учред. собрании и выдвигают свои монархические симпатии, при чем ум.-прогресс. партия особо подчеркивает «неприкосновенность верховной власти государя», несмотря на признание «конституц. устройства росс. государства», и решительно отвергает принцип автономии. Естественно, что «манифест 17 окт.» является в их глазах «драгоценнейшим достоянием русского народа». Что касается рабочего и крестьянского вопроса, то, разумеется, «неумеренные требования крайних радикальных партий» не могут встретить сочувствия этих «умеренно-прогрессивных» кругов, и они или прямо высказываются против 8-ми час. раб. дня, или решаются говорить лишь о «постепенном» его введении, подчеркивая в то же время, что отчуждение частновлад. земель должно совершиться «на строгих принципах справедливости»,

по классической «справедливой оценке» к.-д. Но, что особенно характерно для этих «партий», это — требование «освобождения хозяйств. личности» от всякой «опеки» в интересах развития «народного хозяйства» и «отмены всякой зависимости личности от земельной общины» с предоставлением каждому «полного права собственности на выкупаемую землю» (дем. союз конст.), а также защита интересов промышленности «сообразно европейским нормам» против «чрезмерных притязаний» рабочих (ум.-прогр. парт.).

Но, быть может, самым ярким выражением отмеченных выше тенденций является «партия мирного обновления», мост от «кадетизма» к «октябризму», наиболее видные представители которой, с одной стороны, явились отщепенцами «Союза 17 окт.», как гр. Гейден (см. XIII, 59/60), М. Стахович (см. XVII, прил. 22'), Д. Шипов (см. XXIII, 731), покинувшие «Союз» после скандального выступления Гучкова в защиту военно-полевых судов, с другой — были выходцами из партии к.-д. (кн. Е. Трубецкой, см., Н. Львов, см. XVII, прил. 13'), солидаризовавшимся теперь в едином лоне с тузами русск. капитала — П. Рябушинским, С. Четвериковым и т. п. представителями крупной буржуазии. Воззвание этой партии начиналось протестом против «всякого насилия» и «крайних лозунгов» и объявлением, что «пора разрушительной работы миновала» и наступила эра «мирной культурной деятельности». Высказываясь против «насильственного применения теоретических утопий», партия призывала «охранять молодые еще побеги гражд. свободы» в виде «манифеста 17 окт.», ступив на путь «реальной политики». Объявив, таким образом, революцию законченной, «партия мирного обновления» обнаруживает крайнюю умеренность как в своей политической программе, где мы не найдем упоминания ни о всеобщ.

изб. праве, ни об учред. собрании, ни об автономии, так и по основным вопросам — рабочему и аграрному, где глухо говорится о «сокращении» раб. дня, «недопустимости забастовок» для целого ряда категорий рабочих и служащих и, наконец, кратко отмечается возможность «отчуждения части государственных и выкупа части земель прочих категорий». Заключительная часть программы завершается «протестом против неправды, обмана и других недопустимых... приемов полит. агитации и борьбы». Партия имела и свой орган, издававшийся кн. Е. Трубецким «Московский Ежедельник», сначала выходивший (с марта 1906 г.) в качестве органа, поддерживавшего к.-д. партию, как партию «мирной конституц. борьбы», со второй же полов. октября, после вступления в «партию мирного обновл.» Трубецкого, объявивший войну левым и всем «подголоскам» их. Не приходится удивляться, что в первой избирательной кампании и «дем. союз конст.» и «партия мирн. обновл.» опубликовали о своем официальном «соглашении конст.-монархических партий» в блоке с «Союзом 17 окт.», «Всеросс. торг.-пром. союзом» и «Партией правов. порядка» (см. ниже).

Все эти факты говорили достаточно красноречиво о том, что, с подъемом волны революции, в среде к.-д. партии и близких ей кругах происходил очевидный сдвиг вправо, в сторону контр-революционных настроений. Отслоившиеся на правом крыле партии группировки представляли в свою очередь типические промежуточные образования среди разнообразных течений буржуазного либерализма, на этот раз с сильным креном в направлении к октябризму. Это явное поправение к.-д. особенно бросается в глаза при сопоставлении мирнообновленческого «Моск. Ежедневника» Е. Трубецкого с изданиями правых к.-д. во главе со Струве, Бердяевым

и К°, «Полярн. Звездой», «Свободой и Культурой», которые (после декабр. восстания и опыта I Думы) оспаривали друг у друга лавры в борьбе с революцией и в готовности заключить союз с властью.

Более серьезное значение имели попытки организовать в самостоятельную партию со стороны групп земско-го «меньшинства», отколовшегося от того течения, которое — как мы знаем — влилось в к.-д. партию, а также со стороны представителей крупной промышл. буржуазии, особенно тяжело поднимавшейся на борьбу за свои классовые интересы. Лидером на пути организации этого нового объединения, занявшего крайний правый фланг буржуазного «политического фронта», выступил так наз. «Союз 17 октября», «партия последнего правительственного распоряжения», как прозвали ее ее оппоненты, получившая свое бытие в силу «высочайшего манифеста» 17 окт. 1905 г. и в своем основном ядре сложившаяся из представителей земско-помещичьей дворянской среды, втянувшей в себя затем торгово-промышленные элементы и часть бюрократии. Зародышем этой партии являлась известная нам земская группа так наз. «шиповцев» (Шипов, гр. Гейден, Стахович), выделившаяся на «частном совещании» земцев 6—9 нояб. 1904 г. Прежде чем окончательно отделиться от земского большинства, эта группа вела сначала упорную борьбу в своей среде. В качестве представителей социального и политического консерватизма, шиповцы первоначально твердо стояли на почве «исконного» самодержавия. Группой этой, при участии проф. Герье (см.), О. П. Герасимова и др., в апреле 1905 г., в связи с опубликованием рескрипта 19 февр. на имя мин. вн. д. Булыгина, была опубликована особая «записка», где подробно формулировалась политическая платформа «мень-

шинства». Выяснив «горький опыт» западно-европ. парламентаризма и сославшись на самобытные исторические судьбы русского государства, авторы записки высказались «за живое единство царя с народом» в виде «особого выборного учреждения — госуд. земск. совета». Отвергая принцип ответственности министров перед народным представительством, они в то же время отвергли и всеобщее избират. право заменив его системой представительства от органов местного самоуправления, построенных на цензовом начале («К мнению меньшинства частного совещания зем. деятелей»). Вместе с тем группа решительно высказалась против постановки социальных вопросов (аграрного и рабочего) в программу дня. Но под влиянием событий революционного 1905 г., а затем и обнародования манифеста 17 окт., шиповцам пришлось не только пойти на целый ряд уступок, но и превратиться в конституционалистов по-неволе, приняв «манифест» в качестве обязательной для себя платформы вопреки своим славянофильским симпатиям. С этого момента они и превращаются в «октябристов». Конституционалисты «по высочайшему повелению», напуганные аграрным движением и всеобщей забастовкой, они занимают открыто контр-революционную позицию и в этом встречают поддержку со стороны торгово-промышл. буржуазии, охваченной, под влиянием бурных октябрьских событий, не менее сильной тревогой. Это общее настроение земско-дворянской партии аграриев и партии крупного торгового и промышленного капитала особенно ярко себя заявило на последнем общеземском съезде в ноябре 1905 г., собравшемся под знаком общей паники. На этом съезде, в качестве учредителя и лидера «Союза 17 окт.», с грубой откровенностью «каршичника», выступил А. И. Гучков (см.

XVII, прил. 59'), заявивший об образовании «отдельной группы для поддержки правительства, стоящей на почве манифеста 17 окт.». Съезд отверг требование учредить собрания, заменив его «учредительными функциями» Гос. думы. Консерваторы настаивали на посылке депутации к Витте, чтобы «подать руку помощи правительству», которое, однако, не приняло этой руки. Речи из рядов консервативного блока (кн. Волконский, Гучков, Кучеров и др.) звучали на съезде теперь явно агрессивно по адресу «левых». Гучков открыто защищал «военное положение» и категорически заявил: «мы руки крайним партиям, конечно, не подадим». От этой же группы исходила и попытка ограничить требование «амнистии» так, чтобы под нее нельзя было подвести участников аграрных волнений и движений, сопровождавшихся насилиями. При таких обстоятельствах произошло окончательное образование «Союза 17 окт.», выпустившего от имени своих столичных ц. комитетов свое «воззвание» 11—14 ноября 1905 г. Воззвание приветствует «величайший переворот», совершенный царским манифестом «в судьбах нашего отечества». Приветствуя «мирное обновление страны... законным путем» и осуждая решительно путь «революционных потрясений», воззвание «призывает всех к единению для создания сильной и авторитетной власти». В своих программных требованиях октябристы прежде всего развертывают знамя национализма, провозглашая начало «единства и нераздельности» Р. и отвергая «идею федерализма», чуждую русскому государству, делая исключение лишь для Финляндии. Подчеркивая далее «монархическое начало» русской конституции, воззвание отмечает «надклассовый характер» царской власти и попуно высказывается в пользу

«общего избират. права», без каких-либо дальнейших определений, рабски придерживаясь формулы высоч. манифеста. На этом основании октябристы отвергают и требование учредить собрания. Что касается аграрных мероприятий, то программа октябристов допускает лишь «в случаях государственной важности» возможность «отчуждения части частновладельческих земель на справедливых условиях вознаграждения». В отделе «рабочий вопрос» программа носит характер чистой отговорки, подчеркивая, что вопрос этот не может быть решен «без поддержки промышленности», но что «просвещенное промышленное государство», конечно, может сделать кое-что «для постепенного осуществления страхования рабочих» и «к ограничению рабочего времени для женщин и детей». Само собой разумеется, что программа не против «экономич. борьбы» при наличии проф. союзов и мирных стачек, которые, однако, допускаются далеко не во всех производствах. Таковы наиболее характерные пункты возвания, подписанного гр. Гейденом, Шиновым, Гучковым, Стаховичем, Родзянко (см.), Четвериковым, Крестовниковым, Хомяковым (см. XVII, прил. 50') и братом П. А. Столыпина, А. А. Столыпиным, новоремесским публицистом, требовавшим «беспощадного истребления» забастовщиков и участников аграрных «бунгов». Естественно, что октябристы с особым ожесточением вступили в борьбу с к.-д., перетянуть которых на свою сторону им не удалось. Октябристы не могут простить показного «радикализма» к.-д. партии, которая преследует «общие цели с с.-д. партиями» и таким образом предаст дело буржуазии. Они настойчиво разоблачают поэтому «демагогию» к.-д., их «утопии» и «политич. доктринерство» с тайными замыслами утверждения «господства одной партии над госу-

дарством». Проводя резкую демаркационную черту между собой и социалистич. партиями, с которыми у них нет общего языка, октябристы обвиняют и к.-д. в революционных замыслах за то, что они «недостаточно резко отмежевываются от крайних партий». Себя октябристы причисляют при этом к центру, относя к той же группе партии «торгово-промышленную», «правового порядка», «прогрессивно-экономическую» и др. Устами идеолога своей партии Петрово-Солововой «Союз» объявил себя «партией конституционной, демократической, мирной и монархической» и пояснил, что между ним и «политическими партиями, стоящими справа» от него, как «Союз русских людей», «нет разногласий, а между теми, которые стоят слева» от него, «разногласия эти не имеют принципиального характера». Таким образом октябристы сделали попытку сесть между двух стульев: между «союзом русского народа», черносотенцами, с одной стороны, и к.-д. партией — с другой. Однако, истинное лицо их определяется тем внутренним блоком, какой, в конце концов, образовался через слияние «шниковцев» с «гучковцами», консерваторов-аграриев с консерваторами крупной торгово-промышленной буржуазии.

Выступление этой последней на арену политич. борьбы совершилось позднее прочих буржуазных групп, в стороне от либеральных помещиков и средней городской буржуазии, солидаризовавшейся с капитализировавшимися аграриями. До конца 90-х г.г., как мы знаем, крупная буржуазия сохраняла свой аполитизм, увлеченная укреплением своих экономических позиций, поощряемая к тому призывом Витте: «обогащайтесь!». «Создание «крепкой национальной промышленности», при покровительственной поддержке самодержавного правительства, задача, которой были

посвящены все силы русского капитализма в данном периоде, делали его политически бесправным. Однако, эти тесные экономические связи социализма с самодержавной империей вовсе не говорили о его фактической слабости. Напротив, именно на этом этапе своего утверждения крупная буржуазия прочно закрепила за собой свои «правительственные» функции. Не довольствуясь прежней скромной ролью «сведущих людей» при правящей бюрократии, представители торгово-пром. капитала добились решающего голоса в правительстве по всем вопросам, касающимся их непосредственных интересов. Вместо привлекаемых ранее, по призыву министерств, «экспертов», теперь выборные от торгово-пром. класса, на правах постоянных членов, входят в целый ряд правительственных учреждений (16 центральных и 12 местных), начиная от Гос. совета и Совета гос. банка и кончая «присутствиями казенных палат». И голос капитала твердо и авторитетно раздается перед лицом властей. Верноподанные «всенижайшие» недавние «ходатайства» облекаются в форму «резолуций», которые со съездов представителей торговли и промышленности переносятся в собрания «присутствий», «советы» официальных учреждений. Так налаживается мирное сотрудничество капитала с самодержавной бюрократией. Однако, к началу нового столетия эта налаженная было «гармония» начинает расстраиваться, по мере того как встает грозный призрак «рабочего вопроса». Попытки правительства отвлечь рабочее движение с пути политики на путь профессионализма, его рабочее законодательство и, наконец, провозгласившая зубатовская политика приводят не только к ссоре промышленников с правительством, но и дают решающий толчок к классовой организации крупной буржуазии, что неиз-

бежно выводит ее на путь политич. борьбы и политич. самоопределения. «9-ое января» в данном направлении сыграло определяющую роль, подвигнув фабрикантов на первое открытое выступление против правительства. Возмущенные «рабочей политикой» последнего и попыткой мин. финансов (в речи 24 янв.) свалить вину за «кровавое воскресенье» на промышленников, московские и петербургские заводчики ответили формальным обвинением правительства, подчеркивая, что события 9 янв. носили политический, а не экономический характер и были направлены против правит. режима. Заявление московских фабрикантов заканчивалось при этом общим указанием на необходимость «глубоких реформ общегосударственного характера». Петербургские промышленники высказались еще более резко против «правлящей бюрократии, наложившей запреты и оковы на печать, слово, мысль», при чем в заключение они даже заявили, что «рабочие, как и все русское общество, настолько уже политически созрели, что им, как и всему русскому обществу, в интересах промышленного роста империи, должны быть дарованы полиг. права и свободные учреждения». Таким образом, крупная буржуазия приобщалась к общему «бунту». Промышленники не преминули, конечно, при этом пожаловаться на стесненное положение отечественной индустрии благодаря «узости» крестьянского рынка, бедности народа, сокращению казенных заказов, неравенству сословий (пережиткам крепостничества) и т. п., приходя, в конце концов, к необходимости утверждения «свободно развивающейся народной жизни». При таких условиях состоялся первый политический дебют рос. капитала. Правда, вступая в общее движение, торгово-промышл. буржуазия оказалась в его хвосте, не решившись последовать

за средней городской буржуазией, но все же, в момент всеобщего подъема, она равнялась по обще-буржуазному фронту. Уже на всероссийском совещании промышленников в Москве 10—11 мар. 1905 г., после обнародования «рескрипта» 18 февр., члены съезда высказываются решительно за то, что «все внимание должно быть отдано кардинальному вопросу представительного правления» и избирательной системе, при чем «прочие вопросы могут быть отложены». Последней оговоркой фабриканты снимали с очереди «рабочий вопрос», к обсуждению которого после 9 янв. поспешило приступить правительство, создавшее специальную для того «комиссию Коковцова» и начавшее в мин. финансов срочно разрабатывать проект рабочего законодательства. Заняв оппозиционное положение в отношении правительства, промышленники 18 мая объявили ему бойкот, отказавшись войти в комиссию Коковцова до «осуществления реформы, возвещенной рескриптом 18 февр.», как заявил в том же смысле и «Совет съездов горнопромышленников» юга России.

В том же майском совещании бюро мартов. съезда фабриканты в особой «записке» подвергли резкой критике правит. избират. закон, подчеркивая отстранение в нем от участия в выборах «организованного и сознательного в политич. отношении класса (!) фабрикантов и рабочих». Записка высказывается за «рабочую курию». В свою очередь июньский съезд биржевиков Поволжья заявил, что «мы можем платить налоги лишь тогда, когда сами будем участвовать в обсуждении их». Таким образом, промышленная фронда быстро нарастала, стремясь путем снятия с очереди рабочего вопроса солидаризоваться на почве политич. требований с рабочими, в качестве единого «класса», хотя никакой еще явной

политич. программы они не выставили. Однако, неорганизованность торгово-промышленных сил продолжала стоять на пути всех выступлений крупной буржуазии. Близость избирательной кампании настойчиво подсказывала мысль о необходимости создания собственной политической партии, а организованная мощная борьба рабочего класса вызывала стремление со стороны капиталистов противопоставить ему свою классовую сплоченность. Если в 1903 г. министерству финансов приходилось по собственной инициативе призывать представителей капитала, в лице биржевых комитетов, к объединению, то теперь — с чувством самоудовлетворения — эти представители заявляли, что «в настоящее время должно быть окончательно оставлено представление о промышленнике, как о косном и ретроградном элементе русск. общества». Наступил период (с нач. 1905 г. до октября) открытых политических выступлений русского капитала. 4 июля 1905 г. собрался, наконец, съезд представителей торгово-промышленного мира в целях организации полит. партии. На съезде этом повторилась история ноябрьского зем. совещания, и дело объединения началось с раскола. Образовалось «большинство» и «меньшинство»: большинство промышленников, высказавшихся за законодательную Гос. думу, и меньшинство купечества — за совещательную Думу, образовавшее так наз. «найденовскую» (биржевую) группу, хотя и в том и другом случае были «переребечики». Разногласия между сторонами настолько обострились, что в августе «левое» большинство, возглавляемое П. Рябушинским, в особом совещании постановило принять все меры, чтобы не пустить «найденовцев» в Гос. думу. Таким образом, первый опыт партийного строительства оказался неудачным. В течение октября — ноября почти одновремен-

но в Москве возникает несколько политич. партий, весьма, впрочем, недолговечных, которые затем и вливаются в большей своей части в «Союз 17 окт.». Так, среди петерб. фабрикантов «СПБ О-ва для содействия фабр.-зав. промышленности» 13 окт. образовалась так наз. «прогрессивно-экономич. партия», выпустившая «воззвание» и свою программу. Примыкая к «конституц.-монархич.» партиям и опираясь на «царский маниф. 17 окт.», прогр.-экономич. партия резко высказывается против «крайних партий, которыми поддерживается смута в Р.» и проповедают «мечты... о каком-то «пролетарском» государстве», и призывает избирателей проводить в Думу людей «практического дела... представителей торговли, промышленности, ремесл... и вообще всякого производительного труда». В изложении своей программы партия обнаруживает большую умеренность и недоговоренность, высказывается против прямого голосования, автономии, усиленно подчеркивая в то же время начало «единства Р.». Переходя к аграрному вопросу, авторы программы выдвигают требования «свободного перехода от общинного землевладения» к личному «в целях распространения мелкого хуторского хозяйства» и «в тех же целях признают желательным «увеличение площади землепользования» без каких-либо дальнейших пояснений. Еще более скромны их высказывания по рабоч. вопросу, признавая возможным ограничение рабочего времени лишь «для женщин и детей» и при том только «в особо вредных производствах». Но зато они эрзешительно требуют «таможенного покровительства для отечественной промышленности», чтобы «казенной хозяйственности» и обор. на страны «опирались исключительно на отечественную земледельческую, кустарную и фабрично-

заводскую промышленность», при чем «казна» должна быть совершенно устранена от «конкуренции» с частными предприятиями! В особом «воззвании к людям труда» прогресс.-экономич. партия призывает их на «борьбу» с «крайними партиями», отвергая и их лозунг бойкота Думы. В том же, приблизительно, духе высказывается, хотя и не так многоречиво, и программа «бюро моск. съезда представителей промышленности и торговли», обнародованная в октябре 1905 г. в качестве декларации «*прогресс.-промышленной*» партии. Те же столыпинские тенденции — в аграрном вопросе и та же неопределенность формулировок основных пунктов программы — в рабочем вопросе, с характерным на этот раз «определением продолжительности раб. дня и других условий труда... по взаимному соглашению предпринимателей и рабочих».

Но наибольший интерес представляли возникшие в ноябре мес. «*торгово-промышленная партия*» (12 нояб.), объединившая в себе весь цвет московских тузов капитала (Крестовников, Рябушинские, Бахрушин, Коштин, Морозовы, Коновалов, Кноп и др.), и «*Всеросс. торгово-промышл. союз*» (11 нояб.), учрежденный петербург. торгово-промышл. кругами. Московские промышленники в панике объявляют, что «страна гибнет от смуты» под ударами «необычайной силы» горсти «крайних социалистических и революционных партий». «Необходимо быстро» — говорят они — «образовать мощную партию для содействия правительственной власти» и проведения в Думу «лиц торгово-промышленных сословий», которые смогут «отстаивать интересы торговли и промышленности». В подробном «дополнении» к программе торг.-пром. партия спешит точно указать, с какими партиями она «сойтись никак не может». Конечно, на первом месте в этом перечне стоят «партии

с.-д. и соц.-революционеров», вообще стремящиеся «к низвержению царской власти» и «всякой собственности», затем все те, кто «говорит о созыве Учред. собрания», стоит за «расчленение России», кто «сулит рабочим 8-мичас. раб. день», требует «понижения таможенных пошлин» и таким образом подрывает «развитие и процветание промышл. и торговли». Поэтому партия обращается со своим призывом к «предпринимателям и хозяевам», к лицам «доверенным, служащим, приказчикам, мастеровым и рабочим», заинтересованным в успехах капитала. В пространном «втором доподнении» к своей программе московские магнаты капитала обрушиваются на голову «крайних партий» грома и молнии и вопят о «спасении отечества» из тисков «анархии», призывая на борьбу со «смутой» как правительство, так и всех «истинно-русских людей». Развивая подробно основные пункты своей программы, они главное ударение делают на установление «определенных границ» всякого рода «свобод» в ограждение от возможных «злоупотреблений» ими. В своей экономич. программе они высказываются против отчуждения частно-владельч. земель и решение аграрного вопроса возлагают на Крестьян. банк и ликвидацию общин. Решение рабочего вопроса рекоммендуется направить по пути и примеру «более развитых промышл. стран», допуская «мирную борьбу» рабочих за свои интересы «путем договорных отношений с нанимателями», а также и стачек «в крайних случаях». Конечно, ни о всеобщем избир. праве, ни об учредит. собрании в программе нет и речи, поскольку лозунгом партии является «созидательная деятельность Гос. думы». Защищая «единство и целостность» Р., торг.-пром. партия не только отвергает всякие «автономии», но и в сфере местного самоуправления, высказываясь против

засилия дворянства в земстве, отстаивает «цензовое» представительство. Таким образом, московский промышленный центр с полной открытостью обнажил свои классовые и контр-революционные тенденции.

Совершенно иначе повел себя «*Всеросс. торг.-промышл. союз*», организовавшийся в Петербурге одновременно с московским. В своем воззвании и программе «Союз» предпочел вовсе умолчать о своем отношении к другим партиям и «смуте» вообще и, в качестве единственной партии, совершенно игнорировал при изложении своего *sic*до как аграрный, так и рабочий вопрос. Но зато с тем большей энергией и подробностями он развил программу своих «классовых нужд и потребностей», подчеркивая при этом «экономическое содружество торг.-пром. классов и их служащих в целях развития отечественной торговли и промышленности». Призывая деятелей последних образовать «мощный союз на почве совместной защиты и представительства их классовых интересов», «Союз» в дальнейшем говорит исключительно об интересах «хозяев», позабыв совершенно о «служащих». Выставив характерное для всей промышленной группы требование «единой неделимой империи» как залог «внешнего и внутреннего могущества страны», *Всеросс. торг.-пром. союз* провозглашал своим идеалом конституц. монархию с кабинетом министров, «обязательно опирающимся на большинство Гос. думы». Оставляя открытым вопрос о всеобщ. избират. праве и отвергая всякую мысль об учредит. собрании, «Союз» тем самым исчерпал свою «политическую» программу с тем, чтобы в подробной «объяснительной записке» детально заявить о главных своих требованиях. Вся эта «записка» наполнена жалобами на крайнее стеснения промышленности со стороны

государства, «гнетуще-фискальный характер обложения», бюрократический способ выработки ставок таможенных тарифов, несправильности при взимании подоходного налога, односторонность (дворянской) кредитной политики, вред «предпринимательской деятельности государства» и, наконец, разорительность торгового договора с Германией. В особом обращении к избирателям врем. совет «Союза», повторяя еще раз свои политич. требования, с особенной настойчивостью останавливается на «дворянских привилегиях», высказываясь за полное уравнивание в правах всех граждан «свободного государства». Отмеченные выше особенности программы «Союза», поражающе в ее основной части крайним убожеством, объяснялись самым составом партии, в противоположность московским «миллионщикам» образовавшейся из представителей, главным образом, петербургского «Гостиного двора», т.-е. средне-промышленных элементов.

Однако, несмотря на все указанные отличия, основные тенденции торгово-промышл. фронта в его целом были одни и те же — равнение направо: ориентация на правительство и страх перед революцией. Недаром один из видных представителей *Всеросс. торг.-пром. союза* заявил в его собрании: «от всего освободительного движения мы видели только скверную литературу, залитую красной краской», и ничего не получили, кроме «колоссальных убытков». Поэтому «Союз» поспешил отмежеваться от слишком «левых» для него к.-д. «Для промышленности и торговли (заявил тот же оратор) в партии к.-д. делать нечего. Это не партия, а сбродный блок». В этом смысле торг.-промышл. сферам гораздо ближе оказалась возникшая в середине октября 1905 г. так наз. «партия правового порядка», представлявшая попытку объединения

петербургской «октябристской» бюрократии, солидаризовавшейся в формальном блоке (24 дек. 1905 г.) с «Союзом 17 окт.» и «Торг.-промышл. партией». Эта «конституционная партия», по своей программе, не случайно как бы повторяла основные положения парт. программы торг.-промышл. буржуазии. В противовес «к.-д. и с.-д. партиям» партия «Трех покоев» в первую очередь выдвигала требование «единства и неделимости» как боевой лозунг нарождающегося национализма. Полемизируя с сентябр. земским съездом, «воззвание» партии правового порядка «безусловно отвергло» идею автономии и федерации во имя «сильной гос. власти». Принимая затем в своей экономической программе требование «дополнит. наделения крестьян землею», воззвание высказывается за «всемерное содействие» ликвидации общин. владения и «принципа опеки» над крестьянами. Что касается рабочего вопроса, то партия стоит здесь на той же точке зрения «содружества» и солидарности интересов труда и капитала, полагая, что путем «лучшего устройства» быта рабочих не трудно будет «упрочить за родною промышленностью бодрую дружину двигателей ее, довольных настоящим и спокойных за себя и за свою семью в будущем». В заключение воззвание настаивает на неотложных мерах к поднятию боеспособности и «нравственного духа» армии. Не трудно усмотреть, что партия правов. пор. — при таких условиях — являлась как бы тем мостом, который перекидывался из лагеря буржуазии к родным берегам «обновленной», но не добытой старой власти. Таким образом подготовлялся «гретьеикуньский» блок Столыпина с контр-революционной буржуазией под «стягом» манифеста 17 октября.

Как мы видели выше, дни либеральных дерзаний российского капи-

тализма оказались недолгими. Удовольствовавшись «кущей конституцией», удовлетворенная столыпинской аграрной реформой, российская буржуазия, под угрозой социальной революции, поспешила заключить компромисс с самодержавием, с тем чтобы перейти в наступление как на политическом, так и на экономическом фронте против «смуты» и, особенно, своего главного врага — революционного пролетариата. Этот момент и был отмечен, с одной стороны, основанием московского «Союза фабрикантов для борьбы с экономич. забастовками» и «Всеросс. совета съездов представителей промышленности и торговли», учрежденного для «выяснения отношений между трудом и капиталом... и защиты интересов всей промышленности и торговли» (апр.—авг. 1906 г.), и с другой — объединением в «Союзе 17 окт.» всех партий аграрной и торгово-промышленной буржуазии.

По мере того как развертывалась революция, сопровождавшаяся попыткой явочного введения 8-час. раб. дня и, наконец, декабрьск. вооружен. восстанием в Москве, дело организации единого фронта буржуазии, хотя и с большим запозданием, подвигалось медленным темпом. 24 дек. 1905 г. было обнародовано от «Соедин. комитета конституц. партий» объявление о состоявшемся «соглашении» между «конституц.-монархич. партиями, объединившимися на началах манифеста 17 окт.». Соглашение это подписали: «Союз 17 окт.», «Прогр.-экон. парт.», «Парт. прав. пор.», «Всер.-торг.-пром. союз», «Дем. союз конст.», «Парт. мирн. обновл.» и «Лига скорейш. созыва народ. представителей». По существу, этим актом было санкционировано слияние в один политич. «союз», или партию организованных групп аграрной и промышленной буржуазии, «капиталистич. помещика, фабриканта и купца, во имя единства интересов сел. хозяйства и промышленности».

Перед лицом «общего врага» пресса крупной буржуазии («Голос Москвы», «Промышл. и Торговля») на все лады доказывала, что «в конце концов между правильно понимаемыми интересами сел. хозяйства и промышленности нет противоречий». «Ведь ясно, — пояснял при этом «Голос Москвы» — что сама по себе буржуазия недостаточно сильна». Эти настроения сказались с полной определенностью уже на 1-ом съезде обновленного «Союза 17 окт.», собравшемся 8—12 февр. 1906 г. Осудив «напрасную жестокость» карательных экспедиций правительства, съезд вместе с тем признал, что «исключительные случаи требуют, конечно, исключительных мер; на революционные насилия, на вооруженные восстания правительство обязано ответить энергичным подавлением». При этом один из делегатов съезда, в пылу откровенности, прямо заявил: «я решительно против отмены немедленной чрезвычайной охраны. Мы, Союз 17 окт., только и могли начать говорить по осуществлению чрез. охраны. Без охраны нам трудно будет просуществовать, как значительной партии!» На эту точку зрения теперь встали и Четвериков и Рябушинский, которые еще недавно (в августе) стояли за бойкот выборов, финансовую блокаду правительства и т. п. меры. Затуманенная аграрный и рабочий вопросы, съезд с тем большим акцентом подчеркнул свои националистические тенденции, подняв вопрос о «национальных куриях» для окраин в избират. кампании. Разработанная съездом «программа» вносила целый ряд изменений в первоначальные декларации-«воззвания» партии (об избират. праве, аграрном и рабочем вопросах) в смысле сдвига вправо. Этот сдвиг, помимо страха перед «анархией», являлся последствием вступления в «Союз» торг.-промышл. буржуазии. В период от конца октября и до де-

кабрьского восстания включительно торг.-пром. элементы резко переходят к активной борьбе с революцией в союзе с возрожденным самодержавием. Правда, на февр. съезде октябристов у них еще нет полной уверенности в том, что правительственная реакция не захлестнет и их самих, и съезд настаивает на скорейшем созыве Гос. думы. Однако, это последнее требование для самих октябристов прозвучало без всяких положительных результатов. Выступив со своей партийной организацией с крайним запозданием, не имея никаких связей с широкими массами и оказавшись на самом правом фланге общего движения в момент наивысшего подъема революции, октябристы должны были опоздать за пределами избирательных возможностей, оттесненные ж.-д. партией, очутившейся в положении почти единственной оппозиционной партии, открыто выступившей на выборах в качестве претендента на «парламентские» скамьи. Непризнанные в качестве думской «партии», октябристы, естественно, были склонны не признавать «кадетской» Думы. По крайней мере, торгово-промышл. кадры «Союза 17 окт.» открыто высказывают свое скептическое и даже отрицательное отношение к Гос. думе и, разочаровавшись в «политике», переходят на фронт экономической борьбы, опираясь на свои профессиональные предпринимательские организации («съезды», «союзы работодателей»), как прямое орудие в борьбе с рабочими, противостоя как класс классу. Но эта перемена тактики вовсе не означала действительного отказа крупной буржуазии от вмешательства в политику. Промышленники просто предпочли вернуться на привычные пути прямого воздействия на правительство через его бюрократические органы. «Считая, что голос промышленности должен быть руководящим началом при

разработке всех законопроектов, затрагивающих ее интересы», они сумели создать таким путем свое «преддумье», где келейным образом обрабатывались думские и правительственные законодательные «предположения» и проекты. На внедумской работе пришлось сосредоточить свое внимание и «Союзу 17 окт.», ориентируя ее на правительство. Особенно демонстративный курс в этом смысле был взят Гучковым, выступившим в сентябре мес. 1906 г. на защиту воен.-полевых судов. Сенсационная декларация Гучкова вызвала, как мы знаем, раскол в партии, но, за выходом группы «мирнообновленцев», не изменила ее общего курса, явно направленного в русло столыпинской политики. Естественно, что при таких условиях «Союз» чем далее, тем все резче отмежевывался от оппозиционных партий (начиная с к.-д.) и обнаруживал явный наклон в сторону правых партий. В собрании членов петербургского отдела Гучков 5 ноября уже прямо заявил, что «когда начнется штурм на прерогативы монархической власти, мы будем союзниками монархистов», несмотря на их отрицание манифеста 17 окт. А с опубликованием аграрного «закона 9 ноября», «Союз» октябристов вынес постановление об аннулировании своей аграрной программы и замене ее столыпинским законом.

Этот резкий поворот «Союза» в сторону контр-революции вполне отвечал такому же повороту в земской среде, на которую главным образом опирались октябристы. В этот именно период реакции от земских собраний летели многочисленные телеграммы с приветствием Столыпину и протестами против «анархии». И именно из этой среды, через земледельческую курию, октябристы, главным образом, сумели провести своих депутатов во 2-ю Гос. думу, где, впрочем, им не удалось сыграть сколько-нибудь заметной роли. Колеблясь

все время между к.-д. и правым флангом, пытаясь оторвать первых от «левого» блока, октябристы, в конце концов, скатились в лоно «Союза русск. народа», заключив формальное соглашение с правыми партиями в качестве двух соседских думских «фракций». Второй (майский) съезд октябристов при таких настроениях уже решительно пошел по пути ликвидации своих прежних программных «грехов», отвергнув свою прежнюю аграрную программу, парламентаризм, автономию Польши и высказав решительное осуждение политическ. убийствам. Последней точкой над «и» в процессе окончательного самоопределения октябризма было открытое признание «переворота 3-го июня» (см. ниже), когда орган партии прямо объявил: «революция не совместима с конституцией». Таким образом совершился окончательный переход «Союза 17 окт.» в лагерь столыпинского правительства, переход, превративший «Союз» в правительственную партию. «3-е июня» закрепило союз октябристов с правящей бюрократией и правыми партиями, т.-е. представителями черносотенной реакции, теснейшим образом связанной в своем происхождении и развитии с руководителями «верховой» политики, попутно с которой ниже мы и рассмотрим деятельность «русских людей».

Для подавляющего большинства партий их образование произошло уже в самый решающий момент революции или даже после него. При этом со всей яркостью сказалась политическая незрелость русской буржуазии, как либерального, так и демократического лагерей. «Неготовая к борьбе», она в большинстве своем металась в тисках массового движения, вознесенная на гребне революционного потока на такую высоту, которая оказалась ей не по силам и не по призванию. Боящаяся всякого самостоятельного движения трудовых

масс и взирающая на эти массы как на «пушечное мясо революции», за счет коего она не прочь была получить в свои руки политическую власть, российская буржуазия, распыленная на бесконечное число всяких групп, то меняющихся свои «программы», то лопающихся как мыльные пузыри, в конце-концов, оказалась в своей оппозиции беспочвенной и, почти без борьбы, сдала свои «революционные» позиции.

Оппозиционно - революционное движение, как мы видели, было прежде всего направлено против помещичье-крепостнического государства и в первую очередь против его политической системы, выродившейся в слепое и грубое насилие. «Долой самодержавие!» — таков был лозунг, объединивший на короткий срок всю страну. Правительство оказалось окруженным со всех сторон врагами, на него сыпался удар за ударом, революционное движение быстро нарастало. Спасая свои позиции, власти приходилось то от обороны переходить в наступление, то идти на вынужденные уступки с тем, чтобы при первой же возможности от них отказаться. В течение всего периода подготовки и развертывания революции 1905 г., красной нитью проходит через всю политику царского правительства двуличная игра в «манифесты» с заведомо лживыми посулами и квазиконституционными «незыблемыми основами гражданской свободы», игра, сопутствуемая кровавой оргией казней и карательных экспедиций. По своему существу, эта политика государственной власти при всех ее маневрах, и тогда, когда она октроировала всякие «свободы», заверяя об «искренности и прямоте» своих намерений, оставалась неизменно злостно реакционной и агрессивно контр-революционной. В то время как одной рукой подписывались «высочайшие манифесты» во имя «блага народного», другая продол-

жала направлять аппарат управления по пути утверждения «незыблемых основ» безответственного и насильнического режима и «существа самодержавной власти». Все меры царского правительства, и тогда, когда оно наступало, и тогда, когда оно отступало, были лишь различными способами борьбы — беспощадной и зверской, прикровенной или вызывающей — с «неслыханной смутой», ради «искоренения в земле нашей крамолы», как открыто заявляли об этом манифесты, рескрипты и т. п. промульгации правительства, дебутировавшего исторической декларацией о «бесмысленных мечтаниях» и оставшегося верным ей до последних своих дней. Таков был курс политики придворной камарильи, силотившейся вокруг Николая II и выродившейся, в конце концов, в черносотенную шайку «обезумевших реакционеров», по признанию одного из представителей тех же руководящих сфер (Витте).

Поворотным моментом, определяющим резкий сдвиг правительства в сторону систематической борьбы со «смутой», может быть поставлен рубеж 1901 — 1902 гг., время — как мы знаем — начала промышленного кризиса, бурного подъема аграрного и рабочего движения, студенческих демонстраций и широкого общественного оппозиционного протеста. Под лозунгом открытой борьбы с «крамолой» и прошли годы управления двух министров внутр. дел — Д. С. Сипягина (1899 — 1902, см.), убитого с.-р. Балмашовым 2 апр., и В. К. Плеве (1902 — 1904), убитого 15 июля с.-р. Сазоновым. Это была единая линия реакции, наиболее ярко и принципиально проводимая Плеве (см. XXXII, 340/42), который поставил себе как главную задачу: «побороть главный недуг современной общественной жизни — конституционную смуту». Плеве довел политику полицейско-бюрократ-

тического абсолютизма до высшей точки организованного правительственного террора, пав, как и его предшественник, жертвой ответных ударов из революционного лагеря. Эта плевевская эра контр-наступления реакции знаменовала собой объявление войны всей стране. Наступление было открыто, так сказать, сразу на всех фронтах и преследовало тройную цель: с одной стороны — устрашения и разгрома активных сил революционного движения, с другой — разединения сил противника путем провокации и мероприятий в духе «народной политики» и, с третьей стороны — отвлечения внимания и сил страны от вопросов внутренней к вопросам внешней политики.

Наиболее простой задачей представлялась борьба с «обществом» и его оппозиционными выступлениями. Был пущен в ход более или менее обычный арсенал репрессивных мероприятий против студенчества, печати, интеллигенции, земств. После неудачной попытки, под видом «сердечного попечения» об учащейся молодежи, ввести студенческое движение в рамки узкого «академизма», попытки, лишь обострившей последнее и окончательно способствовавшей его переходу на политич. рельсы, Ванновский (см.) был заменен на посту мин. народн. просвещения Зенгером (10 апр. 1902 г.), провозгласившим «духовно-нравственное воспитание» молодежи лучшим средством против революционной заразы, в то время как Плеве повел энергичную борьбу со студенчеством испытанными полицейскими приемами. Вместе с тем начались преследования всякого рода общественных оппозиционных выступлений, в дек. 1903 г. последовало общее запрещение банкетов, а затем началась кампания политических процессов (процесс Гершуни, о пропаганде в войсках и др.), сопровождавшаяся избиениями полит. заключенных и каторжными пригово-

рами и казнями. Но особое внимание было обращено на земские либеральные круги и демократию «третьего элемента». После курской речи Николая II (29 авг. 1902 г.) земцам, в которой он рекомендовал им заниматься «хозяйством», а не политикой, и неудачной попытки самого Плеве сговориться с зем. деятелями, когда за отказ от конституционных требований он обещал им расширение их «местных» полномочий, последовала целая полоса ожесточенных гонений как на отдельные земства (вятское, московское, тверское, новгородское) в порядке общей ревизии, так и против целого ряда земских работников (аресты, высылки), при чем в видах усиления административной власти на местах была организована особая комиссия «до преобразования губернских учреждений». Впрочем, и не прибегая к каким-либо специальным «преобразованиям» в данной области, Плеве сумел создать на местах соответствующую атмосферу, откровенно разъясвив губернским властям, что, не вменяя в преступление «превышения власти» с их стороны, «он не потерпит бездействия ее». Его пребывание у власти было ознаменовано фактом зверских еврейских погромов (в Кишиневе, 6—7 апр., в Гомеле, 29 авг. — 1 сентября 1903 г.), явно спровоцированных властями и осуществленных при их содействии. Аналогичные инспирации муссировали и начинающееся черносотенное движение с «патриотическими» манифестациями, в которые удалось вовлечь реакционную часть петербургского студенчества, выступившего в день похорон Н. К. Михайловского с монархической демонстрацией (январь 1904 г.). Та же вызывающая провокационная политика Плеве получила свое отражение и в его «окраинной» политике в Финляндии и на Кавказе, где проводниками ее являлись Бобриков (см.) и кн. Г. С. Голицын (см. XXIII, 680).

Именно к этому времени относится разгром армянской церкви, сопровождавшийся конфискацией ее имущества (см. III, 532/33). Министерство Плеве оказалось настолько «чутко» к малейшим проявлениям общественности, что даже дворянские собрания были взяты им под контроль в смысле тщательного наблюдения за «адресами» и «ходатайствами», обсуждаемыми в названных собраниях.

Более сложной была политика Плеве в вопросах аграрном и рабочем. Здесь репрессии перешлетались с попытками «умиротворения» в целях привлечения на сторону правительства отсталых слоев рабочей и крестьянской массы. Подавляя самую решительным образом и беспощадно, с применением расстрелов толпы, всякое выступление революционного пролетариата, Плеве в то же время, «чтобы отвлечь рабочих от антиправительственной пропаганды», вступил на путь «полицейского социализма» при посредстве организации «желтых» рабочих союзов (зубатовщина и гапоновщина 1902—1904 гг.: см. 380/81 и 393), с помощью коих его агентам удалось даже втянуть отсталую часть московских рабочих в известную «патриотическую» демонстрацию 19 февр. 1902 г. перед памятником Александра II. Конечно, одновременно с этим заигрыванием с рабочими, министерством внутри дел проводился ряд мероприятий по усилению тайного и явного полицейского надзора на фабриках с превращением фабричной инспекции (закон 30 мая 1903 г.) в агентов министерства.

Теми же самыми методами, в тех же целях и с теми же результатами действовал Плеве и в отношении деревни. Принимались самые драконовские меры для подавления аграрного движения военной силой, «зачинщики» предавались суду и несли суровые кары. В 46 губерниях был введен институт сельских стражников (с мая

1903 г.). Началась организованная «ловля» агитаторов. Возбуждение сельского населения официально приписывалось «прояскам злонамеренных людей», при чем местным властям (земск. начальникам, исправникам) и духовенству вменялось в обязанность вести агитацию среди крестьян против «преступной» пропаганды крайних партий и в защиту «священной собственности», в каком смысле Синодом было выпущено даже особое «послание» в поддержку министерства внутри дел. В тесной связи с этой контрреволюционной и крепостнической политикой стояли работы учрежденной еще при Сипягине (январь 1902 г.) и развившей усиленную деятельность при Плеве особой «Редакционной комиссии» под председательством Стишинского (см. XXIII, 698) по рассмотрению законодательства о крестьянах «на почве основных начал Положения 19 февр. 1861 г.». По существу, комиссия эта должна была служить противовесом «Особому совещанию о нуждах сел.-хоз. промышленности» Витте с его местными комитетами, в которых возобладали либеральные течения. Под очевидным давлением угрозы «социальной революции и анархии», разгоравшейся в деревне, в комитетах идея «принудительного отчуждения» земли приобретала многочисленных сторонников, отлично сознававших, что «если крестьянам не прирезать земли, то они нас прирежут», как выразился участник одного из местных комитетов. При таких условиях, в то время как в комитетах «Особ. совещания» и резюмирующей их пожелания «Записке по крестьян. вопросу» Витте на первый план была выдвинута мысль о ликвидации в деревне остатков крепостничества (правовой обособленности крестьян, общинных связей, ограничений земельной мобилизации и т. п.), «Комиссия» Стишинского, заядлого крепостника и одного из лидеров «Союза объединен-

ного дворянства», напротив, выдвигала, в качестве краеугольного камня своей программы по крестьянскому вопросу, требование сословного «обособления крестьянского состояния», новых стеснений в пользовании наделными землями, усиленного полицейского надзора и опеки над деревней и охраны ее от развращающего влияния «отбросов городской жизни», т. е. интеллигенции и рабочих. Означенная программа в ее основной части и получила верховную санкцию в Указе 8 янв. 1904 г. Таким образом, Плеве недаром вел ожесточенную кампанию не только против «Особого совещания», но и самого Витте, как председателя этого совещания, кампанию, которая и увенчалась «неожиданной» отставкой последнего в качестве мин. финансов, последовавшей уже 16 авг. 1903 г. с назначением его председателем Комитета министров, т. е. фактическим отстранением от дел на два с лишком года.

Не довольствуясь одними карательными мерами, Плеве делал попытки и в сторону некоторых мероприятий, которые должны были послужить отводным каналом для революционного аграрного движения и повести к «успокоению» деревни. Такой смысл имела, напр., последовавшая, передача переселенческого дела из Сибирского комитета в мин. внутр. дел (6 июня 1904 г.) и стремление таким способом регулировать крестьянский вопрос соблазном земельного простора далекой колонии, а также еще ранее (12 марта 1903 г.) произведенная отмена круговой поруки, с которой правительство ничего не теряло, но которая прокламировалась как акт особой милости крестьянам. Само собой разумеется, что подобные жалкие паллиативы ни в какой степени не могли ничего изменить ни в положении, ни в настроениях сельского населения, а непосредственная борьба карательными отрядами с земельным

и физическим голодом крестьянства только лишь обостряла классовую борьбу в деревне.

Правительство Плеве и само отлично сознавало, что дело вовсе тут не в «агитаторах» и «злонамеренных людях». Но, не желая уступать в основном вопросе и стоя твердо на позиции защиты интересов поместного дворянства, оно искало более эффективных средств «отвлечения» и нашло такое средство в «маленькой победоносной войне», без которой — по словам Плеве — «революцию удержать невозможно». Но этот расчет оказался такой же битой ставкой, как и «зубатовская» рабочая политика. Как эта последняя привела в итоге в 9 января, так и японская война привела к Цусиме (14 мая 1905 г.), а обе вместе — к революции 1905 г.

Как ни был тверд и прямолинеен реакционный курс политики Плеве, однако уже при нем начинаются первые слабые колебания «сильной» власти в сторону успокоительных посулов. Мы разумеем манифест 26 февр. 1903 г. о «веротерпимости» и «смуте», появившийся в качестве «первой ласточки» грядущей «весны» Святополка-Мирского. Но подобного рода выступления не могли никого обмануть. Реальные плоды политики последовательной и неукоснительной борьбы с революцией — рост стачечной борьбы и аграрного движения, вместе с общим ростом оппозиционного движения, — вынудили правительство принять ряд мер к разрежению слишком стеснившейся атмосферы внутри страны. Во избежание возможной катастрофы на внутреннем фронте, правительство и прибегло к своему обычному приему — «лисьему хвосту». Призванный 26 авг. 1904 г. на пост министра внутр. дел кн. П. Д. Святополк-Мирский (см.) поспешил открыть «эру доверия». В целом ряде выступлений — в речи при приеме 16 сент. чинов министерства, в беседе с представителями русской

прессе, при открытии памятника Екатерине II в Вильне — новый министр, в очень общей и неясной форме, с целым рядом оговорок, высказался о своем «искренне благожелательном и искренне доверчивом отношении к общественным и сословным учреждениям и к населению вообще», указав при этом на «желание государя предоставить нашим городским и земским учреждениям возможно больший авторитет в решении» местных вопросов. Откровенно сознавая, что не имеет «определенной программы», министр ограничился поэтому весьма двусмысленными заявлениями по адресу печати, приглашая ее «содействовать правительству в трудном деле управления». Однако, несмотря на явную убогость высказываний Святополка-Мирского, в либеральном лагере поднялось ликование: «Вестник Европы», «Русские Ведомости» и целый ряд прогрессивных органов печати торжественно объявили: «повеяло весной». Со всех концов Р. полетели к новому министру приветственные телеграммы, адреса, в которых на все лады говорилось о «доверии», о «светлых лучах надежды» на близкое осуществление назревших коренных реформ. Только одни «Московские Ведомости», в качестве осведомленного органа печати, выразили основательное недоумение по поводу «неосновательного ликования» либералов (как гласила их передовица от 24 сент.), спеша «заверить» их, что говорить о какой-либо «весне» нет никаких оснований. Авторитетная редакция Грингмута (*см.*), ссылаясь на манифест 26 февр. 1903 г., положенный Святополком-Мирским в основу своей деятельности, подчеркивала (выдавая секрет правительства), что в «этом манифесте говорится о необходимости свято блюсти вековые устои Державы Российской», т.-е. о «неприкосновенности самодержавной власти» и о борьбе со «смутой», «по-

сеянкой замыслами, враждебными государственному порядку», «увлеченными началами, чуждыми русской жизни». Этот официальный комментарий к официальной программе нового министра весьма откровенно разоблачал подлинный смысл деятельности «просвещенного администратора», промелькнувшего на министерском посту (26 авг. 1904 г. — 18 янв. 1905 г.). Политика отвода глаз, возложенная на Святополка-Мирского, в конце концов должна была разоблачить сама себя. Миссия — «примирить правительство с обществом» — заранее была обречена на неудачу, так как, если сам министр и верил в возможность ее осуществления, начав с возвращения из ссылки опальных земцев, то рассчитывать на серьезную поддержку в данном направлении со стороны «сфер» не было никаких оснований. Да и сам Святополк-Мирский, выступивший с декларацией о «доверии» и с послужками по адресу земств, должен был сразу начать отступление и, взяв обратно данное было официальное разрешение на созыв общеземского съезда, согласиться лишь на его «частное» осуществление. Это «попустительство», приведшее к ноябрьскому «совещанию зем. деятелей» (1904), послужило в действительности не к «примирению», а лишь к новому обострению взаимоотношений между правительством и «обществом». Выступление Святополка-Мирского было запоздалой попыткой, покушением с негодными средствами, на умиротворение страны. Это с очевидностью вытекало уже из доклада, представленного им царю, в котором снова предлагался старый паллиатив — введение выборных представителей от общества в Госуд. совет, т.-е. воскрешались проекты 60-х и 80-х г. г. Но, что особенно характерно: и эта жалкая мера была признана в особом ноябрьском «совещании» сановников, созданном Николаем II, неприемлемой,

благодаря заявлениям Победоносцева и Витте, усматривавших в этом мероприятии опасный первый шаг к «конституции». В результате совещания в один и тот же день были опубликованы два акта: «именной высоч. указ» 12 дек. 1904 г., в котором провозглашался ряд административных реформ, и «правительственное сообщение», в котором в весьма резкой форме давалась отповедь на земские заявления и адреса и подчеркивалась еще раз «незыблемость основ нашего государственного строя». «Непременное сохранение незыблемости основных законов империи» с первых же слов провозглашалось и именным высоч. указом, в котором, в числе «существенных нововведений», предписывалось принять меры «к охранению полной силы закона», вновь давалось обещание «предоставить земским и городским учреждениям возможно широкое участие в заведывании делами местного благоустройства», «ввести должное единство» в организацию судебной части, закрепить «терпимость в делах веры», пересмотреть ограничения в «правах инородцев», устранить «излишние стеснения» печати, принять «меры к обеспечению участи рабочих на фабриках» и привести «законы о крестьянах к объединению с общим законодательством империи».

Такова была эта программа «обещаний», которые могли только вызывать общественное возмущение и в которые менее всего верило само декретировавшее их правительство, полагавшее, однако, кого-то «успокоить» этим своим очередным обманом, истинный смысл которого был как бы подчеркнут «высоко милостивым» царским приемом первой черносотенной депутации «Русского собрания», прокламировавшей «нераздельные святыни православия, самодержавия и народности». Полное ничтожество министерства Святополка-Мирского под-

черкивалось еще более бессилием министра вн. дел предотвратить еврейские погромы, разразившиеся в декабре в Могилеве и Белостоке, и, наконец, кровавые события 9 янв., несмотря на прямое обращение к нему и Витте, и общественных деятелей, и столичной интеллигенции. В январе 1905 г., когда, за спиной Святополка-Мирского, на политическом горизонте появилась фигура «диктатора» Д. Ф. Трепова (см.), карьера его была уже решена, и 18 янв. министерство «доверия» и «весенних» надежд пало. Попытка отыгратья на ничего не говорящих «обещаниях» и бумажных отписках «высочайших повелений» решительно провалилась.

Революция уже началась (см. выше *революционное движение*), и правительство стало изыскивать новые средства, не поспевая за быстро развивающимися событиями на театре военных действий и внутри страны, где все сильнее нарастали пораженческие настроения в обществе, связывавшем военные неудачи с надеждами на скорую победу революции. Недаром Витте еще в 1902—1903 гг. предсказывал, что «борьба с Японией в ближайшие годы была бы для нас сущим бедствием», так как Р. к войне не готова, и было бы крайне рискованно пускаться в подобную авантюру «в особенности» в виду «внутреннего положения Р.». Одновременно с приемом подставной депутации петерб. рабочих 18 янв., которым Николай II «милостиво» простил «преступление 9 янв.», и назначением комиссии Шадловского (см. XXIII, 702) по исследованию «причин недовольства рабочих», закончившей свои занятия арестом рабочей группы, входившей в ее состав, правительство метнулось было в сторону новых «исключительных временных мер» (им. выс. ук. 11 янв. 1905 г.), поставив во главе вновь учрежденного спб. генерал-губернаторства Д. Ф. Трепова (см.). Однако, убийство в. к.

Сергея Александровича в Москве (4/II — 1905 г.), угрожающий подъем революц. движения, охватившего страну, и провал войны—заставили правительство бить отбой.

Насколько велика была растерянность «в высших сферах», можно судить уже по тому факту, что в течение одного дня 18 февр. 1905 г. было опубликовано три акта, не только не согласованных между собой, но противоречащих один другому: манифест, именной высоч. указ Сенату и рескрипт на имя нового мин-ра вн. дел А. Г. Булыгина (см.). В манифесте царь, бросая решительный вызов «смуте» и «злоумышленным вождям м.л. ежного движения», предавшим «лютой смерти» вел. князя, призывает «властей всех ведомств» и «благомыслящих людей» к «бдительной» охране порядка и «искоренению крамолы» и «противодействию смуте» во имя «взявшего укрепления истинного самодержавия». В то же время в указе Сенату высочайшим повелением на совет министров возлагалась обязанность «рассмотрения и обсуждения» поступающих от частных лиц и учреждений «видов и предположений», касающихся «усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния», а в рескрипте Булыгину, со ссылкой на все эти «виды», поступающие со всех концов земли русской, объявлялось о намерении царя «привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодат. предположений», с традиционной оговоркой—«при обязательном сохранении неизменности основных законов империи». С означенною целью, согласно рескрипту, под председательством Булыгина учреждалось «особое совещание», которому и поручалась выработка соответствующего законопроекта, хотя всего два месяца

с небольшим тому назад подобная мысль была решительно отвергнута при издании указа 12 дек. 1904 г. Вслед за тем последовали аналогичные «рескрипты» на имя кавказского наместника, варшавского и иркутского ген.-губернаторов (25 февр., 14 марта и 3 апр.) с предписанием, в целях умиротворения окраин, приступить к «разработке» необходимых «преобразований» на ряду с «закономерным и твердым подавлением искусственно поддерживаемой смуты». В частности для Сибири декретировалось «введение земских учреждений» на «плодотворных началах общественной самостоятельности». Но хроника революционного движения развивалась таким угрожающим темпом, что правительство едва успевало отзывать на удары, сыпавшиеся на него со всех сторон. Однако, несмотря на всю исключительную серьезность положения, оно не решалось взять какой-нибудь определенный курс в своей политике и продолжало вести все ту же двусмысленную игру, замкнувшись в узком кругу придворного интриганства, окруженное, попрежнему, безответственной кликой авантюристов, временщиков и «случайных» личностей, стараясь обмануть целую страну.

В общем направлении политики правительства в период от 18 февр. 1905 г. и до 3 июня 1907 г. можно различить два этапа, разделенные рубежом октября—декабря 1905 г., кульминационным моментом революционного подъема, за которым последовал упадок движения и торжество контр-революции. По ту сторону этого рубежа политика правительства сводилась к последовательному отступлению перед мощным напором революционного фронта, отступлению, завершившемуся капитуляцией 17 октября; но уже с разгромом декабрьского вооруженного восстания и, в особенности, после роспуска I-ой Ду-

мы, с утверждением столыпинской диктатуры, оно открыто сбрасывает «конституционную» маску.

Вслед за рескриптом 18 февр. правительство спешит провозгласить ряд «успокоительных» и «либеральных» деклараций и подачек, в первую очередь, конечно, по адресу крестьянства, в надежде на отвод революционного натиска. Высочайшим указом 30 марта 1905 г., совершенно неожиданно для Витте, последовала ликвидация его «Особого совещания», и вместо него было учреждено новое, «Особое совещание по вопросам о мерах к укреплению крестьян. землевладения» под председательством И. Л. Горемыкина (см.), в особом рескрипте на имя которого говорилось о необходимости «упрочения земельного строя крестьян», «в значительной степени поколебленного», дабы «тем самым утвердить в народном сознании убеждение в неприкосновенности всякой частной собственности». Истинный смысл этой прокламации, долженствовавшей подать какие-то надежды крестьянству, был совершенно ясен, в особенности, если принять во внимание личность председателя нового «Особого совещания» и сопоставить с этим указом последующий указ 10 апр., где, на ряду с провозглашением, что «всякая частная собственность неприкосновенна», объявлялось, что за всякое посягательство крестьян «преступным скопищем» на «владельческие усадьбы» с членов «сельских и селенных обществ» будут взиматься возмещения, с каковою целью на местах организуются временные уездные комиссии под председательством предводителей дворянства. Вслед за указом 30 марта последовал ряд актов в смысле «утверждения начал веротерпимости» (17 апр. и 18 мая), сопровождавшихся частичной амнистией по «преступным деяниям против веры» (25 июня), объявление некоторых льгот в пользу

«инородцев» (1 мая, 8, 16 и 18 июня) в смысле частичной отмены специальных ограничений земельных прав в западных губерниях, ограничений в пользовании родным языком и в праве жительства евреев. Наконец, 14 авг. последовало высочайшее повеление о возврате «отобранных от армянских церковных установлений имуществ». Не обошлось дело и без некоторых «временных» изменений правил о печати (23 мая), по существу, впрочем, не вносящих ничего существенно нового в положение последней.

Означенные меры носили как бы некоторый предварительный характер к подготовляемому царской бюрократией «Положению о Государственной думе» 6 августа. Что касается этого последнего, то лучшим комментарием к нему является знаменательное петергофское совещание царя с вел. князьями, высшими сановниками и бюрократами, созванное 19—26 июля 1905 г. для обсуждения проекта названного выше «Положения». Работа этого ареопага реакционеров сводилась к усиленной защите ничем не связываемого произвола самодержавной власти (право монарха санкционировать мнение «меньшинства») и измышлению такой системы выборов, при которой было бы гарантировано в Гос. думе большинство депутатов от дворянства и «консервативного крестьянства». Лидеры «объединенного дворянства» — Стишинский, Нарышкин, Павлов, гр. А. А. Бобринский (см. XVII, прил. 55') — с пафосом доказывали, что «у нас имеется только две вполне организованных, жизнеспособных и потому имеющих будущность сословных группы — крестьянство и дворянство». «Об устойчивую стену консервативных крестьян разобьются все волны красноречия передовых элементов» — доказывал Бобринский. «Крестьян можно уподобить (резюмировал

другой оратор) ценному балласту, который придаст устойчивость кораблю — Думе — в борьбе со стихийными течениями и увлечениями общественной мысли». Но, конечно, «предоставить крестьян их собственным силам в Думе невозможно. Им надо помочь», и в качестве такого помощника «совещанием» и выдвигалась помещичья дворянская курия. Ставка на помещика и «темного мужика» и была положена в основу совещательной «конституции» 6 авг. Поэтому в первых же своих строках манифест 6 авг. подчеркивал, что, «призывая выборных людей от всей земли русской к постоянному и деятельному участию в составлении законов», монарх с этой целью «включает в состав высших гос. учреждений особое совещательное установление, сохраняя неприкосновенным основной закон Росс. империи о существе самодержавной власти». В полном согласии с петергофскими директивами была установлена и система выборов (см. *Государственная дума*, XVI, 178/82) с высоким имущественным и возрастным цензом избирателей, многостепенными выборами (4-х степенными для крестьян) и предустановленным числом выборщиков от отдельных классов.

Совершенно очевидно, что подобная бесправная Дума ни в какой мере не могла удовлетворить не только «левого», но даже и либерального фронта. Правда, представители последнего, несмотря на свое отрицательное отношение к «булыгинской» Думе, не отказывались принять участие в избирательной кампании, но решительный бойкот, объявленный социалистами и «Союзом союзов», при возрастающем подъеме революции, без особых усилий сдунул карточный домик петергофских «конституционалистов». Новая запоздавшая попытка отвести надвигавшуюся грозу вместо успокоения вызвала лишь раздражение в

лагере оппозиции, которую еще раз «жаловали» все теми же «незыблемыми основами», хотя и на новый лад. Так же неудачна была и попытка «успокоения» учащейся молодежи провозглашением в указе 27 авг. начал университетской автономии, без распространения их, однако, на студенческую массу.

Общее революционное наступление началось уже 7 окт. жел.-дор. забастовкой, к которой примкнули рабочие и «Союз союзов». 13-го окт. образовался петербургский «Совет рабочих депутатов», а 16 числа — остановилась жизнь всей страны. Царское правительство пытается найти такое лицо, которое взялось бы вывести его из безнадежного положения. Этим лицом и был выдвинут недавно устраненный Витте (см. X, 356 сл.). Вызванный 9 окт. в Петербург, Витте поставил перед Николаем II дилемму: или военная диктатура, или конституция, хотя сам Витте и был противником последней, как был он и противником издания «манифеста» и прямого октроирования всех свобод, находя более «осторожным» ограничиться обнародованием «всеподданнейшего доклада» с общим поручением «правительству выполнить непрременную волю» монарха. Так в конце концов и было заявлено в «Манифесте 17 окт.», редактированном по царскому поручению тем же Витте, назначенным 19 окт. председателем реформированного (указом 19 окт.) совета министров, призванного «объединить состав правительства» по типу европейского «кабинета министров». При этом пост мин. внутр. дел достался П. Н. Дурново (см. XXIII, 690/91).

Манифест 17 окт. был первой победой революции над самодержавием, поскольку в его 3-х пунктах на этот раз провозглашалось «дарование» населению «незыблемых основ гражданской свободы», признавалось фор-

мальное ограничение самодержавной власти утверждением «правила, что никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы», и, наконец, избирательные права распространялись на «те классы населения», которые были их лишены согласно «Положению» 6 авг. (на рабочих, интеллигенцию). «Всепопданнейший доклад» Витте, обнародованный одновременно с манифестом, мотивировал необходимость коренной реформы тем, что «Р. переросла форму существующего строя», усматривая «корни волнения», — а не «смуты» — не в кознях злоамеренных людей, а в «нарушении равновесия между идейными стремлениями русского мыслящего общества и внешними формами его жизни». В качестве «руководящих принципов» нового курса доклад выставлял «прямоту и искренность» правительства, устранение репрессий и исключительных законоположений, «согласное действие всех органов власти» и «противодействие действиям, явно угрожающим обществу и государству». Оба акта, очевидно, были в одну цель — во что бы то ни стало остановить революцию путем новой апелляции к «доверию» общества, поскольку пока дело еще ограничивалось лишь одними декларациями, хотя первый опыт по части гражд. свобод был уже осуществлен еще 10 окт., когда появился поистине «каторжный» именно высочайший указ о «публичных собраниях», представлявший прообраз позднейших «временных правил», опубликованных накануне созыва первой Думы. Та же «прямота и искренность» сказала и в объявленном акте амнистии (21 сент.), «даруемые милости» которого носила частичный и уклончивый («по мере умиротворения») характер.

Но даже и этой скромной роли «конституционного» правительства

царская клика не смогла выдержать более 10 дней. Вырванный революцией из рук самодержца манифест был просто средством сорвать революцию. И манифест и «кабинет» Витте явились лишь новой ширмой, за которой временно спряталось самодержавие, фактически сохранившее за собой все свои позиции, весь аппарат власти. Это поняли в первую голову социал-демократы большевики, объявившие активный бойкот и новой Думе и выдвинувшие лозунг вооруженного восстания и революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Однако, положение на революционном фронте резко изменилось с обнародованием актов 17 окт. Казавшийся единым оппозиционный фронт начал распадаться, едва только обнаружилось расхождение в понимании задач революции со стороны разных классов, и на сторону правительства стали переходить недавние его противники, напуганные призраком социальной революции. Демаркационная линия, до 17 окт. резко отделявшая «правительство» от «общества» и «народа», после 17 окт. переместилась, разделив теперь уже самое «общество», в части своей отброшенное «по ту сторону баррикад». Вот почему, едва мощная волна первой политической забастовки сбегала под впечатлением «бескровной победы», как из-за ширмы показалась уже нетерпеливая фигура контрреволюции и по стране прокатился первый поток черносотенных «патриотических» погромов, вдохновляемый, за спиной «премьера», автором знаменитой декларации 14 окт.: «патронов не жалеть». И в то время как Витте продолжал конституционную маскировку, фактический глава правительства, дворцовый комендант Трепов, вел контрреволюционное наступление.

По мере того как спадало револю-

ционное движение, поднимала голову реакция, увеличивавшая ряды своих союзников. 11 дек. был опубликован новый избирательный закон с четырьмя куриями, из коих одна предназначалась специально для рабочих, при чем право участия в выборах было распространено на демократические слои населения (см. XVI, 184/87), что, однако, при сохранении прежних основ системы, мало меняло существо дела. 20 февр. 1906 г. последовало, сопровождаемое особым манифестом, издание нового положения о Гос. совете (см. XVI, 268 сл.), в лице которого учреждалась вторая палата, наполовину из выборных, наполовину из назначаемых членов. равноправная с Госуд. думой, на деле же убивавшая всякое значение последней и получившая роль стража абсолютистско-бюрократических и крепостнических традиций отмененного *de jure* самодержавия. Но что особенно важно, в манифесте 20 февр. появился особый пункт о так наз. «чрезвычайном» законодательстве, позднее оформленный в виде знаменитой 87 статьи «Основных законов» и дававший правительству, в порядке верховного управления, право *внедумского* издания законов. Одновременно было издано и новое положение о Гос. думе, окончательно лишившее последнюю права законодательной инициативы в сфере «основных законов» (статья 32). Наконец, в марте последовал целый ряд весьма знаменательных актов: 1) ряд «временных правил» — о союзах и обществах и собраниях (4 марта); 2) о государственной росписи доходов и расходов (8 марта). По существу, все эти законоположения носили явно контрреволюционный характер. «Правила» о так наз. «гражданских свободах» были насквозь пронизаны духом полицейской опеки и представляли целую сеть ограничительных мер, сводивших почти на нет эти «свободы». Но осо-

бенно одиозный характер носил закон 8 марта, ликвидировавший важнейшее из конституционных прав «парламента» — бюджетное право Гос. думы (см. XVI, 189/90), с одной стороны, бронируя ряд расходов от всякого вмешательства Думы (ст. 4, 5, 6, 8), с другой — вручая широкие полномочия правительству обходиться и без утвержденного Думой бюджета (ст. 12 — 13). Наконец, в довершение всех этих мероприятий, с помощью которых правительство спешило окопаться на своих реакционных позициях до созыва Думы, в явное нарушение манифеста 17 октября, последовало обнародование 23 апр. «Свода основных законов», в который были включены все «основные» ограничения прав Думы (бюджетные, законодательные, со ст. 87). Все это преддумское законодательство красноречиво говорило о направляющих тенденциях политики правительства.

Но еще более ярким свидетельством этих вызывающе контрреволюционных стремлений были те мероприятия, которые открыто были по «врагу» или были рассчитаны на дезорганизацию в его рядах. Такой характер носил манифест 3 ноября 1905 г. об аграрной «смуте» и «насилиях», которые «чинят крестьяне в имениях частных владельцев». Направляя против «смутьянов» карательные экспедиции и вводя особой «меморией Совета министров» 6 дек. новое положение о порядке «удовлетворения ходатайств землевладельцев об учреждении в сельских местностях особых команд пешей и конной стражи» с правом «употребления в дело оружия», — правительство в вышеназванном манифесте объявило об очередных «милостях» в пользу «близких сердцу» царскому крестьян в виде снижения и последующей отмены (с 1907 г.) выкупных платежей (см.) и увеличения средств Крестьянского банка для расшире-

ния ссуд малоземельным крестьянам и дальнейшего улучшения их положения «без всякой обиды для прочих землевладельцев». Этими актами правительство, можно сказать, открывало целую кампанию, стремясь — с одной стороны — вырвать крестьянство из-под влияния левых партий, а с другой — внести раскол внутри деревни, выделив из ее состава «крепкого мужика» и превратив его в свою опору. С означенною целью правительство стремится насаждать частную земельную собственность крестьян и открыть пути свободной земельной мобилизации, одновременно помогая дворянам-помещикам по высоким ценам сбывать свои земли и облегчая сделки на земли внутри крестьянского «мира». Осуществлению этой задачи должны были служить такие меры, как учреждение местных земельных комитетов, с представительством от крестьян, для облегчения покупки земель последними; передача части удельных земель в распоряжение Крестьянского банка и новые условия продажи казенных оброчных статей; разрешение выдачи ссуд под наделенные земли, ссуды Крестьян. банку на скупку (дворянских) земель и т. п.

Но по мере того как в стране вновь разгоралось аграрное движение, а открывшаяся 27 апр. I-ая Гос. дума (см. XVI, 191/99), при напряженном ожидании деревни, приступила к обсуждению аграрной реформы, правительству пришлось прибегнуть к экстренным мерам, чтобы не допустить вмешательства в это дело народного представительства. Обнародовав 20 июня 1906 г. «правит. сообщение» по аграрному вопросу, где оно решительно отвергло соответствующее предположения Гос. думы со столь ненавистным для него принципом «принудительного отчуждения», оно — после роспуска I-ой Думы (9/VII-1906), в период семимесячного «бездумья» — провело в по-

рядке 87 ст. знаменитый указ 9 ноября (см.), которым решительно разрубало аграрный вопрос. Насильственно разрушая общину в целях создания сельской буржуазии, «при неперменном сохранении прав частных владельцев», которым в то же время оно обеспечивало необходимые «батрацкие» руки, столыпинская реформа голкала аграрную Р. по «прусскому» пути развития капитализма, а вместе с тем и на путь обостренной классовой борьбы.

Будучи уверено в силе государственного насилия, бросая в лицо возмущенной стране свое вызывающее «не залугаете!», контр-революционное правительство с каждым месяцем все решительнее натягивало узду реакции. Но существовавшая эпоха «виттевского премьерства», как и «столыпинщина» (22 апр. перед самым созывом Гос. думы Витте был заменен на посту премьера Горемыкиным, см.; а мин. внутр. дел вместо Дурново был назначен Столыпин, см., ставший после роспуска I Думы в июле 1906 г. премьером), до разгона II Думы (см. XVI, 201/04) 3-го июня 1907 г. в этом отношении мало чем отличались друг от друга. И Витте и Столыпин в отношении к революционному движению вели одну и ту же политику последовательных репрессий. Уже с ноября 1905 г. правительство начинает систематическую борьбу с наиболее опасными проявлениями «смуты», только что пережив все последствия всеобщей политической забастовки. * Поэтому оно прежде всего начинает борьбу с забастовочным движением. Рядом указов и «временных правил» оно вводит усиленные репрессии против печати за «возбуждение» к стачкам, «к устройству скопищ», за распространение «слухов о правительственных распоряжениях» и т. д. (именной высоч. указ 24 ноября); издает распоряжения о «применении чрезвычайных мероприятий» против

жел.-дорожн. и почтово-телеграфн. забастовок (29 ноября), об уголовной наказуемости «наиболее опасных» стачек (2 дек.), вплоть до применения правил военного положения (14 дек.), принимая вместе с тем меры к разоружению населения (указ 17 дек.) и завершая цикл названных узаконений опубликованием высоч. повеления «об изменении правил о призыве войск для содействия гражданским властям» (7 февр. 1906 г.) с воспрещением стрельбы по «бунтующей толпе» вверх и холостыми патронами, которые обязательно заменяются боевыми. И все эти правила и высочайшие повеления не оставались одной лишь угрозой, но получали широкое и неслыханно жестокое применение на практике, как при подавлении аграрных волнений, так и в других случаях. Особенно следует отметить разгром революционного движения Прибалтийского края по директивам Витте и действия Мина и Дубасова при подавлении декабрьского вооруженного восстания в Москве. Следует упомянуть и об указе 8 марта 1906 г., установившем уголовную кару за пропаганду бойкота выборов в Гос. думу и Гос. совет и за деяния, так или иначе «возбуждающие» население против «сих государ. установлений». Одновременно с этим был принят ряд мер к поднятию дисциплины в армии и особенно во флоте, ревизия флотских кадров вообще, при чем было издано законоположение о непринятии в армию лиц, осужденных по политич. делам (6 ноября 1906 г.). Крупная роль, которую военные восстания сыграли в процессе революционного движения (июньское и ноябрьское в черноморском флоте, октябрьское в Кронштадте, ноябрьское в Севастополе и др.), вынудили правительство, в лице военного министра, вместе с решительными мерами карательного характера пойти на не-

которые «временные» уступки и поправки для умиротворения главного своего оплота. Сокращение срока службы во флоте (до 5 л.), улучшение материального «довольствия» войск (сапогами, мылом, приварком), обеспечение семей воинских чинов, пост-адавших при исполнении служебных обязанностей, и т. п. мероприятия имели своею целью привлечь армию на сторону власти.

Но, как всегда, и в данном случае положительные мероприятия далеко перевешивались действиями репрессивного характера и во всяком случае были бессильны внести настоящее успокоение в страну. Если на время оппозиционное и революционное движение и затихало, то это было результатом торжества насилия гос. власти над «обществом» и массами в такой же мере, как и ее уступки и «милости» являлись следствием давления на нее снизу, а вовсе не актами «доброй воли». Лишь крайность обстоятельств вынуждала правительство делать вид, что оно готово идти навстречу «идейным стремлениям русского мыслящего общества» и удовлетворению назревших нужд «широких народных масс», как гласил «доклад» Витте 17 окт. 1905 г. В этом отношении особенно характерным фактом являлись те переговоры, которые велись в самый острый момент борьбы за власть, в момент панических настроений в «верхах». Трепов, Витте, а затем и Столыпин перед роспуском I Гос. думы пытались войти в контакт с «общественными деятелями» из либерального и консервативного лагеря (октябристами, мирно-обновленцами и кадетами) по поводу образования коалиционного кабинета из представителей бюрократии и лидеров буржуазных партий. Известно, что в этих переговорах за спиной революции в обстановке тайны, начавшихся на другой день после «Манифеста 17 окт.», в разное

время приняли участие Шипов, А. Гучков, кн. Е. Трубецкой, М. Стахович, кн. Урусов, гр. Гейден, Головин, Гессен, Муромцев, Милоков, кн. Львов, Кокошкин, Н. Н. Львов. Дело доходило уже до распределения «портфелей», между Милоковым и Муромцевым состоялось даже соглашение о «премьерстве». Но все эти закулисные махинации окончились ничем, так как «премьеры» самодержавия стремились сделать из общественных деятелей ширму своей контр-революционной политики, не выпуская из своих рук, однако, реальной власти. Вследствие этого, разногласия (из-за портфеля министра вн. дел) и привели к разрыву переговоров общественных деятелей с Витте, настаивавшим на кандидатуре Дурново; попытка Столыпина прикрыть предрешенный им роспуск I Гос. думы «авторитетом» кабинета с участием министров из либерального лагеря так же должна была окончиться полной неудачей. На том этапе революции, когда велись эти переговоры (октябрь 1905 г. и июнь 1906 г.), когда у правительства не было еще твердой уверенности в прочности своей позиции, а либералы чувствовали себя на пути к власти «милостью революции», переход на сторону правительства и отрыв от общего движения для последних равнялся бы политическому самоубийству и явился бы опасным актом открытой измены тем лозунгам, которые были в октябрьские дни провозглашены либеральной буржуазией, равнявшейся по своим «союзникам» слева, от которых и стремились их оторвать Витте и Столыпин. Для того, чтобы союз между правительством контр-революции и буржуазией стал возможным, нужен был «опыт» октябрьских и декабрьских дней революции с кратковременным существованием советов раб. депутатов, московским вооруженным восстанием

и крахом I-ой Гос. думы с ее «выборским» эпилогом (см. XVI, 199), нужен был «опыт» аграрного движения 1905—1906 гг. Под влиянием указанных событий и совершилась та перегруппировка общественных сил, благодаря которой правительство твердой реакции вышло из своего изолированного положения, и контр-революционное движение приобрело силу и получило вскоре и свое идеологическое выражение в новых интеллигентских настроениях и философско-публицистических высказываниях. Но, прежде чем мог образоваться подобного рода реакционный блок, правительству пришлось некоторое время лавировать, пока с окончанием японской войны (Портсмутский мир 23 авг. 1905 г.), демобилизацией дальневосточной армии и заключением накануне созыва Думы внешнего займа в 843 млн. р. (3 апр. 1906 г.) его руки не оказались, наконец, развязанными и оно могло приступить к делу ликвидации достигшей революции и к реставрации «истинного самодержавия».

Организация контр-революции началась «сверху», в сферах, ближайших к правительственным кругам и царскому дворцу, т.-е. среди высшей и сановной бюрократии, представлявшей, в своем основном ядре, крупное и отчасти среднее поместное дворянство, среди промышленных элементов, тесно связанных своими интересами с казной (поставщиков, концессионеров и т. п.), и высшей церковной иерархии (епископ Евлогий, см. XVII, прил. 34, Гермоген, Антоний, Платон) и их сателлитов (о. Восторгов, Илиодор, миссионер Айвазов и др.). Но тон всему движению этих правых, монархических элементов задавали титулованные и родовитые помещики (кн. Щербатов, кн. Голицын, гр. А. Бобринский, А. Нарышкин, Д. Самарин, гр. С. Д. Шереметев и др.), лидеры и вдохновители одно-

временно «Союза объединенного дворянства» и разного рода «союзов» «истинно-русских людей». Начало этому движению было положено еще в 1901—1902 г., когда в Петербурге образовалось так наз. «Русское собрание», нечто в роде литературно-художественного клуба, организация явно реакционная, с типичным славянофильско-националистическим оттенком, в состав которой входили видные чиновники, сановники, духовные лица и отчасти представители интеллигенции (кн. Д. Голицын, кн. Шаховской, гр. Апраксин, кн. Куракин, еп. Серафим, поэт В. Величко, издатель дешевой газетки «Свет» В. Комаров, В. Пурцкевич, см., артист К. Варламов и др.). Первоначально «собрание» это не преследовало никаких политических целей, но по мере роста общественного движения оно меняет характер своей деятельности и в эпоху «весны» Святополка-Мирского, как уже было выше отмечено, вступает на путь активной «политики», организовав на первый раз депутацию к царю 31 дек. 1904 г., которая — в противовес либерально-конституционным домогательствам оппозиции — выдвинула старую формулу «самодержавия, православия и народности». «Собрание» это в своей деятельности обращалось, конечно, не к массам, которым оно оставалось всегда не только чуждо, но и открыто враждебно, а к правительству и, при своих «связях», непосредственно к монарху и его влиятельным советникам. Аналогичный характер носила «русская монархическая партия», образовавшаяся в Москве в лоне редакции «Моск. ведомостей» под руководством Грингмута (см.) и прот. Восторгова, выпустившая свою «программу» 15 окт. 1905 г., несколько ранее «Русск. собрания», опубликовавшего подобную же декларацию в ноябре. Оживленная мобилизация

реакционных элементов происходит, начиная с 9-го января, послужившего толчком не только к сплочению революционных, но и контр-революционных сил, и особенно усиливается после опубликования рескрипта 18 февр. и манифеста 17 октября, когда на очередь встал вопрос о предстоящей избирательной кампании. Подавление московского вооруженного восстания сообщило сугубо агрессивный характер выступлениям «русских людей» всех рангов, в связи с чем им пришлось подумать о «завоевании» масс. На этой почве и сложились те демагогические «черносотенные», как они сами окрестили себя, организации, которые получили затем названия объединенного «союза русского народа» и «союза русских людей». Эти два «союза» втянули в себя многочисленные монархические «партии», «палаты» и проч. организации, получившие довольно широкое распространение в провинции, с конца 1905 г. и начала 1906 г., среди духовенства, темных элементов ремесленного и отчасти крестьянского и рабочего люда, мелких торговцев, чернокожих и, наконец, босаячества. Широкое участие демократических слоев в оппозиционном движении вынуждает и «союзников» приняться за организацию «язов» с тем, чтобы направить стихию народного движения в русло контр-революции. С этой целью они пускают в ход погромную демагогию, провоцируя избиения интеллигенции, евреев и прочих «инородцев». При таких условиях «Союз русских людей» и «Союз русского народа», в противоположность «Рус. собранию», подчеркивали свой «демократизм», выдвигая особенно настойчиво начало «народности», т. е. великодержавности «русского племени», выливавшееся у них в крайний национализм и самый дикий антисемитизм. Поэтому же, в то время как «Русское собрание» отвергало вся-

кие формы народного представительства, отстаивая чистое самодержавие, союзники высказываются за истинное «единение царя и народа» в виде «земского собора», т.-е. за совещательное представительство. Так именно высказался «Союз русских людей» в своей программе, появившейся в марте 1905 г. и еще раз подробно обоснованной С. Шарашовым в его «Русском деле». Эту крайнюю реакционную «патриотическую» программу особенно настойчиво и активно проводил московский «Союз русск. народа», к которому в конце концов и перешла гегемония в деле руководства черносотенно-погромным движением, направляемым главарями «Союза» — Дубровиным, Пуришкевичем, Борисом Нильским, Булацелем, кн. Гагариным и др. Разбросав по стране свои боевые отряды, «Союз», открывший действия с конца октября 1905 г., сосредоточил свои главные силы на агитации среди массы населения и на организации активных выступлений в виде крестьянских ходов, патриотических манифестаций и, наконец, погромов. Он вел свою работу с тем большею уверенностью, что пользовался открытым покровительством властей, казенными субсидиями и протекцией самого царя. Последнее было торжественно засвидетельствовано при приеме парламента «Союза» 23 дек. 1905 г., когда из рук «союзников» Николай II принял значок «Союза русского народа» для себя и наследника и дал обещание «подумать» о недопущении равноправия евреев. Весьма характерно, что, принимая на этот раз депутацию после разгрома московского восстания, царь вел себя гораздо откровеннее, чем при таком же приеме 1-го декабря депутации московских монархистов во главе с кн. Щербатовым, Грингмутом, С. Шарашовым и Павловым, приглашавшими царя к решительной расправе с револю-

цией, на что Николай тогда ответил, что воля его «непреклонна» и манифест 17 окт. должен быть исполнен. Но еще знаменательнее был ответ на приеме иваново-вознесенских «союзников», 16 февр. 1906 г., когда Николай II заявил, что его «самодержавие останется таким, каким оно было встарь», дав таким образом руководящий лозунг «Союзу», который и не замедлил водрузить его на своем знамени, или «стяге», как говорили «дубровинцы». Естественно, что под столь высоким покровительством с этого момента банды черносотенцев пришли в усиленное движение, выступая в тесном контакте с родственными и единомысленными «Союзу» организациями, подобными «союзу землевладельцев», «союзу объединенного дворянства» или «о-гу активной борьбы с революцией». Все эти «союзы» возникают почти одновременно, развиваются параллельно и ведут, по существу, одну общую политику по единой «программе», сохраняя, однако, каждый свою самостоятельность. Так, напр., возникший в мае 1905 г. в ответ на призыв Ознобишина к «сплочению» «Союз землевладельцев» оформился как «беспартийная» и бессловная организация на съездах 17 ноября 1905 г. и 12 февр. 1906 г., в то время как «Союз объединенного дворянства», образовавшийся из «кружка» Шереметева и окончательно самоопределившийся на съездах 22 мая 1905 г., 14—16 ноября 1906 г. и марта — апреля 1907 г., подчеркивал свой исключительно дворянский, сословный характер, соединяя в своем составе «трудовое дворянство, не бросившее своих гнезд». По существу же, оба эти «союза» носили ярко выраженный классовый помещичий характер, являясь союзом аграриев-реакционеров, связанных самыми тесными узами с «Русским собранием» через Стишинского и гр. Бобринского, наиболее

активных своих инициаторов и лиц наиболее влиятельных в сферах, где они были действительными. Что касается «*конституционной борьбы с революцией и анархией*», учрежденного Дезобри в ноябре 1905 г., то это была чисто политическая контро-революционная организация, не связывавшая себя с какой-либо определенной группой, но и не выделявшаяся чем-либо особо оригинальным от выше названных союзов.

Деятельность всех этих объединений развивалась одним и тем же путем, в теснейшем контакте с направлением правительственной реакции, приобретая все более вызывающий характер по мере того, как разгоралась борьба с думами первого и второго призыва. На время начала 1906 г. и 1907 г. падает наибольшее оживление монархических съездов в связи с избирательными кампаниями. Почти один за другим проходят съезды «Русск. собрания» (февр. 1906 г.), «Союза русск. людей» (апр. и сент. 1906 г. и апр. 1907 г.), Съезд русск. монархич. партий (сент. 1906 г.), «областные» съезды южно-русск. и московск. монархистов (окт. и дек. 1906 г.) и ряд других собраний, при чем окончательно закрепляется союз царя с «русскими людьми», ратифицированный исторической телеграммой Николая Дубровину (после роспуска II-ой Думы), в которой царь писал: «уверен, что теперь все истинно-верные и русские беззаветно любящие свое отечество сыны сплотятся еще теснее и, постоянно умножая свои ряды, помогут мне достичь мирного обновления нашей святой и великой Р. *Да будет же мне Союз русского народа надежной опорой!*».

Программа контр-революционных организаций в основе своей сводилась прежде всего к защите самодержавия, при чем манифест 17 окт. либо просто отвергался, либо истолковывался как акт, не только не

ограничивающий царской власти, но, напротив, даже ее усиливший. Известно, что в присяге, которую должны были приносить члены Думы, был сохранен термин «самодержец», и даже в лагере либералов шел спор по вопросу о том, сохраняется ли в Р. «самодержавие» после манифеста 17 окт. и как нужно понимать это выражение в прошлом и настоящем русского государства (см. XXXVII, 167/68). Появились даже специальные трактаты на эту тему, доказывавшие «незыблемость» самодержавия. Непаром Витте при переговорах с общественными деятелями отказался официально провозгласить слово «конституция». Таким образом, утверждая самодержавную прерогативу царя, «программа» в дальнейшем отстаивала и сословно-дворянский строй, и привилегии православной церкви, и решительное господство русской «народности», провозглашая принцип «Р. для русских». Отсюда травля «инородцев» и особенно поляков, финляндцев и евреев. Само собой разумеется, что особое место и внимание программа уделяла аграрному вопросу. Провозглашая, что «Р. есть страна собственников», и утверждая полную неприкосновенность этой «священной» собственности, черносотенные аграрии и слышать не хотели о каком-либо «принудительном отчуждении», заявляя устами А. Нарышкина, что скорее «готовы умереть с вандейцами, чем входить в стачку с якобинцами». Высказываясь с демагогическими целями за «наделение крестьян землей», они, однако, спешили внести необходимую оговорку: «без ущерба для прочих исторически сложившихся классов населения», и ограничивались указанием на Крестьянский банк, переселения, поднятие сел.-хоз. техники и, наконец, на выход из общины, полагая, что насаждение «частной собственности» среди крестьян явится

лучшим средством для укрепления среди них уважения к этой последней, а, следовательно, послужит и лучшей гарантией от аграрных эксцессов и насильственных посягательств на помещичьи земли и усадьбы. Но не эти «положительные» высказывания составляли главное существо программы черносотенной реакции. Основное в ней было требование беспощадной борьбы с «крамолой» — «социалистами, жидами, студентами, профессорами», как красочно выражалась одна из «прокламаций» союзников, и со всякими «забастовщиками» и «грабителями» помещичьих имений. Знаменитая столыпинская формула — «сперва успокоение, а потом реформы» (1907) — до него была высказана русской монарх. партией еще в окт. 1905 г. и неоднократно повторена на страницах «Моск. Ведом.». Требование «твердой власти», «военной диктатуры», военно-полевых судов, смертной казни, неограниченных полномочий для местных властей, словом, беспощадного белого террора — такова та «конституция», которую стремятся утвердить Пуришкевичи и вся черная клика. Уже с созывом I-ой Гос. думы из ее рядов раздалось требование разгона «революционного» «жидо-кадетского» парламента. И эта травля становилась тем более ожесточенной и настойчивой, чем меньше было надежды у монархистов провести своих кандидатов в Думу. Как только выяснялось для них очередное поражение на выборах, несмотря на усиленную поддержку властей (особенно в избир. кампанию во II-ую Думу), так черная сотня поднимала бешеную кампанию против Думы, требуя не только ее разгона, но и полного ее упразднения, хотя доминирующим лозунгом, сопровождавшим кампанию против первых двух Дум, было требование нового избирательного закона.

Но не только в программных и

тактических вопросах правительство и черная сотня оказывались вполне единомысленны, но и в своей реальной политике, конкретных приемах борьбы с революцией, шли одним и тем же путем. При этом дело не ограничивалось обменом приветственных телеграмм, которыми съезды «русских людей» осыпали Дубасова, Столыпина, Дурново, выражая уверенность, что «достаточно десяти Столыпиных во главе правительства», чтобы «спасти Р.»: царь заверял истинно-русских погромщиков, что они являются истинной опорой «святой Руси». Разоблачения с думской трибуны по поводу погромов в Кишиневе и Белостоке поставили вне сомнения сотрудничество черносотенцев с правительством в деле «искоренения крамолы». Но и без сенсационных разоблачений кн. С. Урусова (см. XVII, прил. 24') контр-революционный блок «союзников» всех мастей с паризмом сам собой бросался в глаза. Волны погромов, прокатившиеся по стране весной и летом 1905 г. по 110 городам, затем еще раз вслед за обнародованием манифеста 17 октября и, наконец, в начале 1907 г., сопровождавшиеся убийствами М. Герценштейна (18 июля 1906 г.; см.) и Б. Иоллоса (14 марта 1907 г.; см. XXII, 655/56), шли в одном русле с карательными экспедициями правительства. Достаточно привести на память ряд мероприятий, проведенных Витте, которые он в своих «Воспоминаниях» ставит себе в особую заслугу: разгром Прибалтийского края, где «молодечки» — по выражению Николая II — подвизались такие «завоеватели», как ген. Орлов и кап. Рихтер; ряд карательных экспедиций под руководством ген. Сахарова, Струкова, Дубасова, Столыпина по усмирению аграрных волнений в Саратов., Тамбов., Чернигов. и др. губ.; подвиги Скалона в Польше, Мина и того же Дубасова в Москве в дни

декабрьского восстания; усмирение эвакуируемых из Сибири войск Меллером-Закомельским и Рейненкампом, громившими демобилизуемую армию с двух концов, — чтобы оценить все значение девиза первого премьер-министра: «отвечать силою силою», девиза, который являлся более скромной формулировкой боевых лозунгов «русских людей», призывавших просто «истреблять мятежников» и «бить жидов». Кровавая диктатура Столыпина (см.), превратившего смертную казнь в «бытовое явление», «битые стекла» во время пожара, и затаившего мертвой петлей свой «стольпинский галстук» на шее русской революции, и была той военно-полевой диктатурой, к которой взывали черносотенные «объединенцы» во главе с Пуришкевичем и на сторону которой стала затем и буржуазия, испугавшаяся революции.

Таковы были ближайшие результаты активной реализации лозунга «единения царя с народом», провозглашенного с крайнего правого крыла контр-революции. Однако, попытка вовлечения в это «единение» широкой массы «народа» путем пропаганды при посредстве черносотенных «чайных», «рабочих клубов», «кас взаимопомощи», обществ «хоругвеносцев» и всякого рода «братств» и «дружин» — успеха не имела. Ставка на «темноту» народную и спекуляция на темные инстинкты обывателей и отбросов общества сорвалась, приводя к скандальным разоблачениям. В результате Столыпину пришлось отказаться в значительной мере от услуг черносотенных союзников и лишить их широкой материальной поддержки, без которой и патристический «энтузиазм» истинно-русских людей должен был сильно понизиться, и боевой аппарат их организации притти в совершенный упадок, особенно после того как вслед за переворотом 3 июня 1907 г. правитель-

ство закончило «ликвидацию» революции и решило опереться на «законнослухную» «обновленную» (III-ью) Госдуму, где оно обеспечило себе поддержку представителей имущих классов (см. XVI, 204/10). При таких условиях основная миссия «союзников» — борьба с «революцией» и Госдумой, куда теперь они получили открытый доступ, теряла свое значение. Образование же думской правительственной партии «националистов» и октябристского «центра» отодвигало крайних правых на задний план. Аграрно-буржуазный курс стольпинской политики оказывался в противоречии с дворянско-крепостническими идеалами «зубров», ненавидевших буржуазию, и правительство 3-го июня спешило размежеваться со своими слишком усердными недавними союзниками. Правительство могло действовать с тем большею уверенностью, что за время от 17 октября 1905 г. и до 3 июня 1907 г., в период крушения «конституционных иллюзий» и угрозы «социальной революции», в недрах русского общества, его буржуазных слоях произошел знаменательный поворот и совершилась такая переоценка «революционных ценностей», что правительство могло считать кампанию выигранной. Либеральный фронт окончательно повернулся спиной к демократии и революции и устремил свои взоры в сторону той самой «преступной» власти, которой еще в первой Думе его лидеры кричали: «в отставку!», а во второй — «руки прочь!»

Момент всеобщей политической забастовки и обнародования манифеста 17 октября был одновременно и апогеем революционного фрондирования либеральной буржуазии и началом ее отхода от революции. Либералы, в лице К.-д. партии и «мирнообновленцев», поспешили объявить, что революция кончена и наступил период мирного строительства: консти-

тудия отменяла революцию. Либералы высказываются теперь за «реформу» сверху, этот «побочный продукт революции», отвергая самую революцию, которая им больше не нужна, раз «завоевание» политических прав, как им казалось, уже достигнуто. В особом открытом письме Милюков осуждает «вторую» забастовку. «Горе тому народу — провозглашает Кузьмин-Караваев на страницах «Руси» — который путем военных восстаний мечтает добиться свободы, равенства и права!... Мы должны вырвать дорогую отчизну из рук тех, кто ее поставил на край гибели, и не дать в руки тех, кто готов ее бросить в водоворот социальной революции или нашей русской пугачевщины». И автор вместе с Петрункевичем в к.-д. «Правде» приходит к тому заключению, что «пока — правительство единственный орган, вокруг которого можно объединиться». В Гос. думе либералы видят отводный канал революции и принимают все меры к тому, чтобы ввести «революцию» в «законное русло» настоящей «парламентской» борьбы. «Мирная конституционная борьба» — декларировали они. Таким образом, путем обходной диверсии правительство достигло своей цели, выдвинув конституционную ширму. Оказавшись в избирательной кампании единственной оппозиционной партией, к.-д. одержали «блестящую» победу. Заняв руководящее положение в первой Думе (см. XVI, 191/99), они весьма скоро успели позабыть многие из своих «клятв» и деклараций. Вопрос об учредит. собраниях, времен. правительстве и угроза «разрыва» с правительством уже отпали. Думское большинство вводит строгий парламентский декорум и явно делает установку на сговор с правительством, хотя после декабрьского восстания, накануне открытия Гос. думы, Витте уже довольно грубо оборвал переговоры с «общественными деятелями».

Стягуя войска вглубь страны и обеспечив себя средствами (заем). правительство, проводя контр-революционную погромную кампанию, не ожидая более и в услугах Витте, поспешило его убрать, заменив его явным реакционером И. Л. Горемыкиным (апрель 1906 г.). Всем этим уже predetermined была судьба Гос. думы, так что с первых же дней ее существования стало очевидно ее полное бессилие и нежелание правительства считаться с нею. Пока к.-д. вели свою игру в «парламент», правительство, под шум речей думских ораторов, продолжало душить последние вспышки революционного движения в ответ на плагионическую декларацию руководящей думской партии: «исполнительная власть да подчинится законодательной!» Монументальная фигура председателя Гос. думы С. А. Муромцева (см.), торжественный парламентский ритуал, введенный им в Таврическом дворце, били в глаза своим контрастом манере правительства третировать первое народное представительство Р. Николай II отказался принять думскую депутацию с ответным «адресом» на «тронную речь» 27 апр. Еще красноречивее было выступление премьера Горемыкина с ответной декларацией правительства на думский адрес. В своем адресе Дума выставила ряд требований: о всеобщем избирательном праве, об ответственности министров перед народн. представителем, об отмене чрезвычайных законов, устранинии Гос. совета, обеспечении «свобод», отмене смертной казни, об обращении казенных, удельных, кабинетских, монастырских, церковных земель, с принудительным отчуждением земель частновладельческих, на удовлетворение земельной нужды крестьян, об охране труда, удовлетворении потребностей отдельных национальностей, облегчении положения армии и флота и, наконец, об амн стии.

В ответ на это «лучшие люди» земли русской, как величала их тронная речь, услышали из уст премьера (13 мая) отказ по всем пунктам с указанием, что Дума вторгается в запретную область царской прерогативы и выставляет такие «недопустимые» требования, как отмену смертной казни, «принудительное отчуждение» земель, что и «должно привести к разрушению самого основания нашей государственности». Что касается самого правительства, то оно явилось перед Думой с пустыми руками и без всякой «программы», не имея ни одного законопроекта в своем портфеле, если не считать издевательского представления о постройке прачешной и оранжереи в юрьевском университете. Но правительство не только на словах, но и на деле демонстрировало свое игнорирование народн. представительства, проведя госуд. роспись перед самым созывом Гос. думы через Гос. совет прежним порядком, продолжая применять смертную казнь, произвольные аресты, закрытие «левых» газет, словом, действуя так, как будто бы ничто не изменилось со дня 17 октября. При таких условиях судьба Думы была предрешена. В центре борьбы и в данном случае стоял аграрный вопрос, борьба за «мужика», в которой к.-д. думская фракция пыталась сыграть роль «честного маклера» между царем и народом. Правительство и здесь, желая сорвать выступление Думы по аграрному вопросу, действовало с явным намерением дискредитировать последнюю. После неудачных выступлений в Думе (Стишинского, Гурко) по крестьянскому вопросу и критики М. Герценштейна (заплатившего за свое выступление жизнью 18/VII 1906 г.), правительство опубликовало 20 июня 1906 г. «Правит. сообщение» с разъяснением крестьянам, что земельная реформа, проектированная Думой, допущена быть не может, но

что правительство, не посягая на священную собственность, сумеет удовлетворить нуждающихся. Это был последний удар по Думе, на который она решила с своей стороны ответить «обращением» к населению. Характерно, что к.-д. попытались было предотвратить эту попытку связать народное представительство с массой крестьянства и, в противовес трудовикам и небольшой группе с.-д. (гл. обр. представителей Кавказа), внесли в свою очередь контр-проект «воззвания», имеющий целью «успокоение» деревни, а вовсе не организацию внедумской поддержки народных представителей со стороны крестьянских масс. Страх перед народом и в данном случае делал позицию либералов двусмысленной и толкал их вправо. Но правительство ни в коем случае не могло допустить подобной демонстрации и поспешило осуществить давно решенную меру — разогнало Думу (8 июля).

Так рухнула первая конституционная иллюзия либералов. Возмущенные депутаты разогнанной Думы не решились, однако, по примеру Генералов революционной Франции объявить себя национальным собранием, но все же, не подчинившись насилию правительства, собрались на совещание в Выборге в Финляндии 9—10 июля, в количестве около 200 чел., и постановили выпустить «воззвание» к «гражданам всей Р., в котором призывали население «стоять крепко за поправные права народного представительства» и «до созыва народн. представительства» не давать «ни копейки в казну, ни одного солдата в армию». Это был последний революционный жест либеральной буржуазии, от которого она, однако, вскоре отрекалась, признав выборгск. демонстрацию «ошибкой». Характерно, что на самом «выборгском» процессе (12—18 дек. 1907 г.) члены к.-д. партии старались убедить суд, что,

подписывая «воззвание», они имели в виду не возбуждать «анархию, а предупредить новую смуту, новые беспорядки и, м. б., пролитие крови» (речь Петрункевича на суде), с какою целью и «сочли необходимым указать народу средство защиты его прав, известное под названием пассивного сопротивления» (Коккошкин).

Правительство воспользовалось привлечением «выборжцев» к суду для того, чтобы устранить от выборов наиболее видных представителей к.-д. партии и левой оппозиции перед созывом второй Думы, которая должна была собраться лишь в феврале 1907 г.

Семимесячный перерыв между думья, как нам известно, был использован новым премьером П. А. Столыпиным для введумского законодательства, с одной стороны, и для контр-революционной борьбы, с другой, а также в целях собиранья сил реакции вокруг окрепшего правительства, которое после первого опыта роспуска Думы могло убедиться, что массовое движение унало и обесслено. И роспуск Думы, как и выборгское воззвание, не вызвал мощного отклика в низах, если не считать некоторых эпизодических выступлений (Кронштадт, Свеаборг, Ревель), с которыми власти скоро расправились. Столыпин уже без всяких колебаний ступил на путь самой беспощадной реакции, открыто заявив во II-й Думе, в ответ на запрос о военно-полевых судах, что государство обязано в чрезвычайных обстоятельствах принимать чрезвычайные меры: «это было, это есть, это будет всегда и неизменно». Правительство чувствовало себя тем более самоуверенно, что число его союзников из лагеря буржуазии росло по мере того как страх перед низверженной «социальной революцией» начинал проходить. Если на левом фланге либеральной буржуазной оппозиции поворот в сторону контр-революции совершался в известной посте-

пешности и с сохранением некоторых аппаратов антиправительственной бравалды, то среди земцев-аграриев и поместного дворянства, в особенности, реакционный курс заявил себя наиболее откровенно и решительно. Терроризированные аграрной революцией земцы-помещики уже с нач. 1906 г. бросились в объятия правительства, требуя принятия самых решительных мер против «анархии». Либеральные помещики перекидываются на сторону реакции и сближаются с правыми элементами из земской среды и «объединенного дворянства». Правительство громит земск. управы, очищая их от «неблагонадежных» элементов, а земск. собрания исключают из своего состава «выборжцев» и, по примеру дворянских собраний, ведут кампанию против «третьего элемента», особенно против статистиков, находящихся в ближайшем соприкосновении с крестьянством. Земствами овладевают «зубры» и крайние реакционеры, вытесняя «либералов» с единственной целью вырвать из рук последних местные учреждения, вести которые они, однако, оказываются совершенно неспособными, что и приводит к развалу земского хозяйства. Из этих-то элементов и будет формироваться столыпинская фракция националистов III-ей Гос. думы. Поскольку же главным прибежищем этих кадров являлся «Союз 17 октября», мы констатируем столь же резкий поворот вправо и этой партии, никогда не терявшей из поля зрения «видов правительства». И если в период своего первоначального строительства она призывала к «содействию правительству, идущему по пути спасительных реформ», то теперь она призывала к содействию правительству в деле «энергичного подавления революционного насилия» вплоть до воен.-полев. судов, решительно протестуя против «политических забастовок» и «воору-

женных восстаний». Потерпев поражение на выборах в I-ую и II-ую Гос. думу, октябристы тем охотнее санкционируют их роспуск, особенно II-й Гос. думы, выдвигая ту мысль, что «в настоящий момент революция, а не правительство, является помехой к обновлению нашего отечества», и подчеркивая, что благодаря выступлениям «думских революционеров» страна толкается на путь новых «массовых выступлений».

В том же направлении, хотя и иными мотивам, порывая с «Союзом 17-го октября», выступила, в качестве пособника контр-революции, и крупная промышленная буржуазия, быстро окончившая со своей недавней «оппозицией» правительство. Настренившие промышленные кругов, выступивших в разгар революционного подъема на защиту конституции, уже вскоре после манифеста 17 октября определилось характерным заявлением: «наш лозунг — довольно революции, да здравствует Р.!». Тогда же устами торг.-пром. партии крупная буржуазия высказалась за «полное содействие правительству», а орган промышленников «Новый путь» расшифровал эту директиву, высказавшись в свою очередь «за успокоение и за обновление Р., исходящее от царя в единении с Гос. думой». «Введение военного положения при одновременном даровании русскому народу широких реформ и свобод» — так откровенно была резюмирована представителями банков «программа» г. г. капиталистов еще 13 окт. 1905 г. Но это было время, когда Морозовы, Рябушинские, Четвериковы и К^о еще верили в Думу, т.-е. в свое влиятельное участие в ее работе. Однако, результаты избирательной кампании, когда им удалось провести всего лишь одного своего представителя, а затем общее направление первого русского парламента сразу же оттолкнули промышленную буржуазию от явно чуж-

дой ее интересам «барской», интеллигентской Думы. Констатируя, что «интересы торговли и промышленности, как таковые, для Думы были и остались совершенно чуждыми», промышленники отходят от «политики» и выдвигают новый лозунг «неотложного объединения фабрикантов и заводчиков в союз для противодействия массовым забастовкам и «борьбы» с рабочим движением по всему фронту в союзе с самодержавной бюрократией, с которой они теперь вступают вновь в тесное общение, обходя Гос. думу и воздействуя на правительство с «заднего крыльца» министерств. Начинается спешная организация «союзов работодателей», растут биржевые объединения, образуются «советы съездов» промышленников как орудие классовой борьбы. Вырабатываются «общие правила» рабочей политики и тактики по принципу: никаких уступок! Вводятся так наз. «черные списки» «неблагонадежных» рабочих, наиболее активно заявивших себя в общем движении, и основной целью борьбы с рабочим движением выставляется «уменьшение рабочей платы до прежней нормы и увеличение рабочего времени посредством контр-забастовок», т.-е. локаутов. В то же время начинают быстро расти мощные синдикаты, комбинаты, и русские промышленники вступают с решающим голосом в «интернационал» капитала — «Международный конгресс торговых палат и торг.-промыш. организаций». Выдвигая теперь на первый план свои классовые интересы, представители крупной индустриальной буржуазии не настаивают уже более на «единстве интересов сельского хозяйства и промышленности», как это имело место в момент образования «Союза 17 октября», но, напротив, спешат теперь отмежеваться от «октябризма» дворянско-помещичьих элементов. Фронт либеральной бур-

жуазии расплывается по всем швам. Если в отношении «общего врага» — «революции» настроение этих кругов и обнаружило более или менее согласную тенденцию, то в понимании своих групповых, классовых интересов внутри буржуазного лагеря всякое единство исчезло. В выигрыше оказывалось при таких условиях больше всех контр-революционное правительство, к которому теперь были направлены взоры и надежды буржуазии в целом, на все лады и голоса апеллировавшей к «твердой власти».

Всеми этими фактами уже наперед предопределялась судьба II-й Гос. думы (см. XVI, 201/04). Если первая Дума оказалась бессильной, так как за кадетами не стояло народных масс, то трагизм положения II-й Думы заключался в том, что, несмотря на ее более левый состав, она собралась в момент окончательного подавления революционного движения и поэтому также не могла рассчитывать на поддержку народа. Своим вотумом, вопреки всем мерам, принятым правительством в целях влияния на исход избирательной кампании (массовые «разъяснения» кандидатов, запугивания избирателя и т. п.), избиратели показали, что оппозиция не убита, но лишь подавлена силой. Но в то же время было ясно, что никакой активной поддержки со стороны масс ожидать было невозможно. Вторая Дума оказалась совершенно изолированной, один на один с правительством столыпинской диктатуры, в окружении перекинувшейся на ее сторону либеральной буржуазии и при диком разгуле контр-революции. Но и внутри себя собравшаяся 20 февр. 1907 г. вторая Дума представляла конгломерат весьма разнородных элементов, так что думское большинство оказывалось крайне неустойчивым при явном усилении правого и левого крыла Думы. Поскольку на этот раз в избират. кампании приняли активное уча-

стие социалистические партии, к.-д. сразу потеряли половину своих мест, сравнительно с первой Думой, получив всего 10,2% депутатских мандатов. За счет их сильно возросла социалистич. группа (свыше 100 м.), первое место среди которой заняли с.-д. (65 мест); трудовики получили 104 места. Остальные места распределялись между более мелкими партиями и группами, правыми и умеренными, от «Союза русского народа» (Пуришкевич, Крушеван, Бобринский и др.) до октябристов, мирнообновленцев и прогрессистов включительно. Ни одна партия не имела при такой ситуации большинства в Думе, и исход голосований зависел в значительной мере от того, какую позицию в каждом отдельном случае займут вечно колеблющиеся то вправо, то влево к.-д. и трудовики и прежде всего буржуазный центр Думы, тем более, что внутри с.-д. фракции, в которой преобладали меньшевики во главе с Церетели, также не было единства и сплоченности, и попытка большевиков сорганизовать самостоятельный «левый» блок в Думе в противовес к.-д. встретила решительное сопротивление со стороны меньшевиков, которые и здесь не желали порывать своего контакта с либеральной буржуазией. В результате первых же столкновений из-за формирования президиума Думы председателем ее был избран к.-д. Ф. А. Головин, а товарищем трудовик Березин, из социалистов же никто в президиум не вошел. Если октябристы и правые сразу взяли открыто реакционный тон в своих выступлениях, то к.-д. продолжали пятиться все дальше вправо, хотя и старались прикрыть свое отступление с последних демократических позиций дипломатическими маневрами и парламентской риторикой. От «штурма» правительства в первой Гос. думе они теперь, по их заявлению, перешли к его «осаде», провозгласив

в то же время принцип «бережения Думы», продолжая втайне питать надежду на министерские портфели.

Новый поворот вправо к.-д. партии казался особенно ярко в ее думской тактике, в попытках срыва наиболее решительных выступлений Думы, исходивших от ее левого крыла, о «дружбе» с которым теперь уже не могло быть и речи. Уже «молчание» к.-д. в ответ на столыпинскую декларацию явилось достаточным показателем нового метода либеральной «оппозиции» в Думе. Вытирание к.-д. за бюджет и контингенты армии служило свидетельством, что ни о какой «осаде» говорить не приходится. Либеральная буржуазия просто капитулировала перед правительством Столыпина. Боязнь открыто разорвать с правительством сказалась в и оттягивании обсуждения столыпинского аграрного законопроекта. Особенно примечательно было выступление к.-д. фракции во II-й Думе по аграрному вопросу, когда голосовались директивные резолюции для аграрной комиссии. Желая избежать упоминания в резолюции требования «принудительного отчуждения», которое, по их заявлению, каждая думская фракция понимает различно, кадеты предложили не выносить никаких принципиальных директив и таким образом с помощью правых сорвали голосование, и Дума признала, что «принимать какие-либо формулы не следует». Такую же obstructивную политику вели к.-д. и по поводу отдельных запросов левых (напр., по поводу усмирения Прибалтийского края) и разного рода их предложений (напр., о посылке депутатов «на места» по поводу голода). Если таким образом, по замечанию октябриста проф. Герье, к.-д. в начале революции «вовсе не желали броситься вниз головой в революцию, а хотели плыть на ее поверхности, поддерживаемые ее течением», то теперь они уже открыто

поплыли против ее течения, к противоположному берегу, где расположился стан октябристско-правого блока. Весьма характерно в этом смысле писал официальный орган партии «Речь» в день последнего заседания II-ой Думы перед ее роспуском, повторяя в своей руководящей статье уже известную декларацию «Голоса Москвы»: «взгляд наш на невозможность совместительства парламентской деятельности с революционной мы высказывали неоднократно. Партия народной свободы более какой-либо другой поработала для того, чтобы ввести политич. борьбу в русло парлам. тактики. Мы начинали уже пожинать первые плоды нашей работы... Теперь вся эта работа... грозит оборваться, — по чьей вине?». Ответ на этот вопрос был дан в Думе октябристом Сазоновичем во время прений о выдаче с.-д. депутатов, которым было предъявлено обвинение в замысле на «государственный переворот». «Мы переживаем, сказал оратор, ту опасность, какая угрожала Франции со стороны Коммуны... Дело в том, что у нас совершается не политическая революция, а социальная революция». И Сазонович напомнил при этом, что «французское народное представительство в 1870 г., как один человек, голосовало за уничтожение социальной крамолы всеми возможными, находящимися в распоряжении государства средствами». Так октябристы договаривали с думской трибуны то, о чем к.-д. позволяли себе высказываться лишь в своих официозах.

Так вышедшие из одного земско-либерального гнезда к.-д. и октябристы, в качестве представителей двух течений «либерально-монархической буржуазии», сначала разойдясь как две чуждых друг другу партии, в процессе последующей своей эволюции обнаружили свое явное родство перед лицом общей опасности.

В конце концов, лишь одни большевики сохранили неизменной свою революционную позицию и «неурезанные лозунги» с шестью основными пунктами: 1) учредит. собрание, 2) вооружение народа, 3) политич. свобода, 4) самоопределение народностей, 5) 8-мичас. раб. день и 6) учреждение крестьянских комитетов в целях проведения демократич. преобразований и аграрных мероприятий вплоть до конфискации помещичьих земель. Но пока они оставались в одиночестве с этой программой среди прочих партий и думских фракций. Именно на них, с распадом революционного фронта, были теперь и справа и слева направлены все удары, как против последнего оплота революции. Но, конечно, с особенной силой на них обрушилось правительство, которое, распустив 3 июня II-ую Думу, обратило свои репрессии на с.-д. фракцию, отправив ее членов в Сибирь, кого — на поселенье, кого — на каторгу.

Так обе первые Думы закончились политическими «процессами», в результате которых одни из Таврического дворца попали прямо в «мертвый дом», другие, отрекшись от «кошбоек» своей политической «молодости», ступили на стезю примиренчества с карающей властью. Правительство и в том и другом случае оказывалось победителем, действуя с первых же дней открытия второй Думы наверняка, с полным сознанием своей силы. Это сказалось уже в самоуверенном выступлении Столыпина 6 марта 1907 г. с правительственной декларацией, где, позируя в качестве конституционного премьера, последний в «либеральных» терминах развернул обширную контр-революционную программу законодательных мероприятий, часть которых уже была осуществлена правительством в порядке 87 ст. Приглашая Думу к сотрудничеству с правительством, Столыпин характеризовал это последнее, как «пра-

вительство стойкое и чисто русское», хранящее «исторические заветы Р.», подчеркнув при этом, что «Гос. думе не дано право выражать правительству неодобрение, порицание или недоверие». Но по мере того, как при таких условиях выяснялись взаимные отношения Думы и правительства, Столыпин все повышал тон своих вызывающих речей, провозглашая открыто, что «бывают роковые моменты в жизни государства, когда государственная необходимость стоит выше права» и гос. власти все позволено. В таких случаях власть уподобляется хирургу, «исцеляющему трудно больного». Точно также и в своем выступлении по аграрному вопросу (10 апр.) премьер, защищая право собственности, как «право способного, право даровитого», и протестуя против посягательств на «социальный переворот» (экспроприацию помещиков), решительно отверг «путь радикализма» «великих потрясений», приравнивая без стеснения сторонников думского аграрного проекта к преступникам против «государства». Таким образом, правительство с самого начала шло на решительный разрыв с Думой, предприняв заранее ее роспуск, который и последовал на 103-ий день ее эфемерной жизни.

На этот раз дело шло не просто об очередном «ропуске» Гос. думы, а о государственном перевороте, который должен был покончить с народным представительством, завоеванным революцией, с тем, чтобы на его место — путем открытого нарушения 86 ст. «Основных законов» — поставить Думу 3-го июня, собранную после пяти-месячного «бездумья» на основании нового избирательного закона. Это был последний заключительный акт столыпинской политики ликвидации революции. Правительство действовало с твердой уверенностью в своей полной безнаказанности при активном выступлении крайних правых реак-

ционных элементов, пассивной в большинстве случаев поддержке буржуазии и бессилии разгромленных кадров революционной демократии. В центре «внутренней политики» Столыпин им был поставлен аграрный вопрос с явным расчетом вырвать деревню из рук революционных партий. Сначала, как мы видели уже выше, под влиянием охватившей его паники, правительство Трепова-Витте вынуждено было пойти на ряд уступок в смысле издания целой серии указов, которые имели целью содействие в известной мере расширению крестьянского землевладения (с хорошей премией для помещиков) и поощрение свободных переселений. Дело доходило до того, что Трепов, а затем «особая комиссия» под председательством Кутлера высказались за необходимость «принудительного отчуждения», а Дубасов предлагал даже оставить за крестьянами те земли, которые они уже фактически захватили во время движения 1905 г. Подобного рода отчаянные проекты вполне отвечали стремлениям терроризованных помещиков, которые спешили выбросить на рынок, при посредстве Крестьянского банка, свои земли, рискуя иначе потерять их без «выкупа» и «справедливой оценки» в процессе ближайшей революционной экспроприации. Как известно, в период 1906 — 1907 гг. помещиками было заявлено к продаже 8,7 млн. десятин. Однако, по мере того как панические настроения проходили и правительство овладевало положением, происходил и его переход к новой аграрной политике. После того как Трепов умер и Кутлер заплатился за свой проект отставкой, Столыпин, в качестве диктатора и безответственного премьера, решительно перенес центр тяжести аграрного вопроса от проблемы о расширении площади крестьянского землевладения на проблему об изменении форм крестьянского

землевладения, перейдя к политике насаждения частной «неотъемлемой» земельной собственности, так наз. «хуторского» или «отрубного» хозяйства, как «крупной индивидуальной собственности». Разжигая общественные аппетиты среди крестьянства со ставкой на «богатого, достаточного» крестьянина-кулака, Столыпин тем самым вносил в деревню острую классовую борьбу, в то же время отвлекая ее внимание от «революции» (борьбы с помещиком), втягивая в «землеустроительную» кампанию, насильственно в то же время разрывая еще уцелевшие общинные связи. Таков был, именно, настоящий политический смысл аграрной реформы 9 ноября 1906 г., этого «второго раскрепощения», по выражению Герье, приветствовавшего, вместе со своей партией, «освобождение крестьянства от власти и произвола общины». Реформа Столыпина, по существу, произвела целую революцию в деревне, вовлекая крестьян в стремительный водоворот земельной мобилизации и коренной перестройки земельных порядков на местах. Если еще недавно министр внут. дел Дурново видел единственное средство против аграрной революции в беспощадной борьбе с «бунтовщиками» и в своих циркулярах 1906 г., обращенных к губернаторам, писал, что «деревни бунтовщиков полезно стереть с лица земли, а их самих истреблять без снисхождения силою оружия», то Столыпин, не отказываясь, конечно, и от «силы оружия», умнее пользовался которым он показал еще в бытность свою саратовским губернатором, теперь сумел найти более тонкое «оружие»: политику аграрно-землеустроительную, политику, которая им была особенно широко развита в период действия III-ей Думы. Расчет Столыпина оказался до некоторой степени верен: на это указывают хотя бы цифры крестьянских хозяйств, захваченных мобилизацион-

ним движением столыпинской реформы, достигающие 36%, бывших общинных дворов, к концу 1913 г. перешедших на выдел. Конечно, ни земельные подачки правительства через Крестьянский банк с соблазнительной цифрой в 11 млн. десятин, находящихся в распоряжении права, согласно указам 12 и 27 авг. 1906 г., ни открытая отдушина в виде переселений, ни тем более усиленное насаждение «хуторов» ни в какой мере не решали аграрного вопроса. Напротив, во многих случаях они являлись новым поводом к его обострению, форсируя процесс дифференциации сельского населения.

Эпоха благополучного пятилетия «работы» III-й Думы с предшествующим ему пятимесячным предумышленным является периодом наиболее прочной стабилизации реакционного курса. Правительство могло отдаться своему контр-революционному «творчеству», которое прежде всего и ярче всего сказалось в обнаружении нового избирательного закона 3 июня. Самая возможность появления подобного акта говорила о глубочайшей внутренней реакции, охватившей всю страну, несмотря на проявление отдельных, как будто бы достаточно резких фактов открытого протеста, которые, однако, при ближайшем рассмотрении оказывались как раз наиболее показательными симптомами общего упадка. В царском манифесте 3 июня II-ая Гос. дума прямо обвинялась в «явном стремлении увеличить смуту», что выразилось, в особенности, в ее «уклонении от осуждения убийств и насилий», на чем усиленно настаивали правые депутаты. Отметив затем «неслыханное в летописях истории деяние заговора целой части Гос. думы против государства и царской власти», манифест прямо приписывал «звукратный неуспех» деятельности Гос. думы «несовершенству избирательного закона».

объявляя, что впредь «Дума должна быть русской и по духу и по своему составу». «Иные народности не имеют права быть «вершителями вопросов чисто русских», а потому, с одной стороны, должны быть ограничены в числе своих представителей, с другой — вовсе лишены «временно-политических прав «в тех окраинах государства, где население не достигло достаточного развития гражданственности» (Ср. Азия). Эта декларация воинствующего черносотенного национализма, выполнявшая, как мы знаем, директивы «Союза объединенного дворянства» и дубровинского «Союза русского народа» от 23 дек. 1905 г., и была положена в основание закона 3 июня (см. XVI, 204/08). Миссия III-й Гос. думы — создание «конституционного» союза землевладельцев и крупной буржуазии, при гарантированной гегемонии 130 тысяч дворян-помещиков, — получила полную реализацию. *Б. Сыромятников.*

XVII. Глазнейшие моменты развития уголовного права и суда в дореволюционной Р.—1. Уголовное право. Уголовное право, являясь одним из отражений общественной идеологии, резко других областей права выражает характер классового господства на каждом этапе развития классового общества. Дореволюционное русское уголовное право императорского периода служит яркой иллюстрацией построения «особой машины для подавления народа, одного класса другим и притом большинства меньшинством» (Ленин). «Понятно, что для успеха такого дела, как систематическое подавление меньшинством эксплуататоров большинства эксплуатируемых, нужно крайнее свирепство, зверство подавления, нужны моря крови, через которые человечество и идет свой путь в состоянии рабства, крепостничества, наемничества» (Ленин, «Государство и революция»). В странах Запада в своем феодаль-

ном и капиталистическом развитии прошли через этот путь «крайнего свирепства и зверства подавления», но в Р. он наступил несколько позднее и затянулся в своей неприкритосвирепой форме дольше, чем в других капиталистических странах, перешедших с развитием капитализма к более замаскированным и искусным формам эксплуатации.

Уложение (см.) 1649 г. было отражением растущего абсолютизма, царского самодержавия, и покоилось на религиозной санкции и страхе государева гнева: «А кто учинит злодеяние, не бояся бога и не опасаяся государския опалы и казни» — вот обычная формулировка грозных запретов этого Уложения, а санкция их предписывала «казнить смертью безо всякия пощады, чтобы на то смотря иным не повадно было так делать», или «наказати нещадно», «безо всякия милости». Первенствующую роль в нем играют преступления, направленные против государя, против порядка управления, неуважение к особе царя, неисполнение царских указов, преступления против религии, на учение которой опиралась царская власть, и т. п. Новая династия Романовых здесь стремилась подчинить своей власти все классы общества и выработать крепкую «машину подавления», которой она могла бы пользоваться при проведении своей политики. Квалифицированные смертные казни, членораздельные и истязательные телесные наказания, беспощадные пени и лишь в редких случаях тюрьма и ссылка обильно рассыпаны среди его «страшных глав» (X, XXI—XXII в особенности). Это Уложение — правда, видоизмененное и смягченное последующими указами — сохраняло свое действие почти 200 лет (до Свода законов, т. XV, 1832 г.), и его не могли поколебать все проекты, выработавшиеся за этот период ему на смену. Даже Свод законов 1832 г.

не был формально отменой этих старых законов, так как он не реформировал, а лишь инкорпорировал старое уголовное законодательство. Лишь с Уложения о наказаниях 1845 г. можно формально говорить о полной его отмене.

Конечно, двухсотлетний перюд действия Уложения 1649 г. значительно ограничил применение многих его статей, смягчил санкции их, выработал новые запреты и новые виды наказаний, но царское правительство и суды постоянно имели возможность оживить всю строгость его законов. И когда Верховный суд в 1826 г. вынес смертный приговор 36-ти из участников декабрьского восстания и пятерых из них приговорил к четвертованию, он действовал на твердом основании постановлений этого Уложения (см. XVIII, 151/52).

Петр I в своем уголовном законодательстве следовал лишь традициям своего отца, расточая беспощадные угрозы за нарушение своих приказов. Правда, содержание этих приказов отражает в себе в большей мере «государственную пользу», т.-е. интересы военного строительства и насаждения торговли и ремесл. Понятие преступления в петровскую эпоху почти сливалось с нарушением казенного интереса или мер, проводимых правительством. Его многочисленные указы, угрожавшие смертной казнью, каторгой, разорением всего имения и ссылкой, жестокими телесными наказаниями, к числу которых относятся указ о взяточничестве 1714 г., о запрете построения каменных домов во всей империи, кроме Петербурга (того же года), о запрете ношения бород и русского платья и сапог, против утайщиков казенных доходов и пр., были лишь частными выражениями той общей мысли, которая ярче всего выражена в указе 22-января 1724 г.:

«Сказать по всем государстве (дабы поведением никто не отговаривался), что все повордители и преступники интересов государственных со вымыслу, кроме

простоты закои, таких безо всякие пошады казнить смертно, деревн и живото брат, а ежели кто пошадит, тот сам тою казнью казен будет; для того надобно изъяснить интересы государственные для кразумления людям, а партикулярные прегрешения оставлять на старых штрафах и на рассуждени Сематаа.

Изданные Петром Воинский устав 1716 г. и Морской устав 1720 г. были компиляциями действовавших тогда на Западе законов военного характера, слегка исправленных Петром. Воинский устав, составленный саксонцем Кромпеном и «переведенный» на русский язык другим немцем Гюйсоном (едва знавшим язык и сохранившим добрую треть всех терминов в их немецком произношении, не говоря уже о построении фраз), был попыткой насадить в Р., на ряду с нпоземным ратным обучением и военным искусством, и иноземное военно-уголовное право эпохи XVII в. Он ввел в законодательство ряд новых преступлений, о которых тогдашние русские люди знали только разве понаслышке, как поединки и пашквили, чернокижне и скотоложство, а в области чисто воинских преступлений — «акорды с неприятелем», «принятие от неприятеля патентов», кражу и продажу людей и пр. Воинский устав целиком построен на жестоких смертных и телесных наказаниях XVII в., в истории московского периода в большинстве своем не применявшихся. В главе «О оглавлении приговоров в наказаниях и казнях» дана следующая сводка наказаний, предусмотренных этим уставом:

1. Обыкновенные телесные наказания суть то, егда кто ношением оружия, спречь мушкетов, седел, також закучешем, сдвинанем рук и ног в железа и питания хлеб и воды точно, или на деревянших лошалях и по деревянным колям ходить, или битьем батоном.
2. Жестокое телесное наказание в наших пунктах разумевалца, егда кто тяжелым заключением наказан или сквозь шпидрутен и лозы бегать принужден; також же егда от палача (кнутом) бит и зашитая железом, или обрезаннем ушей, отсеченнем руи или пальцев казнен будет. Тож съмысланем на каторгу вечно или на несколько лет.
3. Наказания смертные чинятся застреленнем, мечем, виселищев, колесом, четвергованнем и огнем.
4. Легкие чести нарушныи наказания суть, егда которой начальшой человек чиню извержен или без задуманного жалования и без пашу (или отпускнуго вл-ма) от полку отослад или на каждагства нашего вышпан будет.

5. Тяжелое чести нарушение, которого имя на виселище прибито или шлага его от палача переломлена в воров (шеля) объявлен будет.

Неудивительно, что при такой системе наказаний главный исполнитель их — палач, или профос, был поставлен непосредственно после «генерала-гевальдигера» и раньше «прочих судейских служителей», и воспрепятствование ему или нападенье на него во время казни угрожается «потерянием живота».

Впрочем, изощренные казни, занесенные из иноземных стран и дополнившие арсенал казней московского периода, существовавших в виде кнута, плетей, урезания носа, языка и ушей, отсечения рук, закапывания в землю, дыбы для пыток и пр., были рассчитаны больше на устрашение, нежели на реальное исполнение. Потребность в рабочей силе для портовых, крепостных работ и для строительства городов побуждала умерять лютость казней и использовать осужденных, после соответственного «наказания на теле», в качестве подневольных государственных рабов. В истории общественного развития враги, захваченные в плен, сначала подвергаются беспощадному умерщвлению, но с того момента, когда открывается экономическая возможность использовать их труд для хозяйственных целей (пастбы скота, обработки земли, выделывания утвари и пр.), они обращаются в рабов. В московский период, при почти замкнутом и натуральном хозяйстве, государство или, вернее, государево хозяйство не нуждалось в рабочих руках, обходясь своей челядью и крепостными. Крупные же государственные начинания Петра требовали сотен тысяч рабочих, платить которым было не из чего. Еще во время своих путешествий по Э. Европе Петр начал присматриваться к формам использования труда заключенных.

«В Венеции, — писал он в своих путевых записках, — которые бытают с славы на кораблх, те в городе ни когда не живут: сделан великий дом на острове — ка

мешная ограда великал, и как придет корабль, или каторга, тотчас всех соберут на тот двор и запрут и караул крепкий всегда стоит; а как на корабле и каторгах итти на море, с того двора отпускают; а большего свету не знают, как на службе живут, так что волею своею отдадутся туркам от безмерного мучения.

Несмотря на такую оценку жесточайших условий работы на каторгах, Петр по возвращении в Р. немедленно стал насаждать здесь эту «каторгу» в форме корабельной, галерной и адмиралтейской, назначаемой на срок или бессрочно. Впервые «каторжные» работы были введены указом от 24 ноября 1699 г., коим предписывалось осужденным за взятки «быть на каторгах, в работе». За этим указом вскоре последовал ряд других (от 15 июля 1700 г., от 14 апр. 1703 г., от 14 янв. 1704 г. и др.), которые значительно расширили применение этой меры. За работами на каторгах вскоре последовали работы по сооружению крепости в Азове, продолжавшиеся до 1711 г., затем работы по устройству Петербурга, по сооружению порта в Рогершпке и т. д. Петр постоянно торопил с доставкой ему новых партий осужденных: «Ныне зело нужда есть — писал он кн. Ромодановскому в сентябре 1703 г. — дабы несколько тысяч воров (а именно, если возможно, 2 тысячи) приготовить к будущему лету, которых по всем приказам, ратунам и городам собрать по первому пути». Несколько позднее, в Регламенте Главному магистрату 1721 г., он осуществил и вторую свою идею — устройство смиренных домов (для женщин) для использования на работе людей «непотребного и невоздержного жития». Сама идея эта была заимствована из Голландии, где в XVII в. (а несколько позднее в ряде ганзейских городов) были открыты «цухт- и шпизгоузы» для мелких нарушителей городского благочиния и нравов.

Уже при Петре уголовное законодательство получило столь пестрый характер, что Петру дважды (в 1700 г. и 1714 г.) пришлось создавать ко-

миссии для составления сводного уложения, включавшего все указы, изданные со времени соборного уложения 1649 г., но при быстрой смене законодательства и при консервативных тенденциях этих комиссий Петр оба раза отвергал составленные ими проекты. В 1719 г. Петр сделал даже попытку ввести в Р. шведское уголовное уложение, но мысль эта не осуществилась за его смертью.

Преминики Петра продолжали безрезультатные работы по составлению сводного уложения (комиссия 1728 г. при Петре II, комиссия 1730 г. при Анне Иоанновне, просуществовавшая до 1741 г.), а на практике продолжали ту же политику суровых репрессий и широкого применения принудительного труда осужденных на каторжных работах и в ссылке. С начала XVIII в., с открытием рудников в Нерчинске и с необходимостью развития хлебопашества в Сибири для прокормления находившихся там служилых людей, стала развиваться ссылка в каторжные работы в Сибирь, увеличивавшаяся с каждым годом. В связи с необходимостью иметь там рабочих людей, был издан при Елизавете в 1753 г. пресловутый указ о замене смертной казни вечной ссылкой с предварительным жестоким наказанием кнутом и клеймением. К 1753 г., как доносил Сенат, наковилось 279 чел., приговоренных к смертной казни, в отношении которых нужно было вынести решение, а 3.579 колодников в тюрьмах ожидали своей участи. Императрица распорядилась о том, чтобы отныне Сенат не беспокоил ее, заменяя сам смертную казнь ссылкой, из которой казна извлекала богатые выгоды, так как нерчинские рудокопные работы давали тогда большое количество серебра. Фактически ни в одном из существующих законов санкция смертной казни отменена не была, и самое распоряжение Сенату было из-

дано в секретном порядке, чтобы не смущать умы. Нещадное битье кнутом («торговая казнь», см.) производило на умы тогдашнего населения впечатление не меньшее, чем смертная казнь, и нередко заканчивалось смертью истязуемого. Легенда о «гуманном характере» этой меры была пущена в оборот позднее, уже при Екатерине; она была подхвачена Вольтером и Блэкстоном, которые поспешили использовать ее как оружие борьбы против широкого применения смертной казни в тогдашней Э. Европе. Но англичанин Коке (см. XXIV, 469/70), посетивший Р. в 70-х гг. XVIII в., в своих записках дает этой «гуманной мере» более верную характеристику:

«Каждый лишенный предрассудков человек не будет иметь очень высокое мнение об этой преслаutoй замене смертной казни, если он учтет, что преступники, хотя и не приговариваются *буквально* к смертной казни, однако их подвергают, при том предельно умеренно, таким наказаниям, которые являют смертельными. Хотя они здесь и сохраняют некоторую надежду на жизнь, однако им фактически прах-дятся лишь в течение более длительного времени переживать ужас смерти и горько ожидать того исхода, который разум стремится пережить в одно мгновение. Если мы учтем, что многие преступники умирают под ударом кнута или от последствий его, что многие из них гибнут от жажды или в 1.800 миль в отдаленную Перчицку и что при бешеном гуде очень скоро умирают из-за брадного воздуха в рудниках, то мы едва ли сможем назвать прах-говор, вынесенный этим несчастным людям, иначе, как медленной смертной казнью».

Совершенно то же пишет и Говард (см.). Ссылка на каторгу была вечной мерой. Уже Петр I указом 1724 г. предписал для отпетины каторжников и предупреждения побегов «вынимать у них ноздри до кости», а Елизавета указом 1746 г. прибавила к этому клеймение, при чем клейма вытравлились на лбу и обеих щеках (вор), «чтобы они от прочих добрых и не подозрительных людей отличны были».

Жестокий дух елизаветинской эпохи нашел свое выражение в проекте уголовного уложения, составленном созданною ею комиссией в 1755 г., где квалифицированные смертные казни, изувечивающие и истязующие телесные наказания рассеяны почти

в каждой статье. И хотя этот проект остался без движения, однако он вернее, чем мягкосердные и велеречивые заявления императрицы в ее манифестах и наказах, отражал государственные воззрения тогдашней эпохи. Выколачивание с населения всевозможных сборов в казну под угрозой жестоких наказаний и «с великим разорением» требовало напряжения кар. К концу царствования Елизаветы было освобождено и возвращено из ссылки около 15.000 человек, осланных только за «кормичество», т. е. за нарушения соляного налога.

В рукописных Восточных И под 30 сент. 1769 мы находим следующую заметку: «Какое положение было при вступлении на престол? — Тюрмы были так наполнены колодниками, что хотя при смерти своей мн. Елизавета освободила до семнадцати тысяч колодников, однако при коронации моей 22 сент. 1762 г. оных еще до восьми тысяч было. Доверность же к правительству никто не имел, но нравы был думать, что такое учреждение не могло вылиться, как вредное общему благу. Жестокие пытки и наказания за безделье, как и за тяжкое преступление, ошестовили так умы, что многим извещалось, что тот-то и самой порядок правосудия, а не какой казней» (Дело б. Арх. мн. ин. деп., т. X, № 17, л. 3—4).

С вступлением на престол Екатерины II в Р. начинают проникать идеи эпохи Просвещения, среди которых наиболее заметную роль играло стремление смягчить жестокость и призывом уголовных наказаний. Сама Екатерина не мало способствовала распространению этих идей как в своих манифестах, так и в Наказе (см.) 1767 г., повторявших мысли Беккариа, Монтескье, Бильфельда (автора двухтомной книги «Политическое учреждения») и др. В своей переписке с «законодателями» тогдашнего «общественного мнения» — Вольтером, Дидро, бароном Гриммом — Екатерина выступала в качестве горючей сторонницы либеральных и гуманных идей того времени. Это было нужно ей, чтобы реабилитировать себя после низвержения и убийства Петра III, вызвавшего много толков в Европе.

Опубликование Наказа на 4 европейских языках было рассчитано на

то, чтобы произвести впечатление на Европу, а не на практическое проведение начал его в жизнь. При характеристике уголовно-правовых взглядов Екатерины русские историки почти исключительно пользуются положениями Наказа, хотя с середины 70-х годов она сама называла его уже «болтовней» и от преклонения пред французами-энциклопедистами переходит к увлечению английским юристом Блекстоном (см.), отражавшим в своих «Комментариях» взгляды английских консервативно-дворянских кругов, слегка смягченные идеями эпохи. Поворотную роль здесь, несомненно, сыграло восстание Пугачева. Екатерина, несмотря на свои либеральные идеи, не оставалась перед применением казни (казнь Мировича в 1764 г., казнь участников убийства архиепископа Амвросия в 1771 г., казнь Пугачева и его помощника Перфильева путем четвертования в 1775 г.). Эти казни были совершаемы в судебном порядке; внесудебные расправы с участниками пугачевского движения исчисляются сотнями и тысячами. Их предписывалось по манифесту 6 апреля 1775 г. «предать вечному забвению и глубокому молчанию», т.-е. запрещалось даже упоминать о них где-либо.

Законодательная работа Екатерины в области уголовного права была достаточно обширной. В 1762 г., в самом начале своего царствования, Екатерина отняла от воевод и низших судебных органов право налагать на кого-либо пытки, так как эти органы чаще всего злоупотребляли ими. В 1767 г. она разослала провинциальным судьям тайный указ о том, чтобы в случае необходимости подвергнуть кого-либо из преступников пытке они излагали письменно обвинительные пункты и посылали их для просмотра губернатору; губернаторам же дана была инструкция вся-

чески воздерживаться от применения пытки, как о том было сказано в Наказе. Впрочем, это не помешало тому, что пытка продолжала существовать, пока не была формально отменена указом Александра I в 1801 г. Екатерина серьезно занялась тюремной реформой, следуя в этом отношении общему направлению второй половины XVIII в., когда с ограничением применения телесных наказаний и фактическим прекращением ссылки (в Англии) вопрос о создании тюрем на рациональных началах был поставлен на очередь (ср. ХLI, ч. 10, 454). Еще в 1768 г. она собрала сведения о существовавших в Прибалтике и в некоторых городах Германии «смирительных домах» (духтгаузах), и на основании их в 1771 г. статс-секретарем Тепловым, по ее поручению, был разработан проект «О доме наказания преступников и исправления развратных в житии» «на рижском основании». В Учреждении о губерниях 1775 г. (ст. 391) имеются уже подробные сведения о строении и режиме смирительных домов, которые надлежало учредить в каждой губернии. Смирительный дом учреждался «ради таких людей обоего пола, которые непотребного и невоздержного жития», куда были отнесены ослушные дети, расточители имущества, гуляки, «рабы непотребные», проститутки, пьяницы и пр. Был принят также ряд мер улучшения положения заключенных в тюрьмах.

В течение долгого времени содержание заключенных в Р. было делом частной благотворительности. Послшков в книге «О скудости и богатстве» сообщает, что в начале XVIII века заключенным, имевшим родных, содержание доставлялось последними; прочие же, которым нечем было кормиться, посылались ежедневно вместе со сторожами, будучи сжованными по два человека,

по торгам и дворам для собирания милостыни, при чем все собранное делилось между всеми заключенными. Единственный расход, который казна принимала на себя, была покупка соломы для подстилки на полу на ночь, при чем эта солома переменилась всего два раза в год.

В дальнейшем положение почти не изменилось, и лишь было обращено внимание на то, чтобы колодники, просящие милостыню, своим видом и поведением не нарушали общественной благопристойности.

Так, в указе Сената 1736 г. мы читаем, что «Московской коллегии Прания. Сената известно учинилось, что находящиеся в Москве колодники разных приказов, при которых они содержались, отпускаются на сызке для прошения милостыни, без одежды, в одних верхних рубахах, а другие питажи, прикрывая одни спины кровавыми рубашками, а у иных от ветхости рубах и рубаи битые затылья. Сенат поэтому предписывал посылать для прошения милостыни только тех колодников, у которых есть хорошая одежда и которые содержатся не «по интересным делам» (т. е. и за корыстные преступления). Однако, этот указ, по видимому, не подействовал: по крайней мере в 1749 г. Сенатом было снова упомянуто, что «многие колодники, пытаные и в раздранных платьях таких, что едва тела доскучьями прикрыты, стоя скончанными на Красной площади и по другим значным улицам, и «обычно, с криком помыя, милостыни просят, также ходят по улицам по всей Москве по улицам» (П. С. З. № 9571).

С конца 1770-х годов при Екатерине посылка заключенных по улицам для прошения милостыни, по видимому, стала выходить из употребления, и вместо того у ворот тюрем и при церквях были устроены особые кружки для «доброхотных давлений» на содержание заключенных. Впрочем, Говард, посетивший ряд городов в Р. и осмотревший тогдашние русские тюрьмы, сообщает, что арестантам, приговоренным к работам в рудниках Сибири, разрешалось за три дня до отъезда ходить скованными в сопровождении стражи по улицам, слезно моля о милостыне для поддержания себя во время пути, так как выдаваемый им казенный паек был очень скуден. Нормой содержания осужденных в пути, по тем же сведениям, была сумма в 3 коп. в день.

Уже в инструкции о содержании колодников в острогах от 24 дек.

1767 г. было указано на необходимость отпуска средств на пропитание заключенных. В 1768 г. было отпущено 133 руб. 20 коп. на отопление петербургского острога, но лишь через 20 лет (в 1787 г.) состоялось распоряжение о закупке для освещения острогов свечей. С 1783 г. впервые стали отпускать по 200 руб. в год на закупку медикаментов для больных заключенных. Эти распоряжения, однако, касались почти исключительно заключенных в петербургских тюрьмах, изредка посещаемых иностранцами. Указом 12 июня 1796 г. было предписано производить и в других местах лечение больных колодников за счет общих тюремных сумм с тем, чтобы за крепостных, по освобождении их, выплачивали стоимость их лечения владетельные ими помещики.

Характерно отметить, в каком размере оплачивалось содержание колодников и самый труд их. Инструкция 1756 г. предписывала отпускать на каждого заключенного по 1 коп. в день. Позднее было предписано тем из колодников и ссыльных, которые употребляются на казенные строительные работы, давать в виде заработка по 4 и 6-ти денег в день из сумм, определенных на строительные работы. Кокс, посетивший московские тюрьмы в 1778 г., сообщает, что заключенные работного дома получали за 12-часовой рабочий день по 3 коп., столько же получали и колодники, работавшие на крепостных работах в Твери. Говард называет для Москвы еще меньшую сумму — 2 коп. в день за работу, производившуюся с раннего утра до поздней ночи. Стоимость 1 фунта хлеба, отпускавшегося колодникам, определялась в 1 коп. Из сенатского указа 1788 г. мы узнаем, что норма в 2 коп. в день была принята и в провинциальных тюрьмах, но местами ее понижали до 1 коп. Из

рапорта киевского губ. прокурора Катеринича Сенату видно, какво было питание заключенных на эти суммы. «Содержащиеся колодники — пишет он — и получаемыми по 2 коп. деньгами, по нынешней дороговизне хлеба, никак не могут себя пропитать, и по малости употребления пищи частые имеют припадки, а теперь колым паче за произведенным по 1 копейке должны быть подвержены бедственному состоянию». По сообщению Кокса, пища заключенных состояла исключительно из хлеба и кваса, при чем порою в виде наказания их лишали соли.

Голодные нормы питания заключенных сохранялись в русском законодательстве почти до самой революции 1917 г. Ст. 206 устава о содержащихся под стражею указывала, что стоимость содержания арестантов, не причисленных к привилегированным сословиям, должна определяться по стоимости пайка, состоящего из двух с половиною фунтов муки в сутки и полутора гарнца крупы в месяц; при этом оговаривалось, что «в расчет не должны входить мясо, рыба и прочее, составляющее так называемую улучшенную пищу: сие относится на счет подааний от благотворительности». Для лиц привилегированных сословий норма прокормления определялась от семи с половиною копеек до 18-ти коп. в день. Наивысшую норму в 18 коп. получали «прошюереи при соборах, содержащиеся под стражею». Следует иметь в виду, что стоимость денег в эпоху Екатерины была в 4-5 раз выше стоимости их перед мировой войной.

Кроме смиренных домов, Екатерина в указе 1781 г. о различных видах воровства предписала организовывать для осужденных за мелкие имущественные преступления (кражу, мошенничество и грабеж на сумму менее 20 руб.) особые рабо-

чие дома. Создание рабочих домов основывалось на идее отработки осужденным стоимости похищенного «с процентами». Так, при первой краже осужденный должен был отработать «убыток с шестью процентами», «дондеже заплатит то, что украл»; при первом рецидиве к обязанности возмещения вреда присоединялись два удара плетью и отработка «столько же в рабочий дом»; при втором рецидиве — число ударов плетью увеличивалось, и отработка в пользу работного дома повышалась вдвое. При мошенничестве (которое, очевидно, было преступлением, свойственным больше торговым людям, а не «простолюдинам») наказание отработкой было построено таким же образом, но удары плетью заменялись содержанием на хлебе и воде от одних до трех суток.

Идею отработки стоимости похищенного в особых рабочих домах Екатерина вычитала у Блекстона, который, ссылаясь на «Утопию» Т. Мора и труд Беккариа (см.), считал ее лучшей формой воздаяния за имущественные преступления. Следует, впрочем, отметить, что Беккария предлагал эту меру лишь в первых изданиях своего труда «О преступлениях и наказаниях» для несостоятельных должников, заключавшихся тогда в тюрьмы, но в третьем издании, как указывает Говард, он признал свою ошибку и сознался, что этим предложением он нарушил права человечества и испытывает стыд от того, что принял столь жестокое мнение.

По сравнению с существовавшими раньше наказаниями за имущественные преступления новая мера представлялась значительно более мягкой. По Уложению 1649 г. за воровство в первый раз полагалось — битье кнутом, отрезание левого уха и заключение в тюрьму на два года с посылкой из тюрьмы в кандалах на работы и с последующей ссылкой

и украинские города; за вторую «татыбу» — битые кнутом, отрезание другого уха и тюрьма на четыре года с последующей ссылкой (гл. 21, ст. 10—12). Аналогичные наказания полагались и за мошенничество. Эти наказания сохранились и после указа 1781 г. для имущественных преступлений на сумму свыше 20 руб. или хотя и меньше 20 руб., но совершенных в четвертый раз. В этом именно смысле следует понимать предписание указа об отсылке таких преступников в уголовный суд, где с ними «надлежит поступать, как в законах повелено».

Постановления указа 1781 г. целиком вошли в изданный 8 апреля 1782 г. Устав благочиния, или полицейский, с тем лишь различием, что удары плетью при рецидиве кражи были заменены «ударами прутом по одежде», т. е. наказанием скорее позорящим, чем болезненным. Кроме того, применение рабочего дома было распространено на случаи публичного пьянства и учинения проступков или «преступлений без намерения» в пьяном виде, при чем пребывание в рабочем доме должно было служить средством «срочного воздержания», и на провоз контрабанды на сумму менее 20 руб. с содержанием в рабочем доме, «дондеже заплатит шесть процентов выше того, что провозил или отвозил».

Указ 1781 г. предписывал, чтобы «во всех губерниях были заведены рабочие дома с назначением в них работ, для пользы общей потребных». Но фактически они были организованы сначала лишь в Петербурге и Москве. Петербургский дом (который Говард описывает под именем «Прядильного, или исправительного дома») был построен на Екатерининском канале и представлял собою здание с известными претензиями на хорошую архитектуру; содержащиеся в нем были заняты ткацкими

работами. В Москве же рабочий дом был открыт при Екатерининском госпитале, и краткое описание его также дано Говардом. Что касается провинции, то здесь указ вызвал ряд недоумений; «рабочие дома» смешивались с «рабочими домами», которые должны были устраиваться при приказах общественного призрения для нищих; не знали, откуда достать средства на их устройство, какими работами занять определяемых туда осужденных. В конце концов в ряде мест осужденных для зарабатывания денег стали отпускать из рабочих домов «на партикулярные работы» с оплатой их по таксе. В 1787 г. по соображениям общественной безопасности было предписано публично наказанных за кражи высылать из столиц и губернских городов по уездным городам и записывать их там в рабочие люди с употреблением на казенные или партикулярные местные работы. Это окончательно подорвало существование рабочих домов. Местами они слились с смиренными домами, а в большинстве губерний отсутствовали совершенно. На бумаге (в санкциях статей закона) они продолжали существовать до 1882 г. (т. е. в течение 100 лет), но фактически помещение в рабочий дом для «простолудинов» стало заменяться розгами, что было узаконено уложением 1845 г.

Но Екатерина проектировала и более всеобъемлющую реформу тюремного дела. В течение ряда лет она работала над составлением проекта «Положения о тюрьмах», исползовав для него сочинения Говарда и нек. др., специально переведенные для нее на русский язык. Проект был готов в марте 1788 г. и должен был быть введен в действие, но начавшаяся война с Турцией, а затем события французской революции заставили отложить его осуществление, и он не увидел света.

Тюремное заключение, впрочем, еще в конце XVIII в. не являлось сколько-нибудь частой мерой. Говард и Кокс исчисляют число содержащихся в тюрьмах единицами и в лучшем случае — десятками. По окончании своего проекта о тюрьмах Екатерина затребовала от петерб. губ. прокурора Кононова справку о числе колодников в Петербурге на 18 марта 1788 г. Из справки видно, что всего находилось под стражей во всех местах заключения 133 чел., из которых по уголовным делам осужденных было 75 чел. По сословному признаку: 14 чиновных и дворян, 17 разночинцев, 14 купцов и мещан и 27 крестьян. Таким образом, только немногие оставались пребывать в тюрьмах. Основная масса направлялась в каторгу или сибирскую ссылку, где использовалась на различные государственные и «партикулярные» работы.

Кокс дает в 1778 г. следующее описание фактической постановки карательной системы в екатерининскую эпоху: «По нынешним уголовным законам — пишет он — преступники наказываются следующим образом: или, заключенные в государственные преступлении, либо обезглавливаются, либо подвергаются позорному заключению в тюрьме. Воры получают кнут, затем у них вырываются ногти, клеймится лицо, и после этого они посылаются позорно на работу в черничные рудники. Более мелкие преступники или наказываются ударами кнута, жонки, плетей и посылаются затем в Сибирь на поселение, или приравниваются к каторжникам работам на определенное время. К колонистам принадлежат также и крестьяне, которые могут быть сосланы своими господами по их усмотрению. Все эти люди, воры и то-у подобные, посылаются в Сибирь летом и осенью из различных областей Российской империи. Одну часть дороги они проделывают водой, другую — сушей. Их окормляют попарно и привязывают к длинной веревке. На ночь их отвязывают и окорудывают при помощи суровожающих их солдат. Когда вся партия прибывает в Тобольск, тогда губернатор распределяет тех колонистов, которые знают ремесла, по отдельным мастерам города, других переселяет в качестве батраков на соседние земли. Остальные поселенцы идут дальше до Иркутска, где они разделяются комендантом гор да на две части. Только норм один направляются дальше до Чернышского округа где они должны работать на серебряных рудниках или в плавильных избах. В среднем в Чернышск работало в то время 1.600 — 2.000 чел. «Если мы угнем — пишет Кокс — число тех, к торжам умирают под кнутом, а также тех, которые погибают порою от усталости в течение долгой дороги в Чернышск и от ужасного положения в рудниках, то станет ясным, что русское уголовное право не является уже столь гуманным, как некоторые утверждают».

В течение долгого времени Екатерина лично работала над составле-

нием проекта уголовного уложения. Своей путеводной нитью в этом деле она избрала комментарии Блекстона. К 1778—80 гг. проект по «блекстонным выписям» был уже готов. В изданном в 1782 г. Уставе благочиния дана классификация уголовных преступлений, полностью совпадающая с классификацией английского юриста. Здесь вместе с тем формулирован ряд полицейских проступков, караемых Управой благочиния, вошедших позднее в «Устав о предупреждении и пресечении преступлений» 1832 г. Но в одном отношении Екатерина испытывала затруднение: усвоив себе ставшую модной со времени Беккарии мысль о том, что наказание должно быть соразмерено с тяжестью преступления и что наказания должны быть построены в духе гуманности, она никак не могла подобрать санкции к формулированным ею видам составов преступлений. За советом в этом деле она в 1777 г. обратилась к Вольтеру. Последний посоветовал ей подвергнуть этот вопрос конкурсу. Екатерина послушалась этого совета. Она внесла анонимно в виде премии 50 золотых, к которым сам Вольтер прибавил столько же, и в том же 1777 г. от имени Бернского экономического общества был объявлен конкурс за лучшее сочинение на тему «о наиболее полном и подробном плане хорошего уголовного законодательства». Сам Вольтер развил основные задания работы в подробной записке, озаглавленной «Премия справедливости и гуманности».

В 1782 г. на конкурсе Бернского общества было представлено 44 работы, написанных авторами различных национальностей. Премия была присуждена саксонскому юристу Глобигу, работа которого — «Очерк уголовного законодательства» — была напечатана в 1783 г. Любопытно отметить, что соискателями премии

выступили и двое лиц, сыгравших затем видную роль в истории французской революции: Жан Марат, бывший тогда скромным врачом в Женеве, и будущий жирондист Бриссо. Работа последнего — «Об улучшении уголовных законов» — была напечатана во Франции в 1782 г. Работа Марата — «План уголовного законодательства» — была напечатана в Невшателе в 1780 г. анонимно (и позднее перепечатана в 1790 и 1795 гг.). Она оказала, между прочим, несомненное влияние на указ 1781 г. о различных видах воровства. Когда в начале царствования Александра I было снова приступлено к составлению проекта угол. уложения, то Глобигу было послано предложение написать проект уложения для Р. В 1809 г. он прислал в комиссию свою работу: «Система полного уголовного, полицейского и гражданского законодательства», которая, однако, была использована только в качестве материала для работ комиссии.

Начинания Екатерины в области уголовной и тюремной реформы были резко оборваны при Павле. Указом 13 сентября 1797 г. Павел, кызалось, вовсе упразднил смирительные и рабочие дома и устранял надобность в тюрьмах для осужденных. Указ предписывал разделять всех осужденных преступников на три категории: осужденные на каторгу вместо смертной казни должны быть по наказанию кнзутот отправляемы на работы в Нерчинск; осужденные в вечную ссылку — препровождаться на иркутскую суконную фабрику, и, наконец, осужденные в смирительные и рабочие дома (с телесным наказанием или без него) должны были быть «отправляемы к крепостным строениям, отколь куда способнее». Лишь больные, престарелые и женщины, как разъяснил Сенат в следующем году, должны быть оставляемы в местах заключения. При Павле начи-

нает входить в употребление и практика передачи осужденных в ссылку преступников в аренду частным промышленникам в качестве рабочих людей. Практика эта продолжается и в первые годы царствования Александра I.

Так, в Полн. собр. законов мы встречаем указы о передаче ссыльных людей на заводы купца Савельева (1801), о даче из ссылочных 20 людей компании именитых граждан: Рылского, Шелехова, Курского и Голикова (1798), об обращении достаточного числа ссыльных на Усть-Кутский соляной завод в Иркутской губ., принадлежащий надворной советнице Бейтоновой, о приписке к фабрике статского советника Куткина ссыльных (1798), о причислении 30—40 человек ссыльных к фаянсовой фабрике купца Солдатова в Иркутской губ., и др.

Первым актом Александра I, опубликованным через 3 дня после вступления на престол, было упразднение Тайной экспедиции и возвращение тех политических осужденных, которые были жертвами ее преследований. Из бумаг Трошинского видно, что по спискам Тайной экспедиции на 12 марта 1801 г. числилось 700 лиц, сосланных в крепости, монастыри, в Сибирь и по разным городам; из них было освобождено к 21 марта 482 чел. Манифестом о милостях общеуголовным преступникам, изданным 2 апр. 1801 г. осужденные были освобождены от телесных наказаний и частично возвращены обратно из ссылки. Таких возвращенных было до 12.000 чел. 27 сент. 1801 г. состоялся указ об отмене пытки с пожеланием, чтобы «самое название пытки, стыд и укоризну человечеству наносящее, было навсегда изглажено из памяти народа». В этом же году по указу Александра было приступлено и к коренному пересмотру уголовных законов.

Комиссия по составлению законов была сначала образована под председательством Новосильцева, которого вскоре сменил лифляндец бар. Розенкампф, не знавший ни русских условий, ни русского языка. Он занялся компиляцией различных законов, не будучи в состоянии одухотворить работы ясно сознаваемыми уголовно-политическими установками. Лишь с 1808 г., с назначением членом комиссии Сперанского (см.), работы стали подвигаться успешнее. Сперанский выдвинул предложение обратиться за помощью к иностранным криминалистам. Свои проекты и предложения в комиссию прислали Ансельм Фейербах (см. XLIII, 127/28), пользовавшийся уже тогда широкой известностью, Глобиг, о котором мы уже упоминали, и галльский проф. Людвиг Якоб, проект которого, законченный в 1812 г., был даже внесен в Гос. совет для рассмотрения. В мае 1814 г. известный Иеремия Бентам обратился с письмом к Александру с предложением принять на себя составление уголовного кодекса для Р. Бентам был в Р. в 1787 г., когда посетил у своего брата, работавшего инженером в имении Полемкина близ г. Кривича. Произведения Бентама и в частности его трехтомные трактаты «О гражданском и уголовном законодательстве», изданные Дюмоном в 1802 г., пользовались в Р. огромным успехом и в 1805—1809 гг. были переведены на русский язык. Адм. Мордвинов и сам Сперанский очень поддерживали кандидатуру Бентама в качестве законодателя.

Сам Бентам писал в своем письме: «В оплетении человеческой ткани некоторые нити являются одинаковыми для всех мест и всех времен, другие изменяются соответственно месту и времени. Я всегда обнаруживал и предусматривал необходимость сохранения этих последних. Я не совсем лишен опыта относительно особенностей Р. Два наиболее наблюдательных года своей жизни я провел в ее пределах. Кодекс — по примеру французского уже намечается здесь. Скажите слово, государь, и Р. создаст свой собственный образец, и пусть тогда судит Европа».

Вместо поручения Бентаму написать кодекс, Александр предложил

ему быть консультантом при Комиссии по составлению законов. Бентам ответил на это большим письмом, в котором, дав очень меткую характеристику тщетности работы всех предшествовавших кодификационных комиссий в Р., категорически отказался от участия в комиссии Розенкампфа в качестве подчиненного лица и вернул нераспечатанной шкатулку с бриллиантовым перстнем, которую послал ему Александр при письме.

После заключения Священного Союзу и наступившего резкого поворота в политике Александра, повлекшей за собою ссылку Сперанского, кодификационные работы временно прекращаются до начала следующего царствования. Продолжают действовать старые уголовные законы. Единственной смягчающей суровость старых законов мерой была отмена нещадного битья кнутом, и впрямь судьям было предписано в приговорах точно обозначать число ударов (1802).

Тюремное дело при Александре подверглось некоторой административной регламентации: установлен надзор губ. прокуроров за тюрьмами, а сами тюрьмы были переданы в 1810 г. в ведение министерства полиции. В 1819 г., по проекту лондонского купца Венинга, последователя Говарда, было учреждено Попечительное о тюрьмах общество, открывшее в 1822 г. свои местные комитеты. Венинг помогался передачи в руки Общества всех функций, связанных с содержанием заключенных, однако Александр значительно сузил рамки деятельности Общества, ограничив его заботой об одежде, пище и нравственно-духовном просвещении арестантов, а также надзором за расходованием средств, отпускаемых на содержание тюрем. Изданный же при Николае I новый устав Попечительного общества (1851), вводя в состав этого общества главным образом

местных административных чиновников, превратил его в чисто-бюрократический орган, просуществовавший до самой революции 1917 г. и не оказывавший решительно никакого влияния на тюремную политику. Далее был проведен ряд мелких мер относительно порядка пересылки арестантов, довольствования и лечения их, надзора за течением их дел и т. п., вплоть до последнего указа, изданного перед смертью, от 19 авг. 1825 г., об «имении железных ручных прутьев для препровождаемых чрез этапы арестантов». Доминирующими видами наказания попрежнему продолжали быть каторжные работы и сибирская ссылка (см. ХLI, ч. 4, 298/99 сл.). В 1807 г. была сделана попытка колонизовать ссылными Нижнеудинский округ, и туда было направлено 2.769 осужденных, но, несмотря на жестокие меры принуждения, устроенные поселения распались. В 1822 г. сибирским ген.-губернатором Сперанским был выработан устав о ссылных, который продолжал свое действие до самой отмены ссылки в 1900 г. Устав регулировал применение наказаний к ссылным, порядок их содержания, освобождения и пр. В частности было обращено внимание на устройство ссылно-поселенцев и оканчивающих свои сроки каторжан. Но все меры к упорядочению ссылки не достигали успешных результатов. Сама центральная власть была бессильна бороться с диким произволом местных губернаторов и властей. Несмотря на предание суду ряда их (Чичерин, Пестель, Трескин, Лоскутов, Белявский), ссылка продолжала быть в совершенном расстройстве; колонизационные цели не достигались, и ссылные массами бежали из Сибири, образуя огромные армии бездомных и беспаспортных бродяг.

Период увлечения либеральными идеями зап.-европейского буржуазно-го движения при Екатерине и в пер-

вые годы царствования Александра I был кратковременным и фактически мало в чем изменил состояние русского уголовного права и, в частности, карательной системы, попрежнему опиравшейся главным образом на тяжкий ссыльно-каторжный труд и жестокие телесные наказания. На смену этим идеям, с воцарением Николая I, выдвинулась идея «самобытности» — национализма, воплощенного в формуле «православие, самодержавие и народность». Значительные кодификационные работы, проведенные при Николае (см. XXIV, 430, и XXXVII, 518 сл.), придали новую форму нашему уголовному законодательству, внеся в него ряд изменений. Т. XV Свода законов 1832 г., объединивший в себе уголовные законы в 765-ти статьях, представлял собою лишь сведение воедино старых уголовных законов с присоединением к ним сравнительно немногих общих положений, извлеченных преимущественно из проекта 1813 г., составленного Якобом. Изучение этого памятника представляет интерес как целостная картина тогдашнего состояния уголовного правосудия.

Свод указывал 10 видов различных казней и наказаний. Во главе их была поставлена смертная казнь, назначаемая, однако, лишь в порядке чрезвычайных и исключительных судов (Верховного угол. суда — за преступления «против первых двух пунктов», т. е. тяжчайшие государственные преступления, и военных судов — за карантинные и воинские преступления), причем указание способа казни за государственные преступления было предоставлено усмотрению Верховного суда. Затем шла так наз. «политическая смерть», совершаемая в виде символической казни — положения на плаху или возведения на виселицу с последующей ссылкой в каторжную работу и лишением всех прав состояния. Этот вид казни был введен в Р. в 1753 г. как замена «натуральной

казни» и сохранялся в практике только по государственным преступлениям, по общим же преступлениям «политическая смерть» заменялась «торговой казнью», т. е. битием кнутом публично. Далее шли различные виды правонарушений и затем телесные наказания. Последние разделялись на 5 видов: наказания кнутом, плетми, шипирутенами, наказание плеткою, веревкою, хлыстом, палкою или розгами по одежде и содержанию на хлебе и воде. Они выполнялись публично чрез палачей или при помощи чрез полицейских служителей, при чем выполняемые чрез палачей тел. наказания именовались казнями, а прочие «исправительными» наказаниями. Телесные наказания сопровождалась последующим лишением свободы: кнут —сылкою в каторжные работы, плети—сылкою на поселение, «исправительные» же тел. наказания—сылкою на поселение, отдачею в солдаты, отдачею в арестантские роты и пр. Лишение свободы рассматривалось под углом зрения принудительных работ. «Наказание работами» распалось на семь видов: 1) каторжные работы, имевшие все одно назначение—рабочую на заводах и фабриках в Сибири, при чем преступники, не изъятые от телесных наказаний, подвергались клеймению буквами, натертыми порошком на лбу и щеках (вырывание позорней было отменено указом 1817 г.), а лица привилегированных сословий от клеймения освобождалась; 2) крепостная работа, производившаяся в Сибири на Омской линии и вне Сибири в арестантских ротах инженерного ведомства; 3) работы в портах, на казенных заведениях и фабриках, в горных и соляных заведениях; 4) работа в арестантских ротах гражданского ведомства, на которую направлялись преимущественно беглые и бродяги, а также те из незятых от телесных наказаний преступников, которые были непригодны

для военной службы; 5) работы в смиренных домах для лиц, осужденных за «нестовое и соблазнительное житие»; 6) рабочие дома для людей «нижнего состояния» за мелкие кражи и мошенничества; и 7) работы у частных лиц, на которые могли быть посыланы «люди нижнего состояния» в местах, где нет рабочих домов, если кто взять их пожелает. Ссылка разделялась на ссылку в Сибирь на поселение, на житье, ссылку в Закавказье, в дальние города и деревни и высылку за границу. Для лиц не старше 35 лет, изъятых от телесных наказаний, ссылка на поселение могла быть заменена отдачей в солдаты. Такой заменой могли пользоваться и те из незятых от тел. наказаний, которые подвергались этой мере за раскол или по приговору сельских обществ, либо по просьбам помещиков за дурное поведение и, наконец, общие преступники, не подвергшиеся наказанию рукою палача. Лишение свободы в форме тюрьмы и ареста играло очень небольшую роль. Заключенным в тюрьмы, в виде «меры предосторожности», предписывалось брить половину головы (кроме женщин и лиц, изъятых от телесных наказаний), и по выходе из тюрьмы они подлежали надзору полиции. К гражданским наказаниям за ряд преступлений присоединялись и церковные в виде церковного покаяния, смирения, исправления и увещания со стороны духовного начальства и, наконец, лишения христианского погребения (для самоубийц).

Такова была система казней и наказаний по Своду законов 1832 г. В этом памятнике с особенной резкостью выступает уже сословно-классовое начало, затуманенное раньше общей жестокостью кар, предусматривавшихся законами XVIII века. Для лиц привилегированных сословий, изъятых от телесных наказаний, создаются наказания, значительно более смяг-

ченные, чем для лиц, принадлежащих к категории «не изъятых». Этот «основно-испытательный» критерий получил необычайное развитие в течение всего XIX века. Впервые Екатерина «пожаловала» изъятием от телесных наказаний дворян (1785), купцов первых двух гильдий и их детей (1785) и духовных чинов (1771—72). В последующие годы многочисленными указами круг привилегированных категорий расширялся на те отдельные группы, которые могли составлять надежную опору престола. Тут мы встречаем и «нежинских греков, учинивших присягу на подданство», и «купцов греческой нации», и «калмыцких зайсангов», и «волостных голов государственных крестьян, имеющих серебряную медаль за беспорочную службу», и волостных писарей, удостоенных медали, и калмыцких нойонов-владельцев и членов их семей, и евреев-поселенцев, отличившихся в сельском хозяйстве и удостоенных медалей, и т. п. Сельское начальство в лице членов волостных правлений, волостных расправ и сельских начальников и писарей было изъято от телесных наказаний за совершаемые как «полицейские преступления». С 1830-х годов начали освобождаться от таких наказаний и лица учащиеся или окончившие курсы средних и высших учебных заведений. В последующие годы список этот пополнялся все более и более, пока один только перечень таких лиц не стал занимать в Своде законов целые страницы текста.

Помимо деления осуждаемых на две резко отличные по характеру наказания группы, сословно-классовое начало нашло себе яркое выражение в ряде статей т. XV Свода. Приведу в виде иллюстрации статьи из гл. VII «О нарушении пределов помещичьей власти и повиновения в крепостном состоянии».

О неповиновении дворовых людей и крестьян своим помещикам, ст. 436. «Крепостные люди за виды прогн

помещика, равно как и за проступки их, подлежат домашнему исправлению и наказанию по усмотрению помещика или повергаются по его просьбе полийскому наказанию с возвращением на прежние жилище, или же содержанию в смиренных или рабочих домах на срок, самим владельцем определяемый». К этой статье сделано следующее примечание: «Сверх полицейского наказания и обращения в смиренный или рабочий дом, помещик может за побег и за прозрелостные проступки и нестерпимое поведение удалить крепостного своего человека навсегда от себя и из своего имения, представив его на сей конец в распоряжение губернского правления. Губ. правление, не вхожая ни в какое разбирание о причинах негодования помещика, свидетельствует представленных им людей в Рекрутском присутствии и, если найдет их годными к какому-либо роду военной службы, то обращает в оную, неспособных же отправляет на переселение в Сибирь».

Ст. 438. «Если крепостный человек, отложив от должного помещику своему послушания, подал на него невольничью жалобу и в обосновании, если окажется подать такую же неосредственно или ротарскому величеству, то как челобитчик, так и свидетель жалобы предаются суду и наказываются по законам».

Ст. 439. «Если крепостные люди и крепостные учинят явное неповоротное законным властям, возмущение против господ своих и сопротивление воинской команде, то их предавать на месте, совокупно с лицами, учащими их к тому, военному суду».

В отношении же помещиков, «исобличенных в жестоких с крепостными людьми своих поступках», предписывалось предавать их суду, но лишь «по особному высочайшему усмотрению», а за принуждение или дворовых людей и крестьян к вступлению в брак против воли последних — предавать суду «духовных правительств», т. е., другими словами, «судебному по правилам св. апостол и св. отец и по церковному уставу».

Помимо сословных различий, статьи Свода полны специальных постановлений, относящихся к лицам отдельных национальностей: евреям, цыганам, сибирским инородцам, татарам и т. п., в отношении которых устанавливаются специальные запреты и угрозы.

Полицейский стройтогдашней эпохи ярко отражается в содержании самих статей и численном соотношении их. Наибольшее число статей (181) относится к преступлениям против уставов о повинностях и уставов казенных управлений, т. е. к ограждению казенных интересов; 100 статей предусматривают «преступления против правительств», 71 относится к преступлениям против имущества частных прав т. д., и только несколько десятков статей предусматривают преступления против основных личных прав. При этом в т. XV Свода не вошли многочисленные фискальные и полицейские проступки, оставшиеся рассеянными по другим томам Свода. В общем Свод можно характеризовать как типичный образец сословно-полицейского строя,

при котором полицейско-фискальные интересы государства выдвинуты на первое место и каждой сословной группе отведена определенная, точно указанная законом роль.

Вскоре после издания Свода, в силу целого ряда недостатков его в части, касающейся уголовных законов (неопределенности санкций, несогласованности отдельных статей между собою, громоздкости и устарелости карательной системы и пр.), было приступлено к составлению проекта нового уголовного уложения. Издание в 1839 г. сельско-полицейского и сельско-судебного уставов, создавших особую систему маловажных проступков и судов для государственных крестьян, и ряда новых законов, укреплявших сословный строй, потребовало существенного пересмотра ранее действовавших уголовных законов. По представлению министра юстиции Дашкова в 1836 г. Николай I поручил ему и Сперанскому подготовить систематический пересмотр уголовного законодательства. В 1840 г., за смертью их обоих, руководство законодательными работами перешло к Д. Блудову, назначенному главноуправляющим II отделением собств. канцелярии Николая I; к работам по составлению проекта был привлечен ряд лиц, в том числе Балугьянский и Дегай. Комитет поставил себе задачей сначала использовать все подходящее из лучших и известнейших уголовных кодексов других стран, сличить их постановления с постановлениями т. XV Свода и «определить общие так сказать, нравственные начала» будущего уложения. Комитет использовал для этой цели около двух десятков зап.-европейских угол. кодексов и проектов (преимущественно немецких кодексов 1830—40-х годов), но, убоявшись того, что «умозрительные и отвлеченные начала», положенные в их основание, могут «оказаться явно стеснительными для народа и

противоречивыми укоренившимся в нем издавна привычкам и понятиям», решил дать нечто среднее между сводом и кодексом, подправив и дополнив постановления старых уголовных законов и приведя их в согласие «с дознанными и засвидетельствованными опытом потребностями времени и с изменившимися нравами и понятиями». К ним впервые была присоединена «общая часть», представляющая собою переложение ряда постановлений немецких кодексов того времени. Проект получился необычайно казуистичный — в 2.224 статьи (в издании 1857 г. он возрос до 2.304 статей). Проект был рассмотрен в Гос. совете и утвержден 15 авг. 1845 г., вступив в действие с 1 мая 1846 г.

Сословно-классовое начало в Уложении о нак. 1845 г. нашло свое особенно яркое выражение в построении той «лестницы наказаний», созданием которой особенно гордились составители этого уголовного кодекса эпохи полицейско-самодержавного строя.

Разделяя наказания на уголовные и исправительные, с дальнейшим подразделением каждого вида на несколько родов, каждого рода на несколько степеней и с обозначением в каждой степени вышей и низшей меры, составители, по их словам, «имели в виду не только установить по возможности в наказаниях и взысканиях такую же постепенность, какая существует в преступлениях и проступках, но и устранить, также по возможности, всякий произвол судов в определении строжайшего или менее строгого наказания». В этом стремлении устранить всякое усмотрение со стороны судов, заменив его законодательной таксой наказаний, видно влияние уголовно-политических тенденций конца XVIII в. во Франции, нашедших свое отражение в проекте Баварского уложения, составленном в 1813 г. Фейербахом, любезно приславшим этот

проект в распоряжение Комиссии. Но в условиях русского самодержавия эта идея, рассчитанная на сдержку произвола зависимых от правительства судей, получила характер «тарифа жестокости» в виду сохранения варварского состояния тогдашней карательной системы. Редакторы Уложения старались соблюсти «уравнительные» тенденции между отдельными сословными обществами. Приведем несколько образцов практического осуществления таких тенденций.

«Наказание каторжною работою — винут они в области, занеске — есть одно для всех подлегающих к сему по законам преступников без различия состояния, к которому они принадлежали прежде произнесения над ними приговора. Но как соединенное с сими работами лишение всех прав состояния для лиц высших классов есть потеря гораздо более важная, ибо они с сим вместе, кроме многих драгоценных преимуществ, терпят переход и значительные лишения, и так самые работы (назначенные как работы в рудниках, крепостях и на заводах Сибири) для простолюдинов не могут быть столь тягостны, то и положено в новом Кодексе, согласно и с существовавшими донные правилами, лицам, незыблемым по закону от наказаний телесных, приговариваемым к каторжным работам, подвергать сверх того наказанию плетьюми, которыми должна быть заменена так называемая торговая казнь плугом».

Добавочное наказание плетьюми для лиц, не изъятых от телесных наказаний, было введено и при осуждении к ссылке на поселение в «отдаленнейших» и «не столь отдаленных» местах Сибири по тем же основаниям, хотя здесь и не шла речь о работах, «не столь тягостных для простолюдинов».

В составе «наказаний исправительных» фигурируют ссылка на житье в Сибирь и другие отдаленные губернии, исправит. арестантские роты гражданского ведомства, рабочие дома, крепость, смирительные дома, тюрьмы, кратковременный арест и выговоры и денежные взыскания. Из них смирительный дом, тюрьма и кратковременный арест назначались «без различия состояний», ссылка на житье — только для лиц привилегированных, изъятых от телесных наказаний, а арестантские роты и рабочие дома — для сословий, не изъятых от наказаний телесных, вместо ссылки. Введенные ссылки для лиц привилегирован-

ных мотивировалось «необходимостью, с одной стороны, устранить несоразмерность в наказаниях, которым досего времени во многих случаях подвергались лица привилегированных классов, с другой же — удержать в неприкосновенности правило, основанное и на Жалованной дворянству грамоте, и на общем, так сказать, рыцарском чувстве». Об этом «рыцарском чувстве» не приходилось говорить в отношении простолюдинов и, устанавливая для них арестантские роты, редакторы Уложения писали:

«Сим работы должны быть почитаемы наказанием только исправительным, хотя самым тяжким для людей, незыблемых от наказаний телесных, и как они не подвергаются потере особых прав и преимуществ, то в них соединяется наказание розгами... Виновные в преступлении менее важных, будучи приговорены к наказанию, не соединенному с потерей всех прав состояния, могут при длительном за ними надзоре и вследствие привычки и труда исправиться совершенно и возвратиться в первобытное состояние свое, заглажив свои прежние заблуждения новою, так сказать, даже и неуравновешенною жизнью».

Что же касается рабочих домов, которые должны были назначаться для людей низших состояний за маловажную кражу, мошенничество, обман и т. п. низшие виды воровства, то в целях «уравнения» было «положено во всех случаях, в коих простолюдины отдаются в рабочий дом, ссылать лиц, изъятых от наказаний телесных, в одну из отдаленных, кроме сибирских, губерний. Кажется, что сим лишь способом — добавляли составители — можно было уравнять наказания для лиц высших и низших сословий и с тем вместе сохранить рабочему дому прежний характер его».

Заключение в крепости, применявшееся раньше в Р. лишь как мера административная, впервые было введено составителями Уложения 1845 г. в общую систему наказаний для случаев «особого рода нарушений закона», к которым были отнесены участие в тайных обществах, сопротивление распоряжениям правительства, поединки и т. п. Смирительные дома были сохранены приблизительно на тех же основаниях, как и по законам

Екатерины. Наконец, тюрьма предназначалась «за все те преступления и проступки, которые, хотя заслуживают довольно строгого взыскания, но не принадлежат к числу преступлений, разрушающих честь виновного или доказывающих высшую степень безнравственности, или имеющих какую-либо политическую важность».

Введение разнообразных видов заключения было продиктовано не стремлением к классификации заключенных и к разумному построению пенитенциарного режима для них, уже тогда находившему многих сторонников в западно-европейской литературе по пенитенциарии, а явилось лишь механическим воспроизведением ранее существовавших в Р. видов лишения свободы. К внесению рациональных начал в область тюремного дела составители Уложения 1845 г. относились с большим подозрением:

«Совершенно так называемой пенитенциарной системы — писали они — едва ли не есть мечта, которая, конечно, делает честь благонерности людей, ею илечных, но по всей вероятности никогда не оправданная всех оценок ит». «Иные правила оной весьма несообразны и основаны на отвлеченных, не всегда справедливых понятиях и соображениях».

Значительная часть намеченных составителями Уложения 1845 г. мер заключения в практике отсутствовала, и сами они предвидели, что «от сего некоторые приговоры, может быть, не везде будут с удобностью приводимы в исполнение». В виду этого они широко предусмотрели правила о замене отдельных наказаний, прибегнув к розге как наиболее дешевому и универсальному средству замены видов лишения свободы. Помимо общего правила о том, что при замене более строгих наказаний менее строгими необходимо «усиливать тяжесть последних продолжительностью времени или умножением числа ударов розгами», они многие виды наказаний для «простолудянов» целиком свели к розгам:

«Заключенные в рабочих домах, там в особенности, где они дома еще не устроены или нет из то время достаточного в них помещения, должно заменять роз-

гами. Замена содержания в рабочем доме наказанием розгами, по мнению многих сведущих и опытных людей, будет весьма полезна и удобна в практике, во-первых, потому что число присуждаемых к отбыве в рабочем доме от сего значительно уменьшится, во-вторых, и потому, что наказанием розгами... предупреждаются случаи к большому развращению его чрез общество с ир гими уже заморезанными в пороках заключенными. Наказанием розгами постановлено для лиц низших состояний заменять и определяемый в некоторых случаях арест, более или менее кратковременный, ибо по степени образованности большей части их лиц и понятиям их о чести, едва ли можно полагать, чтобы простое содержание под арестом было для них достаточным наказанием даже и за самые легкие вины».

Таким образом, даже места лишения свободы в том виде, в каком они существовали в половине XIX в. у нас, фактически считались слишком мягкими для лиц «низших сословий» и должны были заменяться для них в ряде случаев розгами. Впрочем, Госуд. совет, одобряя в основном эти предположения о замене розгами рабочего дома и ареста, счел необходимым несколько сузить круг лиц, в отношении которых такая замена должна практиковаться. Он указал, что «из сего должны исключаться те лица, которые хотя и не принадлежат к состояниям привилегированным, но по своему положению в обществе и воспитанию не могли бы быть подвергнуты наказанию розгами без тяжкого для них посрамления, может статься, бедственных для них в будущем последствий». Изданная министром юстиции инструкция судебным местам по этому вопросу изъясла от такой замены купцов третьей гильдии, отзейских граждан, мещан, лиц, занимающих выборные должности в сельских обществах, лиц, имеющих знаки отличия, иностранцев, лиц, занимающих должности домашних учителей или гувернеров, владельцев фабрик, заводов и других «значительных рукодельных заведений», управляющих именьями, фабриками и заводами, купеческих комиссионеров и приказчиков, отставных нижних чинов, однодворцев и лиц, окончивших средние учебные заведения. Таким образом розга, как заменяющее наказание, осталась гл. обр. для всей массы крестьянского насе-

ления, для рабочих и ремесленников и для дворовых людей и слуг.

Составители Уложения 1845 г. ввели строго определенную таксу замены рабочих и смиренных домов розгами для «простолюдинов»: так, смиренный дом заменялся 40—80-ю ударами розог, а рабочий—40—100 ударами; что касается тюрьмы, то она заменялась 30—60-ю ударами, при чем такая замена должна была производиться не только по недостатку мест, но, как указывал закон, «и в тех случаях, в коих заключение могло бы подвергнуть осужденного разорению и лишению средств к пропитанию его семейства». Законом 1853 г. замена указанных видов лишения свободы розгами была сделана *обязательной* для судов, и лишь после издания закона 17 апр. 1863 г., несколько ограничившего применение телесных наказаний, постановлено было допускать такую замену только в случае явной невозможности применить основное наказание. Лишь законом 25 ноября 1885 г. замена видов лишения свободы розгами была окончательно устранена.

Не мудрено, что при таких условиях широкого применения розги не ощущалось особой потребности в устройстве рабочих и смиренных домов. Если ко времени издания Уложения 1845 г. их насчитывалось 29, то к 1863 г. их было не более 21 с вместимостью па 1.300 чел., а к 1883 г. — всего три. Закон 24 апр. 1884 г., упразднивший рабоче-смирительные дома и заменивший их тюрьмой, только констатировал факт окончательного их отмирания.

Таково было в своем первоначальном виде то «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», которое с отдельными поправками и кодификационными переделками просуществовало в Р. до Февральской революции 1917 г. (*р.* XLII, 48). Оно подверглось некоторой переработке лишь

в 1860-х годах, когда изданные законы: 1860 г.—об отмене отдачи в солдаты в виде наказания, 1861 г.—об освобождении крестьян, и 1863 г.—о сокращении применения телесных наказаний, потребовали внесения ряда изменений в предусматриваемые им санкции. Закон 17 апр. 1863 г. о телесных наказаниях, изданный уже в период либеральной эры, отменил применение телесных наказаний в качестве дополнительной меры, отменил замену лишения свободы розгами для лиц, не изъятых от телесных наказаний, упразднил плети и шпигиретены и изъял от применения телесных наказаний женщин. Но они по-прежнему сохранялись для крестьян по приговору волостных судов, для каторжан, ссыльных и заключенных в арестантских исправительных заведениях, наконец, в ряде случаев для военнослужащих. Издание Судебных уставов 20 ноября 1864 г. с установленным особой подсудности мировых судей повлекло за собою и выделение ряда статей из уложения в особый кодекс — «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», изданный одновременно с Судебными уставами. В дальнейшем некоторой редакционной переработке Улож. о нак. подверглось в 1885 г. в связи с множеством уголовных законов, изданных в начале 1880-х годов. В этой редакции оно просуществовало до 1917 г.

Из законов, изданных в 1890-х и в начале 1900-х годов, изменявших Улож. о наказ., следует отметить, как наиболее характерные с классовой точки зрения: закон от 4 апр. 1888 г. о лесных порубках, от 11 июня 1891 г. о стачках, от 9 декабря 1891 г. о погромах, от 18 июня 1892 г. о ростовщических сделках на хлеб, от 11 июня 1892 г. об ответственности членов городских и земских собраний, и др. Из более существенных законов, изменявших кара-

тельную систему: закон 2 июня 1897 г. об ответственности малолетних, расширивший применение к несовершеннолетним 10—17 лет воспитательно-исправит. мер; закон 10—12 июня 1900 г. о ссылке, упразднивший ссылку на жительство, ссылку на водворение и сохранивший ссылку на поселение лишь для политических и религиозных преступников и в качестве последствия каторжных работ (ср. ХLI, ч. 4, 30 /01); закон 22 июня 1909 г., введший условное досрочное освобождение; закон 1909 г. об исправительно-воспитательных учреждениях и закон о выдаче преступников от 15 дек. 1911 г.

Частичные поправки, конечно, не могли изменить основных сословно-полицейских установок этого законодательного памятника. Необходимость замены его новым кодексом, более соответствующим условиям буржуазного строя и более развитым отношениям товарно-капиталистического хозяйства Р. 1890-х годов и начала XX в., стала ощущаться еще в конце 70-х годов, когда по докладу мин. юстиции Д. Н. Набокова был организован Комитет по составлению проекта нового уголовного уложения, поручивший в мае 1881 г. это дело Редакционной комиссии, составленной из видных юристов того времени.

В состав комиссии вошли: В. Р. Липкой (замененный впоследствии В. К. Случевским), Н. А. Неклюдов, Е. Н. Розин, Н. С. Таганцев (см.) и И. Я. Фойницкий (см.). Председателем ее был Э. В. Фриш. Основные работы по составлению проекта в его первоначальном виде были выполнены Н. С. Таганцевым и И. Я. Фойницким. Комиссия проработала 14 лет (с 1881 до 1895 г.), составив проект, состоящий из 589 статей, сопровождаемый объемистой объяснит. запиской в 8-ми томах, в которой были использованы почти все зап.-европейские законодательства и ряд на-

учных трудов по уголовному праву; были получены также отзывы на общую часть проекта многих видных западных ученых. Проект этот, представлявший ряд достоинств в техническом отношении, в социально-политическом отношении примыкал к консервативно-дворянским тенденциям, сохранив (особенно в главах о государственных и религиозных преступлениях) почти неприкосновенными начала самодержавно-полицейского строя. Проект этот испытал далее ряд существенных ухудшений в особом совещании при министерстве юстиции, куда он был направлен в 1897 г., и в особом совещании при Госуд. совете, на рассмотрении которого он находился с 1898 г. по 1900 г. По рассмотрении его здесь проект снова был направлен в особую комиссию под председательством Таганцева для внесения в него дополнительных постановлений и согласования с другими частями свода законов и, наконец, в особое присутствие Гос. совета, которое закончилось его рассмотрением в конце 1902 г. 22 марта 1903 г. проект получил, наконец, утверждение Николая II.

Таким образом, потребовалось более 22 лет для составления проекта нового уголовного уложения и прохождения его чрез все соответствующие инстанции. Царское самодержавие не спешило расстаться со старым Уложением о наказ., являвшимся его прочной опорой. Лишь некоторые части Угол. уложения 1903 г., представлявшие технически более совершенные и более гибкие формулировки для борьбы с преступлениями, угрожающими царскому строю, были введены в действие в их новой редакции. Такими частями явились: статьи о нарушении ограждающих веру постановлений (ст. 73—96 Угол. улож.), введенные в действие законом 14 марта 1906 г.; статьи о «бунте против власти верховной и о пре-

ступных деяниях против священной особы императора и членов имп. дома», о государственной измене и о смуте (ст. 99—134), введенные в силу законом 7 июня 1904 г.; отдельные статьи о противодействии правосудию и нарушении постановлений о надзоре за печатью (по законам 1904 и 1906 гг.), о подлоге, о преступлениях по службе государственной и общественной и, наконец, по закону 25 дек. 1909 г. статьи о непотребстве (ст. 524—529). В 1912 г. законом от 5 июля статьи о госуд. измене подверглись дальнейшему расширению (см. XVI, 212/13). Эти «действующие статьи», в особенности ст. 102 и 126, предусматривавшие участие в сообществе, направленном на совершение бунта или «заведомо поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего в государстве общественного строя», и ст. 129—132, предусматривавшие различные виды политической агитации, превратились в излюбленное орудие борьбы с революционным движением, и на основании их тысячи борцов за освобождение трудящихся от ига царского самодержавия были посланы на каторгу и в ссылку на поселение. Благодаря этому уже с самых первых лет своего частичного введения в действие Угол. улож. 1903 г. снижало себе репутацию кодекса политической расправы (ср. XLII, 49).

При Временном правительстве постановления Угол. улож. о преступлениях против веры и государственных подверглись значительному изменению в постановл. от 9 июля 1917 г.

Карательная система Угол. улож. 1903 г. была построена следующим образом. Во главе ее стояла смертная казнь, совершаемая чрез повешение и предусмотренная за важнейшие государственные преступления (ст. 99, 100, 108); затем шла каторга на срок от 4 до 15 лет с последующим переводом на поселение.

Ссылка на поселение в качестве самостоятельной меры была сохранена лишь за преступления политические и против веры, при чем она назначалась бессрочно; местности, куда она должна была производиться, определялись в административном порядке. Эти три наказания назначались за «тяжкие преступления» по терминологии уложения. В числе наказаний за «преступления» (т.-е. деяния средней тяжести) на первом месте стояло заключение в исправительном доме, назначаемое на срок от полутора года до 6-ти (а в некоторых случаях до 8-ми) лет, отбываемое сначала в одиночном заключении, а затем в общих камерах, с обязательным трудом как внутри, так и вне места заключения; заключение в крепости на срок от 2 недель до 6-ти (а в особых случаях до 8-ми) лет, назначаемое лишь в сравнительно немногих случаях за непозорящие преступления, с содержанием в общем заключении и разобщением на ночь при наличии к тому возможности; и заключение в тюрьме на срок от 2 недель до 1 года (с возможностью повышения до 2 лет), отбываемое целиком в одиночном заключении. Наказания, предусмотренные за «проступки», состояли в аресте на срок до 6 мес. и денежной пене до 500 и выше руб. Присуждение к наказаниям, установленным за «тяжкие преступления», влекло за собою лишение прав состояния, некоторых имущественных и семейственных прав и погерию почетных званий, пенсий и т. п. Те же поражения (кроме утраты имущ. и семейств. прав) постигали и приговоренных к исправит. дому и к тюрьме (по перечисленным в законе преступлениям). Общим следствием присуждения к указанным выше наказаниям за тяжкие и менее тяжкие преступления была утрата некоторых общественных и служебных прав. Потеря

этих прав по Угол. улож. была по-
жизненной, и лишь закон 26 июня
1913 г. предусмотрел возможность
восстановления их по истечении 10
и 5 лет по отбытии наказания. До-
полнительным наказанием было также
помещение в работный дом на срок
от 6 мес. до 2 лет, которое могло
присоединяться к заключению в тюрь-
ме в тех случаях, когда осужденный
признавался совершившим преступле-
ние «вследствие тупеядства или празд-
ности» и суд признавал необходимым
подвергнуть его трудовому исправ-
лению. Система правоприменения со-
храняла еще черты сословного строя,
поскольку лишение прав состояния
относилось к лицам лишь привилеги-
рованных сословий — дворянам, духо-
венству и почетным гражданам, про-
чим же категориям — нечего было
терять.

Отбытие наказаний лишением сво-
боды регулировалось архаическим
Уставом о содержащихся под стра-
жей, постановления которого до-
полнялись и разъяснялись бесконе-
чным числом циркуляров и инструкций.
Незадолго до революции, 28 дек.
1915 г., была издана Общая тюрем-
ная инструкция, систематизировавшая
и несколько «причесавшая» эти цир-
кулярные указания. Она детально
регулировала условия содержания аре-
стантов в различных типах мест за-
ключения, не упустив определить и
порядок применения телесного нака-
зания, сохранявшегося еще по закону
для заключенных в исправительном
доме и каторжных тюрьмах, наложе-
ния кандалов и заключения в темный
карцер. На первое место в этой
инструкции была поставлена задача
окарауливания заключенных; учебно-
воспитательная работа в местах за-
ключения (поскольку она допуска-
лась) была поставлена под надзор
тюремного священника, а правила о
занятии заключенных работами уста-
навливали для них 10—11-часовой

рабочий день. — Общим способом раз-
мещения заключенных в Р. было со-
местное содержание в общих каме-
рах. Намеченное Угол. улож. введе-
ние одиночного заключения для тюр-
мы и для начальной стадии исправит.
дома фактически, за недостатком
одиночных камер, не осуществлялось
в большинстве случаев.

Временное правительство, создан-
ное Февральской революцией, внесло
лишь немногочисленные изменения
в уголовное законодательство цар-
ского режима. Лишь Октябрьская
революция положила конец старому
уголовному праву, направленному
против интересов трудящихся масс.
Из постановлений Времен. правитель-
ства следует отметить пост. от 12
марта 1917 г. — об отмене смертной
казни по гражданским, военным и воен-
номорским законам (впрочем, поста-
новлением Керенского в июле 1917 г.
смертная казнь была восстановлена
за воинские преступления на фронте);
пост. от 17 марта об отмене сохра-
нявшихся еще в законах для ссыльно-
поселенцев и арестантов наказаний
розгами, наложения оков и надевания
смирительной рубашки и о смягче-
нии наказаний за побеги из тюрем;
пост. от 26 апр. об отмене ссылки
с заменой ссылки на поселение по
Угол. улож. заключением в крепости
на срок не ниже трех лет, а ссылки,
назначаемой по старому Улож. о
нак. — отдачею в исправ. арестант-
ские отделения на время от 4 до
6 лет; ссылка как последующая ста-
дия каторжных работ отменялась
вовсе и заменялась трехлетним огра-
ничением в избранном месте житель-
ства. Следует отметить также обра-
зование, согласно пост. от 26 апр.,
при Главн. тюр. управл., переимено-
ванном в Главное управление ме-
стами заключения, особого Совета,
в состав которого должны были вхо-
дить наряду с судебными и тюрем-
ными работниками представители от

Совета раб. и солд. деп., городского общ. управл., адвокатуры и пр. Несмотря на ряд мер, предпринятых Советом при ГУМЗ, тюремное дело в период Временного правительства пришло в полное расстройство.

2. *Судоустройство и судопроизводство.* Классовая функция суда в составе государственного аппарата определяется той ролью, какую он играет в системе охранения эксплуатации господствующим классом других классов населения. Интересы господствующего класса находят свое отражение в законах, на основании которых действует суд и проведение в жизнь которых он призван обеспечивать. Идея «правосудия» выявляется не в надклассовой юстиции, а в утверждении интересов класса как целого, в противоположность частным, идущим в разрез с законом, домогательствам отдельных лиц. Отклонение от идеи «нелицеприятного» суда выражается и в том, что вместо государственного интереса, отражающего в себе интерес господствующего класса, судьи начинают руководствоваться своим личным интересом, склоняющим их к превращению суда в источник своего личного обогащения.

В московскую эпоху русской истории, когда судьи рассматривались как приказчики государя и когда судьи предоставлялись им «в кормление», под условием доставления известного «прибытка» государевой казне, государственный суд мало чем отличался от вотчинного суда, составившего фискальную привилегию вотчинника. Петровская реформа государственного строя, порвавшая с взглядом на государство как на «вотчину царя» и поставившая пред страной задачу образования «торгового государства», т.-е. характеризующая переход от феодального строя к строю торгово-капиталистическому, ввела в оборот и новые представления о роли суда, как проводника но-

вой государственной политики, стоящего выше «приватного интереса». Бытописатель русской жизни начала XVIII в., Иван Посошков, в своей книге «О скудости и богатстве» (1724) писал:

«Все правители дворянского чина своей братии знатым нарывает, а власть имеют и дерзновеие над самыми маломочными людьми, а парочитом дворянам не смеют и слова воспретительного наречи, но как кому угодно, так и творят. И несколько далее: «Древней россиянех людей обычай был еже во приказах иметь челобитчиков множество, и так бывало их много, что иногда никомии дела до судьи худосилюи не могли; к тому ж посажат колодников множество, а решения им не чинят, и тем оии Российское царство бедстелат».

А Петр в указе 1714 г., формулируя исконную точку зрения старого московского «кормления», предписывал под угрозой строгих казней руководствоваться государственным интересом:

«Понеже многие лихоимство умножились... о чем многие, якобы оправдая себя говорят, что сие не наказано было, не рассуждая того, что все то, что вред и убыток государству приключить может, суть преступления. И дабы впредь плутам, которые ян во что иное тщаясь, точно лишь под всякое добро делать и нестыгость свою исполнять, и невозможно было никакой отговорки ссыскать: того ради запрещается всем чинам, которые у дел приставлены, великих и малых, духовных, вочных, гражданских, политических, купеческих, художественных и прочих, какое звание оные не имеют, дабы не дерзали никаких посулов казенных и с народа собираемых денег брать... окромя жалования».

А несколько ранее, в указе от 25 авг. 1713 г. говорится:

«Великий государь, милосердствуя о народах своих, ревнуя искоренить несправедные бедственные всенародные тягости и похищения лукавые государственной казны, понеже известно ему, великому государю, училилось, что возрастают на тягость всенародную и умножаются для лукавых приобретений и похищений государевых интересов великие неправды и грабительства», обещает искоренять их впредь.

И действительно, в 1714 г. за лихоимство была установлена смертная казнь и, в легчайших только случаях, вечная ссылка с вырезанием ноздрей и отнятием всего имени. За последующие 10 лет Петром было издано 15 новых указов о преследовании лихоимства и судейской неправды, но все жесточайшие угрозы и наказания, выполняемые на деле, мало помогали искоренению веками создавшегося зла. «Се бо ныне колико новых статей издано — пишет Посошков — и не много в них действия: ибо все их древностная не-

правда одолевает»; «у наших людей разум, что ничего в прок государству не прочат, а только прочат имение себе».

В Военском уставе 1716 г. дается такое определение суда: «Суд всегда из некоторого числа честных особ сочинен бывает, которым от высокого начальства власть и мощь во управлении правосудия дана». В этих словах формулирован взгляд на суд как на должностной орган, состоящий из облеченных доверием «высокого начальства» чиновников. Этот взгляд Петр и попытался осуществить путем ряда судебных реформ, падающих на конец его правления.

Судебная реформа Петра (ср. ХLI, ч. 5, 414) началась с 1711 г., с учреждением Сената, среди обязанностей которого на первом месте было поставлено наблюдение за тем, чтобы «суд иметь нелицемерный и неправедных судей наказывать отнятием чести и всего имения». Сенат в первую очередь являлся органом госуд. управления (ср. XXXVIII, 251 сл.), свои же надзорные функции над правосудием он должен был осуществлять при помощи «фискалов», доносивших Сенату о всевозможных злоупотреблениях. Из указа 1713 г. видно, что при Сенате была организована (по примеру старой Боярской думы) Расправная палата, в которую направлялись на рассмотрение тяжёлые дела по жалобам на неправо решения губернаторов и судей; палата следила также за безволокитным решением дел судами. Создан высший орган судебного надзора, Петр указом 24 апр. 1713 г. учредил в губерниях и низших судей в лице «ландрихтеров» (просуществовавших, впрочем, недолго — до 1719 г.), находившихся в подчинении у губернаторов и ландратских коллегий. Губернаторы, как государственные управители, являлись в то время носителями правительственной

власти во всей ее полноте, включая сюда и судебные полномочия. Лишь в 1719 г. делается первая, еще очень несовершенная, попытка отделить суд от администрации. Попытка эта была осуществлением плана, разработанного президентом юстиц-коллегии А. Матвеевым и находившимся на русской службе иностранцем Генрихом Фиком (см.). Оба они взяли за образец шведские законы, считавшиеся тогда наиболее совершенными: Петр являлся учеником шведов не только в военном искусстве, но и в деле законодательства, заимствовав от них в основном и Военский устав 1716 г. и систему судоустройства. Согласно указу 1715 г., введшему новые суды, судебная система сводилась к четырем инстанциям. Низшей из них были нижние суды двух типов: коллегиальные провинциальные суды, учрежденные в более крупных городах, и единоличные городские судьи, действовавшие в прочих городах и уездах. Вторую инстанцию составляли надворные суды, учрежденные в столицах и 8-ми наиболее крупных городах, состоявшие из президента, вице-президента и нескольких членов. Дальнейшей инстанцией, рассматривавшей дела в апелляционном и ревизионном порядке, была существовавшая в Петербурге юстиц-коллегия, которая ведала также делом судебного управления и рассматривала в качестве суда первой инстанции дела о живших в Петербурге иноземцах. Наконец, четвертая инстанция — Сенат сохранил за собою функции высшего судебного надзора, которые дополнялись порою поручением ему рассмотрения дел о важнейших преступлениях по должности в качестве суда первой инстанции или по апелляции. Приговоры Сената являлись окончательными, и за обжалование их указом 1718 г. назначалась даже смертная казнь. От личного участия

в рассмотрении дел судебных Петр за крайней своей занятостью всячески стремился уклониться.

Несмотря на запрет, подача челобитий самому Петру продолжалась, и он вынужден был в 1722 г. создать должность «реклетмейстера» (см.) — «знатной доверенной особы», которой предоставлялось право в чрезвычайных случаях судебного произвола и волокиты докладывать о том царю, минуя Сенат, после чего дело с резолюцией царя должно было передаваться в Сенат для вершения.

Первые годы после этой реформы Петр стремился к тому, чтобы оградить независимость созданных им судов от вмешательства администрации. Так, воеводам и земским комиссарам указывалось, что им «не надлежит тяжёбного дела между подданными судить и судьям в расправе их помешательства чинить»; Сенат предписывал московскому губернатору «над судьями, не описався в юстиц-коллегию, власти не иметь». Но эта самостоятельность низших судебных инстанций не удержалась долго. Уже в 1722 г. последовал указ, уничтожавший городских судей и прежние провинциальные суды; их функции передавались административным органам — воеводам, а где воевод не было — ассессорам и комиссарам; функции же надворных судов, там, где они не были открыты, были переданы воеводам и губернаторам с придачей им «для вспомошествования» одного или двух ассессоров или комиссаров. В руках губернаторов был сосредоточен надзор и за деятельностью надворных судов, где они сохранялись. Фактическими председателями надворных судов, «для лучшего в делах отправления», были сделаны те же воеводы и вице-губернаторы, т.-е. представители активной администрации. Юстиц-коллегия по своим функциям мало чем отличалась от прочих правительственных

коллегий и больше служила органом центрального управления, нежели суда. К этому следует добавить, что в руках местной полиции сохранялись широкие полномочия «расправы» по различным проступкам подданных с возможностью налагать различные наказания вплоть до посылки на галеры, и, кроме того, в ее руках почти всецело находились следствие и исполнение приговоров. Механически заимствованная с Запада идея самостоятельности суда, таким образом, просуществовав в петровской Р. менее трех лет, совершенно не привилась к ней, и суд выродился в одну из функций административно-полицейской власти. Введение указом 1772 г. генерал-прокурора с обер-прокурором при Сенате и прокуроров в коллегиях и при надворных судах, которые должны были являться «оком государевым», поставило деятельность высших судов под непосредственный надзор самого царя.

Два сословия, однако, уже при Петре получили известную автономию в своих судебных делах. Это были купечество и духовенство. Уделяя большое внимание торговому капиталу, Петр зорко присматривался к привилегиям, которыми пользовались купцы в других странах. В числе обычных привилегий тогдашних крупных городов Европы была привилегия торговым людям иметь свои суды, огражденные от судебных притеснений со стороны феодалов. Петр заимствовал из Эстляндии и Лифляндии систему городских магистратов (см. XV, 645/47), являвшихся органами самоуправления купеческого сословия. Магистраты судили «регулярных граждан», обелиженных в двух гильдиях (банкиров, купцов, ведущих крупную торговлю, розничных торговцев и ремесленников), а с другой стороны, «докторов, аптекарей, шкиперов, живописцев» и других «мастеров», организованных в «пун-

фы» (цехи). Что касается «нерегулярных граждан», к которым были отнесены дворяне, духовные лица, служилые и «подлые» люди, то они были исключены от участия в городском самоуправлении и в избрании членов магистратов. В Регламенте Главному магистрату 1721 г., которым учреждались магистраты, мы читаем:

«Хотя судные дела во всех губерниях и провинциях в смотрении и ведении подлежат в юстиц-коллегии, однако ж, понеже к пещине и ремесленные тяглые люди во всех горо ах обретаются немалко в таком презрении, но паче от всяких обид, нападков и огорчений несносных едва не все разорены... того ради, милосерд твуя, Е. Ц. В. указал: всех куческих и ремесленных людей во всех делах судом и расправою и татными, и разбойными, и убивственными делами ведать (кроме великих государственных дел) в Главном магистрате и прочих магистратах».

Магистраты должны были творить суд и розыск по Уложению, а в случае смешанной подсудности вступать в «сместный суд» с надворными судами. Высшей инстанцией для них была не юстицколлегия, а Главный магистрат; магистраты не должны были подчиняться губернаторам и воеводам «в том, что до градского суда и экономии касается», но должны были блюсти государеву пользу, «яко слуги быть, пользу и благополучие Е. Ц. В. всяким образом и по всей возможности искать». Магистраты состояли из выборных судей и пользовались известной самостоятельностью. В то время как по линии общих судов во все царствование Петра разлаются постоянные жалобы на лихоимство, притеснения, несправедливости, их почти совершенно не встречается в отношении магистратов. Повидимому, обособленный сословный суд буржуазии того времени более всего соответствовал ее интересам. Этим объясняется и долговременное существование магистратов до самой судебной реформы 1864 года.

Что касается духовенства, то высшим судилищем для него был сделан учрежденный в 1722 г. Синод, указом которого было предписано «по оговорам (зроте тяжких государственных дел) духовных судить в

Синоде и не брать тех дел ни в коллегии, ни в другие судебные учреждения», и рассматривать лишь гражданские дела («искковые и тяжбные») — «еже где определено всем», т.-е. в общих судах. Указом 4 сент. 1722 г. в городах в качестве суда первой инстанции были учреждены «духовных дел управители», которым были подсудны дела духовных «в браки, в бою, в краже и в других обидях и бесчестиях и в прочих исках», с возможностью обжалования решений управителей епархиальным архиереям. Этим управителям были переданы и церковные дела мирян.

Как известно, Петр относился к духовенству весьма отрицательно. Про монахов в своем указе от 31 янв. 1724 г. он писал:

«Нынешнее житие монахов точно вид есть и понос от иных законов. понеже большая часть их тунеядцы суть... В монахах все готовое, а где и трудятся, то токмо волные поселяне суть. Прилежат же ли разумению божественных писаний? Всячески нет, а что говорят: молятся, то и все молятся... Что же прибыла обществу от сего? Воистину только старая пословица: ни богу, ни людям, понеже большая часть бегут от податей и от пениности, дабы даром хлеб есть».

Не столько ради поощрения духовенства, сколько для того, чтобы избавить себя от необходимости вмешиваться в дела его, Петр предоставил ему и внутреннюю автономию, и свой суд.

Наконец, особую ветвь юстиции представляла собою при Петре военная юстиция, организованная — по Военскому уставу 1716 г. — из двух инстанций: генерального кригсрехта, ведавшего дела по государственным преступлениям воинских чинов, высшим должностным преступлениям и преступлениям целых частей войск, и полковых кригсрехтов, ведавших преступления обер-офицеров и низших чинов. Оба суда были коллегиальными учреждениями состоявшими из «презуса» и нескольких ассессоров из числа военных; при судах для наблюдения за правильным ведением дел и законностью состояли аудиторы.

Преемники Петра еще более стер-

ли границы между судом и администрацией. Новая областная реформа 1726—1727 г. упразднила существовавшие в «знатных городах» надворные суды, передав дела их начальникам уездов, названным «воеводами» (лишь дела петербургского надворного суда были переданы юстиц-коллегии^{*)}). Воеводы (провинциальные и городовые) в силу указа 1728 г. должны были ведать все гражданские и уголовные дела в посадах и дворцовых землях, с особым тщанием разыскивая дела татинные, разбойные и убийственные. Воеводы находились в подчинении губернатора, который служил для них апелляционной инстанцией. Они были судьями по делам всех сословий, кроме офицеров и солдат гвардии, которые подлежали по указу 1727 г. ведению юстиц-коллегии. Из судов сословного характера сохранялись магистраты для купцов и ремесленников, суд дворцовой канцелярии — для дворцовых крестьян и феодально-вотчинный суд помещиков для крепостных крестьян. Впрочем, магистраты, или ратуши, утрачивали свою автономию: на решения их было предписано принимать жалобы в губернии — губернаторам, а в городах — воеводам, с правом вынесения нового решения по Уложению и указам.

Можно сказать, что со второй четверти XVIII в. в Р. не существовало судебной власти в собственном смысле. Имелись лишь административные органы: Сенат, юстиц-коллегия, губернаторы, воеводы, наделенные среди других административных полномочий и правом вершения уголовных и гражданских («тяжебных и розыскных») дел. Неудивительно, что т. н. «правосудие» в эту эпоху представляло собою сплошное море всяческого произвола, лихоимства и угнетения.

Можно привести из указов самих государей и Сената того времени необозримое количество непрерывных указаний на происходящие в «судах» злоупотребления.

Все эти указания, сопровождаемые часто изданием различных правил о надзоре за течением колониальных дел, о расследовании отдельных злоупотреблений, о ревизии поставленных приговоров, о более строгом надзоре прокуратуры и Сената и пр., решительно не оказывали никакого действия на прогнившую систему разнузданной фактической безнаказанности администрации и бюрократии, ведавшей делом суда.

Взяточничество в значительной степени поощрялось различного рода «акциденциями», которые дозволялось брать судьям и канцелярским чиновникам за всякого рода бумаги и процессуальные действия. Лишь указом 17 февр. 1763 г. судьям было положено небольшое жалованье. До того, как пишется в указе, «люди, ниже имея дневное пропитание, отсылались к делам, не получая при том никакого жалования и немного лучше как бы ниимущие в богадельню, для одного только пропитания». С момента назначения ему жалованья — гласил указ 1763 г. — судья, который «коснется лихоимству, взяткам или подаркам», «как нечестивой и неблагодарной и яко заразительный член обществу, не только из числа честных, но из всего роду человеческого истреблен будет». Жалованье судьям было положено за счет разных сборов, которые должны были быть направляемы в статс-контору.

Судебная реформа Екатерины II. Депутаты, собранные в Комиссию по составлению уложения в 1767 г. (см. XXIV, 598 сл.), привезли с собою в наказах не мало указаний на необходимость коренной реформы суда. С другой стороны, сама Екатерина, находясь в общении со своими загра-

^{*)} С упразднением в 1775 г. юстиц-коллегии надворные суды были восстановлены Екатериной II в Петербурге и Москве.

ничными корреспондентами, не могла не видеть архаичности судебного строя тогдашней Р. Вернувшийся из Англии С. Десницкий (см.), один из ранних русских теоретиков-законоискусствцев, в записке «О учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи» предлагал отделить «власть судительную» от других властей и вручить ее трибуналу, состоящему из 12 судей, и «мирным судьям», по шотландскому образцу. Вместе с тем он отстаивал самостоятельность и несменяемость судей, необходимость высокого вознаграждения их и повышения их образовательного уровня. Ознакомление с организацией английских судов по Блекстону, первый том которого во французском переводе вышел в 1774 г., дало последний толчок стремлению реформировать постановку судебного дела в империи. Екатерина поручила своим сотрудникам Сиверсу и Брауну собрать для нее выписки из судебных законов в Финляндии, Эстляндии и Лифляндии, запаслась выписками из русских судебных законов, собранными для Комиссии 1767 г., и, выбрав все, казавшееся ей наиболее подходящим из Блекстона, принялась за сочинение Учреждения для управления губерний, которое было составлено ею к осени 1775 г. и 7 ноября того же года опубликовано. Как и Петр I, Екатерина заимствовала при этом основные положения с Запада, но при этом она обнаружила некоторую самостоятельность, воздержавшись от рабского копирования взятых образцов, а переработав их в соответствии с некоторыми свойственными ей общими идеями. Эти общие идеи можно формулировать в следующих положениях.

1) *Сословность суда.* Екатерина понимала сущ. стьюющие между сословиями противоречия интересов. Еще в Наказе она писала: «Надлежало бы нескольким из судей быти чина по гра-

жданству такого же, какового и ответчик, т.-е. ему равным, чтоб он не мог подумать, что попался в руки таких людей, которые в его деле насильство во вред ему употребить могут». Перечисляя в наброске к манифесту 1778 г. сделанное ею, Екатерина пишет: «Дворяне, иль мещане, иль крестьяне многие равными себе судимы». И действительно, в каждой ступени судов для каждого из сословий установлены были свои виды судебных мест: для дворян — уездный суд и верхний земский суд, для мещан — губернский и городовые магистраты, для крестьян — верхняя и нижняя расправа. Предоставив выбор заседателей всех судебных мест каждому сословию, Учреждение ввело для председателей порядок назначения: председатели палат и верхнего земского суда назначались государем из двух представленных Сенатом кандидатов, уездный судья избирался дворянами с утверждения губернатора, а при недостатке дворян назначался из чиновных людей; наконец, расправный судья, председательствовавший в крестьянских судах, назначался наместничьим правлением из чиновных людей. Таким образом сословное выборное начало в суде было подчинено в конечном результате дворянско-чиновничьему контролю. Вводя участие выбранных от сословий во всех инстанциях суда, превращенных в коллегиальные органы, Екатерина считала, что она осуществляет идею суда присяжных, которая в понимании тех юристов того времени, с легкой руки Монтескье, рассматривалась как «суд равных». Политическое значение этого института тогда еще не вырисовывалось, а основное значение присяжных видели в защите от произвола чиновных судей*). Идея сословности суда, вырождавшаяся в карикатуру

*) Сперанский в записке «О порядке исправления окончательных судебных решений», составленной для Императорского комитета в 1826 г., пишет об этом: «Из разных мест Наказа яви. Екатерины видно, что она

на правильный суд к эпохе введения Судебных уставов 1864 г. в связи с развитием буржуазного общества, в конце XVIII в. в русских условиях имела некоторое прогрессивное значение поскольку она несколько ограничивала произвол дворянско-чиновничьих судей, каковыми раньше были воеводы и губернаторы.

2) *Отделение суда от администрации.* Идея разделения властей, развитая Монтескье, нашла свое отражение в Учреждении в виде разделения правительственных и судебных должностей друг от друга и запрета представителям администрации вмешиваться в решение судебных дел. Уже в манифесте при опубликовании Учреждения говорится о многих «неудобствах», которым было подвержено управление вследствие того, что в воеводских канцеляриях «совокуплены находятся дела всякого рода», судебные и правительственные. Определяя должности наместника в губернии, ст. 81 Учреждения предписывает ему преступников законов и должностей отсылать, куда следует, для суда, «ибо государев наместник не есть судья». Относительно городничего также указывается, что он «не есть судья» и не должен вмешиваться в решение судебных дел. Принцип обособления властей, однако, не выдержан последовательно. В уездах были созданы «нижние земские суды» из капитан-исправника и двух заседателей, при чем этим судам переданы скорее административные, нежели судебные функции (земская полиция, или благочиние, приведение в исполнение законов, приказов, судебных решений и мн. др.), а сам земский исправник обращен в того универсального местного полицейского чиновника, каким он оставался до революции 1917 г.

Объясняется это заимствованием: образцом для земского исправника, как то указывает сама Екатерина в своих черновых рукописях, явился английский шериф, бывший в XVIII в. одновременно и судьей по мелким проступкам, и администратором. Эта аналогия подкрепляется еще тем, что как английский шериф избирался джентри, так и земский исправник должен был, по Учреждению, избираться дворянством. Помимо разделения администрации и суда, Учреждение проводит и разделение гражданской и уголовной юстиции между собою. Это разделение, однако, проводится только для «верхних» судебных мест — палат уголовного и гражданского суда, и для «средних» — верхних земских судов и верхних расправ, которые делятся каждый на два департамента: гражданский и уголовный.

3) *Система трех ступеней суда; децентрализация судебных мест.* Екатерина заимствовала от Бильфельда мысль о том, что для правильности правосудия необходимо наличие трех инстанций,веряющих одна другую, при чем во вторую инстанцию дела поступают по апелляции, а в третью — в порядке ревизии. Эта мысль с педантической последовательностью проведена в Учреждении, создав в результате громоздкую и медлительно работающую судебную систему. Все судебные места (кроме Сената, временно оставленного в прежнем виде) разделены на три ступени: губернские верхние суды (палаты угол. и гражд. суда), губернские средние (верхние земские суды, губ. магистраты и верхние расправы) и подчиненные судебные места (уездные суды, городовые магистраты, нижние расправы, нижний земский суд и опекунские суды). Вне этой системы поставлен лишь *совестный суд* в губернии, который должен был подчиняться Высшему совестному суду, Учреждением не создан-

избрала на судей более как на присяжных, нежели как на якоповедцев, и следовательно более требовала от них нравственного уважения правды. Сие доказывает-ся как с-ым состав и наших судов, так и в особенностях учрежденнем судов совестных».

ному (он предполагался в составе реформированного Сената, а временно осуществлялся усмотренном самой императрицы). В указанном уже манифесте 1778 г. эта реформа резюмируется так: «Гражданским судом кто недоволен, волен просить в верхний суд, ревизия — в Палате; уголовных дел течение, охраняя безопасность лиц, трех судов решению подлежит; исполнение же вверено иным местам». Палата уголовного суда, как указано в самом Учреждении (ст. 106), «ничто иное есть, как юстиц-коллегии департамент», а Палата гражд. суда — «соединенный департамент юстиц- и вотчинной коллегий». С введением новых учреждений юстиц-коллегии была упразднена. Перенос ее функций в губернские палаты являлся сознательной мерой *децентрализации*, вызванной обширностью империи. Екатерина руководствовалась здесь целью «приблизить правосудие к дверям каждого» и творить его чрез местных людей безволочитно. Для каждой губернии были выработаны твердые судебские штаты с указанием, сколько и кому положено жалованья в год. Тем самым судьи превратились в местных чиновников, каждому из которых был присвоен определенный чин. Палаты угол. и гражд. суда целиком состояли из назначаемого Сенатом чиновного элемента в лице председателя, двух советников и двух ассесоров.

Особо от общей судебной системы был поставлен *совестный суд* (см. XVЦ, 314/15).

При проведении судебной реформы в губерниях Екатериной руководили не плохие для того времени образцы, но практические результаты ее реформы, особенно в последующие царствования, оказались весьма печальными. Карамзин в записке «О древней и новой России» пишет: «В самих государственных учреждениях Екатерины

видим более блеска, нежели основательности; избиралось не лучшее по состоянию вещей, но красивейшее по формам. Таково было новое учреждение губерний — изящное на бумаге, но худо примененное к обстоятельствам России... Екатерина хотела умозрительного совершенства в законах, не думая о легчайшем полезнейшем действии оных; дала нам суды, не образовав судей; дала правила без средств исполнения». Создание губернских судебных учреждений должно было быть лишь одним из звеньев задуманной ею общей реформы государственного и судебного строя. За нею должна была последовать коренная реформа Сената и государственных коллегий, реформа судебного процесса, уголовного уложения и, наконец, тюремная реформа. Ни одна из этих реформ, над которыми она работала в течение всего последующего времени, сделана не была осуществлена. Громоздкое здание местных судов повисло в воздухе, оставшись в окружении старых привычек и понятий. Не было подготовленных людей, которые могли бы вдохнуть во вновь созданные учреждения новую жизнь. Дворянство не только сохранило, но и приумножило свои привилегии, крестьянское бесправие в виду усиления крепостного права стало еще более резким, чиновный произвол — еще более отягощенным. Созданная система инстанций порождала волокиту и бумажность производства, сделав канцелярских чиновников, при отсутствии сколько-нибудь сведущих в законах судей, фактическими вершителями дела.

В течение всех последующих лет Екатерина почти не меняла строя созданных ею судебных учреждений. Устав благочиния 1782 г., создав Управу благочиния и совестные суды в городах, коснулся лишь полицейской власти, которая, впрочем,

по тогдашнему пониманию включала в себя и наложение взысканий за проступки, «благочинию противные». Дореволюционное французское право служило ей в том образцом.

Судебные учреждения, созданные Екатериной, с небольшими изменениями, внесенными в них в последующие царствования, просуществовали до Судебных уставов 1864 г., а так как последние вводились в действие постепенно, то в некоторых местностях они сохранялись даже до 1900 г., когда судебная реформа Александра II была завершена.

Подвергшись существенным изменениям при Павле, система губернских судов была восстановлена при Александре I, но в николаевскую эпоху в нее были внесены некоторые изменения, приведшие к усилению роли дворянского элемента за счет прочих сословий. Так, нижние земские суды превратились частью в единоличную власть исправника, восполняемую для государственных крестьян волостными и сельскими расправами, для которых был издан в 1839 г. особый *сельско-судебный устав*; верхние расправы были упразднены, а вместо них крестьянские заседатели были введены на ряду с заседателями от дворян в уездные суды под началом уездного судьи, избираемого дворянами. В палатах гражданского и уголовного суда оставлены только заседатели из дворян и купцов, а представители крестьян были устранены. В результате, к моменту издания Судебных уставов, судебная система дореформенных судов имела следующий вид: первую степень уголовного суда составляли уездные суды, ведавшие дела всех сословий, кроме купцов и мещан, и ряд специальных дел; городские магистраты и ратуши — для купцов и мещан; надворные суды (в Петербурге и Москве) — для столичных должностных лиц, разночинцев и иностранцев; вторую степень со-

ставляли палаты угол. и гражд. суда, которым подлежали ревизия и апелляция, а также некоторые дела о должностных преступлениях в качестве суда первой степени. Наконец, высшую степень составлял Сенат. В силу реформы 1811 г., проведенной в связи с учреждением министерств, Сенат разбился как бы на две части: правительственную и судебную; судебные департаменты Сената ведали дела по округам (в Петербурге, Москве, Киеве, Казани, а несколько позднее в Варшаве). В эти департаменты восходили для высшей ревизии дела, разрешенные судами первой и второй степени, и, кроме того, они ведали рассмотрением дел о должностных преступлениях высших чиновников. В качестве особых ответвлений сословных судов продолжали существовать церковные, военные и крестьянские суды.

Уголовное судопроизводство в дореформенном суде. Если судебная система подверглась некоторому изменению в конце XVIII в., то уголовный процесс времени Петра I, с сравнительно небольшими лишь изменениями, продолжал действовать в Р. до самых Уставов 1864 г. Соборное Уложение 1649 г. явилось у нас проводником розыского процесса, как он сложился в XVII в. на Западе, с формальными допросами, пытками, повальным обыском, принудительным началом, проникавшим все виды деятельности суда, имевшего своей главной задачей уличить заподозренных (*ср.* ХLI, ч. 5, 267 сл.). В указе 1697 г. Петр еще более укрепил розыск, предписав «вместо судов и очных ставок чинить розыск» по всем делам. Этим искоренялись как бы последние остатки состязательности. «Краткое изображение воинских процессов», включенное в Воинский устав 1716 г., дало довольно подробную схему построения процесса не только для военных судов, но и для судов граждан-

ских. В нем, на ряду с чертами состязательности (наличие челобитчика и ответчика, допущение в суд «адвокатов», возложение представления доказательств на стороны и пр.), в качестве основных средств доказывания сохранялся «расспрос с пристрастьем» и пытка. Пытка предписывалась при «наличии важных к тому причин и совершенного подозрения», но в «больших и важных делах» она рекомендовалась и тогда, когда «свидетель в сказке своей оробеет или смутится, или в лице изменится». Пытка должна была производиться самим судом, и разделения следствия и суда в «Кратком изображении» еще не видно. Доказательству в общем придан формальный характер. Одной из задач издания «Краткого изображения» было, несомненно, стремление Петра положить конец судебной волоките, простиравшейся от долгого судоговорения и проволочек. Создавая военные суды, он пишет, что «при кригсрехтах более смотрят на самое дело, нежели на краснословие и лепоту процессов». К этой же цели стремится и изданный позднее, в 1723 г., «Указ о форме суда», в котором изложены правила производства допроса «по пунктам», вызова сторон, судоговорения и розыска.

В практике судов петровского периода, как и в самом законодательстве Петра, соотношение между «судебным» (состязательным) и «розыскным» порядком процесса было чрезвычайно неясным. Но затем, под влиянием разнообразных причин (одной из которых является развитие в законе преступлений против государственного интереса и жестокость тогдашних наказаний), резкое преобладание начинает получать розыскной процесс, опирающийся на пытку и содержание обвиняемых под стражей. Весь период от 1720-х до 1760-х годов заполнен жалобами на произвол, пристрастие и взяточничество судей и множество

дел о «колодниках», — на эти обычные атрибуты розыскного суда, против которых оказываются бессильными все меры надзора, отчетности и выскания, проводившиеся многочисленными указами той эпохи. Благодаря этим мерам уголовный процесс приобрел все черты формализма и письменности, а многочисленность разновременных и часто противоречивых законов давала возможность подгонять решение под тот или иной закон, как вздумается судьям. Екатерина, высказав в своем Наказе ряд здравых сентенций относительно порядка производства уголовных дел, не воплотила их в жизнь путем законодательства; лишь ограничение применения пытки и затем отмена ее законом 1801 г. несколько смягчили суровый характер розыскного процесса и ввели в него некоторые коррективы. Хотя Наказ и не являлся законодательным источником, однако Сперанский при составлении свода законов использовал некоторые его положения для дальнейшего смягчения правил разбирательства уголовных дел. В результате судебный процесс середины XIX в. представлял собою розыскной процесс, по своему типу соответствовавший смягченным формам французского процесса предреволюционной эпохи. Но в то время как почти во всех европейских странах под натиском идей, выдвинутых французской революцией, этот тип процесса успел резко измениться в сторону гласного состязательного суда с участием присяжных, в Р. он продолжал существовать во всей его архаичности. Уже в 1820-х годах более просвещенная часть русского общества выдвигала проекты судебной реформы, основанные на принципах гласности суда, состязательности, допущения защиты, введения присяжных заседателей. Помимо нового французского законодательства, развитию таких требований много способствовали сочинения Бентама,

получившие широкое распространение в Р. Эти требования нашли себе отражение в проектах декабристов и в частности у Пестеля, Каховского и Батенкова. Они выдвигались порою и в различных комитетах, составлявшихся для проведения судебной реформы при Александре I.

Построение уголовного процесса по Суду законов и его продолжениям 1842 и 1857 гг. вкратце было следующим. Доминирующую роль играла полиция: из трех звеньев процесса — следствия, судебного разбирательства и исполнения приговоров — следствие и исполнение целиком ведались полицией, в руках которой, кроме того, находилось судебное разбирательство дел о «полицейских проступках». Следствие разделялось на *предварительное*, которое должно было начинаться по особым поводам (звещению, жалобе, доносу, предложению прокуроров и стряпчих и, наконец, по усмотрению самой полиции) и сводиться к исследованию того, действительно ли произошло преступление и включает ли происшествие признаки преступления, а также к принятию мер (взятия под стражу, обысков, вземок), и на следствие *формальное*, которое должно было «привести обстоятельства дела в такую ясность, чтобы судебное место не могло встретить никакого затруднения или сомнения для постановления по оному приговора». Формальное следствие состояло в записи показаний обвиняемого и свидетелей, производстве им очных ставок, собирании письменных доказательств, производстве экспертиз, повального обыска и пр. При формальном следствии могли присутствовать «депутаты» от той сословия, к которому принадлежал обвиняемый, но в отношении крепостных крестьян вместо депутатов допускалось участие помещиков, выступающих за них ходатаями. Надзор за следствием нахо-

дился в руках прокуроров и стряпчих, которые рассматривались одновременно и как «взыскатели наказания по преступлениям», и как «защитники невинности». Они должны были следить и за тем, чтобы формальное следствие было закончено в установленный для него месячный срок.

По окончании формального следствия дело должно было немедленно направляться в судебное место для разбирательства. Но чтобы не утрудять судей, оно должно было предварительно пройти чрез канцелярию, которая составляла из всех материалов его «выпись», или докладную записку, собирала необходимые справки (о летах, судимости, заслугах обвиняемого), подбирала «приличные к делу» законы и проверяла, правильно ли проведено следствие и не упущены ли какие-либо обстоятельства, имеющие значение для дела. Судебное присутствие, по общему правилу, выносило свое решение на основании этих выписей, не прибегая к личной проверке всех доказательств путем вызова свидетелей и экспертов в суд. Лишь в отношении допроса подсудимого предусматривалась возможность его вызова «в нужных случаях». Суд должен был спрашивать подсудимого, не делалось ли ему во время производства следствия пристрастных допросов, указывать ему, что упорство и ослушание нечаею ответов будет вменено ему в вину, и в случае заирательства стараться «вез истязаний, уликми, а в случае нужды увещанием священника привести его к раскрытию истины». Судебного следствия с участием сторон в его современном понимании не существовало. Добладчик, знакомящийся обычно с делом по выписям, или секретарь докладывал дело, суммируя имеющиеся в деле доказательства и приводя соответствующие законы, а судьи изъясляли свои мнения, по большинству которых и с-

ставлялось решение. Фактически не происходило даже коллегиального обсуждения. Дело докладывалось секретарем председательствующему судье, подобно тому как докладывается начальству обо всяких поступивших бумагах, при чем судья поручал изготовить тому же секретарю приговор, подписывавшийся затем заседателями, в большинстве случаев с материалами дела мало знакомыми (среди заседателей не мало было совершенно неграмотных). По делам, по которым подсудимые не присуждались к тяжким уголовным наказаниям (лишению жизни, чести или торговой казни), суд первой инстанции выносил приговор, по более тяжким делам — составлял только «мнение», представлявшееся в Палату угол. суда, а приговор постановлялся присутствием последней. Как указывал закон, «приговоры и мнения должны составляемы быть без всякого пристрастия, по приличном рассмотрении всех обстоятельств; они должны быть основаны на существе доказательств и на точном разуме законов, а не едином судейском рассуждении». Недоверие к этому «судейскому рассуждению» повлекло за собою установление подробных и механических правил о «силе доказательств и улик». Собственное призвание считалось «лучшим доказательством всего света»; оно признавалось «совершенным» (т.-е. достаточным для вынесения обвинительного приговора), если было učinено добровольно, в судебном месте, пред судьей, сходно с происшедшим действием и с приведением обстоятельств, «в достоверности и истине которых сомневаться невозможно». Сознание, принесенное с чистосердечным раскаянием, приравнивалось к «повинной» и влекло за собою смягчение наказания. Таким же «совершенным доказательством» считалось свидетельство двух достоверных свидетелей, совершенно согласных в своих показаниях,

если против него не будет представлено достаточных опровержений. Затем закон содержал подробную инструкцию об оценке противоречивых между собою свидетельских показаний, предписывая давать преимущество мужчине перед женщиною, лицу знатному перед незнавшим, ученому перед неученым, духовному перед светским. Свидетельские показания, učinенные без присяги или основанные лишь на слухах, вовсе не почитались доказательствами, при чем закон содержал длинный список тех лиц, которые не допускаются к присяге; среди них мы находим и «явных прелюбодеев», и «не бывших никогда у причастия или проклятых и отлученных от церкви», и «иностранцев, поведение коих неизвестно, и осужденных за различные преступления. Устранялись от показания дети против родителей, жены против мужей (но не наоборот), отлученные на волю против их бывших помещиков и детей их. Что касается крепостных и слуг, то они могли быть допрашиваемы лишь за недостатком других свидетелей и в случае показаний против помещиков должны быть «поручены особенному покровительству местного начальства для ограждения их от преследования». К числу совершенных доказательств были отнесены при определенных условиях и письменные акты и документы, а также осмотры. Оговор, повальный обыск и «улики» (косвенные доказательства) сами по себе, без дальнейшего подкрепления, были доказательствами «несовершенными». В качестве крайнего средства допускалась очистительная присяга применительно к подсудимому, находящемуся в подозрении, при безуспешности уличить его какими-либо средствами. Несовершенные доказательства в совокупности своей могли составить доказательство совершенное, когда они «исключают возможность недоумевать о вине подсудимого». При от-

существовании совершенных доказательств, но при наличии некоторых улик, суд не мог выносить обвинительного приговора, а оставлял подсудимого «в подозрении», отдавая его на поручительство в добром впредь поведении и оставляя за собою возможность нового привлечения его к суду при открытии новых улик. Оставление в подозрении для крестьян и мещан могло влечь за собою выселение их в Сибирь по приговорам местного общества, к которому они принадлежали, принятым большинством двух третей голосов. Приговоры, выносимые судами (не говоря уже о «мисниях»), в ряде случаев в силу требования самого закона вносились на ревизию палат, а в определенных случаях и Сената. При отсутствии этих условий дело поступало в следующую инстанцию лишь по жалобе подсудимого (апелляции), но при этом в отношении лиц, не изъятых от телесных наказаний, существовало серьезное ограничение: они могли обжаловать вынесенные им палатой приговоры о ссылке в каторжные работы, на поселение или в арестантские роты не иначе, как после самого уже исполнения приговора, при чем признание жалобы неосновательной влекло для них телесные наказания или тюрьму. Уголовному процессу по Своду зак. не были чужды постановления, отражающие в себе заботу об «ограждении невинности» и улучшении положения обвиняемого в процессе, но все эти постановления носили характер полицейской опеки, при которой различными начальствам и органам (судьям, прокуратуре, следователям и пр.) предписывались различные правила скорее морального, чем юридического порядка, а за самими обвиняемыми не признавалось никаких прочных процессуальных прав. Обвиняемые, как выражаются часто теоретики процесса, являлись не «субъектами», а «объектами» судебного процесса.

«Всевозможные средства к оправданию», о которых упоминал закон, в сущности сводились к различным ходатайствам, лишенным какого-либо обязательного значения для суда.

Разложение дореформенного суда.
В эпоху всеобщего бесправья и царского самовластья редко кто дерзал выступать с открытыми описаниями существующих судебных порядков. Резкие страницы Посошкова, написанные в бытность его в Швеции, за которые он поплатился долговременным тюремным заключением, были чуть ли не единственным правдивым словом о суде начала XVII в. Но изучение материалов, имеющихся в П. С. З. в виде указов, состоявшихся по поводу отдельных злоупотреблений, и даже «высочайших манифестов и указов», дает нам довольно яркую картину господствовавшего в судах тогдашнего времени произвола, взяточничества, волокиты и дворянского классового засилия. В первой четверти XIX в. в записках декабристов можно найти не мало правдивых характеристик старого суда. Но это были голоса, не доходившие до слуха масс населения. Лишь начиная с 40-х годов XIX в., вместе с началом расцвета литературы, порядки дореформенного суда начинают находить себе освещение в нашей печати, и то в виде преимущественно сатирических форм. (Волк-судья в крыловской басне «Волчий суд», судья Тяпкин-Ляпкин в «Ревизоре» Гоголя и др.). В «Полярной Звезде», издававшейся в Лондоне Герценом и Огаревым, в 1858 г. напечатано было произведение анонимного автора, озаглавленное «Причастственный день уголовной палаты (судебные сцены)», где автор, сам прошедший длинный судебно-служебный путь в качестве «чиновника-очевидца», неприкрашено изображает всю канцелярско-бюрократическую сторону суда уголовной палаты, этой высшей губернской инстанции суда.

Здесь выведены и дворянские заселатели, всецело опирающиеся на мнение секретаря, и председатель, отстаивающий дворянский произвол в нарушение всех требований закона, и заседатель от купечества, забегающий в суд расписаться и выполняющий эту формальность в надежде лишь на получение медали, к которому остальные судьи беспрерывно обращаются с предложениями пожертвования на «устройство судебных мест», и т. п.

Русская публицистика устами Хомякова, Аксакова, Белинского и несколько позднее Щедрина-Салтыкова и др. начинает смелее говорить о недостатках старого сословного суда, не облекая, однако, своей критики в формы определенных практических предложений. Недостатки дореформенного суда уже после судебной реформы 1864 г. настолько обстоятельно изложены в трудах Г. А. Джаншиева, М. А. Филиппова, А. Ф. Кони, В. Бочарева и мн. др., что вряд ли нужно специально останавливаться на них здесь. Помимо недостатков, протекавших, так сказать, из самой формы процесса: канцелярской тайны, бумажности производства, бесконечных проволочек и волокиты, бесправного положения подсудимого и пр., нужно с особенной силой отметить отрицательные черты, являвшиеся следствием сословно-бюрократического строя самого суда. Дореформенный суд состоял из трех элементов: дворянства, мелких чиновных людей, устроившихся в канцеляриях суда, а иногда на судейских должностях по назначению, и сословных заседателей, представлявших различные сословия. Дворяне, назначавшиеся или избиравшиеся на должности уездных судей, председателей и товарищей председателя палат, председателей совестных судов и заседателей в этих судебных местах от дворянства, обычно брались из числа мелкопоместных, «худосочных» дворян, находившихся

в полной зависимости от крупных помещиков и губернского начальства. В неопубликованной записке «Комитета для соображения законов о лихоимстве и о мерах к истреблению сего преступления», составленной в 1826 г., мы читаем следующие строки:

«Отчего ныне выбор, не говоря уже о должностях уездных судей, исправников и заседателей, даже у председателей главных судов отклоняют от себя дорогие заслуженные и с состоянием: незаслуженные же и чиновные не летятся выбором и, будучи избраны, занимают должности неохотно, как будто пришло имение одною только неизбежностью? Быва и есть другая причина кроме той, что начальство в губерниях, захватив влияние на выборы и присвоив себе власть, в Учреждении не установило, подвергло самих председателей дворянства полнотности как бы чиновников, в его личном распоряжении пре оставленных... В нужде немудрено разбор: кто слушается, тот и судья, исправник, заседатель и проч. Избираемые дворяне, завися даже от секретаря управляющего, чувствуют унижение и пускаются один перед другим на все роды несправедливости. Судья обращает правого и виноватого в суде, а исправник и заседатели делают уезд на участки для лихоимственного на свою долю грабежа и началом неправды все ты исследуя и розысков по делам тяжбы и уголовным изъяс и для лихоимства колодезь, из которог прочие лихоимные грабители черпают достояние и слезы тлущущихся и подлудимых в продолжения многих лет во всех инстанциях, где по запущенностям блуждает дело, начатое не в своем виде. Именнейшее же дворянство, встречая на каждом шагу затруднения в успешной борьбе с начальнической властью, сильно подвзывает стремление к захвату в самом его начале, не только не агитирует в члены губернских присутствий тех мест, но даже удаляется от выборов и отрекается от должностей самых почтенных».

Не менее красноречиво та же записка характеризует и положение чиновных судей и канцелярских служащих:

«Бедное и, смело можно сказать, близкое к нищенству положение большей части посвящающих себя гражданской службе часто самого благорасположенного и лучшей нравственности чиновника невольным образом превращает во врага правительству, поставая ему его в несчастную необходимость прежде, единственно для поддержания себя и своего семейства, употребить все усилия ума и дарований к извлечению из хаоса законов средств удовлетворения первейших жизненных потребностей, а потом уже, когда раз удался преступный шаг, и прихотей, роскоши нынешних времен числительно в число не бедностей обращенных».

Нищенские оклады жалованья судебным чиновникам, спускавшиеся до нескольких рублей в год для канцелярских служащих, конечно, служили лишь одним из оснований к взяточничеству. «Взятка управляла Р.» и вследствие отсутствия прочных законов, и вследствие несоответствия существующих законов складывающимся отношениям развивающегося буржуазного общества. Об исправле-

нии законов мало заботились: «На что мне законы, коли судьи знакомы», — говорили люди, умевшие обеспечивать свои интересы и выгоды в тогдашних условиях. Помимо ничего не условий вознаграждения, дореформенные судьи отличались почти полным отсутствием надлежащего юридического образования. Немногочисленные лица, прослушавшие курсы юридических наук, обычно не шли на судебные должности, предпочитая службу в административном ведомстве, судьи же вербовались либо из полуграмотных дворян, либо из выслужившихся канцелярских чиновников. Требование применения закона без всякого «судейского рассуждения» и «избегая непостоянства самопроизвольных толкований» было естественным требованием применительно к такому составу судей.

Что касается заседателей от податных сословий, то они, как свидетельствуют бытописатели того времени, скорее несли обязанности рассыльных, сторожей, истопников и даже бегали в лавочку для дворянских судей, принося им в присутствие выпивку и закуски. Купеческие круги откупались от участия в суде взносом «жертвы» на содержание судебных мест, а привлеченные к такой службе относились к своим обязанностям крайне халатно.

Такой суд, конечно, не являлся самостоятельной классово-политической силой: он был послушным проводником указаний начальствующих чинов и групп, от которых судьи не только зависели в своем служебном положении, но которые, благодаря системе бесконечных инстанций, всегда могли довести дело до «верхов», решавших его так, как это соответствовало классовым интересам сильных. «С сильным не борись, с богатым не судись» — так формулировала народная поговорка урок, извлеченный из практики дореформенного «правосудия».

Политический суд до судебной реформы. В течение всего XVIII в. политические дела большой важности были изъяты из ведения общих следственных органов и судов и проводились под непосредственным наблюдением царя и специально назначенных им лиц чрез особые органы. Петр указом 25 янв. 1715 г. упорядочил практику старого московского «слова и дела государева», предписав каждому «доносить словесно и письменно о нужных и важных делах самому государю», при чем такими делами были признаны дела по трем пунктам: «1) о всяком умысле против персоны Е. Ц. В. или измене, 2) о возмущении и бунте и 3) о похищении казны». Еще до того, указом 1702 г., для производства следствий по государевым делам был организован близкий к царю Преображенский приказ, получивший в 1722 г. более точное оформление и просуществовавший до 1729 г. Дела, сысканные в этом приказе, вносились непосредственно на решение царя или передавались им предварительно на вершение Сенату. Здесь мы встречаемся еще с той компетенцией Сената, которая была присуща старой Боярской думе. В большинстве случаев они рассматривались в существующей при Сенате Расправной палате.

С упразднением при Петре II Преображенского приказа было повелено в 1729 г. все дела по первым двум пунктам и вообще политически важные передавать в Верховный тайный совет (см.), частично вытеснивший компетенцию Сената, при чем для окончательного разрешения этих дел назначались по усмотрению монарха особые судилища, вносившие свои приговоры ему на конфирмацию. С упразднением в 1730 г. В. тайного совета на короткое время была восстановлена юрисдикция Сената по важнейшим политическим делам, но уже в следующем 1731 г. дела эти

были сосредоточены в ведении «Кабинета при дворе е. п. в.», душой которого стал Остерман. Через Кабинет прошел ряд дел о крупных должностных преступлениях (о злоупотреблениях Иркутского вице-губернатора Жолобова, широко практиковавшего взяточничество, о ряде должностных лиц в Переяславле-Залесском и мн. др.), при чем наказания назначались резолюциями Кабинета, утверждаемыми имп. Анной. Ведал розыском по всем политическим делам ген. Ушаков. В 1731 г. он был назначен начальником особой «Канцелярии тайных и розыскных дел» (см. *тайная канцелярия*), находившейся под непосредственным наблюдением Кабинета. С восстановлением при Елизавете Петровне полномочий Сената, эта Тайная канцелярия поступила в ближайшее заведывание Сената. В Тайную канцелярию поступали доносы и заявления «по первым двум пунктам», и канцелярия постоянно была завалена следствиями по ним. Терпя всевозможные притеснения от административных и судебных властей, люди различных сословий, несмотря на грозящую им пытку и строгое наказание за ложное объявление «слова и дела», со всех концов Р. слали туда свои жалобы и донесения, пристегивая к ним часто совершенно искусственно обвинения в государственных преступлениях. Если по заявлениям чиновных людей и дворян, изъятых уже по Воинскому уставу Петра от пытки, еще производились следствия, то голос людей «низшего звания» оставался без внимания. Указом 1742 г. посадским и боярским (т.-е. помещичьим) людям вовсе было запрещено обращаться в Тайную канцелярию.

С уничтожением Тайной розыскной канцелярии при Екатерине II было предписано, что если случатся впредь какие-либо дела политического характера, то таковые, «смотря по

важности, рассматриваемы и решены будут в Сенате»; расследование таких дел было поручаемо отдельным, назначаемым государыней сенаторам, общий же надзор за производством их был вверяем сенатскому ген.-прокурору Вяземскому. Екатерина усвоила себе мысли Монтескье, Бильфельда и др., решительно высказывавшихся против личного участия государя в правосудии и против чрезвычайных судов. Еще при Елизавете, будучи женой наследника, она писала о своем «отвращении к учреждению чрезвычайных комиссий для суда над виновным, и в особенности если эта комиссия должна остаться секретной». В «Наказе» (ст. 489) она указывает, что «самая бесполезная вещь государям в самодержавных правлениях есть наряжать иногда особливых судей судить кого-нибудь из подданных своих» и что «столь мало от таковых судов происходит пользы, что не стоить сие труда для того превращать (т.-е. извращать) порядок суда обыкновенный; еще же может сие произвести злоупотребления, весьма вредные для спокойства граждан». Однако, когда Екатерине пришлось столкнуться с необходимостью проведения «особливых» дел, она создала для этой цели особое судилище в лице Верховного уголовного суда.

Рассмотрение дела о Хрущеве и Гурьевых (см. XXXVI, ч. 3, 699/700) в начале царствования производилось в соединенном собрании Сената с участием президентов коллегий и с представлением приговора на конфирмацию Екатерины. Но уже по делу поручика Мировича (см.) в 1764 г. рассмотрение было поручено Верховному угол. суду, составленному из членов Сената и Синода, особ первых трех классов и президентов коллегий, представившему свою «сентенцию» на утверждение Екатерины. Мирович был приговорен к смертной казни путем отсечения

головы, каковая казнь и была приведена в исполнение (15 сент. 1764 г.). Однако, когда некоторые члены суда пожелали «злодея пытать», то прокурор Вяземский, под влиянием Екатерины, воспротивился этому. В таком же усиленном составе рассматривалось в 1771 г. дело о чумном бунте в Москве, во время которого был убит архиепископ Амвросий. По этому делу двое участников бунта были повешены, а другие наказаны кнутом и с вырезанием ноздрей были сосланы в каторжную работу (10 ноября 1771 г.). В третий раз Верх. угол. суд, в несколько измененном составе, был созван по делу Пугачева и его помощников в 1775 г. Приговором В. У. С. Пугачев и Афанасий Шерфилев были подвергнуты четвертованию, другие были казнены отрубанием головы или повешением, а прочие участники были преданы торговой казни (см.) кнутом и с вырезанием ноздрей отправлены в каторжную работу, а некоторые сосланы в Сибирь на поселение. Екатерина стремилась придать этой жестокой расправе вид репрессии за общеуголовные, а не политические преступления. В указе о предании суду говорилось: «предать суду по всем содеянным ими преступлениям против империи и безопасности личной и имущественной рода человеческого», «касающие же до оскорбления нашего величества мы, презирая оное, предаем вечному забвению, ибо сии вины суть единственно те, в коих при сем случае милосердие и человеколюбие наше обыкновенно место иметь может». Однако, милосердие Екатерины выразилось лишь в том, что пред четвертованием Пугачева она тайно распорядилась предварительно лишить его жизни менее мучительным способом.

Изучение дел, доходивших до Сената при Елизавете и в первые годы царствования Екатерины, показывает систематическую безнаказанность слу-

чаев самого дикого произвола помещиков в отношении крестьян. Наиболее известными являлись дела о помещице Салтыковой («Салтычихе»), засекавшей больше сотни своих крепостных, о поручике в отставке помещике Шеншине, засекавшем на смерть свою дворовую девку и мучившего своих крепостных в особых застенках с садизмом палача, о помещице Северцовой, предоставившей своему любовнику десятилетнюю девку для растления, о поручике Тарбееве, засекавшем свою крепостную за высказанное ею якобы намерение приобрести с помощью приворотного корня расположение своего господина. Во всех этих случаях Сенат или вовсе оправдывал привлекавшихся, или отыскивал всевозможные смягчающие обстоятельства. Характерным примером может служить дело помещицы Ефремовой, разбиравшееся в Сенате в 1766 г. При помощи двух фузилеров и барабанщика, Ефремова засекала на смерть свою крепостную якобы за «чинимые пред нею, Ефремовой, противности, воровства и побег». На суде Ефремова доказывала, что потерпевшая умерла не от экзекуции, а от зелья, которое она глотала. Следствие полностью опровергнуло это утверждение и доказало, что девка умерла от «антонова огня», приключившегося от безмерного сечения». Сенат, установив этот факт, признал, что хотя Ефремову «не можно во всем оправдать», но в ее деянии усматривается «особо смягчающее обстоятельство — чрезмерное рвение при наказании провинившегося подчиненного», что, по Военскому артикулу, облегчает ответственность, а потому приговорил Ефремову лишь к церковному покаянию. В Розыскной экспедиции при Сенате крестьян пытали и истязали по самым вздорным обвинениям: «опоению дурманом», «дозрению в животике по неведению краденной лошади, неплатежу вытей и т. п.

При Павле для политических дел была создана Тайная экспедиция, проводившая расправу по политическим делам без суда и успевшая за 4 года сослать до 700 лиц. Она была упразднена в 1801 г. Чрезвычайная политическая юстиция и полиция воскресли при Николае I. Следствие над декабристами было поручено Особой следственной комиссии, а самое дело о них было передано на решение Верховного угол. суда, составленного на этот раз из членов Гос. совета, Сената и Синода и др. высших госуд. установлений по назначению Николая. Проект состава В. У. С. был написан Сперанским, при чем он использовал здесь в качестве образца французский Высокий суд правосудия, предусмотренный хартией Людовика XVIII. Характерно, что к тому времени вопрос о допустимости смертной казни по государственными преступлениям являлся спорным. Он был предметом подробной дискуссии в заседании Гос. совета в январе 1824 г., при чем некоторые (Мордвинов и Шишков) доказывали, что смертная казнь отменена за все преступления; но большинство «особ» было иного мнения, и именно на мнение их опирался В. У. С. по делу декабристов. Однако, тогда считалось, что это наказание может быть применяемо лишь только в порядке исключительного суда (В. У. или военного суда), и такая именно точка зрения нашла свое отражение в Своде законов. Только Улож. о наказ. 1845 г. внесло смертную казнь в общую карательную систему. Создание знаменитого Третьего отделения (см.) с шефом жандармов во главе, призванного по мысли Николая I заменять контроль гласности в судебных делах и быстро превратившегося в орган тайного политического сыска, дало в руки полиции мощное средство борьбы с «крамолою».

Судебная реформа 1864 г. Проекты

более решительной реформы уголовного суда и процесса уже с начала XIX в. представлялись отдельными лицами в различные законодательные комиссии (проект Сперанского 1803 г., Радищева 1804 г., Балугьянского 1826 г., проект о введении адвокатуры 1820 г. и др.). Но лишь в связи с изданием Улож. о нак. 1845 г. вопрос этот, под влиянием Записки, составленной тогдашним мин. юст. Дашковым, был поставлен на очередь. С 1857 г., под председательством гр. Д. Н. Блудова (см.), представившего новую Записку с изложением отдельных сторон необходимой реформы, при II отделении канцелярии государя начинает работать комиссия по выработке новых процессуальных законов. Комиссией этой было составлено 14 проектов, из которых только один нашел свое осуществление в форме закона 1860 г., введшего судебных следователей для производства формальных следствий вместо полиции. Проекты комиссии Блудова в общем оставались на почве весьма умеренных реформ старого процесса, сохраняя в неприкосновенности сословный строй судов, негласность рассмотрения дела, возражая против введения суда присяжных и оставляя многочисленные полномочия в области производства уголовных дел в руках полиции, а функции утверждения приговоров — в руках губернаторов. Толчок к значительному повороту в работах по выработке новых судебных проектов был дан лишь крестьянской реформой 19 февр. 1861 г. Через восемь месяцев после обнаружения этой реформы государственный секретарь В. П. Бутев (см.) подал Александру II записку, в которой указал на несогласованности, встречающиеся в проектах, составленных комиссией Блудова, и на необходимость первоначально выработать и утвердить основные начала предполагаемого судопроизводства. Резкий перелом

в общественных построениях в начале 60-х годов не позволял ограничиться только частичными поправками к существующим порядкам, требовал решительного обновления судебного строя и процесса на основе принципов либерально-буржуазного учения, отражавшего настроения передовой буржуазии того времени и либерального дворянства. Александр II, уступая этому настроению, в октябре 1861 г. поручил, с одной стороны, соединенным департаментам Гос. совета отобрать все относящееся к основным началам судоустройства, судопроизводства и к временным мерам переходного характера, а с другой — Государственной канцелярии и прикомандированным к ней юристам «изложить соображения о тех главных началах, несомненное достоинство которых признано в настоящее время наукой и опытом европейских государств, по коим должны быть преобразованы судебные части в Р.». Благодаря этому решению подготовка реформы из рук сановников-бюрократов фактически перешла в руки группы либерально-настроенных юристов, во главе которых стоял сам В. П. Бутков (а позднее Д. Н. Замятин: см.) и его ближайший сотрудник С. И. Зарудный (см.). Не все участники этой группы были юристами по образованию (С. И. Зарудный, Н. И. Стояновский, см., Д. А. Ровинский, см.), но почти все они были хорошо знакомы с недостатками прежнего суда и с судебными порядками более передовых стран Европы. Им не пришлось долго спорить о будущих основаниях судебной реформы, так как основания эти успели уже отчетливо выкристаллизоваться, подготовленные долгим процессом зреющего протеста против тогдашнего бесправия и произвола. Менее чем через полгода, 9 апр. 1862 г., как «основные начала», так и «соображения Госуд. канцелярии» были готовы и внесены на обсуждение

соединенных деп. Гос. совета, где они в течение трех месяцев были обсуждены и без сколько-нибудь существенных изменений утверждены 29 сент. того же года Александром II. Простым и определенным языком эти основные положения формулировали те истины, которые стали достоянием более развитого зап.-европейского буржуазного общества еще с конца XVIII в., как отделение суда от администрации, всесословность суда, гласность и публичность процесса, введение суда присяжных и отмена системы формальных доказательств, введение состязательности на суде и организация защиты, свободной от подчинения правительственному надзору, несменяемость судей и выборный мировой суд, сокращение системы инстанций и отмена ревизионного порядка и т. д. Утверждение основных положений значительно облегчило работу по составлению самих проектов. Работавшие над составлением их те же юристы, разбившиеся на несколько комиссий, могли противопоставлять, в особенности при прохождении этих проектов через дальнейшие инстанции, вылазкам сторонников старых порядков (особенно бывшего мин. юстиции, а затем члена Гос. совета гр. Панина) ясные и четкие формулировки общих начал. Составление окончательных проектов в комиссиях было закончено в течение первых восьми месяцев 1863 г., при чем за это время были составлены и объяснительные записки к проектам и собраны значительные дополнительные материалы. В течение первой половины 1864 г. проекты были рассмотрены соединенными департаментами Гос. совета, постепенно вносившими их на рассмотрение общего собрания Гос. совета, и 20 ноября 1864 г. они были утверждены под общим именем *Судебных уставов*, объединивших в себе четыре самостоятельных устава: 1) учреждение судебных установлений, 2) устав

гражданского судопроизводства, 3) устав уголовного судопроизводства и 4) устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

Быстрота проведения реформы, широкий охват ее, разрыв со старым и провозглашение начал, ранее считавшихся крамольными мыслями, надежды, что логическим следствием судебной реформы должно явиться «завершение здания», т.-е. введение конституционных государственных учреждений, — все это объясняет тот подъем, с которым было встречено либеральными кругами опубликование Судебных уставов.

Судебный строй, созданный С. У., представлял собою сочетание начал, заимствованных из послереволюционного французского судопроизводства и отчасти английского мирового суда. Создав новую систему судебных установлений, составители С. У. распространили ведомство их на все сословия и устранили сословную выборность судей, заменив ее назначением от правительства — для общих судебных мест и избранием мировых судей земскими и городскими органами самоуправления, реформированными тогда по более широкому сословному представительству. Общие судебные места состояли из: 1) *окружных судов*, распространявших свое ведомство обычно на несколько уездов; при них состояли прокуроры окр. судов и их товарищи и судебные следователи; 2) *судебных палат*, распавшихся на два департамента — гражданский и уголовный, и охватывавших в пределах округа судебной палаты несколько губерний; наконец, 3) *Сената*, который включил в себя вновь созданные *уголовный и гражданский кассационные департаменты*. Вне общей судебной системы был оставлен Верховный уголовный суд, созывавшийся каждый раз особым выш. повелением. Суды с участием присяжных заседателей (ср. ХLI, ч. 5, 423) были организованы

при окружных судах; при суд. палатах для дел о государственных преступлениях был оставлен суд с участием сословных представителей, при чем вместо заседателей, избираемых сословиями, были включены в него выборные должностные лица сословных обществ (предводитель дворянства, городской голова или его заместитель, волостной старшина). Местный суд осуществлялся избираемыми на трехлетие уездными земскими собраниями и городскими думами *мировыми судьями* (участковыми и почетными), утверждаемыми в должности I деп. Сената. Оторванным от общей суд. системы остался крестьянский волостной суд, сохранивший сословное построение и свое процессуальное законодательство (см. *судопроизводство*, ХLI, ч. 5, 428/31). Прокуратура утратила свои функции по общегубернскому надзору и превратилась в орган обвинения, сосредоточивающий в своих руках возбуждение преследования, предварительную формулировку обвинительного акта и поддержание обвинения на суде в качестве стороны. В руках прокуратуры, кроме того, было сосредоточено наблюдение за правильностью производства дознаний и предварительных следствий и право протеста на приговоры, выносимые судами. Функции защиты и судебного представительства в гражданских судах были переданы *адвокату*ре, объединенной в пределах округа каждой судебной палаты в «сословие присяжных поверенных», управляемое своими выборными советами прис. поверенных (ср. I, 405 сл.).

Служебное положение судей было укреплено созданием определенного порядка назначения их с отменой сословного и имущественного ценза (для судей общих судебных мест), назначением им твердых и более высоких окладов жалования, введением ограничений в области чиновпроизводства и награждения, сменяемостью

судей не иначе как по судебным приговорам, осуждающим их за какие-либо преступления или в силу законных причин, свидетельствующих о невозможности для них продолжать службу из-за физической неспособности. Предельного возраста службы для судей установлено не было.

Что касается *уголовного процесса*, то Судебными уставами был введен т. н. *смешанный* порядок процесса, при котором течение дела разбивалось на три стадии: предварительного производства, включавшего в себя дознание и предварительное следствие, промежуточного производства, состоявшего из предания суду (по более тяжким обвинениям) и przygotowительных к суду распоряжений, и, наконец, судебного разбирательства дела. Первая из этих стадий сохраняла все признаки розыскного процесса: негласность, письменность, отсутствие активного участия сторон и защиты, применение принудительных мер (мер пресечения, обысков, выемок и пр.) властью органов дознания и следствия, возможность привлечения к ответственности в качестве обвиняемого усмотрением самих органов полиции и следователя и пр. Дознание, производимое полицией, сохраняло почти все черты дореформенного процесса; что касается предварительного следствия, производимого суд. следователями, то оно также удерживало много черт, установленных законом 1860 г., составленным еще до общего обновления судебного законодательства. Предание суду по делам, подсудным суду присяжных и уголовных представителей, было сосредоточено в судебных палатах, что имело своею целью создание контроля над обвинениями, формулируемыми прокуратурой, но носило чисто бумажный характер, поскольку к проверке данных предв. следствия не привлекались ни новые доказательства, ни объяснения самого обвиняемого. Высших

должностных лиц предавало суду соединенное присутствие Сената. В противоположность предварительной стадии, стадия судебного разбирательства была построена на началах публичности, устности и состязательности суда, с обязательным участием в деле прокуратуры, в качестве обвинительной стороны, и самого подсудного и его защитника; правами стороны пользовался и гражданский истец, отыскивающий вознаграждение за причиненные ему преступлением вред и убытки. Стороны на суде пользовались правами отвода отдельных судей, представления доказательств и участия в рассмотрении всех доказательств, представленных на суд, правом заявлять ходатайств, связанных с более правильным рассмотрением дела, дачи своих заключений и объяснений по поводу возникающих в ходе процесса вопросов, наконец правом участия в заключительных прениях. После вынесения приговора сторонам предоставлялось право обжалования его. Новый процесс устранил так наз. *ревисционный* порядок пересмотра приговоров, основанный на переносе дела в следующую инстанцию помимо заявлений о том сторон, допустив лишь обжалование в двух его формах — апелляции и кассации. Апелляция, допускавшаяся лишь на приговоры, состоявшиеся в составе одних коронных судей или мирового судьи, влекла за собою пересмотр дела высшей инстанцией (суд. палатой, мировым съездом, Сенатом) в полном объеме, с проверкой как силы доказательств, так и правильности назначенного наказания; кассация ограничивалась лишь пересмотром соответствия вынесенного приговора с существующим законодательством, соблюдения судом правильного порядка рассмотрения дела и надлежащей полноты расследования его. Кассационное рассмотрение всех уголовных дел было сосредоточено в касс. деп. Сената. Наконец, испол-

нение приговоров было поручено различным административным органам (полиции, тюремному ведомству, суд. приставам) под надзором прокуратуры.

Система суда и уголовного процесса, созданная по Суд. уст., отличалась известной стройностью, но она была далека от того совершенства, которым хотели наделить ее русские процессуалисты позднейшего времени, времени реакционных «поправок» к С. У., видевшие в возврате к С. У. 1864 г. чуть ли не единственный путь прогресса судебного законодательства. В свое время этот лозунг «назад к С. У.» был защитным приемом против грубой ломки их, но объективно он идеализировал в сознании общественных кругов того времени реформу, включавшую в себе не мало черт самодержавно-дворянского классового уклада. Достаточно указать в этом отношении на сохранение грубого сословно-чиновничьего «суррогата суда присяжных» в виде суд. палат с сословными представителями для рассмотрения государственных преступлений, сохранение имущественного ценза для мировых судей и присяжных заседателей, широкие полномочия полиции в области дознания, всевластие суд. следователей, лишенных достаточной независимости, сохранение сословно-крестьянских судов и др.

Последующая история суда и Судебных уставов. Реакция, начавшаяся с половины 60-х годов во всех областях русской жизни, не могла не коснуться и судебной области. Реакционные круги, группировавшиеся вокруг «Московских Ведомостей» во главе с Катковым, оставшиеся не у дел старые судебные работники и чиновные бюрократы, с опаскою смотревшие на то, что новые судьи и, в особенности, присяжные дерзают «сметь сие сужденне иметь», все громче начинают подымать свои голоса против новых судебных порядков, и,

начиная с этого времени, почти не проходит ни одного громкого политического процесса, в результате которого не появлялись бы новеллы, вносящие те или иные искажения в систему либеральных новшеств С. У. Период реакции привел не только к искажению основных начал С. У., но и резко отозвался на составе судов и на процессе введения С. У. в действие.

1) Процесс введения в действие С. У. растянулся на целых 35 лет. За это время в значительных местностях Российской империи сохраняли свое существование старые дореформенные суды, — правда, несколько улучшенные правилами 11 окт. 1865 г., введшими в них гласность и устность судоговорения, несколько упростившими порядок производства в них дел и усилившими компетенцию старых палат уголовного суда за счет уездных судов. Но сословно-чиновный характер судов остался прежним. Введение новых судов на т. наз. «окраинах» (в Царстве Польском, Закавказьи, Сибири, Туркестанском округе и пр.) сопровождалось существенными отступлениями от общей системы (соединением функций следователя и миров. судьи в одних руках, возложением пересмотра приговоров миров. судей на окружные суды, передачей кассационных функций судебным палатам, устранением суда присяжных, ограничениями правил несменяемости судей, усилением прав прокуратуры и пр.).

2) Состав судебных работников подбирался с явной тенденцией дать снова господствующее положение дворянству и обеспечить кадры почтенных правительству судей. В этом отношении интересными представляются сведения, обработанные нами на основании «Списка чинам ведомства мия. юст.» за 1900 г. — год окончательного введения Суд. уст. во всех частях империи. По данным

этого списка, состав угъл. касс. деп. Сената являлся на 100% дворянским; состав обер-прокуратуры сената — на 85,4%, старших председателей и председат. суд. палат — на 80%, членов судебных палат — на 70%, прокуроров судебн. палат — на 86%, тор. прокуроров суд. пал. — на 79%, председателей окружн. судов — на 78%, товарищей председ. окр. судов — на 73%, членов окр. судов — на 58%, состоял из лиц, являвшихся по происхождению дворянами. Ближайшее за дворянами место занимали лица духовного происхождения, сыновья офицерских чинов и, наконец, лица купеческого происхождения. Бывшие податные сословия представлены были единицами; и то лишь на низших судебных и следовательских должностях. Среди дворян в судебном ведомстве, как и в дореформенную эпоху, почти совершенно отсутствуют титулованные, предпочитавшие мало-заметной судебной службе более заманчивую административную карьеру. Помимо сословной принадлежности, строго учитывался и признак политической благонадежности. Назначение на судебские должности производилось по отзывам прокуратуры и старших председателей суд. палат, обязанных подробно аттестовать политические убеждения кандидата. Случайно попавшие в судебскую среду политически ненадежные судьи переводились в гражданские отделения судов либо мариновались на низших должностях в глухих уездах. Самостоятельность суд. следователей была окончательно подорвана санкционированной в начале 70-х годов практикой назначения «исполняющих должность суд. следователей», считавшихся чиновниками мин. юст. и могущих в любое время быть смещенными по представлению прокуратуры. В период щегловитовского режима (1906—1914) административные мероприятия в виде переводов в другие

округа и отделения постигали не только рядовых судей и прокуроров, но и сенаторов, удалявшихся из кассац. деп. в общие собрания или другие департаменты в целях их обезвреживания. Как показывал сам Щегловитов в Чрезв. следств. комиссии Временного правительства, судьи подбирались по строго монархической тенденции и по преданности их исконным началам самодержавного строя.

3) Издание новелл, отменяющих многие из либерально-буржуазных нововведений С. У., находилось в непосредственной связи с отдельными процессами, в которых почему-либо желания царского правительства остались неосуществленными. Так, окончившееся оправданием подсудимых литературное дело Ю. Жуковского и редактора «Современника» А. Пыпина, обвинявшихся в оскорблении всего дворянского землевладельческого сословия (1866), повлекло за собою издание закона 12 дек. 1866 г. об изъятии дел о печати из ведения присяжных заседателей; процесс Нечаева (1871), закончившийся обвинительным приговором, показавшимся, однако, правительству слишком мягким, повлек за собою передачу предварительного дознания о государственных преступлениях чинам корпуса жандармов (зак. 19 мая 1871 г.) и создание при Сенате Особого присутствия для рассмотрения дел о государственных преступлениях в составе специально назначаемых сенаторов (зак. 7 июня 1872 г.). Дело мелкого чиновника Протопопова (1867), обвинявшегося в нанесении оскорбления своему начальнику и оправданного присяжными в виду невменяемости, повлекло за собою устранение из компетенции присяжных дел о преступлениях против порядка управления. Эти ограничения ведомства присяжных в пользу суда суд. палат с сословными представи-

телями были еще более усилены после оправдания В. Засулич (см.), покушавшейся на убийство петерб. градоначальника Трепова (закон 9 мая 1878 г.). Вынесение нескольких резолюций протеста со стороны представителей органов адвокатуры повлекло за собою в 1874 г. распоряжение о приостановлении дальнейшего открытия советов присяжных поверенных, при чем адвокатура была поставлена в зависимость от суда (см. I, 413/14).

4) Если ограничения, проведенные в 1860-х и 1870-х годах, вызывались отдельными случаями проявления со стороны судов некоторой независимости, то законодательство периода 1880-х и 1890-х годов XIX в. представляло собою прямой поход со стороны реакционных кругов правительства Александра III на почти все стороны судебного строя, представлявшие какие-либо неудобства для проведения политики правительства. «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 авг. 1881 г., введшее два вида исключительного положения — «усиленной» и «чрезвычайной» охраны — наделило администрацию не только правом административной высылки постановлениями особого совещания при Мин. внутр. дел и широким правом производства арестов, обысков и т. п., но и правом передачи дел о государственных и других угрожающих государственному порядку преступлений военному суду для суждения их по законам военного времени (т. е. с применением к ним ст. 279 Военск. устава о нак., предусматривавшей смертную казнь). Исключительные положения, введенные сначала на 1 год, стали затем нормальной мерой управления, и рассмотрение политических дел общими судами стало редким изъятием. Военные суды превратились в органы чрезвычайной рас-

правы. Законами 1887 и 1889 гг. суд присяжных не только был весьма значительно урезан в своей компетенции, но в закон были внесены существенные изменения, усилившие участие в составе присяжных земельных собственников и лиц более состоятельных. За период с 1883 г. по 1898 г., несмотря на распространение судебной реформы на новый ряд местностей, суд присяжных там нигде не вводился. Закон 1885 г., создав Высшее дисциплинарное присутствие в составе Сената, значительно ограничил несменяемость судей, открыв возможность увольнения их за «несовместимые с должностью судьи проступки». Законом 1887 г. была ограничена гласность судебных заседаний. Наконец, закон 1889 г. нанес сильнейший удар мировому суду (см. XLI, ч. 5, 428), заменив мировых судей земскими начальниками (см. XLII, 526) и «судебно-административными» учреждениями (губернскими присутствиями, городскими судьями), непосредственно подчиненными мин. внутр. дел. В 1894 г. была образована при мин. юст. комиссия по пересмотру С. У. в целях согласования их с существующим государственным строем. Мин. юст. Муравьев в своей речи при открытии этой комиссии формулировал задачи суда в следующих словах:

«При правильном устройстве суд должен быть прежде всего верным и неподвластным приличию и исполнителем самодержавной воли монарха. С другой стороны, суд, как один из органов правительства, должен быть солидарен с другими его органами во всех законных и действительных начинаниях. На сем основаны он должен оберегать не только существующий законный порядок, но и достоинство государства и его правительственной власти всюду, где это достоинство может быть затронуто в делах судебного ведомства».

Изготовленные в 1900 г. проекты «новой редакции» укр. суд. установлений, уст. гражд. и уст. угол. судопроизводства грозили нанести окончательный удар С. У., явившимся, по выражению Н. В. Крыленко, «лучшим выражением либерализма нашей русской буржуазии в юную пору

существования этого либерализма, в эпоху его демонстрирования политического недружелюбия и фрондирования по отношению к самодержавному порядку». Критика этих проектов со стороны как общей печати, так и сохранявших пиетет к С. У. процессуалистов, выступавших в период реакции в роли «рыцарей С. У.», охранявших достоинство и репутацию «прекрасной дамы», затормозила законодательное принятие их, а революционное движение 1905 г. показало полную безнадежность их реализации. 23 сент. 1905 г. проекты, находившиеся на рассмотрении Гос. совета, были взяты обратно «в виду предстоящих преобразований общего характера».

5) Предреволюционный период 1905—1917 гг. характеризуется бедностью нового процессуального законодательства. Правительство, отклоняя внимание Гос. думы от вопросов более радикальной судебной реформы, вносило в нее проекты и проектики умеренно-либерального характера, предоставляя ей длительно спорить о различных технических поправках в области уголовного процесса: таковы были проекты о введении состязательности в обряд предания суду, об условном осуждении, о восстановлении в правах и пр. Из законов суд. характера, принятых Думой и Гос. советом, можно указать на закон 1908 г. об увеличении содержания судьям и прокурорскому надзору, 1909 г. — об условном досрочном освобождении, 1910 г. — о возможности касаться на суд. следствии вопроса о наказании, грозящем подсудимому, и о зачете предварительного заключения в наказание. Важнейшим законом этого периода был закон 1912 г. о преобразовании местного суда, восстанавливавший мировой институт и преобразовывавший волостные суды путем включения их в общую судебную систему. Введение

этого закона в действие, однако, было намечено лишь постепенно, и ко времени революции 1917 г. он был введен лишь в немногих губерниях.

Но параллельно с этим правительство (особенно при Витте и Столыпине) проявляло усиленную деятельность в области чрезвычайного судебного законодательства. Перед самой революцией 1905 г. был издан закон 7 июня 1904 г. о судопроизводстве по государственным преступлениям, внесший ряд существенных изменений в общий порядок рассмотрения этих дел и вооруживший коронных судей рядом особых полномочий по отношению к сторонам. 14 дек. 1905 г. были изданы особые правила о подсудности военному суду лиц гражданского ведомства за ряд преступлений, совершаемых на железных дорогах, объявленных на положении чрезвычайной охраны. 18 марта 1906 г. внесены дальнейшие упрощения в порядок производства дел в суд. палатах с участием сословных представителей (отмена необходимости изложения содержания свид. показаний в протоколах, устранение мотивировки приговора, сокращенные сроки обжалования); ряд дел был передан в ведение окружных судов с участием сословных представителей (тип суда, ранее не существовавший), установлен особый порядок судопроизводства по преступлениям печати, позволявший конфисковать произведения печати без возбуждения уголовного преследования. Весной 1907 г. было издано — в порядке ст. 87 Осн. законов — положение о военно-полевых судах, получивших прозвание «скорострельных» судов в виду отсутствия в них всяких гарантий для подсудимых и обязанности выносить приговоры в течение 24 часов (см. X, 657/59). Все эти мероприятия мобилизовали царскую юстицию на борьбу с революционным движением, что позволило провести в

период 1905—1914 гг. ряд крупных процессов против отдельных лиц и групп. Помимо многочисленных процессов, возбуждавшихся против членоз революционных партий и неизменно заканчивавшихся приговорами к каторге и ссылке, из более громких процессов этого периода можно упомянуть дело над членами первой Гос. думы, подписавшими в Выборге воззвание с призывом к неуплате налогов (1907), дело б. директора департамента полиции А. Лопухина, разоблачившего провокационную деятельность Азефа (1909), дело об убийстве члена Думы М. Герценштейна (1909), дело о членах соц.-демократической фракции большевиков 2-ой Гос. думы (1907) и др. Характерным в этих делах было то, что правительство, обвинительная и судебная власть не останавливались перед грубо неправильным применением существующих законов в угоду классовым интересам помещиков и капиталистов.

Политический суд и следствие после Суд. уставов. В первые годы царствования Александра II следствие по политич. делам было формально изъято из ведения III отделения и передано Особой следственной комиссии, просуществовавшей с 1862 г. по 1871 г. Комиссия эта фактически была орудием того же III отделения. Закон 19 мая 1871 г. вновь передал дознание по полит. делам в руки корпуса жандармов, приравняв такое дознание по силе к предв. следствию. А. Ф. Кони в специальной записке, составленной в 1878 г. и переданной им в к. Константину Николаевичу, дал новому порядку такую характеристику:

«Закон 19 мая 1871 г. и 7 июня 1872 г. коренным образом изменили существовавший дотоле порядок и следствия политических дел. Дела политические были изъяты из общего порядка судопроизводства. Для возбуждения и исследования их прокурорский надзор был соединен тесными узами с чинами корпуса жандармов. На последних возложена обязанность применять к своим дознаниям внешнюю форму правил и форм предварительного следствия. Но по внутреннему содержанию

дознания эти представляли, однако, весьма мало общего с следствием, ибо обвиняемый лишен существенных гарантий, при ставлении правом приносить жалобы в суд, — самые же дознания подлежат проверке судебным порядком в том лишь случае, если не будет признано более удобным окончить дело принятием административных мер без особого рассмотрения его в Особом присутствии Сената в кот ром д. весны 1872 г. сосредоточивались политические процессы со всех концов Р. ... Прокуроры сделались действительными и полноправными хозяевами дознаний, а жандармские чины пачаи постановлений и протоколов под диктовку прокурора... Плодом этого было возбуждение на сы дознаний по неосновательным поводам, без наличия признаков преступления, и произволство их с грубым нарушением существенных правил судопроизводства относительно обысков, арестов и т. п. Таким образом появился особый род дознаний, производимых не о преступлении, а «на предмет отыскания признаков государственного преступления», при чем, конечно, рамки исследования могли расширяться до бесконечности. В некоторых судебных округах арестование стало, в виду отсутствия для него оснований, носить название «притяжения вперед по разяснению дела», какое разяснение протолкалось по несколько недель, а повелом к притяжению — качестве обвиняемого стали приводиться без всякого подтверждения «сочувствие революции», «внушающий позорные образ жизни» или «вредный образ мыслей».

Ярким примером такой постановки дознания по политическим делам явилось дело о пропаганде революционных учений, известное под именем «Дела 193», рассмотренное в январе 1878 г. Особым присутствием Сената. Кони сообщает следующие интересные с процессуальной стороны сведения о предварительном расследовании этого дела:

Оно началось в конце 1873 г. и вскоре разрослось в ряд связанных между собой совершенно внешним и искусственным образом отдельных производств в различных и возбужденных в 37 губерниях и в войске Донском. Уже к концу 1874 г. было привлечено к дознанию в качестве обвиняемых 77 человек, из коих 285 были заключены под стражу. При своем окончании это дело представляло громадное производство в 147 томов с 993 обвиняемыми лицами... По рассмотрении этого дела в особой Комиссии прежде всего оказалось необходимым освободить от всякой ответственности 44 чел., в действиях которых нельзя было найти никаких признаков преступления и к обвинению которых не было представлено или собрано каких-либо заслуживающих внимания улик. В эту группу вошло около 90 чел. дворян и чиновников, около 100 крестьян и мещан, около 75 студентов разных гимназий, 34 воспитанника гимназий и 11 воспитанников тех же учебных заведений, 23 воспитанника духовных семинарий, 20 учителей и учительниц сельских школ и т. п.

Затем оказалось ряд привлеченных, в отношении которых не было никаких оснований (но только для передачи суду, но и для принятия и отню не как можно строгих мер административного взыскания. Часть была освобождена под надзор полиции со вменением им содержания под стражу (50 чел. из коих 12 воспитанников гимназий), другая часть подверглась объявленному надзору полиции (175 чел., из коих около 30 воспитанников гимназий, техник, учителей и семинарий)... Всего за назначением 21 чел. административного взыскания и за освобождением от преследования 657 чел. следствие могло быть произведено лишь о 338 лицах. Следствие было окончено летом 1876 г., а через год, летом 1877 г., был составлен обвинительный акт, коим, за исключением 33 неразданных обвиняемых и 54 умерших, соединенных

с ума и лишивших себя жизни, были преданы суду Особого присутствия 193 чел. Об остальных 56 следствия было прекращено.

Рассмотрение дела судом продолжалось около трех месяцев. Окончательным приговором 90 чел. оправдано, а 27 чел. признаны виновными лишь в том, что имели без дозволения начальства запрещенные книги. Высшей мерю наказания за это преступление по закону почитается арест на три месяца, они же пробыли в одиночном заключении более трех лет. Таким образом почти тысячная масса первоначально обвиняемых превратилась в несколько десятков лиц осужденных.

Кони сообщает ряд ярких фактов того, как понималась жандармскими органами того времени «пропаганда» и «политическая неблагонадежность» и какие бессмысленные дела возбуждались в то время.

Судебным органом для рассмотрения важнейших дел о госуд. преступлениях был сделан Верховный угол. суд (см. IX, 593), намеченный составителями С. У. к упразднению, но восстановленный и включенный в Уст. уг. суд. соединенным присутствием Гос. совета при обсуждении проектов С. У. в качестве не чрезвычайного, а нормально организуемого суда. Впрочем, за все время своего существования (до реформы 1906г.) В. У. С. заседал всего два раза: в 1866 г. по делу Д. Каракозова (см.) и 34 других обвиняемых по делу о принадлежности к революц. сообществу, и в 1879 г. по делу Соловьева (см. XL, 79/85), обвинявшегося в покушении на Александра II. После этого разбирательство важнейших политических дел переходит в руки Особого присутствия Сената, созданного в 1872 г. и представлявшего больше удобства по своей организации. Даже дело об убийстве Александра II 1-го марта 1881 г. было рассмотрено Особым присутствием, а не В. У. С. Участие так. наз. «сословных представителей» в Особом присутствии обеспечивало видимость «наличия общественного элемента» в В. У. С. совершенно отсутствовавшего. В 1906 г. В. У. С. был преобразован в суд для рассмотрения дел о преступлениях по должности высших чинов, а также членов Гос. думы и Гос. совета, но, несмотря

на неоднократные попытки привести его в действие (дело членов Гос. думы Голодолобова, Милюкова, Пуришкевича и др.), он не собрался ни разу вплоть до окончательной его отмены актом Врем. правит. 4 марта 1917 г.

С половины 1870-х гг. к репрессии политических преступлений начинают широко привлекаться *военные суды*. (Итоги их деятельности см. ниже).

Политический суд в период до революции 1917 г., если дело не передавалось в военные суды, покоплся на законе 7 июня 1904 г., который придал жандармским дознаниям по делам о госуд. преступлениях права предварительного следствия (сохранив последнее лишь в виде «угрозы»), а судебное рассмотрение этих дел сосредоточил в руках судебных палат с участием сословных представителей. По этим делам, в отступление от общих начал, гласность судебного разбирательства была значительно ограничена, круг лиц, допускаемых к защите, сужен, допущено только кассационное обжалование приговоров; еще большие ограничения были введены законом 16 июня 1905 г. для рассмотрения таких дел в окраинных судах. Что же касается Особого присутствия Сената, куда дела должны были поступать лишь по особым выс. повелениям, то круг ведомства его был расширен и обжалование его приговоров было допущено в Общее собрание касс. дел лишь по поводу нарушения законов материального (но не процессуального) уголовного права. Гибкие и растяжимые формулировки статей угол. улож. 1903 г. о госуд. преступлениях открывали возможность подведения под них самых отдаленных подготовительных действий революционного характера. Председательствование в особых присутствиях палат старших председателей, являвшихся «главой судебного ведомства» в пределах суд. округов, обес-

печивало твердую линию политической репрессии. Мы не входим в характеристику отдельных дел этого периода (см. *революционное движение*), но история политической репрессии начала XX в. составляет одну из кровавых страниц истории самодержавия.

В период *Временного правительства* были изданы некоторые судебные законы, в числе которых можно отметить: постановление от 11 марта 1917 г. о Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц; постан. от 13 мая 1917 г. о некоторых изменениях в учреждении Сената, изменившее ряд статей учреждения и изданного перед революцией закона 26 декабря 1916 г. и облегчившее возможность обновления состава Сената; пост. 4 марта 1917 г. об упразднении Верх. уголовн. суда, присутствий Сената, суд. палат и окружных судов с участием сословных представителей. Дальнейшими указами были упразднены земские начальники и судебно-административные учреждения, созданные законом 1889 г., и введены мировые учреждения на основаниях, выработанных законом 1912 г., но с установлением более демократических выборов* самих мировых судей; созданы административные отделения в составе окружных судов в качестве органов административной юстиции; облегчен порядок возбуждения дел по должностным преступлениям, и некоторые др.

Указом Врем. прав. от 25 марта 1917 г. была учреждена «Комиссия для восстановления основных положений Суд. уставов и согласования их с прошедшей переменой в государственном устройстве». Работы этой комиссии, разбившейся на три отделения, продолжались до самой Октябрьской революции. В области судопроизводства, проект которого был

почти закончен, намечалось упразднение волостных судов и введение народных заседателей в мировой суд, большая демократизация состава присяжных заседателей и привлечение в состав их женщины, устранение ряда изъятий для окраин, упорядочение служебного положения судей и порядок их повышения, укрепление адвокатуры, введение особых судов для несовершеннолетних и др. Проект устава уголовного судопроизводства намечал ряд поправок к правилам производства предварит. следствий, вводя защиту на предварительном следствии и при предании суду, устанавливал большее равноправие сторон в суд. процессе и устранял исключительные порядки судопроизводства (в том числе и по государственным преступлениям). Судебно-законодательная работа периода Врем. прав. шла по пути внесения частичных поправок в действовавшее ранее судебное законодательство. Лозунг восстановления Суд. уставов в их первоначальном «чистом» виде еще не утратил своей привлекательности в рядах буржуазных политических партий. Но для широких масс пролетариата и крестьянства, видевшего в течение полувека, протекшего со времени введения Суд. уставов дореволюционный суд главным образом в его классовом облике чиновничье-буржуазного суда, простое «обновление» старых прогнивающих форм суда означало по существу сохранение в неприкосновенности старого оружия классового угнетения. Новый рабоче-крестьянский «народный суд» уже вырисовывался в близких громадных раскатах приближающейся Октябрьской революции.

3. *Преступность и уголовная статистика.* Статистические сведения о преступности в период до Судебных уставов имеют разрозненный и весьма мало достоверный характер; они включались обыч-

но в негласные отчеты министерства юстиции на основании сводок, доставляемых судебными учреждениями о числе проходящих в них дел. По этим сводкам было составлено, напр., сравнительное обозрение уголовной статистики империи за 1834—1840 гг. для комиссии, вырабатывавшей проект уложения о наказаниях 1845 г. Сводка эта, однако, опубликована не была. В 1860 г. двумя работниками юстиции, Орловым и Жестовым, была составлена по тому же источнику сводка за 1856—1858 гг., характеризующая численность лиц, о которых производились уголовные дела в тогдашних судах. Она дает приблизительную характеристику преступности в Р. незадолго до введения Суд. уставов. По этим данным в 1856 г. было 383.229 обвиняемых, в 1857 г. — 383.218, в 1858 г. — 404.717, что при тогдашнем населении Р. составляло около 1 на 160 жителей. Из этого числа было осуждено:

	Всего	В том числе женщины
В 1856 г.	57.130	9.184
> 1857 >	60.443	9.685
> 1858 >	70.165	11.034

Цифры осужденных были несколько ниже предшествовавших лет: в 1848 г. было осужденных 54.460, в 1851 г. — 88.110, в 1854 г. — 89.620. Падение этого числа в конце 50-х годов объясняется не падением преступности, а действительном манифестов 1856 и 1857 гг., по которым было освобождено от преследования 93.462 чел. Обращает на себя внимание то, что из 7—8 привлекаемых к следствию и суду лишь один подвергался осуждению, что свидетельствует о крайне неудовлетворительной постановке следственной части и обилии всяческих возможностей уклониться от осуждения. О том же говорят и цифры лиц, содержавшихся под стражей до суда. По годам число их было:

Содержалось под стражей	Мужчины	Женщины	Всего
1848 г.	31.220	5.030	36.250
1849 >	30.520	5.520	36.040
1854 >	34.670	5.340	40.100
1856 >	55.013	9.624	64.637
1857 >	79.139	10.516	89.654
1858 >	59.631	11.034	73.378

Таким образом число содержащихся под стражей к концу 50-х годов быстро увеличивалось. Но в тюрьмы попадали не только одни подследственные, но и административно-арестованные, и осужденные, и пересыльные. Тюрьмы были грандиозным пропускным пунктом для значительной части населения дореформенной Р. Так, по отчетам Попечительного о тюрьмах общества за два года — 1868 и 1869 — через тюрьмы империи прошло 600.290 арестантов. Насколько тяжелыми были условия содержания в тюрьмах в этот период, видно из того, что из этого числа 151.852 чел. находилось в больницах и 17.379 чел. из них умерло. Другими словами, из каждых 5-ти заключенных один попадал в больницу, а из 10-ти больных один умирал.

По главным родам преступлений число осужденных к лишению свободы было:

	1856 г.	1857 г.	1858 г.
за смертоубийство	1.124	1.147	1.134
> святотатство	126	169	177
> поджог	281	310	407
> разбой	73	66	122
> грабеж	416	551	352
> подделку монеты	100	111	111
> бродяжничество	4.291	4.029	3.875
> воровство-мошен.	743	551	634
> воровство-кражу	6.148	5.706	7.452
> порубку леса	1.344	1.341	3.077
> нарушение правил о витейн. сборе	1.293	1.325	1.523

Увеличение числа осужденных за кражи, поджоги, разбой и лесопорубки в 1858 г. являлось отражением усилившихся крестьянских движений перед отменой крепостного права.

Что касается наказаний, к которым приговорены были осужденные, то, учитывая лишь более тяжкие («уголовные») наказания, влекшие за собою лишение прав состояния, отметим, что в 1857 г. было приговорено к ним

5.553 чел., а в 1858 г. — 5.724 чел.
В том числе:

1856 г. 1857 г. 1858 г.

к беспритичным каторж. работам . . . 83 63 64
» каторж. работам на срок . . . 1.491 1.814 1.703
» осмьде на поселение . . . 3.820 3.410 3.961

Характерным является разделение приговоренных к уголовным наказаниям по сословиям, ярко свидетельствующее о том, против каких классов обрушивались в своей массе эти тягчайшие виды репрессии:

Было приговорено к уголовн. наказ.	1856 г.	1857 г.	1858 г.
дворян потомственных . . .	23	16	23
» личных	49	27	39
лиц духовн. звания . . .	23	17	22
купцов	3	5	6
прочих сословий	5.453	5.508	5.634

Введение Судебных уставов представляло собою медленный процесс, растянувшийся более чем на 30 лет (до 1900 г.), и соответственно с этим уголовная статистика, основанная на учете дел, прошедших через новые судебные учреждения, относилась не ко всей империи, а лишь к местностям, где были введены судебные учреждения по уставам 1864 г., при чем число этих местностей постепенно увеличивалось. Регулярная статистическая отчетность была введена лишь с 1872 г., но первые два года

оказались настолько неудовлетворительными, что не вошли в обработку. Первая официальная сводка, составленная лишь по 33 губерниям, охватывает период в 20 лет (1874—1894). Для последующего периода, охватывающего уже всю территорию Р., имеется, с одной стороны, сводка, выполненная Е. Тарновским за период 1899—1908 гг., а с другой — М. Гернетом за период 1909—1913 гг. Статистических отчетов за годы, относящиеся к периоду империалистической войны, не появлялось.

Составление сплошных таблиц за весь период последней четверти XIX в. и начала XX в. невозможно в виду разнообразия территории и количества судов, охваченных данными уголовной статистики. Неизбежно, поэтому, приходится брать лишь отдельные отрезки этого периода, могущие лишь частично быть сопоставляемыми друг с другом в динамическом аспекте.

За период 1874—1894 гг. мы имеем следующие общие данные о числе возникших дел и числе осужденных по общим судебным установлениям (окружным судам и судебн. палатам) и мировым судам (только по делам, влекущим тюремное заключение):

Годы	В общих судебн. установлениях			В мировых судах		В общих и мировых судах			
	число дел	число подсудимых	число осужденных	число подсудимых	число осужденных	число подсудимых	%	число осужденных	%
1874 . .	81.963	32.337	22.169	49.200	27.193	74.530	100	49.367	100
1875 . .	83.076	37.480	24.701	37.969	23.051	75.349	101	47.751	97
1876 . .	84.410	38.912	25.470	39.445	24.817	77.857	104	50.287	102
1877 . .	85.930	40.211	25.973	38.041	24.404	78.250	105	50.377	102
1878 . .	87.375	39.574	26.413	40.113	26.345	79.837	107	51.743	103
1879 . .	89.304	42.530	27.397	43.309	29.004	80.339	116	56.401	114
1880 . .	108.043	40.489	26.751	49.043	32.630	90.132	121	59.431	120
1881 . .	108.510	41.685	28.168	49.457	33.512	92.142	124	61.720	125
1882 . .	96.936	42.134	28.877	49.489	31.751	91.612	123	60.423	122
1883 . .	82.184	31.350	18.629	57.831	39.378	89.181	120	58.007	117
1884 . .	83.815	33.378	21.063	56.920	40.185	90.198	121	61.253	124
1885 . .	87.027	35.933	23.39	56.123	38.904	92.061	124	62.233	126
1886 . .	86.193	39.712	26.091	58.507	42.773	98.219	132	68.866	140
1887 . .	85.724	43.371	28.537	61.851	43.954	107.422	144	72.461	147
1888 . .	86.792	41.371	27.563	56.978	40.551	98.349	132	68.114	139
1889 . .	88.747	40.111	27.001	58.535	43.391	8.695	132	70.392	143
1890 . .	90.516	33.62	27.205	65.160	51.543	104.322	140	78.743	160
1891 . .	91.567	40.139	27.708	55.685	44.16	95.824	129	72.324	146
1892 . .	95.499	40.074	27.574	58.554	49.738	93.623	132	77.312	157
1893 . .	93.292	40.934	28.218	57.310	48.837	98.44	132	73.085	146
1894 . .	95.241	36.901	21.237	47.888	39.500	84.789	114	63.787	123

Если взять общее число подсудимых и осужденных, то за указанный период наблюдаются резкие повышения к началу 1880-х годов и к началу 1890-х годов; в общем, если не считать падения в 1894 г., вызванного изданием манифеста в связи с воцарением Николая II, увеличение числа осужденных за рассмотренные 20 лет выразилось в 46%, тогда как рост насе-

ления по данным 33 губерний за тот же период выразился в 31—32%.

Дифференциация общих цифр преступности по отдельным регистрированным преступлениям уголовной статистикой видам преступлений, при объединении данных по пятилетним периодам, позволяет дать следующую таблицу, в которой учтено как число возникших дел, так и число осужденных:

Преступления и проступки	Число возникших дел				Число осужденных				
	1874—1878 гг.	1879—1883 гг.	1884—1888 гг.	1889—1893 гг.	1874—1878 гг.	1879—1883 гг.	1884—1888 гг.	1889—1893 гг.	1894 г.
Религиозные пр.	316	378	487	944	175	139	259	525	570
Святотатство	609	711	929	805	181	170	217	266	176
Лжесвидетельство	344	519	931	1.452	111	132	191	234	225
Против пор. упр.	3.249	3.434	3.942	3.704	1.989	2.032	3.237	3.931	2.977
Подлога	544	685	703	823	213	248	306	332	388
Служебные преступления	3.168	3.984	4.180	3.873	1.170	1.370	1.949	2.604	2.349
Подделка монеты	337	511	673	516	95	87	192	109	71
Бродяжничество	1.993	2.566	2.893	2.441	1.133	1.440	1.374	1.007	759
Против нравств.	2.021	2.631	3.686	4.915	286	478	836	1.167	1.473
в том числе:									
общественный соблазн	429	655	930	1.552	149	275	585	838	1.285
растление, изнасилование	1.592	1.976	2.725	3.363	138	203	251	229	193
Убийство	3.509	4.161	5.170	5.137	1.210	1.318	1.670	1.672	1.338
в т. ч. детоубийство	—	—	—	—	25	31	43	49	53
Телесные повреждения	6.110	8.775	12.452	13.267	1.344	1.670	2.090	2.392	2.278
в том числе смертельные	—	—	—	—	404	529	634	729	754
Оскорбление чести	1.767	3.462	3.328	4.846	48	62	62	112	107
Проч. преступл. против личн.	4.379	4.438	4.038	3.538	467	543	686	873	773
в т. ч. самоубийство	1.420	1.459	936	677	10	6	8	11	8
Оставление в опасности	49	384	246	299	84	253	326	451	374
Семейств. преступл.	1.607	1.171	1.740	2.006	120	160	226	255	235
Имущественные	5.732	7.387	8.563	8.039	411	475	590	531	363
в том числе похищение имущ.	5.350	6.039	5.812	5.911	1.688	1.578	1.434	1.133	992
Кража	38.021	45.693	21.185	25.057	12.150	12.928	7.660	8.650	8.053
Мошенничество	2.755	2.629	2.648	3.001	678	609	572	632	538
Прочие преступления	6.789	6.135	4.983	4.653	1.390	1.041	1.924	1.379	901
Все преступления	87.151	99.039	86.520	92.924	24.743	25.524	25.316	27.547	24.287

Если сравнить данные 1874—1879 гг. с данными 1889—1893 гг., приняв первые за 100%, то особенно резкое возрастание показывают религиозные преступления (300%), лжесвидетельство (422% возникших дел и 212% осужденных), общественный соблазн (362% возникш. дел и 630% осужденных), растление и изнасилование (211% и 166%), служебные преступления (122% и 322%) и отдельные преступления против лично-

сти (убийство—146% и 138%, телесные повреждения—217 и 178, оскорбления—274 и 233). В общем с 1874 г. по 1893 г. преступления против личности возросли на 115%, имущественные преступления вообще упали на 14%; остальные преступления возросли на 78% (взятые цифры осужденных).

По сословному признаку, отчасти отражающему классовое деление общества, осужденные в процентном

отношении (если взять период лишь 1889—1893 гг. для общих и для мировых судебных установлений отдельно) дали следующие группы:

В общих суд. В мировых
установл. суд. установ.

в %

	3,6	0,1
привилегирован. сослови (дворяне, духов., почетные граждане, купцы)	21,1	19,4
мещане	63,8	73,0
крестьяне	0,9	0,2
низшие воинские чины	4,6	2,4
остальные	100%	100%

Наконец, для характеристики карательных мер рассматриваемого периода приведем краткую таблицу по пятилетиям.

На 100 осужденных за указанные выше преступления было приговорено:

годы	к наказаниям уголовным *)		к наказаниям исправительн. тюрем. сагл. **)	
	100%	100%	100%	100%
1874—78	13,2	60,9	25,9	
1879—83	12,1	58,5	29,4	
1884—88	11,5	50,2	38,3	
1889—93	8,8	49,4	41,8	

Приведенные цифры, как уже указывалось, относятся к 33 губ. Европ. Р. С 1895 г. имеется уже возможность привести статистику данные по 10 судебным округам, но все же без включения в них Сибири, Кавказа, Средней Азии и Прибалт. губ. Для сравнения роста преступности с предшествующим периодом приводим аналогичные данные за 1885 и 1894 гг. Данные относятся только к делам, прошедшим чрез общесудебные установления:

Годы	Число воз- никших дел	% уве- личения	Число осу- жденных	% уве- личения
1885	142.680	100	39.638	100
1894	158.913	112	40.364	102
1895	166.912	117	34.445	87
1896	169.120	119	34.932	88
1897	179.926	126	40.373	102
1898	186.763	131	43.280	109
1899	193.639	136	44.623	112

Тенденция к росту преступности более резко выражена по графе возникших дел; падение процента осужденных в 1895 и 1896 гг. должно быть поставлено в связь с прекращением ряда дел по манифесту, изданному в связи с воцарением Николая II.

С 1899 г. уголовная статистика дает уже цифры по всем судебным округам империи, что позволяет судить о размерах преступности в целом. Однако, здесь обнаруживается пробел в другом отношении: приводимые ниже цифры относятся только к делам, рассматривавшимся в окружных судах; дела, разбиравшиеся в судебных волатах, а также в мировых судах и в судебно-административных органах (городские судьи, уездные члены, земские начальники) в эту статистику не включены, вследствие чего за нею можно признать лишь весьма относительное значение. Основная таблица движения преступности (по данным окр.жных судов) дает следующие цифры:

Годы	Общее число поступ. дел	Число осу- жденных	% увеличе- ния дел	% увеличе- ния осужд.	На 1.000 дел было осу- жденных
1899	187.790	55.840	100	100	208
1900	279.917	59.195	97	108	211
1901	302.043	59.686	105	107	198
1902	312.487	61.736	108	111	197
1903	325.213	63.084	113	113	194
1904	340.728	58.941	118	106	173
1905	344.489	53.218	120	95	154
1906	365.475	59.429	127	106	163
1907	408.249	74.879	142	134	183
1908	411.778	92.633	143	166	205

*) Сюда входят: каторжные работы и ссылка на поселение.

**) Исправ. арест. отделения, тюрьма и ссылка на житье (около 0,5%).

***) Арест, денежн. взыскания, выговоры, исключение со службы и др.

В этой таблице довольно резко увеличилось преступности отмечено лишь за 1907 и 1908 гг., тогда как бурная эпоха 1905—1906 гг. не отразилась в этих данных сколько-нибудь заметно. Это легко объясняется тем, что большинство преступлений, вызванных революционным движением этих годов, было рассмотрено, в силу действовавшего военного положения,

военными судами, и, кроме того, массовым образом применялась внесудебная репрессия (см. ниже).

Если остановиться только на числе осужденных, учтя преступления и проступки, рассмотренные не только окружными судами, но и другими судебными учреждениями (без земских начальников), то общие числа осужденных по годам возрастут почти в два раза:

Число осужденных за все преступления и проступки

Г о д ы	Общ. суд. уставов.	Мировые суды	Уездные члены	Городские суды	Гмальные суды	Итого
1899	55.840	624.294	38.241	123.632	122.739	964.746
1900	59.195	654.487	35.705	122.274	134.940	1.046.601
1901	59.683	688.121	39.400	139.922	141.285	1.088.414
1902	61.736	668.202	49.819	151.995	139.642	1.070.391
1903	63.084	648.462	53.478	143.172	134.838	1.047.534
1904	58.931	541.209	47.261	141.961	117.813	917.175
1905	53.218	500.714	44.276	130.058	111.602	839.868
1906	59.429	495.969	53.949	113.339	95.538	818.254
1907	74.879	556.193	74.376	125.981	104.647	836.575
1908	75.633	664.435	92.407	142.340	117.421	1.109.256

Здесь падение численности осужденных общегражданскими судами в период 1905—1906 г. выражено еще резче, что можно объяснить только тем, что на преследование ряда общеуголовных, в особенности более мелких, преступлений в этот период обращались органами полиции и прокуратуры, отвлеченными борьбой с революционным движением, гораздо меньше внима-

нием, чем в предшествующие и последующие годы (ряд дел о менее тяжелых преступлениях был, кроме того, прекращен по манифесту от 11 авг. 1904 г.¹).

Переходя к рассмотрению отдельных преступлений, представляется наиболее удобным рассмотреть сначала число возникших следствий по важнейшим видам преступлений по отдельным годам:

Название преступлений	1899	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908
Религиозные преступл. .	1.570	1.364	1.301	1.325	1.465	1.371	1.180	1.241	1.539	1.783
Против порядка управл.	8.048	8.209	8.696	9.399	9.607	9.186	16.240	19.733	10.917	8.729
Служебные преступлен. .	6.002	5.881	6.000	6.047	6.533	6.353	6.567	8.275	8.918	10.493
Джесвикет. и леждейос	6.838	7.069	7.392	7.917	8.009	7.027	6.578	6.501	6.850	8.832
Преступл. проти. жизни	16.293	16.425	17.431	16.117	20.194	22.369	29.821	36.548	35.294	33.055
Оставление в опасности	1.881	1.321	1.358	1.394	1.359	1.440	1.671	1.514	1.293	1.371
Телесные поуржденияя.	52.752	58.251	64.788	61.929	74.128	75.544	87.356	57.400	48.348	44.376
Прест. против женск. чести	9.231	9.354	9.642	9.526	10.677	9.839	9.829	10.656	10.511	11.284
Оскорбление чести	19.739	21.887	23.520	23.329	25.312	24.483	26.662	30.325	31.681	31.210
Истрбление имущества . .	14.978	14.703	17.402	16,302	18.916	21.385	27.314	32.335	33.625	29.100
Насильств. похищ. имущ.	20.322	21.028	22.821	23.421	25.674	28.028	41.158	57.478	52.935	47.107
Кража (и святотатство)	63.328	67.616	76.114	81.791	87.382	94.716	105.585	117.441	111.359	103.507
Мошеннич. присвоения, подлог	7.844	7.839	8.317	8.335	9.407	9.657	9.373	11.121	11.656	13.049
Пр. государственные	—	—	—	—	—	—	—	—	3.128	2.640
Всё преступлений	261.710	271.642	296.197	302.667	336.168	335.059	393.008	417.763	393.468	385.039

¹ В эту таблицу не входят уголовные дела, рассматривавшиеся у земских начальников и в волостных судах. Число судей о численности этих дел, приведенные только по 43 губерниям Европейской Р. за 1905 г., взятые Е. Тарновским из отчетных ведомостей, представленных в мин. внутр. дел. По этим далеко неполным сведениям в 1905 г. у земских начальников возникло 421.624 уголовных дела, а в волостных судах — 1.121.191, всего 1.542.815 дел. Сведений о числе подсудимых и осужденных по этим делам не имеется.

По этой таблице не трудно заметить резкий подъем, наступивший с 1905 г. по таким группам преступлений, как преступлений против порядка управления (куда отнесены случаи сопротивления властям, аграрных беспорядков), истребления имущества (поджоги), убийства, насильственные похищения имущества (экспроприация).

Если сравнить удельный вес различных преступлений в общем составе преступности (исходя из числа осужденных), сравнивая между собою хотя бы 1902 и 1906 гг., то государственные преступления (отсутствовавшие воее по статистике 1902 г.) дали в

1906 г. 3,9% всех осужденных об- щими суд. установлениями; преступления против порядка управления — 28,8% (против 14,8% в 1902 г.); поджоги — 1,1% (против 0,8% в 1902 г.); насильственные похищения имущества — 5,4% (против 3,7% в 1902 г.) и т. д.

Рост «преступности», связанный с революционным движением 1905—06 г., будет выражен еще резче, если сравнить данные о числе возникших следствий по 29 окружным судам, расположенным в местностях, более других охваченных революционным движением, с такими же данными по остальной Р.

Годы	Пр. против порядка управления		Поджоги		Разб. и грабежи		Убийства	
	29 окр. суд.	Прочая Р.	29 окр. суд.	Прочая Р.	29 окр. суд.	Прочая Р.	29 окр. суд.	Прочая Р.
1899	100	100	100	100	100	100	100	100
1913	134	115	143	117	143	121	134	121
1904	126	111	174	129	160	131	156	132
1905	314	171	250	153	243	190	215	154
1906	379	208	324	174	365	258	279	210
1907	175	124	336	176	363	228	290	198
1908	110	108	277	159	300	211	247	191

Резкое усиление «преступности» по губерниям, охваченным револ. движением, отчетливо выступает по всей группе; при этом здесь не учтены данные военных судов и карательных экспедиций.

Относительно последнего пятилетия, предшествовавшего началу империалистической войны 1914 г., имеются следующие данные:

Поступило уголовных дел в судебн. учреждения.

Годы	В общ. суд. учр. от следователей	В мировых суды	К уездным членам о. с.	Городским судьям
1909	412.610	1.123.783	231.269	280.173
1910	444.503	1.240.864	263.269	312.040
1911	448.454	1.290.495	273.965	329.059
1912	463.008	1.416.572	341.889	340.406
1913	462.015	1.440.935	302.002	362.081

В общем процент увеличения дел за это пятилетие равнялся для общих суд. установлений и мировых судов — 28%, для уездных членов — 31%,

для городских судей — 29% (Гернет).

По отдельным преступлениям, ведомственным общим суд. установлениям, возникло следствий:

	1909	1910	1911	1912	1913
Религиозные преступления	2,283	2,732	3,039	3,415	3,461
Святотатство	2,262	2,047	2,129	2,214	2,311
Дожрихита, лжесвидет.	10,642	13,195	14,089	15,471	14,291
Государств. преступл.	2,202	2,053	2,230	2,397	2,085
Против порядка управл.	8,291	8,515	8,803	9,000	9,541
Подлога и хит. актов	4,276	4,408	4,439	4,471	3,976
Служебные преступления	13,461	14,033	13,703	14,911	14,501
Подделка монеты	1,331	1,733	1,462	1,391	1,438
Наруш. уставов каз. упр.	3,038	3,481	2,971	2,692	2,734
Против нравственности	1,107	1,336	1,321	1,477	1,279
Нар. правил благоустр.	4,498	4,608	5,092	5,677	6,088
Нар. правил торговли и кредита	2,314	2,913	3,082	4,109	4,681
Убийство	30,942	31,113	32,540	33,379	4,438
Оставление в опасности	1,566	1,426	1,493	1,568	1,510
Против телесной неприкоснов.	46,428	43,837	43,097	44,683	46,277
Против женской чести	12,622	13,631	14,510	15,100	16,165
Угрозы	2,032	1,740	1,895	1,878	1,741
Оскорбленн. чести	31,454	33,803	34,313	35,991	37,606
Брачно-семейные преступл.	3,477	3,870	4,542	5,388	5,365
Прожого, встраб. имущества	32,369	31,985	33,233	29,590	30,163
Насильствен. похищение женщ.	41,895	40,618	40,536	41,721	43,323
Кражи	125,201	154,319	52,209	156,015	167,755
Мошенничества	4,183	4,322	4,146	4,362	4,787
Присвоения и растраты	4,769	4,809	4,714	5,615	5,917
Подлога в актах, обязательствах	6,633	7,017	7,210	7,916	8,158

В рассматриваемый период наиболее значительным является увеличение имущественных преступлений, в особенности краж, растрат и присвоений. Прочие преступления дают также в большинстве случаев увеличение числа следствий, хотя и не столь резко выраженное.

Характер репрессии за данный период обнаруживает тенденцию к относительному уменьшению уголовных наказаний за счет более легких видов лишения свободы, но с лишением прав. Так, на 100 осужденных общими судебными местами было пригово-

репрессии, то в практике мировых судей лишение свободы составляло 32,4%, две трети (66,3%) падало на штрафы и около 13% — на прочие наказания.

Если взять среднесуточные числа заключенных в *кааторжных тюрьмах*, исправит. арест. отделениях и общих тюрьмах в отдельных за период 1905—1915 гг., то особенно отчетливым будет бурный рост осужденных в период реакции, наступившей после революционного движения 1905—1906 гг.:

	К уголовным наказаниям	% исправительн. наказан.	
		с лиш. прав	без лиш. прав
1908	9,7	31,9	58,4
1909	9,5	30,4	60,1
1910	8,6	34,1	57,3
1911	8,0	35,2	56,8
1912	7,7	35,8	56,5

Если в практике общих судебных мест наказания лишением свободы давали в среднем до 95% всех мер

Г о д ы	Среднесуточное число заключенных		В общих тюрьмах
	в кааторж. тюрьмах	в исправ. отдел.	
1905	6.123	12.268	24.517
1906	6.634	16.400	27.228
1907	9.798	22.284	37.683
1908	16.450	27.428	41.367
1909	23.095	29.600	45.632
1910	28.742	30.541	40.623
1911	23.424	34.711	39.637
1912	31.743	38.688	41.320
1913	30.379	33.845	32.313
1914	23.352	24.750	37.239
1915	23.987	23.054	30.012

Объем уголовной репрессии по делам, проходившим через судебные

учреждения, может быть учтен по отчетам мин. внутр. дел и тюремного управления. В течение всего XIX-го века, вплоть до отмены ее за общеуголовные преступления в 1900 г., господствующей мерой репрессии была *сылка в Сибирь*. По данным мин. внутр. дел число сосланных в Сибирь (по приговорам судов и в административном порядке) было:

1807—1823 г.	45.476	1849—1863 г.	107.222
1824—1828 >	55.129	1864—1882 >	312.134
1829—1848 >	147.501	1884—1898 >	107.361

Всего за период 1807—1898 гг. в Сибирь было сослано 876.521 чел. При этом сюда не вошли высылаемые на Сахалин и в Закавказье (напр., сылка духоборов и др. раскольников). Не будет поэтому преувеличением определить цифры сосланных за XIX в. в один миллион чел. Данные о распределении высылаемых по категориям имеются лишь за время с 1882 г. Согласно им было сослано:

Сосламо	1882—1889 гг.		1890—1898 гг.		Всего мужч. и женщ.	На 1.000 сосл.
	мужч.	женщ.	мужч.	женщ.		
На поселение по суду	21.776	1.299	21.808	1.119	46.002	202,5
На жительство по суду	1.536	63	1.589	62	3.220	14,5
На водворение (брак).	13.011	595	7.717	329	21.652	95
Непринятых обществами	21.929	1.297	18.874	1.103	43.203	180
Удаленных обществами	9.015	511	16.438	968	26.930	119
Административным порядком	2.330	404	1.498	72	4.794	21
Доровольн. член. семья	35.323	—	45.875	—	81.198	358
Всего	109.649		117.450		227.099	1.000
в среднем в год	12.182		13.050			

Здесь не учтены лица, приговорившиеся к каторжным работам, следовательно отбытия которых была пожизненная сылка на поселение. По статистич. данным мин. юстиции в судебных округах, где были введены Суд. уставы (т.-е. без Сибири, Закавказья, Средней Азии), за период 1882—1895 гг. было приговорено к каторжным работам 25.800 чел., т.-е. в среднем по 1.835 чел. в год. К концу XIX в. число поступивших в Сибирь каторжных было близко к 1.700 в год. Оно резко возрастает в XX веке, в частности — после революционного движения 1905 г. Если в 1899 г. среднесуточное число каторжных равнялось 10.299 чел., то в 1909 г. оно было равно 23.095, а в 1913 г. — 30.379 чел.

Отчеты главного тюремного управления дают нам картину широкого распространения, которое имело *тюремное заключение* как мера наказания и мера пресечения в дореволюционный период:

Годы	Среднесут. состав тюремн. насел.		
	мужчины	женщины	всего
1898	96.173	10.305	106.478
1891	95.959	10.372	106.331
1892	101.230	11.124	112.354
1893	99.725	10.652	110.373
1894	91.837	9.576	101.413
1895	73.520	7.726	81.246
1896	68.366	7.232	75.598
1897	69.996	7.258	77.254
1898	76.654	7.932	84.676
1899	78.636	8.236	86.872
1900	77.736	8.121	85.857
1901	76.827	7.805	84.632
1902	81.611	8.278	89.889
1903	87.391	8.614	96.005
1904	83.999	7.721	91.720
1905	78.725	6.451	85.184
1906	105.293	7.110	112.403
1907	129.848	8.653	138.501
1908	159.971	11.248	171.219
1909	162.716	12.465	175.181
1910	156.933	11.931	168.864 *)
1911	162.763	12.465	175.228 *)
1912	171.037	12.912	183.949 *)
1913	158.101	11.266	169.367 *)

Здесь дано только среднесуточное число заключенных, что же касается числа лиц, прошедших за год чрез места заключения тюремного типа

*) Здесь не учтены арестанты тюремного разряда, содержащиеся в арестных домах, число которых в среднем было около 3.000.

(без арестных домов и арестантских помещений), то оно превышало один миллион человек. Так, напр., за 1913 г. чрез места заключения Р. прошло 1.068.700 чел., проводивших там в об-

щей сложности 61.819.065 суток, что составляет в среднем по 58 суток на каждого. В процентном отношении за этот год было:

Категории заключенных	Число прошедших	Число суток	Среднее ч. суток	Среднесуточн. число	
				абсоц.	в процнт.
Следственных и подсудимых	227.819	22.142.735	87	60.665	35,8
Присужденных к аресту	1.830	47.867	26	131	0,1
» крестош	1.164	99.429	85	272	0,2
» тюрьме	160.531	11.976.754	75	32.813	19,4
» испр. арест. огл.	76.729	12.353.279	161	33.845	20,0
» в каторжн. работ	57.624	11.088.256	192	30.379	17,9
Сильно-поселенцев				420	0,3
Прочих пересыльных	516.316	2.897.421	6	7.518	4,4
Административно арестов.	11.087	509.214	46	1.355	0,8
Несоостоятельн. должников	575	63.360	110	174	0,1
Добровольно след. за сыльными	477	3.280	7	9	0,0
Детей арестантов	14.743	637.470	43	1.746	1,0
Всего	1.068.700	61.819.065	58	199.367	100,0

До 1908 г. число тюремных мест, находившихся в распоряжении тюремного ведомства, было 105.000; в 1908 г., в виду крайнего переполнения тюрем, оно было увеличено до 120.000, но все же и при этих условиях среднесуточное количество заключенных почти в полтора раза превышало нормальную вместимость мест лишения свободы.

В результате крайне тяжелых условий тюремного заключения смертность в тюрьмах за период 1905—1912 гг. была необычайно высокой. Так, по отчетам тюремного управления:

	покончили самоубийством	умерли от болезней
1905 г.	40	1.646
1906 »	42	1.659
1907 »	118	2.345
1908 »	123	5.150
1909 »	145	7.139
1910—12 гг.	500	20.536
Всего за 1905—1912 гг.	968	38.475

По отчетным данным 1913 г. среднесуточный состав арестантов, пользовавшихся больничным лечением, равнялся 15.672; за год поступило в тюремные больничные учреждения 145.108 чел., которые в общей слож-

ности провели в тюремных больницах 5.358.578 суток. Покончило самоубийством—43, покушалось на самоубийство—78, убито при различных «происшествиях»—24 и ранено—72.

Статистика государственных преступлений. Данные общей уголовной статистики о числе возникших дел и числе осужденных не дают почти никакого представления о политической репрессии за дореволюционный период. Дела о государственных преступлениях с 1871 г. протекали в порядке жандармских дознаний и по общему правилу получали свое разрешение не в общих судах, а в административном порядке или передавались в военные суды. В период обостренной политической борьбы они ликвидировались еще более упрощенным способом в порядке внесудебных репрессий и карательных экспедиций. Восстановить полностью картину их в статистическом отношении не представляется возможным, и можно только привести несколько отрывочные сведения, разработанные отдельными исследователями.

В период до 60-х годов, если не

считать нескольких крупных политических дел (отдельных декабристов, пугачевцев и нек. др.), следует отметить массовые казни в связи с подавлением польского восстания. Правительственное сообщение от 4 сент. 1834 г. сообщало о заочном присуждении к смертн. казни 258 чел., скрывшихся за границу, а 9 участников восстания были казнены еще в ноябре 1833 г. Позднее, по обвинению в подготовке восстания в Польше были казнены в 1839 г. двое и в 1846 г. — трое. Число сосланных в каторжные работы и на поселение исчисляется тысячами.

Но наиболее частыми и массовыми в середине XIX в. были расправы и репрессии в связи с непрекращавшимися крестьянскими восстаниями (о волнениях госуларственных крестьян см. XXV, 563/64, прилож., 45/49). По исследованию И. Игнатович число крестьянских волнений по десятилетиям было:

Роды	Число волнений	%
1826—1834	148	12,4
1835—1844	216	18,2
1845—1854	348	29,3
1855—1861	474	44,0

Всего . . . 1.186 100,0

Уже после отмены крепостного права, в период 1861—63 гг., на почве споров из-за раздела земли и злоупотреблений властей отмечено 1.100 крестьянских волнений в 76 губерниях. На ряду с массовыми волнениями за этот период очень многочисленны были и отдельные террористические акты крестьян против помещиков. Так, по сведениям В. Семевского, в течение 9 лет (1835—1843) в Сибирь было сослано за убийства помещиков 416 чел. По сведениям Игнатович с 1835 по 1854 г. было 144 случая убийств помещиков, т.-е. по семи в год, помимо 29 случаев убийства управляющих именьями; покушений на убийство помещиков за тот же период

было 75. В 1855 г. было 16 случаев расправ крестьян с помещиками. В последующие годы в отношении помещиков было:

Годы	убийств	покушений	побоев и ранений
1856	8	2	11
1857	5	4	4
1858	1	—	13
1859	4	4	3
1860	3	1	3
1861*)	2	1	1
Всего	23	12	35

Обычными мерами усмирения крестьянских восстаний были ввод и постои воинских команд (таких случаев отмечено 228), применявших в ряде случаев огнестрельное и холодное оружие или иные «действия» (какие — не указывается). Одним из результатов введения воинской команды было предание участников волнений военному суду. За 29 лет царствования Николая I было случаев предания военному суду крестьян за восстания против помещиков:

1826—29 21	1840—44 14
1830—34 22	1845—49 8
1835—39 12	1850—54 3

Всего . . . 80 случаев

Излюбленной мерой расправы была также ссылка в Сибирь, практиковавшаяся как по судебным приговорам, так и по ходатайствам помещиков (а позднее по приговорам сельских обществ и в административном порядке).

Освободительное движение 60-х годов повлекло за собою ряд новых жертв политической репрессии. И за этот период при исчислении их совершенно невозможно руководствоваться данными судебной статистики.

По подсчетам С. Унировича, в период царствования Александра II (1855—1881) было казнено 47 чел., расстреляно без суда — 69, убито в восстаниях — 48.000 чел. и ранено в восстаниях — 16.000 чел. всего

*) Взяты лишь январь и февраль 1861 г.

цах, привлекаемых к дознанию по госуд. преступлениям. Разработка этих листов, произведенная Е. Тарновским за три года, предшествовавшие изданию этого закона (1901, 1902 и 1903), показывает, что за этот период было привлечено к дознанию 7.796 лиц (в 1901 г. — 1.748, в 1902 г. — 2.311 и в 1903 г. — 3.737), что составляет в среднем 2.599 чел. в год, или цифру, почти в три раза большую, чем среднее число привлекавшихся в период 1884—1890 гг. Представляет значительный интерес распределение привлеченных по сословным группам, особенно в сопоставлении с данными 1884—1890 гг.

Сословные группы	Процентное распределение	
	1884—90 гг.	1901—03 гг.
Дворяне и дети чиновников	30,6	10,7
Духовенство	6,4	1,6
Почетн. граждане, купцы	12,1	4,1
Мещане	27,5	43,9
Крестьяне, казаки	19,1	37,0
Иностранцы	1,4	0,8
Сословие неизвестно	2,9	1,9
Всего	4.307—100%	7.796—100%

Если во второй половине 80-х годов три привилегированных сословия дали 49,1% привлеченных к дознанию по госуд. преступлениям, то в начале 900-х годов на их долю падает только 16,4%, т.-е. в три раза меньший процент; процент же привлеченных из мещан и крестьян с 46,6% возрастает до 82,9%. Другими словами, состав политических обвиняемых резко демократизируется: революционные настроения широко проникают в среду трудящихся города и деревни. Этот процесс выступает еще резче при сравнении приведенных данных с сословным распределением осуждаемых за госуд. преступления во второй четверти XIX в. Так, по данным Анучина, сославшиеся в Сибирь на поселение за госуд. преступления в период 1827—1846 гг. состояли на 63% из дворян, на 13% из военнопленных, на 6% из мещан и на 17% из крестьян. Осужденные

из так наз. податных сословий составляли, таким образом, в этот период всего 23%, т.-е. в два раза меньше, чем в период конца 80-х гг. и в 3,5 раза меньше, чем в начал. 900-х гг.

Данные о видах занятий привлеченных показывают, что фабричные рабочие, составлявшие в конце 80-х годов всего 2,7% всех привлекавшихся, дают в 1901—1903 гг. 7,6%, ремесленники, составлявшие 9,6%—33,2%, чернорабочие—1,7 и 3,3%. Напротив того, процент чиновников и военнопленных упал с 6,2% до 1,3%, общественных и частных служащих с 10,3% до 6,9% и т. д. Процент участия представителей либеральных профессий (врачей, адвокатов, литераторов, художников) остался примерно на том же уровне (4,7% и 4,3%).

Для периода 1901—1903 гг. мы имеем распределение привлеченных по характеру обвинений:

	Абсол. число	%
Оскорбление величества	901	11,5
Участие в революц. обществах	2.247	28,8
Революционная пропаганда	2.093	26,8
Хранение проинвентар. литературы	842	10,8
Участие в противопол. обществ.	1.515	19,4
Распространение злонамеренных политич. книг, слухов	86	1,1
Выдача военных тайн, измена	14	0,2
Статья кодекса не указана	98	1,4
Всего	7.796	100%

С половины 1904 г., в связи с наведением дел о лицах, обвиняемых по госуд. преступлениям, в общие суды, имеется уже возможность использовать данные общей судебной статистики, отражающей число дел, прошедших чрез гражданские суды, и число подсудимых и осужденных по ним *). Так, за период 1906—1914 гг. имеются след. цифры:

*) Данные 1904—1905 г., в виду их неполноты, не разработаны.

Годы	Число подсудимых		Число осужденных		Число воев. следствий
	абсолютн.	% увелич.	абсолютн.	% увелич.	
1906	3.395	100	2.315	100	нет свед.
1907	6.886	203	5.146	222	3.138
1908	8.476	250	5.834	255	2.648
1909	6.088	179	4.285	185	2.272
1910	4.359	129	3.014	130	2.053
1911	3.345	99	2.602	113	2.230
1912	2.814	83	2.021	87	2.397
1913					2.085
1914					2.075*)

Если взять среднее число подсудимых за период 1906—1912 гг., равное 5.052 чел. в год, и сравнить его с числом привлекавшихся к дознанию в предшествующие периоды, то оно будет в два раза превышать среднее число 1901—1903 гг. (2.599 чел.) и более чем в 9 раз — среднее число периода 1884—1890 гг. (538 чел.).

По видам преступлений осужден-

ные в подавляющем большинстве были приговорены за бунт против верховной власти и преступления против государя и членов имп. дома (ст. 99—107 Угол. улож. 1903 г.) и за «смуту» (ст. 121—132 и 134 Угол. улож. 1903 г.); число осужденных за гоусуд. измену, преступления против народн. права и противозаконные (ше революционные) сообщества очень невелико:

Виды политич. преступлений	Число осужденных по годам					
	1907	1908	1909	1910	1911	1912
Бунт и прест. против государя	2.111	2.977	2.622	2.004	1.957	1.619
«Смута» (прест. агитация)	3.034	2.917	1.613	961	572	340
Государств. измена	—	—	—	4	4	12
Преступ. против нар. права	1	—	—	—	—	—
Противов. общества	нет свед.	—	50	45	69	50
В с е г о	5.146	5.894	4.285	3.014	2.632	2.024

Из общего числа 35.353 подсудимых за 1906—1912 гг. было оправдано 10.006 чел., освобождено от наказания 70 чел. и осуждено 25.277, или 69,5%. Характерно распределение осужденных по видам назначенных наказаний:

	Абсоп. число	%
К каторжным работам	1.138	4,5
К ссылке на поселение	2.347	9,3
К в. правит. дому и арест. осужд.	453	1,8
К крепости	3.752	34,6
К тюрьме	1.774	7,0
К аресту	10.312	40,8
К мерам, применяемым к несовершеннолетним	260	1,0
К прочим наказаниям	242	1,0
В с е г о	25.277	100%

Таблица эта не дает правильного представления о суровости репрессии, так как все сколько-нибудь важные госуд. преступления в этот период передавались в ведомство военных судов. Наказания каторгой и ссылкой дают около 14% (к 1912 г. процент этот достигает 19%); крепость фактически заменялась заключением в тюрьме; высокий процент ареста (40%) целиком относится к осуждаемым за оскорбление государя, совершенное в «пьяном виде», по невежеству или неразумию» (ст. 103, ч. 4).

*) Неполн. свед.

Процесс «демократизации» привлекаемых за государственные преступления с еще большей силой наблюдается за данный период. Среди осужденных в 1906—1911 гг. к числу лиц привилегированных сос.овий относилось всего 10% (дворян—4,5, духовных—0,6 и почетн. граждан и купцов—4,9%); 84,8% относилось к бывш. податным сословиям (мещан—25,1% и крестьян—59,7%), остальные— к иностранцам или лицам, сословие которых не указано. По роду занятий осужденных на первом месте стояли земледельцы (26,2%), затем рабочие и ремесленники (24,4%), служащие и представители либеральных профессий (21,6%) и т. д.

Данные *военной юстиции* несколько дополняют приведенные сведения. По отчетам военно-судебного ведомства число лиц, приговоренных военными судами к смертной казни с 1896 г. по 1908 г., было (см. табл. на 656 стр.):

По отдельным годам периода революционного движения 1905—1908 гг. число подвергнутых см. казни было:

	Военных	Гражданск.	Всего
1905	14	12	26
1906	64	181	225
1907	83	541	624
1908	48	1.292	1.340
Всего.	209	2.026	2.235

Цифры казненных, конечно, значительно ниже числа лиц, преданных

	1896—1900	1901—1904	1905—1908
А. Преступл. воинские:			
в местн., объявленных на военном положении	3	6	15
явное восстание	—	10	136
насилъств. действия против начальства	—	4	15
прочие воинские преступл.	—	—	7
Всего воинских прест.	3	20	173
Б. Преступл. государств.			
неповиновение властям	24	13	195
убийства	27	35	854
нанесение ран и увечья	—	1	3
протв. женской чести	—	1	2
разбой	24	23	956
прочие (пожжоги, грабежи, угрозы и пр.)	—	—	29
Всего	78	93	2.239
Из числа казненных было:			
лиц военного ведом.	3	21	203
гражданск. вед.	75	72	2.030

военному суду на основании положения об усиленной и чрезвычайной охране и военного положения. Число лиц гражданского ведомства, преданных военному суду на основании этих положений, было: в 1905 г.—165, в 1906 г.—960, в 1907 г.—1.970 и в 1908 г.—7.016. Число дел, изъятых из общей подсудности и переданных в военные суды с 1906 по 1908 г., было 5.911; по ним было предано суду 16.333 чел.

М. Гернет приводит несколько отличную и включающую более поздние сведения таблицу о числе лиц, приговоренных к смертной казни военными судами за период 1901—1912 гг.

Годы	Всего	В том числе		Из них за государ. преступления		За явное восстание	
		военных	гражд.	военных	гражд.	военных	гражд.
1901	9	1	8	—	2	1	—
1902	28	6	22	—	—	—	—
1903	11	—	10	—	—	—	—
1904	19	—	19	—	—	—	—
1905	25	13	12	—	11	9	—
1906	250	53	182	—	14	59	3
1907	67	84	543	—	52	60	—
1908	1.340	48	1.292	1	118	5	—
1909	629	25	604	1	11	—	—
1910	166	11	155	—	—	—	—
1911	113	12	101	—	8	—	—
1912	143	23	115	—	—	14	—
Всего	3.250	289	2.971	2	216	148	3

В графе военных подавляющее большинство — нижние чины; офицеров всего было 6 чел., и из них 5 были приговорены к казни в 1906 г.

Громадное увеличение числа смертных приговоров, в особенности в отношении лиц гражданского звания, наблюдаемое непосредственно после подавления революционного движения 1905 г. (1906—1908), в последующие годы резкой реакции остается на очень высоком уровне до самого конца рассматриваемого периода. Хотя в графе приговоренных за государственные преступления в этот период фигурирует лишь 19 чел., но это объясняется тем, что большинство террористических актов квалифицировалось по статьям, предусматривавшим общеуголовные преступления (убийства, поджоги, разбойные нападения и пр.) в целях создания подсудности их военному суду.

К этим цифрам следует присоединить приговоры, вынесенные военно-полевыми судами, действовавшими по чрезвычай. указу от 19 августа 1906 г. За 8 месяцев действия этих судов (по 19 апреля 1907 г.) ими, по подсчету Н. Филеева, было рассмотрено свыше 1.100 дел о подсудимых, из которых около 950 чел. были приговорены к смертной казни. По подсчетам Вентина, военно-полевыми судами было приговорено:

К смертной казни	1.102 чел.
К бессроч. каторге	62 »
К срочной каторге	65 »
К ссылке на поселение	7 »
К арестанск. отделениям	11 »
Справедно	71 »
Приговоры неизвестны	72 »

Всего 1.390 чел.

Несмотря на напряженную работу гражданских и военных судов, при-суждавших к казни и каторге десятки тысяч лиц за государственные преступления и террористические акты, революционное движение росло, выливаясь в массовые рабочие и аграрные выступления и в открытые восстания, как то было в декабрь-

ские дни 1905 г. в Москве. Для расправы с участниками этих выступлений и еще более для устрашения местного населения, Николай II прибег к жестокой внесудебной расправе в форме карательных экспедиций. В дек. 1905 г. для усмирения восстания в Москву прислан был Семёновский полк под командою полковника Мина. Отряд этого полка под командой полковника Римана расстрелял несколько сот железно-оружников и рабочих (по подсчетам Гернета до 800 чел.) по линии Московско - Казанской жел. дор., на ст. Перово, Люберцы и Коломна. Одновременно были посланы карательные экспедиции, под начальством генералов Ренненкамфа и Меллера-Закомельского, в Сибирь и Забайкалье. По далеко неполным данным, в результате этих экспедиций насчитывалось 995 арестованных, 81 чел. убитых, 16 чел. казненных по приговорам военного суда, 135 раненых, 220 выпоротых и 31 осужденный к различным наказаниям.

Еще более многочисленными и жестокими были действия карательных отрядов в Прибалтийском крае, где на ряду с отрядами генералов-палачей (Орлова, Безобразова, Рихтера, Меллера-Закомельского и др.) развивали широкую деятельность самочинные отряды местных баронов-помещиков. За шесть месяцев 1906 г., по подсчетам Янсона, в одной только части Прибалт. края было повешено и расстреляно 1.170 крестьян и ба-раков. С ноября 1905 г. по конец 1906 г. из 1.800 латышских учителей от действий карательных отрядов пострадало 363 учителя, из которых 26 было расстреляно, 3 повешено, 42 подвергнуто истязанию розгами, 94 заключено в тюрьмы и 144 вынуждены были спастись бегством от экзекуции. В Варшаве, по распоряжению генерала Скалона, в январе 1906 г. было расстреляно 17 чел.

Карательные отряды свирепствовали в Крыму (в симферопольском и фёдоровском уездах), в Закавказьи, в губерниях Черниговской, Полтавской, Курской («земритель» адмирал Дубасов), губ. Пензенской и Саратовской (генер. Сахаров, убитый в конце 1905 г.), в Тамбовской и др. местах. На ряду с массовыми расстрелами применялась часто и массовая порка крестьян. Общее число жертв карательных экспедиций 1905—1906 г. одними казенными и убитыми без суда исчисляется приблизительно в 6.000 чел. С 17 окт. 1905 г. по 1 сент. 1906 г. было сослано в Сибирь около 35-ти тыс. человек. В период правления Столыпина (1906—1911), по подсчетам С. Ушеровича, было убито и ранено в восстаниях свыше 40 тыс. человек, в погромах (1905—1907) — около 48 тыс. чел. и казнено (1906—1911) свыше 5 тыс. чел.

Накануне своего падения царское самодержавие видело в жесточайшей репрессии чуть ли не главнейшее средство сохранения в своих руках власти. В ряде случаев кровавые репрессии применялись даже не с целью подавления восстаний и «беспорядков», а, так сказать, в профилактических целях, чтобы воздействовать на массы проявлением грубой физической силы. Достаточно здесь указать на такие факты, как «кровавое воскресенье» 9 января 1905 г., Ленский расстрел, еврейские погромы и пр. (см. *историю революционного движения*).

II. Люблинский.

XVIII. Гражданское и торговое законодательство в Р. в XIX и в нач. XX в. I. В царствование Екатерины II русская промышленность и русская торговля, не только внутренняя, но и внешняя, начинают сильно развиваться (см. XXXVI, ч. 3, 705/07). Растущий капиталистический класс на рубеже XVIII и XIX вв. стал все настойчивее

выдвигать требование законодательного упорядочения торгового оборота, кредита и судопроизводства. И если XVIII век по многообразным причинам и в частности в силу той длительной дворянской реакции, которая последовала после смерти Петра I, поражает своей скудостью в области гражданского и торгового законодательства, то XIX век, в особенности первая треть его, особенно богат и законодательной инициативой и законодательными актами в этой области.

Обыкновенно инициативу разработки нового гражданского и торгового законодательства относят к началу деятельности Сперанского (1808). Между тем, это не совсем так, ибо ряд решающих актов, свидетельствующих о сугубом внимании царского правительства к проблемам гражданского и торгового законодательства (к требованиям торгового оборота), мы имеем уже в конце XVIII или на рубеже XIX века. В этом отношении нужно особенно напомнить так называемый «банкротский устав», изданный в конце царствования Павла 12 дек. 1800 г. Историки права обычно не дооценивают содержания и значения этого акта. Его ближайшей задачей было и основное внимание его посвящено вопросу об урегулировании и ликвидации дел несостоятельных купцов (банкротов) в связи с обнаружившейся острой необходимостью укрепить кредит как предпосылку развития внешней и внутренней торговли. Но, преследуя эту задачу, устав не ограничился вопросами конкурсного права, но занялся и разрешением ряда вопросов материального торгового права. Мы здесь найдем не только дополнительные постановления к вексельному уставу 1729 года (см. VIII, 131), но и правила о торговых займах, о поручительстве и даже о торговых товариществах. Имеются даже особые правила о возмещении

ущерба, причиненного кредиту купца нанесением личного оскорбления. Любопытно отметить, что **банкротский** устав отражал также, если можно так выразиться, напор дворянства к занятию коммерцией. Не допуская в принципе, чтобы дворянское сословие занималось делом, присвоенным согласно прежнему законодательству «городским обывателям и купеческому сословию», устав все же, на известных условиях, приобщал дворян к коммерческому кредиту, запрещая им лишь подписывать векселя. Еще до прихода к власти Сперанского мы имеем также и известный манифест Александра I от 1 янв. 1807 г. о даровании купечеству новых привилегий. Этот манифест, несомненно, имеет и принципиальный, и декларативный характер, подчеркивая готовность правительства поддержать расцвет торговли и пойти широко навстречу требованиям торгового капитала. (Там же были даны новые правила о торговых товариществах и т. д.).

Как известно, деятельность Сперанского (см.), как выдающегося кодификатора русского законодательства, резко разбивается на два периода, а именно: с 1808 по 1812 год и затем после возвращения из ссылки с 1826 по 1833 год. В последний период под непосредственным наблюдением Николая I Сперанский превращается в заправского техника кодификатора, охранявшего «устой». Зато в первый период, в эпоху Тильзитского мира и сближения русского правительства с представителем победоносной крупной буржуазии Франции (Наполеон I), кодификационная деятельность Сперанского, по общему мнению всех историков, обвееана духом буржуазного либерализма и желанием пересадить на нашу почву гражданское и торговое законодательства, необходимые для свободного развития капитализма в Р. В связи с этим в 1809 г. под руководством Сперан-

ского разрабатывается проект гражданского уложения. К 1812 г., к моменту опалы Сперанского, наполовину готов также проект торгового уложения. То и другое является продуктом сильнейшего заимствования, подчас почти перевода, из гражданского и торгового кодексов Наполеона, но все же, конечно, не вполне, ибо эти проекты уложений отнюдь не покушались ни на крепостное право, ни на прочие основы дворянского землевладения. И все же, по мнению профессора Кассо, проекты Сперанского потерпели крушение ввиду их утопичности для того времени. Наоборот, известный цивилист профессор Шершеневич в проектах уложений утопий не видит и высказывает мысль, что в целях создания прочной базы для развития русской торговли и промышленности Р. могла бы с таким же успехом заимствовать большую часть норм французских кодексов и в особенности их договорное право, как это сделали и многие другие страны, реципировавшие кодексы Наполеона в начале XIX века. Однако, не трудно убедиться в том, что полная рецепция гражданского и торгового кодексов, созданных после революции победоносной крупной буржуазией Франции, возможна была у нас, так же, как и во Франции, лишь при условии ликвидации крепостного права и всех феодальных привилегий дворянского землевладения. И в этом отношении прямо-таки поражает, с какой четкостью классового самосознания крупное дворянство в лице Карамзина и членов Государственного совета «разоблачал» Сперанского, очевидно не без иронии требуя от него, чтобы он доказал, что статьи, заимствованные им из французских кодексов, соответствуют исконному нашему законодательству о вотчинных правах дворянства и о полунатуральном хозяйстве крупного и мелкого землевладения в Р.

Войны против Наполеона и опала Сперанского прерывают работу по составлению проектов уложений. Однако, после расправы с декабристами, в эпоху конфликта монархии с передовым дворянством Р., Николай I в поисках опоры у класса промышленников и торговцев возвращается к проблеме обновления всей системы законодательства и в том числе гражданского и торгового права. Как известно, когда с этой целью был вновь призван на работу опальный Сперанский, ему указом 1826 г. поручалось не составление новых и оригинальных уложений, а от него требовалось составление лишь «свода» законов и указов, действовавших в Р. со времени Алексея Михайловича, отнюдь не допуская «изменения основ» (см. *Свод законов*). Сперанский точно выполнил это указание. Первая часть X тома так назыв. Свода законов, изданная вместе со всеми 15-ю томами Свода законов в 1832 г., вполне закрепляла и ярко отражала и семейный уклад дворянской среды того времени, и всю систему поместного и вотчинного землевладения, составившего основу неприкосновенного для того момента крепостного права. В дальнейшем эта часть законов гражданских, изложенных в X томе Свода, постепенно подвергалась частичным изменениям, но картина вотчинной собственности эпохи издания Свода, отраженная в X томе, весьма характерна для всего социального уклада того времени. На этом материале мы ярче всего можем убедиться, что Р. в это время оставалась сословной монархией в полном смысле слова и что политическая власть попрежнему и почти безраздельно была в руках класса дворян-помещиков.

В гражданском праве, кодифицированном в Своде 1832 г., основной массы русского трудового населения — крепостного крестьянства — вообще нет. Оно бесправно, оно в граждан-

ском обороте не участвует, крепостной крестьянин для Свода 1832 г. не субъект гражданского права. Но и в отношении остальных классов Свод все еще продолжает то резкое размежевание между дворянским землевладением и торговым и промышленным капиталом, которое получило свое наиболее развитое выражение в законодательстве Екатерины II.

Борьба этих классов за овладение русской фабрикой и за захват рабочей силы, которую тогда главным образом представляло крепостное крестьянство, ярче всего отражается в нормах того времени о праве владеть тем или иным видом недвижимой собственности. И в этом отношении мы в первую очередь читаем в X томе издания 1832 года неизбежное положение о том, что владеть «населенными» именьями, т. е. быть вместе с тем и владельцами крепостного труда, могут лишь дворяне. Хорошо известно (см. XXXVI, ч. 3, 746, 765; XXXVI, ч. 4, 60, 68, 423/25), как развивалась начавшаяся в эпоху Екатерины II борьба купеческого сословия за право покупать крепостных и целые именья с крепостными на предмет организации крупных фабрик. В этом вопросе правительство проявляло постоянные колебания: то разрешалось купцам покупать крепостных или даже целые именья с крепостными, то вновь запрещалось. В 1816 г. под давлением дворянской реакции владение «населенными именьями» для купцов было окончательно запрещено. Но торговый капитал отыскал новую форму владения, обеспечивавшую ему рабочие руки. Он добился разрешения приобретать «населенные» земли и вместе с тем путем покупки или иными путями приписывать и прикреплять к этим землям крестьян. Образовались таким образом так наз. «посессионные фабрики» (см. XXXVI, ч. 4, 69, и XXV, 563/64, прил. 1/2),

где крепостной по закону принадлежал якобы не владельцу, а самой фабрике, при чем владелец не имел права продавать его без фабрики, не имел права использовать крестьянина на иной работе, кроме фабрики, и, наконец, где дворянское правительство оставляло за собой право широко регламентировать взаимоотношения между крестьянами, прикрепленными к фабрике, и ее владельцем. Эти сосессионные фабрики составляли в эпоху Александра I почти единственную базу развития крупной промышленности в руках не дворян-промышленников.

Итак, если в вопросе о владении крепостными дворянство энергично тенсит русскую буржуазию, то, с другой стороны, и купеческое сословие вело наступление на дворянство, резко возражая против широко развивавшихся фабрик в дворянских имениях, в которых эксплуатировался крепостной труд крестьян и дворовых. В конце концов закон 1842 г. дает нам в этом отношении следующую весьма характерную компромиссную картину: «Мануфактуры, фабрики и заводы могут быть содержимы: 1) состоящими в гильдиях и имеющими торговые гильдейские свидетельства; 2) дворянами в их имениях и в городах, с запиской в сем последнем случае в одну из купеческих гильдий...» (Св. зак., т. II).

То же сословное размежевание мы имеем и в отношении других основных недвижимых объектов. Так, напр., еще по закону 1824 г. было запрещено кому бы то ни было, «кроме купцов и торгующих мещан», покупать лавки в гостиных дворах и торговых местах. С другой стороны, даже владеть домами в городах могли лишь дворяне и крупные купцы. Что же касается мещан, то они не вправе были владеть домами с городской оценкой свыше 25.000 р. ассигнациями. Картина будет полная,

если мы добавим, что X том, часть I зак. гражданских, воспроизводит и всю тяжеловесную систему правил о родовых именах, о наследственном майорате и всю систему ограничения завещательной свободы владельцев родовых имений и пр.

И на такой-то имущественной базе составители Свода гражданских законов должны были дать по крайней мере минимум норм, способных удовлетворить торговый и гражданский оборот по линии сделок и договоров. Чтобы успокоить дворянство, Сперанский сумел на этот раз почти под каждой статьей показать всевозможнейшие указы XVIII и даже XVII века, у которых якобы заимствованы правила X тома о купле-продаже, о ссуде, займе, о юридических лицах, участвующих в гражданском обороте, и о гражданской ответственности за причиненные убытки. Последующее изучение этих ссылок без труда сумело установить, что далеко не все статьи X тома в этой области являлись действительно заимствованием из источников, подними указанных. Вокруг этого вопроса возникли даже горячие споры среди биографов Сперанского историков нашей кодификации, не «обманул» ли Сперанский своего монарха и т. п. Между тем, в той скромной степени, в какой здесь были допущены новые постановления, это явление было совершенно неизбежным, ибо иначе нельзя было построить те по существу весьма примитивные типы товарных отношений, которые все же были абсолютно необходимы развивавшемуся народному хозяйству Р. 1840-х годов. Однако, уже в виду этого нужно признать, что распространенное утверждение, что X том, ч. I зак. гражданских, благополучно просуществовавший до Октябрьской революции, был лишь кодексом дворянского поместного землевладения — не вполне верно: он, несомненно, давал правовое оформление рыночных отношений.

Но гражданское законодательство в эпоху издания Свода отнюдь и не исчерпывалось содержанием этой части X тома. Уже 6 дек. 1836 г. издается обширный закон, предусматривающий массовую организацию акционерных обществ (см. I, 20 сл.), и в том же году издается не менее обширный закон о казенных подрядах и поставках, в значительной степени заимствованный из однородного французского постановления и являвшийся данью интересам новой буржуазии, наживавшей как во Франции, так и у нас огромные деньги на казенных подрядах и поставках на армию и на подрядах по дорожному строительству и по строительству казенных зданий.

Более того, одновременно с законами гражданскими издается в томе XI, ч. 2-й Свода законов особый Устав торговый. Правда, этот устав в большей своей части касается не норм частного права, а всевозможных правительственных и словесных торговых установлений, как биржи, торговые палаты и проч. Далее, значительная его часть посвящена морскому праву и являлась воспроизведением «Устава о купеческом водоходстве», изданного Екатериной II в 1781 г. и значительно заимствованного из ордонанса Людовика XIV о морской торговле. Но, кроме того, в том же Уставе содержатся правила о торговых товариществах и довольно обширные правила о торговых приказчиках. В общем Устав торговый 1832 г. по своей структуре и по классу, который он главным образом имел в виду, больше чем X том законов гражданских напоминает французский образец, вдохновлявший Сперанского, и в этом отношении особенно любопытна ст. 2-я Свода, которая, в противоположность «основному духу гражданских законов, объявляла свободу занятия торговлей «всем лицам обоего пола русским поданным всех состояний...».

Ответом на нужды торгово-промыш-

ленного оборота был и вексельный устав 1832 г., который впервые широко разрабатывал у нас вексельное право, свидетельствуя о том, что этот инструмент развитого кредитного и товарного оборота начал получать широкое распространение внутри страны.

Такие типичные для восходящего буржуазного класса институты, как привилегии на изобретательство, впервые привлекли внимание нашего законодателя в особом указе уже 1812 года (Св. зак., № 25143), а в 1823 г. издается даже закон об авторском праве под названием «указ о правах сочинителей». Однако, все это уже институты, получившие свое полное развитие только во второй половине XIX-го века.

В годы, непосредственно предшествовавшие освобождению крестьян от крепостной зависимости, гражданское и торговое законодательство не проявляет особой активности. Как же повлияло на него освобождение крестьян от крепостной зависимости? Достаточно известно, что при этом «освобождении» были приняты все меры, чтобы не допустить отрыва крестьянина от земли и чтобы не допустить экономической эмансипации крестьянства: прекращая крепостную зависимость, законодатель не прекратил кабальной экономической зависимости крестьянской массы от помещика. Более того, устанавливая впредь до погашения выкупных платежей состояние «временно обязанных» и круговую поруку членов общины, законодатель по-новому прикреплял крестьянина к земле. Потому освобождение крестьян от крепостной зависимости сказалось на изменении участников торгового оборота лишь впоследствии, когда кулацкая верхушка крестьянства, наживавшаяся за счет окончательного разорения остального крестьянства, постепенно начинает просачиваться в ряды крупного и среднего торгового и про-

мысленного капитала. Таким образом в шестидесятые годы обстановка не требовала еще резкого изменения существовавших тогда гражданских и торг. овых законов. Буржуазия получила для своих деловых интересов достаточно удовлетворения, добившись коренной реформы гражданского судопроизводства, поставившей наши гражданские суды по их структуре и технике на высоту западно-европейских. Вместе с тем и новый сенат, являвшийся кассационной инстанцией по гражданским делам, в своей правотворческой работе создавая прецеденты, мог в известной степени удовлетворять требованиям развивавшегося в Р. капитализма об улучшении норм гражданского права. Обходились без сложного законодательства и вновь учрежденные государственные и частные коммерческие банки. С одной стороны, являясь господствующей стороной в сношениях с клиентами, банки эти не нуждались в законодательных нормах договорного права, ибо диктовали сами в типовых формулярах условия и правила основных банковских операций. С другой стороны, те нормы, которые необходимы были банкам для обеспечения их прав при реализации залогов, при взыскании по ссудам и проч., согласно установившейся практике, фиксировались не в общих законах и в частности не в Уставе кредитном XII тома Свода законов, а в частных уставах отдельных банков, которые получали силу закона, благодаря тому, что они утверждались верховной властью.

В несколько ином положении, чем банковское право, оказалось у нас железнодорожное право. Договор перевозки по железным дорогам, а равно и весьма сложная ответственность жел. дорог за сохранность груза регламентировались у нас почти с самого начала весьма детализированным Общим уставом российских железных

дорог, впервые изданным в 1885 г. (см. XX, 139/40, прил. 23 сл.). Вероятно, и здесь должно бы еще ограничивались различными правилами перевозок, помещенными в высочайше утвержденный устав жел.-дорожных обществ, если бы не воздействие прямых железнодорожных перевозок в международном сухопутном обороте. Этот международный оборот властно требовал установления единообразия законодательства соседних стран, и в связи с этим в Берне в 1878 и в 1881 гг. состоялась международная жел.-дорожная конференция, которая предложила участникам провести у себя общепринятый тип правил о жел.-дор. перевозках, преимущественно составленных по проекту, который выработала прусская железнодорожная практика.

Несколько иным путем пошло развитие страхового права (страхование от огня и транспортное страхование начинают в Р. широко развиваться с 50-х годов XIX столетия). Монопольное положение немногочисленных страховых обществ, возникавших на основании высочайших разрешений, позволяло им обходиться без особого закона о договоре страхования. Однако, правительство считало здесь особенно необходимым государственный надзор. А посему все детали типовых страховых договоров, излагаемые в виде трафарета на оборотах страховых полисов, подлежали обязательному контролю и утверждению министерства внутренних дел. На этой почве сложилось вполне единообразное право в области имущественного страхования (см. XLI, ч. 4, 718/19).

В связи с бурным развитием акционерных обществ в области банков, торговли и промышленности и в связи с ростом и укреплением мощи торгового и банковского капитала в Р. (см. II, 47/53), невольно возникает вопрос, почему, вопреки всем примерам

Запада, в Р. и в это время, и вплоть до Октябрьской революции продержалась весьма сложная разрешительная система для учреждения акционерных обществ во всех отраслях хозяйства. Некоторым объяснением для этого могло бы служить то обстоятельство, что в Р., как и всюду, безличная форма акционерного общества, удачно называемого во французском праве «анонимным» обществом, являлась излюбленной формой проникновения в Р. иностранного капитала. Однако, мы встречаем иногда и в западных государствах разрешительную систему, установленную для иностранного капитала, что не исключает там широкого применения явочной системы для своего национального капитала. Своеобразие русского законодательства в этом отношении является еще одним свидетельством того, что, несмотря на быстрое развитие капитализма в Р., все же, как это и общепризнано, вплоть до Февральской революции политическая власть оставалась в руках дворянско-помещичьего класса, который в лице своей столичной бюрократии при помощи разрешительной системы сохранял за собой и контроль, и возможность оказания давления на учредительскую и предпринимательскую деятельность русского торгового и банковского капитала.

Вся отсталость русского законодательства в области промышленности вполне обнаруживается, если хотя бы бегло просмотреть так называемый Устав о промышленности, изданный еще в 1832 г. в составе части 2-й т. XI Свода законов и неоднократно затем пересмотренный. Устав полон административных правил о фабрично-заводской промышленности. Устав содержит скудное законодательство об охране труда царского периода. Устав чрезвычайно беден правилами о договоре трудового найма, предоставляя

регулирование такового надзору фабричных инспекторов и фабричных присутствий и подчиняя его правилам внутреннего распорядка, издаваемым владельцем фабрики под наблюдением того же инспектора. Но есть в этом уставе и две главы, непосредственно относящиеся к гражд. праву. Это глава о товарных знаках и закон о привилегиях на изобретения, действовавший сначала в редакции 1876 г., а затем в редакции 1896 г. (см. XXXI, 354). В общем закон о привилегиях на изобретения соответствовал своим западно-европейским собратьям. Несмотря на то, что Р. отказалась примкнуть к международной Парижской конвенции 1883 года о взаимной охране прав изобретателей (см. XXXI, 357), отдельные конвенции почти со всеми культурными странами на эту тему заставляли царское правительство постоянно освежать и держать на технической высоте законодательство о промышленных патентах. Закон 1896 г. ближе всего напоминал германский закон о патентах и по примеру последнего последовательно проводил при выдаче патентов систему предварительной проверки новизны изобретения по инициативе правительственного органа, выдающего патент.

Такова сжатая характеристика гражданского законодательства в Р. к концу XIX века. Прежде чем перейти к описанию работ над проектом нового гражданского уложения начавшихся в 1881 г., необходимо еще остановиться на так называемых *местных* гражданских законах, действовавших в различных областях и государствах, приобщенных к составу Российской империи.

Тут в первую очередь нужно указать на так называемое «Царство Польское», в котором с 1808 г. был почти в буквальном переводе введен в действие гражданский и торговый кодекс Наполеона. При окончатель-

ном закреплении за Р. герцогства Варшавского на Венском конгрессе, права Польши пользоваться французскими кодексами были подтверждены со стороны Р. (см. XXXVI, ч. 2, 101/04). В Великом княжестве Финляндском также сохранило силу местное гражданское законодательство шведского происхождения. В так наз. Прибалтийских губерниях, или Остзейском крае, действовал особый Свод гражданских узаконений губерний остзейских, кодифицированный на русском и немецком языках в 1864 г. В нем закреплялось действие гражданских законов, действовавших в этом крае до завоевания и занесенных сюда отчасти из Швеции, а отчасти из Польши, а также, как, напр., в Курляндии, заимствованных прямо из римского права. В Бессарабии действовал старинный сборник гражданских законов под наименованием Собрание законов Доница и Арменопуло (см. V, 489). Содержание этого сборника было в значительной степени заимствовано из Кодекса Юстиниана и из последующих новелл византийских императоров. Наконец, в губерниях Черниговской и Полтавской, где после присоединения Украины к Р. действовал древний Литовский статут (см.) в вопросах семейного и наследственного права, правила этого статута отчасти сохранили силу и в XIX веке, и можно было еще накануне революции в X томе гражд. законов читать особые статьи для Черниговской и Полтавской губерний по линии семейного права и наследования, заимствованные из Литовского статута.

Все сказанное о законодательстве для стран, приобщенных к составу Российской империи, которая вела в XIX веке беспощадную национализаторскую политику, пытаясь стереть все признаки самостоятельной культуры в отношении этих стран и подчинить их единому политическому режиму империи, кажется каким-то

противоречием и отдает неожиданным либерализмом. Более того, казалось бы, что именно в области гражданского договорного права объединение законодательства прямо диктовалось интересами единства оборота и, следовательно, диктовалось интересами промышленности как этих стран, так и всей Р., а также интересами торгового класса. Однако, нам уже неоднократно приходилось отмечать, что наше гражданское законодательство в основном постоянно отражало преобладающую роль дворянского класса и помещичьего землевладения. И вот обособленность местных гражданских законов является в первую очередь данью уважения к своеобразию имущественных прав на недвижимость крупного помещичьего землевладения этих стран. К этому классу, в целом поддерживавшему монархию, наш законодатель обычно относился с большой предупредительностью и вниманием и в этих странах.

Возвращаясь к характеристике гражданских и торговых законов Р. в конце XIX века, нужно отметить, что общий дух как X тома законов гражданских, так и Устава торгового свидетельствовал о крайней отсталости нашего гражданского и торгового законодательства, которое, несмотря на повторные издания и частичные дополнения, сохранило в основном тот уклад помещико-дворянского хозяйства, который оно отражало главным образом при первом издании Свода законов в 1832 году.

Это обстоятельство поставило перед правительством вопрос о необходимости издания более современного гражданского уложения. В 1881 году высочайшим указом была организована особая комиссия по разработке проекта гражданского уложения. Работа этой комиссии протекала в недрах канцелярий вплоть до 1896—98 гг., когда она впервые опубликовала книгу 5-ую проекта, содержав-

шую нормы об обязательствах. Затем, в 1905 г. публикуется весь проект гражд. уложения в составе и вещного, семейного и наследственного права, и, наконец, в 1912 г. министерство юстиции официально вносит в Государственную думу опять-таки только проект книги 5-й уложения об обязательствах и договорах.

Если кодификационное творчество Сперанского вдохновлялось преимущественно французским кодексом 1804 г. и австрийским гражд. уложением 1811 г., то авторы проекта Уложения, как и следовало ожидать, работали под значительным влиянием кодификационных работ по германскому гражданскому уложению, изданному в 1896 г., а также и под влиянием швейцарского обязательственного права. Отражая в области прав на недвижимость, в семейном и наследственном праве исторически сложившийся национальный уклад и не внося в них существенных изменений, авторы проекта заимствовали иногда вплоть до перевода нормы или принципы германского права в области обязательств и договорного права. В сущности, с точки зрения рационального регулирования развитого гражданского и торгового оборота в Р. это было вполне последовательно, ибо однообразие рыночных отношений в условиях развитого товарного и капиталистического хозяйства вполне допускало рецепцию опыта и форм передовых капиталистических стран в области договорного права без ущерба для «национального уклада».

Однако, несмотря на удовлетворительные качества проекта и в том виде, как он уже был опубликован в 1898 г., он и вплоть до Октябрьской революции не стал законом, и, как ни странно, лишь теоретики и профессиональные юристы проявляли к нему интерес. Что же касается торгового и промышленного

класса, то не приходилось слышать требований о замене устаревших законов спроектированным и почти готовым Уложением. Чем же это можно объяснить при явной неудовлетворительности гражданских законов Р. к концу XIX века?

Повидимому, основной причиной этого равнодушия нужно считать особое отрицательное отношение к законодательному оформлению права со стороны финансового и монополистического капитала (на рубеже XIX и XX века Р. входит именно в эту стадию капиталистического развития, см. XXXVI, ч. 4, 161 сл.). Юриспруденция Запада сценедостаточно отметила этот факт, но именно опыт Запада нас учит тому, что в отличие от эпохи свободной конкуренции, когда капиталистическая буржуазия не боялась гласности своих правоотношений и потому требовала четких и чеканных правовых форм для этих отношений, монополистический и финансовый капитал неуклонно стремится законспирировать сущность своих внутрикартельных отношений, а также и тех внешних договоров, которые крупные монопольные магнаты заключают между собой в целях укрепления монополий или усиления эксплуатации распыленных масс потребителей. Финансовый капитал избегает судиться в общих судах, создает подчас свои даже подпольные судилища и всячески избегает огласки сущности своих договоров, часто придавая правоотношениям фиктивную или заведомо замаскированную форму. В такую эпоху четкое регламентирование типичных отношений капитализму отнюдь не по душе. И можно с уверенностью сказать, что ни крупным банкам в Р., ни иным магнатам промышленности и торговли гражданский и торговый кодексы вообще не были нужны. Свобода договоров обеспечивала им возможность диктовать необходимые им правовые положения.

а кассационная инстанция в Сенате, весьма чуткая к нуждам промышленности и крупного капитала, при содействии группы влиятельных столичных адвокатов-дельцов, вполне обеспечивала и правотворческую инициативу судов и достаточное их приспособление к интересам и нуждам капитала, если почему-либо старое законодательство чинило какие-либо препяты. И, как ни странно, но в заключение и это нужно отметить, — для торгово-промышленного оборота устарелые нормы русского гражданского и торгового свода никогда почти не представляли серьезных затруднений или препятствий.

Последние перемены в общем содержании гражданского законодательства мы наблюдаем в период 1905-14 гг. В этом отношении нужно отметить известный указ 5-го октября 1906 г., изданный царским правительством под давлением революционных событий. Этим актом правительство отменяло паспортную систему и контроль сельской общины над свободой передвижения крестьянства. Этим актом по линии гражданской правоспособности уничтожались последние остатки феодального крепостничества и устанавливалось формальное равноправие перед лицом гражданского закона и гражданского оборота крестьянства. Теперь наследием мрачной сословной монархии и национальной травли в области гражданской правоспособности сохранялись лишь меры в отношении «лиц иудейского вероисповедания», которым и после 1906 г., в виде правила, воспрещалось приобретать недвижимость вне пределов черты оседлости и даже вне пределов городов внутри пресловутой черты оседлости (см. XIX, 483 сл.).

Быстрое развитие промышленного капитализма сказалось и в уравнении имущественных прав замужней женщины. Если наше законодательство уже с самого начала во взаимоотно-

шениях мужа и жены при жизни признавало полное имущественное равноправие супругов, то в области наследства права наследования вдовы были резко ограничены. Сохранались и некоторые ограничения по праву заниматься торговлей для замужней женщины. Эти ограничения уничтожил особый закон, принятый Государственной думой в 1912 г. (см. XX, 175/76, прил. 48).

Особое внимание проявила Государственная дума также и к авторскому праву. По этой части в 1911 г. издается обширный закон вполне современного типа, широко оградивший все виды авторства и, между прочим, регулировавший и издательский договор (см. XXXIII, 245 сл.).

Таким образом, накануне Октябрьской революции пестрое и устарелое гражданское законодательство Р. не служило препятствием к развитию правоотношений, отражавших в городе и деревне сложное развитие капиталистических отношений и той борьбы и эксплуатации, которые порождаются капиталистической системой. В конце концов, если отместить чисто исторические и случайные наслоения в русском договорном и обязательственном праве конца XIX и начала XX века, то сущность этого права лишь подтверждала факт специфического развития правовых форм в условиях капиталистического хозяйства.

II. *Крестьянское обычное и гражданское право в XIX в. и в начале XX в.* Здесь мы будем говорить о том правопорядке, о тех правовых нормах обычного или писаного права, которые являлись основой или оформляли своеобразные имущественные отношения, в которых состояло или в которые вступало крестьянство в XIX в. между собой или как участники рыночного, т.-е. гражданского оборота.

В нашей теме нужно различать два периода: эпоху крепостного пра-

ва и затем эпоху после реформы 1861 года.

1. Как известно, после мероприятия Екатерины II, к началу XIX в. крепостной правопорядок принял в Р. формы, уходявшие далеко от крепостного права, как его на столетие или на два раньше знали страны европейского континента. Феодальный характер и русского крепостного права в начале XIX века проявлялся в специфическом для феодализма сочетании вотчинных прав помещика с правами государственного управления, ибо несомненно, что наши помещики являлись одновременно и низшей ячейкой правительства в деревне, имея всю полицейскую власть над крестьянством, взимая с него подати в пользу государства, поставляя рекрутов и выполняя функции гражданского и уголовного судьи с правом применения телесного наказания и даже ссылки. Однако, здесь кончается сходство русского крепостного права начала XIX века с западным крепостным правом XVII и XVIII вв. Права русских помещиков шли гораздо дальше: они заключались в том, что крестьянин уже не был прикреплен к земле, а принадлежал помещику как вещь, как рабочая сила, которую помещик мог продавать и независимо от земли. Так, в дореформенном законе о состояниях (ст. 1068, т. IX) прямо указывалось, что крепостные люди перекрепляются от одного владельца к другому «на основании общих правил о переходе частной собственности». Тот же закон допускал и принудительное отчуждение крестьян без земли (ст. 1040). Наконец, достаточно указать на особую многочисленную группу крепостных крестьян, неизвестных Западу — на дворовых, которые вообще не пользовались землей и обслуживали лично помещика, чтобы сказать, что после Екатерины крестьянин был в сущности рабом помещика (см. об

этом подробнее А. Э. Вормс, «Реформа крест. землевлад.», стр. 23 и сл.). Именно эта рабская, чисто личная, помимо земли, зависимость помещичьих крестьян отличала их положение от положения крестьян государственных, знавших в эпоху крепостного права феодальное прикрепление к земле с барщиной, оброком и т. п., но не знавших личного рабства.

И все же, несмотря на то, что в эту эпоху частновладельческий крестьянин в сущности уже являлся не субъектом, а простым объектом права, при чем по закону крестьянин даже не мог обращаться в суд ежаლობой на помещика (см. ст. 175 закона судопроизводства гражд., т. X, до реформы 61-го года), несмотря на все это, уже и в ту эпоху можно отметить участие крестьянского двора и отдельных крестьян в общем гражданском обороте. Это утверждение верно не только в отношении крестьян, отпущенных на волю или «вольных хлебопашцев» эпохи Александра I, или, наконец, крестьян государственных или удельных, оно верно и в отношении частновладельческих крестьян. Так, например, в том же дореформенном Уставе о сельском состоянии прямо указывалось, что крестьяне пользуются всеми семейными правами на общем основании законов, и лишь для вступления в брак требовалось согласие помещика. Более того: по ст. ст. 1138 — 1146 дореформенного тома IX, по ст. 1105 т. X и т. д. крестьяне могли приобретать в собственность земли, дома и лавки, могли получать таковые по наследству и могли даже учреждать фабрики и заводы, заниматься различными промыслами, давать деньги в заем и т. п. Следовательно, формально даже частновладельческие крестьяне и в начале XIX века могли быть участниками общего гражданского оборота и поль-

зовались известной правоспособностью. Правда, все эти права зависели от разрешения и согласия помещика. Эта парадоксальная возможность быть даже владельцем капиталистического предприятия, оставаясь рабом помещика, получала свое осуществление и на практике. Основой для этого был перевод крестьянина, уходившего на промысел, на оброчные платежи. Так, например, материалы Останкинского музея под Москвой, повествующего нам историю крепостного хозяйства графов Шереметевых, владевших свыше 250 тыс. крепостных душ, показывают нам пример отпуска крепостных крестьян на всевозможнейшие промыслы и предприятия, при чем некоторые из них достигали размеров крупных капиталистических предприятий. Со всех таких крепостных предпринимателей управление шереметевскими именными взыскивало денежный оброк, построенный на началах подоходного налога, несомненно более совершенного с технической стороны, чем налоговая техника государства того времени в отношении торгового сословия.

Правда, в эпоху крепостную указанные случаи чрезвычайно редки и касались только кулацкой головки. Но несомненно, что и остальная крестьянская масса, по мере проникновения в деревню, еще до реформы 1861 года, рыночных отношений и денежного хозяйства, знала гражданско-правовые отношения (купля-продажа движимости, заем, наем и т. д.), а также и правоотношения, возникавшие внутри семьи-двора, как трудового союза, при смерти главы семьи, при семейных разделах, при выдаче замуж дочерей (приданое) и т. д. Правда, что споры на почве семейных правоотношений у частно-владельческих крестьян разрешались не судами, а самим помещиком, но все же уже здесь на поч-

ве полунатурального и полурыночного хозяйства начинали складываться те типы отношений, которые мы затем наблюдаем после реформы 1861 года. Еще ярче это обнаруживается у государственных крестьян, семейные отношения и наследственные отношения которых и в эпоху крепостного права были подсудны особым крестьянским судам. Не даром наиболее сложившееся обычное право в этой области наши исследователи обнаруживали в наших северных губерниях—Архангельской, Вологодской, Вятской и т. д., почти не знавших помещичьего землевладения.

2. Как известно (см. XXXVI, ч. 4, 353/54 сл.), реформа 1861 года отнюдь не ставила крестьянства, или, выражаясь языком закона того времени, «сельских обывателей», в положение, равноправное с другими сословиями. Не только административная, но и гражданско-правовая сословная обособленность крестьянства по идее реформы в определенной мере должна была сохраниться даже и после прекращения «временного-обязанного состояния», даже после погашения выкупных платежей (см.), когда по букве закона как будто бы выкупленная земля должна была стать собственностью—или общины, или, при подворном владении, отдельного крестьянина (см. ст. 159 Полож. о выкупе). Сначала, в целях обеспечения поступления выкупных платежей и в связи с установленной круговой порукой, «освобожденный крестьянин» был прикреплен к сельскому обществу, без разрешения которого он не мог не только переменить профессию и уехать на постоянную работу в город, но не мог даже и отправиться временно на подсобный промысел. Это прикрепление к сельскому обществу сохранилось вплоть до издания закона 5 окт. 1906 г., лишая крестьянство существенной предпосылки полной гражданской пра-

воспособности, а именно—свободы передвижения и свободы выбора профессии. Далее, хотя право общины или отдельного крестьянина на землю, как на основную базу крестьянского хозяйства, признавалось по закону правом собственности на общем основании законов гражданских (см. ст. 159 Положения о выкупе), однако за крестьянскими землями, полученными в порядке надела по реформе 1861 г., вплоть до Октябрьской революции было сохранено свойство «надельных земель», которые даже после погашения выкупных платежей могли отчуждаться только крестьянину же, которые могли закладываться только в Крестьянском банке и в отношении которых не допускалось обращения принудительного взыскания по долгам крестьянина (см. ст. 19 и 20 Общ. пол. о крест.).

Наконец, сословная обособленность крестьянства сказывалась и поддерживалась особенно ярко вплоть до революции существованием особых крестьянских волостных судов, в которых разбиралась основная масса всех крестьянских гражданских правоотношений. В силу этого волостным судам, в особенности после реформы 1889 г., были подсудны, в первых, все споры крестьян между собой о надельной земле и об имуществе крестьянского двора, затем все споры о наследовании в усадебном имуществе и, наконец, все споры по всяким отношениям на сумму до 300 рублей (см. ст. 125 Общ. пол.). Таким образом, можно смело сказать, что почти весь гражданский оборот между крестьянскими хозяйствами и внутри крестьянского двора был подсуден особому сословному крестьянскому суду. И вот особенностью этого крестьянского суда было то, что он, согласно ст. 107 Общего положения о крестьянах, решал дела «на основании местных обычаев и правил, принятых в крестьянском быту». Это

означало, что для большей части имущественного оборота, в котором участвовали только крестьяне, в устранение общего гражданского законодательства устанавливалось действие неких особых правовых обычаев. На неприменимость общегражданских законов и на применение местных обычаев Общее положение о крестьянах специально также указывало в отношении порядка наследования, семейных разделов и проч. (ст. 13). На этой почве и возникал основной вопрос, горячо интересовавший русских юристов в XIX веке, а именно: в какой мере в действительности существовало это своеобразное обычное право и в какой мере русское крестьянство, по мере вовлечения его в общие рыночные отношения и по мере классового расслоения внутри самого крестьянства, пользовалось общими нормами гражданского законодательства страны. Вполне четкую картину в этом отношении можно дать, лишь коснувшись в отдельности наиболее характерных правовых институтов, определяющих имущественный строй крестьянского хозяйства той эпохи.

(1). В первую очередь вопрос о применении обычного права мог возникнуть в отношении определения *прав крестьянского двора на землю* в условиях общинного землепользования. Как известно, вопрос о том, сохранять ли общинное землепользование или дать преимущество подворному, вызывал горячие споры в среде комиссий, работавших над реформой 1861 года. Славянофилы и западники, Самарин и Кошелев, с одной стороны, Н. Милютин и отчасти Черкасский, с другой стороны, вели сложные дебаты по этому вопросу. Как известно, реформа 1861 г. разрешила эти споры в том смысле, что в губерниях великорусских было сохранено общинное землевладение с тем, что надельная земля поступала

в собственности общины. Наоборот, в губерниях малороссийских и западных в основу было положено подворное землевладение, так что выкупаемая земля становилась здесь единоличной собственностью подворника. Нас в данном случае, как мы указали выше, не интересует вся сложная система построения прав общины, функции сельского общества как органа административного и т. д. Нас интересуют здесь лишь права отдельного крестьянского двора на пользование землей при общинном землевладении. И в этом отношении нужно отметить, что Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, уже в редакции 1861 г. широко регламентировавшее в законодательном порядке все те вопросы, которые обеспечивали контроль правительства над общиной, власть общины над крестьянином и отношения сельской общины и земельного общества к третьим лицам и государству, — это Общее положение не давало никаких конкретных материальных норм, которые определяли бы основы разверстки общинной земли, основы земельных переделов и проч. Все это односторонне решалось усмотрением сельского схода, и крестьянин по этому вопросу даже не мог предъявлять к обществу гражданского иска, ибо сельский сход сам по закону был первой инстанцией, решавшей этот вопрос. Лишь в порядке обжалования в уездный съезд и в губернское по крестьянским делам присутствие была возможна жалоба в административном порядке. Таким образом, в вопросах определения оснований для разверстки общинной земли при переделах и открывался широкий простор для применения крестьянского «обычного» права. Напомним, что именно по поводу внутри-общинных отношений наши народники и считали общину формой, благодаря которой русское

крестьянство сумеет перейти к социализму, минуя капитализм. Начиная с горячих статей Чернышевского в 70-х годах (см. «Отечественные Записки» 1859, т. VI) и кончая книгой с.-р. Качоровского («Народное Право», 1906), народническая мысль, анализируя земскую статистику, практику уездных съездов и всевозможных комиссий, пыталась зафиксировать существование в крестьянской среде четко складывающегося и конкретного «права на труд» в общине, которое якобы должно было обосновывать и дать возможность выявить точные нормы наиболее справедливых и уравнительных переделов, разверсток и т. п. (ср. XXXVIII, 69 сл.). Уже в 1870-х годах мечты народников, веривших в существование в этой области общерусского обычного права, резко оспаривались западниками. Но сокрушительный удар народничеству в этом отношении был нанесен В. И. Лениным (см. выше *аграрный вопрос в Р. в конце XIX века*, XXXVI, ч. 4, 178 сл.). Лучшей иллюстрацией правоты В. И. Ленина являлся ход законодательства о внутренних отношениях в общине. Как известно, уже при реформе 1861 г. весьма остро был поставлен вопрос о праве отдельного двора выкупить свою долю в общине и выделить ее в личную собственность. Правда, в этом отношении в законодательстве 1861 г. было противоречие. В то время как в 1-й части 165 ст. Пол. о выкупе укрепление общинной земли в единоличную собственность членов общины возможно было лишь по постановлению двух третей сельского схода, вторая часть ст. 165 Положения о выкупе предоставляла каждому двору в отдельности требовать выделения из общины независимо от согласия сельского схода, при условии погашения выкупного долга. Правда, 2-я часть этой статьи была отменена в 1893 г. Но, как известно, указ

11 ноября 1906 г. (см. XXIX, 618'), принципиально ликвидировавший общину и установивший преобладание единоличного землевладения, опирался именно на эту статью и на аналогичную ст. 12 Общего пол. о крестьянах. Следует также напомнить, что и закон 1896 года, разрешавший общине переделы не чаще чем каждые 12 лет, также обнаруживал тенденцию к закреплению земельных участков за отдельными дворами. Таким образом, мы можем сказать, что в вопросах о внутриобщинных отношениях наличие некоего обычного права объяснялось лишь медленностью вращивания крестьянства в обще-рыночные отношения. Классовая дифференциация внутри крестьянской общины, все более нараставший переход от натурального к товарному хозяйству вытесняли эти смутные нормы обычного права и все больше укрепляли торжество общих принципов единоличной частной собственности так, как она была дана в общих гражданских законах Р. и как ее знает весь буржуазный мир. В этом отношении нужно сказать, что в окончательном своем итоге, как и предугадывал это уже Ленин, процесс расслоения крест. хозяйства и окончательная судьба крестьянского землевладения в районах подворного землепользования мало чем отличались от районов с общинным землевладением. И это тем более понятно, что сравнительная мощь отдельного крестьянского хозяйства определялась отнюдь не только участком наделенной земли, которым оно пользовалось. Ленин прямо указывал, что дифференциация крестьянского хозяйства в значительной мере зависела от количества рабочего скота, от наличия сельскохозяйственного инвентаря, денежных средств и т. д., которыми крестьянин владел на правах индивидуальной частной собственности, даже и в том случае, когда уча-

сток земли его предоставлялся ему общиной. На этой почве дальше и развивалась не только скупка богатыми крестьянами земли со стороны, но и всевозможные формы кабальных сделок, которые в той или иной форме передавали часть общинных земель в руки кулацких хозяйств (см. выше *аграрный вопрос в Р. в конце XIX века*).

(2). Другой обширной областью, которая согласно Общему положению о крестьянах (ст. 13) была предоставлена обычному праву, была *семейная собственность*, или, точнее, *собственность двора* не только на земельный участок, но и на весь *инвентарь*, который входил в состав хозяйства этого двора. Именно внутрисемейные отношения в крестьянском дворе, как трудовом союзе, ведущем отдельное хозяйство, семейные разделы, прием членов со стороны, наследование и т. д., согласно Общему положению о крестьянах, разрешались на основании обычаев с прямым устранением законов гражданских, установленных в X томе для других сословий. Несомненно, что здесь действительно была область широкого применения обычного права. Исследования Пахмана, Ефименко, Якушкина и др., оперировавших главным образом материалами обследования великорусских и особенно северных губерний, несомненно свидетельствовали о том, что быть может на почве внутрисемейных отношений крестьянское правосознание смело наиболее законченно сложить некие нормы правового характера. В свою очередь, и первый департамент царского сената развил широкую практику, фиксировавшую целый ряд норм в этой области. Однако, и здесь в конце концов, как указывал уже опыт развития семейной собственности на Западе, своеобразие обычного права определялось тем, что в известный период экономического развития в

лице крестьянского двора мы имели особый трудовой коллектив, особый трудовой союз, в силу чего и взаимоотношения членов двора не могли складываться так, как складывались правоотношения членов буржуазной семьи, занятых каждый своим делом и связанных лишь личными кровными отношениями. Поскольку взрослые члены двора совместным трудом участвовали в общем хозяйстве, естественно, это хозяйство должно было принадлежать им в совокупную собственность, а поскольку была налицо семейная собственность, не могло быть речи о наследовании при смерти одного из членов двора, и даже главы семьи, и его доля прямо прирастала остальным работникам двора. Отсюда, далее, и казавшиеся столь оригинальными нормы крестьянского обычного наследственного права, в силу которых, например, неотделенные сыновья обыкновенно устраняли при наследовании дочерей, в особенности замужних, или в силу которых, наоборот, зять, принятый во двор (примак), наследовал преимущественно перед сыном, выделенным или ушедшим работать на сторону. Все эти правоотношения было бы весьма трудно обобщить в законченных нормах, ибо многое здесь, как показывает практика волостных судов и материалы бесчисленных комиссий, изучавших вопрос, зависело от местных условий и в конечном счете от характера производственных отношений. Крупные крестьянские дворы на севере в условиях полунатурального хозяйства, естественно, давали в этом отношении иные формы, чем мелкие дворы средней полосы в условиях быстро надвигавшегося товарного хозяйства и ликвидации натурального хозяйства. Наконец, хозяйство крестьянского двора в степной полосе с его относительно богатым инвентарем и земельным простором, легко допускавшим дроб-

ление двора в условиях развивавшегося товарного хозяйства, давало нам в значительной степени иную картину быстрого разложения семейной собственности и развития индивидуальной собственности. Нужно отметить, что царское правительство в 90-х годах считало семейную собственность одним из устоев крепости крестьянского хозяйства, и потому, между прочим, по инициативе министра внутренних дел Д. Толстого, в 1893 году издается закон, ставящий семейные разделы под контроль сельского схода и затрудняющий таковые.

В свою очередь и сенатская практика пыталась углубить начало семейной собственности и занималась правотворчеством под предлогом фиксации якобы крестьянского обычного права. Однако, сенатская практика не замечала одного явления. Она не различала двора, возглавленного отцом (простая семья), и двора сонаследников; она не замечала, что в простой семье личная власть отца неизбежно приводила к тому, что он становился единоличным распорядителем хозяйства, и что даже практика волостных судов, неуловно повторяя процесс, разрушавший семейную собственность на Западе, признавала право отца единолично распоряжаться имуществом двора и лишь в вопросах наследования ограничивала его свободу распоряжения. Зато концепция семейной собственности еще долго служила основанием для защиты фискальных интересов, признавая члена двора, даже покинувшего деревню и ушедшего работать в город, ответственным по обязательствам двора (см. ст. 290 Общ. пол.). Резкое изменение в вопросе о семейной собственности у крестьян пыталась ввести столыпинская реформа. Указ 9 ноября и последовавший затем закон 14 июня 1910 г. (см. XXI, 179/80, прил. 6/12) прямо указывали, что от-

ныне в простой семье укрепление земельных участков должно производиться в единоличную собственность главы семьи (ст. 2) и семейная собственность сохранялась лишь для семьи сонаследников (ст. 48), взаимоотношения которых по-прежнему, за отсутствием указаний в законе, должны были определяться обычаем. Крестьянский двор, как трудовой союз или трудовой коллектив отца и детей, по условиям крестьянского хозяйства продолжал существовать не только в начале XX века, но и после Октябрьской революции, а в силу этого и двор продолжал существовать как собственник обособленного крестьянского хозяйства. Это положение, как известно, было признано и советским земельным кодексом, который в ст. 67 прямо установил, что право на землю, находящуюся в трудовом пользовании двора, а также право на постройки и сельскохозяйственный инвентарь принадлежит всем членам двора в полном его составе, независимо от пола и возраста. Таким образом в этой области наличие своеобразного крестьянского обычного гражданского права, не кодифицированного до революции, несомненно.

(3). Наконец, вопрос о своеобразном крестьянском обычном праве возникал в практике волостных судов и при разборе договоров и сделок между крестьянами. Как мы указали выше, и в этой области, по крайней мере по закону, властной суд должен был применять обычай. Однако, в данном случае существование таких обычаев вызывает и вызывало наибольшие сомнения. Дело в том, что крестьянство, по мере вовлечения его в обще-гражданский оборот, вступало в сделки не только между собой, но и с лицами из других сословий. В последнем случае договоры и сделки, независимо от их суммы, были подсудны не волостному суду, а обще-гражданским судам, которые

уже применяли не обычай и тем более не крестьянский обычай, а писаные законы, гражданские и торговые. Таким образом крестьянство вообще и в особенности его кулацкая верхушка, задававшая тон в волостных судах, неизбежно приобщались к общим гражданским законам. Уже это обстоятельство ставило под сомнение возможность существования особого обычного крестьянского договорного права. Но затем и сама экономика исключала возможность такого явления, ибо, втягиваясь в товарные отношения, крестьянство неизбежно пользовалось куплей-продажей и вообще теми формами меновых отношений, которые во всех странах, по мере появления рынка и товарных отношений, складываются однообразно. Конечно, и здесь местные условия, а иногда и объем операций, наконец техническая отсталость деревни требовали порой несколько своеобразных условий, но по существу нужно признать, как об этом свидетельствует и исследование практики волостных судов, что особого обычного договорного права и в Р. XIX века не сложилось. И в этом отношении очень любопытно мнение большинства уездных и губернских комитетов, созданных в 1903 и 1904 гг. по инициативе особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (см. «Крестьянский правопорядок», изд. Риттиха, 1904), которое указывало на то, что за исключением узкой сферы правоотношений внутри крестьянского двора предоставление волостному суду судить не по закону, а по некоему обычаю приводило к произволу волостного писаря или самих судей и что в целях создания прочной правовой базы для развития крестьянского хозяйства необходимо и здесь перейти к писаному закону. Проект такого закона о договорах и вообще проект своеобразного граж-

данского кодекса для крестьян и пыталась составить особая редакционная комиссия по пересмотру законоположения о крестьянах, работавшая при министерстве внутренних дел в 1903 г. («Труды редакц. комиссий по пересмотру законопол. о крестьянах», 1903). Однако, предположения этого проекта были сметены надвинувшейся аграрной революцией 1905 г. Последовавшая после нее столыпинская земельная реформа, а равно и реформа местного суда шли уже пе-

ликом под лозунгом максимального ограничения сферы действия обычного права и внедрения в деревню общих норм гражданского права и, главным образом, общих принципов единоличной собственности во имя укрепления кулацкой верхушки крестьянства, в которой царское правительство и русская буржуазия пытались найти опору в борьбе против надвигавшейся социальной революции.

В. Шретер.

(Продолжение в следующем томе).
